ОТЪ АВТОРА.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАСКОЛА

НА

ВѢТКѢ И ВЪ СТАРОДУБЬѢ

XVII—XVIII ВВ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

М. И. ЛИЛЕЕВА.

ВЫПУСКЪ I.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., домъ № 4.
1895.

Печатано съ разрѣшенія Конференціи Института Кн. Безбородко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Вѣтковскій и Стародубскій расколъ давно уже обратилъ на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей, такъ какъ этотъ центръ поповщины по преимуществу имѣлъ не мѣстное лишь только значеніе, но и общерусское. Кромѣ того, онъ имѣлъ обширное и колонизаціонное значеніе для Бѣлоруссіи и сѣверной Малороссіи, юго-западной и западной Россіи, усиливая здѣсь коренную русскую основу населенія. Не смотря на то литературная его исторія очень бѣдна цѣнными научными пріобрѣтеніями, что видно и изъ того, что до послѣдняго почти времени при изученіи начальной судьбы его довольствовались только тѣми историческими свѣдѣніями, которыя обращались и обращаются въ нашей исторической литературѣ по расколу на основаніи „*Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*“ Ивана Алексѣева, безпоповщинскаго историка, написавшаго свою исторію еще въ 1755 г., и „*Полнаго историческаго извѣстія о раскольникахъ*“ Андрея Іоаннова Журавлева, С.-Петербургскаго единовѣрческаго протоіерея, трудъ котораго появился въ концѣ прошлаго вѣка и выдержалъ уже шесть изданій. Оба эти историческія произведенія пользовались непререкаемымъ авторитетомъ у всѣхъ нашихъ писателей, касавшихся такъ или иначе исторіи раскола вообще и Вѣтковскаго и Стародубскаго въ частности. Такое отношеніе къ нимъ встрѣчается напр. у А. Н. Муравьева, преосвященнаго Макарія, Щапова, Черниговскаго архіепископа Филарета Гумилевскаго, П. И. Мель-

никова, протоіерея Верховскаго, Доброгаева и др., за нѣкоторыми впрочемъ незначительными исключеніями, какъ увидимъ ниже. Между тѣмъ оба эти произведенія далеко не всегда свободны отъ предвзятыхъ взглядовъ, отъ преднамѣренной тенденціозности ихъ авторовъ, каждаго въ своихъ видахъ, а потому и сообщаемыя ими свѣдѣнія далеко не всегда отличаются „самою точною справедливостію“, какъ о нихъ обыкновенно говорили и говорятъ еще нерѣдко наши историки раскола.

Относительно Ивана Алексѣева необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Онъ, какъ безпоповщинскій писатель, написалъ свою „Исторію о бѣгствующемъ священствѣ“ съ тенденціозною цѣлью—доказать незаконность бѣгствующаго іерейства самой исторіей его первыхъ отцовъ, почему и выставилъ какъ общее положеніе, какъ общій и якобы единодушный завѣтъ первыхъ раскольничьихъ отцовъ на Вѣткѣ всѣмъ по нимъ наставшимъ то, чтобы они всячески сохраняли и оберегали себя „отъ новаго рукоположенія“. Отсюда объясняются и его ожесточенные нападки на всѣхъ преемниковъ Ѳеодосія Ворыпина, отъ котораго будто-бы получилъ начало обычай принимать „новопоставленное“ священство, расколовшій самый расколъ на двѣ половины—поповщину и безпоповщину, и рѣзкая ихъ характеристика по сравненію съ первыми отцами. „Оніи іереи быша ревнители благочестія древняго, сіи чествованія мірскаго. Оніи утѣшающеся въ дусѣ, сіи же въ бреосѣ“...

Протоіерей А. І. Журавлевъ въ концѣ прошлаго вѣка собралъ въ Стародубьѣ много любопытныхъ матеріаловъ для исторіи мѣстнаго раскола, на основаніи которыхъ и составилъ свою замѣчательную книгу, доселѣ не потерявшую значенія, по богатству собранныхъ въ ней фактическихъ данныхъ и извѣстій о расколѣ вообще и мѣстномъ, Вѣтковскомъ и Стародубскомъ, въ частности. Къ сожалѣнію, личныя мнѣнія и отзывы почтеннаго прото-

іерея не всегда отличаются историческимъ безпристрастіемъ и точностію, умѣренностію и справедливостію. Черезъ все его произведеніе красною нитью проходитъ та предвзятая мысль, что въ расколѣ, какъ поповщинскомъ, такъ и безпоповщинскомъ, все одинаково дурно, а въ православіи—все одинаково хорошо, что мѣстные слобожане-раскольники, поповцы по преимуществу, особенно на первыхъ порахъ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., были совершенными невѣждами въ религіозномъ отношеніи, не имѣли ни молитвенныхъ храмовъ, ни пастырей, жили какъ скоты, ничего не зная и ни о чемъ не помышляя. Врядъ-ли однако эта мрачная характеристика мѣстнаго раскола соотвѣтствуетъ строгой исторической правдѣ, и скорѣе есть только полемическій пріемъ во вкусѣ противо-раскольнической полемики прошлаго вѣка. Да и снята эта мрачная картина повидимому не съ религіозной жизни раскольниковъ—поповцевъ, преимущественно жившихъ на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ, а съ жизни безпоповцевъ, изъ которыхъ вышелъ и самъ протоіерей А. І. Журавлевъ и внутренній бытъ которыхъ потому ему естественно былъ болѣе извѣстенъ [1]). Поповцы, какъ такіе, потому такъ и назывались, что всегда имѣли своихъ бѣглыхъ поповъ и желали ихъ имѣть какъ духовную власть надъ собою. Только этимъ единственнымъ соображеніемъ и можно объяснить то, что они употребляли всяческія средства, чтобы добыть себѣ бѣглыхъ поповъ, и что почти полтора вѣка употребили на то, чтобы отыскать себѣ старообрядческое епископство. Совсѣмъ не такъ относились къ установившимся церковнымъ преданіямъ и формамъ безпоповцы, раздѣляющіеся, какъ и поповцы, на разныя фракціи, болѣе

[1]) Въ старообрядческой рукописной литературѣ давно уже заподозрѣны отзывы и приговоры о раскольникахъ о. Журавлева, напр. въ «Обличеніи на протопопа Большія Охты», рукоп. Хлудов. библ., № 302.

или менѣе отличающіяся между собою. Эти послѣдніе въ незначительномъ числѣ жили на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ и въ первой половинѣ прошлаго вѣка; но о нихъ почтенный протоіерей говоритъ только между прочимъ, по тому или другому поводу. Такъ относились къ мѣстнымъ безпоповцамъ по большей части и послѣдующіе изслѣдователи мѣстнаго раскола.

Отзывъ о. Журавлева о Вѣтковскихъ и Стародубскихъ раскольникахъ такъ прочно установился въ нашей литературѣ, что имъ почти исключительно до послѣдняго времени ограничивались всѣ наши историки раскола, не обращая особеннаго вниманія на внутреннюю неправдоподобность и неприложимость его къ раскольникамъ-поповцамъ. Ни какихъ другихъ источниковъ въ данномъ случаѣ не указано и въ „Исторіи русскаго раскола" преосвященнаго Макарія (Спб. 1855 г., вт. изд. 1858 г.) и въ „Историческихъ очеркахъ поповщины" П. И. Мельникова (М. 1864), какъ и въ недавнихъ статьяхъ „О первыхъ временахъ раскола въ Стародубьѣ" г. Доброгаева, напечатанныхъ въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ за 1884 и 1887 гг. Вотъ почему всѣ эти три сочиненія, какъ и сочиненія протоіерея Т. Верховскаго (Стародубье. Казань, 1874. Т. А. Верховскій. Записки о его жизни, составл. имъ самимъ. Спб., 1877) могутъ имѣть значеніе лишь по провѣркѣ и сличенію ихъ съ другими, болѣе внушающими къ себѣ довѣрія, данными. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ статья архіепископа Филарета Гумилевскаго: „Историческія свѣдѣнія о раскольникахъ Черниговской епархіи", напечатанная первоначально въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи, а потомъ перепечатанная и въ „Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи" 1873 г., кн. I, стр. 123—152. Въ этой статьѣ, наравнѣ съ данными, заимствованными изъ книги о. Журавлева, какъ и изъ „Исторіи" Ивана Алексѣева, приведены довольно зна-

чительныя извлеченія и изъ другихъ источниковъ, рукописныхъ и архивныхъ, главнымъ образомъ изъ архивнаго богатства Черниговской духовной Консисторіи. Обращено нѣкоторое вниманіе и на мѣстную безпоповщину и отдѣльныя ея отрасли въ предѣлахъ Стародубья. Къ сожалѣнію, здѣсь преслѣдовалась главнымъ образомъ болѣе цѣль „назиданія мѣстнаго раскола", выдвигались болѣе „безпорядки, роившіеся въ расколѣ отъ недостатка правленія святительскаго", чѣмъ безпристрастное и научное изученіе его.

Весьма важнымъ дополненіемъ и поясненіемъ къ статьѣ архіепископа Филарета служитъ статья А. М. Лазаревскаго, новаго историка Малороссіи, подъ заглавіемъ: „*Раскольничьи слободы*". Она составляетъ послѣднюю главу его книги: „Описаніе старой Малороссіи" (т. I. Стародубскій полкъ. Кіевъ. 1889 г., стр. 440—465). Г. Лазаревскій прежде всего разсказываетъ общую исторію стародубскихъ раскольничьихъ слободъ, не всегда впрочемъ точно и опредѣленно; затѣмъ сообщаетъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія о каждой изъ нихъ, на основаніи главнымъ образомъ архивныхъ дѣлъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій и даже кое-какихъ частныхъ раскольничьихъ бумагъ, напр. сборника бумагъ Ак. Карташова о Клинцовской типографіи, и тѣмъ значительно дополняетъ свѣдѣнія о мѣстномъ расколѣ „Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи", въ которомъ также было собрано не мало архивныхъ данныхъ. Особенно цѣнны въ данномъ случаѣ такъ называемые *осадные листы* и другіе относящіеся къ первоначальному поселенію раскольниковъ въ Стародубьѣ акты. Вообще въ этой сравнительно небольшой по объему главѣ сведены у автора весьма интересныя данныя, какъ объ условіяхъ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ Стародубьѣ, такъ и о дальнѣйшемъ ростѣ раскольничьихъ слободъ, торговлѣ и промыслахъ слобожанъ. Заслуживаетъ полнаго вниманія и

характеристика отношеній слобожанъ-раскольниковъ къ мѣстнымъ державцамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, сначала посильно интересовавшимся этими великороссійскими поселенцами, какъ и данныя объ измѣненіи этихъ отношеній съ 1716 г., когда слобожане были выдѣлены центральнымъ правительствомъ изъ состава общаго малороссійскаго управленія и суда, освобождены отъ обязательныхъ посполитыхъ отношеній къ державцамъ, при чемъ изъ владѣнія послѣднихъ были изъяты и земли, на которыхъ селились въ качествѣ „подданныхъ" раскольники, и отданы слобожанамъ. Не мало свѣдѣній о мѣстныхъ раскольникахъ разбросано и въ описаніи отдѣльныхъ поселеній Стародубскаго полка, гдѣ также первоначально селились раскольники. Нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ трудъ почтеннаго автора, будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Въ свою очередь нѣкоторыя дополненія и поясненія къ статьѣ г. Лазаревскаго, какъ и къ нашей статьѣ; „Къ вопросу о времени происхожденія Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ" (Кіев. Стар. 1889 г., авг. и сент.), сдѣланы ученымъ рецензентомъ книги г. Лазаревскаго, проф. Д. И. Багалѣемъ, въ „Отчетѣ о тридцать второмъ присужденіи наградъ графа Уварова". Спб. 1891. Стр. 92—97. Свои дополненія г. Багалѣй заимствовалъ изъ обширнаго дѣла Харьковскаго историческаго архива, № 3125, въ которомъ заключаются документальныя данныя о времени основанія раскольничьихъ слободъ, о личности осадчихъ, числѣ жителей въ слободахъ и о взимаемомъ съ нихъ окладѣ, какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Относительная цѣнность этихъ дополненій указана нами въ подлежащихъ мѣстахъ изслѣдованія.

Спеціально о Вѣтковскомъ расколѣ намъ извѣстна только одна небольшая статья г. И. Рубановскаго въ „Опытѣ описанія Могилевской губерніи", кн. I, стр. 653—678, изданномъ подъ редакціею А. С. Дембовецкаго (Мо-

гилевъ на Днѣпрѣ, 1882), подъ заглавіемъ: „Великороссы-старообрядцы". Это въ сущности этнографическій очеркъ: частное содержаніе его: мѣстность, гдѣ поселились старообрядцы и число ихъ въ Могилевской губерніи; историческія свѣдѣнія о главномъ поселеніи ихъ—Вѣткѣ; наружный типъ старообрядцевъ и нѣкоторыя черты характера; домашній быть; занятія и промыслы, обычаи и обряды; религіозныя вѣрованія и секты; единовѣріе; недостатокъ образованія у старообрядцевъ. Въ исторической своей части авторъ не идетъ далѣе „Историческаго извѣстія о раскольникахъ" о. Журавлева, котораго онъ называетъ Іоанновымъ, и „Исторіи русскаго раскола" Макарія, да и этими пособіями пользуется не всегда удачно. За то полною самостоятельностью отличается большая часть второй половины статьи, именно та часть, гдѣ авторъ говоритъ о домашнемъ бытѣ слобожанъ, ихъ жилищахъ, одеждѣ и пищѣ, занятіяхъ и промыслахъ, обычаяхъ и пр. Эти данныя лично собраны авторомъ на мѣстѣ въ 1880 и 1881 годахъ.

Не богата литература нашего предмета и спеціальными статьями по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи мѣстнаго раскола. Наиболѣе сравнительно разработанными являются два вопроса: это—вопросъ о первыхъ старообрядческихъ архіереяхъ XVIII в. и вопросъ о единовѣріи. По первому вопросу, кромѣ свѣдѣній, находящихся въ „Историческихъ очеркахъ поповщины" П. И. Мельникова, извѣстны статьи—протоіерея Т. Верховскаго—„Исканіе старообрядцами въ XVIII в. законнаго архіерейства" (Спб., 1868) и проф. Н. И. Ивановскаго: „Старообрядческіе архіереи до Амвросія" (Православ. Собесѣдникъ 1881 г., декабрь), и еще одна важная замѣтка проф. Н. И Субботина по поводу „Прошенія Вѣтковскихъ старообрядцевъ о епископѣ, поданнаго патріарху Константинопольскому въ 1731 г.", напечатанная вмѣстѣ съ прошеніемъ въ „Душеполезномъ Чтеніи" 1870 г. № 1. стр. 26—44. По воп-

росу о единовѣріи также извѣстны только двѣ статьи: во-первыхъ, „Историческій очеркъ единовѣрія“ (съ 1781 г.) М. С., изданный протоіереемъ Т. А. Верховскимъ, Спб., 1867 г., 203 стр. (рец. съ дополненіями по архивнымъ матеріаламъ Н. И. Ивановскаго, Православ. Обозр. 1867 г., № 10), и во-вторыхъ свящ. Н. Верховскаго: „Согласные и несогласные въ Черниговскихъ посадахъ въ концѣ XVIII в.“ (Странникъ 1863 г., №№ 4—5). Далеко однако не всѣ эти статьи удовлетворяютъ требованіямъ исторической точности и научнаго безпристрастія. По исторіи мѣстныхъ безпоповщинскихъ сектъ нѣтъ ни одной спеціальной статьи, кромѣ случайныхъ указаній въ сочиненіяхъ и статьяхъ покойнаго проф. И. Ѳ. Нильскаго.

Съ другой стороны, не мало документальныхъ данныхъ для исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола разсыпано въ разныхъ правительственныхъ и частныхъ изданіяхъ матеріаловъ по исторіи раскола вообще, какъ и въ другихъ изданіяхъ матеріаловъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ исторіи раскола. Кромѣ „Историко-статистическаго описанія Черниговской епархіи“, о которомъ мы уже упоминали, въ данномъ случаѣ можно отмѣтить слѣдующія изданія: „Собраніе постановленій по части раскола, состоявшихся по вѣдомству св. Синода“ (Спб., 1860) и такое же „Собраніе“ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ (Лондонъ, 1863). Сюда же надо отнести и „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ“ г. Кельсіева (Лондонъ, 1860) и VIII т. „Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ“ Варадинова (Спб., 1863), какъ и „Сборникъ для исторіи старообрядства“ Н. Попова (М. 1864—1866), не имѣющій впрочемъ для насъ особеннаго значенія, какъ по незначительности собранныхъ тамъ данныхъ для исторіи мѣстнаго раскола, такъ и потому, что г. Поповъ по большей части не указываетъ источниковъ, откуда онъ извлекаетъ свои матеріалы. Изъ изданій, не имѣющихъ прямаго отношенія къ исторіи рас-

кола, особенно цѣнные матеріалы для начальной исторіи собственно Стародубскаго раскола встрѣчаются въ двухъ капитальныхъ изданіяхъ св. Синода, именно въ „Описаніи дѣлъ и документовъ архива св. Синода“ (тт. I—VIII) и „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія въ Россіи“ (тт. I—VII). Особенно важны здѣсь документальныя данныя о противо-раскольническомъ миссіонерствѣ въ Стародубьѣ іеромонаха Іосифа Рѣшилова и первомъ раскольническомъ епископѣ на Вѣткѣ Епифаніѣ Ревуцкомъ, какъ и другія документальныя указанія о мѣстныхъ раскольникахъ. Этимъ богатымъ матеріаломъ никто доселѣ еще не воспользовался. Встрѣчаются также документальныя указанія о мѣстныхъ раскольникахъ и въ другихъ подобныхъ изданіяхъ, какъ и въ повременныхъ періодическихъ изданіяхъ, напр. въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“, Черниговскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ за старые годы и мѣстныхъ епархіальныхъ Извѣстіяхъ и т. п.

Изъ представленнаго бѣглаго обзора печатной литературы источниковъ и пособій для исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола видно, какъ бѣдна еще научно-литературная разработка этой исторіи и какъ мало сдѣлано наукой для знакомства съ расколомъ этого края. Однако сравнительная бѣдность печатной литературы въ значительной степени уравновѣшивается богатствомъ литературы рукописной и архивными дѣлами разныхъ правительственныхъ учрежденій, имѣвшихъ такое или иное отношеніе къ мѣстному расколу и раскольникамъ. Обзоръ этого рода источниковъ сдѣланъ нами въ предисловіи къ нашей книгѣ: „Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. (Кіевъ, 1893), къ которому въ данномъ случаѣ и отсылаемъ. Одно здѣсь замѣтимъ, что собственно рукописные старообрядческіе сборники имѣютъ не одно историческое значеніе, но и

литературное, такъ какъ въ нихъ, кромѣ памятниковъ собственно раскольническихъ, сохранились и памятники старинной народной двоевѣрной литературы или такъ называемой отреченной литературы, въ которой смѣшались языческія вѣрованія русской старины съ христіанскими догматами и сказаніями. Раскольники сберегли за собою литературное наслѣдіе старой Руси; отреченная литература осталась для нихъ священнымъ завѣтомъ православной старины, къ которому они любятъ прислушиваться. Не даромъ и такой знатокъ народной русской литературы, какъ покойный Н. С. Тихонравовъ, признавалъ, что „литература старовѣровъ полна высокаго историческаго интереса", и что ее надо изучать въ рукописяхъ, чтобы сообщать о ней вѣрныя и самостоятельныя данныя.

Наша задача, на основаніи всѣхъ указанныхъ источниковъ и пособій, ближайшимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы свести имѣющіяся уже данныя о мѣстномъ расколѣ въ одно цѣлое, провѣрить ихъ строго научнымъ методомъ исторической критики, сопоставить вновь открытое съ раньше извѣстнымъ, и такимъ образомъ представить возможно полную въ настоящее время картину событій, относящихся къ мѣстной исторіи раскола, въ послѣдовательной связи и съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и причинъ, породившихъ тѣ или другія явленія. Словомъ, мы сдѣлали то, что могли, чтобы представить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно выяснилось въ данную минуту. Черезъ нѣсколько лѣтъ, если опять наберется достаточное количество новыхъ данныхъ, которыя дополнятъ, объяснятъ или исправятъ то, что теперь считается достаточнымъ, подобный трудъ можетъ быть опять предпринятъ, но онъ уже сдѣлается гораздо легче, чѣмъ нынѣ. Таковъ медленный, но надежный ходъ всякаго историческаго изученія...

Глава первая.

О времени происхожденія Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ.

Давно и прочно установилось въ нашей литературѣ по исторіи раскола то мнѣніе, что первымъ раскольничьимъ поселенцемъ въ Стародубскихъ предѣлахъ былъ московскій попъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, вмѣстѣ съ двадцатью „духовными дѣтьми своими". Въ первый разъ на попа Кузьму, какъ на перваго поселенца изъ раскольниковъ въ этомъ краѣ, указалъ извѣстный раскольничій писатель безпоповщинскаго толка Иванъ Алексѣевъ въ своей „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ", написанной имъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, а именно въ 1755 г. Съ тѣхъ поръ это указаніе безпоповщинскаго историка повторялось и повторяется всѣми писателями, касавшимися такъ или иначе исторіи раскола вообще и Стародубскаго въ частности, хотя и не всѣ эти писатели одинаково относились къ этому свидѣтельству Ивана Алексѣева. Одни изъ нихъ принимали свидѣтельство его безъ всякихъ оговорокъ и историческихъ поясненій, признавая за нимъ силу и значеніе достовѣрнаго историческаго свидѣтельства, не нуждавшагося въ провѣркѣ и историческомъ удостовѣреніи, тогда какъ другіе, принимая указаніе Алексѣева, какъ единственное дошедшее до насъ свидѣтельство о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ Стародубскомъ полку, старались и стараются объяснить и провѣрить тѣ историческія данныя, которыми обставлено это указаніе у самаго Ивана Алексѣева. Къ первой категоріи писателей изъ второй половины XVIII в., когда появилась въ нашей исторической литературѣ первые болѣе или менѣе систематическіе опыты по исторіи раскола, прежде всего

нужно отнести столь извѣстнаго въ литературѣ по исторіи раскола протоіерея Андрея Іоаннова Журавлева, чаще просто Андрея Іоаннова, какъ автора „Историческаго извѣстія о раскольникахъ", первое изданіе котораго вышло въ 1784 г. (Обзоръ дух. литерат. преосв. Филарета), а второе издано П. Б. въ С.-Петербургѣ въ 1787 г., и затѣмъ какъ автора „Полнаго историческаго извѣстія о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ", имѣвшаго нѣсколько изданій, начиная съ 1794 г. Изъ писателей ближайшихъ къ намъ по времени къ этой же категоріи нужно отнести: А. Н. Муравьева, А. Щапова и преосвященнаго Макарія. Во главѣ писателей второй категоріи, пытавшихся провѣрить и такъ или иначе удостовѣрить свидѣтельство Ивана Алексѣева, нужно поставить бывшаго архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго и извѣстнаго знатока исторіи русскаго раскола П. И. Мельникова [1]). Въ послѣднее время тѣмъ же вопросомъ зани-

---

[1]) «Полн. историч. изв.» протоіерея *Журавлева* имѣло уже 6 изданій: первое въ 1794 г., пятое въ 1855 г. и послѣднее въ 1890 г. «Историч. изв. о раск.» ему же приписано еще *Сопиковымъ* (4410). И дѣйствительно, это послѣднее въ миніатюрѣ (всего 48 стр. въ 12-°) представляетъ «Полное ист. изв.» со всѣми его достоинствами и недостатками. Ср. Полн. изв. по 2 изд. 1795 г. ч. 1, стр. 84—85, 98. Мы пользовались вторымъ изд. «Ист. изв.» См. также Матеріалы *Березина—Ширяева*, VIII, стр. 28; *Геннади*, Гр., Справ. слов. о рус. писат. и ученыхъ, т. II, стр. 13. Здѣсь прямо «Ист. изв.» приписывается о. Журавлеву, какъ и у Сопикова. Инымъ образомъ высказывается *А. С. Пругавинъ* въ книгѣ: «Расколъ—сектантство». К. 1. М. 1887. Онъ приписываетъ его *Чашникову* и раскрываетъ иниціалы издателя П. Б. (Петръ Богдановичъ). Стр. 16. Ср. объ авторѣ этой книжки и у А. Д. Черткова въ «Всеоб. библіотекѣ Россіи или каталогѣ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ. М. 1838 г., отд. III, р. 1, № 27, стр. 225.—*Муравьевъ*: Расколъ, обличаемый своею исторіею. Спб. 1854, стр. 133—134.—*Макарій*: Ист. рус. раскола. Изд. 2. Спб. 1858. Стр. 322—323.—*Щаповъ*: Рус. расколъ старообрядства. Казань. 1859, стр. 7 и др. По отношенію къ вопросу о времени поселенія попа Кузьмы въ Стародубьѣ у Щапова замѣтна нѣкоторая путаница: въ одномъ случаѣ это поселеніе онъ пріурочиваетъ почему-то къ 1675 г., тогда какъ въ другомъ случаѣ, напр. на стр. 532, согласно съ Ив. Алексѣевымъ, относитъ тотъ же фактъ ко времени послѣ собора 1666—1667 гг.—*Филаретъ*: Ист. стат. опис. чер. еп. кн. IV, стр. 79 (Черниговъ,

мались: мѣстный Черниговскій изслѣдователь г. М. Доброгаевъ, напечатавшій довольно объемистую статью въ мѣстныхъ епархіальныхъ извѣстіяхъ за 1884 г. (№№ 20—24) подъ заглавіемъ: „Первыя времена раскола въ Стародубьѣ", и извѣстный дѣятель по разработкѣ исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій, посвятившій въ своемъ недавнемъ трудѣ: „Описаніе старой Малороссіи" (т. I. Стародубскій полкъ. Кіевъ. 1888—1889 г.) послѣднюю главу раскольничьимъ слободамъ, находившимся въ Стародубскомъ полку, и сообщившій о нихъ нѣсколько весьма интересныхъ новыхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки удостовѣрить свидѣтельство Алексѣева разнаго рода историческими соображеніями, за недостаткомъ положительныхъ и точныхъ данныхъ, не сопровождались успѣхомъ и не выяснили вопроса о времени и условіяхъ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ Стародубскомъ полку. Справедливость требуетъ сказать и то, что какъ бы и не старались удостовѣрить свидѣтельство Ивана Алексѣева, одно оно будетъ имѣть только относительное значеніе въ вопросѣ о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ, и всегда будетъ нуждиться въ другихъ, болѣе полновѣсныхъ, свидѣтельствахъ, въ особенности изъ времени первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ предѣлахъ Стародубья. А такія свидѣтельства есть, и, какъ увидимъ далѣе, значительно расходятся съ указаніемъ безпоповщинскаго писателя—историка, а тѣмъ болѣе съ тѣми побочными историческими соображеніями, которыя составились на основаніи этого свидѣтельства у комментаторовъ послѣдняго. Вотъ почему снова необходимо пересмотрѣть этотъ вопросъ и поставить его на надлежащую дорогу.

Разсмотримъ прежде всего свидѣтельство Ивана Алексѣева. Онъ такъ говоритъ о поселеніи раскольниковъ въ Стародубьѣ: „Настоящу въ Москвѣ велію на старовѣрцы гоненію, а наипаче вины ради сея, понеже въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о коемъждо священномъ дѣйствѣ съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводимое установленіе положено, и писано,—то свитокъ наречено, кое при служебникѣ въ

1873 г.), Труды Кіев. Дух. Акад. 1860 г., № 2, ст.: «Ист. свѣд. о раск. черн. еп.» —*Мельниковъ*, П. И. Ист. очерки поповщины. М. 1864 г., стр. 61—62.

лѣто 7176 напечатано,—откуду всякъ священнодѣйствуяй и людинъ опасно наблюдаемъ въ томъ бяше. Сего ради небреженія нѣкто бывшій въ Москвѣ попъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія належанія, совѣтъ положи съ духовными дѣтьми своими, отъити въ Стародубскіе предѣлы: бяше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичъ, его же въ нѣкоихъ напастехъ укрываше. И угодно бысть всѣмъ совѣщаніе то: оставивше жительства своя, пондоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму попа, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показа, и на прошенія ихъ ко атаману Куркускому (Курковскому) Ламакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительство мѣсто нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, числомъ 20, поселишася при рѣцѣ Ревнѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножашеся на староверцы гоненіе, ищуще тые, и къ новшествамъ принуждающе силою и муками; коихъ страшныхъ прещеній, не могуще носити, многіе народы, оставляюще своя природная мѣста, сродники и други, течаху въ Стародубскую область, и тамо пустыни населяюще. Откуду населися Бѣлый Колодезь и Синей, Замишево, Шеломы, слободы“ [1]).

Ясно, что Иванъ Алексѣевъ, ставя въ связь поселеніе раскольниковъ въ Стародубскихъ предѣлахъ въ соборомъ 1666—1667 гг. и мѣрами его противъ раскольниковъ, инціативу поселенія въ этихъ предѣлахъ раскольниковъ, по случайному обстоятельству, по знакомству съ стародубскимъ полковникомъ Гавріиломъ Ивановичемъ, приписываетъ московскому попу Всесвятской церкви на Кулишкахъ Кузьмѣ. Самымъ лучшимъ историческимъ удостовѣреніемъ свидѣтельства Алексѣева, безъ сомнѣнія, могли бы служить какіе—либо церковно-приходскіе акты, которые указывали бы на попа Кузьму, какъ на настоятеля Всесвятской церкви на Кулишкахъ во время московскаго собора 1666—1667 гг., или въ ближайшее къ нему время. До настоящаго времени всѣ писавшіе о первоначальныхъ временахъ раскола въ Стародубьѣ, за недостаткомъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ и вполнѣ полагаясь на свидѣтельство

---

[1]) *Тихонравовъ*, Н. С. Лѣтоп. рус. лит. и древн. т. IV, стр. 57. «Истина», кн. 29, мартъ—апрѣль 1875 г., 7—8.

Алексѣева, обходили этотъ пунктъ и не пытались даже его выяснить, не смотря на то, что Ив. Алексѣевъ, писавшій свою исторію спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ поселенія здѣсь раскольниковъ, и не могъ быть авторитетнымъ въ данномъ случаѣ историкомъ. А между тѣмъ по церковно-приходскимъ актамъ, сохранившимся и до нашего времени, попъ Кузьма былъ дѣйствительно въ Москвѣ при Всесвятской церкви на Кулишкахъ, за Варварскими воротами, въ такъ называемомъ Бѣломъ городѣ; но только не въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в., какъ оказывается по свидѣтельству Алексѣева, а въ концѣ семидесятыхъ. По приходнымъ книгамъ патріаршаго казеннаго приказа Всесвятскій на Кулишкахъ попъ Кузьма платилъ окладныя деньги въ 185 году, т. е. въ 1676—1677 г., и только въ одномъ этомъ году; до него попомъ здѣсь былъ въ 165—184 годахъ Семенъ Григорьевъ, послѣ него Никита въ 186—193 годахъ [1]). Это современное оффиціальное указаніе о попѣ Кузьмѣ несомнѣнно надежнѣе и достовѣрнѣе свидѣтельства не современника, а лица уже жившаго почти столѣтіе спустя послѣ того факта, о которомъ оно говоритъ. На этомъ основаніи мы и вправѣ отодвинуть время поселенія раскольниковъ въ Стародубьѣ, съ попомъ Кузьмою во главѣ, къ концу семидесятыхъ годовъ XVII в., а не шестидесятыхъ, какъ обыкновенно до сихъ поръ утверждали наши историки раскола (Журавлевъ, Муравьевъ, Филаретъ, Макарій, Мельниковъ и др.), т. е. ко времени царствованія Θеодора Алексѣевича.

Что и въ царствованіе Θеодора Алексѣевича были, или, вѣрнѣе, продолжались тѣ большія „належанія“ и „страшныя прещенія“ на московскихъ раскольниковъ, о которыхъ говоритъ въ данномъ случаѣ Ив. Алексѣевъ,—фактъ несомнѣнный, тѣмъ болѣе, что ни самъ царь, ни его ближайшіе духовные совѣтники не имѣли никакихъ симпатій къ ревнителямъ старины, которыя несомнѣнно были у его отца, „тишайшаго“ царя. Кромѣ извѣстныхъ уже въ литературѣ данныхъ объ этихъ „належаніяхъ“ и „прещеніяхъ“, мы укажемъ на слѣдующій менѣе извѣстный фактъ изъ того же времени. 185 года, октября 25,

---

[1]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Московскихъ церквей, собранные изъ книгъ и дѣлъ прежде бывшихъ патріаршихъ приказовъ В. И. и Г. И. Холмогоровыми, при руководствѣ И. Е. Забѣлина. Ч. I. М. 1884 г. стр. 493.

т. е. въ 1676 г., посланъ былъ указъ Спасо-новаго монастыря, что на Москвѣ, архимандриту Макарію, объ отобраніи старыхъ служебниковъ и сосудовъ деревянныхъ въ Спасовѣ новомъ монастырѣ и въ подмонастырскихъ слободахъ. Это повидимому тотъ же патріаршій указъ объ отобраніи служебниковъ и раздачѣ новыхъ, которымъ повелѣвалось за утайку старыхъ служебниковъ взыскивать пени по 10 руб. Объ этомъ патріаршемъ указѣ упоминается въ грамотѣ Новгородскаго митрополита Корнилія, данной 30-го ноября 1680 г. архимандриту Соловецкаго монастыря Иларіону, по поводу отобранія служебника старой печати у нѣкоего попа Степана церкви Іоанна Предтечи въ Кандалажскомъ уѣздѣ и о взысканіи съ него пенныхъ денегъ. Указъ патріаршій въ грамотѣ м. Корнилія отнесенъ къ 185 г., т. е. 1676—1677 г., какъ и вышеупомянутый указъ новоспасскому архимандриту Макарію объ отобраніи старыхъ служебниковъ и сосудовъ деревянныхъ [1]). Въ связь съ мѣрами правительства противъ раскольниковъ нужно поставить и тѣ раскольничьи самосожженія, о которыхъ дошли болѣе опредѣленныя извѣстія изъ времени именно этого царствованія (1676—1682 гг.), какъ напр. о самосожженіи въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ Бѣлосельской волости, въ приходѣ церкви св. Пятницы 1920 чел., въ Сибирѣ на заимкѣ при рѣчкѣ Березовкѣ 1700 чел., по другимъ свѣдѣніямъ 300 чел., въ Мехонской волости, въ д. Мостовой близъ Исетскаго острога и пр. [2]). Стро-

[1]) Ibidem, 1, 845. Книги и дѣла дворцоваго патріарш. приказа, № 3. Грамота новгородскаго м. Корнилія 1680 г. помѣщена въ Географ., историч. и статист. опис. Соловецкаго монастыря, составл. архим. Досиѳеемъ. Изд. 2, ч. 3. М. 1853 г. стр. 226—227, № XXIII.

[2]) О самосожженіи въ Пошехонскомъ уѣздѣ извѣстенъ разсказъ Игнатія старца при Углицкомъ Воскресенскомъ монастырѣ, какъ очевидца, состоявшаго священникомъ церкви св. Пятницы въ 1676—1683 гг. «Розыскъ» Димитрія Ростовскаго. М. 1824 г., стр. 585. О др. самосожженіяхъ изъ этого времени см. тамъ же, стр. 573, 580, 582. Доп. къ акт. ист. VIII, № 50. Ист. Рос. Соловьева, XIII, стр. 310. Ист. раскола Макарія, стр. 272. Подробности объ этихъ самосожженіяхъ можно найти въ кн. Д. И. Сапожникова: Самосожж. въ рус. расколѣ. М. 1891. Стр. 8—19. (Изъ III кн. «Чт. въ общ. ист. и древн. росс» ... 1891.). Въ дополненіе къ сказанному тамъ о началѣ раскольничьихъ самосожженій замѣтимъ, что есть опредѣленныя из-

гое отношеніе къ раскольникамъ еще болѣе было усилено въ началѣ 1681 г., въ виду извѣстій о ихъ умноженіи въ Сибири, а также во многихъ внутреннихъ и пограничныхъ городахъ и мѣстахъ, о распространеніи ими своихъ тетрадокъ и книгъ для совращенія православныхъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ тогда же правительство предписало администраціи принять строгія мѣры въ „возбраненіе распространенія раскола", „чтобъ тѣхъ воровъ и имъ пристанища нигдѣ не было". Эти мѣры вмѣстѣ со многими другими, по письменнымъ предложеніямъ самаго царя, были потомъ одобрены на соборѣ, составившемся въ Москвѣ въ ноябрѣ 1681 г. подъ предсѣдательствомъ патріарха Іоакима[1]).

Можно сказать даже болѣе, что именно только со времени этого царствованія духовная власть, въ лицѣ патріарха Іоакима (1674—1690 гг.), принялась болѣе или менѣе энергично и систематично за борьбу съ расколомъ и его проявленіями, и что только съ этого времени борьба эта приняла съ той и другой стороны крайне рѣзкій и даже ожесточенный характеръ. Со стороны духовной власти преслѣдовалось настойчиво все, что напоминало собою старину въ извѣстномъ вкусѣ: книги, сосуды, ризы, кафтаны. Со времени же патріарха Іоакима стали строго

вѣстія о нихъ и изъ времени царствованія Алексѣя Михайловича. Такъ въ одномъ изъ хронографовъ 2-й редакціи съ русскими прибавленіями, хранящемся теперь въ археографической коммиссіи, на л. 119 читаемъ: «Въ 180 и 181 г. (1672—1673), за умноженіе грѣхъ нашихъ предъ Господомъ Богомъ, простые люди невѣжи, хуляще божественное писаніе и новоисправные съ греческихъ переводовъ книги, и сложеніе тріехъ перстовъ крестнаго знаменія, и не слушая отцовъ своихъ духовныхъ наказанія, многіе на покаяніе не приходили и св. божественныхъ таинъ не причащались, и къ церквамъ Божіимъ не ходили и св. иконамъ не покланялись, прельстясь въ богоотступниковъ, отъ многихъ враговъ невѣжъ отъ пустынниковъ собирались вмѣстѣ въ домѣхъ и въ овины, сами жглись многіе и съ малыми младенцами, въ Нижегородскомъ уѣздѣ и въ иныхъ мѣстахъ». Барсуковъ, Н. Рукоп. арх. ком. Спб. 1882 г. Стр. 81. Ср. Ист. Рус. раскола Макарія. Спб. 1858 г. Стр. 265.

[1]) Акт. ист. V, № 75. Ист. рус. раск. Макарія, 361—362. Въ одной изъ грамотъ царя Ѳедора Алексѣевича, отъ 20 апрѣля 1681 г., о розыскѣ и поимкѣ раскольниковъ въ Орловѣ и Орловскомъ уѣздѣ (Орловъ-нынѣ с. Воронежскаго у.), данной Семену Ивановичу Павловскому, предписывалось: «Когда въ Орловѣ закащикъ, или кому

слѣдить и за тѣмъ, чтобы во главѣ приходовъ, особенно въ столицѣ, не стояли по крайней мѣрѣ явные сторонники раскола [1]).

Гораздо труднѣе опредѣлить личность стародубскаго полковника, называемаго Иваномъ Алексѣевымъ Гавріиломъ Ивановичемъ, котораго укрывалъ „въ нѣкоихъ напастяхъ" въ Москвѣ попъ Кузьма и который потому былъ Кузьмѣ знакомцемъ и другомъ. Полковника съ именемъ Гавріила Ивановича не было во главѣ Стародубскаго полка за все время существованія малороссійскаго козачества. Пресвященный Черниговскій Филаретъ въ изданномъ имъ „Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи" (кн. VII, стр. 79) высказалъ предположеніе, что это былъ не полковникъ украинскій, т. е. по мѣстности стародубскій, а присланный изъ Москвы воевода. Такое предположеніе покойный Филаретъ строилъ на основаніи пріятельской связи попа Кузьмы съ Гавріиломъ Ивановичемъ, считая болѣе естественными дружескія отношенія московскаго попа къ своему земляку—воеводѣ, чѣмъ къ полковнику—малоруссу. По многимъ соображеніямъ это продположеніе не можетъ быть

духовныя дѣла приказаны, такихъ воровъ къ тебѣ присылать или для сыску и поиско ихъ о служилыхъ людѣхъ тебѣ говорить учнутъ, и ты бъ тѣхъ воровъ принималъ, и про то ихъ воровство розыскивалъ, и для сыску и поимки ихъ служилыхъ людей чѣмъ закащикамъ, или кому духовныя дѣла приказаны, давалъ, и всякое вспоможеніе въ томъ дѣлѣ чинилъ по сему нашему В. Г. указу безъ всякаго мотчанья, неотымаясь ни чѣмъ, чтобъ тѣхъ воровъ и имъ пристанища въ Орловѣ и Орлов. уѣздѣ нигдѣ не было». Царская грамота Павловскому напечатана въ Воронежскихъ Губ. Вѣд. за 1859 г. № 2.

[1]) О преслѣдованіи м. Іоакимомъ старыхъ ризъ и кафтановъ сохранилось любопытное, хотя и позднѣйшее указаніе въ письмахъ извѣстнаго государственнаго человѣка временъ Ѳедора Алексѣевича и Софьи Алексѣевны, стоявшаго высоко и по своему европейскому образованію, князя Василья Васильевича Голицына. Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ перваго крымскаго похода онъ писалъ Ѳедору Шакловитому: «О патріаршей дурости подавляюсь: отпиши, что порокъ на тѣхъ ризахъ и какимъ подобіемъ? Такъ же и про мои, что у церкви, что порокъ? И не посылалъ ли ко мнѣ?» При послѣдующемъ розыскѣ смыслъ этого мѣста изъ своего письма онъ объяснялъ такъ: «про святѣйшаго патріарха писалъ для того, что онъ побралъ изъ Барашей ризы и кафтаны, и служить въ нихъ не велѣлъ; а тѣ де ризы церковному чину не противны». Розыск. дѣло о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Т. III. Спб. 1888 г. 1103, 1975. Объ отноше-

принято, и прежде всего потому, что въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. воеводство держалось въ Стародубѣ всего два съ нѣсколькими мѣсяцами года, а именно съ 1666 г. по 1668 г. Единственнымъ стародубскимъ воеводой за это время былъ князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, убитый въ 1668 г. возмутившимся народомъ [1]). Во вторыхъ, это предположеніе не можетъ быть оправдано и по той простой причинѣ, что никто, кромѣ мѣстнаго полковника, не имѣлъ права раздавать полковую землю для поселенія. Извѣстно, что всякій полковникъ

ніяхъ Голицына къ п. Іоакиму: Устряловъ: Ист. Петра Вел. 1, 349—350. Смирновъ: Іоакимъ, п. Московскій. Стр. 234—236. При п. же Іоакимѣ, по раскольничьимъ свидѣтельствамъ, была составлена «Присяга хотящимъ взыти на степень священства», въ которой посвящаемый отрицался двуперстнаго сложенія знаменія креста и прочихъ церковныхъ обычаевъ, уважаемыхъ старообрядцами, какъ древне-церковныхъ установленій. По однимъ спискамъ время изданія этой присяги относится къ 1679 г., какъ наприм. въ сборн. Хлудов. библ. №№ 345 и 349, по другимъ къ правленію царевны Софьи Алексѣевны. См. списокъ этой присяги въ сборн. Высокопреосв. Макарія № 85. (Ак., 165) при церковно-археол музеѣ Кіев. Д. Ак., лл. 119—126. Опис. кіев. рукоп. собр. В. І. Н. И. Петрова, стр. 133. (Чт. въ общ. ист. и Др. Росс. 1892 г., кн. 1). Списки этой присяги особенно распространены между безпоповцами, какъ наглядное обличеніе русской церкви въ ея отступленіяхъ и нововведеніяхъ, изъ которыхъ будто бы явно по ихъ понятію даже и въ настоящее время паденіе церкви, отринувшей древнія установленія. См. Днев. дозорныя записи о москов. раскольникахъ, ч. 3—7, стр. 43. (Чт. въ общ. ист. и Др. Рос. кн. 1, 1892 г.). Г. А. Поповъ въ Опис. Хлудовскихъ рукописей категорически заявляетъ, что подобного изданія не было, и что, стало быть, присяга эта есть «очевидная подделка» (стр. 628). Болѣе обстоятельное изслѣдованіе о подложности существующей между старообрядцами священнической «присяги», составленной будто бы при п. Іоакимѣ, въ 1679 г., принадлежитъ проф. Ивановскому въ его ст.: «Мнимая священнич. присяга п. Іоакима». (Правосл. Собесѣд. 1879 г., ч. II, стр. 336—363). Ср. наше Опис. рукоп. Черн. сем. биб. № 126, стр. 111.

[1]) *Маркевичъ*, Н. Ист. Мал. 111, 132, 160, 176.—Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, 77. Здѣсь, между прочимъ, приведенъ весьма интересный актъ 1667 г. по поводу воровства съ указаніемъ на судъ *купы*: «и панъ воевода (Волконскій) велѣлъ собрать мужовъ и купу учинить».

какъ въ военное время, такъ и въ мирное самовластно распоряжался на всей территоріи своего полка, хотя поступленіе его въ должность, какъ лица выборнаго, и зависѣло отъ воли подчиненныхъ. Онъ имѣлъ право пожалованій, взималъ подати, творилъ судъ и расправу, водилъ своихъ полчанъ на врага и т. д. Словомъ, всякій полковникъ управлялъ своимъ полкомъ точно такъ же, какъ гетманъ правилъ своей Малороссіей; по власти это былъ своего рода средневѣковый феодальный баронъ.

Еще менѣе можетъ быть оправдано предположеніе П. И. Мельникова, что Гавріилъ Ивановичъ былъ „не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, а вѣроятно одинъ изъ сотниковъ стародубскаго полка", если сотникамъ не принадлежало право раздачи для поселенія земель въ предѣлахъ своей сотни. Г. Доброгаевъ, въ указанной выше статьѣ, старается доказать изъ самыхъ обстоятельствъ, при которыхъ, по разсказу Алексѣева, состоялся отводъ земли пришедшимъ съ попомъ Кузьмою московскимъ раскольникамъ, что этотъ отводъ былъ дѣломъ полковника, а не сотника. Именно, по разсказу Алексѣева, дѣло представляется такъ. Когда попъ Кузьма съ духовными дѣтьми своими пришелъ въ Стародубъ, то его знакомецъ и другъ полковникъ, дружески принявъ бѣглецовъ, по ихъ просьбѣ написалъ листъ и послалъ ихъ къ Курковскому атаману Ламакѣ,— вѣрнѣе Ломакѣ,—чтобы онъ отвелъ имъ мѣсто для жительства и поселенія—Понуровку [1]). Прежде всего здѣсь, по Доброгаеву, важно то, что раскольники приходятъ въ г. Стародубъ, и, слѣдовательно, если вѣрно предположеніе П. И. Мельникова, то къ стародубскому сотнику, или, что тоже, къ сотнику первой сотни полка. А между тѣмъ, соображаетъ далѣе г. Доброгаевъ, Курковскій курень входилъ въ составъ не первой стародубской полковой сотни, а второй, имѣвшей свои, отдѣльные отъ первой сотни, курени, и своихъ, подчиненныхъ лишь этому сотнику второй сотни, атамановъ. Невѣроятно, заключаетъ далѣе г. Доброгаевъ, чтобы сотникъ первой сотни распоряжался и и повелѣвалъ въ предѣлахъ чужой сотни; да и жилъ де сотникъ второй сотни, по всей вѣроятности, не въ Стародубѣ, а въ какой нибудь, изъ подчиненныхъ ему мѣстностей. Не смотря

[1]) Курковичи—село Стародубскаго уѣзда въ 30 в. отъ уѣзднаго города, а Понуровка—въ 25 в. отъ того же города.

однако же на несомнѣнную правильность этого послѣдняго заключенія съ формальной стороны, оно, къ сожалѣнію, не имѣетъ подъ собой ровно никакой исторической почвы, о которой, повидимому, такъ заботливо хлопоталъ г. Доброчаевъ, подробно и обстоятельно анализируя извѣстіе Ивана Алексѣева о поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ. Дѣло въ томъ, что только почти въ концѣ гетманства Разумовскаго сотни полковая (стародубская) и почепская были подраздѣлены каждая на двѣ сотни, которыя, сохранивъ свои названія, и стали называться „первыми" и „вторыми". Съ такимъ названіемъ эти сотни вошли и въ Румянцовскую опись Малороссіи. Но такого дѣленія на сотни не было въ стародубскомъ полку ни при гетманѣ Брюховецкомъ, когда былъ образованъ самостоятельный стародубскій полкъ, независимый отъ Нѣжинскаго, въ составъ котораго входило Стародубье на первыхъ порахъ по образованіи малороссійскихъ полковъ, ни при гетманѣ Самойловичѣ, когда всего вѣроятнѣе явился въ Стародубъ московскій попъ Кузьма съ 20-го новыми насельниками Малороссіи [1]).

Повидимому болѣе основаній имѣетъ другое объясненіе г. Доброгаева, относящееся къ тому же удостовѣренію свидѣтельства Ивана Алексѣева, именно, что Курковичи были дѣйствительно мѣстомъ пребыванія куреннаго атамана. „По актамъ,— говоритъ онъ,—даже самый курень этотъ, состоявшій не изъ одного селенія Курковичъ, а и другихъ вокругъ его лежащихъ деревень, равно какъ и атаманъ въ немъ живущій назывались курковскими. Далѣе, по повѣсти Алексѣева, курковскій атаманъ Ламака отводитъ пришедшимъ къ нему съ листомъ отъ стародубскаго полковника мѣсто для поселенія — Понуровку... И здѣсь также повѣсть говоритъ вполнѣ согласно съ исторіей. Понуровка лежитъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ (7-ми) отъ села Курковичъ, и, конечно, была въ районѣ курковскаго атамана, курень котораго обнималъ собою довольно значительное пространство земель Стародубскаго полка. Значитъ, совершенно

[1]) Нѣкоторыя документальныя указанія о Стародубскомъ полку и его сотняхъ можно найти въ указанномъ выше трудѣ г. Лазаревскаго, стр. 13, 111—112. Ср. А. Ю. Р., X, 830—838. При г. Брюховецкомъ было сначала 7 сотенъ, потомъ изъ части Погарской была образована 8-я Бакланская, а въ началѣ XVIII в., при полковникѣ Жоравкѣ образовалась и 9-я — Новомѣстская.

естественно было стародубскому полковнику, какъ говорится въ повѣсти, писать листъ не къ другому какому, а именно къ курковскому атаману, чтобы онъ отвелъ московскимъ бѣглецамъ урочище Понуровку, мѣстность котораго лежала въ его районѣ" (стр. 857). Въ подтвержденіе той же своей мысли г. Доброгаевъ указываетъ и на то, между прочимъ, что въ мѣстныхъ актахъ, хотя и позднѣйшихъ, именно 1718 года, среди владѣльцевъ курковскими землями встрѣчаются также и владѣльцы изъ фамиліи Ломакъ, напр., какъ Архипъ Ломака,—значковый товарищъ и куренный атаманъ въ 1724 г., по купчимъ и вѣчистымъ записямъ, приложеннымъ къ Румянцевской описи Малороссіи, — замѣтимъ между прочимъ (Румянц. оп. LXXXIII. л. 426). Въ немъ г. Доброгаевъ видитъ потомка, упоминаемаго въ повѣсти Алексѣева атамана Ломаки. Всѣ эти соображенія г. Доброгаевъ строитъ на нѣкоторыхъ указаніяхъ, встрѣчающихся въ обозрѣніи Румянцевской описи, составленномъ А. М. Лазаревскимъ и Н. А. Константиновичемъ, въ которомъ приведены и нѣкоторыя выдержки изъ актовъ, приложенныхъ къ описи. Однако сдѣланныя здѣсь указанія сами по себѣ не настолько категоричны и полны, чтобы на нихъ можно было вполнѣ положиться. Такъ нѣтъ въ нихъ ровно никакихъ указаній на районъ курковскаго атамана, а равно и на то, чтобы Понуровка въ концѣ XVII в. входила въ составъ курковскаго куреня. Въ многочисленныхъ купчихъ вѣчистыхъ записяхъ и другихъ актахъ XVII—XVIII в., приложенныхъ Румянцевскими ревизорами къ описанію села Курковичъ (всѣхъ ихъ до 100), нѣтъ даже ни одного указанія на курковскій курень и его атамановъ до 1711 г. При разграниченіи грунтовъ шептаковскихъ, тимоновскихъ, курковскихъ, машовскихъ, карповскихъ и семіоновскихъ въ 1688 г. войсковымъ товарищемъ Захаромъ Шійкевичемъ и Иваномъ Бѣлозерецкимъ, дозорцею гетманскимъ почеповскимъ, со стороны Курковичъ присутствовали: войтъ Ѳеодоръ Юревичъ, Леонъ и Стефанъ Ломаченки и др. О курковскомъ атаманѣ во все не упоминается, между тѣмъ упомянутъ Тимоновскій (Ibidem, лл. 41, 75, 378). Далѣе, извѣстно изъ первой подробной переписи Малороссіи 1723 года (Компуты) и книги Генеральнаго слѣдствія по стародубскому полку, какъ и другихъ указаній, что село Курковичи до 1730 г. входило въ составъ магистратскихъ селъ, а затѣмъ было отдано въ ранговое владѣніе. На этомъ основаніи съ большимъ правомъ можно разжаловать

Ломаку изъ атамановъ, какъ называетъ его Иванъ Алексѣевъ, въ волостные сотники, завѣдыванію которыхъ подлежали магистратскія села, подѣленныя по отбыванію земскихи повинностей на волости [1]).

Замѣтимъ кстати, что и село Курковичи служило мѣстомъ поселенія раскольниковъ. Въ такъ называемыхъ „Компутахъ" или первой подробной переписи населенія по Стародубскому полку какъ козаковъ, такъ и поспольства, произведенной въ 1723 г. по распоряженію президента Малороссійской коллегіи Вельяминова и хранящейся теперь въ подлинникѣ въ кіевской археографической коммиссіи, при описаніи села Курковичъ замѣчено: „Въ семъ же селѣ Давидъ Расоренокъ зъ расколу перекрестился, грунтовій. Андрей Расоренокъ, раскольщикъ, грунтовій", и „у нихъ три хаты подсусѣдковъ". „Сіи всѣ селу не помогаютъ" (Компуты полку Стародуб., лл. 423—424). На курковскихъ раскольниковъ есть интересныя указанія и въ Румянцевской описи Малороссіи [2]).

Кто же былъ тотъ полковникъ, который оказалъ содѣйствіе и помощь московскимъ бѣглецамъ, явившимся въ Малороссію на жительство во главѣ съ попомъ Кузьмой, и далъ имъ мѣсто для поселенія на земляхъ Стародубскаго полка? По соображеніямъ г. Доброгаева, это былъ извѣстный своею печальною судьбою полковникъ Петръ Ивановичъ Рославецъ, превратившійся потомъ въ раскольничьемъ преданіи, которымъ и пользовался Ив. Алексѣевъ, въ полковника Гавріила Ивановича, подъ какимъ именемъ и сталъ извѣстенъ въ исторіи раскола. Мало

---

[1]) «Компуты» стародуб. полка 1723 г.,—ркп., хранящаяся въ Кіев. Археографической Ком.—Книга Генерал. слѣдствія по стародуб. полку 1730 г.,—ркп., хран. въ коллегіи П. Галагана. Подробности о той и другой рук. см. у Лазаревскаго въ Опис. Ст. Мал. Т. I, предисловіе, VI—X. Здѣсь же замѣтимъ, что въ Малороссіи XVII—XVIII в. возможенъ былъ переходъ изъ невойсковыхъ, мѣщанскихъ должностей, въ войсковыя, напр. изъ войтовъ въ полковые обозные, какъ это было напр. въ 1687 г. съ Ис. Ерм. Деревянкой въ Стародубѣ (Генер. слѣд. о маетн. стар. п.). Лазаревскій: Оп. Ст. Мал. 1, 27, 64—65 и др.

[2]) Румянц. оп. LXXXIII, л. 63 и д. Ср. также лл. 137, 149, 151, 159, 195, 176, 348, 549—550. Въ одномъ случаѣ «Расорій» названъ *козакомъ* с. Курковичъ.—Обыватель Лужковскій Яковъ Андреевичъ Неклюдовъ, 76 л., въ 1767 г. показалъ, что онъ родился въ селѣ Курковичахъ. Ibid. CXVII, лл. 48—49.

того, онъ утверждаетъ, что попъ Кузьма могъ и хорошо знать Рославца и быть даже въ дружбѣ съ нимъ, потому что де Рославцу на своемъ вѣку не разъ пришлось побывать и въ Москвѣ. При этомъ г. Доброгаевъ указываетъ на поѣздку его въ Москву въ 1665 году, когда Рославецъ ѣздилъ туда въ качествѣ уполномоченнаго отъ Стародубскаго полка вмѣстѣ съ гетманомъ Брюховецкимъ, и прожилъ тамъ будто бы болѣе чѣмъ круглый годъ, именно съ сентября 1665 г. до конца октября 1666 г. Въ это-то время, по соображеніямъ г. Доброгаева, Рославецъ и сошелся съ попомъ Кузьмой, нашелъ въ немъ дѣятельнаго покровителя и защитника въ „нѣкоихъ напастяхъ“, какъ говоритъ Ив. Алексѣевъ, за что потомъ и отблагодарилъ его въ 1669 г., когда прежній его покровитель самъ съ единомышленниками своими пришелъ въ Стародубъ просить у него мѣста для поселенія (Ibidem, стр. 862—863).

И это соображеніе не имѣетъ за себя ровно никакихъ историческихъ основаній, по крайней мѣрѣ, когда оно пріурочено къ 1665 году. Прежде всего невѣрно то, что Рославецъ, какъ уполномоченный отъ Стародубскаго полка, пробылъ въ Москвѣ болѣе чѣмъ круглый годъ въ свитѣ гетмана Брюховецкаго. Въ данномъ случаѣ г. Доброгаевъ довѣрился нѣкоторымъ хронологическимъ указаніямъ, сдѣланнымъ ошибочно (по недосмотру или просто по невѣдѣнію) въ исторіи Малороссіи Н. Маркевича, не провѣривъ ихъ по другимъ, болѣе надежнымъ пособіямъ. Точно извѣстно, что Брюховецкій съ своею громадною ассистенціею, состоявшею изъ 535 человѣкъ, прибылъ въ Москву 11-го сентября 1665 г., а отбылъ 20 декабря того же года. За все время пребыванія малороссійскаго гетмана въ столицѣ какъ за нимъ самимъ, такъ и за пріѣхавшей съ нимъ старшиной зорко слѣдили приставленные къ нимъ для почета и секретнаго надзора пристава, доносившіе о всемъ ими замѣченномъ въ Малороссійскій Приказъ боярину Салтыкову. Въ акты этого приказа занесенъ даже такой случай, какъ писарь Захаръ Шийкевичъ, подпивши на пирѣ у князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, поругался съ переяславскимъ протопопомъ Бутовичемъ, назвалъ его „брехуномъ“, замахнулся спачала на него ножемъ, а потомъ вилкой, и „лаялъ“ позорными словами судью и полковниковъ, за что потомъ и угодилъ въ Сибирь, по настоянію гетмана. На счетъ Рославца въ современныхъ событію записяхъ нѣтъ никакихъ указаній, даже намека на какія либо „напасти“,

отъ которыхъ онъ могъ бы укрываться у Всесвятскаго попа Кузьмы на Кулишкахъ, и только въ позднѣйшемъ дѣлѣ 1669 г. упоминается, что гетману была подана въ Москвѣ челобитная на Рославца въ 1665 г. о насильственномъ завладѣніи имъ разныхъ товаровъ и пр., принадлежавшихъ въ Почепѣ Брянскому посадскому человѣку Брынцову. Челобитная повидимому не имѣла никакихъ послѣдствій для Рославца. Вскорѣ послѣ того онъ, какъ извѣстно, былъ снова возстановленъ на стародубскомъ полковничествѣ тѣмъ же Брюховецкимъ, которымъ былъ въ 1663 г. въ первый разъ поставленъ и которымъ потомъ былъ скоро смѣненъ въ томъ же 1663 году [1]).

Былъ въ жизни Рославца другой случай пребыванія его въ Москвѣ, который дѣйствительно можетъ быть поставленъ въ нѣкоторую связь съ разсказомъ Ив. Алексѣева и указаніемъ, сдѣланнымъ нами о попѣ Кузьмѣ. Это было въ 1676 г., когда у Рославца возникла мысль отдѣлить Стародубскій полкъ отъ гетманскаго управленія и отчислить его къ разряду слободскихъ

---

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. Св. 409, № 300. Въ этомъ дѣлѣ о захватѣ Рославцемъ разныхъ товаровъ сообщаются слѣд. подробности: 21-го сентября 1669 г. подалъ челобитную на имя Государя брянчанинъ, посадскій человѣкъ, Аника Брынцовъ, о томъ, чтобы ему возвращены были пожитки, оставшіеся послѣ убитаго въ Малороссіи брата его Анисима, которыми насильственно завладѣлъ въ Почепѣ Петръ Рославецъ съ товарищи, всего на сумму 1090 руб., а именно: 1000 п. соли по цѣнѣ 300 руб., 4 половинками сукна кармазину—240 р., кострожи сукна 15 половинками—240 р. и т. д. Фактъ захвата по челобитной произошелъ еще въ 167 г., т. е. въ 1659—1660 г. И «того моего брата Анисима изъ тѣхъ товаровъ и лошадей и денегъ погубили, и погубя его, Анисима, тѣло его вкинули въ полу»; захватили и лавку, которая была у Брынцовыхъ въ Почепѣ и которою въ 1669 г. владѣлъ Петръ Рославецъ. «И въ прошломъ, государь, въ 174 г.,—писалъ Аника въ челобитной 1669 г.,—билъ челомъ тебѣ, великому государю, братъ мой родной Савелій, и челобитную подалъ на Москвѣ гетману Брюховецкому,—въ то время былъ онъ гетманъ на Москвѣ,—и по тому челобитью, государь, брата моего Савелія, онъ, Петръ Рославченко, передъ гетманомъ и передъ полковники и передъ многими старшины распрашиванъ, и онъ, Петръ, въ тѣхъ животахъ передъ гетманомъ и передъ полковники и передъ старшины не запирался, и какъ тебѣ, великому государю, измѣнилъ Ивашка Брюховецкой и черкасы, и за тою ихъ измѣною тѣ животы товарные и кони и ружье

полковъ. Не нашедши сочувствія и поддержки своей мысли у большинства мѣстной полковой старшины, онъ самъ отважился на рѣшительную борьбу съ гетманомъ Самойловичемъ и поѣхалъ въ Москву, полагая, что его мысль должна придтись по вкусу московскому правительству и соотвѣтствовать его политическимъ видамъ болѣе тѣснаго прикрѣпленія Малороссіи къ государству. Разсчеты его однако же не оправдались; тогдашніе московскіе политическіе дѣятели не сочли возможнымъ стать на его сторону, потому что онъ дѣйствовалъ „противно войсковому праву и должному послушанію", безъ совѣта старшины и гетманскаго вѣдома. Дальнѣйшій ходъ дѣла привелъ его подъ караулъ и оковы. 20-го августа того же года полковникъ „колодникъ" ушелъ изъ подъ караула, но скоро однако былъ пойманъ за Смоленскими воротами, когда шелъ изъ Бѣлаго города въ Земляной городъ. Приведенный въ малороссійскій приказъ онъ показалъ: „какъ вышелъ я на дворъ, взошелъ на церковь, а съ ней опустился на улицу и пошелъ. Хотѣлъ я пробраться къ Карачевцу Григорію Юрасову, но двора его не нашелъ, и хотѣлъ идти въ Новодѣвичій монастырь, чтобы тамъ перебыть, пока не уѣдетъ изъ Москвы гетманскій посланецъ Солонина, который домогался, чтобъ ему отдали меня отвести къ гетману; какъ бы только Солонина уѣхалъ, я опять пришелъ бы въ приказъ. Не нашедши Юрасова двора, я ночевалъ подлѣ церкви, не знаю какой, а утромъ пошелъ за Смоленскія ворота: тамъ встрѣтилъ меня стрѣлецъ и привелъ сюда. Изъ Москвы я бѣжать не думалъ, совѣтниковъ къ побѣгу не было у меня и подкупа никому не давалъ. Взялъ я на харчь пятьдесятъ (у Костомарова пять) рублей и тѣ цѣлы"... Далѣе въ „Распросныхъ рѣчахъ" Рославца записано: „А пошелъ де онъ къ Юрасову тому, которой бывалъ у него въ Почепѣ..., и сказали де ему, что дворъ того Юрасова въ той сторонѣ, гдѣ Дѣвичь монастырь.... А кто, государь, про то ему сказалъ, про то въ распросѣ не скажетъ"....[1]).

брата моего Анисима не сысканы...» О дѣлѣ Брынцовыхъ писано было изъ приказа и новому гетману; но чѣмъ оно кончилось—неизвѣстно. П. Рославецъ пользовался повидимому расположеніемъ Брюховецкаго. Лазаревскій: Опис. Стар. Мал. 15.

[1]) М. А. М. Ю. Столб. Малорос. прик. № 5918. У Костомарова въ его «Руинѣ» извлеченія изъ этого столбца неточны и неполны по содержанію. Ср. тамъ же кн. Малорос. прик. № 43, л.л. 149—150.

По розыску оказалось, что Григорій Юрасовъ умеръ, а сынъ его Аѳанасій объявилъ, что не знаетъ Рославца. Розыскъ больше ничего не даетъ; въ розыскномъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы указывали на связь Рославца съ попомъ Кузьмой или лицами близкими къ нему; тѣмъ не менѣе Рославецъ очутился въ Бѣломъ городѣ, т. е. тамъ, гдѣ былъ приходъ попа Кузьмы. Весьма вѣроятно, что Рославецъ задумалъ бѣжать изъ Москвы при посредствѣ раскольниковъ, съ которыми онъ имѣлъ связи и по поселенію ихъ въ Стародубскомъ полку раньше попа Кузьмы, и по своимъ торговымъ оборотамъ, веденнымъ имъ по широкую руку, и именно съ Москвой. По своимъ торговымъ оборотамъ онъ имѣлъ обширныя связи съ карачевцами, съ торговыми людьми Сѣвска, Трубчевска, Брянска, Путивля и Рыльска, бывшими его коммиссіонерами по торговлѣ съ Москвой, особенно горѣлкой и пр. У торговыхъ людей Трубчевска и Брянска, какъ оказалось потомъ по слѣдствію о имуществѣ Рославца, которое настойчиво и заботливо розыскивалось гетманомъ Самойловичемъ, хранились, очевидно, на всякій случай, и деньги Рославца, вещи серебряныя, мѣдныя и оловянныя и всякая домашняя рухлядь. Въ ту пору среди торговыхъ людей этихъ городовъ было уже не мало раскольниковъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указывалъ собору 1681 года, между прочимъ, вмѣстѣ съ другими мѣстами на города Путивль и Сѣвскъ, какъ на такіе, въ которыхъ развратники и противники св. церкви умножились. Этимъ обстоятельствомъ мотивировалось также въ то время и учрежденіе новыхъ епархій въ этихъ мѣстностяхъ. Въ 70-хъ годахъ XVII в. въ рыльскомъ уѣздѣ уже было два монастыря Льговскій и Амонскій (по другой редакціи—Монскій), бывшіе центрами раскольничьяго движенія на этой русской окраинѣ, откуда раскольники переселялись потомъ съ одной стороны на Донъ, съ другой въ Малороссію Эти-то связи Рославца съ раскольниками и могли привести его къ мысли— избавиться при посредствѣ ихъ отъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ попалъ, желая угодить Москвѣ, всегда стремившейся возможно тѣснѣе скрѣпить связь Малороссіи съ Великороссіей и умалить отдѣльную самобытность вновь присоединившагося края, и добиться независимаго отъ гетманской власти положенія. Въ это время онъ и могъ дать московскимъ раскольникамъ обѣщаніе поселить ихъ въ своемъ полку, котораго однакоже не имѣлъ возможности привести въ исполненіе, такъ

какъ послѣ московской тюрьмы тотчасъ же попалъ въ Батуринъ, на генеральный судъ, приговорившій его къ смертной казни. 12-го января 1677 года, когда должна была совершиться казнь Рославца, гетманъ Самойловичъ объявилъ царскую грамоту о дарованіи преступнику жизни и о препровожденіи его въ Москву и ссылкѣ въ Сибирь вмѣстѣ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, соприкосновеннымъ къ его дѣлу [1]).

Г. Лазаревскій полагаетъ, что въ полковникѣ Гаврилѣ Ивановѣ слѣдуетъ видѣть тогдашняго стародубскаго обознаго Гаврила Дащенка, который въ 1669 году былъ и наказнымъ пол-

[1]) Дѣло Рославца подробно и обстоятельно разказано Н. И. Костомаровымъ въ его «Руинѣ». Вѣст. Ев Авг., 1880 г., гл. VIII, стр. 417—430. Лазаревскій, А. М. Оч. малорос. фам. Рус. Арх. 1875 г., стр. 249, 403. У послѣдняго дѣло Рославца ошибочно отнесено къ болѣе раннему времени. О стараніи гетмана Самойловича розыскать имущество Рославца въ Брянскѣ и Трубчевскѣ см. кн. Малор. прик. № 46, л.л. 2, 4 и др. — О широкихъ торговыхъ предпріятіяхъ Рославца свидѣтельствуетъ предложеніе его боярину А. С. Матвѣеву о поставкѣ вина въ Москву, сдѣланное въ 1674 г. А. Ю. Р., XI, 673.— О раскольникахъ въ Сѣвскѣ, Рыльскѣ, и другихъ городахъ по сосѣдству съ Малороссіей см. А. И. V, № 75, стр. 109—116. П. С. З. II, № 898. Допол. къ Ак. Ист. XII, № 17, показаніе старца Наѳанаила, по прозванію Аргутки.—Алексѣевъ: ист. о бѣгств. свящ. у Тихонравова, стр. 54—56. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. испов. Рос. имп. III, стр. 70—71 (Спб. 1875 г); V. № 838.—Въ концѣ XVII в. обширныя земли по р. Сейму пожалованы были гетману Мазепѣ, который и основалъ въ предѣлахъ нынѣшней Курской губерніи селенія: Ивановку, Степановку, Мазеповку, Коренево, Крупецъ и друг. Ему же приписываютъ, и повидимому несправедливо, основаніе селенія Амонь, нынѣ село Рыльскаго уѣзда, при р. Амонѣ. Спис. населен. мѣстъ по свѣд. 1862 г. Курской губ. Спб. 1868. XXXVI, 110. М. М. Плохинскій: Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика. Сборн. Харьк. историко-филолог. общ. т. IV, стр. 26, 36. См. Тамъ же Опись, составл. въ 1708 г. для вотчинной конторы кн. А. Д. Меньшикова, стр. 44. Во всѣхъ этихъ селахъ какъ въ то время, такъ и впослѣдствіи селились раскольники; особенно извѣстны были потомъ раскольники Крупецкіе, стоявшіе въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Стародубскими. Въ концѣ XVII в. въ городахъ Курской губер. поселялись и стрѣльцы. Ibid., XXXVII. Амонская пустынь, въ 9 в. отъ Рыльска, въ 1725 г. приписана была къ Волынской пустыни Николаевскаго Рыльскаго монастыря, не имѣла ни крестьянъ, ни пашень, а содержала 25 монаховъ. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. VI, 416—418

ковникомъ. Основаніе для такого соображенія онъ находитъ и въ томъ, что около этого времени Дащенко „взялъ въ свое владѣніе село Солову, очень близкое къ Понуровкѣ, гдѣ, по его позволенію, и поселились раскольники" (стр. 440). Соображенія эти, неособенно состоятельныя и сами по себѣ, не имѣютъ ровно никакого значенія въ виду вышеприведенныхъ данныхъ о времени появленія попа Кузьмы въ Стародубщинѣ.

Полковника, позволившаго московскимъ раскольникамъ, съ попомъ Кузьмой во главѣ, „оселиться" въ Понуровкѣ, нужно искать среди преемниковъ Рославца по стародубскому полковничеству. Непосредственнымъ его пріемникомъ былъ городовой атаманъ Тимоѳей Алексѣевъ, простой не грамотный человѣкъ, не сохранившій въ современныхъ актахъ даже своего родоваго прозвища. Во время Чигиринскаго похода онъ былъ замѣненъ Ѳедоромъ Лукьяновичемъ Молчаномъ, сложившимъ подъ Чигириномъ свою голову. Послѣ Молчана полковникомъ былъ поставленъ Григорій Карповичъ Коровка-Вольскій, или просто въ актахъ Карповичъ, нерѣдко—Коровченко-Вольскій. Въ сентябрѣ 1678 г. Коровченко былъ уже въ Стародубѣ. Это былъ человѣкъ расторопный, ловкій, умѣвшій пользоваться обстоятельствами. На своемъ полковничьемъ посту онъ дѣйствовалъ такъ, какъ и извѣстный намъ его предшественникъ — Петръ Ивановичъ Рославецъ: забиралъ села въ свое „ранговое" владѣніе, не спрашивая разрѣшенія гетмана, раздавалъ ихъ по своему усмотрѣнію своимъ подручнымъ урядникамъ, и прежде всего своимъ дѣтямъ и родственникамъ, строилъ водянныя мельницы и поселялъ около нихъ слободы. Была у него и своего рода политика въ заселеніи слободъ, вѣроятно унаслѣдованная имъ отъ того же Рославца. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ „листовъ", относящихся къ дѣлу заселенія слободъ, именно въ „листѣ" нѣкоему пану Курилу Яковлевичу, почеповскому атаману, отъ 1 октября 1678 г., подтверждая право „на селище пустое называемое Кугучево", отданное Курилѣ еще Рославцемъ, онъ разрѣшаетъ ему и „слободу осажовати людьми посторонними, якъ то зъ литовскихъ и иншихъ краевъ захожими, а не тутейшими старѣнными людьми". Въ другомъ его листѣ мы знакомимся и съ тѣми условіями, на которыхъ селились въ слободахъ пришлые люди. Вотъ что читаемъ въ этомъ послѣднемъ листѣ: „Ознаймуемо симъ писаніемъ нашимъ каждому, кому бы о томъ вѣдати надлежало, а особливе пану сотнику мглинскому, атаману городовому зъ то

вариствомъ, такъ тежъ и войту зъ мѣщанами: какъ ставши передъ нами панъ Михайло Силковичъ, осадца слободи на Будищахъ Бердишевскихъ подъ рѣкою Вороницею, презентовалъ поданній отъ бывшаго полковника пана Тимоѳея универсалъ, же бы пустоши не ваковали овшемъ, же би людьми, за щасливимъ пана гетмана рейментомъ, наполнени были, а *давши слобожанами волности на десять лѣтъ закликати*. Зачимъ позволяемъ таковій побожній христіанству честній учинокъ, абы людци збиралися и расширалися на вѣчную славу его милости пану гетману, въ помешканю своимъ стосуючися, симъ нашимъ подтвирждаемо пана Михаила Силковича, осадцу тоей слободки, универсаломъ, давши ему зуполную моцъ людей збирати и оную слободу осаживати, позволяя тежъ онимъ слобожаномъ пашнѣ и пожнѣ до рѣки Дзѣвовкова и до лѣса Осова разчиняти и распаховати, якъ кто тилко можетъ. Зачимъ абы вся старшина вышреченная такъ осадци нашому, яко слобожанемъ, въ разживаню и распахованю поль и пожень не только зъ мѣста Мглина, лечъ и до мѣста служачихъ селъ, абы не важились кривди и шкоди чинити подъ не ласкою нашею, вамъ приказуемъ. Данъ въ Почепѣ битностю нашею октоврія 29-го дня 1678 року" [1]).

Ко времени полковничества въ Стародубѣ Григорія Карповича Коровки-Вольскаго (1678—1680 г.) всего вѣроятнѣе и можно отнести поселеніе въ Стародубскомъ полку московскаго попа Кузьмы съ 20 единомышленниками, его духовными дѣтьми. Это опредѣленіе времени поселенія попа Кузьмы согласуется и съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ приходныхъ книгъ патріаршаго казеннаго приказа, единственнымъ пока документальнымъ указаніемъ о попѣ Кузьмѣ. По всей вѣроятности имя этого полковника и видоизмѣнилось въ раскольничьемъ преданіи въ имя Гавріила Ивановича.

Но это было далеко не первая раскольничья колонія въ Стародубскомъ полку. Гораздо раньше поселенія здѣсь попа Кузьмы мы встрѣчаемся съ раскольниками, жившими въ разныхъ мѣстностяхъ Стародубья. О поселеніи ихъ имѣются и разнаго рода документальныя данныя, печатныя и рукописныя, хотя и

---

[1]) Обозр. Румянц. оп. Мал. IV 604—605. Ср. 457, 575, 643—644. О дѣятельности Коровки-Вольскаго до полковничества см. въ Ист. Русовъ (М. 1846), стр. 177—178.

весьма немногочисленныя, къ обозрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Великорусскіе поселенцы и раньше появленія и населенія сѣверныхъ уѣздовъ нынѣшней Черниговской губерніи и южныхъ Могилевской раскольниками появлялись и поселялись здѣсь.

Съ того времени какъ литовское государство окрѣпло, утвердилось и втянуло въ себя и эти искони русскія земли, населеніе сосѣдней восточной Руси, особенно со стороны Посемья, гдѣ жизнь была черезъ чуръ тяжела, благодаря татарскому гнету, начало эмигрировать сюда, какъ въ мѣста болѣе покойныя, болѣе свободныя отъ татарскаго гнета. Правители Литвы, искавшіе для завоеванія новыхъ областей и ведшіе упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарскими орденами, дорожили каждымъ новымъ человѣкомъ, селившимся въ предѣлахъ ихъ владѣній, всячески старались сохранять всѣ особенности славянской патріархальной общины, быстро клонившейся къ упадку въ сосѣдней Польшѣ. Обстоятельства измѣнились, когда возоблацали и здѣсь польскіе порядки, и естественнымъ слѣдствіемъ ихъ явился отливъ населенія въ южныя области, когда-то сильно разоренныя татарами. Съ другой стороны, задолго до освобожденія Малороссіи отъ поляковъ, выходцы изъ сѣверовосточной Руси являлись и поселялись здѣсь. Указанія на этотъ счетъ довольно многочисленны; ближе къ дѣлу, мы укажемъ на листъ того-же Стародубскаго полковника Коровченко-Вольскаго, отъ 8 октября 1680 г., въ которомъ констатируется фактъ поселенія великоросійскихъ людей въ сѣверной Малороссіи въ 1628 г. [1]).

Съ освобожденіемъ Малороссіи отъ власти поляковъ и съ изгнаніемъ ихъ начинается усиленное переселенческое движеніе въ сѣверную Малороссію, какъ со стороны польской, такъ и великорусской. Уже въ статьяхъ Юрія Хмѣльницкаго говорится о значительномъ наплывѣ великоруссовъ изъ пограничныхъ съ Малороссіей великороссійскихъ городовъ. Въ 1672 г. „Заоцкіе помѣщики всѣхъ городовъ, стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, жильцы, и городовые дворяне и дѣти боярскіе“ били челомъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства ими бѣглыхъ крестьянъ. Особенно они жаловались на Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго и новгородсѣверскаго, за которымъ, по ихъ сло-

[1]) Арх. Черниг. казен. пал., № 1199. Ср. Ак. Ю. и З. Р. VII, 187.

вамъ, „поселилось камарицкихъ бѣглыхъ драгунъ и крестьянъ и иныхъ прихожихъ людей больше пяти тысячъ“ [1]) Шли сюда великороссійскіе крестьяне и иные прихожіе люди по разнымъ поводамъ: или чтобы избѣжать наказанія за преступленія на мѣстѣ своего первоначальнаго жительства, или просто избавиться отъ тяжкой помѣщичьей власти, и это были далеко не единичные случаи. Иногда и голодъ заставлялъ выселяться и искать куска хлѣба гдѣ нибудь на чужой сторонѣ [2]). Быть можетъ по этой именно причинѣ, какъ намъ неоднократно приходилось слышать отъ старожиловъ, Черниговская губернія и до сихъ поръ пользуется дурною репутаціею у жителей правобережной Украины, даже на Волыни, т. е. какъ мѣсто поселенія многихъ выходцевъ или „сходцевъ“, пользовавшихся всегда на Руси не доброю славою. Еще въ прошломъ и началѣ настоящаго столѣтія по народнымъ преданіямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самыхъ сѣверныхъ уѣздовъ нынѣшней Черниговской губерніи до того укрывалось много разного рода бѣглецовъ, что жители нерѣдко должны были выѣзжать на полевыя работы не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ [3]). Приблизительно съ 60-хъ годовъ XVII в.

---

[1]) Акт. отн. къ ист. юж. и зап. Рос. IX. Спб. 1877. Стр 855—859. Ср. V, 53 90; 111, №№ 348, 351 и 362.

[2]) Въ «Компутахъ» стародуб. полка 1723 г., между прочимъ, отмѣченъ слѣд. фактъ. При описи слоб. Бельни, въ которой находилось 7 безгрунтовыхъ убогихъ домохозяевъ, замѣчено: «сіи шисть человѣкъ, опрочъ Ив. Андріева, великороссійской породы, не въ давнихъ на слободу сію записнихъ числехъ, отпущенн, сказовали, для прокормленія отъ своихъ бояръ; а мѣютъ знову на свои возвратитися жилищи». Л. 791. Ср. у Желябужскаго въ Зап. стр. 213. Бѣгали сюда крестьяне и по болѣе интимнымъ поводамъ. Такъ бѣглый крестьянинъ Ивашка Романовъ, бѣжавшій вмѣстѣ съ другими, показывалъ по своей поимкѣ, что они бѣжали отъ помѣщика, потому что послѣдній «жонъ ихъ имал къ себѣ насильствомъ попеременно для блудного воровства. И о томъ они извѣщали отцу его духовному села Юркова попу Семену Өедорову, и, не стерпя, бѣжали къ Москвѣ и били челомъ на то и. Іоакиму въ его духовномъ патріаршемъ приказѣ». Не помогъ мужикамъ и патріархъ. М. А. М. Ю. кн. малорос. прик. № 34, 1674—5 г., л. 659 об. и др.

[3]) Домонтовичъ, М. Мат. для географ. и стат. Рос., собр. офицерами генер. шт. Черн. губ. Спб. 1865 г. Примѣчаніе, стр. 533.

къ прежнимъ мотивамъ выселенія изъ Великороссіи присоединился новый—религіозный, гоненіе за содержаніе древняго благочестія, значительно усилившее притокъ сюда великороссійского населенія. Это послѣднее усиленіе великорусскаго элемента указывается и въ современныхъ малороссійскихъ лѣтописяхъ. Въ лѣтописи Самовидца, составленной, если и не въ цѣломъ своемъ составѣ, то въ значительной своей части, въ предѣлахъ Сѣверщины, или въ ближайшей къ ней мѣстности, если не въ самомъ Стародубѣ, отмѣченъ подъ 1676 годомъ и фактъ поселенія великороссійскихъ раскольниковъ въ стародубскомъ полку. Говоря о взятіи царскими войсками Соловецкаго монастыря, за упорство его монаховъ въ расколѣ, и отмѣчая кратко главнѣйшія разногласія раскольниковъ съ православными, или непринятыя ими „новопоставленныя рѣчи" на московскомъ соборѣ 1666—1667 гг., Самовидецъ замѣчаетъ: „И за тіе новіе рѣчи многихъ чернцовъ, поповъ и свѣцкого стану людей у земли московской помордовано, же того не хотѣли приймати, але на старомъ держалися, яко передъ тимъ було. *И многіе выходили на Украину на мешканя ку сѣверу*, позоставивши набитки свои, а иннихъ и у силку позасилано" [1]). Такимъ образомъ Самовидецъ ставитъ въ связь поселеніе раскольниковъ въ сѣверскихъ предѣлахъ съ московскимъ собобoромъ 1666—1667 гг. На эту же связь, какъ мы и видѣли выше, указываетъ и безпоповщинскій историкъ Иванъ Алексѣевъ, авторъ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ".

Нельзя точно и опредѣленно указать ни годъ появленія, ни лицо, которое занесло сюда расколъ; но несомнѣнно одно, что расколъ появился здѣсь очень рано, почти одновременно съ другими наиболѣе извѣстными мѣстностями, въ которыхъ онъ свилъ себѣ довольно прочное гнѣздо, какъ напр. Поморье, Керженецъ и др. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что стародубскій край издавна уже находился въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ

---

[1]) Лѣт. Самовидца, изд. кіев. врем. ком. по разб. древ. акт. Кіевъ 1878 г., стр. 131—132. Ср. Чт. моск. общ. ист. и древ. Рос. 1846 г., № 2, стр. 66. — Припомнимъ и то, что царь Алексѣй Михайловичъ на соборѣ 1666 г. свидѣтельствовалъ, что какъ доходитъ слухъ до его царскихъ ушей, расколъ существуетъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, весяхъ и селахъ, и не только въ Россіи, а и въ другихъ странахъ.

съ Москвой, изъ которой и исходило и распространялось раскольническое движеніе. И первыми организаторами раскола вездѣ были Москвичи, какъ и здѣсь. Изъ показаній по дѣлу о наслѣдствѣ Шелковникова и по дѣлу о грабежѣ пятисотеннаго Чубаровскаго полка Родіона Боровкова 1700 г. видно, что московскіе раскольники селились въ самомъ городѣ Стародубѣ и въ предѣлахъ Стародубскаго полка еще во времена полковничества Петра Рославца, т. е. во всякомъ случаѣ до 1676 года [1]). Вѣроятно и то, что первые, вышедшіе сюда раскольники, нашли удобное поле для своей пропаганды: здѣсь гораздо раньше раскольниковъ поселилось значительное число великорусскихъ крестьянъ и другихъ выходцевъ, среди которыхъ расколъ, не имѣя „возбраненія себѣ", свободно могъ расширять сферу своей дѣятельности, охватывая крѣпкой сѣтью какъ раньше поселившихся здѣсь, такъ и постоянно вновь приливавшихъ колонистовъ.

Имѣется и другое, болѣе компетентное, мѣстное и современное свидѣтельство о поселеніи раскольниковъ въ Сѣверщинѣ до появленія здѣсь попа Кузьмы съ 20 московскими выходцами, ревнителями старообрядства. Такъ, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и новгородсѣверскій, въ письмѣ отъ іюля 1677 года, къ тогдашнему стародубскому наказному полковнику Михаилу Рубцу, пишетъ: „мнѣ вельце ласковый пане полковнику наказный стародубовскій, въ Духу Святомъ наймилшій сыну. Русскіе люде слободки Демянкувской суплѣковали до насъ чрезъ честного отца Іякова Хапчинского, абысми имъ книги, которыя нашъ высланный честный отецъ Сіомашко позабѣровши въ нихъ, положилъ въ церкви Рождества пресвятой Богородицы стародубовской, казали повернути. За чимъ мы, скопившися на ихъ прозбу, просимъ милости твоей—рачъ вм. . . оныя книги честному отцу Іякову Хапчинскому, росказати выдати; а онъ, ведлугъ росказаня нашего, повиненъ будетъ онимъ отдати, що и повторе жадаючи, архиерейское мое благословеніе милости твоей засилаю. Зъ монастыра Всемилостиваго Спаса архимандріи новгородской іюля—року 1677.

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. Дѣло о наслѣдствѣ Шелковникова. Мат. для начал. ист. раск. на Вѣткѣ и въ Препод., № 9, стр. 72. М. А. М. Ю. Кн. Малорос. прик. № 83,—показаніе раскольника Ѳедора Степанова, жившаго въ Еленкѣ. См. тамъ же, въ Матер., № 11, стр. 97, 100 и 101.

Милости твоей всѣхъ благъ желающій пастырь Лазарь Барановичъ, архиеп черниговскій, новгородскій и проч. рукою" [1]).

Письмо о Демянковскихъ раскольникахъ архіепископа Лазаря Барановича къ тогдашнему наказному полковнику—важный историческій документъ какъ для уясненія вопроса о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ Стародубскомъ полку, такъ и для уясненія отношеній ихъ къ мѣстной епархіальной власти, о которыхъ нѣтъ пока никакихъ другихъ свѣдѣній изъ XVII в. Изъ этого письма впервые оказывается, что мѣстная епархіальная власть если не немедленно по поселеніи здѣсь великорусскихъ раскольниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ скоромъ времени послѣ того, нашла возможнымъ принять противъ нихъ извѣстныя мѣры, практиковавшіяся въ то время и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору. Какими соображеніями или мотивами руководился при этомъ Лазарь Барановичъ, сдѣлавъ первоначально распоряженіе объ отобраніи старыхъ книгъ у раскольниковъ, а потомъ измѣнивъ первоначальное распоряженіе и приказавъ снова возратить ихъ раскольникамъ—изъ письма невидно; во всякомъ случаѣ его отношеніе къ новопоселившимся здѣсь раскольникамъ—фактъ но-

[1]) Подлинникъ этого письма находился въ свое время у А. С. Лашкевича, теперь покойнаго. Въ первый разъ оно издано А. М. Лазаревскимъ въ его «Опис. Ст. Малор.» I, 180. Упоминаемый въ письмѣ Л. Барановича свящ. *Іаковъ Ханчинскій*—тотъ самый, котораго полковникъ Рославецъ побилъ и котораго 13 авг. 1677 г. «назадъ обурився, виволокши зъ олтара, по службѣ божой, сродзе били и на смерть забили бы, ежели бы не оборонилъ полковникъ наказній, з своими припавши козаками». Лѣтоп. Самов., стр. 136—137. Онъ же, въ качествѣ архіерейскаго конюшаго, принималъ участіе, вмѣстѣ съ тѣмъ же Рославцемъ и генеральнымъ писаремъ Мокріевичемъ, въ отправленіи гетмана Многогрѣшнаго въ Москву въ мартѣ 1672 г., по сверженіи его съ гетманства. Письма преосв. Лаз. Барановича. Изд. 2. Черниговъ. 1865 г. Стр. 163. Ср. 172. Акт. Юж. и Зап. Рос. IX, 113, 116, 335, 337, 904.—Здѣсь же кстати замѣтимъ, что отъ одного изъ ученыхъ московскихъ архивистовъ намъ приходилось слышать, что въ столбцахъ Малороссійскаго Приказа М. А. М. Ю. или другихъ дѣлахъ того же архива ему приходилось встрѣчать отписку Лазаря Барановича въ Москву о стародубскихъ раскольникахъ. Къ какому времени относилась отписка—неизвѣстно. Наши личные поиски по этому указанію въ московскомъ архивѣ не сопровождались успѣхомъ.

вый и въ извѣстной мѣрѣ освѣщаетъ намъ церковное ихъ положеніе на первыхъ порахъ на новомъ мѣстѣ жительства. Кромѣ того, письмо это исправляетъ и ту часто повторяемую ошибку, что въ с. Демьянкахъ раскольники поселились изъ Понуровки, когда ихъ стали вытѣснять изъ послѣдней по указу царевны Софіи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Семену Ивановичу Самойловичу (1680—1685 гг.). Объ этомъ указѣ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ [1]). Между тѣмъ изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ и письма Лазаря Барановича ясно видно, что село Демьянки раньше поселенія попа Кузьмы въ Понуровкѣ было населено раскольниками; въ первой половинѣ 1677 г. они здѣсь уже находились, и по отношенію къ нимъ принимались извѣстныя мѣры со стороны мѣстной епархіальной власти.

Нѣтъ точныхъ документальныхъ указаній, когда именно раскольники поселились въ слободѣ Демьянкахъ; только одно несомнѣнно, что они здѣсь не были первоначальными засельниками. По показанію старожиловъ въ 1729 г. „завладѣнія лядскаго на шляхетскомъ Абрамовича грунтѣ, по его же Абрамовича приказу, Демянки осаживали Денисъ и Милютка; и тѣмъ селомъ онъ, Абрамовичъ, ажъ до Хмельнищины владѣлъ; а послѣ лядскаго владѣнія тѣмъ селомъ владѣли Небаба и Блаватскій“... Въ 1704 году Демьянки отданы были гетманомъ Мазепою стародубскому полковнику Михаилу Миклашевскому, въ родѣ котораго и остались. Въ 1723 году, когда произведена была первая подробная перепись стародубскаго полка и вмѣстѣ всей Малороссіи, здѣсь было всего только три раскольничьихъ двора, тогда какъ крестьянъ Миклашевскаго грунтовыхъ 93 двора и бобыльскихъ 32 хаты. О матеріальномъ положеніи этихъ раскольниковъ Демьянковскихъ въ переписныхъ книгахъ замѣчено: „Въ семъ же селѣ 3 двора раскольниковъ: сіи всѣ кгрунтовіи и велми можніе, а селу жадной помощи не чинятъ“. Какъ велика была разница между числомъ раскольниковъ въ селѣ Демьянкахъ во время Лазаря Барановича и во время переписи 1723 года, судить трудно за недостаткомъ на то данныхъ; изъ общаго тона вышеприведеннаго письма Лазаря Барановича можно, кажется, заключить, что „русскіе люди слободки Демянковской

---

[1]) Тихонравовъ, Н. С. Лѣт. рус. лит. т. IV. Отд. III, стр. 58.

поселены были не въ такомъ ограниченномъ количествѣ дворовъ, какъ свидѣтельствуетъ перепись 1723 г. [1]).

Къ первымъ раскольничьимъ поселеніямъ въ стародубскомъ полку нужно отнести и упоминаемыя Ив. Алексѣевымъ слободы Понуровку, Бѣлый и Синій Колодези, Замышевъ, Шеломы и Митьковку.

О времени заселенія раскольниками слободы Понуровки, находившейся „въ Ключу Стародубовскомъ", имѣются слѣдующія данныя. Въ „Выписи изъ книгъ мѣскихъ стародубовскихъ права Майдебургскаго", отъ 3-го іюля 1714 г., по дѣлу капитона Никиты Михайлова Шелковникова, составленной на основаніи болѣе раннихъ документовъ и хранящейся въ настоящее время въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, о времени заселенія слободы Понуровской сказано, что мать Шелковникова съ своими двумя сыновьями, работникомъ Павломъ Өедоровымъ и др. жила „въ селѣ Понуровцѣ при покойнаго Рославца полковничествѣ... Отсюда мы въ правѣ заключить, что московскій попъ Кузьма и его двадцать духовныхъ дѣтей и не были первоначальными засельниками слободы Понуровской, какъ она называется въ „Роспросныхъ рѣчахъ" 1700 г. по дѣлу того же Шелковникова, и что, стало-быть, Понуровка какъ раскольническая слобода была осажена раньше 1676 г., когда прекратилось полковничество П. И. Рославца [2]). О поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ имѣется и другое болѣе раннее оффиціальное свидѣтельство, чѣмъ свидѣтельство безпоповщинскаго историка Ивана Алексѣева. Именно въ Книгѣ генеральнаго слѣдствія по стародубскому полку 1729—1730 гг., между прочимъ, замѣчено о поселеніи здѣсь раскольниковъ слѣдующее: „Село Понуровка осажована слободою и въ оной слободѣ сначала жили раскольники, великороссійскіе люди; по висилки же зъ Понуровки раскольщиковъ, какъ осѣли тамъ малороссійской породы люди, тѣмъ селомъ Понуровкою Семионъ да Яковъ гетмана Самойловича сини владѣли. А когда

---

[1]) «Компуты» стародуб. полка 1723 г., ст. 450—455. Лазаревскій, А. М. Опис. ст. Малор. 1, стр. 179—180. Ханенко, А. И. Опис. мѣст. Черн. губ. въ пред. бывш. старод. полка. Черниговъ. 1890 г. Стр. 28—29.

[2]) М. А. М. И. Д. Подлинные малороссійскіе акты (архивъ старый, отд. 2). См. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод., № 7 стр. 60. № 9, стр. 72.

гетманъ Самойловичъ зъ дѣтьми своими посланъ въ силку, то оное село Понуровку гетманъ Мазепа на себе взялъ и опредѣлилъ подъ видѣние двора своего Бакланскаго, а потомъ зъ своего владѣнія тотъ же гетманъ Мазепа полковниковѣ стародубскому Михайлу Миклашевскому 1693 года надалъ не на рангъ"... Упоминается о раскольникахъ въ Понуровкѣ и въ переписи 1723 г.: „Мицко москаль зъ раскола окрестился и грунтовій. Сей не належитъ до посполства и не помоществуетъ" [1]).

---

[1]) Книга генеральнаго слѣдствія по стародуб. полку—рки. библ. коллегіи П. Галагана въ Кіевѣ, № 9, л. 5, ст. 11 об. «Компуты» старод. полка 1723 г., л. 423 об. *Хоненко А. И.* «Опис. мѣст. Черн. губ. въ пред. бывш. старод. полка», См. *Понуровка.* Стр. 53—55. Въ Румянцевской описи Малороссіи встрѣчаются нерѣдко указанія на то, что раскольники жили въ Понуровкѣ и въ первой половинѣ XVIII в. Такъ о Млинскихъ обывателяхъ Ст. Сем. Вдовенкѣ, 57 л., и Саввѣ Сем. Вдовенкѣ, 63 л., замѣчено, что они родились въ Малороссійскомъ селѣ Понуровкѣ. Т. LXXXII, подвор. вѣд. №№ 5—6; ср. тамъ же №№ 19—21. Въ подвор. вѣд. войта слоб. Чуровичъ, при опис. бездв. избы Анд. Ѳед. Новиченкова, 52, замѣчено, что отецъ его бывалъ малороссіянинъ стародуб. полка с. Понуровки и вышелъ въ Чуровичи въ 1746 г. ibid CXVII, л. 7. Ср. подвор. вѣд. Вороньковскаго войта, лл. 5—6, 10 об., 19, 50 и 55.—Въ одномъ изъ своихъ донесеній св. синоду черниговъ. еп. Иродіонъ Жураковскій писалъ въ 1723 г., что понуровскій раскольникъ Дмитрій Безсчастновъ умышленно вѣнчалъ своего сына въ православной церкви съ православною дѣвицею, а потомъ перекрестилъ ее раскольничьимъ попомъ Борисомъ и держалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ расколѣ. Опис. док. и дѣлъ арх. св. син. IV, № 1323, п. 11 стр. 156—158. —О положе. раскольниковъ въ Понуровкѣ въ XVIII в. см. Х. И. А. Д. М., № 2414, лл. 703, 709—713 и др. —Въ Ист. стат. опис. черн. еп. на вопросъ: «временные поселенцы Понуровки раскольники, были ли первыми поселенцами ея? «отвѣчено: «нѣтъ, мѣсто *нарицаемое Понуровка* (такъ говоритъ Ив. Алексѣевъ въ своей повѣсти) извѣстно было и безъ нихъ». Мало того, утверждается, на основаніи какого то неразъясненнаго мѣстнаго преданія, что въ Понуровкѣ былъ когда-то монастырь въ честь Рождества Іоанна Предтечи, и что приходскій древній храмъ Понуровки въ честь св. Троицы основанъ не позже 1676 г. Кн. VII, стр. 79—80. При такихъ неосновательныхъ попыткахъ объяснить мѣстное преданіе съ неменьшею вѣроятностью можно относить его и къ раскольникамъ, какъ первымъ дѣйствительнымъ поселенцамъ здѣсь, на что вышеуказанныя данныя и даютъ право.

Изъ показаній по дѣлу о грабежѣ пятисотеннаго Чубаровскаго полка Родіона Боровкова 1700 г. видно, что раскольники селились въ Понуровкѣ и послѣ 1693 г., когда она перешла по универсалу г. Мазепы къ Миклашевскому [1]).

Сопоставляя оффиціальное свидѣтельство Книги генеральнаго слѣдствія съ свидѣтельствомъ Ивана Алексѣева, о времени поселенія въ Понуровкѣ попа Кузьмы, и тѣми новыми данными и основанными на нихъ соображеніями, которыя нами приведены выше по поводу этого поселенія, можно, кажется, придти къ тому довольно вѣроятному заключенію, что Понуровка какъ слобода, осаженная раскольниками, при посредствѣ Курковскаго куреннаго атамана, или, вѣрнѣе, волостнаго сотника Ломаки, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, о которыхъ по большей части точно говорилось во всякомъ „осадномъ листѣ", первоначально входила въ составъ селъ, подлежащихъ „по послушенству" стародубскому магистрату. Осаженныя на магистратскихъ земляхъ слободы часто потомъ переходили во владѣніе къ разнымъ генеральнымъ и полковымъ чинамъ, гетманамъ и полковникамъ, какъ извѣстно, крайне самовластно распоряжавшимися магистратскими землями, селами и слободами. Захватъ этихъ послѣднихъ былъ однимъ изъ самыхъ общеупотребительныхъ пріемовъ для генеральной и полковой старшины увеличить свои земельныя владѣнія. По крайней мѣрѣ извѣстный намъ полковникъ. П. И. Рославецъ широко практиковалъ этотъ пріемъ, какъ потомъ и другіе стародубскіе полковники по его слѣдамъ. Такъ изъ осаднаго листа на поселеніе Азаровки (Назаровки), выданнаго полковникомъ Рославцемъ въ маѣ 1670 г., видно, что новую слободу позволялось заводить осадцѣ „Тимошовѣ Павловичу" (вѣроятно раскольнику, какъ догадывается г. Лазаревскій), „обивателевѣ бившому... ухровскому", съ правомъ вольности на пять лѣтъ, а потомъ, „которыи лѣта волно виживши, отъ всякихъ подачокъ, подлеглости городовой стародубовской всякой маютъ послушними и повинними быти"... По прошествіи пяти льготныхъ лѣтъ Азаровка однако же отдавала „послушенство" не стародубскому магистрату, а выдавшему осадный листъ полков-

---

[1]) М. А. М. Ю. Кн. малорос. прик., № 83. Показаніе Понуровскаго раскольника Вас. Ник. Толстопятова. Мат. для ист. раск. на В. и въ Starод., № 11, стр. 98.

нику Рославцу и затѣмъ его преемникамъ-полковникамъ [1]). Тоже, вѣроятно, было и съ Понуровкой, хотя мы и не имѣемъ документальныхъ указаній на этотъ счетъ. Изъ первоначальныхъ раскольничьихъ поселеній, упоминаемыхъ Иваномъ Алексѣевымъ, Замишевъ также принадлежалъ сначала къ числу магистратскихъ селъ, а потомъ перешелъ на рангъ стародубскихъ полковниковъ. Изъ позднѣйшихъ раскольничьихъ поселеній въ качествѣ магистратскихъ селъ, или, по тогдашнему техническому выраженію, „къ помочи мѣской", осажены были: слобода Зыбкая (нынѣ г. Новозыбковъ) въ 1701 году и Тимошкинъ перевозъ въ 1703 г.,—обѣ по разрѣшенію полковника Миклашевскаго, и вскорѣ по поселеніи здѣсь раскольниковъ отданы были гетманомъ во владѣніе разрѣшившему ихъ поселеніе полковнику [2]).

Относительно Синяго и Бѣлаго Колодезей, Замышева, Митьковки, за исключеніемъ слободы Шеломы, какъ мѣстахъ раскольничьихъ поселеній, имѣется почти одно свидѣтельство Ивана Алексѣева. Какъ въ „Компутахъ" 1723 года, такъ и въ „Книгѣ генеральнаго слѣдствія" о маетностяхъ по стародубскому полку 1729—1730 г. нѣтъ ровно никакихъ указаній о поселеніи здѣсь раскольниковъ. О Синемъ Колодезѣ въ послѣдней сказано только то, что это село (22 двора) „осажовано на войсковой землѣ слободою за владѣнія бывшихъ полковниковъ стародубовскихъ и купно зъ волостю Чолховскою надлежало и надлежитъ на рангъ полковничій" (л. 3 об.). Тоже подтверждено и въ 1731 году при разсмотрѣніи генеральною старшиною добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ (л. 2 об.). Въ позднѣйшей Румянцевской описи Малороссіи 1767 г., т. CXVI, въ вѣдомости зыбковскаго войта Ивана Масленникова о приписныхъ къ слободѣ Зыбкой и бѣжавшихъ между прочимъ, замѣчено о вдовѣ Парасковьѣ Радіопо-

---

[1]) Осадный листъ на поселеніе Азаровки напечатанъ Лазаревскимъ въ Опис. ст. Мал. 1, 180—81. См. тамъ же и другія сообщаемыя имъ данныя о смѣнѣ владѣльцевъ. По листу полковника Як. Самойловича 1686 г. с. Азаровка отдана «ку вспартю домовихъ потребъ» стародубскому войту Исааку Ермолаевичу Деревянкѣ. Кн. генер. слѣд. о маетностяхъ старод. полка. Ср. Ханенко, А. И. Опис. мѣст. въ прел. быв. старод. п. Стр. 1—2.

[2]) Ист. стат. оп. черн. еп. VII, 199. Лазаревскій: Опис. ст. Мал. 1, 433. Ср. Зап. о жизни протоіерея Верховскаго. Спб. 1887. Стр. 927.

новой Назаровой, 50 лѣтъ, что „мужъ ея бывалъ изъ малороссіянъ стародубовскаго полка Синяго Колодезя, живалъ въ подданствѣ за стародубскими полковниками“. Село Синій Колодезь до марта 1719 года находилось въ ранговомъ владѣніи стародубскихъ полковниковъ, когда оффиціально „по доброхотной пріязни“, а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ взятки было уступлено полковникомъ Лукьяномъ Жоравкой генеральному судьѣ Ивану Чарнышу [1]). При слѣдствіи о границахъ Синяго Колодезя, при отдачѣ чолховской волости съ ранговыми деревнями, пожалованными графу П. А. Румянцеву Высочайшимъ указомъ отъ 10-го ноября 1770 г., на основаніи разныхъ документовъ, было выяснено, что с. Синій Колодезь при криницѣ съ такимъ же названіемъ былъ поселенъ на земляхъ манюковскихъ приблизительно въ послѣдней четверти XVII в., когда еще село Манюки принадлежало къ числу ратушныхъ селъ. При томъ же слѣдствіи, владѣльцы манюковскіе, братья Велинскіе, показали, что село Синій Колодезь „начало поселенія своего имѣетъ такое, что подлѣ Колодезя, прозываемаго Синяго, кой состоялъ внутръ дачъ манюковскихъ, *осѣлились были сперва раскольники*, а, за выходомъ ихъ оттоль, пошли въ ихъ жилища малороссіяне, и по тогдашней въ переходѣ свободности, мало по малу умножившись, когда уже завели слободу, то ради отбуванія общенародныхъ податей и повинностей, причислена она стала къ ратушнымъ деревнямъ; но однако жъ и затѣмъ, не имѣя никакихъ удѣлныхъ принадлежностей, состояла всегда на такомъ основаніи, что какъ люде осѣлились тамо не въ особомъ какомъ обрубѣ, но въ грунтѣ манюковскомъ, безъ всякого универсалного на то дозволенія, но съ дозволенія манюковскихъ обывателей, а не съ какого особливого отводу“.... [2]) Надо полагать, что на тѣхъ же условіяхъ поселялись и жили и первоначально осѣвшіе здѣсь раскольники.

[1]) Румянц. Оп. CXVI. Вѣд. Зыб. война, л. 144 об. Выраженіе вѣдом. — «изъ малороссіанъ» — нужно понимать въ смыслѣ родившагося въ Малороссіи (см. ниже). Старообрядцы вообще не смѣшивались съ кореннымъ населеніемъ Малороссіи, какъ и теперь въ слободахъ чрезвычайно рѣдки родственныя связи съ малороссіянами. Отдѣльные случаи однакоже были, особенно на первыхъ порахъ. — Сулимовскій Архивъ, 198—199.

[2]) Отдаточная книга Чолховской волости. Лазаревскій: Опис. Стар. Малорос. I, 416.

О Бѣломъ Колодезѣ точно извѣтно, что онъ поселенъ во время полковничества П. И. Рославца, а осадилъ его для себя на вольномъ мѣстѣ полковой обозный Гаврило Дащенко. Исторія этого поселенія довольно подробно разсказана въ извѣстной уже намъ „Книгѣ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ стародубскаго полка. „Село Бѣлый Колодезь,—скказано тамъ,—сначала, по позволенію стародубскаго полковника Рославца, на вольномъ мѣстѣ осадилъ бывшій тогда обозній полковій стародубовскій Гаврило Дащенко, которому на осаду того села и позволительное открытое письмо отъ того же полковника Рославца 1673 года августа 12 дня дано, которимъ онъ, Дащенко, обозній, по смерть свою, а по немъ жена, а по смерти жени его синъ ихъ Андрей Дащенко, безъ всякого уряду, по смерть же свою владѣлъ. Потомъ тимъ селомъ Бѣлимъ Колодяземъ владѣли полковникъ стародубовскій Коровка, а потомъ Симеонъ и Яковъ Гетманичи, потомъ Михайло Миклашевскій, по немъ (съ 1709 г.) судья полковій Прокопъ Силенко, по универсалу гетмана Скоропадского. Послѣ тотъ же гетманъ Скоропадскій отдалъ во владѣніе тое село Бѣлый Колодезь своимъ универсаломъ 1719 году Андрею Миклашевскому въ замѣну с. Полѣевки, отцу его и наслѣдникамъ его въ вѣчніе года жалованною монаршою грамотою утвержденного, которое оній гетманъ Скоропадскій на себе у его Миклашевского отобралъ, а къ ратушѣ оное Бѣлый Колодезь никогда не надлежало и не надлежитъ“ (лл. 48 об. 49). Тоже потдтвердила и генеральная старшина въ 1731 г. (л. 14). Въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго на село Бѣлый Колодезь, при отдачѣ его Миклашевскому, между прочимъ, сказано, что это село въ 1714 году было отдано полковымъ судьей Силенкомъ сыну его Тимоѳею, и что послѣдній „знать прикро зъ тамошними селянами обходился, что оное въ державѣ его змалолюднѣло“. Это-то обстоятельство гетманъ и выставлялъ основаніемъ отдачи его „въ зуполное владѣніе п. Андрею Миклашевскому“ [1]). Сопоставляя данныя Книги генеральнаго слѣдствія и гетманского универсала 1719 г. съ свидѣтельствомъ Ивана Алексѣева, можно съ вѣроятностью полагать, что обозный Дащенко при основаніи заселилъ свою слободу великорусскими выходцами—раскольниками, но что потомъ они отсюда или были вытѣснены во время пол-

[1]) Обозр. Румянц. оп. Мал. IV, 723, 751—752,

ковничества С. И. Самойловича, по требованію московскаго правительства, какъ свидѣтельствуетъ Ив. Алексѣевъ, или ушли отсюда въ періодъ времени между 1714—1719 гг., когда сталъ слишкомъ круто обходиться съ поселенцами тогдашній владѣлецъ слободы Тимоѳей Силенко. Нужно принять во вниманіе въ послѣднемъ случаѣ и то, что, по гетманскому универсалу, время выселенія поселянъ изъ Бѣлаго Колодезя какъ разъ совпадаетъ съ временемъ образованія описныхъ раскольничьихъ слободъ, когда раскольники легально получили право независимаго отъ воли малороссійскихъ державцевъ существованія и охотно селились на отведенныхъ имъ по государеву указу земляхъ.

О времени заселенія Замишева и слободы Шеломы имѣются нѣкоторыя и болѣе или менѣе точныя указанія. О первомъ извѣтно то, что это село первоначально входило въ составъ магистраткихъ селъ, а потомъ перешло на рангъ стародубскихъ полковниковъ, и въ 1695 году была уже тамъ церковь, какъ значится въ листѣ полковника Миклашевскаго. Во время полковничества С. И. Самойловича село это находилось при самой границѣ, было во владѣніи этого полковника и заселялось раскольниками, по крайней мѣрѣ до времени преслѣдованія раскольниковъ этимъ послѣднимъ, т. е. приблизительно до 1682—1684 гг. Въ „Роспросныхъ рѣчахъ“ по дѣлу о наслѣдствѣ Никиты Михайлова Шелковникова предъ судомъ войсковымъ генеральнымъ, отъ 1-го сентября 1700 г., а также и въ „Выписи изъ книгъ мѣскихъ стародубовскихъ права майдебургскаго“ 1714 г. прямо удостовѣряется тотъ фактъ, что раскольники селились въ Замишевѣ во время полковничества С. И. Самойловича, и что потомъ, во время его гоненія на „капитоновъ“, многіе изъ нихъ „ушли на Вѣтку за пана Халецкаго на житье“. Есть и позднѣйшія указанія на поселеніе раскольниковъ въ с. Замишевѣ, напр. въ Румянцовской описи Малороссіи. Въ подворной вѣдомости чуровичскаго войта, поданной румянцевскимъ ревизоромъ 14 октября 1767 г., о обывателѣ слободы Чуровичъ Григоріѣ Слѣпцовѣ, 47 лѣтъ, замѣчено: „малороссійской природы, стародубовскаго полка, с. Замишева, переселился въ Чуровичи въ 1759 г.“ Выраженіе: „малороссійской природы“—въ этого рода документахъ значитъ просто—родившійся въ Малороссіи, точно также часто говорится о рас-

кольникахъ, вышедшихъ изъ Польши, что они „польскойнаціи",— изъ Лифляндіи, что они „шведской націи" [1]).

О слободѣ Шеломы извѣстно, что она поселена на землѣ значковаго товарища Аѳанасія Зѣнченка, но о времени ея поселенія до сихъ поръ никѣмъ не было сдѣлано никакихъ указаній, даже и приблизительныхъ, за недостаткомъ относящихся сюда данныхъ. По универсалу гетмана Мазепы 1702 года, отъ 27-го іюля, за Зѣнченкомъ были утверждены двѣ его слободы— Людковщина и Шоломинъ. Точный смыслъ гетманскаго универсала даетъ основаніе полагать, что обѣ слободы были поселены гораздо раньше времени выдачи универсала. „Маючи", говорится въ немъ, „на своихъ старожитнихъ грунтахъ двѣ слободцѣ, едну прозиваемую Людковщину, а другую Шоломинъ, посажены въ томъ же стародубовскомъ полку, панъ Аѳанасій Зѣнченко, старинній и знатній того полку Стародубовского товарищъ, проситъ насъ о утвержене онихъ зъ людми въ нихъ будучими" [2])... По вѣдомости перваго слободского управителя Василья Морозова, составленной въ 1759 г., „слобода Шеломы поселена въ дачахъ значковаго товарища козака Силы Зѣнченка, на рѣчкѣ Корнѣ, въ 7203 году", т. е. въ 1695 г. По той же вѣдомости далѣе оказывается, что „оную слободу осаживалъ козелецкого уѣзду помѣщика Семена Талачина, деревни Храпкиной, крестьянинъ Василій Сычевъ. Осадное письмо онымъ Шеломовскимъ обывателямъ, по объявленію ихъ, было дано и въ бывшій пожаръ згорѣло, о чемъ поданное отъ нихъ доношеніе свидѣтельствуетъ" [3]). Какъ состоявшая изъ сплошнаго раскольническаго населенія, слобода эта съ 1715 года вошла въ составъ описныхъ государевыхъ раскольническихъ слободъ.

Нѣсколько позднѣе упомянутыхъ слободъ, по разсказу Алексѣева, была основана слобода *Митьковка*, осаженная сыномъ пришедшаго въ Стародубье попа изъ Бѣлева Степана,

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. Дѣло о наслѣдствѣ Шелковникова. См. въ «Матер. для нач. ист. на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ». № 9, стр. 72. № 7, стр. 60. Руманц. оп. CXVII, л. 3 об. подв. вѣд. чуров. войта. Ср. CXVI, вѣдом. Митьков. войта, л. 55 и др.—Лазаревскій: Опис. ст. Мал. I, 419.

[2]) Ист. стат. опис. черн. еп. VII, 200 Ср. 233 стр. Рум. оп. CXVI Опись бѣлая, ревизорская. Л. 1.—Обозр. Рум. Оп. Мал. стр. 661.

[3]) Х. И. А. Д. М. № 3125.

Дмитріемъ Степановымъ, по имени котораго и названа. Время основанія и этой слободы съ точностію неизвѣстно; но по Алексѣеву она основана раньше 1682—1684 гг., когда попъ Кузьма вмѣстѣ съ Степаномъ Бѣлевскимъ должны были удалиться отсюда въ польско-литовскіе предѣлы и поселиться „въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ". Такъ начала, по словамъ Ивана Алексѣева, или, вѣрнѣе, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, продолжала свое существованіе, все болѣе и болѣе усиливаясь, знаменитая въ исторіи поповщинскаго раскола Вѣтка, распространившая потомъ широко свое вліяніе среди русскаго старообрядства. Относительно Митьковки слѣдуетъ однако замѣтить, что въ 1767 г. митьковскій войтъ Антонъ Заболоцкій въ поданной румянцевскимъ ревизорамъ вѣдомости доносилъ, что слобода Митьковка осажена на ранговомъ грунтѣ, по универсалу гетмана Скоропадскаго, въ 1709 году, прилагая при вѣдомости и гетманскій универсалъ, не сохранившійся въ приложеніяхъ къ Румянцевской описи въ ея теперешнемъ видѣ (т. CXVI). Между тѣмъ въ Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 1, 127) сказано, что Митьковка поселена въ 1703 г. и что осадчимъ ея былъ нѣкто Семенъ Савельевъ. Въ приведенномъ здѣсь отрывкѣ изъ гетманскаго универсала 1709 г., гетманъ писалъ: „Въ слободѣ нашей Митьковской, которая недавно начала осѣдати, немашъ осадчаго", почему и поручалась обязанность осадчаго упомянутому Савельеву. Откуда заимствованъ универсалъ—не указано. Намъ удалось найти копію этого универсала въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ малороссійскихъ дѣлъ, № 3125, въ числѣ разныхъ приложеній къ дѣлу о причиненіи климовскими и митьковскими раскольниками многихъ обидъ и раззореній и завладѣніи грунтами у разныхъ обывателей, подчиненныхъ ропскому вотчинному правленію рейхсъ графскаго сіятельства А. Г. Розумовскаго. Вся переписка по этому дѣлу относится къ 1754—1759 гг. Универсалъ на поселеніе Митьковки, напечатанный нами въ „Матеріалахъ для начальной исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ", № 13, стр. 106, данъ Скоропадскимъ въ Глуховѣ 20-го сентября 1709 г.; въ немъ осадчему Семену Савельеву поручалось въ новозаводимой слободкѣ „всякіе порядки устроивати" и всѣ грунты „по Ирпу и по за Ирпью будучіе, до той слободки належачіе, досматривать". Въ вѣдомости 1759 года о движеніи и составѣ слободскаго населенія

управитель Морозовъ между прочимъ писалъ, что слобода Митьковка отъ Климовой отстоитъ въ 5 в., „поселена въ тогда содержащейся дачи гетманской надъ рѣчкою Митьковкою 1709 года“, и что „осаживалъ ту слободу, ярославскаго уѣзда, Якова Григорьева сына Кафтырева крестьянинъ, изъ деревни Заболотья, Семенъ Савиновъ“ (на самомъ дѣлѣ Савельевъ). Такимъ образомъ о времени заселенія Митьковки есть два разнорѣчивыхъ свидѣтельства, съ одной стороны—свидѣтельство Алексѣева, весьма правдиваго раскольничьяго историка, съ другой—документальное свидѣтельство осаднаго листа 1709 г. Эта разнорѣчивость свидѣтельскихъ показаній даетъ основаніе для весьма вѣроятнаго предположенія, что Митьковка, какъ раскольническая слобода, подобно Понуровкѣ, прекратила свое существованіе тогда, когда попы Кузьма и Стефанъ, въ силу гоненій на раскольниковъ въ Стародубьѣ во время полковничества С. И. Самойловича, ушли на Вѣтку, о чемъ по отношенію къ Понуровкѣ свидѣтельствуетъ и Алексѣевъ, а потомъ была возстановлена въ началѣ XVIII в. по осадному листу гетмана Скоропадскаго. Въ пользу этого предположенія говоритъ и самое названіе слободы [1]).

О поселеніи другихъ слободъ до 1682—1684 гг., когда начались въ Стародубьѣ преслѣдованія раскольниковъ и имѣлось въ виду при этомъ, по словамъ Ивана Алексѣева, привлечь ихъ „къ новодогматствованію“, свѣдѣній нѣтъ; да вѣроятно и не было другихъ слободъ до этого времени, кромѣ отдѣльныхъ поселеній раскольниковъ по городамъ и другимъ

[1]) Ср. Стародубье. Зап. протоіер. Т. А. Верховскаго, ч. II, стр. 80. Багалѣй, Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Рец. на кн. А. М. Лазаревскаго: «Опис. ст. Малор.» Спб. 1891. Стр. 92—93. Здѣсь почтенный ученый дѣлаетъ нѣкоторыя дополненія къ нашей статьѣ: «Къ вопросу о времени происх. стародуб. раскольничьихъ слоб.», напеч. въ Кіев. Ст. за авг. и сент. 1889 г., на основаніи обширнаго дѣла Харьк. ист. Архива, № 3125, которымъ и мы теперь пользуемся; но дѣлаетъ эти дополненія не довольно точно и обстоятельно, напр. ни слова не говоритъ о томъ, къ какому времени относятся заимствованныя имъ документальныя свѣдѣнія; и относительно времени поселенія Митьковки говоритъ, что будто бы мы имѣли въ виду въ данномъ случаѣ только извѣстіе Алексѣева, что совершенно несправедливо. Не весьма удачно проф. Багалѣй исправляетъ и нашу якобы ошибку относительно имени Митьковскаго осадчаго, называя его С. Савиновымъ, а

мѣстностямъ сѣверной Малороссіи, болѣе или менѣе населеннымъ и торговымъ. Такъ не безъ основанія можно полагать, что мѣстечко *Серединая-Буда*, находившееся около великороссійской границы, заселено было во время гетманства Самойловича великороссійскими поселенцами, т. е. главнымъ образомъ раскольниками. Оно было тѣмъ удобно для поселенія раскольниковъ, что находилось въ то время около великороссійской границы. Въ XVIII в. это мѣстечко было довольно виднымъ промышленнымъ центромъ, съ значительнымъ великорусскимъ населеніемъ, раскольничьимъ по преимуществу.

То же нужно сказать и о *Семеновкѣ*, теперешнемъ мѣстечкѣ новозыбковскаго уѣзда, которое заселено было сыномъ гетмана Самойловича, полковникомъ стародубовскимъ Семеномъ Ивановичемъ, занявшимъ значительное пространство земель по рѣчкѣ Ревнѣ и посадившемъ тутъ большую слободу, за которой и осталось его имя. Поселенная среди обширныхъ въ ту пору лѣсовъ, покрывавшихъ берега рѣчки Ревны, слобода эта скоро привлекла значительное населеніе—изъ малоруссовъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ, и въ началѣ XVIII в. была уже однимъ изъ видныхъ мѣстныхъ торговыхъ центровъ, гдѣ происходила между сѣверомъ и югомъ Малороссіи мѣна произведеній сельскаго хозяйства и промысла [1]).

О количествѣ раскольничьихъ поселенцевъ въ стародубовскихъ предѣлахъ до 1682—1684 гг. судить трудно, за недостаткомъ какихъ бы то ни было цифровыхъ данныхъ на этотъ

не С. Савельевымъ, на основаніи не самого осадчаго листа, сохранившагося въ копіи въ томъ же дѣлѣ Харьковскаго историческаго архива, а позднѣйшей вѣдомости управителя Морозова, о составѣ и числѣ слободскаго населенія въ 1759 г., поданной Кіевской губернской канцеляріи.

[1]) Рус. Историч. Библ. VIII, 949 и д. Въ Ист. стат. опис. черн. еп. VII, стр. 262, высказано невозможное предположеніе относительно времени основанія Семеновки, а именно: «Семеновка—по названію поселеніе не гетманское, иначе оно называлось бы Сеньковкою; но, по всей вѣроятности, *дотатарское*. Это подкрѣпляется и тѣмъ, что Семеновка, какъ и вся Погарская волость, принадлежала зятю князя Свидригайла, *Корсаку*, и въ послѣдствіи до конца XVIII вѣка была во владѣніи Корсаковъ». Между тѣмъ первымъ владѣльцемъ Семеновки изъ Корсаковъ былъ зять С. И. Самойловича Михаилъ Богдановичъ Корсакъ, не болѣе какъ смоленскій шляхтичъ. Рус. Арх.

счетъ. Съ другой стороны и нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, чтобы раскольничье населеніе на первыхъ порахъ было довольно значительно въ заселенныхъ имъ слободахъ. На незначительность собственно раскольничьяго населенія указываетъ и незначительное число раскольничьихъ поселеній и возможность быстраго вытѣсненія раскольниковъ при полковникѣ—гетманичѣ Семенѣ Ивановичѣ Самойловичѣ (1682—1684 гг.), по указу царевны Софьи Алексѣевны, если безусловно вѣрить разсказу Ивана Алексѣева. Возможно здѣсь однако же нѣкоторое преувеличеніе со стороны послѣдняго. Дѣло въ томъ, что раскольники селились какъ на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Легко было расправиться и попытаться даже обратить „къ новодогматствованію", согласно упоминаемому Алексѣевымъ указу царевны Софьи Алексѣевны, тѣхъ изъ нихъ, которые были поселены на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ и которые потому находились въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти; но не такъ легко и удобно было это сдѣлать съ тѣми раскольниками, которые поселились и жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Извѣстно, какъ послѣдніе дорожили великороссійскими поселенцами, предпочитая ихъ рѣшительно мѣстнымъ посполитымъ и всячески стараясь вытѣснить послѣднихъ изъ давно насиженныхъ ими родныхъ мѣстъ, потому что послѣдніе не легко поддавались закрѣпощенію со стороны козацкой старшины, только что самой вышедшей изъ того же народа. Интересныя данныя въ этомъ отношеніи приведены въ историко-юридическомъ очеркѣ А. М. Лазаревскаго: Малороссійскіе посполитые крестьяне (стр. 61, 74 и др.). Извѣстны и многочисленныя жалобы великороссійскихъ помѣщиковъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства и невыдачи бѣглыхъ крестьянъ. Въ упомянутой выше челобитной царю Алексѣю Михайловичу заоцкіе помѣщики писали: „люди, государь, наши и крестьяне, заворовавъ многіе, побивъ помѣщиковъ своихъ, а иные пожегши,

---

1875 г. I, 445 и д. Таковы и нерѣдко догадочныя предположенія Ист. стат. оп. черн. еп. Нѣкоторыя изъ нихъ были указаны въ статьѣ покойнаго Н. А. Константиновича: «Замѣтки о трудахъ архіеп. Филарета по опис. черниг. губ.». См. Зап. черниг. губ. стат. комит., кн. II, вып. 5—6.

бѣгаютъ отъ насъ за рубежъ въ малороссійскіе городы и живутъ, бѣгая отъ насъ, въ малороссійскихъ городѣхъ, за епископы и за козаками въ городѣхъ и на посадѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ. И мы, холопи твои, съ твоимъ великого государя указомъ, съ грамоты и съ отписки отъ воеводъ, къ нимъ въ малороссійскіе городы, для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, ѣздимъ; и они, епископы и старшина и козаки, намъ, холопемъ твоимъ, тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ не выдаютъ, и насъ, холопей твоихъ, бьютъ и грабятъ и многихъ побиваютъ до смерти, а иныхъ въ воду сажаютъ". Особенно горько жаловались помѣщики на малороссійскихъ духовныхъ владѣльцевъ, главнымъ образомъ на Лазаря Барановича, не брезговавшихъ никѣмъ изъ приходившихъ къ нимъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и не выдававшихъ никого, „хотя бы и прямо съ висѣлицы приходили къ нимъ", писали помѣщики.

Послѣднее наше соображеніе всего болѣе подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ 1684 г., т. е. въ самый моментъ миссіонерскаго преслѣдованія слободскихъ раскольниковъ со стороны полковника С. И. Самойловича, была основана и заселена исключительно раскольниками новая слобода *Еленка*, надъ рѣчкою Еленкою, въ дачахъ бунчуковаго товарища Михаила Иванова Рубца. Осадчимъ этой слободы былъ крестьянинъ костромскаго уѣзда, села Даниловскаго (нынѣ уѣздный городъ Ярославской губерніи), дворцовой государевой волости, Мелентій Максимовъ сынъ Пановъ. Такъ опредѣляется время заселенія этой слободы и личность осадчаго въ Переписныхъ книгахъ полковника Ергольскаго и потомъ повторяется въ Переписныхъ книгахъ капитана Брянчанинова—1718 и 1729 гг. [1]). Тотъ же годъ заселенія слободы Еленки указывается и въ упомянутой выше вѣдомости слободскаго населенія, составленной въ 1759 г. управителемъ Морозовымъ. Въ Румянцевской описи есть нѣкоторыя разнорѣчія съ этимъ указаніемъ, хотя и несущественныя. Тамъ сказано, что Еленка была основана или осажена въ 1682 г. войсковыми товарищами Михайломъ и Ильею Рубцами на грунтахъ пана Горянна Черноковскаго.

[1]) Переписныя книги 1718—1726 гг. сохранились не въ полномъ видѣ, а только по 7 раскольничьимъ слободамъ, а именно: Еленки, Воронка, Лужковъ, Зыбкой, Климовой, Клинцовъ—въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. малоросс. прик. № 118, и Радули—въ Моск. Арх. Мин. ин. дѣлъ: св. 71, № 3, по второму реестру малоросс. дѣлъ съ 1700 г.

За исключеніемъ неточности въ указаніи времени заселенія этой слободы въ Румянцевской описи, остальныя показанія послѣдней подтверждаются другими данными. Извѣстно, что при возникшихъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка спорахъ за границы между селомъ Нижнимъ и Еленкою спрошены были почти всѣ живпіе тогда Рубцы, какъ о времени поселенія Еленки, такъ и о первоначальной границѣ Еленскихъ земель. Всѣ они показали, что Еленку селилъ Михаилъ Рубецъ, а Василій Юрьевичъ Рубецъ, внукъ Ильи Ивановича Рубца, показалъ, что „вѣдаетъ онъ, по которіе именно урочища землю и другія угодія дѣдъ его Васильевъ, Михайло Ивановъ Рубецъ, къ той слободѣ Еленкѣ отводилъ, при первомъ поселеніи той слободы, которіе урочища именно слѣдуютъ: отъ шляху *татарского*, который шляхъ лежитъ изъ Стародуба до Чернѣгова, противъ бортной сосны Якима Рубца, которая сосна стоитъ, ѣдучи отъ Стародуба, по лѣвой сторонѣ, на черніе лозы, отъ черныхъ лозъ до сосны, прозываемыя Баба; отъ той сосны до дороги, которая идетъ изъ с. Истобокъ въ слободу Еленку... А про вышеозначенную межу и урочища вѣдаетъ онъ, Василій Рубецъ, потому, что отъ второго Перекопского походу, а оной походъ котораго именно былъ году, сказать не упомнитъ, показанной слободы Еленки половина въ наслѣдственномъ владѣніи его, Василія Рубца, имѣлася, до описи означенной слободи на великого государя кіевского гварнизону полковниковъ Ергольскимъ 1715 году“. Какъ въ этомъ дѣлѣ о границахъ между селомъ Нижнимъ и Еленкою, такъ и въ прошеніи Рубцовъ 1729 г. гетману Даніилу Апостолу, при попыткѣ ихъ вернуть отобранныя раскольничьи слободы снова въ свое владѣніе, нѣтъ даже никакихъ намековъ на то, чтобы первоначальнымъ поселенцамъ Еленки дѣлались какія либо затрудненія при поселеніи въ религіозномъ отношеніи, или чтобы они подвергались какому либо преслѣдованію мѣстныхъ властей за вѣру. Въ переписныхъ книгахъ полковника Ергольского и капитана Брянчанинова указывается на значительное число Еленскихъ обывателей, пребывающихъ въ слободѣ съ 1684 года. Фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя и не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ [1].

[1] Румянц. Оп. Мал. CXVII, вѣдом. Еленскаго войта Ивана Красника Гаврило Ив. Шалушкинъ, 61 г., въ 1767 г. показалъ, что отецъ его

Упоминаемый Ив. Алексѣевымъ указъ царевны Софіи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Самойловичу, вслѣдствіе котораго раскольники были вытѣснены изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими слободъ, неизвѣстенъ. О немъ упоминаетъ только Иванъ Алексѣевъ. По его словамъ, „Софія Алексѣевна пріимши скипетръ царства великороссійского" и услышавши о населеніи стародубскихъ слободъ, повелѣла послать указъ къ поименованнымъ властямъ, чтобы они „забѣглые народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ приводили". Раскольники вслѣдствіе этого указа, согласно свидѣтельству того же Алексѣева, разбѣжались, и только немногіе „къ новодогматствованію приступиша", которые не захотѣли лишиться „стяжанія и домовъ". Попытки снова возвратиться на облюбованныя уже мѣста, по прошествіи нѣкотораго времени, когда по видимому „зѣльность гоненія" уже стихла, также не имѣла успѣха; потому что „паки отъ того же Симеона гоненіе наста". Происхожденіе упомянутого указа, въ существованіи котораго врядъ ли и можно сомнѣваться, какъ увидимъ ниже, можетъ быть объяснено слѣдующими уже несомнѣнно достовѣрными историческими данными.

Извѣстно, что стрѣлецкіе бунты по кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича были вмѣстѣ и раскольничьими бунтами, такъ какъ имѣлось въ виду „и патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бъ старыя книги любили" [1]). Это соединенное движеніе стрѣльцовъ и раскольниковъ отозвалось и въ Малороссіи. Русскіе торговые люди производили въ ней тревогу своими разсказами о стрѣлецкихъ возстаніяхъ и расправѣ съ боярами. Пошли и въ Малороссіи толки о томъ, что-

---

пошехонскаго уѣзда, д. Струева, помѣщ. Ѳед. Ив. Малыгина крестьянинъ, пришелъ въ Еленку 89 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1678 г. Вѣд. Зыбк. войта. Т. CXVI, л. 16 об.—Х. И. А. Д. М. № 3125.— Лазаревскій: Опис. ст. Мал. 1, 445—446.—Обозр. Румянц. Оп. Мал., стр. 709.

[1]) Записки Желябужскаго съ 1682 г. по 2-е іюля 1709 г. Спб. 1840. Стр. 11. Зап. Крекшина, стр. 41. Бунтъ 1682 г. хорошо помнили и боялись повторенія его еще въ 1689 г. Такъ В. В. Голицынъ въ отпискахъ къ Ѳ. Шакловитому изъ крымскаго народа спрашивалъ: «Нѣтъ ли какова воровства отъ бунтовщиковъ»? И на слѣдствіи потомъ объяснялъ, что дѣло шло о тѣхъ бунтовщикахъ, «которые остались отъ 190 году, изъ стрѣльцовъ противники». Розыск. дѣла о Ѳ. Шакловитомъ, III, с. 1176. Ист. Росс. Соловьева, XIII, 351 стр.

бы подняться народу и обобрать значныхъ старшинъ и оранбарей, возбудившихъ противъ себя народную ненависть. Были и весьма злонамѣренные толки со стороны русскихъ людей. Путивльскій купецъ Бѣляевъ распускалъ слухи въ городѣ Конотопѣ, что подъ Путивлемъ остановятся тайно царскія войска и будутъ рубить старшинъ козацкихъ. Толки эти однако же своевременно дошли до гетмана Самойловича: онъ написалъ къ народу успокоительный универсалъ и сообщилъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи боярину Василью Васильевичу Голицыну. Между прочимъ онъ писалъ. „Досадны намъ зѣло неразсудныхъ людей великороссійскихъ слова бездѣльныя, что межъ народомъ нашимъ нерозмышленно вносятъ расколъ, толкуя вездѣ черни тотъ случай, который въ царствующемъ градѣ Москвѣ, по допущенію Божію, великимъ людемъ учинился, и поведеніе инако изворачивая подкидаютъ допущенія той же черни, чтобы и здѣсь надъ нами, надъ старшиною, отъ чего Боже сохрани, учинили вредительство; а дѣется то отъ Путивльцевъ и отъ иныхъ горожанъ людей торговыхъ". По донесенію его изъ Москвы данъ былъ указъ боярину Петру Ивановичу Хованскому, начальствовавшему тогда надъ бѣлогородскимъ краемъ, подтвердить торговымъ людямъ, чтобы они, подъ опасеніемъ смертной казни, не смѣли разсѣевать въ народѣ пустыхъ рѣчей. Это было въ 1682 г.[1]).

Московскія стрѣлецкія и раскольническія движенія отзывались особенно сильно между стрѣльцами Кіева, Переяславля, Чернигова и Батурина. Еще Аввакумъ писалъ, что въ Кіевѣ сожгли Иларіона за расколъ (Разск. изъ ист. старообр. Максимова, стр. 89). Въ описяхъ столбцовъ Кіевскаго повытья за 190—200 гг., составленныхъ въ концѣ XVII в. подъячими малороссійскаго приказа, находятся прямыя указанія на этотъ счетъ. Вотъ эти указанія.

„191 г. Отписка изъ Сѣвка Леонтія Неплюева и подъ отпискою гетманскій листъ о посылкѣ подъячаго Василія Баутина въ Кіевъ зъ грамотами отъ возмущенія о уговорѣ стрѣльцовъ московскихъ".

„Отписка изъ Кіева, что приказу Малыя Россіи подъячій Василій Баутинъ посылалъ о уговорѣ отъ смуты московскихъ стрѣльцовъ въ Кіевъ и Переяславль".

---

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. Св. 59. Письмо Самойловича въ рус. переводѣ, отъ 8-го августа. Универсалъ отъ 16-го іюня 1682 г. Акт. Зап. Рос. V, 168.

„Роспросные рѣчи капитана Карпа Хлудова, что онъ, будучи въ Кіевѣ, слышалъ московскихъ полковъ отъ стрѣльцовъ, и что ихъ великихъ государей грамоту, которая прислана о измѣнѣ князя Ивана Хованскаго, называли воровскою и подъячаго Василія били".

„Великихъ государей грамота въ Кіевѣ, что посыланъ былъ приказу Малыя Россіи подъячей Василій Баутинъ, изъ села Воздвиженскаго, о измѣнѣ князя Ивана и сына его Андрея Хованскаго, будучи онъ въ Кіевѣ тое грамоту объявилъ и чтена всѣмъ полкамъ вслухъ, и московскихъ разныхъ полковъ стрѣльцы тое грамоту называли воровскою и непристойныя слова говорили и подъячего били и въ тюрьмѣ держали, и грамоту къ себѣ взяли, и за то генералу—поручику, и полковникамъ, и нижнихъ чиновъ начальнымъ людямъ, и рейтарамъ, и солдатамъ, и стрѣльцамъ указъ сказанъ, чтобы они къ той шатости не приставали и никакова зла не чинили, и они стрѣльцы били челомъ государемъ, чтобъ въ той винѣ великіе государи простили, а воровъ и заводчиковъ они выдали, и велѣно тѣхъ стрѣльцовъ держать въ тюрьмѣ до указу, а въ винахъ они прощены" (лл. 46—47)[1].

Доходили до правительства слухи и болѣе опаснаго для государства характера. Изъ дѣла о московскомъ стрѣльцѣ Ивана Озерова полка Вавилкѣ Григорьевѣ видно, что въ 1684—1685 г. въ Малороссіи ходили толки о сношеніяхъ Малороссійскихъ козаковъ съ Донскими, и что послѣдніе предлагали первымъ: „буде де они, Малороссійскихъ городовъ козаки, съ ними, Донскими козаками, пойдутъ къ Москвѣ, и они съ ними соединятся, и о томъ дали бы имъ, Донскимъ козакамъ, малороссійскихъ городовъ козаки письмо". На основаніи этихъ слуховъ въ началѣ 1685 г. Вавилка писалъ такую „грамотку" окольничему Ѳ. И. Шаховскому: „вѣели вѣтры, и онъ, Вавилко, тѣ вѣтры, будучи въ Острѣ городѣ поималъ, и *что было въ 190*, и *нынѣ тожъ будетъ*, и чтобъ онъ, окольничей, билъ челомъ великимъ государемъ, чтобъ его, Вавилка, взять къ Москвѣ, покамѣсть земля травою (не) укрылася"...[2]).

Правительство приняло свои мѣры противъ мятежныхъ стрѣльцовъ и раскольниковъ какъ въ столицѣ, такъ и въ про-

---

[1]) Кіевскій столъ разряднаго приказа: ст. Н. Н. Оглоблина. Ср. Розыск. дѣла о Ѳед. Шакловитомъ. Изд. арх. ком. т. I, ст. 467—468.

[2]) М. А. М. Ю. Столб. Малоросс. прик. № 5981.

винціяхъ. Шакловитый, новый начальникъ стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго, пришелъ къ мысли перебрать всѣ стрѣлецкіе полки, удалить крамольниковъ и оставить въ Москвѣ только такихъ, на которыхъ можно было положиться. Стрѣльцы сомнительной вѣрности, „пьяницы, и зерищики, и всякому злому дѣлу пущіе заводчики и раскольники", исподоволь были переведены въ украинные города. Вмѣстѣ съ разсылкой по городамъ эти мятежные стрѣльцы разносили по государству и ядъ раскола и духъ мятежа [1]). Не мало ихъ потомъ и на всегда поселилось въ Малороссіи и въ частности въ стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ, какъ показываетъ между прочимъ и вышеупомянутое дѣло о грабежѣ пятисотеннаго Чубаровскаго полка Родіона Боровкова [2]).

Еще круче было поступлено съ раскольниками и ихъ предводителемъ попомъ Никитой Пустосвятомъ. Всѣ „неистовые отцы" были перехватаны и выданы властямъ, а Никита Пустосвятъ поплатился даже жизнію: казненъ главы отсѣченіемъ. Другіе были взяты на патріаршій дворъ съ ихъ книгами и тетрадями, разсажены порознь и подвергнуты увѣщаніямъ, отъ смерти же были избавлены Хованскимъ, по настоянію котораго отданы были только архіереямъ подъ крѣпкія начала въ смиреніе: „зане не покаяшася отъ злобъ своихъ". Такимъ образомъ дѣятельность раскольниковъ была совершенно парализована въ столицѣ; раскольники присмирѣли и не могли явно ходить по улицамъ царствующаго града, а нѣкоторые должны

---

[1]) Докладная выписка 25 декабря 192 г. въ сказаніи Медвѣдева. Тоже и царскій указъ отъ 30 декабря 1683 г. съ боярскимъ приговоромъ объ удаленіи изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ полковъ въ Акт. арх. экспед. IV, № 280.

[2]) М. А. М. Ю. Кн. Малорос. прик. № 83. См. въ «Матер. для нач. ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стирод.» № 11, стр. 94.—Есть указанія, что московскіе стрѣльцы и раньше этого времени убѣгали въ Малороссію и поселялись въ ней. М. А. М. Ю. кн. Мал. прик. № 35. 7183—1675 г., лл. 70—85 и д. 408—410 и д. Ср. кн. того же прик. № 10, 1670—1671 г., а также № 6 того же 1670—1671 г. Столб. № 5964, дѣло 1680 г.—М. А. М. И. Д. Д. М.: св 404, № 186, 7177 г. Пам. изъ посол. приказа дьякамъ Ѳ. Башмакову и Сем. Карево о сыску бѣжавшихъ Кіев. стрѣльцовъ съ росписью. Св. св. 401, № 18, 1669 г., отъ 25 янв.

были даже оставить Москву, скрываться по другимъ мѣстамъ, градамъ и весямъ, тайно распространяя свои прелести [1]).

Успокоивъ волненія въ столицѣ, правительство принялось и за областныя проявленія смутъ, руководясь при этомъ преданіями московскаго государства. Прежде всего посланы были грамоты воеводамъ, чтобы они поставили крѣпкіе караулы и заставы на перевозахъ „и въ иныхъ причинныхъ мѣстахъ", ловили и распрашивали на крѣпко бѣжавшихъ съ Москвы стрѣльцовъ про ихъ товарищей и понаровщиковъ, а отписки присылали въ приказъ. „Сентября въ розныхъ числѣхъ бѣжали съ Москвы изъ разныхъ полковъ надворной пѣхоты многіе люди невѣдомо для чего; а для тайнаго проходу надѣваютъ на себя деревенскихъ мужиковъ кафтаны сермяжные и иное такое же платье, чтобъ ихъ не познали"... Правительство заботилось, чтобы областные жители не вѣрили никакимъ распускаемымъ „прелестнымъ и смутнымъ" словамъ и письмамъ, а властямъ предоставлялось право „то лихое дѣло искоренять по своему разсмотрѣнію". 30-го ноября 1683 г. правительство издало указъ—не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малороссійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по Калужской и Тульской дорогамъ [2]).

Вскорѣ послѣ окончанія раскольничьяго бунта Никиты Пустосвята, т. е. послѣ 5-го іюня 1682 года, былъ принятъ рядъ энергическихъ мѣръ церковною и гражданскою властями, находившимися тогда въ полной солидарности, и прямо противъ раскола, распространившагося тогда уже далеко и широко и по областямъ. Въ царскихъ указахъ по этому поводу воеводамъ и приказнымъ людямъ ставилось на видъ, чтобы они сыскивали церковныхъ мятежниковъ по городамъ, пригородамъ и уѣздамъ и приводили ихъ въ приказы духовныхъ дѣлъ для вразумленія, употребляя при этомъ, въ случаѣ протеста, и служивыхъ людей. Кромѣ того повелѣвалось: тѣхъ изъ мятежниковъ, которые останутся упорными въ своихъ заблужденіяхъ, пытать накрѣпко, бить на козлѣ кнутами и даже казнить смертію—жечь; а тѣхъ, которые покаются, хотя и отпускать на свободу, но не иначе,

---

[1]) Увѣтъ, л. 70 Зап. Медвѣдева, стр. 29—30 Зап. Крекшина, 44. Собр. госуд. грам. IV, № 152, стр. 461.

[2]) Собр. госуд грам. IV, № 160. Доп. къ Акт. ист. X. №№ 55 и 59. Акт. экспед. IV, № 279. П. С. З. II, №№ 1002 и 1053.

какъ „съ поручными записями, чтобы имъ впредь расколу не чинить, и поручикамъ того за ними смотрѣть; а буде они явятся въ прежней мерзости, а поручики того смотрѣть за ними не станутъ и въ томъ на нихъ извѣщать не будутъ, и за то имъ быть въ смертной казни, а поручикамъ въ жестокомъ наказаніи безъ всякаго милосердія". Вмѣстѣ съ тѣмъ архіереямъ повелѣвалось, чтобы они по всей Россіи старались разыскивать раскольниковъ и предавать ихъ суду. Епископы съ своей стороны разсылали грамоты, чтобы подчиненные имъ священники строго слѣдили и записывали, кто ходитъ къ церкви Божіей; въ грамотахъ повелѣвалось „приходскимъ попамъ присылать въ судный приказъ росписи за руками", кто именно противникъ церковный, не бываетъ у исповѣди. А если священники именныхъ списковъ давать не учнутъ, быть отлученными вѣчно отъ священства; а раскольникамъ быть „въ ссылкѣ по монастырямъ и въ заточеніи подъ крѣпкимъ началомъ, доколѣ они отъ упрямства своего отстанутъ и принесутъ истинное покаяніе и раскольничать престанутъ [1])". Мѣры эти завершены статьями 1685 г., по которымъ раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами; даже раскаяніе и нежеланіе болѣе находиться въ рядахъ раскола не сопровождалось освобожденіемъ отъ наказанія: раскаявшіеся ссылались въ большіе монастыри и содержались тамъ въ великомъ береженіи, за крѣпкимъ карауломъ, подъ надзоромъ искусныхъ старцевъ, и выпускались только послѣ достаточнаго удостовѣренія въ томъ, что они оставили безповоротно раскольническую прелесть. Кто перекрещивалъ другихъ, хотя бы послѣ и раскаялся, подлежалъ смертной казни; подлежали смертной казни безъ всякаго милосердія и проповѣдники самосожженія. Наказаніе постигало и тѣхъ, которые или перекрещивались по увлеченію и винились въ томъ безъ всякія противности, или оказывались вообще виновными въ церковной противности, въ недавнемъ времени были противниками церкви и при допросахъ показывали, что дѣлали то по невѣдѣнію, или по какому либо принужденію: таковыхъ подвергали біенію кнутомъ и отсылкѣ къ архіереямъ. Кнутъ, ссылка въ *дальніе города* грозила и всѣмъ тѣмъ, которые тайно держались раскольниче-

---

[1]) Рукоп. Солов. библ. № 20, стр. 329—330. Царская грамота отъ 14-го ноября 1882 г. Акт. Ист. V, № 100.

ской прелести; на мѣстахъ своего невольнаго водворенія они подвергались строгому надзору тамошнихъ воеводъ и приказныхъ людей, обязанныхъ доносить о всякихъ ихъ противностяхъ великимъ государямъ. Кнутъ и батоги грозили и намѣреннымъ покровителямъ раскола и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовали раскольникамъ и ихъ дѣлу. Принимавшіе на поруки противниковъ церкви и не доносившіе о неоставленіи ими упорства церкви подвергались денежной пени въ размѣрѣ 50 руб., а въ случаѣ несостоятельности—ссылкѣ; заявленіе о невѣдѣніи упорства неосвобождало отъ наложенія наказанія на поручителей. Имѣніе раскольниковъ какъ казненныхъ и сосланныхъ, такъ равно и имѣніе ихъ поручителей, ссылаемыхъ по несостоятельности, отписывалось на государей и продавалось по оцѣнкѣ. Таковы по существу указанныя статьи 1685 года противъ раскольниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу соборнаго опредѣленія 1681 года и царскихъ указовъ, въ свое время не приведенныхъ въ дѣйствіе, епархіальныя власти стали теперь требовать отъ воеводъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ выдачи раскольниковъ и приведенія ихъ въ духовные приказы для расправы съ ними, подвергая ихъ или увѣщанію и монастырскому смиренію, по мѣрѣ вины, или предавали гражданскому суду. Такимъ образомъ какъ гражданская, такъ и церковная власть руководились въ данное время въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ принципомъ смиренія раскольниковъ, „прещеніемъ и наказаніемъ". При такихъ условіяхъ раскольникамъ оставался одинъ исходъ: бѣжать на окраины, гдѣ надзоръ за ними уже по мѣстнымъ условіямъ былъ все таки слабѣе, чѣмъ во внутреннихъ предѣлахъ государства, или за рубежъ, въ страны подвластныя державамъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ, чуждымъ и враждебнымъ русскому имени. Это раскольники и дѣлали: они появились на всѣхъ окраинахъ государства, даже въ отдаленной Сибири, и за рубежами — польскимъ и шведскимъ, пробираясь даже въ предѣлы Турціи. Такъ появились раскольники „зарубежные" или „заграничные",—явленіе великой важности и обширнаго значенія въ исторіи нашего русскаго раскола... При страшныхъ преслѣдованіяхъ раскольники двинулись на окраины и за рубежъ цѣлыми толпами; оставшіеся въ Россіи сожигались цѣлыми сотнями въ разныхъ мѣстностяхъ. Преслѣдованіе это доходило до ужасающихъ размѣровъ, если вѣрить вполнѣ раскольничьимъ показаніямъ, во

всякомъ случаѣ, конечно, сильно преувеличеннымъ. Въ одномъ раскольничьемъ рукописномъ синодикѣ между прочимъ отмѣчено: „Въ Пальѣ островѣ скончавшихся 1687 г. марта 24,—инока Игнатія, инока Матвѣя... и иже съ ними 2700; на Березовѣ на Волгѣ скончавшихся въ 1687 г. августа 9 инока Германа, инока Ефрема, Ѳотинія, Евѳимія и всѣхъ иже съ ними скончавшихся 1500". Рукоп. В. М. Ундольскаго, № 161, л. 41—44. Уже самая округленность этихъ цифръ внушаетъ подозрѣніе. У Theiner'a (Monuments, p. 295) говорится, что въ 1685 года передъ пасхой п. Іоакимъ будто-бы сжегъ въ срубахъ въ Москвѣ 90 человѣкъ. На этотъ фактъ однакоже нѣтъ пока ровно никакихъ указаній въ русскихъ источникахъ, даже раскольничьихъ.

Достигали ли своей цѣли всѣ эти мѣры и преслѣдованія раскольниковъ—другой вопросъ, на который и сами принимавшіе эти мѣры и преслѣдовавшіе раскольниковъ отвѣчали отрицательно. „Многіе раскольники притворствомъ своимъ и лукавымъ обращеніемъ вымапивались, и уходя изъ монастырей, куда были сосланы за упорство въ расколѣ, въ иныя мѣста, чинили противности горше перваго", говорится въ одномъ правительственнымъ актѣ [1]). Извѣстно, какія смуты были вызваны на Дону явившимися изъ Москвы и ея окрестностей раскольниками и стрѣльцами, бѣжавшими сюда главнымъ образомъ изъ разныхъ мѣстъ ихъ ссылки, преимущественно изъ Полатова, Кротояка и иныхъ пограничныхъ городовъ: на Дону въ 80-хъ годахъ XVII в. образовалась сильная противомосковская партія, выставившая расколъ своимъ знаменемъ въ борьбѣ съ государствомъ,—борьбѣ, разразившейся извѣстнымъ раскольничьимъ мятежомъ на Дону, такъ хорошо обслѣдованнымъ В. Г. Дружининымъ въ его магистерской диссертаціи: „Расколъ на Дону въ концѣ XVII в." (Спб. 1889 г.). И изъ Малороссіи, гдѣ также была хотя и незначительная еще по числу колонія московскихъ раскольниковъ и раскольничавшихъ или сочувствовавшихъ расколу стрѣльцовъ, доходили въ то время до Москвы неблагопріятныя извѣстія, а именно, что и тамъ вѣютъ дурные вѣтры, „и что было въ 190 г., и нынѣ тожъ будетъ". Такова по своему содержанію вышеупомянутая извѣтная „грамотка" кіевскаго стрѣльца Вавилки Григорьева. Правда, раскольники здѣсь были неопасны, потому что были еще немногочисленны, а главное

[1]) А. А. Э. т. IV, № 284.

не имѣли прочной опоры въ коренномъ населеніи Малороссіи, какъ это было на Дону; но и здѣсь были неспокойные общественные элементы, недовольные московской политикой по отношенію къ Малороссіи, мечтавшіе о вольной козатчинѣ и способные стать противъ Москвы подъ какимъ бы то ни было знаменемъ, лишь бы поживиться на ея счетъ и добыть себѣ „зипуны", постарой традиціи козацкой.

Не слѣдуетъ забывать, что въ 1682 г. масса замѣшанныхъ въ московскихъ смутахъ того времени лицъ была сослана въ Малороссію. Въ 1683 г. сѣвскій воевода Леонтій Романовичъ Неплюевъ, именовавшій себя и намѣстникомъ стародубскимъ, по общему совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ, въ бытность свою въ Москвѣ, представлялъ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, чтобы сосланные въ Малороссію въ 1682 г. были возвращены и награждены, „потому что то разграбленіе и ссылки восприяли безвинно". Представленіе сѣвскаго воеводы сопровождалось успѣхомъ: „послѣ того изъ ссылки многіе къ Москвѣ взяты"; но не всѣ. Такъ онъ высказывался въ своихъ челобитныхъ 1690 г., когда и самъ попалъ въ ссылку по дѣлу Шалковитаго [1]).

Въ это время эмигрировали не только стрѣльцы, посадскіе люди—раскольники, но и боярскіе рабы и холопы, такъ какъ стрѣлецкіе бунты имѣли такое же направленіе и возбуждены были одной причиной, какъ и бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Какъ тогда, такъ и теперь была провозглашена свобода боярскимъ людямъ. Это было опасное для государства движеніе, потому что крѣпостное право прямо вытекало изъ развитія силы московскаго государства, и, чтобы сломить его учрежденія, нужно было побороть и уничтожить эту силу. Вотъ

---

[1]) Розыск. дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ. Изд. археограф. ком. Спб. 1875. Т. I, 462, 470. Т. II, 539, 580—581, 585—588. Кромѣ стрѣльцовъ, расколоучители «присовокупиша къ своему начинанію лестными глаголами» многихъ посадскихъ людей Москвы. Послѣдніе тоже собирались и совѣщались, «како бо имъ старую вѣру утвердити». При этихъ «совѣщаніяхъ» борцы «за старую вѣру» нерѣдко, «яко дивіе звѣри ярящеся, не внимающе правдѣ, при всемъ народѣ, били нещадно» тѣхъ, кто осмѣливался подавать голосъ за покорность православной церкви, и «оное свое біеніе свирѣпое, аки поборники правыя вѣры и тоя оборонители вмѣняша». Были сосланные и изъ посадскихъ людей. Зап. рус. людей. Изд. Сахарова. Стр. 18.

почему московское правительство постаралось энергически пресечь попытки къ свободѣ боярскихъ людей и уничтожить слѣды возникшихъ стремленій (П. С. З. II, № 992). Строгія мѣры правительства въ этомъ отношеніи заставили, конечно, многихъ холоповъ спасаться бѣгствомъ отъ наказанія, какъ видно изъ многихъ строгихъ постановленій относительно бѣглыхъ. Какъ велико было это эмиграціонное движеніе, можно судить по тому, что въ одномъ сѣвскомъ уѣздѣ съ 1682 г. „предъ прежнимъ прибыло близко тысячи дворовъ", какъ свидѣтельствовалъ въ вышеуказанныхъ челобитныхъ 1690 г. бывшій сѣвскій воевода Л. Р. Неплюевъ. Эти бѣглые холопы, какъ въ это время, такъ и въ послѣдующее, до самой отмѣны крѣпостнаго права, доставляли наибольшій контингентъ для усиленія и укрѣпленія раскола на русскихъ окраинахъ.

Естественно, стало быть, какъ то, чтобы московское правительство приняло свои мѣры противъ поселившихся въ Малороссіи раскольниковъ, такъ и то, что московскія смуты временъ царевны Софьи Алексѣевны, какъ и послѣдующія конца XVII в., дали значительный контингентъ новыхъ поселенцевъ для Малороссіи и повели къ образованію новыхъ раскольничьихъ слободъ. Такъ уже въ 1684—1685 г. поселена была новая раскольничья слобода *Деменка*, на земляхъ тростанскихъ, ранговыхъ. Въ вѣдомости 1759 г. перваго слободскаго управителя Морозова прямо сказано: „слобода Деменка поселена въ дачахъ стародубскаго полковника въ 7192 (1694—5) году, надъ рѣчкою Деменкою, а осаживалъ эту слободу козельскаго уѣзда, Іосифа Волоколамскаго монастыря села Векна, крестьянинъ Максимъ Аѳанасьевъ Пузеевскій", и что потомъ на владѣніе грунтами слобожанамъ было дано „письмо отъ бывшаго полковника стародубскаго Михаила Миклашевскаго въ 1700 г." [1]). Иное указаніе на время поселенія этой слободы сдѣлано въ позднѣйшей Румянцевской Описи. По послѣднему указанію Деменка поселена въ 1691 г., по разрѣшенію полковника Миклашевскаго, и что осадчимъ ея былъ выходецъ Тимоѳей Максимовъ, т. е. сынъ Максима Пузеевскаго, бывшій въ послѣдствіи осадчимъ Тимошкина Перевоза [2]). Естественно нужно отдать предпочте-

[1]) Х. И. А. Д. М. № 3125. Арх. Черн. Казен. Палаты, №№ 1200—1204 и др.

[2]) Румянц. Оп. Малор. Т. CXVII, л. 890.

ніе первому указанію, какъ болѣе равному и болѣе положительному въ своихъ подробностяхъ.

Къ 1691 году относится поселеніе другой раскольничьей слободы—*Воронка*. Слобода Воронокъ, или по тогдашней малороссійской терминологіи *Воронецъ*, поселена была на грунтахъ бунчуковаго товарища Якова Михайлова Рубца, надъ рѣчкою Воронкомъ, и сначала осаживалъ эту слободу крестьянинъ села Заболотья, ярославскаго уѣзда, помѣщика Якова Григорьева Кафтырева, Игнатій Ивановъ, сынъ Волкъ (Волковъ). Эти свѣдѣнія согласно повторяются въ Переписныхъ книгахъ полковника Ергольскаго и Брянчанинова и въ указанной вѣдомости 1759 г. управителя Морозова. Въ Румянцевской Описи поселеніе этой слободы отнесено къ болѣе раннему времени, именно къ 1687 г. [1])

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и отрицательнаго отношенія къ старорусскимъ обычаямъ и преданіямъ,—когда раскольники распустили молву, что настало время антихристово, что Москва—мерзкое море и темный Вавилонъ, а жители вавилоняне, слуги антихристовы, сыны погибели, носящіе парики съ хвостами,—появилось, или, по выраженію того времени, „осѣло" не мало раскольническихъ слободъ въ сосѣдней Польшѣ и до десятка въ сѣверной Малороссіи. Русскіе суевѣры въ то время толпами бѣжали изъ православныхъ городовъ и селъ, деревень и починковъ, какъ изъ царства антихристова, въ скиты и пустыни раскольническія, находившіяся вдали отъ непосредственнаго надзора гражданской и духовной власти, на окраинахъ государства или даже за его предѣлами, какъ въ мѣста спасенія, чуждыя еретическихъ „новоперемѣнъ" и процвѣтавшія древнецерковнымъ благочестіемъ. Св. Димитрій Ростовскій въ своемъ Розыскѣ о раскольнической вѣрѣ, со словъ лицъ бывавшихъ и живавшихъ въ Брынскихъ лѣсахъ и другихъ убѣжищахъ раскола, свидѣтельствуетъ, что многіе раскольники въ то время „во оныя страны преселишася и въ Польшу мнози поидоша, тамо бо въ нѣкіихъ мѣстахъ множество, якоже сказуютъ, поселилися. (Ч. I. л. 26). Такъ, въ 1694 г., а не въ 1700 г., какъ сказано въ Румянцовской Описи. (т. CXVII, вѣдомость войта Фотія Томи-

[1]) М. А. М. Ю. Кн. Малорос. прик. № 118. Рум. Оп. Ibidem. Обозр. Румянц. Оп. стр. 709.

лина), получила свое начало въ стародубскомъ полку слобода *Лужокъ*, нынѣшніе *Лужки*, надъ рѣчкою Черемошкою, на брахловскихъ грунтахъ бунчуковаго товарища Игнатія Ильича Рубца. Осадчимъ этой слободы былъ посадскій человѣкъ города Бѣлева Никифоръ Стряпчевъ. Въ первой четверти XVIII в., по своей незначительности, она называлась еще слободкой *Залужьемъ*. 1694 годъ, какъ годъ заселенія этой слободы указанъ въ Переписныхъ книгахъ п. Ергольскаго и капитана Брянчанинова, а также въ вѣдомости 1759 г. слободскаго управителя Морозова [1]).

Къ самому началу XVIII в. относится заселеніе двухъ раскольническихъ слободъ—Зыбкой и Злынки.

О заселеніи слободы Зыбкой (теперешняго г. *Новозыбкова*) имѣются слѣдующія данныя. Въ 1701 году, 12 сентября, выданъ былъ полковникомъ Миклашевскимъ фундушевый листъ и высланы были „певнія особы для отведенья и ограниченья на тую слободку грунту, аби тоей слободкѣ поселеніе было безъ обиди людской и помежнихъ селецъ". 29-го іюня 1702 г., регентъ войсковой канцеляріи Василій Чуйкевичъ, именемъ гетмана Мазепы, подтвердилъ произведенное посланными полковникомъ и мѣстными „старинными людьми" ограниченіе назначенныхъ грунтовъ подъ поселеніе, съ тѣмъ, чтобы „Апанасъ Зѣнченокъ и потомки его, подданіе его тожъ и помежнихъ селецъ жители въ опредѣленномъ грунтѣ слобожанамъ не важилися перешкоди чинити и насилія, а зъособна тѣ-же и слобожани же би не шкодили дереву бортному въ грунтахъ такъ Апанасовихъ Зѣнченковихъ, яко и помежнихъ селецъ вступу не имѣли, перешкоди жадной и наименьшой шкоди не чинили, подъ винною рублей двохъ сотъ на ясневелможного добродѣя положенного". Вмѣстѣ съ тѣмъ Чуйкевичъ обязывалъ слобожанъ, „подъ вишепи-

---

[1]) М. А. Ю. Кн. Малорос. прик. № 118. См. Переп. книги Ергольскаго и Брянчанинова.—Х. И. А. Д. М. № 3125.—Показаніе Румянц. Опиcи, на которомъ до сихъ поръ основывались въ опредѣленіи времени заселенія стародубскихъ слободъ вообще и въ частности Лужковъ, исправляется теперь по болѣе раннимъ указаніямъ. О названіи этой слободы *Залужьемъ* см. въ Обозр. Рум. оп. IV, 675. Ср. также показаніе раскольницы Олены «изъ села Залужа», по дѣлу 1700 г. о грабежѣ пятисотеннаго чубаровскаго полка Родіона Боровкова. М. А. М. Ю. Кн. Мал. прик. № 83. «Матер. для нач. ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод.», № 11, стр. 102.

санною виною неотступкою, аби Зибкой жители слободскіе столко дуброви, гдѣ ся Зѣнченку подобаетъ у его грунтѣ, виробили роспахали и вигноили, якъ широкостю поле отеханное Зѣнченково сягаетъ, зъ которого засѣвъ теперешній озимій забрать Зѣнченку позволяемъ волно, безъ жадной *отъ москалей* перешкоди, до которого по занятію посѣву южъ Зѣнченко вѣчно неповиненъ будетъ и потомки его интересоваться и нихто съ тамошнихъ помижныхъ селецъ жителей вступу въ тое мѣти неволенъ подъ вишеписанной зарукой" [1]).

Къ 1701 году поселеніе этой слободы отнесено и въ Переписныхъ книгахъ Ергольскаго и Брянчанинова (1718—1729 гг.). Тамъ же замѣчено, что первоначально осаживалъ эту слободу крестьянинъ деревни Спѣсивцевой, Рыльскаго уѣзда, помѣщика Афанасья Григорьева Спѣсивцева, Ерема Карповъ, бывшій впослѣдствіи слободскимъ бурмистромъ [2]).

Эта новая слобода, по тогдашнему административному раздѣленію, была поселена въ сотнѣ Топальской, „на урочищи Зыбкой, между тростянскими и иными селцами пожемними, надъ рѣчкою Корною, у вершенѣ, надубровѣ", около стариннаго села *Людковщины*. Она была осажена „къ помочи мѣской", какъ и многія другія раскольническія слободы въ предѣлахъ Стародубья.

Есть основаніе относить начало поселенія слободы Зыбкой, какъ и Лужковъ, къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1694—1701 годы. Если вѣрить показаніямъ обывателей—старожиловъ слободы Зыбкой, даннымъ румянцевскимъ ревизорамъ въ 1767 г., относительно времени поселенія ихъ дѣдовъ и отцовъ, то на-

---

[1]) Листъ полковничій 1701 г. напечатанъ въ Истор.-стат. Оп. Черн. еп., кн. 11, стр. 199—200. Подтвердительный листъ войсковой канцеляріи регента Чуйкевича въ Обозр. Рум. оп. Малорос. IV, 681—682.

[2]) М. А. М. Ю. Кн. Мал. прик. № 118. Въ вѣдомости 1759 г. сказано, что «слобода Зыбкая поселена въ ранговыхъ дачахъ стародубскаго полковника въ 1701 г. надъ рѣчкою Зыбкою», что осадчему Еремѣ Карповѣ «отъ помѣщика отпускное 1704 г. дано письмо», и что «на поселеніе имѣются двѣ крѣпости: первая 1701 г. за рукою бывшаго полковника стародубскаго М. Миклашевскаго, вторая 1702 г. зъ уряду гетманства Мазепина, за подписомъ регента канцеляріи войсковой Чюйкевича, отъ онаго Мазепы присланного»: Х. И. А. Д. М. № 3125.

чало поселенія этой слободы нужно относить къ 90-мъ или даже къ 80-мъ годамъ XVII в. Такъ братья Гридины показывали, что дѣдъ ихъ „природной“ Каширскаго уѣзда, крестьянинъ Жерковской волости, д. Акуловой, „пришолъ въ слободу Зыбкую тому нынѣ 70 лѣтъ“. Тоже говорили дѣти Тимоѳея Карпова, Евсей и Самсонъ Карповы, равно и Никифоръ Ларіоновъ Карповъ, хорошо помня, что первыхъ дѣдъ, а втораго отецъ вышли изъ деревни Спѣсивцевой, Рыльскаго уѣзда, будучи крестьянами Аѳанасія Григорьева Спѣсивцева. Братья Уколовы (4) показывали, что дѣдъ ихъ, будучи посадскимъ человѣкомъ г. Одоева, пришелъ тому назадъ 71 годъ; дѣти Якова Молчанова (3) въ свою очередь показывали, что отецъ ихъ, будучи уроженцемъ Ярославскаго уѣзда с. Сеславки, Спасскаго монастыря крестьяниномъ, пришелъ 72 года тому назадъ; къ тому же времени относили поселеніе своего дѣда братья Костерины, Ѳедоръ и Степанъ, по отцу Ларіоновы, занимавшіеся во время Румянцевской описи въ слободѣ „обученіемъ грамотѣ дѣтей и отъ того пропитаніе имѣвшіе“, а Трифонъ Васильевъ Стариковъ—своего отца. Дѣдъ первыхъ былъ дворцовымъ крестьяниномъ костромскаго уѣзда, даниловской волости, д. Салова, донынѣ существующей, а отецъ послѣдняго—дворцовымъ крестьяниномъ Верхней слободки г. Брянска. Гаврило Карповъ, 65 лѣтъ, сынъ перваго слободскаго бурмистра, извѣстнаго Еремы Карпова, находившагося въ перепискѣ съ кіевскими губернаторами-князьями—Д. М. Голицынымъ и Ив. Юрьевичемъ Трубецкимъ, и самъ бывшій бурмистромъ нѣсколько разъ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII в., показалъ, что отецъ его вышелъ въ слободу Зыбкую 79 лѣтъ назадъ и былъ крестьяниномъ упомянутаго помѣщика Спѣсивцева. А Корнѣй Перфильевъ Карповъ, 70 л., показалъ, что отецъ его былъ тоже крестьяниномъ Спѣсивцева и вышелъ тому назадъ 81 годъ [1]).

Указанія эти отчасти подтверждаются и другими данными. Въ числѣ рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, въ собраніи В. М. Ундольскаго, есть весьма замѣча-

---

[1]) Румянц. Оп. CXVI, вѣдом. войта слоб. Зыбкой, лл. 4—6, 34—35, 48, 62, 64, 67—68, 71—72. Ср. также лл. 86 об., 90, 94 об., 97 об., 140, 147 об. и др.—Въ квитовомъ записѣ, по дѣлу Шелковникова, отъ 22 мая 1701 г., въ числѣ другихъ подписался и Ярема Карповъ, житель «зъ слободки Зыбкой». См. въ Матер. № 10, ст. 93.

тельная рукопись подъ № 436: святцы и пасхалія, на 280 л., въ 8-ку, писанная скорописью XVII в. Самая пасхалія писана въ 1623 году; но въ концѣ ея есть нѣсколько позднѣйшихъ замѣтокъ, главнымъ образомъ путеводнаго характера, сдѣланныхъ раскольниками относительно поволжскихъ и стародубскихъ ихъ поселеній, собственно о томъ, какъ до нихъ добраться. Эти замѣтки писаны или въ самомъ концѣ XVII в., или въ самомъ началѣ XVIII в. Покойный В. М. Ундольскій по почерку относилъ ихъ къ XVII в. Изъ поволжскихъ раскольничьихъ поселеній упоминаются здѣсь извѣстные раскольничьи тамошніе починки—Березовъ и Ларіоновъ, а изъ стародубскихъ только слобода Зыбкая. Именно тамъ сказано: „Припаметовать: ѣхати по дорогѣ отъ Городца до Москвы, а отъ Москвы до Калуги, ко Ивану Стефанову Кадмину, отъ Калуги до Брянска въ Черкаской городокъ, на Почепъ, а отъ Почепа во Стародубъ, а въ Стародубѣ вопрошать Цыгановыхъ Ивана, и онъ бы возвѣстилъ о Василіи Петровѣ Костериныхъ и о деревни ихъ, Зыпковѣ“. Въ Переписныхъ книгахъ полковника Ергольскаго и „Компутахъ“ 1723 г. въ числѣ обывателей слободы Зыбкой мы встрѣчаемъ только Ивана Васильева Костерина, 70 л., и сына его Ларіона; Василія Петрова уже очевидно не было въ живыхъ въ то время, если не считать его въ числѣ „бобылей“ подъ именемъ Василія Петрова, но безъ обозначенія фамиліи [1]).

Относительно болѣе ранняго поселенія слободы Лужковъ, чѣмъ 1700 г., какъ сказано въ Румянцевской Описи Малороссіи, и даже чѣмъ 1694 г., какъ сказано въ Переписныхъ книгахъ Ергольскаго и Брянчанинова, говорятъ нѣкоторыя показанія лужковскихъ обывателей, данныя румянцевскимъ ревизорамъ. Такъ, вдова Пелагея Дмитріева, 60 л., показала, что мужъ ея пришелъ въ Лужки тому назадъ 71 годъ. Андрей Леонтьевъ, 31 года, показалъ, что дѣдъ его, по происхожденію дворцовой крестьянинъ костромскаго у., с. Данилова, сошелъ оттуда 79 лѣтъ назадъ, а отецъ его въ слободѣ Лужкахъ и родился. Еще болѣе отодвигаетъ назадъ начало поселенія Лужковъ показаніе

---

[1]) Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. М. 1870. № 436, ст. 325.—Переп. кн. Ергольскаго: М. А. М. Ю. Кн. малор. прик. № 118. Компуты Сарод. полка 1723 г., л. 583.—Кіев. центр. арх.: св. дѣлъ переселенческихъ. Костерины были выходцы Костромскаго уѣзда, изъ д. Саловой, дворцовые крестьяне Даниловской волости.

84-лѣтняго старца Дмитрія Ефремова Потемкина, показавшаго, что отецъ его, посадскій города Бѣлева, сошелъ тому назадъ въ Лужки 81 годъ [1]).

Злынка была поселена въ денисковскихъ и лысовскихъ грунтахъ, по общему съ обѣихъ сторонъ злынковцевъ съ денисковцами и лысовцами согласію, и въ 1702 г. называлась еще „новозачавшейся слободкой". „Року 1702 ноября 22" въ стародубскомъ магистратѣ записанъ актъ о поземельномъ разграниченіи между жителями селя Лысыхъ и новозачавшейся селиться слободкой Злынкой; въ 1703 г., по распоряженію полковника Миклашевскаго, произведено было разграниченіе злынковскихъ земель отъ Денисковскихъ сотникомъ Ипутскимъ Осипомъ Антоновичемъ, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ это разграниченіе въ соотвѣтствующихъ актахъ довольно точно указано. Въ вѣдомости 1759 г. довольно положительно утверждается, что „слобода Злынка поселена въ 1700 г. въ ранговыхъ дачахъ стародубскаго полковника, надъ рѣчкою Злынкою", что „оную слободу осаживалъ сѣвскаго уѣзда, дворцовой Комарицкой волости, села Новоселокъ, крестьянинъ Логинъ Голубицкій". Далѣе въ той же вѣдомости читаемъ: „о поселеніи той слободы одна выпись отъ магистрата стародубскаго 1702 г. за подписомъ рукъ въ томъ магистратѣ присутствующихъ, въ которой свидѣтельствуютъ, что отъ бывшаго полковника стародубскаго Михаила Миклашевскаго универсалъ былъ данъ; до 1703 г. отъ сотника Ипутскаго Іосифа Антоновича оригиналное писмо имѣется" [2]).

Съ 1703 года началось заселеніе раскольниками слободы *Тимошкина Перевоза*, по листу отъ 2-го іюля полковника Миклашевскаго, дозволившаго осадчему Тимоѳею Максимову, сыну Максима Аѳанасьева Пузеевскаго, бывшаго осадчего деменкскаго, имѣть хуторъ на р. Ипути и содержать тамъ поромъ, съ тѣмъ, что поселенцы будутъ жить три года безплатно. Ти-

---

[1]) Румянц. Оп. Вѣдом. войта Томилина, лл. 4, 5, 16, 18—19, 23 и друг.

[2]) Ист. стат. опис. Черн. еп. 1, 126, примѣ. 258. Лазаревскій: Опис. Стар. Малор. 1, 451. Въ войтовской вѣдомости 1767 г. (Рум. Оп. CXVI), какъ и въ вѣдом. 1759 г. слободскаго управителя утверждается, что Злынка поселена въ ранговомъ грунтѣ полковниковъ стародубскихъ. Х. Н. А. Д. М. № 3125.

мошкинъ Перевозъ поселенъ на старотростанскихъ земляхъ, и, какъ Зыбкая, „ку помочи мѣской“, подъ условіемъ заселенія отведенныхъ урочищъ „заграничными людьми“ [1]).

Въ 1704 г. Тимошкинъ Перевозъ съ слободами Зыбкою, Деменкою и Злынкою отданъ универсаломъ гетмана Мазепы въ личное владѣніе полковнику Миклашевскому. См. Экстрактъ, учиненный въ кіев. губернской канцеляріи, по дѣлу о спорныхъ земляхъ между раскольниками слоб. Деменки и Тимошкина Перевоза, въ связкахъ кіевскаго центральнаго архива. Лазаревскій: Опис. Ст. Мал. 1, 31—33.

Въ 1706 г. поселена была одна слобода въ Черниговскомъ полку, на земляхъ Черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря, при рр. Добрянкѣ и Немильнѣ. Названіе свое эта слобода, окруженная при своемъ основаніи со всѣхъ сторонъ лѣсами, получила отъ рѣчки Добрянки, а послѣдняя, по Шафонскому, „отъ лѣса Добраго именуемаго“ [2]). Осадный листъ на поселеніе этой слободы былъ выданъ 1-го апрѣля 1706 г. тогдашнимъ архимандритомъ монастыря Варлаамомъ Васильевичемъ, по которому позволялось „заведенной быти слободѣ на грунтѣ монастыря.... за Чорностаевкою, селомъ монастырскимъ“, а право заселенія слободы предоставлялось осадчему „пану Онисиму Ѳеодоровичу“. По управительской вѣдомости 1759 г. осадчій Добрянскій называется „бѣлевитиномъ, посадскимъ человѣкомъ, Анисимомъ Ѳедоровымъ Софроновымъ“ [3]).

Въ 1707 г. поселена была новая раскольничья слобода въ дачахъ бунчуковаго товарища Ивана Лаврентьевича Борозды, при небольшой рѣченкѣ Туроснѣ, въ 50 в. отъ полковаго города Стародуба. Это столь извѣстные теперь въ промышленномъ отношеніи *Клинцы*, имѣющіе въ настоящее время 11 большихъ суконныхъ фабрикъ и много иныхъ промышленныхъ заведеній.

---

1) Подлинный универсалъ полковника на имя осадчаго Тим. Максимова хранится въ архивѣ Черн. казенной палаты, № 1204. Ср. Рум. оп. Мал. т. CXX. Зап. о жизни протоіерея Верховскаго. Спб. 1874 г., стр. 927. Лазаревскій: Оп. Ст. Мал. 1, 452—453.

2) Шафонскій, Аѳ. Черногов. намѣстн. топограф. опис. Изд. М. Судіенка. Кіевъ. 1851. Стр. 311, 319.

3) Обозр. Румянц. Оп. Мал. 1, 73—74. Х. И. А. Д. М. № 3125.— О земельныхъ спорахъ Добрянцевъ съ Троицко-Ильинскимъ монастыремъ, начиная съ 1720 г. тамъ же см. дѣло подъ № 2969.

Первоначально осаживалъ эту слободу, костромскаго уѣзда, дворцовой государевой Даниловской волости, крестьянинъ изъ приселка Николы Хабарова, Василій Аѳанасьевъ сынъ Клинцовъ, отъ котораго эта слобода и получила свое названіе [1]). Нынѣ называется она „посадомъ" и управляется на общемъ городскомъ основаніи.

Шведское нашествіе на Украйну не остановило ни дальнѣйшаго притока сюда великорусскаго населенія, ни образованія новыхъ раскольничьихъ слободъ. Въ 1708 г., по разрѣшенію полковника Скоропадскаго, на чолховскихъ грунтахъ, „въ помощъ волости чолховской", надъ рѣчкою Ирпою, осажена слобода *Климова*, названная такъ по имени осадчаго, „зъ заграницы зашлаго Клима Ермолаевича", мѣщанина мѣстечка Головчина, которому поставлялось условіемъ при заселеніи слободы „осажовати людей.... не тутешнихъ, але также зъ заграници зашлихъ", съ предоставленіемъ „волп" на семь лѣтъ. На первыхъ порахъ она называлась и *Песочанской* слободкой по рѣчкѣ Песочной [2]).

Въ томъ же 1708 г. поселена была и другая раскольничья слобода въ Черниговскомъ полку, въ дачахъ черниговскаго полковника Павла Леонтьевича Полуботка, на рѣкѣ Днѣпрѣ—*Радуль*. Осадчимъ этой слободы былъ крестьянинъ Филиппъ Костылевъ, Сѣвскаго уѣзда, дворцовой государевой Крупецкой волости, дер. Коваленокъ [3]).

Около того же времени образовалось еще двѣ раскольничьи слободы въ Стародубскомъ полку: *Чуровичи* и *Городище*.

Раскольничья слобода *Чуровичи*, правильнѣе, согласно болѣе древнему прозванію того Хвоевскаго или Фоевскаго урочища, на которомъ она была поселена, *Шуровичи*, заселилась рас-

---

[1]) М. А. М. Ю. Кн. Малор. прик. № 118. Переписныя кн. Ергольскаго и Брянчанинова.—Х. И. А. Д. М. № 3125: вѣдом. слоб. управителя Морозова.

[2]) См. тамъ же Переп. кн. Ергольскаго и Брянчанинова и вѣд. 1759 г. Морозова. Румянц. оп. Мал., т. CXVI, войтов. вѣдом. П. С. З. XI, № 8365.

[3]) Переп. кн. Ергольскаго и Брянчанинова и вѣдом. Морозова. См. также дѣло о возвращеніи земель, занятыхъ радульскими раскольниками, по доношенію о томъ черниговскаго полковника и бригадира Милорадовича, женатаго на Софьѣ Семеновнѣ Полуботковнѣ. Х. И. А. Д. М. № 2414. Ср. П. С. З. № 2889. Верховскій: Стародубье. Казань, Ч. III, стр. 60—64.

кольниками, вышедшими изъ сосѣдней Литвы. Сотникъ стародубскій Иванъ Марковичъ Чарнолузкій, на земляхъ котораго они первоначально поселились, писалъ 11-го апрѣля 1709 г.: „Вамъ войтови Хвоевскому зъ мужиками чиню видомо симъ моимъ писаніемъ, ижъ любо поселилися були слобожане по першомъ моемъ благоволенію и позволенію нижей Хвоевичъ на бору при млинку нашомъ. Однакъ теперь донесъ мнѣ панъ Потапъ Гуляницкій, осадчій ихъ, же оніе слобожане на него ропщутъ и не хотятъ на бору ведля млинка жити, але хотятъ расходитись въ прежніе свои жилища за границу; що онъ жъ панъ Потапъ Гуляницкій просилъ мене всиловне, же имъ позволити осисти на Чуровичахъ, а именно на логу прозываемомъ Довгомъ, а же би не роспускати ихъ изнову за границу. Теди уважившися, же вы въ тотъ кутъ дубровы не здолѣете пахать, а и у отчинѣ Куршеновцѣ васъ кривдятъ, то позволяя имъ на вышепомянутомъ логу сѣсти и диброву роздѣрать и пахать по самые рубежи и границу куршановскую и по границу и рубежи чолховскіе, а отъ вашого боку и чуровского поля по Старинскій логъ; а далей отъ Старинского логу не маютъ и на пядь за логъ удиратися—декларую. А пожнѣ тіе жъ бабинскіе на Истровци имъ попускаю, а больше нигдѣ неповинни вступчатися, развѣ гдѣ въ ограниченю на своей дубровѣ и низинѣ кто схочетъ собѣ росчистити и косити; а до Ваги и Цати (рѣчекъ) въ сѣнокосахъ жадного и найменшого не будутъ мѣти вступу. Тимъ васъ упевнюю, що абисте моей воли и сему указу не були спречними..., того жадаю и зичу всѣмъ вамъ отъ Господа добраго здоровья“... Универсаломъ отъ 23-го іюня 1709 г. гетманъ Скоропадскій дозволилъ сотнику Чарнолузскому „слободку въ грунтахъ хвоевскихъ, на урочищи прозываемомъ Щуровичи, по мѣри грунтовъ хвоевскихъ, биле би то було безъ кривди сусѣдскихъ грунтовъ, осадити“. Замѣтимъ кстати, что самъ Чарнолузскій только въ 1707 г. выпросилъ себѣ село Хвоевичи или Фосвичи у гетмана Мазепы, какъ свидѣтельствуетъ универсалъ послѣдняго отъ 9-го января того года. По вѣдомости 1700 г. слободского управителя Морозова слобода эта была поселена въ 1708 г., и что осадчій ея Гуляницкій былъ мѣщаниномъ мѣстечка Шарогородки изъ за польской границы [1]).

[1]) Обозр. Рум. оп. IV, 687. Ист.—стат. оп. Черн. еп. VII, 237—238. Х. И. А. № 3125.

Изъ прошенія зарубежныхъ раскольническихъ монаховъ и разныхъ тамошнихъ слобожанъ, поданнаго гетману Разумовскому въ іюнѣ 1760 г., видно, что въ то время были „Старые Чуровичи" и „Новые Чуровичи", управляемые совмѣстно. О заселеніи „Новыхъ Чуровичъ" въ указанномъ документѣ разсказывается, что эти „Новые Чуровичи" поселены были на пустомъ излишнемъ грунтѣ „описной слободы Старыхъ Чуровичъ, которой отнятъ насилствомъ у сумежника бунчуковаго товарища Петра Чернолуцкаго...". Далѣе разсказывается, что „на ономъ отнятомъ старыхъ Чуровичъ обывательми грунтѣ *поселена оновъ указомъ изъ кіевской губернской канцеляріи слободка зовомы новы Чуровичи*, на которой слободкѣ поселились, по силѣ указу, перешедшіе со означенными слободы старыхъ Чуровичъ обыватели, вольные, природные поляки, которые по своей родительской и прародительской присягѣ на вѣрность записались въ Россійскомъ государствѣ во вся дни живота своего жить и радѣть неизмѣнно, а именно: Логинъ, Семенъ, Тихонъ, Савелій Гуляницкіе, Трофимъ Жуковъ зъ братьями" [1]).

Слобода *Городище*, при р. Деменкѣ, поселена была на тростанскихъ грунтахъ, по универсалу стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки, данному по вѣдомости 1759 г. въ 1710 г., а по Румянцевской описи въ 1709 г. Осадчимъ ея былъ Борисъ Поляковъ, вышедшій сначала въ Польшу изъ козельскаго уѣзда, крестьянинъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, какъ и позднѣйшіе поселенцы здѣсь Бѣлокопытовы. Въ 1767 г. слобода эта называлась уже хуторомъ и была причислена къ сосѣдней слободѣ Деменкѣ. Городищемъ же она названа потому, что поселена была „на старомъ Городищѣ" [2]).

Въ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в. на территоріи стародубскаго полка осажено еще три слободы. Это, во пер-

---

[1]) Х. И. А. Д. М. № 6673. Прошеніе иноковъ Вѣтковскаго и Лаврентьевскаго монастырей Ѳеодосія и Филарета, и др. заграничныхъ и мѣстныхъ раскольниковъ. См. въ Матер. № 45, стр. 206.

[2]) Въ Компутахъ 1723 г. Городище называется слободою, какъ и въ другихъ актахъ того времени. Ср. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. росс. имп. IV, стр. 167.—Лазаревскій: Опис. ст. Мал. I. 453—454. Въ вѣдомости 1759 г. говорится: «На Городище отъ бывшаго полковника стародубскаго Лукьяна Жоравки въ 1710 г. универсалъ имѣется».

выхъ, слобода *Ардонь Черненкая*, иногда въ актахъ—*Ордонь*, *Ерденка*, по рѣчкѣ Ерденкѣ, на земляхъ Кіево-печерской лавры, съ разрѣшенія архимандрита Аѳонасія Миславскаго. Осадчимъ ея былъ Никифоръ Пантелеймоновъ сынъ Шаровъ „съ товариствомъ раскольницкихъ слободъ жителми стародубского полку", пришедшій изъ княжества литовскаго. Поселенцамъ дано было льготы на 8 лѣтъ, съ условіемъ, „по докончаню тѣхъ восми лѣтъ, поклону дать до обители святопечерской: денегъ золотихъ сто доброй монеты, пудъ меду и лисицу" [1]).

Въ 1712 г., въ свободномъ государевомъ лѣсу Ходятинѣ, какъ сказано въ Румянцевской Описи (т. LXXXII), осажена слобода *Млинка*, иногда называемая въ актахъ *Княжой*, при рѣченкѣ Млынкѣ, притокѣ Соловы, Лукою Ивановымъ Куколевымъ, отъ имени значковаго товарища Андрея Яковлева, у ко-

---

[1]) Лазаревскій, тамъ же, стр. 457—461. Ср. Опис. Кіево-Печ. Лав. Изд. 2. Кіевъ. 1831 г. Стр. 292. По поводу исторіи лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ послѣднее время высказано было тенденціозное недоумѣніе новымъ историкомъ Малороссіи А. М. Лазаревскимъ (Опис. Ст. Малорос. 1, 386—388). На томъ основаніи, что въ 5 грамотахъ, выданныхъ лаврѣ въ 1680 г. царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ лаврскихъ стародубскихъ—Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1720 г., выданной однако на основаніи предшествующихъ грамотъ, почтенный изслѣдователь приходитъ къ тому заключенію, что эти волости были пріобрѣтены лаврой помимо пожалованій и пожертвованій. Мало того, тутъ же почтеннымъ историкомъ прямо высказывается и та мысль, что лаврскіе городничіе могли прямо захватывать въ пользу лавры цѣлыя деревни. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ тремъ указаннымъ лаврскимъ стародубскимъ волостямъ, эта мысль оказывается совершенно ложною. Въ Акт., относ. къ ист. зап. Рос., т. V, № 19, стр. 72—73, приведена *Мѣновая запись Кіев. митроп. Петра Могилы Бѣлорусскому епископу Іосифу Горбацкому, о уступкѣ Кіево-печерскихъ монастырскихъ селъ—Печерска, Борсуковъ, Цвыркови и Тарасовичъ во владѣніе Могилевской архіерейской каѳедрѣ, по поводу замѣна ихъ на волость Попову Гору яко смѣжную съ лаврскою отчиною.* Запись эта выдана 9 декабря 1644 г. и хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ, при свят. Синодѣ. Она даетъ положительное указаніе, какъ пріобрѣтены лаврой стародубскія ея обширныя маетности. Ср. Багалѣй, Д. Ив.; Новый Ист. Малорос. Рец. на книгу А. М. Лазаревскаго; Опис. Ст. Мал. Спб. 1891 г., стр. 97.

тораго потомъ скоро была отобрана однимъ изъ прикащиковъ князя А. Д. Меньшикова. По словамъ управительской вѣдомости 1759 г. „слобода Млинка поселена, какъ усматривается изъ дѣлъ, въ 1710 году, а потомъ была во владѣніи за бывшимъ княземъ Меньшиковымъ". Изъ того же источника оказывается, что до 1742 г. окладъ съ Млинки платился въ почепскую канцелярію, а въ 1742 г. „по затѣйному челобитью" отданы были млинскіе обыватели мглинскому атаману Матвѣю Сохапскому, зятю вышеупомянутаго значковаго товарища Яковлева; съ 1743 г. вѣдались они уже въ Глуховѣ, въ министерской канцеляріи, а потомъ съ 1752 г. въ кіевской губернской канцеляріи, въ качествѣ описной раскольнической слободы. Изъ той же вѣдомости мы узнаемъ, что слобода Млинка до 1735 г. три раза была описываема: въ 1715 г. полковникомъ Ергольскимъ, потомъ въ 1725 г. подполковникомъ Сухаревымъ и наконецъ въ 1735 г. маіоромъ Павловымъ.

Наконецъ въ 1713 г. начала заселяться послѣдняя раскольничья слобода въ Стародубьѣ—*Свяцкая, Святская* на земляхъ Кіево-печерской лавры, при рѣчкѣ Очесѣ, въ трехъ миляхъ отъ Кіево-печерской маетности Бобовичъ, съ разрѣшенія вышеупомянутаго архимандрита Миславскаго. Осадчимъ этой слободы былъ нѣкто „Іоакимъ Ивановичъ зъ товариствомъ своимъ..., бывшими жителми мѣстечка Халча, державп великого князства литовского", вышедшими оттуда „ради великихъ своихъ кривдъ и бѣдъ незноснихъ". Халчанскіе выходцы—раскольники выговорили себѣ право „слободы" на 6 лѣтъ и обязались давать лаврѣ въ льготное отъ повинностей время обычные поклонные деньги, пудъ меду и лисицу. Разрѣшительный универсалъ на поселеніе слободы Свяцкой былъ выданъ 18 іюня 1713 г.[1]).

Кромѣ указанныхъ мѣстъ поселенія, раскольники селились въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ не были первоначальными насельниками и жили вмѣстѣ съ кореннымъ малороссійскимъ населеніемъ, въ особенности въ мѣстахъ пограничныхъ и торговыхъ. Такъ въ то время с. *Мартихина-Буда* въ значительной мѣрѣ наполнилась

[1]) Лазаревскій. Опис. ст. Мал. I, 461—463. Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. I, 127. Румянц. оп. Мал., т. CXX. П. С. З. XI, № 8365. Опис. Кіевопеч. лав. стр. 292.

великорусскими поселенцами—раскольниками. 24 февраля 1713 г. била челомъ Петру Великому капитана Родіона Васильева Волжинскаго жена Марья Васильева въ томъ, что „въ прошлыхъ годѣхъ и разныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ бѣжали отъ нея изъ селъ и деревень крѣпостные ея люди и ея крестьяне", покравъ пожитки и лошадей и „бѣжали изъ Карачевскаго уѣзда с. Кислина, да Орловскаго уѣзда с. Селехова, да изъ д. Коптевой, да изъ Рыльскаго уѣзда изъ с. Городенскаго—въ Глуховъ, и живутъ нынѣ въ с. Марчихинѣ-Будѣ, которымъ селомъ владѣетъ гетманъ Скоропадскій". Всѣхъ бѣжавшихъ было 18 семействъ. Волжинская предварительно била челомъ и самому гетману, но онъ ей отдалъ только одного крестьянина, бѣжавшаго снова въ 1712 г.; остальныхъ не отдавалъ на томъ основаніи, что „они якобы ей не крѣпки". Царская грамота къ гетману о возвращеніи бѣжавшихъ отъ Волжинской крестьянъ съ женами и дѣтьми, въ которой приведенъ и списокъ ихъ, дана 15 марта 1713 г. Съ образованіемъ описныхъ государевыхъ раскольничьихъ слободъ въ Стародубьѣ Марчихинобудянскіе раскольники выходили въ эти послѣднія, какъ и изъ другихъ подобныхъ поселеній, не желая оставаться посполитыми подданными малороссійскихъ владѣльцевъ [1]).

---

[1]) Царская грамота къ гетману Скоропадскому по челобитью Волжинской хранится въ подлинникѣ въ архивѣ Черниг. губерн. стат. комит. О выходѣ марчихинобудянскихъ раскольниковъ въ описныя слободы указанія есть въ Румянц. оп., напр. въ т. CXVII, при опис. слоб. Шеломы, лл. 2 об., 19 об. и др., какъ и въ другихъ дѣлахъ прошлаго вѣка, напр. въ дѣлѣ о Лужковской лжехристовщинѣ 1747 г. См. показаніе Моисеева. Х. И. А. Д. М. № 21299. Ср. тамъ же № 15161. Въ 1736 г. раскольниковъ было въ Марчихиной-Будѣ только 7 м. и 8 ж., въ 1790 г. 113 м. и 99 ж., въ 1827 г. 142 м. и 146 ж. До 1828 г. была у марчихинобудянскихъ раскольниковъ своя часовня съ колоколами. Послѣ пожара, истребившаго часовню вмѣстѣ съ 80 дворами жителей, раскольникамъ не позволено было здѣсь вновь селиться, и они поселились въ 5 в. отъ Буды, въ Родіоновкѣ, гдѣ живутъ и доселѣ. Въ 60-хъ годахъ, по историко-статист. опис. Черн. еп., здѣсь было до 70 дворовъ раскольничьихъ. Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, стр. 360. По даннымъ губернскаго статистическаго комитета за 1887 г. всѣхъ раскольниковъ разныхъ сектъ числилось по Глуховскому уѣзду, въ томъ числѣ и въ Марчихиной Будѣ, 250 м., 266 ж.

Совмѣстно съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ раскольники жили и въ другихъ мѣстахъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ, какъ можно заключить изъ того, что нижеуказанныя села попали въ Переписныя книги полковника Ергольскаго. Такъ, при описаніи с. Кириковки, въ Компутахъ 1723 г., „въ реестрѣ сотни новомѣской всего посполъства", замѣчено; „двѣ хатки пана хоружого (Стефана Якимовича), у которыхъ живутъ великороссійскіе люде записніи господиномъ полковникомъ Ергольскимъ" (л. 479). Такое замѣчаніе сдѣлано и при описаніи с. Красковичей, сотни мглинской, бунчуковаго товарища Васплія Завадовскаго: „Въ семъ же селѣ отписніе Ергольскимъ грунтовіе: Васка Кравченокъ, Романъ Хватѣевъ, Канашъ Хватѣевъ, Иванъ Сапуновъ бобыль. Сіи всѣ не чинятъ жадной помочи селу нѣ в чомъ" (л. 681 об). Въ извѣстномъ Дневникѣ Н. Д. Ханенка подъ 12 іюля 1732 г. замѣчено: „Въ Архиповичахъ мешкаючіи раскольщики, называючіесь Неклюдовы и Росеріп"... [1]).

Подобнаго же рода указанія встрѣчаются и въ позднѣйшей Румянцевской описи; напр., по даннымъ послѣдней, раскольники жили въ д. Перелазѣ Попогорской власти, владѣнія Кіевопечерской лавры (т. CXVII, л. 3); въ с. Перелюбѣ, черниговскаго полка (см. подворную вѣдомость войта слоб. Клинцовъ).

Дальнѣйшій ростъ самостоятельныхъ раскольничьихъ поселеній въ стародубскихъ и черниговскихъ предѣлахъ былъ остановленъ резолюціей Петра I, на представленіи кіевскаго губернатора князя Дмитрія Михайловича Голицына, о томъ, что „въ стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники и комисаръ пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасенъ, дабы не разбѣжались за границу". Разслѣдованіе о великороссійскихъ насельникахъ Малороссіи показало, что въ предѣлахъ стародубовскаго и черниговскаго полковъ на земляхъ гетмана Скоропадскаго и другихъ Малороссійскихъ державцевъ, а равно на магистратскихъ и монастырскихъ земляхъ разселилось значительное количество великороссійскихъ людей, и въ томъ числѣ 16 раскольничьихъ слободъ, всего 377 дворовъ. Относительно раскольниковъ Государь повелѣлъ 28-го февраля 1715 г. не настаивать на возвращеніи ихъ на преж-

---

[1]) Дневникъ генер. хоруж. Н. Ханенка 1727—1753 г. Изд. ред. «Кіев. Ст.». Кіевъ. 1887. Стр. 119.

нее жительство, а лишь положить ихъ въ окладъ. Въ слѣдующемъ 1716 г. князь Голицынъ сдѣлалъ распоряженіе, на основаніи именнаго царскаго указа, чтобы поселившимся въ Малой Россіи раскольникамъ никто обидъ не чинилъ и никакими дѣлами ихъ не вѣдалъ, и во владѣніи грунтовъ, которыми они владѣли, никто не интересовался, подъ опасеніемъ штрафа, а жить имъ раскольникамъ на тѣхъ грунтахъ, на которыхъ они жили, и землями, и всякими угодьями владѣть тѣми, которыми они владѣли, невозбранно. Такимъ образомъ стародубскіе и черниговскіе раскольники сдѣлались совершенно независимыми отъ власти Малороссійскихъ державцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и были причислены къ вѣдомству кіевской губернской канцеляріи [1]). Владѣльцы, само собою понятно, не довольные этой правительственной мѣрой по устройству новаго положенія раскольниковъ въ Малороссіи, стали всячески притѣснять и вытѣснять этихъ невыгодныхъ теперь для нихъ великороссійскихъ поселенцевъ, которыхъ сначала такъ охотно принимали и „закликали" на перебой другъ передъ другомъ, давая имъ всевозможныя льготы, нерѣдко въ ущербъ мѣстнымъ посполитымъ. И имъ удалось, вопреки распоряженію князя Голицына, или подчинить себѣ, или вытѣснить раскольниковъ изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили смѣшанно съ малоруссами и бѣлоруссами, хотя и эти послѣдніе раскольники въ большинствѣ случаевъ были включены въ опись полковника Ергольскаго [2]). Кіевопечерской лаврѣ удалось даже въ 1741 г. возвратить и старыхъ „подданныхъ" и земли, занятыя раскольничьими слободами.

[1]) П. С. З. №№ 2889 и 8365. Х. И. Д. М. № 3125. См. указъ князя Голицына 1716 г. въ Матер., № 16, стр. 109. Въ извлеченіи этомъ указъ извѣстенъ давно.

[2]) Компуты по Стародуб. полку 1723 г., лл. 431, 479, 681. Ср. Обозр. Румянц. Оп. Мал. IV, 481—482, 516. Дневн. Н. Ханенко, стр. 119 —Отдѣльные случаи поселенія раскольниковъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ была однакоже и послѣ 1715—1716 г. Такъ Радульскій раскольничій войтъ Иванъ Колесниковъ доносилъ въ 1755 г. въ волостную контору, что на земляхъ Анастасіи Полуботковой жительствуютъ и подъ ея протекціей находятся «люди великороссійскаго прирожденія и крестятся двѣмя персты, и для моленія ходятъ въ одну часовню, и прочіе обряды содержатъ съ ними единогласно, и жены за ними побраны изъ разныхъ описныхъ слободъ жителей, а въ казну Ея И. В. годоваго оброка не платятъ и ни въ

Не смотря однако на то, что съ 1715 г. новыхъ раскольничьихъ слободъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ не заводилось, притокъ сюда великороссійскихъ раскольниковъ не сокращался, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливался до конца XVIII в. и даже вплоть до отмѣны крѣпостнаго права.

Все нами вышесказанное, по вопросу о времени происхожденія стародубскихъ и черниговскихъ раскольничьихъ слободъ, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Колонія московскихъ раскольниковъ, выведенная попомъ Кузьмою въ Сѣверщину, по сказанію Ивана Алексѣева, не была первою раскольничьею колоніею на земляхъ стародубскаго полка. Гораздо раньше этихъ московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы раскольники, неизвѣстные намъ по мѣсту своего первоначальнаго жительства. Поселеніе этихъ послѣднихъ нужно относить къ концу шестидесятыхъ или къ началу семидесятыхъ годовъ XVII в., а колонію московскихъ раскольниковъ съ попомъ Кузьмою во главѣ— къ концу семидесятыхъ годовъ.

2) На первыхъ же порахъ по поселеніи раскольниковъ въ Стародубскихъ предѣлахъ, на нихъ было обращено вниманіе мѣстныхъ властей — свѣтской и духовной, и послѣдняя, въ лицѣ знаменитаго мѣстнаго іерарха Лазаря Барановича, принимала по отношенію къ нимъ соотвѣтственныя мѣры, практиковавшіяся и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору, хотя и не такъ настойчиво, какъ въ послѣдней.

3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровкѣ московскіе раскольники, по всей вѣроятности, были направлены сюда Стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою—Вольскимъ (1678—1680 гг.), и поселены здѣсь при

какія общенародныя повинности вспомоществованія имъ, Радульцамъ, не даютъ» ... Х. И. А. Д. М., № 14985: Дѣло, по письму Кіевскаго вицегубернатора Ив. Ив. Костюрина, о присылкѣ рапорта отъ Анастасіи Полуботковой о жительствующихъ въ ея протекціи раскольникахъ, отъ 3-го апрѣля 1756 г.—Кромѣ того, въ слободѣ Млинкѣ, кромѣ такъ называемыхъ записныхъ раскольниковъ, были по вѣдомости Кіев. губ. канцеляріи 1761—1762 г. раскольники, жившіе между подданными полковника Сухарева, капитана Бухарина и обознаго полковаго Стародубскаго Юркевича: муж. 16, ж. 10. Ibidem, № 3125. Кіев. центр. Арх. св. дѣлъ о колонизаціи сѣверной Малороссіи.

посредствѣ Курковскаго куреннаго атамана, или вѣрнѣе, волостнаго сотника Ломаки. Весьма вѣроятно, что и Понуровка, какъ раскольничья слобода, первоначально входила въ составъ магистратскихъ селъ, какъ и Курковичи до 1730 г., пока не завладѣлъ ею полковникъ—гетманичъ С. И. Самойловичъ, при которомъ раскольники были удалены отсюда, какъ и изъ другихъ мѣстъ, населенныхъ ими, по сказанію Ив. Алексѣева.

4) Понуровка, какъ раскольничья слобода, была осажена раньше 1676 г.,во время полковничества П. И. Рославца, и что, стало быть, Московскій попъ Кузьма и его 20 духовныхъ дѣтей и не были первоначальными засельниками „слободы Понуровской", какъ она называется въ „Роспросныхъ рѣчахъ" 1700 г. по дѣлу Шелковникова.

5) Удаленіе раскольниковъ изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими мѣстъ въ Стародубскомъ полку находилось въ связи съ стрѣлецкими и раскольничьими движеніями въ Москвѣ въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны, такъ какъ эти движенія находили откликъ и въ колоніяхъ Московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. на Дону, и среди стрѣльцовъ, находившихся въ Малороссійскихъ городахъ, и грозили безпорядками въ самой Малороссіи, тогда еще далеко не успокоенной.

6) Удаленіе это повидимому не было общимъ, а частнымъ, такъ какъ оно, какъ есть основаніе полагать, коснулось только тѣхъ раскольниковъ, которые поселились и жили на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти вмѣстѣ съ жившими на нихъ поселенцами. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы раскольники были удалены и съ земель частныхъ державцевъ или владѣльцевъ.

7) Поселеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ на первыхъ порахъ было немногочисленно и стало усиливаться со времени стрѣлецкихъ и раскольничьихъ движеній, въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны, и послѣдующихъ конца XVII в., а особенно въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Большинство нынѣ существующихъ стародубскихъ и черниговскихъ раскольническихъ слободъ возникло именно въ эту послѣднюю эпоху.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Условія поселенія и первоначальной жизни великороссійскихъ раскольниковъ въ Стародубскихъ и Черниговскихъ слободахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.

Мѣстомъ первоначальнаго поселенія великороссійскихъ раскольниковъ въ Малороссіи главнымъ образомъ были сѣверные уѣзды нынѣшней Черниговской губерніи: Стародубскій, Мглинскій, Суражскій и Новозыбковскій, а частію и сосѣдніе съ ними. Съ давнихъ поръ эта часть сѣверной Малороссіи или нынѣшней Черниговской губерніи, входящая по своему географическому положенію въ составъ Днѣпровско-сожской низменности, составляя пограничную область, съ своими непроходимыми въ прежнее время лѣсами, обиліемъ рѣкъ и болотъ, служила надежнымъ убѣжищемъ для всевозможныхъ перебѣжчиковъ, укрывавшихся здѣсь изъ Польши и Литвы, какъ и изъ сосѣднихъ областей Московскаго государства. Но самая сильная колонизація этого края, называвшагося изстари „сѣверскимъ" или просто „сѣверомъ", „сѣверіей", съ его сохранившимися отъ древности поселеніями и „городами", началась лишь съ XVII в., и опять со стороны Литвы и Польши, какъ и Московскаго государства. Уже Поляки, отхватившіе въ эпоху смутнаго времени значительную часть сѣверскаго края отъ Московскаго государства, энергично заботились о заселеніи его, привлекая сюда переселенцевъ разнаго рода льготными условіями и обѣщаніями [1]).

---

[1]) Нѣкоторыя данныя для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины при польскомъ владычествѣ даютъ слѣдующія изданія: Акты Южной и Западной Россіи (т. I—III); Архивъ Юго-Западной Россіи т. I; Сборникъ Императ. Рус. Историч. Общ. т. XXXV и др.; Румянцевская Опись; матеріалы, извлеченные изъ архивовъ въ Историко-Статист. Опис. Черн. еп. и др. Относительно Стародубья въ частности не мало указаній можно найти на этотъ счетъ въ I т. Опис.

Во время польскаго владычества наиболѣе дѣятельное участіе въ колонизаціи края принимали крупные землевладѣльцы изъ Поляковъ, какъ наприм. Николай Абрамовичъ, Александръ Пясочинскій, Янъ Куницкій, панъ Мухавецкій, Криштофъ Фащъ и др. Относительно перваго извѣстно, что ему даны были королемъ обширныя маетности около Мглина и самый Мглинъ, второму—Погаръ, Новгородсѣверскъ, Глуховъ, съ окрестными селами и деревнями, въ то время еще довольно слабо заселенными. Пясочинскій, при помощи своего сѣверскаго управителя, нѣкоего Мацѣя Стахорскаго, быстро заселилъ доставшіяся на его долю маетности новыми поселенцами, вышедшими изъ сосѣднихъ польско-литовскихъ и московскихъ пограничныхъ областей. (Historyczne Pamiątki Свѣнцкаго, Варшава, 1858 г., 1, 393). О пріемахъ, какіе употреблялись имъ и его управляющими при завлеченіи великорусскихъ крестьянъ на новыя мѣста поселенія, даетъ намъ нѣкоторое понятіе одинъ изъ актовъ самаго начала второй половины XVII в., который приложенъ къ дѣлу 1725 г. по челобитью помѣщика Максима Васильева Мясоѣдова о бѣглыхъ его крестьянахъ, поселившихся въ Погарскомъ уѣздѣ „подъ часъ войни зачатія гетману Хмелницкому зъ королемъ полскимъ и зъ Рѣчю посполитою". Оказывается, что Пясочинскій просто разсылалъ по русскимъ окраинамъ своихъ агентовъ, которые и „закликали" русскихъ людей „на слободу". Такъ разсказывалъ въ 1657 г. предъ Гавриломъ Еремѣенкомъ, сотникомъ Погарскимъ, нѣкій „Макаръ Артемовъ зъ Рославщины о виходѣ, якими часи вышолъ зъ семею зъ за бискупа Парцевского въ северскій край на слободу, чувши закликъ за пана Пясочинскаго"... [1]) Тоже дѣлали и другіе круп-

---

ст. Малороссіи А. М. Лазаревскаго, а также въ трудахъ А. И. Хавенка: 1. Историч. Опис. нѣкоторыхъ мѣстностей Черниг. губ. (Новгородъ-сѣверскій уѣздъ). Черниговъ. 1887 г. 2. Опис. мѣстностей Черниг. губ. въ предѣлахъ бывшаго Стародуб. полка. Черниговъ. 1890 г.

[1]) Х. И. А. Д. М. № 1813. Дѣло по челобитью М. В. Мясоѣдова о сысканныхъ имъ въ 1725 г. въ с. Дарѣевскѣ бѣглыхъ его крестьянахъ, поселившихся здѣсь издавна и жившихъ тутъ уже четвертымъ поколѣніемъ. Въ челобитной Мясоѣдовъ писалъ, что въ прошлыхъ годахъ бѣжали отъ отца его Василья Нефедьева крѣпостные крестьяне изъ Брянскаго уѣзда, Поцинской волости, изъ д. Вязовска, Макаръ Артемовъ съ женою и дѣтьми и др., и что правнуки Артемова Илья и Парфенъ Парфеновы живутъ въ с. Дарѣевскѣ, По-

ные и мелкіе землевладѣльцы въ краѣ изъ поляковъ; они же строили для переселенцевъ дома и давали широкія льготы въ отбываніи подданическихъ повинностей и въ пользованіи разнаго рода грунтами. Такъ панъ Криштофъ Фацъ, державца села Солоновки, осадивши слободку на Солоновскомъ грунтѣ, изъ которой впослѣдствіи образовалось мѣстечко, нынѣ городъ Городня, далъ слобожанамъ вольность на 30 лѣтъ и широкое

гарской сотни. По челобитью М. въ сентябрѣ 1725 г. Парфеновы были сысканы въ Стародубскую судебныхъ дѣлъ канцелярію, отданы подъ караулъ, но не были отданы челобитчику. 4-го ноября изъ генеральной канцеляріи присланъ указъ въ полковую, чтобы правящій полковыми дѣлами «дѣло Мясоѣдова о Илія и Парфенѣ Парфеновыхъ спорядивши обстоятельно для крайнего рѣшенія самое подлинное, такожъ и означенныхъ Парфеновыхъ прислалъ при доношеніи въ генеральную в. к. во всякой скорости». Въ приложенной къ дѣлу Росказкѣ селянъ Дарѣевскихъ «совѣтно тамошній Даріевскій попъ Романъ зъ атаманомъ, товариствомъ и посполствомъ сознали, что якъ прадѣдъ Иліи Парфенова зайшолъ въ с. Даріевскъ и чи Московской породи или нѣтъ—нихто зъ селянъ не вѣдаетъ, только де слишали отъ давно уже померших того с. Даріевска старожиловъ, же оній Макаръ былъ первій жилецъ на осадѣ слободи с. Даріевска и прійшолъ къ осадчему (Васютѣ Василіеву) того села; якъ поселился на грунтѣ, и теперь на ономъ же живетъ, и якъ тогда служилъ козацко, такъ и теперь служитъ»... Въ генеральной канцеляріи Илья Парфеновъ предъявилъ листъ сотника Погарскаго Гаврила Еремѣенки отъ 18 января 1657 г., въ которомъ подробно разсказывалась исторія выхода Артенова изъ Рославщины и поселенія на слободѣ въ Дарѣевкѣ. Оказывается, что по выходѣ изъ Рославщины со всѣми животами (10 коровъ, 20 овецъ, 20 свиней, 40 осмаченъ жита и 20 овса) онъ попалъ въ Брянщинѣ въ руки боярина Ив. Мясоѣдова, который и поселилъ его «кгвалтомъ въ пустомъ своемъ селищи въ Вязовскомъ», гдѣ и жилъ Артемовъ около 5 л., и потомъ бѣжалъ «къ Погару за полковницствомъ на Стародубѣ Апанаса Еремеенка, *обеспился полковнику* и сталъ жити въ Погарскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Даріевску на слободѣ за осадчимъ Васютою Василіевимъ»... Интересны и слѣд. подробности въ данномъ листѣ: «И почувши тотъ бояринъ..., что тотъ Макаръ живетъ у Погарщинѣ въ Даріевску, билъ челомъ его милости пану *гетману наказному сѣверскому*, пану *Ивану Золотаренку*..., именуючи его за старожилця. И его милость панъ гетманъ наказній... прислалъ писаніе свое до его милости пана полковника Стародубовскаго, пана Петра Рославца, абы панъ Петръ Рославецъ, п. с., роспиталъ людей вѣдомихъ..., чи стародавній тотъ жилецъ

право пользоваться его власными землями. Объ этихъ широкихъ льготныхъ условіяхъ поселенія долго вспоминали мѣстные жители и потомъ, уже во времена гетманщины, при Малороссійскихъ державцахъ[1]).

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому государству приливъ въ нее бѣглыхъ крестьянъ, слугъ и разныхъ служилыхъ людей не только не прекратился, но даже еще болѣе усилился. Этому отчасти способствовали и условія внутренней жизни Малороссіи, которыя стали въ ней слагаться по изгнаніи Поляковъ. Свобода отъ пановъ и всякихъ обязанностей къ нимъ, провозглашенная въ то время Малороссійскимъ поспольствомъ, привлекала сюда массу крестьянъ изъ сосѣднихъ великорусскихъ пограничныхъ областей. Въ такъ называемыхъ „новыхъ статьяхъ", постановленныхъ по настоянію центральнаго русскаго правительства, при избраніи въ гетманы Юрія Хмельницкаго въ 1659 г., и принятыхъ новымъ гетма-

---

Макаръ за тымъ бояриномъ, аби нѣтъ; если стародавній, то казалъ того Макара и зъ семею тому боярину видати; а если прихожій, албо якъ задержаній, то не казалъ видавати»... Макаръ не былъ выданъ. «А закрѣпи рукъ въ подлинномъ писмѣ никакихъ не имѣется»: такъ замѣчено въ «выписи войсковой генер. канц.» по этому дѣлу. Указываетъ ли эта канцелярская замѣтка на сомнительность самаго «письма» —мы не знаемъ; но въ старинномъ дѣлопроизводствѣ документы «безъ закрѣпи рукъ» —нерѣдкость. Указанія «писма» на Стародубскихъ полковниковъ (наказныхъ)—Еремѣенка и Рославца, Погарскаго сотника Гаврилу Еремѣенка и наконецъ наказнаго гетмана Ив. Золотаренка совпадаютъ по времени съ обстоятельствами поселенія Артемова. Аѳанасій Еремѣенко наказнымъ полковникомъ для «сѣвера» былъ въ 1654 г. А. Ю. З. Р. Х. 542. До 1752 г. с. Дарѣевскъ числилось ратушнымъ селомъ, когда Разумовскимъ отдано Н. Д. Ханенку. Въ Ист. статист. Опис. Черн. еп. (VII, 49—52) Дарѣевскъ, какъ и Дарѣевичи, связываются съ именемъ какой-то древней сѣверской княгини Даріи, мѣстопребываніемъ которой якобы было находящееся въ 4 в. отъ Дарѣевска с. Городище, гдѣ и до сихъ поръ площадь съ насыпью храма называется *городкомъ*. Вышеприведенныя данныя говорятъ другое.

[1]) Зап. Черн. губ. стат. ком. кн. II, в. 1 и 2, стр. 109—110. Ист. стат. Оп. Черн. еп. VI, 193—194. Домонтовичъ: Черн. губ. Спб. 1865. Стр. 605. Черн. губ. Вѣд. 1852 г., № 39. Шафонскій Оп. Черн. намѣстнич. Обозр. Рум. Оп. Мал. стр. 90—92, 526—52.

номъ и казацкой старшиной, въ пунктѣ 16 весьма категорично сказано, что „въ прошлихъ въ 162 и въ 169 и въ 164 годѣхъ, изъ Брянскаго, изъ Карачевского, изъ Рилского, изъ Путивлскаго уѣздовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ люди и хрестіане многіе разбѣжалися въ Черкаскіи городи, и въ Новгородокъ Сѣверскій, въ Почепъ и Стародубъ, и изъ тѣхъ городовъ приходячи къ помѣщикамъ своимъ и вотчинникамъ, всякія злости и разореніе нестерпимые дѣлаютъ". Московское правительство не могло, конечно, не обратить серьезнаго вниманія на это опасное для него явленіе; оно дѣйствительно тотчасъ и постаралось принять противъ него прежде всего свои обычныя канцелярскія мѣры. Такъ уже въ январѣ 1655 г. челобитствовалъ на царское имя одинъ изъ представителей Московской гостиной сотни, именно какой-то Михаилъ Рыбенскій, чтобы послана была къ Малороссійскому гетману Богдану Хмельницкому царская грамота о сыскѣ укрывающихся въ Малороссіи бѣглыхъ его людей. Челобитью Рыбенскаго данъ былъ надлежащій ходъ: царская грамота гетману была послана. Въ первой половинѣ слѣдующаго 1656 г. отправлено было уже нѣсколько царскихъ грамотъ къ тому же гетману и по тому же предмету. Тоже было и въ послѣдующее время, въ гетманство Выговскаго. При избраніи въ гетманы Юрія Хмельницкаго центральное Московское правительство уже вмѣнило въ обязанность новому гетману и всей его старшинѣ сыскивать „воровъ-бѣглецовъ", отдавать ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, „и впередъ заказъ учинити крѣпкій, которіи боярскіи люди и хрестіане впередъ учнутъ бѣгать въ Черкаскіи городи, и тѣхъ бы нихто въ Черкаскихъ городѣхъ не пріймалъ, чтобъ въ томъ въ тѣхъ порубежнихъ городѣхъ ссори, а служивимъ людемъ разоренья не было. А о которихъ о бѣглихъ о чіихъ людехъ или о хрестьянехъ учнутъ изъ городовъ воеводи писать, и тѣхъ би отдавать назадъ; а если будетъ кто пріимать тѣхъ бѣглихъ людей и хрестьянъ, и тѣхъ карать смертію" [1]). По 7-му пункту послѣдующихъ Глуховскихъ статей, подтвержденныхъ потомъ и при избраніи въ гетманы Самойловича, вмѣнялось также въ обязанность „Малороссійскимъ жителемъ служивихъ людей, солдатовъ

[1]) Лѣтопись Сам. Величка: I, 418—419.—М. А. И. Д. Д. М.: св. 10, № 2, дѣло Михаила Рыбенскаго, отъ 28-го января 1655 г. св. 12, январь—апрѣль 1656 г. и др.

и драгуновъ и всякихъ чиновъ людей, которые, не похотя великому государю, его царскому величеству, служить, такихъ людей боярскихъ и крестьянъ, которіе учиня убыство или разбой или иное что своровавъ въ Малороссійскіе городи прибѣгутъ, не принимать и у себя не держать, и по той статьи измѣникъ Демко Малороссійскимъ жителемъ заказу о томъ никакова не учинилъ и по тайной своей измѣнѣ и приниманіе тѣхъ бѣглецовъ попустилъ... И новообранному гетману и генералной старшинѣ и всему войску запорозкому никакихъ бѣглихъ людей и крестьянъ впредь не принимать; а которіи до сего времени приняти, и тѣхъ отпускать послѣ нынѣшняго договору вскорѣ"... При избраніи Мазепы козацкая старшина просила Московское правительство, чтобы „русскихъ давнихъ на Украйнѣ людей не вивозить, которіе зашли давно", и обѣщалась, согласно прежнимъ пунктамъ, „бѣглецовъ не принимать" [1]).

Однако всѣ эти обычныя канцелярскія мѣры московскаго правительства преслѣдуемой имъ цѣли не достигали: бѣгство крестьянъ и разныхъ служилыхъ людей въ Малороссію не прекращалось, какъ не прекращался и пріемъ ихъ въ Малороссіи. Ихъ принимали здѣсь какъ разные представители козацкой старшины, въ томъ числѣ полковники и гетманы, такъ архіереи и монастыри. При томъ, чѣмъ дальше тѣмъ больше увеличивается число челобитствованій разныхъ чиновъ людей о сыскѣ и возвращеніи бѣглыхъ людей и крестьянъ, поселившихся въ гетманской Малороссіи. Къ шестидесятымъ годамъ XVII в. относятся челобитствованія Львова, Сафонова, Хитрово, Пальчикова, князя Долгорукова и многихъ другихъ видныхъ московскихъ сановниковъ того времени [2]). Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ Посольскомъ Приказѣ

---

[1]) Сборникъ документовъ, относящ. къ исторіи Малороссія XVII—XVIII в. Рукоп. библ. историко-филологич. Инстит. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, № 3316, стр. 67—68, 83—84.

[2]) М. А. М. И. Д. Д. М. св. 19, 1664 г., дѣло отъ 31-го апрѣля по челобитью Львова; отъ 8-го сентября, по челобитью Сафонова о бѣглыхъ крестьянахъ, съ указаніемъ прямо на Лазаря Барановича, въ архіерейскихъ маетностяхъ котораго были поселены бѣглецы. Св. 20, 1665 г., отъ 21 февраля, по челобитью М. Хитрово. См. также св. 21, отъ 1667 г.; св. 38, отъ 1673 г. Ср. Соловьевъ, Ист. Россіи. XI, 178. Ак. юж. и зап. Росс. V, 212—213.

велись особыя записныя книги всѣмъ царскимъ грамотамъ, посылаемымъ къ гетману, полковникамъ и черниговскому архіерею, по челобитью всякихъ чиновъ людей, о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ и слугъ и иныхъ сюда относящихся дѣлахъ. Одна изъ такихъ записныхъ книгъ, обнимающая періодъ времени отъ 10-го ноября 1676 г. по 8 ноября 1688 г., на 103 листахъ, хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ разрядѣ малороссійскихъ дѣлъ, при связкѣ 46, подъ 1676 г. Изъ значительнаго числа царскихъ грамотъ, помѣщенныхъ здѣсь по указаннымъ дѣламъ, видно, что бѣглые люди жили по преимуществу въ Почепскомъ, Погарскомъ, Стародубскомъ, Новгородъ-сѣверскомъ, Глуховскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ, и жили въ селахъ и деревняхъ гетманской Малороссіи „переходя" съ мѣста на мѣсто. Изъ тѣхъ же грамотъ, какъ и другихъ тоговременныхъ указаній, видно и то, что бѣглецы находили себѣ пріютъ главнымъ образомъ въ селахъ и деревняхъ стародубскихъ полковниковъ и мѣстной старшины, въ томъ числѣ до 1676 года преимущественно въ маетностяхъ извѣстнаго по злополучной своей судьбѣ полковника Петра Ивановича Рославца. Есть не мало указаній, что великороссійскіе люди селились также въ значительномъ числѣ и въ маетностяхъ черниговскаго и новгородсѣверскаго архіепископа Лазаря Барановича. Челобитьями къ государю о поселеніи бѣглыхъ людей и крестьянъ въ Малороссіи наполнена также почти цѣлая книга Малоросійскаго Приказа, хранящаяся теперь въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и обнимающая собою 1674—1675 гг. [1]).

---

[1]) М. А. М. Ю. Кн. Малорос. прик. № 34, лл. 34—35, 41—42, 550—551, 709—706 и друг. Въ числѣ бѣглыхъ уже въ 1674—1675 года встрѣчаются крестьяне изъ Костромской, Ярославской и другихъ подмосковныхъ губерній. Въ грамотѣ къ гетману, отъ 30 сентября 1674 г., по поводу челобитья Матвѣя и Никиты Васильевыхъ Обросимовыхъ, о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ изъ Карачевскаго уѣзда, Самовской волости, д. Соколова, царь между прочимъ писалъ: «Да онъ же Матвѣй далъ *въ наученіе въ Почепъ* Павлу да Максиму *двухъ* своихъ *дворовыхъ крѣпостныхъ робятъ* Наумку да Оську Васильевыхъ; а отъ ученья далъ онъ 5 рублей. И нынѣ стародубскій полковникъ Петръ Рословецъ, да братъ его полковникъ же Овдѣй, тѣхъ ево робятъ ему не отдаютъ. А бѣглые ево люди и крестьяне живутъ въ малороссійскихъ городахъ, которые городы вѣдаетъ онъ стародубскій полковникъ да братъ его Овдѣй, и тѣхъ де людей и кре-

Любопытно, что постоянныя напоминанія, требованія и даже угрозы московскаго правительства, чтобы малороссійскіе державцы не принимали бѣглыхъ людей и высылали изъ Малороссіи уже поселившихся великорусскихъ „приходцевъ", произвели только то дѣйствіе, что малороссійскія власти въ концѣ концовъ стали всячески игнорировать и прикрывать предъ московскимъ правительствомъ факты этихъ поселеній въ Малороссіи. Такой политики по отношенію къ московскому правительству держался уже гетманъ Самойловичъ, какъ видно изъ объясненія имъ факта поселенія раскольниковъ въ сѣверной Малороссіи. Въ инструкціи отъ 12 января 1685 г., данной имъ старшему войсковому канцеляристу Василью Кочубею, при отправленіи его въ Москву, въ которой между прочимъ шла рѣчь о разграниченіи Малороссіи съ Польшею и посожскихъ селахъ, онъ писалъ: „А что и подданные въ тѣхъ селцахъ (посожскихъ) обрѣтаются, по большей части межъ ими суть таковы, которые съ ихъ Царского Пресвѣтлого Величества державы поушли, а еще капитонскою ересію повреждены, откуды и сюды въ городы и села регименту нашего приходя, они тайно простыхъ людей общихъ прелщають, которымъ тамошняя шляхта для подданской должности была рада и имѣла ихъ въ своей оборонѣ. Которыхъ капитоновъ, что въ тѣ времена (приходили), велѣли мы беречь и задерживать. Тогда (въ 1684 г.) писалъ къ сыну моему, полковнику стародубскому, шляхтичъ Халецкій, прося, дабы изъ его маетности, что надъ Сожемъ, для торговъ и иныхъ потребъ такимъ людемъ сюда пріѣзжати было волно, чего мы, соблюдая покой людской, не поволили"... Прекраснымъ комментаріемъ къ этому мѣсту гетманской инструкціи служитъ „листъ" Семена Ивановича Самойловича, полковника стародубскаго, къ отцу—гетману, отъ 2-го сентября 1684 г., по поводу тѣхъ же раскольниковъ. Въ этомъ послѣднемъ полковникъ — гетманичъ писалъ: „по явственной воли и указу велможности вашей еще преже сего, а наипаче сихъ временъ, когда я вѣры проклятой капитонской тако сихъ въ Стародубовщинѣ въ пустыни укороненныхъ еще преже мене поганымъ своимъ гнѣздомъ, и нѣкоторые отъ нашихъ имъ же последующихъ, началъ присматриватысь и добрѣ притиснулъ не

стьянъ ухоронивають. Лл. 41—42. Подобнаго рода указанія встрѣчаются и въ столбцахъ малороссійскаго приказа, хранящихся въ томъ же М. А. М. Ю.

токмо заключеніемъ, но и знатнымъ наказаніемъ. Такъ способомъ такимъ же и на тѣхъ, которые отсюду прежде времени въ ляцкую сторону убѣжавъ, поселились недалече въ Халетчинѣ отъ рубежа нашего вездѣ, по примѣтнымъ мѣстамъ, зоставамъ своимъ, прилежно приказалъ стеречь, оберегая, дабы ни одинъ человѣкъ отъ тѣхъ проклятыхъ оттуду сюды не былъ пропущенъ, наипаче таковъ чтобъ пойманъ и задержанъ былъ, для того, что безпрестанно оттуду сюды подъѣзжая будто для исправленія какова нарочного дѣла..., нашихъ уже подговариваютъ къ себѣ людей и тайно вывозятъ" [1]). Такъ разнорѣчиво говорили объ одномъ и томъ же предметѣ отецъ и сынъ. По словамъ гетмана число раскольниковъ въ Стародубѣ было и крайне незначительно и являлись они сюда какъ бы случайно изъ-за польской границы, и что случайно являвшихся оттуда раскольниковъ берегли и задерживали, по его приказанію. По словамъ сына—раскольники здѣсь укоренились уже давно, и что многіе изъ нихъ перебрались въ Халетчину изъ Стародубья и подговаривали къ тому же и оставшихся въ Стародубѣ, по поводу чего и были приняты имъ тѣ энергическія мѣры противъ раскольниковъ, о которыхъ онъ говоритъ въ письмѣ къ отцу—гетману.

Крестьянскія переселенія, начавшіяся издавна изъ старинныхъ областей Московскаго государства и особенно усилившіяся со времени извѣстныхъ реформъ Годунова, указали потомъ путь для эмиграціоннаго движенія и раскольникамъ. Такъ это было сѣверѣ и сѣверовостокѣ, въ Поволжьѣ и на Дону; такъ это было и въ сѣверной Малороссіи, какъ и въ сѣверозападномъ и югозападномъ краяхъ Россіи.

Относительно сѣверной Малороссіи въ частности можно отмѣтить и другой поводъ къ переселенію сюда раскольниковъ, преимущественно и прежде всего московскихъ: это давнія политическія и торговыя связи сѣверной Малороссіи съ Москвой, естественно увеличившіяся съ присоединеніемъ ея къ Московскому государству при Богданѣ Хмельницкомъ. Первая раскольничья колонія и въ Стародубѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ поселенія раскольниковъ, составилась изъ коренныхъ москвичей, торговыхъ людей, первыхъ послѣдователей раскола, увле-

---

[1]) М. А. М. Ю. Столб. Малорос. Прик. № 5901, лл. 28—29. Копіи канцелярскихъ переводовъ съ подлинниковъ. Мат. для истор. раск. на Вѣткѣ и въ Starод. V. №№ 2—4, стр. 38—44.

ченныхъ своими духовными отцами. Въ качествѣ торговыхъ людей московскіе раскольники могли свободно и легко пробираться въ Стародубье, какъ и въ другія мѣста, не смотря на всѣ стѣсненія и преслѣдованія ихъ, особенно со времени правленія царевны Софьи Алексѣевны, послѣ извѣстныхъ стрѣлецкихъ и раскольническихъ бунтовъ въ Москвѣ, когда правительство издало даже указъ—не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малороссійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по Калужской и Тульской дорогамъ [1]). Фактъ первоначальнаго поселенія въ Стародубьѣ именно московскихъ раскольниковъ одинаково отмѣчается и въ раскольничлихъ источникахъ, какъ наприм. въ „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ“ Ивана Алексѣева, и въ немногихъ уцѣлѣвшихъ архивныхъ дѣлахъ о слободскихъ раскольникахъ изъ конца XVII и начала XVIII в. Въ послѣднемъ отношеніи особый интерессъ представляютъ слѣд. дѣла: во — первыхъ дѣло о наслѣдствѣ Никиты Михайлова Шелковникова, вышедшаго въ малолѣтствѣ изъ Москвы въ Стародубье съ матерью, братомъ и другими лицами, еще во время полковничества въ Стародубѣ П. И. Рославца, т. е. до 1676 г.; во—вторыхъ, дѣло о разграбленіи въ Москвѣ въ 1700 г. дома пятисотнаго Чубарова полка Родіона Боровкова, въ которомъ довольно замѣтное участіе принимали и стародубскіе раскольники, бывшіе московскіе стрѣльцы и другіе выходцы изъ Москвы и подмосковныхъ селъ. Сюда же нужно отнести и позднѣйшее дѣло о Лужковской лжехристовщинѣ конца первой половины XVIII в. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ находится ясное указаніе на торговыя и родственныя связи слободскихъ малороссійскихъ раскольниковъ съ московскими. Изъ дѣла же о разграбленіи дома Родіона Боровкова узнаемъ и то, что москокскіе стрѣльцы — раскольники свили себѣ довольно прочное гнѣздо въ Стародубщинѣ еще съ 1682 года, и что поселившіеся въ ней въ то время стрѣльцы находились въ постоянныхъ и живыхъ сношеніяхъ съ прежними своими московскими товарищами до послѣдняго стрѣлецкаго бунта 1698 года включительно. Интересно, что большинство поселившихся въ то время въ Стародубь стрѣльцовъ принадлежало къ полку Михаила Протопопова. Дѣло Боровкова, по связи своей съ послѣднимъ стрѣлецкимъ бунтомъ, обратило на себя особенное вниманіе мос-

[1]) П. С. З. № 1053.

ковскаго правительства; по его предписанію 1701 г. слѣдствіе и розыскъ производились въ особой смѣшанной коммиссіи при генеральной канцеляріи въ Батуринѣ, состоявшей на этотъ разъ изъ присланныхъ изъ Москвы великороссійскихъ чиновъ, какъ и мѣстныхъ представителей генеральной старшины, подъ предсѣдательствомъ самаго гетмана. Дыба, виска, встряска, кнуты, жженіе огнемъ и прочія ужасныя по жестокости орудія пытки,—все это на этотъ разъ было перенесено изъ Москвы въ Батуринъ и обливалось кровью попавшихся участниковъ преступленія. Изъ розыска выяснилось, что нѣкоторые изъ стародубскихъ участниковъ московскаго грабежа въ то время успѣли уже разбѣжаться по разнымъ мѣстамъ, главнымъ образомъ на Донъ и въ сосѣднюю Польшу [1]). Розыски и даже казни стрѣльцовъ производились въ Батуринѣ, по требованію московскаго правительства, и раньше 1701 г., именно въ 1699 г., и стояли повидимому въ связи съ стрѣлецкимъ бунтомъ 1698 года, какъ видно изъ листа къ царю гетмана Мазепы, отъ 11 іюля того же года, о казни стрѣльца Бориса Соколова, полка стольника и полковника Григорія Анненкова. По поводу этой казни гетманъ писалъ государю: „Дай Богъ, абы и всѣ въ невѣрной ку вамъ, великому Государю, службѣ и недоброхотствѣ и въ воровствѣ будучіи люде таковое жъ воспріяли наказаніе“ [2]). Преслѣдованія и розыски поселившихся въ Стародубѣ стрѣльцовъ были такъ дѣйствительны въ то время, что ихъ вовсе не оказывается какъ слободскихъ поселенцевъ по Переписнымъ книгамъ полковника Ергольскаго и капитана Брянчанинова (1715—1729 гг.), и только въ позднѣйшей Румянцовской Описи въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Дѣла Шелковникова, Боровкова и о лужковской лжехристовщинѣ см. въ «Матер. для ист. раск. на Вѣт. и въ Старод.», №№ 5, стр. 44; 7, стр. 60; 9, стр. 72; 11, стр. 94—95 и д.; 25, стр. 137 и др. О пятисотномъ Чубарова полка Родіонѣ Боровковѣ см. нѣкоторыя подробности въ Ист. Петра Великаго Устрялова, т. III, стр. 163, 165 и др. Въ іюнѣ 1698 г., при разгарѣ послѣдняго стрѣлецкаго бунта, Боровковъ отговаривалъ своихъ мятежныхъ полчанъ отъ противленія властямъ въ Торопцѣ и имѣлъ сначала нѣкоторый успѣхъ въ томъ, хотя и очень недолго, а потомъ отдѣлился отъ мятежниковъ.

[2]) М. А. И. Д. Архивъ старый, отд. 2. Малороссійскіе подлинные акты.

слободахъ появляются дѣти бывшихъ стрѣльцовъ въ качествѣ выходцевъ съ Дону и другихъ мѣстъ [1]).

Московскіе собственно раскольники не были однако единственными насельниками стародубскихъ и черниговскихъ раскольническихъ слободъ. Вопросъ о томъ, изъ какихъ именно мѣстностей обширной Россіи и изъ какихъ общественныхъ слоевъ эмигрировали сюда переселенцы—раскольники въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., разрѣшается съ бо́льшею или меньшею опредѣленностью при посредствѣ данныхъ, находящихся въ уцѣлѣвшихъ отчасти переписныхъ и окладныхъ книгахъ 1715—1718 г. полковника Ергольскаго и таковыхъ же книгахъ 1729 г. капитана Брянчанинова, составленныхъ въ указанное время по распоряженію центральнаго правительства. Данныя этихъ двухъ переписей даютъ возможность болѣе точно указать тѣ основные элементы, изъ которыхъ составлялось въ то время раскольничье населеніе въ стародубскихъ и черниговскихъ слободахъ. Къ сожалѣнію, эти переписныя и окладныя книги извѣстны пока только по 7 раскольничьимъ слободамъ, изъ которыхъ три заселены были въ концѣ XVII в., начиная съ 1684 г., а именно: Еленка, Воронокъ и Лужки, и четыре—въ первое десятилѣтіе XVIII в.: Зыбкая, Клинцы, Климова и Радуль. По даннымъ этихъ переписныхъ книгъ, въ которыхъ указывалось какъ время основанія той или другой слободы, такъ и время поселенія самихъ слобожанъ, равно какъ и то, откуда и когда они вышли, къ какому общественному слою принадлежали на мѣстѣ первоначальнаго жительства, чѣмъ занимались на новомъ мѣстѣ поселенія, какой окладъ платили и пр., первоначальный составъ слободскихъ насельниковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Оказывается, что за періодъ времени отъ 1684 г. по 1729 г. поселилось въ указанныхъ 7 раскольничьихъ слободахъ 610 семействъ въ 356 дворахъ, а въ нихъ м. п. было

[1]) Румянц. Оп. Малор. (CXVI—CXVII). Такъ въ вѣдомости Клинцовскаго войта про домохозяина двора № 191-го Илью Борисова, сына Черкаскаго, замѣчено: «*стрѣльцовъ сынъ*, 46 л., род. на Дону въ Дурновской станицѣ, вышелъ въ Польшу въ 1748 г., а въ слоб. Клинцы въ 1751 г.» л. 80 об. Въ дворѣ подъ № 298 жилъ «природный г. Пронска стрѣлецкой старой слободы стрѣльцовъ сынъ» Григорій Моисеевъ, 38 л. Л. 129 об. Въ вѣдом. Деменскаго войта тоже замѣчено про Евст. Спирид. Бочерова, 72 л., вышедшаго въ Деменку въ 1743 г. л. 19.

1413 душъ, ж. п. 1369 душъ, т. е. приблизительно почти по 8 душъ на каждый дворъ. Въ числѣ 610 семействъ было 56 семей посадскихъ людей разныхъ великороссійскихъ городовъ, 155 с. крестьянъ дворцовыхъ государевыхъ волостей, 249—помѣщичьихъ, 69—монастырскихъ, 67 с. разныхъ выходцевъ изъ-за польскаго рубежа, представители которыхъ уже не помнили, изъ какихъ великороссійскихъ мѣстъ вышли ихъ отцы и дѣды. Въ числѣ остальныхъ 14 семействъ было 7 с. дворовыхъ людей, 4 с. лицъ духовнаго званія, въ томъ числѣ внукъ московскаго священника, церкви Николая Чудотворца, что близъ Красной площади, Харитонъ Ивановъ Шильниковъ, 45 л., отецъ котораго вышелъ въ слободу Еленку въ 1685 г., и 3 семьи козачьи. Въ числѣ посадскихъ людей было 8 выходцевъ изъ Москвы, 12 изъ Калуги, 5 изъ Бѣлева, по 4 изъ Брянска и Орла, по 3 изъ Ярославля, Костромы, Курска, Рославля и Рыльска, по 2 изъ Великихъ Лукъ, Путивля и Бѣлгорода и по 1 изъ Вязьмы и Юрьева Польскаго.

Главную массу выходцевъ составляли крестьяне дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи; большинство изъ нихъ были выходцами изъ центральныхъ губерній нынѣшняго московскаго промышленнаго района: Костромской, Ярославской, Московской и другихъ, примыкавшимъ къ нимъ. А именно цифры говорятъ слѣдующее: въ указанныхъ раскольничьихъ слободахъ поселилось 195 семействъ изъ предѣловъ тогдашней Костромской губерніи, именно изъ уѣздовъ: Костромскаго—123 с., Галицкаго—72; 58 семействъ изъ Ярославской губерніи: изъ Пошехонскаго у. 30 с., Ярославскаго—18 и Ростовскаго—10; 35 семействъ изъ разныхъ уѣздовъ Московской губеріи, 33—Калужской, 31—Тульской, 29—Орловской и 21—Курской. Остальная масса выходцевъ неравномѣрно распредѣляется между слѣдующими губерніями: 12 с. приходится на Смоленскую, 11—на Новгородскую, 9—на Нижегородскую, по 7 с. на Вологодскую и Псковскую, по 6 с. на Тверскую, Владимірскую и Черниговскую и 1 с. на Симбирскую. Этими данными о мѣстопроисхожденіи первоначальныхъ слободскихъ поселенцевъ опровергается то нерѣдко высказываемое мнѣніе, что выходцы—раскольники въ стародубскихъ и черниговскихъ слободахъ были по преимуществу изъ сосѣднихъ съ Малороссіей великороссійскихъ губерній. По даннымъ тѣхъ же переписныхъ книгъ можно указать и время наибольшаго прилива новыхъ насельниковъ въ Малороссію. Изъ конца XVII в. наибольшее число раскольниковъ

поселилось въ Стародубьѣ въ 1684, 1694 и 1699 гг.: въ первомъ изъ указанныхъ годовъ поселилось ихъ 37 семействъ, во второмъ 26 и третьемъ—16. Но особенно усилился приливъ ихъ въ Стародубье съ 1700 г.: такъ въ 1700 г. поселилось ихъ 40 с., въ 1701 г.—33, въ 1702 г.—50, 1708—43, 1709—36, 1715 г.—20, 1720 г.—31 и 1721 г.—17 с. и т. д.

Стародубье представляло для бѣглецовъ—раскольниковъ значительныя удобства, и въ смыслѣ отдаленности края отъ административныхъ центровъ, и въ смыслѣ легкости пробраться сюда. Есть въ Россіи гораздо болѣе отдаленныя и еще болѣе глухія мѣста, посреди непроходимыхъ лѣсовъ и топей, куда убѣгали и гдѣ скрывались наши сектанты; но лѣса Стародубья представляли исключительныя для этого удобства, вслѣдствіе и своей близости къ великороссійскимъ предѣламъ и вслѣдствіе разнаго рода удобствъ здѣсь скрыться отъ преслѣдованій властей. Недаромъ среди великорусскихъ раскольниковъ очень рано составилось представленіе, что нигдѣ лучше жить имъ, раскольникамъ, нельзя, какъ въ Стародубьѣ: оно стоитъ близъ рубежа; окажется нужда бѣжать, можно уѣхать въ Польшу, минуя заставы, а потомъ, возратясь, записаться выходцемъ изъ-за границы, и что наши живутъ тамъ свободно въ 17 слободахъ и ихъ не безпокоятъ за вѣру. Такъ разсуждали въ 1743 г. московскіе наставники Данилова толка въ письмѣ къ своему собрату [1]).

Менѣе удобны были хозяйственно-экономическія условія поселенія великорусскихъ раскольниковъ въ сѣверной Малороссіи.

Извѣстно, что на долю болѣе раннихъ насельниковъ сѣверной Малороссіи достались и болѣе доброкачественныя земли, а на долю позднѣйшихъ—худшія, песчаныя и глинистыя, почти сплошь покрытыя хвойными лѣсами [2]). Различіе въ качествѣ почвенныхъ условій, при которыхъ естественно приходилось селиться въ этомъ краѣ новымъ его колонизаторомъ, сравнительно съ болѣе ранними его насельниками, повело за собою и дальнѣйшее различіе въ экономическомъ быту населенія сѣверной Малороссіи. Между прочимъ великорусскіе поселенцы, раскольники по преимуществу, заняли именно худшія земли

[1]) Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. I, стр. 137—138.

[2]) Нѣкоторыя о томъ соображенія можно найти въ книгѣ А. М. Лазаревскаго: Опис. Ст. Малор. 1, 105—111.

Днѣпровско-Сожской низменности, гдѣ почва всюду песчаная, мѣстами переходящая и въ сыпучій песокъ, только кое-гдѣ встрѣчаются клочки лучшей почвы, гдѣ пахатная земля занимаетъ менѣе одной пятой всей площади заселеннаго ими района, лѣсъ, заросли и кустарники составляютъ и теперь почти одну половину, гдѣ неудобныхъ земель больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ сѣверной Малороссіи. Эта недоброкачественность почвенныхъ условій рано заставила великорусскихъ переселенцевъ—раскольниковъ имѣть заработки внѣ своего хозяйства, искать ихъ въ неземледѣльческихъ промыслахъ или у себя на мѣстѣ, или же въ отдаленныхъ отъ своего мѣста отхожихъ промыслахъ.

И въ сѣверной Малороссіи, какъ и вообще на русской территоріи XVII—XVIII вв., все народное хозяйство находилось еще въ первобытныхъ формахъ: промышленности мануфактурной, фабричной и заводской почти не существовало даже въ мѣстахъ со скученнымъ населеніемъ. На всемъ протяженіи обширной и въ то время русской территоріи въ общемъ распространеніи была только промышленность земледѣльческая и натурально—торговая, существовавшія рядомъ, не отдѣляясь другъ отъ друга и находясь вмѣстѣ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ. Другими словами: сословіе торговцевъ было въ тоже время и сословіемъ земледѣльцевъ, соединяя въ себѣ нерѣдко и функціи служилаго сословія. Такъ было вездѣ; такъ было и въ сѣверной Малороссіи. Съ значительною колонизаціею края въ XVII в., усилившею и населеніе и потребность большаго производства даже сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а равно и количество рабочихъ рукъ, край этотъ быстро усилился въ торгово—промышленномъ отношеніи и скоро пріобрѣлъ значеніе торгово—промышленнаго центра. Не даромъ онъ и раньше назывался „краемъ городовъ". Быстрому развитію торговой промышленности здѣсь въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. способствовало также географическое и политическое положеніе края, находившагося въ Днѣпровско-деснянскомъ бассейнѣ и бывшаго въ то время пограничнымъ краемъ съ Польшей, гдѣ также не было мѣстной производительности. Значительное торгово-промышленное оживленіе было внесено сюда въ это время и пришлымъ великорусскимъ элементомъ, главнымъ образомъ раскольниками,—выходцами по большей части изъ центральныхъ губерній промышленнаго московскаго района, гдѣ рано

проявившаяся борьба за существованіе выразилась изобрѣтеніемъ промысловъ во всемъ ихъ разнообразіи. При скудости почвенныхъ условій для хлѣбопашества на своихъ земляхъ, гдѣ, по словамъ современныхъ слобожанъ, лучшія земли—„крѣпенькій песочекъ", худшія—песокъ и низкія глееватыя, они на первыхъ же порахъ явились здѣсь естественными посредниками при сбытѣ продуктовъ мѣстной промышленности между производителями и потребителями, и на этомъ посредствѣ основали свое благосостояніе. Уже по переписнымъ книгамъ раскольничьихъ слободъ полковника Ергольского (1715—1718 гг.) и капитана Брянчанинова (1729 г.) можно отмѣтить въ каждой слободѣ десятки дворовъ, хозяева которыхъ занимались разными промыслами. Здѣсь мы находимъ постоянныя замѣчанія, что тѣ или другіе слобожане торгуютъ конопляннымъ масломъ (особенно много было торговцевъ этимъ продуктомъ), солью и рыбой, то дегтемъ и кожевными товарами; то занимаются скупкой пеньки и конопли, то извозомъ; про иныхъ замѣчается, что шьютъ русскія рукавицы или сапоги, про другихъ, что дѣлаютъ и продаютъ ложки деревянныя (Галичане и Балахонцы), русскія сани и телѣги, безмѣны и пр. Есть также указанія на торговыя занятія слобожанъ по городамъ Малороссіи, на приготовленіе простыхъ полотенъ, на иконописное (Владимірцы), кузнечное, пряничное (Вяземцы) и другія мастерства и промыслы [1]).

---

[1]) О торговлѣ слобожанъ по городамъ Малороссіи, кромѣ Переписныхъ книгъ Ергольскаго и Брянчанинова, имѣются и другія указанія. Такъ, извѣстный паломникъ, московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, потомъ раскольничій старецъ Леонтій, нашелъ въ Малороссійскихъ городахъ въ началѣ 1702 г. «боголюбцевъ»—раскольниковъ, Калужанъ и Бѣлевичей, какъ содержателей постоялыхъ дворовъ и разныхъ торговцевъ, которые его принимали къ себѣ съ людьми его, «покоили и кормили и всякое поможеніе чинили, что сродницы»... Рус. Арх. 1863 г., кн. 1, стр. 33—34. Изъ дѣла 1709—1710 г. о разграбленіи мѣстными жителями въ г. Борзнѣ, во время шведской войны, разныхъ купеческихъ товаровъ, видно, что калужскіе купцы—раскольники торговали здѣсь сѣрымъ сукномъ, толстымъ полотномъ, оливой, корнями для крашенія яицъ, инбиремъ, шнурками, иголками, золотомъ маларскимъ, цѣной прутовой, смирной, дротомъ тонкимъ, цинамономъ и пр. Черниг. Губ Вѣдом. 1852 г., № 22, стр. 233—235. Съ 1715 г. въ гетманство Скоропадскаго не разъ предпринимались ограничительныя мѣры противъ слобожанъ въ от-

Рано появилось у слобожанъ и занятіе огородничествомъ и отчасти садоводствомъ, которыми они успѣшно и умѣло продолжаютъ заниматься и теперь. Въ тоже время стала проявляться въ раскольничьихъ слободахъ и собственно заводская промышленность. Такъ уже капитанъ Брянчаниновъ нашелъ около слободы Клинцовъ въ 1729 г. заводъ „Москвитина, посадского человѣка, Барашевской слободы, Ивана Григорьева сына Собольщикова. А въ ономъ заводѣ дѣлаютъ у него юфти и бѣлыя кожи, изъ которыхъ шьютъ сапоги нѣмецкіе и русскіе и рукавицы, и продаются въ Малой Россіи. У него жъ Собольщикова въ Нѣжинѣ имѣются лавки, въ которыхъ торгуютъ мѣхами, полотнами и крашениною“ [1]). Въ Румянцовской Описи

ношеніи торговли въ селахъ и деревняхъ, а также и въ городѣ Стародубѣ. 5-го февраля 1719 г. гетманъ писалъ стародубскому полковнику Жоравкѣ, чтобы «раскольники и нишіе великороссійскіе торговые люде жадною мѣрою не важились дворовъ и коморъ въ Стародуби наймати и промысловъ торговыхъ заводити и кромѣ ярморковъ оными гендліовати, такожъ по селахъ лоѣ, пенки, воску и меду скуповувати», и что они, не смотря на прежнія ограничительныя мѣры, не только «од тихъ своихъ промысловъ не поскротилисъ», а еще «оніе и розширяютъ». «Матер. для нач. ист. раск. Вѣткѣ и въ Стародуб.» №№ 15, 17 и 19, стр. 108, 110, 111, 112, 114. Въ дѣлѣ 1754 г. о притѣсненіяхъ по торговлѣ со стороны малороссійскихъ властей слободы Воронка Василья Мельникова и слободы Еленки Василія Романовского, торговавшихъ въ Глуховѣ, есть указаніе, что они торговали въ Глуховѣ «посудою, медами и пр., такожъ содержали столцѣ, на которыхъ мѣняютъ деньги». Репортъ глуховскаго сотника и атамана. Х. И. А. № 16031, л. 7. Въ Румянц. Опис., т. CXVII, въ вѣдом. Воронцовского войта о Елисеѣ Васильевѣ Мельниковѣ замѣчено, что «торгуетъ по Малороссіи, а наиболѣе въ Глуховѣ, гдѣ имѣетъ и торговыя лавки, пенькой, мыломъ, пряниками и вымѣниваетъ и продаетъ на столцѣ всякія *старинныя и прочія серебряныя вещи»*... Л. 5. Князь Мих. Мих. Щербатовъ въ своей «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи», — сочиненіи, писанномъ въ 1776 – 1777 гг., — замѣчаетъ о стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ, что «сіи слободы богатятся великою ихъ торговлею изъ Польши»... Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1859 г., кн. III, стр. 18.

[1]) М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 118. Перепис. кн. по слоб. Клинцамъ. Заводъ Собольщикова появился въ 1718 г. и первоначально принадлежалъ московскому купцу М. Осокину, а въ 1724 г. перешелъ къ братьямъ Собольщиковымъ. Х. И. А. Д. М. № 3125.

указывается еще болѣе широкое развитіе торгово—промышленной и заводской дѣятельности, а также и то, что торговая предпріимчивость слобожанъ стала выходить далеко за предѣлы Стародубья, распространяясь на сѣверозападный и югозападный края и Польшу съ одной стороны, южную Малороссію и Новороссію—съ другой. Изъ ней видно, что слобожане въ качествѣ бродячихъ торговцевъ, шапочниковъ, портныхъ, скорняковъ, шорниковъ, красильщиковъ, каменщиковъ, рукавишниковъ, иконописцевъ и иныхъ „художниковъ" переходили по Малороссіи и сосѣднимъ съ нею областямъ изъ города въ городъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко и т. д. Мало того, слободскіе торговцы проникали не только въ сосѣднюю Польшу, но и болѣе отдаленную отъ нихъ Германію. Стародубскій купецъ, съ другой стороны, въ прошломъ вѣкѣ зналъ хорошо и Поволжье, всѣ его входы и выходы, такъ что могъ служить своимъ знаніемъ мѣстности даже тамошнимъ разбойникамъ (Мордовцевъ: Понизовая вольница, стр. 28), какъ равно хорошо зналъ Донъ, Крымъ, Запорожье. Въ настоящее время старообрядческія слободы Черниговской губерніи, знаменитыя нѣкогда своимъ упорствомъ въ расколѣ, не менѣе знамениты своею промышленностью и торговою дѣятельностью. Благодаря имъ, сѣверная часть губерніи приняла теперь рѣшительно промышленный характеръ.

На какихъ же условіяхъ великорусскіе раскольники селились въ сѣверной Малороссіи?

Поселеніе великорусскихъ раскольниковъ въ сѣверныхъ уѣздахъ нынѣшней Черниговской губерніи относится къ тому времени, когда возстаніе Хмельницкаго произвело полный переворотъ въ общественныхъ и поземельныхъ отношеніяхъ Малороссіи, когда съ освобожденіемъ отъ временнаго и неестествен-

Радульчане по Шафонскому въ прошломъ вѣкѣ занимались сплавомъ лѣса, продажей деревянной, глиняной и стеклянной посудой и пр. Ч. II, стр. 317. Въ Дневникѣ Н. Д. Ханенка встрѣчаются такія указанія о мастерствахъ слобожанъ, именно подъ 24 августа 1733 г. замѣчено: «Договорилъ раскольщика оправлять книги до церкви Левенской пить»...; подъ 27 декабря 1742 г.: «учинена расплатка зъ москалемъ Митрофаномъ Ісаевымъ... Сдѣлалъ же онъ намъ дубовыхъ дверей 8 одинакихъ и двойныхъ, а одни липовые, да еще взялъ одны дѣлать двери дубовые простые, да поднялся сдѣлать столякъ дубовый же». Стр. 122 и 187.

наго политическаго союза съ Польшей и католичествомъ начался въ исторіи ея новый строй жизни, рѣзко отличавшій ее отъ Польши и Россіи, въ особенности въ поземельныхъ отношеніяхъ. Особенность сложившихся въ Малороссіи общественныхъ и поземельныхъ отношеній, послѣ того какъ мечь казацкій расторгнулъ неестественный союзъ и освободилъ ее отъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ — польскихъ пановъ, опредѣлила потомъ общественное и поземельное положеніе и вновь поселившихся въ ней великорусскихъ раскольниковъ. Лучшимъ руководствомъ въ данномъ случаѣ для уясненія этихъ вновь сложившихся отношеній можетъ служить изслѣдованіе А. М. Лазаревскаго: „Малороссійскіе посполитые крестьяне" (1648—1783), напечатанное имъ въ 1866 г. въ „Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета" (кн. 1).

Извѣстно, что съ изгнаніемъ Поляковъ не стало въ Малороссіи крупныхъ поземельныхъ собственниковъ—польскихъ пановъ, а вмѣстѣ съ ними не стало и привилегированнаго сословія въ краѣ. Въ то время Малороссія рѣзко распалась на два сословія: на воителей и на пахарей, на козачество и посполъство. Городоваго малороссійскаго сословія, наиболѣе въ государственномъ отношеніи спокойнаго, не смотря на заботы польскихъ королей вызвать его къ жизни и устроить города съ цѣлью стратегическою и административною, почти и не существовало въ ней. Королевскія привилегіи, правда, образовали дѣйствительно городскія общины, составившіяся изъ разнаго сброда, которыя пользовались многими преимуществами по такъ называемому Магдебургскому праву; но все таки народонаселеніе столпилось не въ города, а въ мѣстечки, которыя и до сихъ поръ по внѣшности не уступаютъ еще большей части искусственныхъ малороссійскихъ городовъ. Многіе города и теперь похожи на села и мѣстечки, а мѣстечки и села на города. Ясно, что магдебургское право не имѣло никакого живаго корня въ быту народномъ. При такихъ условіяхъ дальнѣйшее внутреннее устроеніе Малороссіи, дальнѣйшее ея гражданское развитіе должно было оформиться подъ вліяніемъ тѣхъ отношеній, которыя имѣли возникнуть между двумя наличными группами народонаселенія въ моментъ освобожденія отъ Поляковъ, между казачествомъ и посполъствомъ. А эти отношенія сложились такъ. Хотя въ освобожденіи Малороссіи отъ Поляковъ участвовалъ весь народъ, но дѣйствительными освободителями „казаки сочли

исключительно себя и стали во главѣ населенія; казаками же считалась только та часть малороссійскаго народа, которая составляла полки Хмельницкаго, т. е. одни только воины. Приписывая себѣ всю заслугу въ освобожденіи родины отъ лядской неволи, „войсковое товариство", по изгнаніи польскихъ пановъ, признало отвоеванную землю собственностью „войска", а казацкихъ представителей — распорядителями ея. Словомъ, Малороссія получила въ то время военное козацкое устройство и управленіе. Всѣ гражданскія дѣла ея вѣдались гетманами и полковниками, сотниками и разными иными козацкими властями, которыя, ставъ такимъ образомъ господствующимъ, служилымъ сословіемъ, обратились постепенно въ шляхетство, въ пановъ, наконецъ въ россійскихъ чиновниковъ и дворянъ, а затѣмъ и въ россійскихъ помѣщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ казачество присвоило себѣ право на владѣніе землею и устранило себя отъ всякихъ другихъ повинностей и обязанностей, кромѣ обязанностей служилаго сословія, предоставивъ посполитству, заключавшему въ себѣ селянъ и мѣщанъ, нести всякія иныя повинности и земскую службу. Право на землю посполитства хотя и не ограничивалось временемъ, но зависѣло отъ войсковаго управленія, потому что земля объявлена была войсковою, а „войско" составляло казацкое товариство. Таково было первоначальное военно-демократическое устройство освободившейся отъ власти Поляковъ Малороссіи [1]).

[1]) На сколько было зыбко и неустойчиво на первыхъ порахъ право козачества на отвоеванную землю, доказываетъ тотъ фактъ, что самъ Богданъ Хмельницкій, «начальникъ и повелитель на тотъ часъ Малороссіи», по словамъ Кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова, долженъ былъ испрашивать у московскаго государя жалованныя грамоты на села и мѣстечки, точно также какъ и его ближайшіе сподвижники и совѣтники—Самойло Богдановъ, Павелъ Тетеря, Иванъ Выговскій, наказной гетманъ Иванъ Золотаренко и др. Любопытно, что какъ во время Богдана Хмельницкаго, такъ и послѣ его козацкіе представители, подавая московскому государю челобитныя о выдачѣ себѣ жалованныхъ грамотъ на маетности, вмѣстѣ съ тѣмъ наивно сознавались предъ московскими боярами и подъячими, что одно только объявленіе «войску» подобныхъ грамотъ тотчасъ повлечетъ за собой избіеніе владѣльцевъ этихъ грамотъ. Извѣстенъ въ этомъ смыслѣ любопытный разговоръ въ Посольскомъ Приказѣ съ московскими дьяками переяславскаго полковника Павла Тетери, признава-

Населеніе Малороссіи въ то время, не смотря на то, что еще Поляки усиленно заботились о заселеніи ея, было такъ незначительно, что множество земель находилось „впустѣ", особенно по крайнимъ ея предѣламъ, по югу и сѣверу. Между прочимъ, во время присоединенія Малороссіи къ Россіи, указанные выше четыре сѣверныхъ уѣзда Черниговской губерніи были такъ мало населены, что извѣстныя въ то время села отстояли верстъ на 20 и болѣе одно отъ другого; значительное пространство тамошнихъ мѣстностей было покрыто сосновыми лѣсами и болотами. На этой-то свободной землѣ и сталъ разселяться народъ, уже не стѣсняемый польскими панами, отягощавшими его тяжелыми поборами и повинностями, память о которыхъ сохранилась въ позднѣйшихъ народныхъ воспоминаніяхъ какъ о „лядской неволѣ". Съ этого же времени, еще больше, чѣмъ прежде, въ Малороссію и въ частности въ сѣверные уѣзды нынѣшней Черниговской губерніи начали цѣлыми толпами переселяться люди изъ за Днѣпра, изъ сосѣдней Бѣлоруссіи, а также и изъ великороссійскихъ областей. И этимъ переселенцамъ предоставлялось также полное право занимать подъ свои осѣдлости вольныя и удобныя для нихъ мѣста, такъ какъ послѣднихъ было еще много и эти заселенія никого не стѣсняли. Словомъ, и первоначальная поземельная собственность въ гетманской Малороссіи возникла на правѣ свободнаго займа земель или такъ называемой займанщины. Всякій былъ воленъ занимать свободныя земли, и если на то было согласіе сосѣдей, жившихъ въ предѣлахъ заселяемаго грунта, то владѣніе такою землею тѣмъ самымъ было крѣпко. На такихъ-же условіяхъ, между прочимъ, первоначально селились здѣсь и великорусскіе раскольники, какъ то доказываютъ нѣкоторыя имѣющіяся на

емаго въ то время въ Москвѣ и Малороссіи самымъ умнымъ человѣкомъ,—разговоръ, происходившій 14 августа 1657 г. Оказывается, что выпрашиваемыми козацкой старшиной у московскаго царя маетностями не только нельзя было пользоваться, опасаясь избіенія, такъ какъ народъ вовсе не хотѣлъ козацкой старшиной замѣнить истребленныхъ или изгнанныхъ имъ польскихъ пановъ; но и самыя—то грамоты на эти маетности нужно было хоронить въ землѣ. Такова была дѣйствительность. М. А. М. Ю. Д. М. Ст. № 6001, переговоры 14-го августа. Карповъ, Г. Ѳ. Критич. обз. разраб. глав. рус. ист. до ист. Малор. относ. за время отъ 8 янв. 1654 г.—30 мая 1672 г. М. 1872 г. Стр. 90—92.

этотъ счетъ данныя. Такъ, при слѣдствіи о границахъ Синяго Колодезя, произведенномъ въ 1722 г., братья Велинскіе какъ владѣльцы с. Манюкъ, въ дачахъ котораго „подля Колодезя, прозываемаго Синяго, оселились были сперва раскольники", показывали, что они „оселились тамо не въ особомъ какомъ обрубѣ, но въ грунтѣ манюковскомъ, безъ всякаго универсальнаго на то дозволенія, но съ дозволенія манюковскихъ обывателей, а не съ какого особливаго отводу"... Поселеніе раскольниковъ въ Синемъ Колодезѣ относится приблизительно къ началу послѣдней четверти XVII в. [1]).

Позже на такихъ же повидимому условіяхъ поселились раскольники въ слободѣ Злынкѣ, но уже съ соблюденіемъ большей формальности, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Въ 1702 г. въ Стародубскомъ магистратѣ былъ записанъ актъ, по которому „жители села, прозываемаго Лысыхъ... новозачавшойся селити слободки Злынки грунтовъ опредѣленіе сознали, ставшоеся межи селомъ Лысыми и слободкою Злынкою, ограничене меновито такое: почавши отъ старинного лѣсу у Злынку рѣчку, а Злынкою рѣчкою чрезъ великій мохъ, а зъ великого моху у рубежный логъ, у Хмеліовку рѣчку, зъ Хмеліовки рѣчки въ Каменку рѣчку, Каменкою рѣчкою въ Ипуть рѣку, Ипутью рѣкою внизъ у Злынку рѣчку, Злынкою рѣчкою у верхъ у Плоховки *на сѣченые рубежи*, гдѣ Денисковичи село зъ Демянками селомъ лядскимъ граничатъ... Чрезъ якое розмежованіе такъ с. Лысыхъ жители въ грунти слободскіе, яко и слобожане въ старовѣчніе с. Лысыхъ грунта втручатися, перешкоды, кривди, заводу вщинати не мѣютъ..., але спокойно оними владѣти вѣчними часы постановили и договорили обѣ двѣ стороны съ собою"... [2]). На основаніи этого акта можно полагать, что злынковцы первоначельно поселились повидимому просто съ согласія Лысовцевъ, находившихся въ магистратскомъ вѣдѣніи.

Болѣе рѣзкій примѣръ свободнаго займа земли раскольниками представляется при заселеніи слободы Городище. Поселеніе этой раскольничьей слободки образовалось путемъ простаго захвата тростанскихъ земель, какъ видно изъ жалобы тростанцевъ 1732 г. Въ ней прямо говорится: „раскольникъ Констан-

---

[1]) Отдаточная книга Чолховской волости. Лазаревскій, А. М. Опис. ст. Малорос. т. I, стр. 416.

[2]) Ibidem, стр. 451.

тинъ, безъ вѣдома всякой власти, самъ собою, въ нашихъ тростянскихъ грунтахъ, въ лѣсѣ, на старомъ Городищи, дворъ свой построилъ и два млина на криницѣ Кипячой занялъ; а гдѣ бы намъ сѣножати было можно розроблять, мѣсто оттопилъ; и близъ не только что землѣ въ томъ лѣсѣ роспахивать и сѣножатей чистить, но и надобнаго дерева рубить и ликъ драть намъ не допускаетъ и *своего расколу старцовъ скитокъ заводить началъ*" [1]).

Съ теченіемъ времени это право свободнаго займа земель все болѣе и болѣе ограничивалось, по мѣрѣ того, какъ войсковая земля съ разрѣшенія гетмановъ и полковниковъ все болѣе и болѣе переходила въ руки козачьей старшины и рядового товариства за ихъ войсковыя службы, а также и за всякія другія услуги разныхъ лицъ до Малороссіи касающіяся и даже вовсе не касающіяся. Множество свободныхъ земель, деревень и хуторовъ было разобрано старымъ и новымъ панствомъ казацкимъ и духовенствомъ, подъ фикціей „старыхъ заимокъ"; не менѣе значительное число земель казацкихъ, магистратскихъ и крестьянскихъ разными неправдами также сдѣлалось ихъ достояніемъ. Раздачу малороссійскихъ земель началъ самъ Богданъ Хмельницкій подтвержденіемъ прежнихъ поземельныхъ правъ православнымъ монастырямъ, равно какъ и прежнимъ русскимъ землевладѣльцамъ, уцѣлѣвшимъ при полякахъ и помогавшимъ ему въ войнѣ за освобожденіе [2]). Посполъство, жив-

---

[1]) Ibidem, стр. 453—454.—О пріобрѣтеніи помѣстій въ Малороссіи въ старину безъ особеннаго труда составилось слѣд. преданіе: задумавшій сдѣлать таковое пріобрѣтеніе ставилъ на извѣстномъ пунктѣ никому не принадлежавшей земли 4-хъ всадниковъ и приказывалъ имъ скакать въ разныя стороны до тѣхъ поръ, пока выдержатъ ихъ кони. На опредѣленныхъ такимъ образомъ пунктахъ всадники втыкали копья, а кривая, соединявшая ихъ, составляла границу новаго помѣстья. Такъ дѣлали, конечно, не раскольники, а лица болѣе или менѣе властныя.

[2]) Еще въ 1648 г. выданъ былъ Хмельницкимъ универсалъ на подтвержденіе поземельныхъ правъ Густынскому монастырю. Арх. Черн. каз. пал. св. акт. Густ. мон. Тамъ же хранятся подобные акты и относ. другихъ монастырей нынѣшней Черниг. губ. О подтвержденіяхъ правъ старому панству см. Ак. Ю. и З. Р. III, 545. Х. И. А. Д. М. № 4712. Лазаревскій. Малорос. посполитые крестьяне, стр. 14—20. Ср. Мат. для стат. Росс. имп., изд. мин. вн. д., т. II, 1841

шее на такихъ земляхъ, съ переходомъ ихъ во владѣніе тѣхъ или другихъ лицъ, становилось въ обязательныя отношенія къ послѣднимъ, т. е. должно было за пользованіе землею отдавать „державцѣ", владѣльцу ея, извѣстную часть своего труда. Державца считалъ себя полнымъ владѣльцемъ всѣхъ земель, кромѣ казачьихъ, входившихъ въ предѣлы полученной маетности, не исключая и земель, находившихся въ болѣе или менѣе давнемъ пользованіи у крестьянъ. Съ этимъ послѣднимъ правомъ „державцевъ", конечно, крестьяне не соглашались, опираясь на фактъ своего безспорнаго владѣнія по наслѣдству отъ отца къ сыну и т. д. Вопросъ въ концѣ концовъ разрѣшался въ пользу войсковаго владѣльца земли, и посполитые, волею-неволею, должны были или мириться съ своимъ новымъ положеніемъ, или уходить „изъ подданства" даннаго владѣльца къ другому; въ послѣднемъ случаѣ они теряли и всѣ права на его землю. Мало того, по силѣ дѣйствовавшаго въ то время литовскаго статута, державцы имѣли право отобрать отъ уходящаго съ его земли крестьянина и все его личное имущество. Такъ образовались въ Малороссіи бродячіе крестьяне или *лёзные*—безземельники, переходившіе съ мѣста на мѣсто [1]).

Право свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому и сравнительная количественная незначительность посполитыхъ, сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ, на первыхъ порахъ не мало умѣряли владѣльческія отношенія къ „подданнымъ". Во всякомъ случаѣ положеніе этихъ послѣднихъ въ Малороссіи было далеко не таково, какъ положеніе крѣпостныхъ великороссійскихъ помѣщичьихъ крестьянъ, или такъ называемыхъ хлоповъ въ Польшѣ. Эти „подданные" въ сущности были лично свободны, и только пользованіе землей нала-

---

г., ст. А. Марковича: «Ист. и стат. зап. о двор. сосл. и двор. им. въ Черн. губ.». Зап. о южн. Росс. Кулиша, т. II, стр. 175 и 195.

[1]) Собственно съ польскаго языка *luźny, lóźny*—праздношатающійся, свободный. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ XVIII в. лезные приравнивались къ бобылямъ, они же назывались убогими. См. напр. дѣло о пожарахъ въ раскольничьихъ слободахъ Зыбкой, Добрянкѣ и др. за 1768—1772 г.г. Х. И. А. Д. М. № 3125.—По имущественному положенію крестьяне въ Малороссіи дѣлились на тяглыхъ, т. е. имѣвшихъ грунтъ, полевую землю и рабочій скотъ, и огородниковъ, т. е. имѣвшихъ только усадьбу съ огородами. Подробности см. въ кн. А. М. Лазаревскаго: «Малоросс. посполитые».

гало на нихъ извѣстныя обязанности къ владѣльцамъ земель, также на первыхъ порахъ довольно легкія сравнительно съ тѣми, какія несли польскіе и великорусскіе крестьяне. Въ особенности положеніе вольныхъ русскихъ поселенцевъ на первыхъ порахъ было значительно лучше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ, даже тѣхъ, которые принадлежали добрымъ и справедливымъ панамъ. Уже одно сознаніе, что они не принадлежатъ пану какъ какая нибудь вещь,—пану, который можетъ торговать и распоряжаться ими по произволу,—придавало имъ извѣстное достоинство и возбуждало стремленіе къ улучшенію своего положенія. Эта-то особенность крестьянскаго положенія въ Малороссіи и привлекала сюда польско-литовскихъ и великорусскихъ крестьянъ, искавшихъ возможности избавиться какъ отъ крѣпостной зависимости, такъ и отъ религіозныхъ гоненій. Крестьянскія повинности были такъ незначительны, что на первыхъ порахъ, по словамъ г. Лазаревскаго, ограничивались только гаченіемъ плотинъ, уборкою сѣна, доставкою дровъ и тому подобными работами. Словомъ, все крестьянское „послушенство" первоначально выражалось только въ томъ, что державца могъ требовать отъ крестьянъ извѣстной помощи въ своемъ хозяйствѣ, но во все не доходило до безусловнаго личнаго подчиненія. Но это было только на первыхъ порахъ. Такъ какъ личность и подданическія обязанности крестьянъ не были оформлены и ограждены никакимъ законодательнымъ актомъ, и „такъ какъ въ роль державцевъ становилась преимущественно войсковая старшина, то, пользуясь своею властію, она безъ труда переходила границы такъ неопредѣленно обозначеннаго „послушенства", постепенно усиливая свою власть надъ посполитыми. Скоро державца извѣстной мѣстности сдѣлался и паномъ своихъ подданныхъ. Къ концу XVII в. отношенія посполитыхъ къ державцамъ уже опредѣлялись положительно: одни „панщину робили", а другіе „на чиншѣ сидѣли". Размѣры того и другаго вида повинностей не были точно установлены и вполнѣ зависѣли отъ воли и права державцевъ. Чиншъ и панщина однако же не всегда взаимно исключали другъ друга: владѣльческіе посполитые платили нерѣдко чиншъ и работали по одному или даже по два дня въ недѣлю отъ двора. Кромѣ панщины крестьяне обязаны были также доставлять державцамъ еще извѣстное количество живности и сельскихъ продуктовъ. Кромѣ отбыванія повинностей и работъ дер-

жавцамъ, посполитые нерѣдко работали еще на гетмановъ и полковниковъ, какъ и раскольники-слобожане, поселившіеся на владѣльческихъ земляхъ. Наприм., въ дѣлѣ о разграбленіи дома Родіона Боровкова 1700 г. находится указаніе, что раскольники села Залужья, подданные Игната Рубца, высланы были лѣтомъ 1701 г. „на жнитву въ гетманскія слободы“ [1]). Такъ постепенно изъ свободнаго посполъства образовывалось малороссійское крестьянство, какъ сословіе несвободное, явившееся въ Малороссіи задолго до закона 3-го мая 1783 г., когда только лишь собственно легализировалось существовавшее уже на самомъ дѣлѣ крѣпостное право [2]). Такое же „державское послушенство“, а затѣмъ и полное закрѣпощеніе, наравнѣ съ остальнымъ крестьянствомъ, ожидало и слободскихъ раскольниковъ, селившихся въ сѣверной Малороссіи на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ селились въ то время здѣсь и всѣ вообще крестьяне.

Обыкновенно недолго вольные великорусскіе поселенцы наслаждались полной свободой на занятыхъ ими свободныхъ земляхъ. Переходъ ихъ изъ состоянія свободнаго въ зависимое подданническое положеніе совершался иногда очень быстро. Такъ заселенная великорусскими раскольниками Злынка въ 1702 г. называлась еще „новозачавшейся слободкой“; въ 1704 г. она вмѣстѣ съ Тимошкинымъ Перевозомъ, Зыбкою и Деменкою, тоже почти только что заселенными великорусскими раскольниками, была уже отдана гетманскимъ универсаломъ въ личное владѣніе полковнику Миклашевскому; въ 1706 г., какъ личная собственность, Злынка перешла въ пожизненное пользованіе вдовѣ умершаго полковника Миклашевскаго. И этотъ примѣръ не былъ единственнымъ.

---

[1]) М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 83. См. въ «Матер. для ист. раск. на Вѣткѣ, и въ СтароД.» № 11, стр. 102. Ср. интересныя указанія по этому поводу въ книгѣ А. М. Лазаревскаго: Опис. ст. Малор. т. I, 43.

[2]) П. С. З. XXI № 15724.—Подробности о формахъ «послушенства» посполитыхъ и подданническомъ бытѣ крестьянъ см. въ вышеуказанномъ изслѣдованіи о малороссійскихъ посполитыхъ А. М. Лазаревскаго, стр. 30—68. О положеніи посполитыхъ въ гетманство Самойловича: Соловьевъ, ист. Рос. т. XIII, стр. 256 и д. Лѣтоп. Рубана, стр. 129. Ср. ст. Е. П. Радоновой: Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора. Кіев. Ст. 1891 годъ, іюнь.

Еще быстрѣе становились въ зависимое отношеніе къ державцамъ тѣ выходцы изъ Литвы и Великороссіи, которые, не имѣя пристанища, съ женами и дѣтьми, при отсутствіи требованія на поденный трудъ, обыкновенно находили пріютъ въ державскихъ слободахъ. Это была уже давно установившаяся форма заселенія свободныхъ земель въ сѣверной Малороссіи; она практиковалась еще при Полякахъ, заботившихся о заселеніи пустопорожнихъ земель въ краѣ. Слободы обыкновенно садили державцы и монастыри на своихъ собственныхъ земляхъ или просто захваченныхъ, но почти всегда съ дозволенія гетмана или мѣстнаго полковника[1]). Державцы, обладая земельными богатствами и недостаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, очень хорошо сознавали этотъ недостатокъ и по возможности устраняли его „осадою" слободъ на своихъ пустопорожнихъ земляхъ. Получивъ дозволеніе на право „закликать слободу", державца обыкновенно старался привлечь поселенцевъ разнаго рода заманчивыми обѣщаніями; лучшимъ средствомъ считалось дать новымъ поселенцамъ извѣстное число льготныхъ лѣтъ отъ всякихъ повинностей и обязанностей. Въ свою очередь, по истеченіи льготнаго срока, привлекаемые слобожане обязывались быть всегдашними подданными поселявшихъ ихъ державцевъ и отдавать имъ надлежащее державское послушенство. Большею частію слободы осаживались на земляхъ вновь занятыхъ, не находившихся еще въ опредѣленномъ пользованіи. Дѣлалось это обыкновенно такъ: какой нибудь членъ войсковой старшины или вообще вліятельный и достаточный человѣкъ, хотя бы и изъ мѣщанъ, выбиралъ себѣ посреди лѣсовъ подходящее удобное мѣсто, большею частію при рѣчкѣ, чтобы можно было построить водяную мельницу, и затѣмъ обращался къ гетману, чаще къ подлежащему мѣстному полковнику, прося выдать подтвердительный универсалъ на занятое мѣсто и дать позволеніе построить на немъ „млинокъ" и „осадить слободку". Подтвержденіе такого пріобрѣтенія, совершеннаго путемъ „займы", получалось легко, на томъ простомъ основаніи, что слободы способствовали увеличенію народонаселенія и развитію хозяйственной и промышленной дѣятельности

[1]) Нѣкоторые случаи осаживанія слободъ безъ универсальнаго на то разрѣшенія указываются въ Компутахъ стародуб. полка 1723 г., см. лл. 487, 513 об., 514 об., 540 и др.

въ краѣ. Такому просителю обыкновенно выдавался гетманомъ или полковникомъ универсалъ, по которому онъ дѣлался полнымъ владѣльцемъ занятой имъ земли, получалъ право осаживать на ней слободку „людми посторонними, якъ то зъ литовскихъ и зъ иншихъ сторонъ захожими, а не тутейшими стариниыми", т. е. не мѣстными жителями. Послѣднихъ обыкновенно формально запрещалось зазывать на слободы, чтобы по возможности уменьшить и безъ того бывшее въ сильномъ ходу перемѣщеніе малороссійскихъ крестьянъ съ одного мѣста на другое. Въ универсалахъ временъ Самойловича и Мазепы ставилось непремѣннымъ условіемъ, чтобы слобожанами „не были господари изъ жилищъ осѣдлыхъ, на певныхъ селахъ мающихся". Новый владѣлецъ, получивъ утвержденіе своей „заимки", строилъ на ней нѣсколько хатъ и становилъ на нихъ, или отдѣльно, высокій деревянный крестъ, на которомъ для грамотныхъ обозначалось письменнымъ начертаніемъ количество льготныхъ лѣтъ или слободы, въ продолженіе которыхъ новопоселенцы освобождались отъ всякихъ чиншовъ или оброковъ и господскихъ работъ, а для неграмотныхъ тоже самое обозначалось болѣе понятнымъ для нихъ образомъ—„скважинами проверченными", или „колками на перечкѣ креста"[1]). Иногда въ знакъ основанія слободы на томъ или другомъ занятомъ грунтѣ ставился просто только столбъ. Желающихъ всегда являлось много на заманчивыя льготы и обѣщанія державцевъ, и слобода часто возникала въ одну весну. Льготы нерѣдко давались на значительный срокъ, примѣрно лѣтъ на 5—10 и даже болѣе, въ особенности на первыхъ порахъ по освобожденіи Малороссіи отъ Поляковъ; но заманчивыя условія льготнаго слободскаго существованія рѣдко сдерживались державцами, старавшимися обыкновенно поскорѣе поставить слобожанъ въ обязательныя подданическія отношенія.

Раскольники, какъ и другіе поселенцы въ Малороссіи, большею частію селились слободами на монастырскихъ, державскихъ и магистратскихъ земляхъ. Обыкновенно такимъ поселенцамъ при первоначальномъ заселеніи давались, хотя повидимому и не всегда, такъ называемые „осадные листы" или „письма", въ которыхъ обозначались условія поселенія и предопредѣлялись будущія отношенія поселенцевъ къ державцамъ, по большей ча-

---

[1]) Зап. о Южной Руси, т. II, стр. 194—196.

сти въ самыхъ общихъ и далеко не всегда опредѣленныхъ выраженіяхъ. Иногда дѣло и просто ограничивалось владѣльческимъ „словеснымъ дозволеніемъ", какъ указывала въ 1767 г. кіевская губернская канцелярія въ своемъ доношеніи малороссійской коллегіи, отъ 30-го марта, по поводу земельныхъ споровъ слободскихъ раскольниковъ съ малороссійскими владѣльцами [1]).

„Осадные листы" служатъ одними изъ важнѣйшихъ источниковъ какъ для исторіи поселенія раскольниковъ въ Стародубьѣ, такъ и для опредѣленія тѣхъ условій, на которыхъ они первоначально селились здѣсь, и тѣхъ отношеній, въ которыя они становились къ поселявшимъ ихъ владѣльцамъ земель. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ этого рода документы дошли до насъ; пока сдѣлалось извѣстно только 7 „осадныхъ листовъ", и всѣ они начала XVIII в., при чемъ 3 выданы настоятелями монастырей: 1 архимандритомъ черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря Варлаамомъ Васильевичемъ и 2 архимандритомъ Кіево-печерской лавры Аѳанасіемъ Миславскимъ; 4 стародубскими полковниками: 2 М. А. Миклашевскимъ и 2 И. И. Скоропадскимъ.

Какъ особенность „осадныхъ листовъ", выданныхъ настоятелями мѣстныхъ монастырей, слѣдуетъ отмѣтить то, что въ нихъ болѣе точно и опредѣленно были выставлены условія поселенія, а равно и взаимныя отношенія между монастыремъ какъ владѣльцемъ земель и слобожанами раскольниками, чѣмъ въ другихъ подобнаго рода документахъ. Самымъ образцовымъ въ этомъ отношеніи осаднымъ листомъ можно считать тотъ, который выданъ былъ Добрянскому осадчему Софронову съ товарищи черниговскимъ троицко-ильинскимъ архимандритомъ въ 1706 году. Здѣсь мы именно читаемъ: „Варлаамъ Васильевичъ, православный архимандритъ свято-троицкій ильинскій черниговскій. Позволивше мы заведенной быти слободѣ на грунтѣ монастыря нашего..., за Черностаевкою, селомъ нашимъ монастырскимъ, пану Онисиму Ѳеодоровичу и зъ его товарищи, людемъ великороссійскимъ, которому изъ нихъ всякому зостаючему осѣсти господареви пляцу ку мешканью на сорокъ сажепъ заняти по-

[1]) Х. И. А. Д. М. № 2414, лл. 115—117. Ср. л. 126 и друг. Здѣсь между прочимъ положительно указывается, что раскольничьи слободы стали селиться съ 1682 г., и что нѣкоторыя изъ нихъ были заселены безъ всякаго дозволенія и безъ всякихъ «осадчихъ листовъ».

зволяемъ, и на томъ занятомъ себѣ пляцу чотыри года свободно безо всякого датку жити и для своего пожитку, якъ поля розробляти ку пахапью, такъ тежъ и сѣножати заимовати не возброняемъ. По чотырехъ зась годахъ, всякъ тамъ зостаючій господаръ отъ своего пляцу, на якомъ маетъ зоставати, долженъ будетъ на всякъ годъ податку къ святой обители по три копы давати; а за тымъ даткомъ свободны уже отъ всякой панщины мають быти. Року 1706, апрѣля 1 [1]). Въ этомъ осадномъ листѣ точно и обстоятельно опредѣляются и предрѣшаются какъ условія льготнаго поселенія, такъ и будущія отношенія поселенцевъ—раскольниковъ къ монастырю, по истеченіи льготныхъ лѣтъ. Замѣчательно, что и въ позднѣйшей Румянцовской Описи Малороссіи 1767 г. при описаніи селеній почти всегда указаны размѣры повинностей монастырскихъ посполитыхъ, и очень рѣдко размѣры повинностей посполитыхъ владѣльческихъ.

Уже сравнительно менѣе точны и опредѣленны осадные листы, выданные кіево-печерскимъ архимандритомъ Аѳанасіемъ Миславскимъ, при поселеніи раскольниковъ въ лаврскихъ слободахъ—Ардони Чернецкой и Свяцкой. Въ первомъ осадномъ листѣ, относящемся по времени къ 1711 г., условія поселенія обозначаются такъ: „Всѣмъ обще и кождому зособно, кому бы о томъ вѣдати надлежало теперь и въ потомніе часи, симъ нашимъ объявляемъ писаніемъ, ижъ билъ челомъ намъ во обители свято-печерской Никифоръ Пантелимоновъ сынъ Шаровъ съ товариствомъ, расколщицкихъ слободъ жителми стародубовского полку, просячи насъ, абысмо позволили имъ осѣсти слободою на грунтѣ нашомъ власномъ обители свято-печерской гулящомъ, прозиваемомъ Ардонскомъ, въ полку Стародубовскомъ, за миль чотире отъ маетности нашей Лищичъ и Павличъ будочомъ, и просили насъ, абысмо позволили имъ, яко вновь осѣдаючимъ людемъ, ради разводу господарства и строенія домовъ своихъ, слободы лѣтъ на восемь. По докончанію тѣхъ восми лѣтъ, обѣщалися быть вѣрными и вѣчними подданными нашими обители свято-печерской, не исходячи нигдѣ оттуду, и никому изъ подданныхъ нашихъ во околичности тамъ зостаючимъ не чинити ни якой перешкоди въ грунтахъ ихъ, доволствуючи полями и лѣсами, которыми мы, на прошеніе ихъ, повелимо городничому тамошнему отвести, на мили двѣ отмежовати отъ окрестъ жи-

[1]) Обозр. Румянц. Оп. Малорос. I, 73—74.

вущихъ, ради спокойнаго ихъ житія. И обѣщалися они жъ, по докончапію тѣхъ восми лѣтъ, поклону намъ дать до обители свято-печерской денегъ золотихъ сто доброй монети, пудъ меду и лисицу; въ прочіе же годи, по докончанію слободи, всякую повинность подданскую до обители свято-печерской отбывати денгами или работизною, ведлугъ своихъ пожитковъ зъ грунтовъ нашихъ, якоже и иніи слобожане на грунтѣ нашемъ печерскомъ, тамъ-же въ полку Стародубовскомъ зостаючіе, чинятъ. Мы теди, ради пожитку обители свято-печерской, понеже доволно тамъ гулячей обрѣтается земли, позволяли имъ, предреченному осадчему Шарову на вышепомянутомъ грунтѣ слободою осѣсти и людей приходящихъ къ себѣ на житіе пріймовати, подъ кондиціями вышъ описанними. Во увѣреніе же совершенное далисмо имъ сіе писаніе при печати монастырской и съ подписомъ руки власной". Таковъ же по своей сущности и по своимъ „кондиціямъ" и осадчій листъ, выданный тѣмъ же кіевопечерскимъ архимандритомъ Миславскимъ на поселеніе слободы Свяцкой. И въ послѣднемъ предоставляется слобожанамъ „яко вновь осѣдаючимъ людямъ", по ихъ просьбѣ, шести лѣтняя „слобода" (въ первомъ случаѣ восьмилѣтняя) „ради разводу господарства и строенія домовъ своихъ"; тѣже поклонные денги „по докончанію тѣхъ шести лѣтъ" съ пудомъ меду и лисицей; а въ заключеніе тоже отбываніе всякой „повинности подданской до обители денгами или работизною", смотря по пожиткамъ съ грунтовъ, и вѣчное подданство. Любопытно, что какъ во всѣхъ сохранившихся „осадныхъ листахъ", такъ и въ послѣднемъ— Свяцкомъ поселявшіеся раскольники не называются раскольниками, а просто слобожанами или „вновь осѣдаючими людьми", такъ что осадный листъ на поселеніе слободы Ардони Черпецкой представляется единственнымъ въ своемъ родѣ, въ которомъ раскольники названы своимъ собственнымъ именемъ. Характеристично и то, что монастыри, при заселеніи своихъ пустопорожнихъ земель, „вновь осѣдаючимъ людямъ, ради разводу господарства и строенія домовъ своимъ", предоставляли большое количество льготныхъ лѣтъ или бо́льшую льготность въ условіяхъ поселенія, тогда какъ державцы, какъ увидимъ ниже, дѣйствовали на оборотъ: давали меньше льготныхъ лѣтъ вновь поселявшимся слобожанамъ, но за то или строили для нихъ дома, или оказывали имъ содѣйствіе при построеніи послѣднихъ,

равно какъ помогали въ устроеніи ихъ первоначальнаго хозяйства скотомъ, зерномъ и пр. [1]).

Гораздо меньшею точностью и опредѣленностью условій поселенія и дальнѣйшихъ обязательныхъ отношеній слобожанъ, поселявшихся на державскихъ земляхъ, характеризуются извѣстные намъ полковничьи осадные листы. Всѣ они также относятся къ началу XVIII в. Въ самомъ раннемъ изъ нихъ по времени, выданномъ въ 1701 г. полковникомъ Миклашевскимъ, по которому осажена слобода Зыбкая, нынѣшній г. Новозыбковъ, читаемъ: „Чинимъ извѣстно, ижъ мы къ помочи мѣской хотячи въ сотнѣ Топалской, на урочищи Зыбкой, межи Тростанью и иными селцами надъ рѣчкою Корною..., вновь слободку до ласки войсковой осадити людми..., выслали старинныхъ людей изъ сосѣднихъ селъ, при которыхъ отведенъ былъ подъ слободу грунтъ на урочищѣ Зыбкой“... Такимъ образомъ въ этомъ осадномъ листѣ указывается только мѣсто поселенія, даже безъ опредѣленія срока льготнаго времени и иныхъ льготныхъ условій, при чемъ, какъ видно изъ другаго тоговременнаго акта, высланы были „певнія особы для отведеныя и ограниченыя на тую слободку грунту, абы тоей слободкѣ поселеніе было безъ обиды людской и поможнихъ селецъ“. Ни однимъ словомъ не оговорены и въ послѣднемъ актѣ будущія обязательныя отношенія слобожанъ-раскольниковъ; за то видно, что полковникъ, выдавшій осадный листъ, сильно благоволилъ къ слобожанамъ, ставилъ ихъ въ завидное для коренныхъ жителей Стародубья положеніе, стараясь всячески оградить отведенные имъ грунты отъ захвата сосѣдей войсковаго и посполитаго званія. Между прочимъ онъ писалъ, чтобы „нехто поможнихъ съ товариства войсковаго и посполитыхъ людей не важился слободцѣ тоей въ грунтахъ ограниченихъ жадного чинити пренагабонья и наименшой перешкоди..., и Апанасъ Зѣнченокъ з сынами своими не важился на грунта опредѣленные находити и наименшой слобожанамъ чинити кривды и перешкоди, подъ виною до шкатулки войсковой тысячи золотихъ“... Хотя эта слободка и была осажена повидимому въ интересахъ общественныхъ—„къ помочи мѣской“; но это была обыч-

---

[1]) Осадные листы на поселеніе Ардони и Свяцкой напечатаны цѣликомъ въ Опис. ст. Мал. т. I, стр. 457, 461—462. Ср. ист. стат. оп. черн. еп. I, 127. Малор. посп. крест. Зап. черн. губ. стат. ком. кн. I, стр. 90.

ная въ то время фикція, прикрывавшая личный интересъ выдавшаго осадный листъ полковника. Черезъ три года и эта раскольничья слобода, вмѣстѣ съ другими, какъ выше и было упомянуто, уже формально была отдана гетманомъ Мазепой Миклашевскому и отдавала ему „належитое подданское послушенство“ [1]).

Нѣсколько полнѣе выясняются условія поселенія въ осадномъ листѣ полковника И. И. Скоропадскаго, по которому заселилась слобода Климова. Онъ былъ выданъ 25-го іюня 1708 года мѣщанину мѣстечка Головчина, „зъ заграници зашлому Климу Ермолаевичу“, не задолго передъ тѣмъ вышедшему въ Польшу изъ Великороссіи. Въ немъ стародубскій полковникъ „ознаймовалъ“, что онъ „въ грунтахъ Чолховскихъ, въ селѣ волномъ между рѣками Рпою, Рпицею и Пѣсочною, въ особности мѣсця обширностю на милю въ себѣ маючогося, позволилемъ, въ помочь волости Чолховской, сѣсти слободѣ, давши волѣ на семь лѣтъ людямъ“... Организація заселенія новой слободы поручалась особому осадчему, только что нами названному, которому предоставлялось право принимать всѣхъ на поселеніе, кого онъ знаетъ, съ тѣми только ограниченіемъ, чтобы „осажовати людей еднакъ не тутешнихъ, але также зъ заграници зашлыхъ“... Врядъ ли однакоже это послѣднее ограниченіе было серьезно сдѣлано полковникомъ; оно было повидимому простымъ отводомъ глазъ, кому слѣдуетъ, такъ какъ право пріема на слободу предоставлялось исключительно осадчему-раскольнику, безъ всякаго контроля со стороны выдавшаго осадный листъ полковника и другихъ болѣе близкихъ къ слобожанамъ мѣстныхъ властей. Какъ въ данномъ случаѣ пользовался предоставленнымъ ему правомъ Климовскій осадчій, показываютъ намъ данныя переписныхъ книгъ 1715—1718 г. полковника Ергольскаго и 1729 г. капитана Брянчанинова. По переписнымъ книгамъ перваго въ слободѣ Климовой въ указанное время было 46 дворохозяевъ, не считая тѣхъ хатъ при дворахъ, въ которыхъ жили такъ называемые „сосѣди“, изъ нихъ 24 дворохозяина вышли прямо изъ центральныхъ великороссійскихъ губерній. 7 дворохозяевъ были „людьми тутейшими“, и только 15 были дѣйствительно „зъ заграницы зашлыми“. По переписнымъ

---

[1]) Ист. стат. опис. Чер. еп. кн. II, стр, 199—200. Обозр. Румянц. Оп. Малор. IV, 681—682.

книгамъ капитана Брянчанинова 1729 г., когда въ Климовой явилось новыхъ 6 дворовъ, было уже 27 дворохозяевъ, непосредственныхъ выходцевъ изъ великороссійскихъ губерній. Вмѣстѣ съ тѣмъ осаднымъ листомъ вмѣнялось въ обязанность мѣстной полковой старшинѣ и околичнымъ селянамъ, живпимъ въ предѣлахъ Чолховскаго грунта, чтобы никто изъ нихъ „не важился чинити новосѣсти маючимъ слобожаномъ жадной перешкоди въ розробленіи лѣсовъ, грунту и свободномъ ихъ поселеніи“ [1]).

Подобно Зыбкой и слобода Климова устраивалась въ личныхъ владѣльческихъ интересахъ полковника Скоропадскаго, пользовавшагося въ данномъ случаѣ возможностью захватить побольше земли и увеличить число своихъ подданныхъ, съ тѣмъ различіемъ, что первая устраивалась въ интересахъ якобы магистратскихъ, а вторая подъ прикрытіемъ интересовъ волостныхъ или „волоскихъ“, именно „въ помочь волости Чолховской“. Что и въ данномъ случаѣ было именно такъ, какъ и въ первомъ, показываетъ тотъ фактъ, что чолховцы вмѣстѣ съ жителями околичныхъ сосѣднихъ селъ, земельныя права которыхъ естественно органичивались вновь заселяемою слободою, немедленно стали протестовать противъ подобнаго земельнаго захвата, такъ что Скоропадскому тотчасъ же, по выдачѣ универсальнаго позволенія на осаду новой слободы, пришлось прибѣгать къ угрозамъ, чтобы остановить непріязненное отношеніе сосѣдей къ слобожанамъ. 9-го іюля того же 1708 г. онъ писалъ: „Вамъ, войту Чолховскому, зъ громадою и всѣмъ околичныхъ селъ по близу новой слободы найдуючихся обывателемъ, ознаймую, ижъ дошло мнѣ вѣдати, что вы мѣючи здобель къ потребѣ своей пожень, а слобожаномъ, которые тамъ за моимъ позволеніемъ межи рѣчками Рпою, Рпицею и Песочною маютъ садится, на самомъ томъ мѣстцу боронячи, кому инпому на сторону зоставляете. Пре то якъ не слушне противъ моей воли чините, такъ чрезъ сіе мое писаніе приказую вамъ, абысте ижъ въ тое мѣстце, гдѣ имъ, слобожаномъ, позволилемъ садитися, не заходили грунтовъ межъ тѣми вышемененними рѣчками лежачихъ, але бысте контентовалися тими грунтами, якихъ есть

[1]) Отдат. кн. Чолховской волости. Лазаревскій, А. М. Опис. ст. Малор. т. I, стр. 454.—М. А. М. Ю. кн. Малор. прик. № 118. См. Переп. кн. по слоб. Климовой.

не мало коло селъ вашихъ, поневажъ вамъ есть що и на сторону зоставляти; а имъ, слобожаномъ, и на свою потребу за вашею несфорностью негдѣ укосити. Конечне теды, абисте имъ, слобожаномъ, на томъ мѣсцу, гдѣ садятся, ведлугъ першаго отъ насъ даннаго имъ писанія, жадной перешкоди чинити и пожень боронити не важилися" [1].... Такъ естественно уже самымъ фактомъ поселенія слобожанъ-раскольниковъ, какъ новыхъ поселенцевъ, вызывалось недовольство со стороны старыхъ насельниковъ мѣстности, видѣвшихъ въ нихъ нарушителей своихъ давнихъ правъ земельнаго владѣнія. Благоволительное и покровительственное отношеніе къ новымъ поселенцамъ мѣстныхъ державцевъ, въ особенности въ лицѣ стародубскихъ полковниковъ, должно было еще болѣе усугублять это недовольство. Вотъ на какой почвѣ залагались въ Малороссіи первоначальныя отношенія къ раскольникамъ со стороны разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія.

О томъ, какъ заботливо и участливо относился Скоропадскій къ поселявшимся въ Климовой раскольникамъ, показываетъ его универсалъ отъ 17-го января 1710 г., въ которомъ онъ точно разграничиваетъ слободскіе грунты отъ Чолховскихъ и Ропскихъ. Оказывается, что и въ это время, какъ и въ 1708 г., чолховскіе жители не допускали климовскихъ слобожанъ пользоваться тѣмъ вольнымъ грунтомъ, который былъ имъ указанъ въ осадномъ полковничьемъ листѣ, и что по прежнему происходили между ними взаимныя обиды и утѣсненія. Въ виду этого Скоропадскій, въ то время уже гетманъ, писалъ въ своемъ универсалѣ: „прекладалъ намъ Климъ Ермолаевичъ, осадчей слободы нашей, что жителіе челховскіе, подданные наши жъ, не допускаютъ имъ (слобожаномъ) во владѣніе а ни мало грунту волного, къ слободцѣ прилеглого, и тымъ ихъ не помалу обижаютъ и утѣсняютъ. Зачимъ, хотячи мы аби такъ челховскіе яко и слободскіе подданные наши не чинили спору межи собою, опредѣляемъ грунтъ до слободки границею... взявши по рѣчку Горбачь, изъ рѣчки Горбача въ рѣчку Переделъ, дуброву съ пужнями противъ самой слободки будучею, и сильноваруемъ аби отселя жители ропскіи жадной имъ, слобожаномъ, в заживанью тыхъ опредѣленныхъ грунтовъ не чинили трудности и не важились себѣ привлащати оныхъ". Климовскіе раскольники

---

[1] Ibidem, стр. 454—455.

добились у Скоропадскаго и того, что были выдѣлены изъ общаго „послушенства“ посполитыхъ подданныхъ и поставлены, какъ отдѣльное общество, подъ особое вѣдѣніе „слободскаго осадчаго“, а не „дозорцевъ“, какъ другіе посполитые, гетманскіе подданные. „Тутъ же пилно прикладаемъ“, писалъ гетманъ въ томъ же универсалѣ, „абы до осадчаго слободцкаго Клима Ермолаевича нихто зъ дозорцовъ нашихъ не мѣлъ дѣла и подъ свое послушенство не потегать, лечъ онъ маетъ самъ отъ себя з жителми слободскими до двору нашего всякія отдавати повинности [1])“. Такъ дорожили и покровительствовали раскольникамъ-поселенцамъ мѣстные полковники, стараясь всячески расположить ихъ въ свою пользу и предоставить имъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ по поселеніи порахъ, побольше выгодъ.

Сохранились еще два осадныхъ листа, именно на поселеніе слободъ Тимошкина Перевоза и Митьковки. Они заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что указываютъ намъ на роль осадчихъ, какъ первоначальныхъ устроителей и организаторовъ вновь возникавшихъ слободъ, и на отношеніе ихъ къ мѣстнымъ властямъ и владѣльцамъ заселяемыхъ земель. Особенно наглядно роль слободскихъ осадчихъ оттѣняется въ осадномъ листѣ на поселеніе слободы Митьковки, выданномъ 20-го сентября 1709 г. гетманомъ Скоропадскимъ. „Поневажъ“, говорится въ немъ, „въ слободѣ нашой Митьковской, въ уѣздѣ Ропскомъ знайдуючойся, которая недавно начала осѣдати, не машъ осадчего; теди вручалисмо и приказали всякіе тамо устраивати порядки Семену Савельеву, которой мѣетъ всѣхъ грунтовъ по Ирпу и по за Ирпью будучихъ, до той же слободки надлежачихъ, досматривать. За чимъ, абы нихто зъ войсковыхъ и посполитыхъ полку Стародубского обывателей, также и дозорца нашъ Ропскій, не мѣлъ и не важился во осѣданіи людей на той вышепомянутой слободѣ и завѣдываніи грунтовъ, до оной належачихъ, и въ строеніи порядковъ Семену Савелеву найменшой чинити перешкоди и трудности, пилно повагою сего нашего универсалу приказуемъ [2])“. Такая же въ общемъ роль предоставлялась осадчему и другимъ болѣе раннимъ осаднымъ или „осадчимъ“ листомъ, выданнымъ въ 1703 г. полковникомъ Миклашевскимъ Тимоѳею Максимову Пузеевскому на поселеніе слободы Тимошкина Перевоза.

---

[1]) Х. И. А. Д. М. № 3125.

[2]) Ibidem.

Осадчими раскольничьихъ слободъ были обыкновенно люди ловкіе, предпріимчивые, а повидимому и болѣе или менѣе состоятельные. Такимъ былъ прежде всего только что упомянутый нами осадчій Тимошкина Перевоза Тимоѳей Максимовъ, пользовавшійся, какъ видно, особеннымъ покровительствомъ и благоволеніемъ полковника Миклашевскаго. Въ осадномъ листѣ на поселеніе этой слободы именно читаемъ: „зъ певныхъ респектовъ заховуючи при ласцѣ нашой Тимофея Максимовича, бывшого осадшого деменского, взглядомъ футорца его отъ лядчины по тамъ-томъ боку Ипути рѣки у Перевозу, урочищемъ надъ Кремпомъ, для випуску статку (скота) за позволеньемъ нашимъ построенномъ, межи острова Голови прозываемого, и Глѣбки, и Забочи урочищъ; тамъ же позволяемъ ему земли на пять дворовъ надъ озеромъ Шурою заграничними осадити людми, до ласки далшой рейментарской.... ку помочи мѣсту. И поромъ зовомый Деменскій, респектомъ того, поневажъ его, Тимошки, старанемъ власнымъ и немешною працею, шляхъ черезъ Ипуть, на его тамъ дворокъ есть проложенъ, промысломъ его устроенный, ему жъ завѣдовати и владѣти позволяемъ. Жити тежъ свободно осѣдши дворами мѣютъ люди три года безъ дабели. А на семъ боку Ипути рѣки, зъ пріѣзду, у тогожъ перевозу Деменского, якъ сягаютъ ограниченьемъ его, Тимошки, купленние пожни, то есть на Липкахъ коло Шуры озера и Байдака урочищъ и коло гумна его жъ Тимошкового, по Селицкое болото, на тие пять дворовъ огороди заводити и дуброву на поле розробляти волно [1])“... Тимоѳей Максимовъ былъ давнимъ поселенцемъ Стародубья; онъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Максимомъ Аѳанасьевымъ Пузеевскимъ былъ организаторомъ слободы Деменки, почему и называется здѣсь „бывшимъ осадшимъ Деменскимъ“. Въ 1684—1685 г., когда заселялась Деменка, ему было не болѣе 20 л. отъ роду, какъ видно изъ показаній деменцевъ по дѣлу Шелковникова съ значковымъ товарищемъ Аѳанасіемъ Зѣнченкомъ, отъ 21-го октября 1700 г. Изъ тѣхъ же показаній видно, что Пузеевскіе въ Деменкѣ пользовались и общественнымъ уваженіемъ и имущественнымъ достаткомъ, устраивали для новопоселенцевъ-слобожанъ хаты, помогали въ устроеніи новозаводимыхъ ими хозяйствъ, за что послѣдніе и выплачивали имъ или своимъ трудомъ или деньгами. Въ Архивѣ Черниговской

[1]) Лазаревскій А. М.: Оп. Ст. Мал. I, 452—453.

ской Казенной Палаты и въ приложеніяхъ къ Румянцовской описи Малороссіи сохранились продажныя записи, купчія, облики и другіе акты, изъ которыхъ видно, что Пузеевскіе начали скупать казацкія и крестьянскія земли съ 1692 г., и что на эти земельныя пріобрѣтенія ихъ былъ выданъ подтвердительный универсалъ полковникомъ Миклашевскимъ 6-го іюля 1702 г.[1]).

Не менѣе дѣятельнымъ, предпріимчивымъ и достаточнымъ человѣкомъ былъ и осадчій слободы Зыбкой, извѣстный Ерема Карповъ, съ 1718 г. первый слободской бурмистръ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ раскольничьихъ слободахъ, какъ видно изъ его отношеній къ первому православному миссіонеру среди тамошнихъ раскольниковъ, іеромонаху Іосифу Рѣшилову, о чемъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ. Недовольствуясь своею частью общей слободской земли, отведенной для поселенцевъ, уже въ половинѣ втораго десятилѣтія XVIII в. онъ началъ скупать у сосѣднихъ Тростанскихъ и Засухскихъ казаковъ и крестьянъ грунты и сѣножати, а у иныхъ и просто отбиралъ „за позыченные въ разные часы деньги", устраивалъ водяныя мельницы, скупалъ пеньку и коноплю, билъ масло и продавалъ въ Стародубѣ. По всей вѣроятности за свой имущественный достатокъ въ современныхъ купчихъ вѣчистыхъ записяхъ и обликахъ или долговыхъ обязательствахъ онъ и назывался нерѣдко „славетне урожонимъ [2])".

Фактически раскольничьи осадчіе завѣдывали всѣмъ дѣломъ первоначальначальнаго устроенія и заселенія слободъ, и были прямыми посредниками со стороны слобожанъ для сношеній съ мѣстными властями и владѣльцами заселяемыхъ земель, или, по выраженію того времени, осадчіе ставились „для чиненія вшелякаго порядку и для осажованія на мененномъ селищу людей новоприхожихъ". Такіе осадчіе были въ каждой вновь заселяемой раскольничьей слободѣ какъ въ Стародубьѣ, такъ и

---

[1]) Арх. Черн. Каз. Пал. №№ 1200—1224, 1207 и др. Ср. Матер. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародуб. № 5, стр. 52; № 10. Розыскъ предъ судомъ войсковымъ генеральнымъ по дѣлу о захватѣ разнаго имущества Шелковникова войсковымъ товарищемъ Ао. Зѣнченкомъ 1700 г. стр. 86.

[2]) Румянц. Оп. Малор. CXVI, лл. 4 об., 7 об. См. также приложенія къ войтовской вѣдом. Зыбкой. Тамъ же есть документальныя указанія и на земельныя пріобрѣтенія Пузеевскихъ.

въ сосѣднихъ польско-литовскихъ областяхъ [1]). Само собою понятно, что роль слободскихъ раскольничьихъ осадчихъ, при владѣльческой колонизаціи, какая только и практиковалась въ сѣверной Малороссіи въ XVII и XVIII вв., простиралась только на слободу извѣстнаго владѣльца или монастыря, а потому и была далеко ограниченнѣе той, какою пользовались осадчіе при заселеніи пустопорожнихъ земель въ украинскихъ слободскихъ полкахъ, при государственной колонизаціи края. Тамъ дѣятельность осадчихъ простиралась нерѣдко на значительный районъ и захватывала собою какъ обязанности обороны и охраны населенія отъ набѣговъ татаръ, такъ и административныя и даже судебныя обязанности и пр. [2]).

Положеніе слобожанъ, селившихся на владѣльческихъ земляхъ, не смотря на то, что они были вольными и свободными поселенцами, въ сущности и въ гетманской Малороссіи было довольно тяжелое и безправное. Кромѣ извѣстной зависимости, въ которую вступали слобожане уже самымъ фактомъ поселенія на чужой землѣ, они получали отъ поселявшихъ ихъ владѣльцевъ земель также нерѣдко дворы, лошадей, коровъ, раз-

---

[1]) Изъ «Распросныхъ рѣчей» по дѣлу капитона Н. М. Шелковникова видно, что «першыми слободъ Халецкаго осадцями» были вышедшіе изъ Стародубья во время гоненій С. И. Самойловича раскольники—«Пашка Өедоровъ зъ Кузмою да Микитою» Шелковниковыми. Какъ осадчій Павелъ Өедоровъ тратилъ свои свои средства и *«на шляхты пріймань»*. Мат. для ист. раск. № 9, стр. 73.

[2]) Роль осадчихъ или «ссадчиковъ» въ слободскихъ полкахъ весьма наглядно обрисовывается въ прошеніи 1686 г. нѣкоего Карпа Алтухова, желавшаго быть осадчимъ по рр. Битюку и Икорцѣ (Воронежскаго у.), гдѣ въ то время селились разные пришлые люди (въ томъ числѣ и раскольники) и черкасы. Онъ просилъ, чтобъ ему «тѣхъ пришлыхъ людей и черкасъ, которые въ тѣхъ урочищахъ на Битюку и на Икорцѣ селятся и что подъ ними земель переписать и допросить, и которые впредь явятся по тому де переписывать же и до его в. г. указу приказнымъ быть и во всемъ ихъ вѣдать ему, Карпу Алтухову... И на Икорцѣ селятся вновь на житье русскіе люди и черкасы, а приказного человѣка и ссадчика у нихъ нѣтъ, и чтобъ в. г. пожаловалъ—велѣлъ ему въ тѣхъ вышеписанныхъ урочищахъ по Битюкѣ и на Икорцѣ ссадчикомъ, и которые русскіе люди учнутъ приходить на житье, и ихъ ему во всемъ вѣдать, и о томъ дать ему свою в. г. грамоту съ прочетомъ». М. А. М. Ю. Столб. Спб. Прик. Д. Малор. № 7279.

наго рода хлѣбъ и даже деньги, и тѣмъ только еще болѣе усиливали и закрѣпляли свою зависимость отъ нихъ. Правда, какъ лично свободные поселенцы, они имѣли право переходить отъ одного владѣльца къ другому и тѣмъ охранять свою личную вольность; но за то владѣльцы, въ свою очередь, всегда могли обставить этотъ переходъ такими затруднительными условіями, чтобы можно было когда-либо изъ нихъ выбиться. Въ данномъ случаѣ въ Малороссіи рано стали практиковаться тѣ порядки, которые выработаны были еще Поляками и внесены потомъ въ качествѣ закона въ такъ называемый литовскій статутъ. А на этотъ счетъ вотъ что мы находимъ въ этомъ законодательномъ памятникѣ въ разд. IX, артик. 29: „Установляемъ, если бы человѣкъ свободный пришедъ подъ котораго князя, или господина, или шляхтича, и сѣлъ на слободѣ, и, высидѣвъ до конца, похотѣлъ паки прочь отойти, тогда перво долженъ отслужить тому господину своему столько, сколько на слободѣ просидѣлъ, и тогда пойти прочь; а буде бы не похотѣлъ отслужить, то имѣетъ деньгами заплатить за всякую недѣлю слободы по шести грошей; а если бы таковый высидѣлъ слободу, ушелъ подъ другого кого нибудь, то тотъ, подъ кого придетъ, долженъ будетъ его выдать какъ наслѣднаго. А если бы еще такой человѣкъ, отходя прочь, убытокъ какой сдѣлалъ кому, то и то на немъ по доказательству доправить надлежитъ; а если бы такой господинъ на требованіе выдать не хотѣлъ того бѣглеца, и тотъ бѣглецъ отъ него потомъ прочь ушелъ, а то бы на немъ по челобитью правильными доказательствы въ судѣ показалось: тогда самъ таковый за его бѣглеца имѣетъ платить за всякую недѣлю, сколько на слободѣ онъ сидѣлъ, а не работалъ по шести грошей, такожде и убытки, чрезъ онаго бѣглеца сдѣланные, по доказательствамъ онъ же уплатить долженъ [1]“. Довольно рано познакомились съ этимъ безправіемъ слободской жизни и вынуждены были нерѣдко жить „переходя съ мѣста на мѣсто“ и раскольники, поселившіеся въ сѣверной Малороссіи. Особенно тяжело было положеніе тѣхъ слобожанъ, которые жили на земляхъ сильныхъ властію и богатствомъ малороссійскихъ державцевъ; неугодныхъ имъ слобожанъ они просто

---

[1]) См. также разд. III, арт. 38; разд. VII, арт. 8; разд. XII, арт. 24. На эти статьи литов. статута часто ссылались въ подобнаго рода дѣлахъ малороссійскіе державцы. П. С. З. XVI, № 11987.

выгоняли изъ своихъ слободъ, отбирали дворы и пр. Такъ напр. поступалъ съ слобожанами извѣстный стародубскій полковникъ Миклашевскій. Въ 1701 г. онъ отобралъ дворъ у Деменскаго раскольника Шелковникова, но сдѣлалъ это подъ видомъ тогдашней малороссійской законности, именно посредствомъ вынужденной купли двора за 10 рублей и купчую записалъ подъ 20 мая „въ книгахъ столповихъ стародубовскихъ“, по которой самъ Шелковниковъ будто бы свой дворъ „продалъ и поступилъ въ моцъ и держанне урожоному его милости пану Михаилу Миклашевскому“.... Заслуживаетъ вниманія по этому дѣлу разсужденіе полковника Лукьяна Жоравки, который въ донесеніи гетману отъ 3-го іюля 1714 г., по поводу указаннаго факта, писалъ: „А вольно-бъ ему (Миклашевскому) было, яко пану зъ крестьяниномъ своимъ що хотя учинити, и дармо взяти дворъ, и еднакъ того ему не учинилъ насилія [1])“.

Выше мы видѣли, что раскольники селились въ сѣверной Малороссіи и путемъ свободнаго займа земель, и путемъ поселенія слободами на монастырскихъ, державскихъ и магистратскихъ земляхъ, съ согласія подлежащихъ владѣльцевъ. Изъ разныхъ актовъ конца XVII и первой половины XVIII в. мы узнаемъ и то, что раскольники селились также и въ качествѣ такъ называемыхъ „подсосѣдковъ“ въ свободныхъ хатахъ пановъ, казаковъ, духовенства и мѣстнаго поспольства, и такимъ образомъ дѣлались „подсосѣдками“ панскими, казачьими и т. д., смотря потому, въ чьихъ хатахъ они поселялись. Были „подсосѣдки“ и собственно раскольничьи, селившіеся въ слобо-

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. св. 34, № 13, дѣло отъ 26 марта 1713 г. Мат. для ист. раск. на В. и въ Starод. № 7, стр. 67—68. Интересно, что въ 90-хъ годахъ XVII в. ссужалъ деньгами и пр. того же Шелковникова сосѣдній съ Деменкой значковый товарищъ «Апанасъ Зѣнченко», 30-го августа 1700 г. въ генеральномъ судѣ въ Батуринѣ онъ показывалъ, что «далемъ я, мовитъ, ему, Микитѣ, перше, десять талярей готовихъ грошей въ позичку, потимъ коня въ десяти копахъ цѣною на боргъ, знову корову въ десяти золотихъ, сало у пяти золотихъ, пшеницѣ три чвертки, запомнелъ якою цѣною, чотори осмачки конопляного сѣмя, цѣною по чотора золотихъ осмачка, которое сѣмя двома вози онъ, Микитка, пріѣхавши забралъ, соли два безмени жонѣ его Микитчиной далъ на долгъ: за тое теди все тотъ долгъ сто и тринадцать золотихъ уросль»... Ibidem, № 10, стр. 82.

дахъ при раскольничьихъ дворахъ. Въ послѣднемъ случаѣ они назывались также „пожильцами“, чаще „сосѣдями“.

Подсосѣдничество началось въ гетманской Малороссіи съ конца XVII в., когда державцы, утвердившись въ своихъ маетностяхъ, стали тѣснить посполитыхъ своимъ произволомъ, вслѣдствіе чего эти послѣдніе, для избѣжанія подданичества и отбыванія разныхъ повинностей, очень часто бросали свои осѣдлости и селились въ свободныхъ хатахъ пановъ, козаковъ и пр., или, по выраженію того времени, „выходили въ сосѣди“, дѣлались „подсосѣдками“. Подсосѣдничество впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не исключало возможности сохранить земельную собственность и пользоваться ею, какъ видно изъ универсала гетмана Мазепы 1689 г., по поводу подсосѣдковъ въ м. Мринѣ, живишихъ власными дворами и имѣвшихъ свои грунты, поля, сѣножати, лѣса, но не отдававшихъ „належитаго послушенства“ съ своихъ „ужитковъ“ черниговскому Борисоглѣбскому монастырю, на маетностяхъ котораго они жили, какъ жаловался архіеп. Лазарь Барановичъ[1]). Возможность зе-

---

[1]) Арх. Черн. Каз. Пал. Акты черн. Борисоглѣб. мон. Лазаревскій, А. М. Малоросс. поспол. крест., стр. 98—99.—Подсосѣдничество не было исключительно малороссійскимъ явленіемъ. О «подсусѣдникахъ» упоминается еще въ Псковской судной грамотѣ, и по ней они не находились въ личныхъ зависимыхъ отношеніяхъ. Пск. суд. грам. по изд. Мурзакевича, стр. 13—16. Точно также повидимому было и въ XVI в. А. Ю. № 289, 1568 г. Аналогичное явленіе было и въ Великороссіи въ эпоху смутнаго времени. На соборѣ 1619 г. было указано, что многіе люди, покинувши свои дворы, начинаютъ селиться въ чужихъ дворахъ, чтобы менѣе платить государевыхъ податей, раскладывавшихся по дворамъ. Кн. Разряд. I, 613: «а изъ московскихъ и украинныхъ городовъ посацкіе многіе люди, льготя себя, чтобы имъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ и по городамъ у друзей, а по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхати не хотятъ. Переп. кн. 1646 и 1677 г.г. содержатъ напоминанія писцамъ, чтобы не сходились въ одинъ дворъ люди со многихъ дворовъ». См. также Переп. кн. 1678—1688 г. изд. Е. Е. Замысловскимъ, т. VIII, Лѣт. зан. арх. ком. и отдѣльно, стр. 12 и др. Чечулинъ, Н. Д. Города моск. госуд. въ XVI в., стр. 27—28, примѣчаніе, въ которомъ сведены цифры о возрастаніи людей по дворамъ по изд. переп. кн. XVII в. разныхъ городовъ, и чѣмъ дальше къ концу вѣка, тѣмъ больше шло это возрастаніе.

мельнаго владѣнія для подсосѣдковъ, да и то, конечно, коренныхъ малороссіянъ, была все таки рѣдкимъ, чуть ли не исключительнымъ явленіемъ; обыкновенно это были люди безземельные, лишившіеся всей своей недвижимости и жившіе разнаго рода заработками. Бытъ подсосѣдковъ существенно отличался отъ слободскаго тѣмъ, что они не вступали ни въ какія обязательныя отношенія и ни въ какіе договоры съ владѣльцами помѣщеній, въ которыхъ жили, и были свободны отъ всякихъ общенародныхъ повинностей. Уже гетманъ Мазепа старался если не пресѣчь вовсе подсосѣдничество, то по крайней мѣрѣ остановить его дальнѣйшее развитіе, какъ видно изъ его универсала полковнику стародубскому и всей тамошней старшинѣ, отъ 30-го сентября 1701 г. Въ немъ онъ писалъ, что „многіе посполитые люде такъ подъ областію и послушенствомъ городовимъ, яко и подъ владзою духовныхъ и мирскихъ державцовъ, во всѣхъ регименту нашого полкахъ зостаючя, ухиляючися отъ належитыхъ себѣ повинностей, а наибарзѣй уходячи отъ должного войску охотницкому грошового мѣсячного датку, продаютъ въ городахъ и селахъ грунта свои и двори войсковимъ людемъ, подъ которыхъ оборону таковымъ злохитрымъ удаючися способомъ, и въ тихъ же дворахъ, отъ себе проданыхъ, въ подсусѣдкахъ свободно живучи, всякихъ неналежныхъ себѣ волностей самовластно заживаютъ“... Гетманъ предписывалъ и давалъ право „духовнымъ и мирскимъ державцамъ.... таковыхъ подсусѣдковъ зъ протекціи козацкой до посполитыхъ тяжаровъ (тяжестей), послушенства и повинностей наклоняти и примушати“.... „А если бы который козакъ волѣ и указови нашому рейментарскому оказуючыйся въ томъ противнымъ, черезъ шкодливый себѣ упоръ“, писалъ въ заключеніе гетманъ, „смѣлъ подсусѣдковъ своихъ отъ общой тяглости и послушенства охраняти, теды таковый противникъ не тилко жестокого отъ насъ не увойдетъ карапія, лечъ и посполитую отъ оного роскажемъ зъ тихъ его подсусѣдковъ повинность отбирати [1])“. Всѣ эти угрозы, повторяемые и въ послѣдующее время, однакоже мало помогали дѣлу; подсосѣдничество все болѣе и болѣе развивалось, пока наконецъ не было болѣе или менѣе остановлено административнымъ порядкомъ, именно въ 1734 г., но ини-

[1]) М. А. М. И. Д. Собраніе малоросс. подлинныхъ актовъ $^{XI}/_{13}$ пр. кн. 13. См. 2 реестръ малоросс. дѣлъ, св. 7, № 29.

ціативѣ князя Шаховскаго, заступившаго мѣсто гетмана Апостола, когда подсосѣдки привлечены были къ отбыванію общенародныхъ повинностей [1]).

Само собою разумѣется, что и раскольники, селившіеся въ качествѣ подсосѣдковъ или сосѣдей въ хатахъ державскихъ, подлежали общимъ условіямъ посполитаго послушенства, и въ концѣ концовъ готовили себѣ полную зависимость и закрѣпощеніе. Болѣе другихъ могли располагать своею личностію и имуществомъ казачьи и крестьянскіе подсосѣдки. Между прочимъ въ эпоху московскихъ стрѣлецкихъ волненій конца XVII в. многіе стрѣльцы-раскольники выходили въ малороссійскіе города, преимущественно Стародубъ, Новгородсѣверскъ, Глуховъ и др., и селились здѣсь въ свободныхъ хатахъ разныхъ лицъ, преимущественно въ казачьихъ хатахъ, въ качествѣ подсосѣдковъ, какъ видно изъ показаній по дѣлу о грабежѣ въ Москвѣ пятисотеннаго Чубарова полка Родіона Боровкова, въ которомъ принимали участіе и стародубскіе слобожане [2]). Гораздо лучше было положеніе собственно раскольничьихъ подсосѣдковъ, жившихъ въ слободахъ при раскольничьихъ дворахъ въ особыхъ хатахъ, нарочно устраиваемыхъ для того болѣе зажиточными слобожанами. Въ большинствѣ случаевъ они пользовались и общественною слободскою землею, а потому не избавлялись и отъ наложеннаго съ 1715 г. на слобожанъ оклада, но платили его въ значительно меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ владѣльцами дворовъ и хатъ, въ которыхъ жили эти раскольничьи подсосѣдки. Мало того, на первыхъ порахъ по поселеніи послѣдніе или вовсе освобождались отъ платежа извѣстной доли оклада, или эта доля опредѣлялась въ минимальномъ размѣрѣ, такъ какъ раскладка всякаго рода податей производилась самими слобожанами, при чемъ всегда принимались во вниманіе средства и силы плательщиковъ.

Подсосѣдничество было выгодно для зажиточныхъ и предпріимчивыхъ слобожанъ; оно давало имъ дешевыя и нуж-

---

[1]) Подробности см. въ изслѣдованіи А. М. Лазаревскаго: Малорос. посп. крестьяне, стр. 100—106. Ср. Шафонскій, Ав. Топограф. опис. Черн. намѣстничества, стр. 56.

[2]) М. А. М. Ю. Кн. Малорос. Прик. № 83. Показаніе Понуровскаго раскольника Василья Никитина Толстопятова о бывшихъ стрѣльцахъ Протопопова полка Гришкѣ Леонтьевѣ и Ивашкѣ Петровѣ. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 11, стр. 98.

ныя руки. Оно же было и средствомъ усиленія раскольничьяго элемента въ слободахъ. Въ качествѣ подсосѣдковъ или сосѣдей поселялись въ раскольничьихъ слободахъ не только выходившіе изъ Великороссіи раскольники, но нерѣдко и просто бѣглые православные крестьяне, переселявшіеся сюда въ значительномъ числѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. изъ губерній верхневолжскаго бассейна, какъ мы видѣли выше. И они принимались съ полною охотою; имъ предлагали пріютъ, помощь на первое обзаведеніе въ хозяйствѣ, пріискивали подходящую работу, и, въ концѣ концовъ, увлекали ихъ въ свою секту. Какъ трудно было сохранить свое православіе при поселеніи въ раскольничьихъ слободахъ православнымъ выходцамъ, мы приведемъ одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ этой трудности: путемъ перехода на житье въ раскольничьи слободы даже малороссіяне дѣлались раскольниками. Въ канцеляріи Кіевопечерской лавры 28 апрѣля 1753 г. Ардонскій раскольникъ поповщинецъ Зябкинъ разсказывалъ, что православный зять его „хохолъ Лаврѣнъ Иваненко", женившійся предъ тѣмъ лѣтъ за 20 и жившій въ с. Уношевѣ, Новомѣсткой сотни, около 1748 г. перешелъ на житье въ слободу Ардонь, „и опредѣлена ему хата противъ его Зябкина двора чрезъ улицу, въ которой хатѣ по маломъ времени родился у нихъ сынъ Степанъ. Когда же онаго сына, по прошенію родителей, попъ Голубовскій въ благочестивую вѣру окрестилъ, то всѣ слободскіе ардонскіе раскольники онаго его зятя съ женою возненавидѣли, и ни въ какіе заработки употреблять не стали, и изъ той хаты выгнали, и определили оному зятю жить на дворѣ Зябкина въ другой избѣ"... Притѣсненія кончились тѣмъ, что Иваненко „прельщенъ былъ зъ женою своею войтомъ Ардонскимъ Василіемъ Тепикинымъ и стариками ардонскими въ безпоповщину, и въ часовню ихъ онъ зъ женою Василисою хаживали, а у него, Зябкина, никакой уже посуды позичать и въ хату до него ходить и съ его Зябкина сынами разговаривать не стали, и всѣ безпоповщины раскольники имъ милостыню давали"... Затѣмъ, когда „по доносу" Голубовскаго священника Лыщицкій управитель монахъ Галактіонъ приказалъ себѣ представить Иваненка съ женою, то

[1]) Арх. Черниг. Дух. Конс. № 484, лл. 9—10 С. Голубовка находится вблизи Ардони и принадлежало къ Лыщицкой волости Кіевопечерской лавры, какъ и Ардонь.

оказалось, что они „невѣдомо гдѣ дѣлись“; „а надежно-де“, говорилъ Зябкинъ, „войтомъ и стариками расколу безпоповщины кудысь сосланы“.

Точныя данныя о раскольничьихъ подсосѣдкахъ или сосѣдяхъ находятся въ сохранившихся переписныхъ и окладныхъ книгахъ полковника Ергольскаго 1715—1718 гг. и таковыхъ же капитана Брянчанинова 1729 г. Изъ нихъ можно извлечь слѣдующія данныя о раскольничьихъ подсосѣдкахъ въ 7 выше указанныхъ раскольничьихъ слободахъ. Во время переписи Ергольскаго „въ сосѣдяхъ жили“ по слободѣ Еленкѣ при 10 дворахъ, при чемъ эти „сосѣди“ были выходцами разныхъ годовъ, начиная съ 1684 г. по 1708 г.; во время Брянчанинова „въ сосѣдяхъ жили еще при 13 дворахъ,—всего 25 семействъ (при 2 дворахъ по 2 семьи); въ первомъ случаѣ общее число дворовъ въ слободѣ было 67, во второмъ—71. По тѣмъ же переписнымъ даннымъ въ слободѣ Воронкѣ по Ергольскому въ сосѣдяхъ жили при 13 дворахъ 14 семей, а по Брянчанинову еще при 10 дворахъ 11 семей; въ слободѣ Лужкахъ по Ергольскому при 6 дворахъ 7 семей, по Брянчанинову еще при 4 дв.; въ слободѣ Зыбкой при 2 дворахъ, по Брянчанинову еще при 4 дв.; въ Клинцахъ по Ергольскому сосѣди жили только при 2 дворахъ, по Брянчанинову кромѣ того при 11 дворахъ 26 семей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по 2—4 семьи во дворѣ, въ отдѣльныхъ хатахъ; въ Климовой по Ергольскому при 2 дв., по Брянчанинову еще при 3; наконецъ въ Радули сосѣди жили по Брянчанинову только при 3 дворахъ [1]). Въ „Компутахъ“ 1723 г. въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ числѣ посполитыхъ указываются также и раскольничьи подсосѣдки. Такъ о раскольникѣ грунтовомъ с. Курковичъ Андреѣ Расоренко замѣчено, что у него 3 хаты подсосѣдковъ. Есть указанія на раскольничьихъ подсосѣдковъ и въ Румянцовской Описи 1767 г. По войтовскимъ вѣдомостямъ этой послѣдней число сосѣдей при иныхъ дворахъ, наприм. въ слободѣ Лужкахъ, доходило до 20 и болѣе душъ обоего пола [2]).

---

[1]) М. А. М. Ю. Кн. Малорос. Прик. № 118. Компуты 1723 г. л. 424 и об.

[2]) Румянц. Оп., т. CXVII. См. вѣдом. Лужковскаго войта Фотія Томилина. Были «пожильцы» или подсосѣдки и въ другихъ слободахъ, напр. Деменкѣ и пр. Замѣчательно, что въ большинствѣ

Въ первой половинѣ XVIII в. началъ практиковаться и такой способъ поселенія, что выходящіе изъ Великороссіи или изъ Польши раскольники только приписывались къ той или другой раскольничьей слободѣ, платили въ ней окладъ, а жили въ другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ, нерѣдко въ Петербургѣ и Москвѣ и даже за предѣлами Россіи. Такой фактъ впервые вскрылся предъ правительствомъ въ 1741 г., когда высочайшимъ указомъ повелѣно было возвратить въ подданство Кіевопечерской лавры поселившихся на ея земляхъ раскольниковъ трехъ слободъ: Ардони Чернецкой, Свяцкой и Тимошкина Перевоза. По этому поводу тогдашній слободской бурмистръ Сырейщиковъ съ нѣкоторыми приписанными къ Ардони раскольниками подалъ челобитье, въ которомъ объяснялъ, что они, по выходѣ изъ-за польской границы въ 1734 г., канцеляріей малороссійскаго министерскаго правленія опредѣлены были на житье въ слободу Ардонь, но что въ ней однакоже „за не отводомъ подъ дворовое строеніе мѣстъ и пахатной земли не жили, а жили въ г. Стародубѣ и въ другихъ раскольничьихъ слободахъ, а къ этой слободѣ только что окладъ платили". Фактъ былъ подтвержденъ полковникомъ и войсковой канцеляріи членомъ Тютчевымъ, приводившимъ въ исполненіе высочайшій указъ о передачѣ въ подданство Кіевопечерской лаврѣ сл. Ардони и о высылкѣ поселившихся тамъ раскольниковъ сверхъ положенныхъ въ 1715 г. въ окладъ на прежнія мѣста жительства. Оказалось, что какъ бурмистръ Сырейщиковъ, такъ и прочіе челобитчики домовъ въ Ардонѣ не имѣли и тамъ никогда не жили. Вслѣдствіе этого они до времени оставлены были жить на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ и до того времени жили, какъ доносилъ въ канцелярію Малороссійскихъ дѣлъ при сенатѣ тогдашній правитель Малороссіи Леонтьевъ, отъ 11-го сентября 1741 г., требуя на этотъ счетъ „повелительнаго указа" [1]). Въ Румянцевской Описи количество приписныхъ къ тѣмъ или другимъ слободамъ раскольниковъ, но въ нихъ никогда или только временно жившихъ, показывается уже въ значительныхъ

случаевъ эти подсосѣдки были посадскіе люди, вышедшіе изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ, преимущественно Москвы и Ярославля.

[1]) М. А. М. Ю. Дѣло правит. сената по Малорос. экспедиціи, кн. № 122/1849, дѣло № 64.

цыфрахъ. Въ ней они обыкновенно называются „неосѣдлыми", и однако же пріурочиваются къ тому или другому двору. Жили они по паспортамъ волостной раскольничьей конторы въ разныхъ мѣстахъ. Такихъ „неосѣдлыхъ" по слободѣ Воронку показано 40 м. и 30 ж., по Еленкѣ 102 м. и 81 ж., по Клинцамъ 290 м. и 198 ж., по слободѣ Шеломы 11 м. и 8 ж., по сл. Чуровичи 23 м. и 16 ж. Были эти „неосѣдлые" и по другимъ раскольничьимъ слободамъ Стародубскаго и Черниговскаго полковъ. Въ составъ ихъ входили бѣглые помѣщичьи, дворцовые и монастырскіе крестьяне, посадскіе, лица духовнаго званія, бѣглые солдаты и т. д. Такъ напр. въ слободѣ Климовой въ числѣ этихъ „неосѣдлыхъ" было: купцовъ 4, посадскихъ 36, лицъ духовнаго званія 5, 1 уроженецъ тульской оружейной слободки, 1 уроженецъ Хотинской крѣпости, 3 козака, 1 ямщикъ Рогожской слободы, 78 мѣстныхъ уроженцевъ, 56 выходцевъ изъ Польши, 13 неизвѣстнаго происхожденія, крестьянъ дворцовыхъ и государевыхъ 24, монастырскихъ и архіерейскихъ 43, помѣщичьихъ 40; всего 310 неосѣдлыхъ мужчинъ и 172 женщины [1]).

Изъ представленія въ сенатъ Кіевской губернской канцеляріи, отъ 18-го марта 1768 г., о томъ, что записанные въ описныя малороссійскія раскольничьи слободы, а живущіе съ семьями въ Польшѣ раскольники не желаютъ оттуда выходить, не смотря на неоднократныя имъ о томъ изъ волостной конторы объявленія, видно, что такихъ раскольниковъ было тогда „по присланному изъ волостной тѣхъ слободъ конторы имянному списку мужеска пола 263, да женска 216 душъ". Всѣ они „по многократнымъ посылкамъ изъ Польши не выѣхали и оказались ослушны", а между тѣмъ, любопытно, „подлежащіе съ нихъ деньги платили бездоимочно". См. дѣло о томъ въ связкахъ дѣлъ переселенческихъ Кіевскаго Центральнаго Архива.

Были и такіе раскольники въ Стародубьѣ, которые скупали казачьи грунты и пользовались даже повидимому казачьими правами. Такъ при описаніи С. Чубковичъ полковой сотни въ Компутахъ 1723 г. между прочимъ замѣчено: „Въ томъ же селѣ Иванъ Воронъ Филиповца скупилъ козака зъ кгрунтомъ и живетъ на томъ грунтѣ его подданій. Того жъ Ворона хатокъ три,

[1]) Румянц. Оп. тт. CXVI, CXVII. См. соотвѣтствующія войтовскія вѣдомости.

сосѣди живутъ; зъ оныхъ жадной помочи и дабель нѣтъ". Дворъ Ворона Филповца по тому же источнику указывается и въ самомъ полковомъ г. Стародубѣ [1]). Аналогичные факты отмѣчаются и въ позднѣйшей Румянцовской Описи Малороссіи. Между прочимъ тамъ о Курковскихъ раскольникахъ Расореяхъ въ заключеніе подворной и имущественной вѣдомости замѣчено: „Да сверхъ того въ козаковъ Курковскихъ Ивана Рубайлы, Ивана Немаченка, Ѳедора Козла, Омельяна Коваля, Павла Ломаки, Ѳедора Ломаки, Леона Чорнипа, Ст. Довгиля имѣются въ грунтахъ с. Курковичъ грунта пахотніе и сѣнокосніе съ ухожимъ бортнимъ деревомъ, лѣснимъ угодіямъ и огородами, доставшіеся имъ вмѣстѣ съ тамошними мужиками, подданными господина колежскаго ассесора Туманскаго: Устиномъ Барбашемъ, Григоріемъ Авепченкомъ, Иліею Лимонченкомъ, по куплѣ въ прошломъ 757 г. іюля 6 отъ умершаго бунчуковаго товарища Демяна Рубца, а онимъ Рубцемъ куплею набытіе отъ жіючихъ въ селѣ Курковичахъ раскольниковъ Якима и Фоминыхъ дѣтей Расореевъ за тисячу триста сорокъ рублей, на что съ крѣпостей при семъ пріобрѣтаются (прилагаются) копіи. На которыхъ грунтахъ изъ пашенной земли посѣвается ржи во всѣхъ трехъ смѣнахъ 90 четвертей"... Оказывается, что раскольники въ Малороссіи могли скупать земли и имѣть „подданныхъ мужиковъ" [2]). Тамъ же отмѣчается и такой фактъ, что слободскіе раскольники могли имѣть въ залогѣ и крѣпостныхъ людей. Такъ при описаніи двора подъ № 195-мъ въ слободѣ Клинцахъ Василья Григорьева Аксенова, 35 л., отецъ котораго былъ посадскимъ человѣкомъ г. Коломны, а въ Польшу и потомъ въ слободу Ардонь вышелъ въ 1734 г., замѣчено: „у него крѣпостные люди, заложенные отцу его, 1760 г., отъ помѣщицы Рыльской Марьи Анисимовой дочери съ невѣсткою ея Акулиной Петровой въ 143 руб., да отъ сына ея Василья Назарова Бырдина, Рыльскаго же помѣщика, въ 1763 г., въ 130 руб., о чемъ крѣпостей копіи при семъ представляются" (2 м. и 3 ж.) [3]). У ротмистра козацкой службы Дмитрія По-

---

[1]) Комиуты, лл. 317 об. и 448.

[2]) Румянц. Оп. Мал. т. LXXXIII, л. 63 и др.

[3]) Ibidem, т. CXVII, лл. 83—84. Замѣтимъ что Аксеновъ въ Клинцахъ пахатной земли не имѣлъ, а имѣлъ только огородъ и сѣножать на 8 возовъ и занимался торговлей: «покупалъ конопляное масло и отвозилъ въ Москву и къ Сѣчи Запорожской; а оттуда возилъ соль, рыбу и

пова, бывшаго Еленскаго раскольника, обратившагося потомъ въ православіе, дѣти котораго впрочемъ такъ и остались раскольниками и жили въ Еленкѣ, какъ и самъ онъ съ 1757 г., были и прямо крѣпостные люди, купленные у Карачевскихъ помѣщиковъ Юрасова и Пашкова [1]).

Изъ сдѣланнаго нами анализа осадныхъ листовъ и другихъ относящихся сюда данныхъ объ условіяхъ поселенія нашихъ сектантовъ на земляхъ малороссійскихъ державцевъ можно сдѣлать только одно заключеніе, что послѣдніе смотрѣли на раскольниковъ вообще какъ на выгодныхъ поселенцевъ, удобныхъ колонизаторовъ ихъ пустопорожнихъ земель, не обращая особеннаго вниманія, или, правильнѣе, просто игнорируя ихъ разномысліе въ дѣлахъ вѣры съ господствующею православною церковію. И такъ смотрѣли на нихъ не только свѣтскіе державцы, но и духовные. За весь первый періодъ существованія раскольниковъ въ Малороссіи, начиная со времени первоначальнаго ихъ поселенія до 1716 г., когда они находились въ непосредственномъ распоряженіи малороссійскихъ властей и державцевъ, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы послѣдніе такимъ или инымъ образомъ вмѣшивались въ церковно-религіозную жизнь своихъ слобожанъ, позволяли имъ открыто исповѣдывать свое

отвозилъ заграницу въ польскую область. Капитала имѣлъ 1000 руб.». Весьма любопытна также въ дѣлахъ Х. И. А., № 3125, залоговая запись новоторжскаго помѣщика Андрея Ларіонова Свѣчина, поручика, по которой онъ уступалъ въ работу Клинцовскому раскольнику Трофиму Максимову Осокину крестьянина съ семействомъ на 10 л. за долгъ въ 20 руб. Запись эта была явлена и записана 30 іюля 1766 г. «у новоторжской крѣпостныхъ дѣлъ книгѣ». Въ ней помѣщикъ обязывалъ своего крестьянина «зъ женою и дѣтьми жить тихо и смирно, не воровать и воровскихъ людей подъ хозяйскій домъ не подводить, и съ воровскими людьми не знаться и воровскихъ пожитковъ не принимать, въ зернь, ни въ карты не играть, въ домѣ хозяина и хозяйку во всемъ слушать и почитать, и не пьянствовать. А по прошествіи вышеписаанныхъ лѣтъ за объявленныя деньги упоминаемаго крестьянина зъ женою и дѣтьми отдать ему жъ Осокину въ работу еще на 5 л., и въ томъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ дать таковую жъ запись».

[1]) Румянц. Оп. CXVII. Вѣдом. ротм. Дм. Попова о жиломъ его дворѣ, також о крѣпостныхъ его людяхъ и о принадлежностяхъ къ оному двору съ копіями крѣпостей и пр. См. въ приложеніяхъ къ описи слоб. Еленки.

староверство, имѣть своихъ поповъ, устраивать церкви и монастыри, пустыни и скиты. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что какъ въ актахъ, относящихся къ поселенію нашихъ сектантовъ на тѣхъ или другихъ владѣльческихъ земляхъ, такъ и въ судныхъ процессахъ по земельнымъ спорамъ раскольниковъ съ ихъ малороссійскими сосѣдями, они до 1716 г. сравнительно рѣдко назывались „раскольщиками", „капитонами", „филиповцами" или „пилиповцами" (болѣе позднее названіе), хотя и были извѣстны подъ этими названіями грамотнымъ людямъ Малороссіи (Лѣтопись Самовидца, письмо С. И. Самойловича къ отцу-гетману, отъ 2-го сентября 1684 г., Компуты 1723 г.). Мы имѣли уже случай отмѣтить, что изъ 7 извѣстныхъ осадныхъ листовъ только въ одномъ наши слобожане названы „раскольницкихъ слободъ жительми Стародубовского полку", да и то по всей вѣроятности сдѣлано по простому недосмотру. Выше также указывалось, что малороссійкія власти въ концѣ XVII в. всячески старались прикрывать и игнорировать предъ Московскимъ правительствомъ фактъ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ Малороссіи. И сами слободскіе раскольники, находившіяся на первыхъ порахъ по поселеніи подъ непосредственнымъ покровительствомъ мѣстныхъ державцевъ и властей, въ своихъ сношеніяхъ съ центральною государственною властію въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. также никогда не называли себя раскольниками, а просто или крестьянами или посадскими, смотря по принадлежности, какъ это видно наприм. изъ ихъ прошеній, подаваемыхъ на имя Петра I въ 1689, 1700 и 1713 гг. [1]). Всѣ эти данныя даютъ одно ясное указаніе, что въ церковномъ отношеніи положеніе слободскихъ раскольниковъ, какъ во время Петра I, такъ и во все послѣдующее время до Петра III и Екатерины II было такое же нелегальное, какъ и въ Великороссіи, гдѣ не только церковныя, но и гражданскія права раскольниковъ были значительно ограничены [2]).

---

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. Арх. старый, отд. 2, № 1264/1261. 1700 г. Св. 34. № 13, 1713 г. Св. 35, № 2, 1714 г.

[2]) По «Духовному Регламенту» раскольники были объявлены «лютыми непріятелями и государству и государю непрестанно зломыслящими»; для нихъ были закрыты всѣ должности «даже до послѣдняго начала и управленія»; отъ нихъ запрещалось принимать на судѣ свидѣтельство на православныхъ и пр. Ч. 11, п. 6 П. С. З.

А это значитъ, что въ Малороссіи раскольники-слобожане не могли свободно, открыто и на законномъ основаніи исповѣдывать свое старовѣрство, имѣть своихъ поповъ, устраивать церкви и монастыри, скиты и пустыни, и если они дѣлали это, то дѣлали на свой страхъ и рискъ, при молчаливомъ согласіи и бездѣйствіи мѣстныхъ властей и державцевъ, видѣвшихъ въ томъ свой интересъ и потому имъ только потворствовавшихъ. Иначе и быть не могло со времени Московскаго собора 1667 г. въ православномъ русскомъ государствѣ, въ составъ котораго входила и Малороссія, когда раскольники были прокляты церковною властію и какъ еретики наказывались „не только церковнымъ наказаніемъ..., но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“ [1]). Стало быть и права патронатства, которыя принимали на себя по отношенію къ раскольникамъ-слобожанамъ малороссійскіе державцы, ограничивались только непосредственными ихъ владѣльческими интересами и связанными съ ними общественно-гражданскими отношеніями, но вовсе не простирались на религіозно-церковную жизнь ихъ и разнообразныя ея проявленія, какъ это практиковалось по издавна установившемуся порядку по отношенію къ однороднымъ съ ними по исповѣданію своей вѣры мѣстнымъ „посполитымъ подданнымъ“ [2]).

№ 1308. Послѣднее ограниченіе было подтверждено указомъ 4 іюля 1724 г. Ibid, № 4526. Свобода исповѣданія, предоставленная записнымъ раскольникамъ, главнымъ образомъ по финансовымъ соображеніямъ, не имѣла большаго значенія, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ былъ цѣлый рядъ мѣръ для противодѣйствія дальнѣйшему распространенію раскола. «Хотя на раскольниковъ записныхъ двойной окладъ и положенъ и они записались», говорилось въ указѣ 16-го іюля 1722 г., «однако жъ не для того, чтобы они свою раскольническую прелесть разсѣвать могли и другихъ учили, но токмо двойной окладъ на нихъ положенъ за то, что по упрямству своему обращаться ко св. церкви и въ соединеніи съ правовѣрными быть не хотятъ»... Ibid. №№ 2991, 4009, п. п. 14—17, 4027, п. п. 15 и 17, 4052, п. п. 3, 5—7 и др.

[1]) П. С. З. № 412, гл. VII. Ср. Ак. Ист. т. V, № 75, п. 2. П. С. З. № 1102.

[2]) О правѣ патронатства, составляющемъ одно изъ выдающихся явленій церковно-исторической жизни нашего юго-запада, въ томъ числѣ и Малороссіи, особенно за XV—XVII ст., его формахъ и разно-

Гораздо шире и разнообразнѣе выражалось владѣльческое право патроната по отношенію къ поселившимся въ Польшѣ и Литвѣ великороссійскимъ раскольникамъ. Прежде всего оно далеко не ограничивалось тамъ одними вотчинно-гражданскими отношеніями къ поселявшимъ ихъ владѣльцамъ-панамъ, но простиралось въ широкой мѣрѣ и на всѣ церковно-религіозныя отношенія и проявленія раскольничьей жизни. О религіозно-церковномъ положеніи поселявшихся въ Польшѣ великороссійскихъ раскольниковъ упоминалось и въ актахъ, соотвѣтственныхъ указаннымъ малороссійскимъ осаднымъ листамъ, которые выдавались обыкновенно панами при первоначальномъ на ихъ земляхъ поселеніи раскольниковъ. Далѣе, польскіе паны не только разрѣшали раскольникамъ строить церкви и монастыри, пустыни и скиты, но вмѣшивались даже въ споры раскольничьихъ толковъ, созывали по поводу ихъ раскольничьи соборы, такъ или иначе судили и рядили противниковъ и вообще слѣдили за всѣми проявленіями и начинаніями въ области раскольничьей религіозно-церковной жизни. Такъ наприм. извѣстные Вѣтковскіе соборы первой половины XVIII вѣка, по поводу споровъ вѣтковцевъ съ діаконовцами, двухъ первыхъ поповщинскихъ толковъ или согласій, созывались по „панскому повелѣнію", и не только созывались, но даже и ихъ постановленія приводились въ исполненіе съ соизволенія шляхтичей Халецкаго и Красинскаго. Извѣстное начинаніе вѣтковскихъ раскольниковъ въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія о пріобрѣтеніи себѣ епископа также производилось съ вѣдома и дозволенія владѣльца Вѣтки—пана Халецкаго, снабдившаго вѣтковскихъ искателей епископа даже собственнымъ „просительнымъ листомъ", который они доставили по принадлежности [1]).

Есть даже извѣстіе въ раскольничьихъ источникахъ, что церковное положеніе раскольниковъ въ Польшѣ довольно рано

образныхъ проявленіяхъ см. въ ст. «О правѣ патронатства въ югозап. Россіи въ XVI в.» (Литов. Епарх. Вѣдом. за 1878 г.), а также и въ изслѣдованіи проф. С. Т. Голубева: Ист. Кіев. дух. Акад., стр. 80—83. Исторія владѣльческаго патроната въ гетманской Малороссіи въ концѣ XVII и XVIII в. еще не подвергалась спеціальному изслѣдованію. Не мало любопытныхъ данныхъ на этотъ счетъ за XVIII в. можно найти въ дѣлахъ Черниговскаго консисторскаго Архива.

[1]) Сборн. Хлудов. библ. № 341, лл. 22—24, 27—28. Душеп. Чт. 1870 г., № 1, стр. 35.

было обставлено формально легальными условіями и со стороны государства. Между прочимъ въ прошеніи Вѣтковскихъ старообрядцевъ о епископѣ, поданномъ Константинопольскому патріарху въ 1731 г., приводится указаніе, что когда раскольники появились за польскимъ рубежомъ, то къ нимъ пріѣзжалъ сначала „посолъ Полтевъ", а потомъ „бискупъ Анцута", и развѣдывали, какой они держатся вѣры, что католическій епископъ не нашелъ у нихъ никакого „схизматичества", и что король тогда же издалъ грамоту о свободномъ жительствѣ раскольниковъ въ польскихъ предѣлахъ, при полной независимости отъ католическаго духовенства въ исправленіи вѣры и отправленіи обрядовъ. По всей вѣроятности упомянутые Анцута (Анчупа) и Полтевъ донесли королю только то, что раскольники не принадлежатъ къ числу опасныхъ для государства и церкви сектантовъ, благодаря чему и могла явиться вышеуказанная королевская грамота. Она неизвѣстна; но въ существованіи ея врядъ-ли можно сомнѣваться. Не даромъ уніатскіе миссіонеры въ XVIII в. въ своихъ предикахъ, обращенныхъ къ православнымъ западнорусскимъ людямъ, весьма сочувственно относились къ пилипонамъ или филиповцамъ, какъ обыкновенно въ Польшѣ назывались наши раскольники, бывшіе въ большинствѣ тамъ безпоповцами. Вотъ напр. что говорилъ одинъ такой миссіонеръ въ Могилевѣ, „посреди базару на столпѣ стоя и крестъ въ рукѣ держа": „Да еще обрѣтается въ Москвѣ сія же заблуждающая вѣра (т. е. православная). А посмотрите, что и тамъ, прежде ста и нѣсколько на десять лѣтъ, какая была вѣра, ежели не унія святая: понеже и филиповцы не откуду отторгнувшись, уразумѣвъ ихъ заблужденіе, вышли съ Москвы и нынѣ обрѣтаются въ Польшѣ". Какъ бы то ни было, указанная королевская льготная грамота, если только она была дѣйствительно дана раскольникамъ, должна была не мало способствовать привлеченію русскихъ раскольниковъ за польскій рубежъ, при тѣхъ стѣсненіяхъ, какія испытывались ими въ русскихъ предѣлахъ. „И ради сей свободности", какъ справедливо замѣчено въ вѣтковскомъ прошеніи по данному поводу, „великороссійскихъ людей по всей Польшѣ населившася премногое число" [1]).

---

[1]) Вѣтковское прошеніе 1731 г. издано Н. И. Субботинымъ въ Душеполезн. Чт. за 1870 г., № 1, стр. 26—44. Именно въ прошеніи по занимающему насъ предмету буквально сказано слѣд.: «Въ ней же

Но эта „свободность“ ограничивалась только раскольниками и вовсе не распространялась на православныхъ „великороссійскихъ людей“, поселявшихся въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII в. въ предѣлахъ Польши и Литвы. На первыхъ порахъ, правда, какъ тѣ, такъ и другіе охотно принимались польскими панами на поселеніе; но въ дальнѣйшей судьбѣ положеніе ихъ было весьма неодинаково. Если къ раскольникамъ польское правительство, паны и ксендзы относились терпимо, то отношеніе ихъ къ православнымъ далеко не отличалось этого терпимостію: послѣдніе, какъ православные, нерѣдко принуждались панами и ксензами къ принятію уніи. Это, какъ извѣстно, было время, когда, по словамъ кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго, „благочестіе святое въ Польшѣ римляне

вѣрѣ нашей, юже мы содержимъ, отъ величества короля польскаго перво чрезъ посла Полтева и во второе отъ бискупа Анцуты свидѣтельствованы, и по свидѣтельству ихъ яко истинно суть греческая вѣра, понеже въ церквахъ нашихъ никакого схизматичества не изыскали, того ради отъ короля польскаго и листъ намъ данъ во обители нашей и прочимъ скитамъ и всякаго чина людямъ нашимъ увольной, еже намъ въ вѣрѣ древняго обычая греческаго свободнымъ быти, и вѣру нашу отъ езуитовъ и ксензовъ невозбранно держати, которыя ради свободности нашихъ великороссійскихъ людей по всей Польши населишася премногое число». Объ отношеніи къ зарубежнымъ польскимъ раскольникамъ Полтева и Анцуты (Анчуты) изъ другихъ источниковъ ничего не извѣстно. Относительно Анцуты можемъ только замѣтить, что здѣсь разумѣется по всей вѣроятности Georgius Casimirus Ancuta, th. dr., canonicus (1708) et officialis generalis Vilnensis, позже суфраганъ виленскій, извѣстный ученый противникъ диссидентовъ, написавшій въ 1719 г. опроверженіе претензій диссидентскихъ (Libellus supplex, 1718 г.) подъ заглавіемъ: Jus plenum religionis catholicae in regno Poloniae et M. Ducatu Lithuanae, juri praetenso dissidentium, oppositum. О другихъ его сочиненіяхъ см. въ Encyklop. kościeln. X. M. Nowodworskiego, T. I, стр. 221—222. О его церковно-гражданской дѣятельности см. также въ Истор. Юридич. Мат., извлеч. изъ акт. кн. губ. Витебской и Могил. В. XIX, №№ 112, 115, 458. 480; В. XX, № 70. Витеб. 1889—1891. Ср. также нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о М. I. Анцутѣ въ Corona polska Niesieckiego въ изданіи 1728 г., при описаніи герба, стр. 20—21.—Объ отзывахъ уніатскихъ миссіонеровъ о филиповцахъ см. въ сочиненіи И. А. Чистовича: «Диссид. вопросъ въ Польшѣ въ первой половинѣ XVIII в.» Сборн. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. Т. XXI, стр. 74.

намѣрили въ конецъ разорить, и такъ тщатся, что церкви св. восточныя во вся спустошить, и всѣхъ православныхъ во вся или къ себѣ привлащить, или крайне сгладить, дабы ни единаго православнаго въ Польской державѣ не обрѣталося". Повсюду тогда въ югозападной Россіи въ сельскихъ приходахъ были поставлены уніатскіе пастыри, и имъ обязаны были подчиняться прихожане, независимо отъ вѣроисповѣдной розни; всякое же неповиновеніе со стороны православныхъ уніатскому духовенству разсматривалось какъ неповиновеніе предержащей власти [1]). И такъ относились въ то время не только къ мѣстнымъ кореннымъ православнымъ жителямъ, но и къ постоянно прибывавшимъ православнымъ великороссійскимъ людямъ. Послѣдніе, какъ болѣе устойчивые въ религіозномъ отношеніи, чѣмъ первые, издавна испытывавшіе на себѣ вліяніе католицизма и народившейся изъ него уніи, не желая отступать отъ своего унаслѣдованнаго отъ предковъ православія, нерѣдко обращались въ терпимый поляками и ксендзами изъ экономическихъ и религіозно-политическихъ видовъ расколъ, чтобы избѣжать непріязненной уніи. Весьма характерно въ этомъ отношеніи показаніе раскольника поповщинскаго толка Захара Григорьева, переселившагося изъ-за польскаго рубежа въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка въ раскольничью слободу Радуль, черниговскаго полка, гдѣ онъ „обучалъ дѣтей тамошнихъ обывателей русскаго письма по раскольничьимъ книгамъ"... Въ стародубской полковой канцеляріи въ 1762 г. онъ разсказывалъ, что „родился польской области воеводства витебскаго, повѣта полоцкаго, въ д. Пустошки, владѣнія шляхтича князя Радзивилла"; что „отецъ его Григорій Михайловъ сынъ, какъ онъ, Захаръ, отъ него слыхалъ, родился въ Великороссіи и выведенъ его, Захара, дѣдомъ Михайломъ еще малолѣтнимъ зъ Россіи за польскую границу, гдѣ первіе оній его дѣдъ Михайло владѣнія шляхтича Радзивилла въ с. Кодоловѣ въ церкви Успенія Пресв. Богородицы православной по смерть свою священнодѣйствовалъ, а по немъ и отецъ его Григорій въ той же церкви былъ попомъ православнымъ, пока оная церковь православная на унѣятскую превра-

[1]) П. С. П. и р. по вѣд. прав. исп. т. VII, № 2637, стр. 665. Ср. Антоновичъ, В. Б. Монографіи по ист. зап. и югозап. Рос. Очеркъ сост. правосл. церкви въ югозап. Руси съ полов. XVII в. до конца XVIII в. стр. 294—295.

щена. А по превращеніи оной на унѣятскую, оной отецъ его Григорій *поповалъ* гомельскаго уѣзда въ слободѣ раскольничой Спасовой по раскольничому"[1]). Такимъ образомъ покровительственное отношеніе польскаго правительства къ раскольникамъ и нетерпимость къ православнымъ содѣйствовали тому, что расколъ здѣсь распространялся на счетъ православныхъ великорусскихъ выходцевъ, поселявшихся въ прошломъ вѣкѣ въ предѣлахъ Польши. При Екатеринѣ II масса этихъ „великороссійскихъ людей", сдѣлавшихся въ Польшѣ раскольниками, выселилась на льготныхъ условіяхъ обратно въ предѣлы Россіи— въ Стародубье, Поволжье и другія мѣста, естественно усиливъ собою и безъ того сильный здѣсь расколъ.

Еще болѣе наглядно и очевидно отражается общественное и церковное положеніе раскольниковъ въ Польшѣ, сравнительно съ таковымъ же въ малороссійскихъ раскольничьихъ слободахъ, въ тѣхъ актахъ, которые выдавались польскими панами при первоначальномъ поселеніи раскольниковъ и которые назывались въ Малороссіи осадными листами. Однимъ изъ позднѣйшихъ и болѣе выразительныхъ актовъ этого рода слѣдуетъ признать тотъ, который былъ выданъ графомъ Ходкевичемъ въ 1771 г. при поселеніи раскольниковъ въ обширныхъ его маетностяхъ и устроеніи раскольничьяго монастыря въ м. Чернобылѣ. По своей внѣшней формѣ актъ этотъ состоитъ изъ 15 пунктовъ раскольничьяго прошенія относительно условій поселенія и резолюцій на нихъ графа Ходкевича. Прежде всего рѣчь здѣсь идетъ о свободномъ и безпрепятственномъ исповѣданіи старовѣрства, о правѣ имѣть своихъ поповъ, чернецовъ и черницъ, устраивать церкви и монастыри, пустыни и скиты. Именно раскольники просили: 1) „поповъ намъ своихъ и по нашему закону и вѣрѣ примать, чтобъ было невозбранно"; 2) „церкви въ монастыряхъ и по слободахъ становить по нашему закону и вѣрѣ безъ всякаго утѣсненія отъ пановъ, и отъ ксіонзовъ, и отъ поповъ, и отъ жидовъ, и отъ мужиковъ, и отъ всякаго чина, якоже у насъ въ Чонки и на

[1]) Арх. Черн. дух. консист. ящ. 52, № 1419. Дѣло по промеморіи стародубской полковой канцеляріи 1762 г. о раскольникѣ слободы Радули Захарѣ Григорьевѣ, пойманномъ «съ раскольничьимъ причастьемъ и прочими у него имѣвшимися нѣкоторыми вещами».

Вѣтки, безъ всякаго поруганія и утѣсненія и порицанія" [1]); 3) „попамъ и черницамъ и черницамъ въ мѣстѣ и по селамъ и по слободамъ ходить и ѣздить, и въ торгахъ и ярмонкахъ или гдѣ прилучится куповать и продавать збожье всякое, воскъ, и медъ, и масло, и рыбу, и холстъ и всякую рѣчь про свою нужду монастырскую безъ торгового, и безъ перевозовъ, и безъ объѣздокъ". Графъ Ходкевичъ согласился съ этими первыми и главными пунктами раскольничьяго прошенія и положилъ противъ нихъ такія резолюціи: 1) „Волно будетъ поповъ держать. 2) Церкви въ монастыряхъ и по слободахъ безъ всякаго препятствія становить вольно будетъ. 3) Попамъ, черницамъ и черницамъ въ мѣстѣ, по селахъ и по слободахъ ѣздить, ходить вольно будетъ, а что касается всякого торгу збожья, меду, воску, холста, то все по обыкновенію обывательскому состоять маетъ съ мѣщаны чернобыльскими ровно". Въ пунктѣ 15 раскольники испрашивали себѣ право устраивать въ маетностяхъ Ходкевича пустыни и скиты. И на этотъ пунктъ послѣдовало графское согласіе; черницы могли жить по одному, по два, по три, „или сколько по совѣту между собою восхотятъ жить особливе, гдѣ изберутъ себѣ мѣсто, или островъ, кромѣ монастыря", во всѣхъ тамошнихъ обширныхъ маетностяхъ Ходкевича.

Не менѣе любопытны и другія условія, на которыхъ селились здѣсь раскольничьи черницы. Подъ монастырь былъ назначенъ особый островъ подъ названіемъ Никольскій, а грунту и сѣножатей къ нему давалось столько, сколько могли обработать раскольничьи монахи (пп. 8—9). Между прочимъ монахамъ предоставлялось право „рыбу ловить всякимъ временемъ по рѣкахъ и всякимъ посудомъ и всякую рыбу въ Припети и въ Уши, и озерахъ, и въ забокахъ, и поимахъ, лѣтомъ и зимою, и всякимъ часомъ, про свою нужду невозбранно ни отъ кого и повсямѣстно" (п. 4), и, кромѣ того, давалось

[1]) Подъ «Чонкой» здѣсь разумѣется раскольничья слобода, находившаяся въ 10 в. отъ Гомеля, на берегу р. Сожа, гдѣ былъ и раскольничій Чонскій Успенскій монастырь. Въ 1797 г. послѣдній былъ присоединенъ къ единовѣрію. Въ настоящее время онъ управляется православнымъ настоятелемъ, но службы въ монастырѣ совершаются по старопечатнымъ книгамъ; число монашествующихъ менѣе 10 человѣкъ. Нынѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ—Чонскій—Макарьевскій. Оп. опис. могил. губ. кн. 1. Могилевъ. 1882 г. стр. 678.

монастырю въ Чернобылѣ особое озеро, по прозванію Синее, „къ закоту рыбной ловли безъ перешкоды“. Выговорено было также право „поставить своимъ коштомъ млинъ, гдѣ присмотрится мѣсто угодное“ къ тому, даже, въ случаѣ надобности, съ помощью отъ панскаго двора. Монахи освобождались „отъ подводъ и пригоновъ“, и даже „гаты или мосточки..., по близости нужные“, должны были исправляться для нихъ „пригономъ“, т. е. панскими крестьянами (пп. 5, 6 и 14). По резолюціи графа Ходкевича „слободы на то все“ давалось „лѣтъ десять“, при чемъ относительно платы, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, имѣлъ быть составленъ особый договоръ въ томъ смыслѣ, что „сколько бъ на островѣ будинковъ (домовъ) и людей не было, о томъ не исчислять“ (п. 12) [1]). Подобныя отношенія къ поселявшимся раскольникамъ со стороны державцевъ были не мыслимы въ гетманской Малороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., и ничего подобнаго мы и не находимъ въ „осадныхъ листахъ“ и другихъ относящихся къ поселенію раскольниковъ въ Малороссіи актахъ.

Само собою понятно, что различіе въ условіяхъ поселенія раскольниковъ за Польскимъ рубежемъ и въ сѣверной Малороссіи не могло не вліять и на число поселенцевъ—раскольниковъ тамъ и здѣсь. Относительно числа слободскихъ малороссійскихъ раскольниковъ имѣются болѣе или менѣе точныя данныя за XVIII в., начиная со временъ Петра Великаго до временъ Екатерины II включительно, чего нельзя сказать относительно зарубежныхъ польскихъ раскольниковъ. Число слободскихъ малороссійскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II было сравнительно ничтожно. Такъ по Переписнымъ книгамъ полковника Ергольскаго во всѣхъ 17 слободахъ было только 377 дворовъ, и всѣхъ раскольниковъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ числилось всего 3112 человѣкъ, а именно—мужеска пола 1712, женска 1400, т. е. нѣсколько болѣе чѣмъ по 8 челов. на дворъ [2]). По „Компутамъ“ 1723 года въ одномъ

[1]) Прошеніе раскольниковъ и резолюціи на него графа Ходкевича извлечены нами изъ дѣлъ религіозныхъ Кіев. Центральнаго Архива. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. № 51, стр. 244—246.

[2]) П. С. З. Т. VII. № 4553. Полн. собр. пост. и расп. по вѣдом. прав. исп. V, № 1669. Всѣ эти 3112 человѣкъ, кромѣ 1519 р. об-

стародубскомъ полку было уже 373 двора грунтовыхъ раскольниковъ, т. е. имѣвшихъ земли, 159 бобыльскихъ хатъ и 50 пустыхъ. По переписи 1729 г. капитана Ивана Брянчанинова, сверхъ прежней переписи Ергольского, прибылыхъ дворовъ оказалось 91. На эти дворы, по силѣ инструкціи министерской канцеляріи, по прежнему примѣру, сверхъ Ергольского окладу прибавлено на каждый дворъ по 2 р. по 88 к. и по $^3/_4$ коп., а всего 262 р. $96^1/_2$ коп., такъ что съ 1730 г. слобожане, по распоряженію Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, старый и новый прибавочный окладъ и за откупныя статьи (въ сл. Тимошкинѣ Перевозѣ за перевозъ черезъ р. Ипуть 11 р. и за кожевенный заводъ въ слободѣ Клинцахъ Собольщикова 12 р.) платили всего 1804 р. $96^1/_2$ коп. [1]). Далѣе, въ отпискахъ волостной раскольничьей конторы въ Кіевскую губернскую канцелярію за вторую половину 1759 г., на вопросъ, „сколько въ которой слободѣ мужеска и женска пола душъ имѣется", приведены слѣдующія цифровыя данныя о количествѣ раскольническаго населенія въ слободахъ за первую половину XVIII в. и за первое десятилѣтіе второй половины вѣка. „По переписи полковника Ергольскаго муж. пола 2110, жен. 2005 (по 14 слободамъ, бывшимъ въ вѣдѣніи волостной конторы, т. е. за исключеніемъ трехъ слободъ—Ардони, Святской и Тимошкина Перевоза, состоявшихъ въ подданствѣ Кіево-Печерской лавры). А обоихъ половъ капитана Брянчанинова муж. 862, жен. 682; маіора Павлова (1736 г.): муж. 471, жен. 416. Итого прежнихъ переписей: муж. 3443, жен. 3203. Вышедшихъ изъ за границы: муж. 2355, жен. 1808. Перешедшихъ изъ слободъ Кіево-Печерской лавры: муж. 203, жен. 145. Вновь родившихся: муж. 112, женщ. 79. Итого прибылыхъ: муж. 2770, жен. 2032; а обоихъ половъ 4802. Умершихъ: муж. 53, жен. 30; бѣжавшихъ: муж.

щихъ государственныхъ повинностей, за принадлежность къ расколу особыхъ денегъ не платили. Срав. Оп. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. син. т. IV, № 38 (289, стр. 13).

[1]) М. А. М. Ю. Кн. Малорос. Прик. № 118 (1719—1744 гг.), лл. 158—164.—М. А. М. И. Д. Д. М. св. 67, № 16. По Вѣдомости кіев. губ. канцеляріи 1760 г. всего окладныхъ и неокладныхъ сборовъ слобожане уже платили 2965 р. $90^1/_2$ коп., да съ новоприбылыхъ съ каждой души муж. пол. по $72^1/_2$ коп., всего 1706 руб. 75 коп. Дѣла переселенческія въ связкахъ Кіев. центр. архива. Ср. Х. И. А. № 3125.

54, жен. 30; итого бѣжавшихъ и умершихъ 167. Всего прежде поселившихся обоихъ половъ 11, 281. По „Вѣдомости Кіевской губернской канцеляріи, сколько поселившихся въ Малой Россіи, въ стародубскомъ и черниговскомъ полку, раскольниковъ, какъ прежде поселившихся, такъ и вновь прибылыхъ, мужеска и женска пола, и сколько вновь родились и изъ за польской границы въ раскольничьи слободы прибыло..., и за тѣмъ генваря съ 1-го по 1-е іюля 1762 г. дѣйствительно на лицо состоитъ“, число слободского раскольничьяго поселенія опредѣляется слѣдующими цифрами: по переписямъ Ергольскаго, Брянчанинова и Павлова: м. 3864, ж. 3500; вновь прибылыхъ отъ 1730 г. по 1762 г.: м. 3331, ж. 2268; перешедшихъ изъ отданныхъ Кіево-Печерской лаврѣ: м. 217, ж. 59, вновь прибылыхъ въ 1762 г.: м. 19, ж. 33; перешедшихъ изъ отданныхъ лаврѣ—17; не введенныхъ въ перепись управителя Морозова (1758—1759 гг.): м. 1071, ж. 864. А всего мужеска и женска пола, какъ прежде поселившихся, такъ и вновь съ 1730 г. и не введенныхъ въ перепись Морозова 15 443 д. [1]). Сюда нужно еще прибавить раскольниковъ, жившихъ на земляхъ Кіево-Печерской лавры, которыхъ было по ревизіи 1765 г.: въ Святской—146 д., въ Ардони—115 д. и Тимошкинѣ Перевозѣ—80 д. [2]). Такимъ образомъ общее число слободскихъ раскольниковъ ко времени Екатерины II по этимъ даннымъ было 15 884 д. Въ продолжительное царствованіе Екатерины II число ихъ въ слободахъ увеличилось болѣе чѣмъ въ три раза.

---

[1]) Дѣла переселенческія въ связкахъ Кіев. Централ. Архива. Приблизительно тѣже цифры относительно числа слободскаго раскольничьяго населенія указываются и въ обширномъ дѣлѣ Харьковскаго историческаго архива № 3125, извлеченія изъ котораго сдѣлалъ проф. Багалѣй въ своей рецензіи на книгу А. М. Лазаревскаго: «Описаніе старой Малороссіи. Спб. 1891 г. стр. 92—95. Цыфровыя данныя этого дѣла относятся къ 1759—1760 г. Общее число слобожанъ по 12 слободамъ стародубскаго полка, за исключеніемъ 3 слободъ Кіево-Печерской лавры, здѣсь опредѣляется въ 10 606 д. (у проф. Багалѣя 9606 д.); если прибавить 1396 д. въ двухъ слободахъ черниговскаго полка Добрянкѣ и Радулѣ и 441 д. въ трехъ лаврскихъ слободахъ, то общая численность слободскихъ раскольниковъ по даннымъ этого дѣла выразится въ 12 443 д.

[2]) Опис. акт. архива Маркевича о старод. скитахъ. Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. при Москов. унив. 1884 г., кн. II, стр. 9.

По Румянцовской Описи 1767 года было 713 дворовъ, 767 бобыльскихъ хатъ и 565 пустыхъ дворовъ и хатъ; а въ 1781 г., когда, предъ открытіемъ намѣстничествъ, по распоряженію графа П. А. Румянцева, сдѣлано было статистическое описаніе Малороссіи, число раскольничьихъ дворовъ, бобыльскихъ и бездворныхъ хатъ въ 17 малороссійскихъ раскольничьихъ слободахъ выразилось уже въ слѣдующихъ цифрахъ: 2101 дв., 3188 х. и 397 бездворныхъ хатъ или келей. Въ 1790 г., на основаніи документальныхъ данныхъ, по словамъ преосвященнаго Черниговского Филарета Гумилевскаго, какъ и по другимъ указаніямъ, болѣе раннимъ, считалось всѣхъ слободскихъ раскольниковъ уже до 50 т. чел. [1]).

О численности зарубежныхъ Польскихъ раскольниковъ нѣтъ болѣе или менѣе точныхъ указаній оффиціальнаго происхожденія; всѣ наши свѣдѣнія о нихъ въ этомъ отношеніи ограничиваются почти единственно случайными указаніями самихъ раскольниковъ, данными по разнымъ поводамъ русскимъ правительственнымъ властямъ. Но и эти случайныя указанія даютъ ясное понятіе о томъ, что зарубежные раскольники значительно превосходили своею численностію малороссійскихъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній. По словамъ обратившагося изъ раскола въ 1722 г. стародубца Ивана Бѣляева, всѣхъ раскольничьихъ слободъ около Вѣтки было уже въ то время болѣе 20 съ значительнымъ числомъ дворовъ [2]). Въ 1732 г. Волоколамскій старецъ Антоній, жившій на Вѣткѣ около трехъ лѣтъ, показывалъ въ конторѣ раскольническихъ дѣлъ, что около Покровскаго монастыря на Вѣткѣ „жительствующихъ россійскаго народа раскольниковъ имѣется слободъ съ 20; да отъ онаго мѣста расположеніемъ верстъ въ 300 въ Воложской землѣ россійскаго же народа раскольниковъ многое же число, о которыхъ слышалъ онъ отъ вѣтковскихъ жителей“ [3]). Въ 1753 г., по донесенію полковника Панова, отправленнаго въ Польшу для сыска бѣглыхъ, ихъ было тамъ до милліона, и въ

---

[1]) Щекатовъ. Словарь географическій росс. Госуд. Ст. 1362. Лазаревскій: Опис. Старой Малорос. т. I, стр. 447—433. Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. I, стр. 151.

[2]) Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV, ст. 239. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I, ст. 588 в.

[3]) Есиповъ, Г. Раскол. дѣла XVIII ст. 1, 245.

[4]) Соловьевъ. Ист. рос. XXIII, стр. 272—273.

томъ числѣ значительное число раскольниковъ [1]). Въ 1757 г. зарубежный раскольникъ Алексѣй Рымарь, присланный вмѣстѣ съ другими съ Васильковскаго форпоста, показывалъ въ Кіевской губернской канцеляріи, что за границей въ Рудницкой слободѣ до 200 дворовъ раскольниковъ, въ Разбойной до 70, въ Бушниковой до 200, въ Пенковкѣ, въ которой Рымарь и самъ нѣкоторое время жилъ въ подданствѣ М. Мурахвы, державцы Подлевскаго, до 50 дв., въ Борской до 150, въ Медвѣжей Ушкѣ до 70, въ Потаповой до 20, въ Жуковской до 50, въ Манковой до 40, въ Ярошовой до 20, въ Хрепчеевой до 100, въ Матвѣевой до 15, въ Краснянской до 40, въ Макаровой до 40, въ Лѣшковцовкѣ до 20, Лютоновой до 30, Петрашевой до 30, въ Филиповой до 20, Сквировой до 15. О Каменной горкѣ, Гамарной, Мазогровкѣ и Озерищѣ заявилъ, что незнаетъ тамъ числа дворовъ. Въ Волощинѣ онъ же показалъ какъ на мѣста поселенія раскольниковъ—на Соколинцы, Рущоры, Лихоманову, Замостье, Ворону, Анбуровку, Кунишную и др. (Кіев. централ. архивъ. Св. дѣлъ о колонизаціи). Въ 1760 г. зарубежные раскольничьи монахи Ѳеодосій и Филаретъ сказкою, поданною гетману Разумовскому, а имъ представленною въ Сенатъ, показали, что „въ Польской сторонѣ близъ границы Россійской, подъ владѣніемъ старосты Гомельскаго князя Черторижскаго, имѣется населенныхъ великороссійскими людьми до 30 слободъ, въ которыхъ отъ 50 до 100 и болѣе дворовъ въ каждой слободѣ есть. Да подъ владѣніемъ подкомораго Кіевскаго Халецкаго имѣется жъ слободъ зъ 20, въ томъ числѣ м. Вѣтка. Да и подъ владѣніемъ разныхъ многихъ Польскихъ шляхтичовъ въ княжествѣ Литовскомъ много населено слободъ одними великороссійскими людьми, и какъ они слышали, что только по рѣку Березу имѣется слободъ до 70, въ другихъ же мѣстахъ Польскихъ по всей великой Польши даже до границы турецкой, на Подольѣ и около Волощины, весьма многое число слободъ населено одними жъ великороссійскими людьми“ (Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод., стр. 211). Въ 1763 г. въ крѣпость св. Елисаветы къ капитану лейбъ-гвардіи князю Грузинскому приходили „отъ живущихъ въ Польшѣ бѣглыхъ россійсскихъ раскольниковъ повѣренные 25 человѣкъ“ съ просьбой представить.

---

[1]) Кіев. центр. архивъ. Св. дѣлъ о колонизаціи. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. № 49, стр. 235—236.

куда надлежитъ, „о позволенiи поселиться имъ на степи между Дона, Терека, Кубани и другихъ рѣкъ“, и говорили, что ихъ „до 70 тысячъ дворовъ имѣется“ [1]). Большею сравнительно точностiю повидимому отличается „Реестръ, сочиненный въ волостной описныхъ государевыхъ раскольническихъ слободъ конторѣ, по развѣдыванiю чрезъ проѣзжающихъ за границу въ Польскую область имѣющихъ торговой промыселъ оныхъ описныхъ слободъ обывателей, сколько именно въ Польшѣ и за какими владѣльцами живутъ въ подданствѣ оставшiе отъ высылки въ Россiю бѣглые великороссiйскiе люди, и въ какихъ слободахъ, сколько дворовъ осталось“... Реестръ этотъ составленъ вскорѣ послѣ второй Вѣтковской выгонки. Мы приведемъ цѣликомъ данныя этого „Реестра“, такъ какъ они представляютъ изъ себя новый документальный источникъ оффицiальнаго происхожденiя и даютъ указанiе на мѣста зарубежныхъ раскольническихъ поселенiй и число дворовъ въ нихъ. Вотъ эти данныя.

„*Староства Гомельскаго* въ нижеписанныхъ слободахъ: въ слоб. Огороднѣ 10 дв., въ Крупцѣ 11, въ Жгунской Будѣ 15, Дубовомъ логѣ 10, Горковичахъ старыхъ и новыхъ 10, Леонтьевой 6, Спасовой 30, Красной 12, Милчѣ 20, Марьиной 60.

„Во владѣнiи шляхтича *Халецкаго*: въ слоб. Вѣткѣ 20, Тарасовкѣ 60, Косицкой 20, Романовой 30, Путеевкѣ и Сивенкѣ 30.

„Въ повѣтѣ *Рѣчицкомъ* во владѣнiи шляхтича Огинскаго въ нижеписанныхъ четырехъ слободахъ живутъ все бѣглые жъ великороссiйскiе люди, а *ходятъ въ платьѣ подъ видомъ малороссiйскихъ мужиковъ*, какъ подданные польскiе: въ слоб. Горы—40, Осиповкѣ—25, Ракицкой—30, Загорьѣ 30.

„За шляхтичемъ *Свѣтловскимъ* въ слоб. Акшинкѣ 30.

„Во владѣнiи жъ вышеписаннаго шляхтича *Огинскаго*: въ сл. Покотой 43, Будищѣ 30, Фощни 15, Бѣляевкѣ 40, Яцковщинѣ 20, Избонищѣ 20, Салмановкѣ 15.

„Во владѣнiи князя Радивила близъ г. Невля: въ слоб. Городищѣ 6, въ дер. Озеровкѣ 4.

„Въ повѣтѣ Бреславскомъ во владѣнiи шляхтича *Ильзяна*: въ д. Загорьевѣ 13, Молявкахъ 15, Коноваловшинѣ 10, Спускахъ 18, Евтеришкахъ 5, Питкукахъ 13, Черномордовой 5, Горушкѣ 6, Пустошкѣ 7, Глубошкѣ 5, Черневой 3, Кропивкахъ 7, Заскудьѣ 12.

„Во владѣніи оного жъ шляхтича *Ильзяна* въ Лифляндіи: въ д. Вертоловѣ 25, Тестечковѣ 20, въ дер. Окрѣ надъ озеромъ Окрою въ укругѣ 100, въ д. Русколевѣ 8, Сварынцѣ 7, Ковалевой 9, Лушкахъ 6.

„*Бреславскаго* жъ повѣту во владѣніи шляхтича *Платыря*: въ д. Пантелишкахъ 30 дв., Вышкахъ 40, Брентелишкахъ 20, Михайловой 20, Граверѣ 15, Рачинской 10, Кривинишкахъ, Киривцѣ 10.

„*Витебскаго* повѣту во владѣніи шляхтича *Патея*: въ д. Голедчинѣ 4, Подлазинкахъ 2, Сарылевой 4.

„Во владѣніи вышеписаннаго шляхтича *Огинскаго*: въ д. Рыжей 20, Фокиной 2, Даниловой 10, Желудовой 6, Писаревой 8.

„Во владѣніи шляхтича *Минкевича*: въ д. Дудкиной 8, Вороновой 4, Марковой 7, Запрудѣ 10.

„Итого во всѣхъ вышеписанныхъ слободахъ 1202 двора [1]).

Всѣ эти данныя даютъ однако далеко не полное понятіе о численности зарубежныхъ польскихъ раскольниковъ.

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ. № 206. Пограничная кн. кіевскаго воеводства съ 1754 по 1775 г. лл. 246—247. Сверху перваго листа замѣчено: «Копія съ копіи»; а въ концѣ его: «Подлинное подписано такъ: Бурмистръ Алексѣй Хрущовъ. Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ секретарь Василій Чернявскій. Съ подлиннымъ читалъ канцеляристъ Федоръ Анисимовъ»....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые организаторы раскола въ Стародубьѣ и на Ветке.

Первыми духовными организаторами раскола въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ, по свидѣтельству „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ" Ивана Алексѣева, были уже извѣстные намъ попы: московскій попъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, и нѣсколько позже его пришедшій въ Стародубье попъ Стефанъ изъ Бѣлева. Первый, по тому же свидѣтельству, поселился въ извѣстной уже намъ Понуровкѣ, второй—сначала въ Замишевѣ, а потомъ перешелъ въ заселенную его сыномъ Дмитріемъ Степановымъ слободу Митьковку, названную такъ будто бы по его имени. О времени ихъ прихода и поселенія въ Стародубьѣ мы уже говорили и пришли къ тому заключенію, что они не были въ этомъ краѣ первыми поселенцами изъ раскольниковъ, и что могли появиться здѣсь не раньше конца семидесятыхъ годовъ XVII в., т. е. приблизительно спустя 8—10 лѣтъ послѣ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ этомъ краѣ, такъ какъ это послѣднее и по другимъ источникамъ, кромѣ „Исторіи" Алексѣева, пріурочивается непосредственно ко времени послѣ московскаго собора 1666—1667 г. Возможно, стало быть, что и раньше ихъ появленія могли быть здѣсь раскольничьи попы или чернецы, но о нихъ мы не имѣемъ пока никакихъ свѣдѣній. Поэтому и первыми насадителями раскола въ Стародубьѣ, о которыхъ впрочемъ сохранилось очень мало извѣстій, нужно считать двухъ вышеупомянутыхъ поповъ, дѣйствовавшихъ сначала въ Стародубьѣ, а потомъ на Вѣткѣ.

О попѣ Кузьмѣ извѣстно, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ какъ среди мѣстныхъ стародубскихъ и вѣтковскихъ раскольниковъ, такъ и среди вообще всѣхъ при-

верженцевъ древняго русскаго благочестія. О немъ говорили вездѣ, какъ о „святителѣ"; переселеніе его въ отдаленную въ то время окраину Московскаго государства представлялось великимъ подвигомъ и вызывало естественное соображеніе у всѣхъ ревнителей старообрядства, что „не для чего больше, какъ старой вѣры ради онъ такъ далеко странствуетъ", и что „древнее благочестіе удобнѣе содержать при немъ". Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго и въ томъ, что къ нему стали приходить скоро толпы простаго народа отовсюду, гдѣ преслѣдовали за древнее благочестіе и его внѣшнія формы [1]). И это отношеніе массы къ мнимому раскольничьему „святителю" совершенно понятно: Кузьма былъ священникъ стараго крещенія и посвященія, такъ высоко цѣнимыхъ старообрядцами на первыхъ порахъ, открыто говорившій за старую вѣру, самымъ дѣломъ слѣдовавшій ей, желавшій во всемъ сохранить ее, безъ всякихъ Никоновскихъ „новоперемѣнъ". Все это не могло не привлекать массы ревнителей церковной старины къ такому представителю старой вѣры, вышедшему вдобавокъ изъ Москвы, считавшейся до введенія Никоновскихъ новшествъ представительницей истиннаго благочестія и возведенной даже въ народномъ сознаніи на степень третьяго Рима. Интересно, что въ попѣ Кузьмѣ чтили именно священника-москвича, представителя того духовнаго центра православнаго русскаго населенія, которое всегда чтило и уважало церковный авторитетъ и духовную іерархію, которое и на новомъ мѣстѣ поселенія желало во всемъ устроиться относительно внѣшней церковности по московскому обычаю. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи отзывъ о попѣ Кузьмѣ стародубскаго раскольничьяго историка: „Козма іерей бяше сынъ нѣкоего утѣшенія и человѣкъ бяше свободныя мысли, града Москвы, изволи на позываніе народа къ службѣ пріобрѣсти колокола и устави звонъ" [2]).

Далеко не такимъ сыномъ утѣшенія и человѣкомъ свободной мысли представляется тѣмъ же стародубскимъ историкомъ другой духовный пришелецъ—священникъ Стефанъ изъ Бѣлева. „Стефанъ же попъ бяше прикрутъ и твердъ вѣрою, памятуючи рос-

[1]) Журавлевъ. А., протоіерей. Полн. ист. изв. изд. 2. Спб. 1795. Ч. I. Стр. 85.

[2]) Тихонравовъ, Н. С. Лѣтоп. рус. лит. IV. Смѣсь. Ист. о бѣгств. свящ. стр. 58.

сійское себѣ гоненіе, любя подъ нѣкимъ спудомъ жити и въ невѣдомствѣ. Тѣмъ и зѣло сваряшеся въономъ звонѣ на Козму попа, глаголя: мы (рече) не славитися сѣмо забѣгохомъ, но отъ новинъ и гоненій укрытися, и въ тайныхъ сокровищахъ сихъ цѣло и непорочно соблюсти древнее, а онъ гласъ издаетъ, чтобы призвати на ся паки гоненіе". Вопросъ о звонѣ по Алексѣеву есть единственный пунктъ разногласія между Кузьмой и Стефаномъ, на которомъ они расходились и сварились „якоже и Козма иногда съ Даміаномъ о яйцѣ"; въ то же время онъ признаетъ, что это разногласіе не доходило до раздѣленія между ними, и что „обои быша небеснаго званія, а не раздорницы св. церкви". Врядъ ли однакоже справедливо это послѣднее утвержденіе стародубскаго историка, какъ можно догадываться и изъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ замѣчаній, дѣлаемыхъ имъ же самимъ по поводу ихъ взаимныхъ отношеній. Правда, тотъ и другой по Алексѣеву признавали необходимымъ перекрещиваніе для тѣхъ, кто оставлялъ никоніанство и приступалъ къ „старой вѣрѣ"; тотъ и другой учили своихъ духовныхъ дѣтей блюстися новинъ и опасно соблюдать древнія церкви преданія [1])

[1]) По вопросу о перекрещиваніи протоіерей Андрей Іоан. Журавлевъ нѣсколько дополняетъ свидѣтельство Ив. Алексѣева относительно попа Кузьмы. По его словамъ, попъ Кузьма приходящихъ въ расколъ отъ никоніанства принималъ слѣд. образомъ: кто послѣ Никона патріарха родился и крещенъ по новоисправленнымъ книгамъ, тѣхъ вторично крестилъ, а которые старое крещеніе имѣли, т. е. до-никоновское, тѣхъ только мvромъ мазалъ, о которомъ увѣрялъ, что и оно стараго освященія. По его же словамъ, попъ Кузьма *первый* началъ «растлѣвать тайну крещенія повтореніемъ». Ibid. Ч. I, стр. 85. Относительно послѣдняго замѣчанія слѣдуетъ замѣтить, что врядъ ли справедливо попу Кузьмѣ приписывать иниціативу перекрещиванія. Есть старообрядческое извѣстіе о соборѣ въ Москвѣ (1654 г.) по поводу споровъ о крещеніи и перекрещиваніи Никоніанъ, на которомъ между прочимъ участвовалъ Досиѳей, потомъ игуменъ Никольскаго Бесѣднаго монастыря, близъ Тихвина, приблизительно съ 1662 г. по 1667 г. Указаніе на этотъ соборъ въ Житіи инока Корнилія, бѣжавшаго вмѣстѣ съ Досиѳеемъ послѣ 1667 г. на Донъ,—рки. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 141, л. 167 об. Г. Дружининъ въ своемъ изслѣд. «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.» (Спб. 1889 г., стр. 74, примѣч. 35) не безъ основанія предполагаетъ, что изъ Житія Корнилія заимствовалъ свѣдѣнія объ этомъ соборѣ авторъ сказанія «О страданіяхъ и кончинѣ Павла Коломенскаго», но перенесъ мѣсто собора въ Курженскую обитель,

Вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому и другому Алексѣевъ относитъ и то, что они новорукоположенныхъ іереевъ какъ сами не принимали, такъ и заповѣдывали „всѣмъ по нихъ наставшимъ не пріймати таковыхъ“; но въ особенности этотъ послѣдній пунктъ ихъ ученія онъ приписываетъ попу Стефану, который, по его словамъ, и при смерти своей болѣе всего поучалъ своихъ „духовныхъ дѣтей“ о томъ, „да всячески отъ новаго рукоположенія сохранятъ себе, и да изволятъ тако умрети, нежели отъ тѣхъ коего дѣйства пріятниками быти“... Ничего подобнаго этотъ раскольничій стародубскій историкъ не говоритъ въ частности о попѣ Кузьмѣ, кромѣ общаго сдѣланнаго имъ по этому поводу замѣчанія, что такъ учили вмѣстѣ съ Кузьмой и Стефаномъ и другіе раскольничьи іереи,—Іовъ, Досиѳей и Іоасафъ. Передавая

близъ Повѣнца. Это послѣднее обстоятельство дало основаніе преосв. Макарію (Ист. рус. раск., стр. 250, примѣч. 447) опровергать существованіе этого собора указаніемъ на хронологическую невозможность присутствія на соборѣ упоминаемыхъ въ сказаніи лицъ. Послѣднія и не упоминаются въ Житіи Корнилія. Принимая же указаніе Житія инока Корнилія можно полагать, что перекрещиваніе утвердилось въ старообрядческой практикѣ значительно раньше старообрядческой дѣятельности въ Стародубьѣ попа Кузьмы. Уже по выраженію собора 1666 г. противники книжнаго исправленія проповѣдывали, что церкви осквернены скверною антихристовою, а отъ антихриста крещеніе не можетъ быть пріято. О соборѣ противниковъ никоновскаго исправленія въ Москвѣ, а не въ Курженской обители, см. интересную статью проф. Н. И. Ивановскаго въ Правосл. Собесѣд. за 1882 г., въ февр. книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Измышл. старообрядч. соборъ. Разборъ раскол. рукописи». Стр. 167—193. Ср. въ старообрядческомъ рукописномъ сборникѣ Высокопреосв. Макарія, новѣйшаго письма, хранящ. теперь въ библіотекѣ Кіев. Дух. Акад. (Аа, 124), статью: «Требующимъ доказательства отъ кого и съ коихъ временъ пріяша благословеніе простые и нерукоположенные, по паденіи отъ лѣтъ Никона патріарха, новокрещенныхъ покрещевати и на покаяніе пріимати».... лл. 131—138. И здѣсь старообрядческій соборъ о перекрещиваніи Никоніанъ пріурочивается къ Курженской (въ подлинникѣ—Куржерской) обители, а еп. Павелъ Коломенскій является его предсѣдателемъ: «первый предсѣдательствуя свящ. епископъ Павелъ Коломенскій изустнымъ своимъ приказаніемъ и заповѣданіемъ Доснѳею вышепомяновенному игумену, своеручною ему данною грамотою, на соборъ принесенною, въ ней же и анаѳемы на новоявившіися никоніаствы (!) и на ихъ новые не богоугодные догматы положены суть вѣчныя клятвы»...

далѣе разсказъ объ обстоятельствахъ рукоположенія послѣдняго Тверскимъ архіереемъ, неизвѣстнымъ ему по имени, о странствованіяхъ Іоасафа по разнымъ тогдашнимъ старообрядческимъ притонамъ и приходѣ въ раскольничью слободу Вылевъ (въ нынѣшней Могилевской губерніи). Алексѣевъ замѣчаетъ, что сторонники попа Стефана не признавали истиннымъ іерейское рукоположеніе Іоасафа. Именно онъ говоритъ, что послѣдніе „ругательно его поношаху и злословяху", потому что онъ хотя и былъ рукоположенъ Тверскимъ архіереемъ, имѣвшимъ „крещеніе и рукоположеніе староцерковнаго преданія", но уже такимъ, который совершалъ служеніе по новымъ книгамъ [1]). Не такъ повидимому относились къ Іоасафу сторонники и почитатели попа Кузьмы, его духовные дѣти. Если первые считали Іоасафа недостойнымъ пріятія отъ истинныхъ христіанъ, каковыми они мнили себя, то вторые, не смотря на то, что онъ рукоположенъ былъ архіереемъ — отступникомъ отъ старой истинной вѣры, позволили тому же Іоасафу даже совершить обрядъ погребенія надъ своимъ духовнымъ отцомъ, какъ передаетъ самъ Иванъ Алексѣевъ, на основаніи дошедшаго до него сказанія [2]).

---

[1]) Кто былъ Тверской архіерей, рукоположившій Іоасафа по старому Чиновнику, сказать трудно, за недостаткомъ у Алексѣева опредѣленныхъ указаній. Во время патріарховъ Іосифа и Никона тверскими архіепископами были слѣд. лица: 1) Іона, хиротонисованный 24 декабря 1642 г., изъ игуменовъ Московскаго Богоявленскаго монастыря, по 1654 г.; 2) Лаврентій, хиротон. 16 апрѣля 1654 г., а 26-го іюля 1657 г. переведенный въ Казань; 3) Іоасафъ, хиротон. въ августѣ 1657 г., умеръ въ 1676 г. Строевъ, П. М. Списки іерарховъ. Спб. 1877 г. стр. 443.

[2]) Лѣтоп. рус. лит. стр. 60. Подобная двойственность отношеній къ новопоставленнымъ священникамъ замѣчается и у первыхъ главнѣйшихъ расколоучителей, сознававшихъ трудность грознаго для нихъ вопроса объ іерархіи, вслѣдствіе оскудѣнія, а затѣмъ и окончательнаго прекращенія дониконовскаго священства. Въ сочиненіяхъ ихъ находится нѣсколько отрывочныхъ, не вполнѣ опредѣленныхъ и между собою несогласныхъ указаній на то, какъ быть вслѣдствіе оскудѣнія священства. Указанія эти встрѣчаются впрочемъ лишь у двухъ писателей — Аввакума и Ѳеодора. Послѣдній, отличавшійся наибольшею послѣдовательностію, сравнительно съ другими, совершенно отвергалъ значеніе хиротоніи послѣ Никона. Аввакумъ высказываетъ ту основную мысль, что безъ поповъ міру быть нельзя (въ посл. къ неиз-

Вотъ почему мы находимъ возможнымъ утверждать, что попъ Кузьма, этотъ „сынъ нѣкоего утѣшенія и человѣкъ свободныя мысли града Москвы", какъ характеризуетъ его самъ Алексѣевъ, былъ менѣе строгъ и разборчивъ въ пріемѣ новорукоположенныхъ іереевъ, чѣмъ Стефанъ, и принадлежалъ въ этомъ случаѣ къ тѣмъ ревнителямъ церковной старины и староцерковнаго преданія, которые не отвергли бы священниковъ, поставляемыхъ высшею законною церковною властію, если бы ихъ оставили при старопечатныхъ книгахъ и старинныхъ церковныхъ обрядахъ. Это соображеніе отчасти подтверждается и тѣмъ, что съ именемъ попа Стефана православнымъ обличителямъ раскола прошлаго вѣка, напр. Ѳеофилакту Лопатинскому, автору Обличенія неправды раскольнической, былъ извѣстенъ даже особый раскольничій толкъ—*Степановщина*, быть можетъ несовсѣмъ точно и правильно только названный особымъ толкомъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что Иванъ Алексѣевъ, какъ безпоповецъ, написалъ свою „Исторію бѣгствующемъ священствѣ" съ тенденціозною цѣлію—доказать незаконность

вѣстному по Хлудов. сп., см. «Мат. для ист. раск.», т. V, стр. 221 въ примѣч.), и указываетъ двоякій выходъ изъ затруднительнаго положенія. Съ одной стороны онъ усвояетъ право лицу несвященному на совершеніе и преподаніе нѣкоторыхъ таинствъ, и въ этомъ случаѣ идетъ по слѣдамъ перваго бывшаго въ Москвѣ раскольническаго собора, о которомъ разсказывается въ Житіи Корнилія. Этимъ соборомъ было узаконено «никоніанское крещеніе за истинное не вмѣнять» и «если не случится іерея прежняго посвященія, то по нуждѣ дозволить совершеніе обряда крещенія простолюдину» (на основаніи наставленій св. Никифора патріарха, Иринея, бл. Августина и Номоканона). Аввакумъ пошелъ и далѣе въ этомъ направленіи. Онъ усвоялъ даже право простолюдину и на совершеніе покаянія (Кн. всѣмъ горемыкамъ миленькимъ. Мат. V, стр. 233—235, 237) и причащенія «истиннымъ запасомъ», давая при этомъ подробныя, какъ это сдѣлать, наставленія (Жит. Ibid. стр. 39 и посл. горемык. стр. 234). Наставленіе о причащеніи мало устраняло предстоящее затрудненіе, такъ какъ самый запасный агнецъ возможенъ только при существованіи священства. Съ другой стороны, въ сочиненіяхъ Аввакума встрѣчается мысль о возможности прибѣгать къ попамъ новаго рукоположенія, если бы кто изъ таковыхъ полюбилъ старину. «Гдѣ есть пѣніе внутри алтаря и на клиросахъ, писалъ онъ, а попъ новопоставленъ, о семъ посудить. Аще попъ онъ проклинаетъ никоніанскую

ность бѣгствующаго іерейства самой исторіей первыхъ отцовъ этого старообрядческаго іерейства, почему и выставилъ какъ общее положеніе, какъ общій и якобы единодушный завѣтъ первыхъ раскольничьихъ отцовъ въ Стародубьѣ всѣмъ наставшимъ по нимъ то, чтобы они всячески сохраняли и оберегали себя „отъ новаго рукоположенія". Между тѣмъ у мѣстныхъ поповцевъ, по словамъ того же историка, на частое вопрошеніе безпоповцевъ о бѣгствующемъ священствѣ: „почему оно введено и по какой силѣ дѣйствуетъ"? всегда былъ одинъ отвѣтъ: „отцы наши, первѣйшіе іереи, сіе ввели и благословили, и тѣхъ благословеніемъ дѣйствуемъ" [1]). Къ числу этихъ—то „первѣйшихъ іереевъ" и нужно, какъ намъ кажется, прежде всего отнести попа Кузьму, положившаго начало бѣглопоповщинѣ и надолго упрочившаго своимъ авторитетомъ поповщину, съ бѣглыми попами во главѣ, въ стародубскихъ и вѣтковскихъ предѣлахъ.

Какъ бы тамъ ни было, но эти „первѣйшіе іереи", Кузьма и Стефанъ, были начальными духовными вождями поселившихся въ Стародубьѣ раскольниковъ, на первыхъ порахъ весьма еще немногочисленныхъ, и отправляли для нихъ разныя церковныя требы. Естественно, что попъ Кузьма, какъ Понуровскій поселенецъ, завѣдывалъ понуровскими и въ сосѣдствѣ съ Понуровкой жившими раскольниками, а попъ Стефанъ, поселившись на самой въ то время границѣ съ Польшей въ Замишевѣ, исправлялъ церковныя нужды Замишевскихъ и сосѣднихъ съ нимъ Митьковскихъ, Синяго и Бѣлаго Колодязей раскольниковъ. Они же, по словамъ Алексѣева, въ простыхъ избахъ отправляли общественное богослуженіе, кромѣ литургіи, для совершенія которой необходимы церковь, престолъ и антиминсъ, которыхъ у

ересь и службу ихъ, и всею крѣпостію любитъ старину, по нуждѣ настоящаго времени, да будетъ попъ, и къ тѣмъ церквамъ приходити». (См. ст. объ Аввакумѣ въ Брат. слов.» 1875 г., кн. 4, стр. 303; авторъ ея пользовался сборн. Аввакумовыхъ сочиненій А. И. Хлудова, № 237. Ср. Мат. V, подстроч. примѣч., стр. 221). Такимъ образомъ Аввакумъ обращалъ свои взоры и на священниковъ послѣ Никона поставленныхъ. Дьяконъ Ѳеодоръ былъ радикальнѣе Аввакума въ данномъ случаѣ: онъ рѣшительно отвергалъ возможность обращаться къ попамъ новаго посвященія, хотя бы они и по старинѣ служили. Мат. VI, стр. 63—64, 74—75.

[1]) Ibidem, стр. 53.

нихъ не было. Понятно, что какъ частное, такъ и общественное богослуженіе отправлялось ими по неисправленнымъ письменнымъ и старопечатнымъ книгамъ и по тому же уставу, какъ и въ православной церкви, за исключеніемъ второкрещенія, этого старообрядческаго новшества, бывшаго дѣйствительнымъ отступленіемъ отъ староцерковнаго преданія русской православной церкви [1]).

Дѣятельность первыхъ стародубскихъ расколоучителей—поповъ, Кузьмы и Стефана, относится въ одинаковой мѣрѣ какъ къ Стародубью, такъ и къ возвысившейся на счетъ Стародубья Вѣткѣ, столь извѣстной въ исторіи поповщинскаго раскола. О стародубской собственно дѣятельности этихъ расколоучителей, весьма впрочемъ непродолжительной, пока въ нашей исторической литературѣ по расколу не обращается никакихъ иныхъ свѣдѣній, кромѣ сообщаемыхъ Иваномъ Алексѣевымъ, вдобавокъ не весьма опредѣленныхъ и точныхъ. Всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія въ этомъ отношеніи сводятся только къ двумъ фактамъ: къ факту поселенія ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Стародубья и къ факту удаленія ихъ изъ послѣдняго, при миссіонерскомъ преслѣдованіи мѣстныхъ раскольниковъ со стороны стародубскаго полковника Семена Ивановича Самойловича. Сохранившаяся переписка по поводу послѣдняго факта, хотя и далеко не въ полномъ видѣ, съ одной стороны—между польскимъ шляхтичемъ Халецкимъ и стародубскимъ полковникомъ Самойловичемъ, съ другой—между сыномъ-полковникомъ и отцомъ-гетманомъ, по поводу преслѣдованія первымъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, инструкція послѣдняго отправляемому имъ въ Москву старшему войсковому канцеляристу Василью Кочубею по разнымъ пограничнымъ дѣламъ, касающаяся между прочимъ и поселенія раскольниковъ въ Стародубьѣ и сосѣдней Литвѣ, писанная въ началѣ января 1685 года, а также и сохранившійся весьма интересный процессъ изъ конца XVII и начала XVIII в. по дѣлу о наслѣдствѣ раскольника—москвича Никиты Михайлова Шелковникова (онъ же назывался и Чугуевцемъ по мѣсту первоначальнаго своего поселенія) даютъ намъ нѣсколько новыхъ данныхъ какъ о дѣятельности этихъ первыхъ стародубскихъ расколоучителей, такъ

[1]) Русская церковь до п. Филарета не имѣла даже правила о вторичномъ крещеніи католиковъ, переходящихъ въ православную церковь, и только уже послѣ смерти Димитрія Самозванца сталъ практиковаться въ ней обрядъ перекрещиванія.

и вообще о положеніи раскола въ стародубскомъ краѣ за первое время его существованія здѣсь. Къ сожалѣнію, письма Халецкаго и полковника-гетманича къ отцу—гетману о своемъ преслѣдованіи раскольниковъ, а также и гетманская инструкція Василью Кочубею сохранились не въ подлинникахъ и не въ точныхъ копіяхъ съ подлинниковъ, а въ необстоятельныхъ переводахъ съ нихъ московскихъ подъячихъ, какъ видно не вполнѣ понимавшихъ тогдашній письменный малороссійскій языкъ. Лучше сохранился интересный какъ въ юридическомъ, такъ особенно въ бытовомъ отношеніи процессъ о наслѣдствѣ Шелковникова, большею частію въ подлинныхъ актахъ. Первые документы хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ столбцахъ Малороссійскаго Приказа, № 5901, а процессъ Шелковникова въ Московскомъ же Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Наиболѣе важные и характерные изъ этихъ документовъ напечатаны нами въ „Матеріалахъ для начальной исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ". На основаніи новыхъ данныхъ, заключающихся въ указанныхъ документахъ, положеніе раскола въ Стародубьѣ, подъ духовнымъ руководствомъ поповъ Кузьмы и Стефана, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Первый изъ указанныхъ документовъ, письмо къ стародубскому полковнику Самойловичу польскаго шляхтича Казиміра Халецкаго, старосты Мозырскаго и Ливскаго, отъ 9-го августа 1684 г., по поводу обидъ, причиненныхъ въ Стародубьѣ порубежнымъ его подданнымъ, великороссійскимъ людямъ, даетъ намъ нѣкоторыя указанія о тѣхъ пограничныхъ столкновеніяхъ, которыя происходили при первоначальномъ поселеніи раскольниковъ за польскимъ рубежомъ и въ сѣверной Малороссіи между польскими и малороссійскими державцами. Въ письмѣ Халецкаго эти отношенія характеризуются такъ: „По истинѣ скоро какъ вижу не токмо чрезъ листъ, но и чрезъ слугу моего Пузовскаго объявленное вашей милости обѣщаніе обмануло, что подданнымъ моимъ, паче же порубежнымъ, безъ всякой помѣшки, ото всякаго спокойно и безопасно въ тамошнемъ краю жить было, какъ и у насъ люди сѣверскіе и украинскіе бываютъ. А нынѣ инако дѣлается, когда не токмо Москву на слободахъ живущую безъ вины отягчаютъ, но и дѣдичныхъ подданныхъ халчанскихъ непріятельскимъ утѣсняютъ способомъ. Дошло до меня въ обозѣ челобите отъ мѣщанъ халчанскихъ

на нѣкова Брачинскаго, которой, незнаемо по какому домыслу, не токмо сусѣдцкаго не соблюдая покою, но, сверхъ того, постановленные межъ пресвѣтлѣйшими монархами нашими ни во что вмѣняя договоры, дерзнулъ подданныхъ моихъ, по добровольной дорогѣ возвращающихся съ съѣзду стародубскаго празничного, перенимая бить немилосердно и драть и въ тюрьму сажать, что есть ли пристойно, твоему подаю разсужденію"... Въ особой припискѣ къ письму, прося стародубскаго полковника, какъ брата, жить съ ними по-дружески, Халецкій высказывается такъ: „Пусть насъ не рознитъ въ доброй дружбѣ та Москва, которая, знатно ничего зла не учинивъ на Москвѣ, перешла къ намъ; понеже и договоры межъ пресвѣтлѣйшими монархами не запрещаютъ людемъ переходити жить за рубежомъ... О семъ и десятерицею молю, чтобы лошади пограбленныя московскія отданы были; а я, за прибытьемъ моимъ, готовъ прислужитися твоей милости гнѣздомъ собакъ борзыхъ преизрядныхъ". Существеннымъ дополненіемъ и уясненіемъ смысла этого письма служитъ дальнѣйшая переписка о тѣхъ же раскольникахъ между сыномъ-полковникомъ и отцемъ-гетманомъ и инструкція послѣдняго Василію Кочубею.

2-го сентября 1684 г. полковникъ-гетманичъ писалъ отцу-гетману, что онъ по его „явственной волѣ и указу" какъ прежде того, такъ въ особенности въ послѣднее время присматривался къ поселившимся въ его полку „вѣры проклятой капитонской москалямъ", а наконецъ ихъ „и добрѣ притиснулъ, не токмо заключеніемъ, но и знатнымъ наказаніемъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ полковникъ писалъ, что капитоны-москали поселились и въ „пустыни" укоренились „поганымъ своимъ гнѣздомъ" раньше его полковничества, а также и то, что „нѣкоторые" изъ простыхъ малороссіянъ также явились послѣдователями „вѣры капитонской" [1]). Замѣчательно, что стародубскій полковникъ бо-

[1]) *Капитонами* раскольники назывались по имени монаха Капитона Колесникова, насаждавшаго и распространявшаго расколъ «въ предѣлахъ Костромскихъ и Вязниковскихъ». Потомъ это названіе сдѣлалось ругательнымъ и прилагалось ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, образъ дѣйствій которыхъ не нравился и которымъ посильнѣе нужно было выставить свое неудовольствіе. Особенно этотъ ругательный терминъ распространенъ былъ въ средѣ духовенства и употреблялся наравнѣ съ другими «неподобными словами», наприм. наравнѣ съ браннымъ

лѣе выдвигаетъ и выставляетъ на видъ при своемъ преслѣдованіи капитоновъ не религіозный мотивъ, на который, какъ мы уже видѣли выше, указываетъ исключительно Алексѣевъ, а другой болѣе реальный и жизненный, коренившійся въ отношеніяхъ новопоселившихся раскольниковъ къ владѣльцамъ земель, съ согласія которыхъ они здѣсь поселились и крупнымъ представителемъ которыхъ былъ самъ стародубскій полковникъ. Оказывается, что около этого времени поселившіеся въ Стародубьѣ раскольники начали убѣгать въ ляцкую сторону и селиться въ Халетчинѣ возлѣ самой границы, или иными словами—на Вѣткѣ, во владѣніяхъ Халецкаго и другихъ тамошнихъ представителей польской шляхты. Въ виду этого полковникъ, „по примѣтнымъ мѣстамъ, заставамъ своимъ, прилежно приказалъ стеречь, оберегая, дабы ни одинъ человѣкъ отъ тѣхъ проклятыхъ оттуду сюды не былъ пропущенъ, наипаче таковъ, чтобъ пойманъ и задержанъ былъ, для того, что безпрестанно оттуду сюды подъѣзжая будто для исправленія какова нарочнаго дѣла..., нашихъ уже подговариваютъ къ себѣ людей и тайно выводятъ“. Въ инструкціи самаго гетмана старшему канцеляристу Василью Кочубею, отъ 12-го января 1685 г., по

названіемъ «ворами», «еретиками», «жидами», «католиками», «люторами» и т. под. Такими «неподобными словами» и между прочимъ «Капитонами» называлъ съ пьяна Вяземскаго Предтечева монастыря архим. Ѳеодосій не нравившихся ему монаховъ, какъ видно изъ «суднаго дѣла о безчинствахъ и неистовствахъ В. П. М. архим. Ѳеодосія» (1686—1689 гг.). См. Собр. рки. Бѣляева, А. Е. Викторова.— Н. Н. Оглоблинъ: Вязем. архим. Ѳеодосій. Ист. Вѣстн. іюль, 1887 г., стр. 91—121. Подробности о монахѣ Капитонѣ см. въ «Ист. раскола» Макарія, изд. 2, стр. 265—268. Свѣдѣнія о немъ тамъ извлечены изъ III посл. Игнатія, митроп. Тобольскаго, посланія котораго изд. въ Прав. Соб. Казань, 1857 г. См. гл. 15—17, стр. 96—100. Игнатій былъ современникомъ Капитона, и кромѣ того въ 1687 г., будучи еще Новоспасскимъ архимандритомъ, былъ отправленъ п. Іоакимомъ въ Костромскій и Кинешемскій уѣзды, гдѣ дѣйствовалъ Капитонъ, для увѣщанія раскольниковъ, и написалъ «историч. извѣстіе» объ этомъ путешествіи. Евгеній, Слов. ист. о писат. дух. чина. I, 195. Ср. о Капитонѣ ст. протоіерея Діева въ Яросл. Губ. Вѣдом. 1890 г. №№ 11—12. Ст. сообщена А. А. Титовымъ. Извѣстность Капитона повидимому началась еще въ началѣ 50-хъ годовъ XVII в. Въ архивѣ Ипатьевскаго монастыря сохранилась интересная грамота царя Алексѣя Михайло-

вопросу главнымъ образомъ о разграниченіи сѣверной Малороссіи съ Польшей рѣкою Сожемъ и о поселившихся при границѣ русскихъ раскольникахъ, о послѣднихъ говорится: „А что и подданные въ тѣхъ селцахъ обрѣтаются...., по большей части межъ ими таковы, которые съ ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества державы поушли, а еще капитонскою ересью повреждены, откуду и сюды въ городы и села регименту нашего приходятъ они тайно, простыхъ людей общихъ прельщаютъ, которымъ тамошняя шляхта для подданской должности была рада и имѣла ихъ въ своей оборонѣ..., которыхъ капитоновъ въ тѣ прошлыя времена велѣли мы беречь и задерживать".

Изъ этой переписки ясно только то, что раскольники поселились и укоренились въ стародубскихъ предѣлахъ раньше полковничества С. И. Самойловича, что здѣсь у нихъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ ихъ поселенія, наприм. въ Поморьѣ, на Дону, въ Поволжьи и пр., были свои пустыни, служившія вездѣ духовными центрами и могучими средствами распространенія раскола, что расколъ проникалъ и въ среду простыхъ посполитыхъ малороссіянъ, и что наконецъ „по явственной волѣ и указу" самаго гетмана раскольники подверглись со стороны стародубскаго полковника „не токмо заключенію, но и знатному наказанію". Но совершенно не ясно, было ли это гоненіе, о которомъ упоминаетъ и Иванъ Алексѣевъ и о которомъ мы теперь имѣемъ свидѣтельство въ лицѣ самаго виновника его,— производимо по настоянію московскаго правительства, или же оно было личнымъ дѣломъ гетмана и его сына полковника. Какъ листъ сына, такъ и инструкція гетмана-отца канцеляристу Ва-

---

вича архимандриту Ипатьевск. монастыря Герману съ братіею, отъ 31-го октября 1651 г., въ которой сказано, что послана царская «грамота на Кострому къ воеводѣ къ Юрію Аксакову..., велѣно въ Костромскомъ уѣздѣ на рѣкѣ на Шачѣ *взять въ кельяхъ старца Капитона старцевъ и мірскихъ людей робятъ*, которые въ тѣхъ кельяхъ живутъ, а быть имъ до нашего указу у васъ въ Ипацкомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ подъ началомъ... И вы бы взявъ ихъ велѣли держать въ монастырѣ подъ крѣпкимъ началомъ и въ черной работѣ, а съ монастыря ихъ никуда не спущать.... и беречь на крѣпко, чтобы не ушли».... Содерж. ркп., хранящ. въ арх. Ипатьев. монастыря. Члена Костром. арх. ком. И. В. Миловидова. В. I. Кострома. 1887. Стр. 58.

силю Кочубею рѣшительно не даютъ никакого основанія для того или другаго заключенія. Въ особенности гетманская инструкція въ той своей части, въ которой рѣчь идетъ о раскольникахъ, очень кратка и написана съ большою дипломатическою ловкостію и казуистическою изворотливостію; изъ ней видно только то, что число раскольниковъ въ Стародубьѣ было и крайне незначительно, и они явились здѣсь какъ бы случайно, и что случайно сюда явившихся раскольниковъ берегли и задерживали. Эта казуистическая изворотливость гетмана могла прикрывать и личные владѣльческіе интересы и усыплять настойчивость московскаго правительства, энергично боровшагося въ то время съ расколомъ, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла прикрывать и благонамѣренность гетмана по отношенію къ московскому правительству въ данномъ случаѣ. Нельзя повидимому сомнѣваться въ томъ, что Самойловичи, отецъ и сынъ, были сильно заинтересованы въ поселеніи раскольниковъ, подобно той польской шляхтѣ, которая, по словамъ инструкціи гетмана, была рада имъ „для подданнической должности". Этимъ же соображеніемъ отчасти можно объяснить и ту особенную настойчивость, которую обнаружилъ гетманъ предъ московскимъ правительствомъ о присоединеніи посожскихъ селъ и деревень къ стародубскому полку, хотя у него на то были и другія, болѣе резонныя историко-политическія основанія, какъ видно и изъ той же самой инструкціи въ цѣломъ ея составѣ.

Гораздо яснѣе представляется положеніе раскола и его послѣдователей въ Стародубьѣ, въ періодъ времени отъ первоначальнаго ихъ здѣсь поселенія до миссіонерскаго преслѣдованія полковника Самойловича, въ другомъ близкомъ къ тому времени свидѣтельствѣ, именно въ „Распросныхъ рѣчахъ предъ судомъ войсковымъ генеральнымъ о Никитѣ капитонѣ, увезенномъ въ дѣтствѣ изъ Москвы". Эти „Распросныя рѣчи" помѣчены 1-мъ сентября 1700 г. и хранятся теперь въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ числѣ малороссійскихъ подлинныхъ актовъ. Въ качествѣ свидѣтелей къ этому дѣлу привлечены были почти всѣ тогдашніе стародубскіе старожилы, хорошо знакомые съ положеніемъ мѣстныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ бывшій не разъ стародубскимъ полковникомъ, начиная съ 1676 г., Тимоѳей Алексѣевъ, Спиридонъ Яковлевичъ Ширай, тогдашній стародубскій войтъ, занимавшій этотъ урядъ около 30 лѣтъ, съ

1681 г. по 1708 г. Всѣ они, между прочимъ, подтвердили, что „о церковномъ раздорѣ", какъ здѣсь называется расколъ, „повелѣно было", во время полковничества С. И. Самойловича, „испытаные и разсмотрѣніе въ городахъ Малороссійскихъ (учинить), а барзѣй (преимущественно) въ Стародубовѣ, идѣ церковного ради смущенія многыхъ зъ посполитого народа, клеветы ради расколнической, зъ церквей Божіихъ блазнилися".

По этому свидѣтельству расколъ въ Стародубьѣ былъ такъ силенъ, что у многихъ въ это время явилось церковное смущеніе, и именно „клеветы ради расколнической", и что „зъ церквей Божіихъ блазнилися" не только поселившіеся здѣсь раскольники, но и многіе завлеченные ими въ свою „прелесть" изъ посполитаго народа. Проявленіе раскола было такъ очевидно, что оно наконецъ обратило на себя вниманіе правительства, вслѣдствіе чего и повелѣно было произвести испытаніе и разсмотрѣніе о церковномъ раздорѣ и въ малороссійскихъ городахъ, въ особенности въ самомъ полковомъ городѣ Стародубѣ. Характеръ и направленіе этого церковнаго смущенія и блазненія съ церквей Божіихъ объясняется въ данномъ случаѣ только той чертой, что мѣстные церковные безпорядки произошли „клеветы ради расколнической". Это объясненіе, ясное и характеристичное и само по себѣ, можно поставить въ связь съ тѣми церковными безпорядками въ Стародубѣ, которые описываются въ Лѣтописи Самовидца подъ 1677 годомъ. Здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ, что жители Стародуба „духовныхъ нѣ за що не мѣли, хлюбячися (по списку Юзефовича—„хлубячися") оздобою церквей Божіихъ, отказуючи, же намъ не трудно (по др. списку безъ отрицанія—„трудно") о(тъ) поповъ и священниковъ; любо напоминали, не слухали, але отъ таковихъ, которіе ихъ за зброднѣ до покути приводили, з гнѣвомъ отходили и по своихъ воляхъ собѣ духовныхъ шукали, не жалуючи за грѣхи". Сюда же, быть можетъ, слѣдуетъ отнести и случай избіенія народомъ священника стародубскаго Якова Хапчинскаго, вытащеннаго при этомъ народомъ изъ алтаря послѣ службы Божіей. Случай этотъ произошелъ въ томъ же 1677 г., именно 13 августа [1]). Хапчинскій до священства былъ архіерейскимъ конюшимъ; а какъ священникъ онъ имѣлъ отношеніе и къ по-

[1]) Лѣтопись Самовидца, изд. Кіев. врем. Ком. Кіевъ. 1878 г. Стр. 135—137.

селившимся въ Стародубѣ раскольникамъ, какъ намъ уже приходилось выше упоминать, говоря о поселеніи въ с. Демьянкахъ раскольниковъ. Подобнаго рода столкновенія между стародубскимъ духовенствомъ и раскольниками были и послѣ и выражались весьма рѣзко, даже нападеніемъ на церкви и поруганіемъ креста Христова, какъ наприм. во время миссіонерской дѣятельности въ Стародубьѣ извѣстнаго іеромонаха Іосифа Рѣшилова [1]).

Откуда исходило повелѣніе о испытаніи и разсмотрѣніи церковнаго раздора въ малороссійскихъ городахъ, отъ мѣстной ли малороссійской или отъ центральной московской власти, не ясно и въ разсматриваемомъ нами свидѣтельствѣ. Однако въ этомъ послѣднемъ свидѣтельствѣ, взятомъ въ цѣломъ, есть данныя, приближающія къ болѣе или менѣе положительному разрѣшенію поставленнаго нами вопроса. Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ же „Распросныхъ рѣчахъ" прежде всего говорится о появленіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ раскола „отъ ересей начинниковъ, смутившихъ церковь Божію", а также и о *повелѣніи* „пресвѣтлаго царскаго величества, по совѣту строителей Таинъ Божіихъ, пастырей и старецъ, благочестія великаго таинства искусныхъ и правовѣрія рачительныхъ..., о ишпытаніи ересеначальниковъ и подражаючыхъ имъ ихъ соучениковъ". Если мы теперь сопоставимъ это общее указаніе съ сказаннымъ далѣе о малороссійскихъ городахъ, то можемъ повидимому безошибочно утверждать, что повелѣніе о испытаніи и разсмотрѣніи церковнаго раздора и въ послѣднемъ случаѣ исходило отъ того же центральнаго московскаго правительства, а не отъ мѣстнаго малороссійскаго.

Труднѣе опредѣлить время появленія этого царскаго повелѣнія. За недостаткомъ прямыхъ указаній приходится обратиться къ косвеннымъ и довольствоваться пока только приблизительнымъ опредѣленіемъ времени появленія означеннаго повелѣнія. Для хронологической даты по этому вопросу даютъ нѣкоторый матеріалъ и „Распросныя рѣчи" по дѣлу о наслѣдствѣ Шелковникова, а также и „Выпись изъ книгъ мѣскихъ стародубовскихъ права майдебургскаго", отъ 3-го іюня 1714 г., по дѣлу того же Шелковникова о захваченныхъ его пожиткахъ

---

[1]) Полн. соб. пост. и раск. по вѣд. прав. исп. т. IV. Спб. 1876. Стр. 166—167 и др.

Аѳанасіемъ Зѣнченкомъ, войсковымъ товарищемъ полку Стародубскаго. Въ „Распросныхъ рѣчахъ" съ повелѣніемъ о испытаніи и разсмотрѣніи церковнаго раскола въ малороссійскихъ городахъ соединяется бѣгство матери Шелковникова съ дѣтьми „изъ слободы Понуровской", находившейся „въ ключу Стародубовскомъ": „тогда побѣгла она, матка Микиткина, до границъ польскихъ или литовскихъ; осѣли на границѣ въ селѣ Замишевѣ". Въ указанной „Выписи изъ книгъ мѣскихъ" еще точнѣе и опредѣленнѣе объясняется это бѣгство матери Шелковникова съ близкими ей лицами изъ слободы Понуровской: „А при полковничествѣ Семена гетманича переселися изъ села Понурницъ въ село Замѣшево полковничье, и тамъ Акилина, матка Кузмина и Никиткина, по кончинѣ житія своего, погребена.... А когда на капитоновъ было *гоненіе* отъ Семіона гетманича, полковника стародубовскаго, тогда онъ, Павелъ Ѳедоровъ (работникъ и любовникъ Акилины), съ Кузьмою и Никитою ушли на Вѣтку за папа Халецкаго на житье". Здѣсь ясно различаются два гоненія, о которыхъ упоминаетъ и стародубскій безпоповщинскій историкъ Иванъ Алексѣевъ. По словамъ послѣдняго дѣло представляется такъ: когда разгласился указъ царевны Софьи Алексѣевны къ Черниговскому архіерею и стародубскому полковнику, и когда стали „забѣглые народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ" приводить, тогда, „ревнителіе древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшася. Слабѣйшіи же, не хотяще стяжанія и домовъ лишиться, къ новодогматствованію приступиша. Времени убо нѣкоему въ томъ пребывающу, утишися таковая зѣльность гоненія, и бысть тишина; паки собрашася гонимія. Но паки отъ того же Симеона гоненіе наста. Видѣвше же людіе толику бурю гоненія на тѣхъ возстающу, обще вси совѣтъ (съ Козмою и Стефаномъ) положиша отъити въ Польшу. И тако усовѣтовавше, поидоша и поселишася въ области пана Халецкого, при рѣцѣ Вѣткѣ" (стр. 58). Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ видно, что одно гоненіе было по повелѣнію царскому, когда повидимому особенно досталось Понуровкѣ, какъ главному раскольничьему „гнѣзду", по выраженію того времени, въ стародубскихъ предѣлахъ, гдѣ жилъ уважаемый всѣми старообрядцами и чтимый за „святителя" попъ Кузьма, и другое собственно отъ полковника гетманича, по „явственной волѣ и указу" самаго гетмана, когда раскольники, встревожен-

ные первымъ гоненіемъ, стали уходить изъ Стародубья въ Ляцкую сторону. Что въ первомъ случаѣ преслѣдованіе раскольниковъ было и не особенно сильно и не простиралось на все раскольничье населеніе Стародубья, указываетъ и тотъ фактъ, что понуровскіе раскольники въ то же время могли селиться въ полковничьемъ селѣ Замишевѣ. Во второмъ случаѣ преслѣдовался главнымъ образомъ переходъ раскольниковъ въ Халетчину, нарушавшій владѣльческіе интересы малороссійскихъ державцевъ. Первое гоненіе съ вѣроятностію можно относить къ концу 1682 г. или къ самому началу 1683 г., когда и въ Малороссіи, какъ мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ, отозвалось соединенное движеніе московскихъ стрѣльцевъ и раскольниковъ, а второе къ первой половинѣ 1684 г., какъ можно заключать изъ „листа" къ гетману С. И. Самойловича, отъ 2-го сентября 1684 г.

Какъ бы то ни было, фактъ гоненій стародубскихъ раскольниковъ при полковникѣ С. И. Самойловичѣ—фактъ несомнѣнный, какъ несомнѣнно и то, что Понуровка какъ чисто раскольничья слобода, какъ главное гнѣздо раскола на первыхъ порахъ въ Стародубщинѣ, перестала существовать съ того именно времени, когда попы Кузьма и Стефанъ, въ виду гоненій, по общему совѣту съ своими духовными дѣтьми, ушли на житье на Вѣтку къ пану Халецкому, старостѣ Мозырскому и Ливскому. Съ этого времени исторія стародубскихъ раскольниковъ надолго связывается съ исторіей Вѣтки, именно до устройства Покровскаго раскольничьяго монастыря около слободы Климовой въ началѣ царствованія Екатерины II, когда Стародубье снова получаетъ значеніе религіознаго центра поповщинскаго раскола, хотя и не надолго.

Вѣтка въ сущности была раскольничьею колоніею изъ Стародубья и находилась въ ту пору почти непосредственно за русской границей въ польскихъ предѣлахъ. Первоначальное раскольничье поселеніе здѣсь если и образовалось не одновременно съ раскольничьимъ поселеніемъ въ Стародубьѣ, то во всякомъ случаѣ въ ближайшее съ нимъ время и потомъ усилилось во время преслѣдованій новыхъ насельниковъ въ послѣднемъ при полковникѣ—гетманичѣ [1]). Больше же всего число

[1]) Что Вѣтка заселялась раньше 1684 г. показываетъ и письмо Халецкаго къ стародубскому полковнику С. И. Самойловичу, отъ 9-го августа 1684 г. О томъ же свидѣтельствуетъ и дипломати-

новыхъ насельниковъ Вѣтки, какъ и окружающихъ ее другихъ раскольничьихъ слободъ, увеличилось при послѣдующихъ преслѣдованіяхъ раскольниковъ въ Великороссіи, особенно послѣ изданія извѣстныхъ статей 1685 г., по которымъ раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами. Тогда, по словамъ Алексѣева, „мнози (старовѣрцы) оставляюще своя отечества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствованіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ со отступленіемъ. И сицевыми народы пустыя мѣста и звѣропаственная населяхуся, и въ мѣсто древесъ людей умноженіе показася, трава и тернія растущая въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашася населеніемъ человѣкъ, ими же населися Косецкая, Романово, Леонтіево“ [1]).

Собственно Вѣтка есть небольшой островъ, имѣющій въ окружности не болѣе двухъ-трехъ верстъ. Названіе свое она получила по небольшему проливу, отдѣляющему ее отъ рѣки Сожа, составляющему какъ бы вѣтвь послѣдней. Вѣтка была здѣсь, такъ сказать, только ядромъ поселенія раскольниковъ, такъ какъ по ограниченности своего пространства она не могла

ческая переписка о русско-польской границѣ; въ числѣ пограничныхъ мѣстностей упоминается и Вѣтка раньше 1684 г. Доп. къ Акт. Истор. XI, № 6, стр. 16 и д. Изъ показаній по дѣлу о грабежѣ въ Москвѣ пятисотнаго Чубаровскаго полка Родіона Боровкова видно, что великорусскіе раскольники селились подъ Халчей, въ Косицкой волости, въ концѣ 70-хъ годовъ XVII в. Показаніе Өедора Степанова, раскольника слободы Еленки. М. А. М. Ю. Кн. Малорос. Прик. № 83. Во всякомъ случаѣ до 1684 г. слободы Халецкаго и другихъ пограничныхъ польскихъ шляхтичей считались и самими раскольниками «еще не населенными» въ такой мѣрѣ, какими онѣ явились впослѣдствіи, въ самомъ концѣ XVII в. Указаніе на этотъ счетъ находимъ въ «Распрос. рѣчахъ» 1700 г. по дѣлу о наслѣдствѣ Шелковникова. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод., № 9, стр. 71—73. Здѣсь прямо сказано: «По смерти матки Микиткины Пашко Өедоровъ, выхованецъ и пѣстунъ ихъ (Шелковниковыхъ), уйшелъ зъ ними за границу лядскую на слободи теперешнія Халецкаго, тогда еще не населенныя, идѣ Пашко Өедоровъ зъ Кузмою да зъ Микиткою вершыми тамъ слободъ Халецкаго зосгали осадчими, призываючи единовѣрныхъ собѣ въ сожитіе»....

[1]) Алексѣевъ, Ист. о бѣгств. свящ. Ibid. стр. 58.

вмѣстить всѣхъ бѣжавшихъ заграницу отъ преслѣдованій духовнаго и гражданскаго правительствъ. Около ея въ концѣ XVII и самомъ началѣ XVIII в. образовались и другія слободы, на пространствѣ 30—40 верстъ въ окружности, а именно: 1) слобода Косецкая, 2) Дубовый логъ, 3) Папсуевка, 4) слобода Марьина, 5) Миличи, 6) слоб. Красная, 7) Костюновичи, 8) Буда, 9) Крупецъ, 10) Гродня, 11) Нивки, 12) Грабовка, 13) Тарасовка, 14) Спасовка. По словамъ обратившагося изъ раскола въ 1722 г. Ивана Бѣляева позже заселенія указанныхъ слободъ образовалось около Вѣтки еще 9 слѣдующихъ слободъ: „первая слобода Вылевска, имѣетъ дворовъ 85. Вторая слобода Побужъ, записныхъ раскольниковъ, которые въ двойной окладъ въ Москвѣ записались и бѣжали, 65 дворовъ; съ ними обрѣтаются чухонцы, имѣютъ дворовъ съ 30, или больше. Третья слобода Купрѣевка, имѣетъ 35 дворовъ. Четвертая слобода Копрянка, имѣетъ дворовъ 20. Пятая слобода московскихъ жителей, 50 дворовъ. Шестая слобода новгородскихъ жителелей, 25 дворовъ. Седьмая слобода нижегородскихъ жителей, 25 дворовъ. Осьмая слобода донская, 65 дворовъ. Девятая слобода нововыѣзжихъ разныхъ чиновъ людей“ [1]).

Скоро послѣ стародубскихъ гоненій раскольниковъ полковника Самойловича Вѣтка пріобрѣла огромное значеніе въ раскольничьемъ мірѣ и сдѣлалась организованнымъ училищемъ

---

[1]) Журавлевъ: Полн. ист. изв. о раск. III, стр. 18. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV. Спб. 1876. Ст. 238. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались количествомъ дворовъ и жителей и прежнія Вѣтковскія слободы. По словамъ того же Бѣляева въ тѣхъ старыхъ слободахъ вновь было построено «дворовъ съ 300». Ibidem. Стр. 239. Срав. Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. Син. т. I. ст. 1886. Здѣсь замѣчено о новыхъ слободахъ, по словамъ Бѣляева, что онѣ были заселены въ 1720—1721 гг. Врядъ ли справедливо это замѣчаніе. По крайней мѣрѣ Вылевская слобода получила свое начало еще въ XVII в., по словамъ Ив. Алексѣева, именно «въ десятое лѣто по настатіи заграничныхъ слободъ». Во второе лѣто населенія Вылева пришелъ сюда черный попъ Іоасафъ. О времени его прихода см. наше соображеніе ниже. О времени основанія слободы Городни, находящейся въ трехъ миляхъ отъ Гомеля, см. показанія раскольника Василья Никитина Толстопятова, жителя села Попуровки. М. А. М. Ю. Кн. Малор. Прик. № 83. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № II, стр. 98.

поповщинскаго раскола. Устроенныя здѣсь раскольниками церкви и монастыри, кромѣ раскольничьей пропаганды, весьма дѣятельной и повсемѣстной, были и школами грамотности и раскольничьяго вѣроученія. Грамотные вѣтковскіе чернцы и черницы, объѣзжая русскіе города и села подъ видомъ купцовъ и купчихъ или „купецкихъ людей", въ соотвѣственномъ тому мірскомъ уборномъ русскомъ платьѣ, нерѣдко съ ружьями и рогатинами, развозили отъ своей Вѣтковской Покровской церкви „крохи" причащенія, просфоры, благословенные хлѣбы и освященную воду; подъ видомъ нужды тѣже вѣтковскіе чернецы и черницы исповѣдывали и причащали въ городахъ и деревняхъ и „крохи" причащенія оставляли всякому желающему за деньги на смертный случай. Эти вѣтковскіе „крохи" причащенія считались въ прошломъ вѣкѣ такою старообрядческою святынею, что чуть не во всякомъ домѣ поповщинцевъ-раскольниковъ хранились въ складняхъ и тайникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣтковскіе чернецы и черницы читали надъ родильницами очистительныя молитвы, крестили младенцевъ, отпѣвали по ночамъ умершихъ и читали надъ ними разрѣшительныя молитвы, положенныя въ Потребникахъ, собирали пожертвованія на свои монастыри и церкви и пр. Словомъ, Вѣтка, какъ разсадникъ раскола, всюду разсылала по русской землѣ и особенно въ Москву своихъ учителей и учительницъ, проповѣдниковъ, уставщиковъ.... Не въ одномъ низшемъ классѣ крестьянскомъ были раскольники; ихъ много было и между дворянами, купеческими и посадскими людьми; къ нимъ примыкали и многіе подьячіе и другіе чиновные люди. Во всѣхъ этихъ разнородныхъ слояхъ тогдашняго русскаго общества вѣтковцы находили и своихъ сторонниковъ и своихъ благотворителей. Все это какъ увеличивало благосостояніе Вѣтки, такъ усиливало и ея духовное вліяніе на темную массу старообрядствующаго русскаго люда, и, понятно, въ широкой мѣрѣ содѣйствовало распространенію и упроченію раскола вездѣ, куда забирались эти вѣтковскіе раскольничьи пропагандисты. Въ первой половинѣ XVIII в. Вѣтка занимала уже видное положеніе въ раскольничемъ мірѣ поповщины и сдѣлалась главой послѣдней отрасли раскола; къ Вѣткѣ прислушивались и духовно подчинялись поповцы Москвы и Поволожья, Дона и и Яика, какъ и поповщинскія колоніи раскола въ юго-западной и юго-восточной Россіи. На опасность распространенія и усиленія раскола отъ Вѣтки первый указалъ Питиримъ, хорошо

знавшій силу и значеніе Вѣтки, потому что самъ до священства живалъ здѣсь. Еще въ 1715 г., т. е. за 20 лѣтъ до такъ называемой „первой вѣтковской выгонки", онъ предлагалъ раззорить раскольничьи поселенія за польскимъ рубежомъ и въ особенности совѣтовалъ уничтожить устроенную раскольниками церковь на Вѣткѣ [1]). Въ своемъ „Доношеніи о раскольщикахъ", поданномъ императору Петру I въ 1718 г., онъ писалъ: „Въ Польшу на Вѣтку, въ державу пана Халецкаго, множество выѣхало, и еще туды же собираются, понеже тамо у нихъ поставлена самочиніемъ церковь, и отъ нея на всѣхъ согласія Діаконова принимаютъ тайны, и всеконечно надлежитъ тамо ихъ разорить и ложную ихъ церковь не отлагая,—велія будетъ въ томъ польза,—понеже бѣжать будетъ не куды" [2]). И раньше Питиримова „Доношенія" доходили до русскаго правительства свѣдѣнія о религіозномъ значеніи Вѣтки для раскольниковъ—поповщинцевъ и ея пропагандѣ въ самыхъ центральныхъ частяхъ государства. Такъ, нѣкій Иванъ Андреевъ, иконописецъ, по происхожденію бобыльскій сынъ Нижегородской Благовѣщенской слободы, патріаршей вотчины, начавшій свое скитальничество въ 80-хъ XVII в. по разнымъ раскольничьничьимъ скитамъ и пустынямъ, въ 1712 г. въ Преображенскомъ Приказѣ показалъ, что „тому третій годъ въ великій постъ былъ онъ, Иванъ, въ Клушинской пустыни, что за Волокомъ Ламскимъ, и въ то время въ ту пустыню пріѣзжалъ изъ Польши изъ монастыря черной священникъ Іоасафъ.... А тотъ священникъ въ разговорахъ сказывалъ: о нашемъ де монастырѣ благочестивому государю доношеніе есть, что въ нашемъ монас-

[1]) Есиповъ, Г. В. Раскол. дѣла XVIII в. Спб. 1863. Т. II, 220. На опасность отъ Вѣтки и необходимость энергическихъ мѣръ противъ нея указывали потомъ и управители бывшей московской тіунской палаты (потомъ приказъ церковныхъ дѣлъ) священники—Ѳеоктистовъ и Михайловъ, въ 1721 г. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. Т. I. Прилож. CCXCIX.

[2]) Чт. въ общ. ист. и древн. Рос. 1860. IV. Смѣсь. Стр. 283. На раззореніе Вѣтки, находившейся въ чужихъ владѣніяхъ, Петръ I, какъ видно, не рѣшился, хотя во время розысковъ надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и посылалъ па Вѣтку за чѣмъ-то рекомендованнаго ему Питиримомъ Юрьевца Поволжскаго Успенскаго монастыря монаха Авраамія. Чѣмъ кончилась эта посылка—неизвѣстно.

тырѣ живутъ русскіе и поляки, и у того Іоасафа онъ, Иванъ, исповѣдывался и причащался въ той пустынѣ въ кельѣ, и то причастіе тотъ монахъ привозилъ съ собою. А въ тѣхъ де пустыняхъ, гдѣ онъ бывалъ, святыхъ церквей нѣтъ“ [1]).

Первыми духовными организаторами раскола и на Вѣткѣ были уже извѣстные намъ капитонскіе попы Кузьма и Стефанъ, съ общимъ характеромъ дѣятельности которыхъ мы познакомились выше. Въ частности, относительно вѣтковской ихъ дѣятельности, можно отмѣтить только то, что здѣсь они, по дошедшему до Алексѣева сказанію, отдѣлились другъ отъ друга послѣ нѣкоторой совмѣстной жизни и дѣятельности. О вѣроятныхъ мотивахъ этого отдѣленія мы высказались выше, и потому здѣсь остается только констатировать тотъ фактъ, что попъ Кузьма, по населеніи Косецкой слободы, „отлучися отъ Стефана и живяше на Косецкой“; здѣсь онъ закончилъ свои послѣдніе дни и погребенъ своимъ преемникомъ попомъ Іоасафомъ. Въ свою очередь, и попъ Стефанъ, „ревнитель сый велій староцерковныхъ преданій“, удалился съ Вѣтки въ Лоевъ и жилъ потомъ „въ слободѣ Карповкѣ на утишіи, славы человѣческія бѣгая, духомъ горя, присно взыскуяй горняго, и въ той слободѣ жизнь свою сконча“ [2]). Что заставило этого послѣдняго удалиться съ Вѣтки—мы не знаемъ; ни Исторія о бѣгствующемъ священствѣ Алексѣева, ни другіе источники не даютъ никакихъ данныхъ для разъясненія этого обстоятельства. О попѣ Стефанѣ мы знаемъ только то, что онъ жилъ на Вѣткѣ еще въ началѣ 1689 г. и фигурировалъ, въ качествѣ капитонскаго попа, въ процессѣ о наслѣдствѣ Никиты Михайлова Шелковникова предъ судомъ пана Халецкаго, какъ составитель оказавшейся потомъ подложной „духовницы“ отъ имени матери Шелковникова. Въ „Распросныхъ книгахъ“ 1700 г. по этому дѣлу сказано между прочимъ слѣдующее: „Микитка безбожній намовитъ осмого року по смерти матерней безсовѣстную дѣвицу, именемъ Марфу, дочку попа капитонскаго престарѣлаго, же бы ему отъ лица матери его, вмѣсто отца своего написала, яко писати умѣючая, духовницу, по ложному его ученію..., проситъ ей соблюсти это до времени, и проситъ же бы тоею своею духовницею послѣдный помрачила умъ отцу своему, ни

[1]) Есиповъ. Ibidem. т. II, стр. 63.

[2]) Алексѣевъ: Ист. о бѣгств. свящ. Стр. 58—59.

зрѣнія, ни слуха совершенно не маючему, то есть, же бы сказала, що она помнитъ, якъ отецъ писалъ тую матери Микиткиной духовницю"... Марфа, по этимъ показаніямъ, разыграла свою роль блестяще и заставила „удобь преклоняющыйся изнемогшій умъ отца престарѣлаго своего утвердить, сказать во время потребное, що онъ писалъ тую духовницу матцѣ небожчицѣ Микитиной и написавши держалъ до времени въ книзѣ, именуемой Прологъ". Стефанъ Ивановъ, какъ называется онъ въ этомъ дѣлѣ, „ни зрѣнія, ни слуху, ни ума людскаго уже не маючій", показалъ на судѣ предъ паномъ Халецкимъ, 12-го февраля 1689 г., допрошенный „подъ ерействомъ", такъ, какъ заставила его показать дочка [1]). Такимъ представляется этотъ „ревнитель велій староцерковныхъ преданій", по свидѣтельству „Распросныхъ рѣчей" 1700 г., въ противоположность характеристикѣ его, сдѣланной Иваномъ Алексѣевымъ.

Какъ въ Стародубьѣ, такъ и на Вѣткѣ эти первые организаторы раскола положили начало и упрочили своею дѣятельностью и своимъ авторитетомъ расколъ въ формѣ поповщины. Слѣдуетъ замѣтить и то, что въ дѣятельности этихъ первыхъ стародубско-вѣтковскихъ расколоучителей не видно никакого противогосударственнаго направленія; всѣ ихъ стремленія повидимому единственно направлены были къ тому, чтобы отыскать себѣ безопасное убѣжище отъ преслѣдованій духовныхъ и гражданскихъ властей московскихъ. Понятно, что они, какъ ревнители религіозно—церковной старины, хотѣли распространить и перенести эту ревность и на своихъ духовныхъ дѣтей, и потому, если это была пропаганда раскола, то во всякомъ случаѣ она вытекала изъ чисто религіозной потребности прозелитизма, изъ пониманія своихъ пастырскихъ задачъ и обязанностей, заставлявшихъ оберегать своихъ пасомыхъ, съ ихъ точки зрѣнія, отъ сѣтей врага и никоніанъ и отъ всякихъ „новоперемѣнъ" послѣднихъ. Они повидимому вовсе не похожи были на тѣхъ многихъ священниковъ и діаконовъ, которые, по непокорности церковной власти, убѣгали въ поповщинскую секту раскола, потому что тамъ они могли жить „по своей волѣ", не имѣя надъ собой никакихъ благочинныхъ іереевъ, „кои бы имъ отъ епископовъ были предпоставлены, и сами, кто какъ

---

[1]) Мат. для ист. раск.: Распр. рѣчи, № 9, стр. 73—74.

хотѣлъ, такъ и самовластвовалъ“ [2]). Если это были и неразумные ревнители церковной старины, исполненные „всякаго несмысльства и самомнѣнаго мудрованія“, какъ говорили о такихъ ревнителяхъ отцы собора 1666 г., то во всякомъ случаѣ искренніе и глубоко убѣжденные въ правотѣ своего дѣла люди. Лучшая, безпристрастная и снятая какъ бы съ дѣйствительности, характеристика этихъ многочисленныхъ первоначальныхъ дѣятелей раскола изъ церковниковъ и результатовъ ихъ дѣятельности сдѣлана отцами собора 1666 г. „Мнози невѣжды“, говорили послѣдніе, „не точію отъ простыхъ, но и отъ священныхъ и монаховъ, овіи отъ многаго невѣдѣнія божественныхъ писаній и разума растлѣнна, овіи же во образѣ благоговѣнія и житія мнимаго добродѣтельнаго, являющеся быти постни и добродѣтельны, полни же всякаго несмысльства и самомнѣннаго мудрованія, иже мнящеся быти мудри—объюродѣша. Овіи же мнящеся и отъ ревности, и таковые имуще ревность не по разуму: возмутиша бо многихъ души неутвержденныхъ. Ови бо устно, ови же и письменно, глаголюще и пишуще, якоже воспѣша имъ сатана: нарицаху бо книги печатныя новоисправленныя и новопреведенныя при Никонѣ, бывшемъ патріархѣ, быти еретическія и растлѣнныя; и чины церковные, яже исправишася съ греческихъ и древнихъ русскихъ книгъ, злословиша, имены хульными нарицаша ложно; и весь архіерейскій чинъ и санъ уничтожиша и возмутиша народъ буйствомъ своимъ, и глаголаша церковь быти не церковь, архіереи—не архіереи, священники—не священники“ и пр. Такъ постепенно „во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко ересьми многими и антихристовою скверною осквернивъ церкви, и чины, и таинства и послѣдованія церковныя, соблазнишася же и о исправленіи святаго символа, и о трегубой аллилуіи, о знаменіи честнаго и животворящаго креста, о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ и о Іисусовѣ молитвѣ и прочихъ“. Тогда же „мнози христіане отлучишася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія, и пріятія пречистаго тѣла и крове Христовы лишишася; могущіи же по домамъ своимъ начаша держати вдовыхъ священниковъ безъ благословенія и свидѣтельства архіерейскаго, иніи же изъ тѣхъ священниковъ мнози подъ запрещеніемъ и изверженіемъ отъ своего имъ архіерея

[1]) Зеркало для старообрядства 1799 г. Стр. 60.

служаху и по домамъ и угождаху непокорникомъ святыя восточныя церкве, не хотящимъ слушать въ церквахъ пѣнія, идѣже совершается по исправленнымъ печатнымъ книгамъ по обычаю св. восточныя церкве" [1]). Такъ началось бѣглопоповство, первыми представителями котораго въ стародубско-вѣтковскихъ предѣлахъ и были попы Кузьма и Стефанъ, оставившіе добрую по себѣ славу у тамошнихъ слобожанъ. Стародубскій раскольничій историкъ, сравнивая современныхъ ему бѣгствующихъ отъ господствующей церкви іереевъ съ „первѣйшими" слободскими іереями, выражается такъ, что, если „тѣхъ древнихъ іереевъ отъ праха земного Господь Богъ зѣницы ихъ орѣшивъ, ихъ ревности благовѣрія возставилъ бы, и между сихъ іереевъ поставилъ: не аки ли бы злато посредѣ глины возблещали, и аки ангелы посредѣ плотскихъ человѣкъ воспрославили бы ся и видѣли бы сихъ подъ именемъ тѣхъ іерейства показующихся? Въ коликое уже безобразіе и нелѣпотство настоящее іерейство пріиде! Оніи іереи быша ревнители благочестія древняго, сіи чествованія мірского. Оніи утѣшающеся въ дусѣ, сіи же въ брюсѣ. Оніи упованіе свое имуще на Бога, сіи же на злато и откупки своя. Оніи прилежаще бесѣдамъ духовнымъ, сіи бесѣдамъ мірскимъ. Оніи вѣру праву и догматы истинны соблюдаху, сіи же трапезамъ вѣру неприложну имутъ... Оніи іереи истиннiи бяху, сіи же истинныхъ іереевъ токмо имена содержатъ, а достоинствъ правильныхъ далече отстоятъ. Оніи аки пчельныя матки быша, сіи шершни, жалы своими на поготовѣ имуще, да како любо противныхъ себѣ уязвятъ, уранятъ, изгонятъ"... Тотъ же историкъ сравниваетъ въ заключеніе современныхъ ему бѣгствующихъ іереевъ съ тѣми стрѣльцами, которые при Хованскомъ промѣняли старую вѣру на ушатъ пива, простаго и подѣльнаго, и на мѣру меда и вина [2]).

Начало возвышенію Вѣтки, какъ поповщинскаго центра раскола, положилъ третій духовный раскольничій представитель ея, черный попъ *Іоасафъ* называемый совершенно справедливо въ „Лѣтописи Вѣтковской церкви" Якова Степанова Бѣллева „засѣдателемъ Покровскаго монастыря" на Вѣткѣ,

---

[1]) Дополн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 483.

[2]) Алексѣевъ, Ист. о бѣгств. свящ. Ibid Стр. 67—69

т. е. его основателем [1]). По своему происхожденію, онъ былъ тверской монахъ, келейникъ и ученикъ извѣстнаго тихаго и мирнаго сѣятели раскола какъ въ средней Россіи, такъ и на Дону, *Іова Тимоѳеева* († 1680). Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, былъ сыномъ польско-литовскаго шляхтича, и поступилъ въ прислужники къ митрополиту Филарету Никитичу, во время его польскаго плѣна. Взятый потомъ въ Москву, онъ состоялъ при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ келейникомъ, былъ постриженъ потомъ въ монахи, а за тѣмъ за великія иноческія добродѣтели и изрядное послушаніе удостоенъ и посвященія въ священный санъ. Еще при жизни п. Филарета, по склонности, къ уединенной иноческой жизни, онъ, по благословенію патріарха, удалился отъ своего высокаго покровителя и поселился въ Старицкомъ уѣздѣ нынѣшней тверской губерніи, гдѣ потомъ, самъ собой, около строгаго и добродѣтельнаго инока образовался монастырь съ значительнымъ числомъ иночествующей братіи. Этотъ первый основанный имъ монастырь въ 1651 г. получилъ названіе Ракова монастыря. Любовь къ тихой пустынной жизни и обѣтъ „безмолвнаго житія", на который самъ себя обрекъ Іовъ, не могли быть примирены имъ съ сожительствомъ въ обществѣ многихъ иноковъ, желавшихъ его разумомъ „на пути спасенія наставлятися" и „учиться у него преданіямъ иноческой философіи". Пустыннолюбивый Іовъ удалился въ другое болѣе или менѣе безлюдное мѣсто, сравнительно не въ дальнемъ растояніи находящееся отъ перваго; но и здѣсь не могъ удовлетворить своей любви къ пустынножительству и выполнить обѣтъ безмолвія. Слава объ иноческихъ подвигахъ Іова переходила вмѣстѣ съ нимъ и вызывала у многихъ желаніе ему послѣдовать, а потому и на новомъ мѣстѣ его уединенія пришлось вскорѣ устроить монастырь, названный впослѣдствіи Никольскимъ. Онъ находился уже въ тогдашнемъ тверскомъ уѣздѣ. Время гоненій на раскольниковъ, наставшее послѣ собора 1666—1667 г., коснулось и монастыря Іова, который съ любовью къ пустынножительству соединялъ и любовь къ староцерковному преданію и староцерковной обрядности, и не могло не ко-

[1]) Лѣтопись Вѣтк. церкви—ркп. нашей библ. л. 21 об. О Яковѣ Ст. Бѣляевѣ и его литературной производительности см. наше «Опис ркп. Чер. Сем. Бибъл. Спб. 1880. Стр. 162—163.

снуться, въ виду близости его монастыря къ Москвѣ и личной извѣстности самого Іова тверскому архіепископу, въ предѣлахъ епархіи котораго онъ жилъ. Не способный на дѣятельное сопротивленіе и стремившійся прожить остатокъ дней своихъ спокойно, въ „старой вѣрѣ", безъ всякихъ Никоновскихъ новшествъ или „новоперемѣнъ", Іовъ направился на югъ, въ нынѣшнюю Курскую губернію, и близь г. Рыльска основалъ новый Льговскій монастырь. Время основанія этого послѣдняго монастыря относится приблизительно къ 1669 г. [1]). И здѣсь, въ новомъ основанномъ имъ монастырѣ Льговскомъ, третьемъ по счету, Іовъ не нашелъ „утишія" и возможности спокойнаго соблюденія излюбленнаго имъ староцерковнаго преданія: „понеже широко новымъ догматомъ раздающимся и прещенію повсюду належащу, тѣсно бысть сему Іову въ томъ монастыри пребывати, изыде изъ тоя обители, переходя крыяся по мѣстомъ, пріиде къ Дону и поселися тамо при Чирѣ рѣцѣ" [2]). Здѣсь Іовъ также основалъ, съ разрѣшенія донской войсковой старшины, столь извѣстную въ исторіи донского раскола, Чирскую пустынь, въ которой сначала совмѣстно сожительствовали

[1]) Въ 1779 г., при образованіи Курскаго намѣстничества, урочище упраздненнаго Льговскаго монастыря съ находящеюся при немъ слободкою назначено уѣзднымъ городамъ. Спис. насел. мѣстъ по свѣдѣн. 1862 г. Курск. губ. Спб. 1863. XXXVII.

[2]) Алексѣев., Ист. о бѣгст. свящ. Ibid., стр. 55. Въ житіи боярыни Морозовой (Мат. для ист. раск. т. VIII, стр. 174—175) между прочимъ сказано, что Іовъ Льговскій былъ въ Москвѣ во время темничнаго заключенія Морозовой и причащалъ «великую Ѳеодору въ юзахъ и за крѣпкою стражею», явившись къ ней «бѣлецкимъ образомъ». Это было еще до патріаршества Питирима, т. е. до 7-го іюля 1672 г. стр. 176.—На Чиръ рѣку и раньше Іова пробирались раскольничьи попы, напр. какой-то курскій попъ Никифоръ Ивановъ. Изъ отписки князя Григорія Ромадоновскаго къ царю Алексѣю Михайловичу видно, что этотъ попъ выѣхалъ съ Дону, и «какъ де Стенка Разинъ стрѣльцовъ на Волгѣ разбивалъ, и этотъ де попъ былъ съ нимъ Стенкою на стругу и воровалъ и людей побивалъ вмѣстѣ. Изъ показаній самаго попа оказывается, что пошелъ онъ, попъ, для сбору милостыни на церковное строеніе изъ Курска на Донъ въ вышней въ Чиръ городокъ». Этотъ же попъ, полагаютъ, писалъ для Стеньки «обольстительныя письма». Поповъ. Матер. для ист. возмущ. Ст. Раз. 8, 13; Акт. арх. экспед., IV № 179, стр. 231; А. Б. Опис. нѣк. соч. 1, 276. Спб. 1861.

иноки и инокини, дѣвки и ребята, а потомъ раздѣленную на двѣ соотвѣтствующія обители, находящіяся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга. При мужской обители Іовомъ была устроена и церковь, которую ему однакоже не удалось освятить при своей жизни. Это послѣднее переселеніе Іова, относимое В. Г. Дружининымъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ приблизительно къ 1672 г., было и на самомъ дѣлѣ послѣднимъ въ жизни этого любителя пустыннаго уединенія и мирнаго сѣятеля раскола, производившаго своею тихою и пустынною жизнію и дѣятельностію едва ли не болѣе сильное впечатлѣніе и вліяніе на народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на распространеніе раскола, чѣмъ то дѣлали первые кичливые и шумливые московскіе дѣятели раскола—Нероновъ, Аввакумъ, Лазарь, потомъ Никита Пустосвятъ и другіе. Невидно, чтобы Іовъ обращался къ народу съ намѣренною проповѣдію въ смыслѣ староцерковнаго преданія и старался распространять въ немъ свои старообрядческія убѣжденія. Всѣ извѣстія о немъ указываютъ только на то, что это былъ въ строгомъ смыслѣ инокъ—отшельникъ, любитель уединенія изъ любви къ нему, во все не имѣвшій въ виду въ своей дѣятельности какихъ либо внѣшнихъ цѣлей, какъ и всѣ древнерусскіе пустынножители, невольные колонизаторы страны, основатели обителей [1]).

---

[1]) О жизни и дѣятельн. Іова см. у Ив. Алексѣева, Ист. о бѣгст. свящ., стр. 54—55, 59 и 61. Іона Курносый: Ист. о бѣгст. свящ. у Есипова въ Раскол. дѣл. XVIII ст., т. II, въ приложеніи, стр. 184. Кратк. ист. древлеправосл росс. церкви благоч. свящ. Яссы. 1878 г., л. 11. Амвросій, Ист. росс. іерарх. т. V, стр. 31, 665. Макарій, Ист. рус. раск. стр. 292. Строевъ, Сп. іерарх. стр. 477, 674. Соловьевъ, ист. росс., т. XIII, стр. 287. Доп. къ Акт. ист. т. XII, № 17, стр. 130, 235—236 и др. Старообр. синод. въ Сборн. втораго отд. Ак. наукъ, т. XXI, стр. 12, и въ Памятн. древн. письм. за 1883 г. Критич. сопоставленіе всѣхъ данныхъ о Іовѣ см. въ трудѣ В. Г. Дружинина: Расколъ на Дону. въ концѣ XVII в. Спб. 1889 г. стр. 69—71. Заслуживаетъ вниманія въ данномъ случаѣ и показаніе Бѣлевскаго раскольника черица Никодима, показаніе котораго не имѣлъ въ виду г. Дружининъ: «постриженъ де въ пустыни, что на Лговѣ, между Рыльска и Курска, и жилъ въ той пустынѣ лѣтъ съ шесть; а въ той де пустыни служили литургію на седми просфорахъ, а на оныхъ де просфорахъ знаменіе—крестъ съ подножіемъ и адамовою главою; и изъ той де пустыни съ строителемъ іеромонахомъ Іовомъ

Таковъ былъ учитель у Іоасафа, третьяго духовнаго раскольничьяго представителя Вѣтки. Подъ духовнымъ руководствомъ Іова и его „иноческой философіи" Іоасафъ находился до переселенія послѣдняго на Чиръ рѣку, т. е. приблизительно до 1672 г. Протоіерей Журавлевъ въ своемъ „Полномъ историческомъ извѣстіи о раскольникахъ" тенденціозно передаетъ объ Іоасафѣ, что онъ происками и разнаго рода ходатайствами склонилъ своего тверскаго архіепископа посвятить его въ священническій санъ, чего и дѣйствительно добился и былъ посвященъ по старому Чиновнику, потомъ бѣжалъ въ расколъ и долго не могъ найти себѣ раскольничьей паствы, какъ посвященный все таки архіереемъ, измѣнившимъ староцерковному преданію и служившимъ по новымъ книгамъ [1]). Гораздо проще и естественнѣе передаетъ тоже самое извѣстіе Иванъ Алексѣевъ, слова котораго видимо тенденціозно извращаетъ протоіерей Журавлевъ. По Алексѣеву, Іоасафъ съ дѣтства почти находился при старцѣ Іовѣ, какъ „нѣкое дѣтище, которое послѣдній училъ и имѣлъ въ послуженіе свое", а потомъ взялъ его съ собою еще въ то время, когда уходилъ изъ Москвы по благословенію п. Филарета искать уединеннаго иноческаго и пустыннаго житія. Вмѣстѣ съ Іовомъ, по словамъ Алексѣева, Іоасафъ попеременно переходилъ потомъ изъ одного устраиваемаго имъ монастыря въ другой до Льговскаго включительно. Въ послѣднемъ монастырѣ Іоасафъ жилъ съ Іовомъ уже какъ облеченный "иноческимъ одѣяніемъ" и посвященный въ духовный санъ. Самый же фактъ посвященія Іоасафа тверскимъ архіереемъ по старымъ книгамъ Алексѣевъ объясняетъ тѣмъ, что Іовъ, имѣя „веліе дружество" съ послѣднимъ, просилъ его, чтобы онъ посвятилъ Іоасафа „по старымъ книгамъ". И просьба была удовлетворена, такъ какъ „и самъ той архіерей, аще нуждею къ новодогматствованію и привлеченъ, обаче древняя лобызаша". Мало того, по отношенію къ великороссійскимъ архіереямъ вообще, Алексѣевъ дѣлаетъ при этомъ весьма характеристичное

да съ начальнымъ отцемъ монахомъ Нифонтомъ и съ протчими монахи, всего сто тридцать человѣкъ, вышли они, и, пришедъ на Донъ въ лѣсъ, построили церковь во имя Покрова Богородицы, и въ той пустыни служили также на седми просфорахъ». Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. III, стр. 70.

[1]) Полн. историч. изв., ч. I, стр. 99 (по второму изд.).

дополнительное замѣчаніе: „еще не весьма новое въ нихъ бяше укоренено“ [1]). И въ этомъ указаніи Алексѣева нѣтъ ничего невѣроятнаго; въ то время не одинъ тверской архіерей относился сочувственно къ староцерковному преданію среди великороссійскихъ архіереевъ; съ нимъ раздѣляли это сочувствіе и нѣкоторые другіе тогдашніе іерархи, сами еще не твердые въ новыхъ церковныхъ порядкахъ. Извѣстно, что Александръ Вятскій въ 1667 г. на соборѣ самъ приносилъ раскаяніе въ приверженности къ старинѣ (Дополн. къ Акт. ист. т. V, стр. 447). Не даромъ и у старообрядцевъ сложилось преданіе о Макаріѣ Новгородскомъ, Маркеллѣ Вологодскомъ, не говоря уже объ Александрѣ Вятскомъ, какъ о ревнителяхъ древняго благочестія и староцерковнаго преданія [2]).

---

[1]) Алексѣевъ: Ист. о бѣгств. свящ Ibid., стр. 55, 59, 67.

[2]) Виноградъ Россійскій Денисова. Церков. ист. инока Павла, напечат. въ Черновцахъ, стр. 49 и 67. О Макаріѣ и Маркеллѣ, какъ ревнителяхъ церковной старины, нѣтъ твердыхъ историческихъ данныхъ; но нѣтъ и достаточно сильныхъ данныхъ для опроверженія старообрядческаго преданія. Въ пользу послѣдняго могутъ служить слѣдующія оправдывающія его обстоятельства: Макарій Новгородскій замѣтно медлилъ разсылкою по своей епархіи новаго Служебника, напечатаннаго и разосланнаго въ 1656 г. (Мат. для ист. раск. 1878 г., т. III, стр. 4). Маркеллъ Вологодскій въ 1663 г. предъ своею смертію выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ Соловецкой обители. Предсмертная воля его была исполнена: тѣло его перенесено изъ Вологды въ Соловецкій монастырь, торжественно встрѣчено и погребено. Архим. Варѳоломей съ братіею въ донесеніи царю писалъ, что не смотря на 11 недѣль, прошедшихъ со времени смерти, «тѣло Маркелла ни чимъ же рушимо, и лице свѣтло,—духъ же исходитъ отъ тѣла его добровоненъ» (Ист. Опис. Соловец. мон. 1836 г. Ч. I, стр. 140). Соловецкіе монахи, презиравшіе уже въ то время приверженцевъ Никоновыхъ «новопеременъ», едва ли бы встрѣтили прахъ Маркелла съ такимъ почетомъ и отозвались о немъ съ благоговѣніемъ, если бы не знали, что Маркеллъ при жизни былъ болѣе благосклоненъ къ старообрядству, чѣмъ къ никоніанству. Срав. статью рукоп. сборн. Высокопреосв. Макарія, теперь библ. К. Д. Ак. Аа, 24 подъ заглавіемъ: «Требующимъ доказательства, отъ кого и съ коихъ временъ пріаша благословеніе простые и нерукоположенные... новокрещенныхъ вокрещевати»... Здѣсь разсказывается, что еще Павелъ Коломенскій въ Палеостровскомъ заключеніи указывалъ на Макарія Новгородскаго, Маркелла Вологодскаго и Александра Вятскаго какъ на

Въ своей иноческой жизни и дѣятельности Іоасафъ видимо старался подражать своему учителю „иноческой философіи", старцу Іову. Оставленный послѣднимъ при уходѣ на Донъ въ Льговскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ іеродіакономъ Герасимомъ, Іоасафъ однако не могъ долго здѣсь оставаться; потѣсненный „отъ новодогматствованія", онъ покинулъ устроенную Іовомъ Льговскую обитель, перешелъ сначала не подалеку отъ нея „на Амону рѣку въ пасѣку" и, „по инымъ мѣстамъ крыяся", пришелъ наконецъ въ находящуюся въ 20-ти верстахъ отъ Вѣтки въ новоосновванную заграничную раскольничью слободу Вылевскую (Вылевъ) [1]. Это было по Алексѣеву „во второе лѣто населенія" указанной слободы и „десятое по настатіи заграничныхъ слободъ". Здѣсь онъ первоначально поставилъ свою келью при рѣкѣ Ипути въ пяти верстахъ отъ слободы, „и пребываше въ той келіи уединенъ, проходя безмолвное житіе", замѣчаетъ стародубскій безпоповщинскій историкъ. Скоро сосѣдніе слобожане познакомились съ инокомъ—пришельцемъ и разузнали, что онъ „новаго рукоположенія"; это обстоятельство тотчасъ же подало поводъ къ сомнѣнію и относительно чистоты исповѣдуемаго

трехъ свѣтильниковъ великороссійской церкви, хранившихъ «древнее непорочное благочестіе», которые могли послѣ него «возжечь священства свѣтильникъ»... Лл. 132—134. Ср. въ Исторіи Саввы Романова отзывъ о Новгородскомъ м. Корниліи. Извѣстно, что и архіеп. Тобольскій, землякъ Аввакума, Симеонъ, раздѣлялъ отчасти Аввакумовскія убѣжденія относительно Никона и его дѣйствій. Есиповъ: Раск. дѣла XVIII в. т. I, стр. Ш. Въ Ист. Императ. Петра Великаго (Спб. 1773 г., стр. 6) Ѳеофанъ Прокоповичъ объ Аѳанасіѣ Холмогорскомъ замѣчаетъ: «Аѳанасій Холмогорскій искусенъ ихъ хитростей (раскольничьихъ), яко тоеяжде ихъ ереси прежде бывшій подражатель».

[1]) О совмѣстной жизни Герасима съ Іоасафомъ въ Льговской обители послѣ Іова замѣчено у Алексѣева (Ibidem, стр. 59). Этотъ діаконъ въ мартѣ 1686 г. явился изъ Льгова къ освященію церкви въ Чирской пустыни на Дону; его приходъ объясняли потомъ раскольники чудеснымъ образомъ, какъ будто бы онъ приведенъ былъ ангеломъ или ниспосланъ съ неба. Доп. къ Акт. ист. т. XII, № 17, стр. 130, 151. О немъ упоминается и въ «Словѣ о нѣкоемъ мужѣ именемъ Тимоѳеѣ», изданномъ по списку Имп. публ. Библ. (в. XVII, № 37) В. Г. Дружининымъ въ приложеніяхъ къ сочиненію: «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.» Спб. 1889. Стр. 259.

имъ староцерковнаго преданія. Сомнѣніе перешло затѣмъ въ злословіе и издѣвательство надъ пришельцемъ, въ особенности со стороны почитателей и духовныхъ дѣтей болѣе строгаго въ соблюденіи старообрядства попа Стефана, которые даже не хотѣли называть его отцемъ Іоасафомъ а просто звали „Асапомъ". Стараніе Іоасафа убѣдить слобожанъ въ староцерковности своего рукоположенія не имѣло успѣха; слобожане просто гнушались его рукоположеніемъ, какъ совершеннымъ отступникомъ—архіереемъ, хотя и по старымъ книгамъ. Въ такомъ критическомъ положеніи, „видѣвше тако отъ народа себе хулима и презираема", Іоасафъ рѣшился обратиться за совѣтомъ къ прежнимъ своимъ духовнымъ руководителямъ, жившимъ тогда еще въ устроенной старцемъ Іовомъ на Дону Чирской пустынѣ. Въ то время игуменствовалъ тамъ бывшій игуменъ Тихвинскаго Бесѣднаго монастыря Досиѳей, сдѣлавшійся духовнымъ руководителемъ Чирской пустыни около 1685 г. Этотъ Досиѳей былъ однимъ изъ первыхъ и видныхъ дѣятелей въ начальной исторіи раскола, соблазнившійся „новоперемѣнами" Никона еще въ то время, когда послѣдній былъ новгородскимъ митрополитомъ, какъ показываетъ житіе инока Корнилія, написанное Пахоміемъ. Въ качествѣ игумена Никольскаго Бесѣднаго монастыря, находившагося близъ Тихвина, каковымъ онъ сдѣлался съ 1662 г., Досиѳей имѣлъ сношенія съ выдающимися тогдашними московскими расколоучителями и состоялъ въ перепискѣ даже съ извѣстнымъ протопопомъ Аввакумомъ. До собора 1666—1667 г. Досиѳей скрывалъ свою приверженность „къ старой вѣрѣ", не выдвигая слишкомъ рѣзко своего пристрастія къ послѣдователямъ староцерковнаго преданія; съ этого же времени онъ сталъ открыто на сторону послѣднихъ, бѣжалъ сначала на Донъ, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ, а потомъ, возвратившись оттуда, поселился въ Олонецкихъ предѣлахъ, въ Курженской обители старца Евфросина, близъ Повѣнца, бывшей однимъ изъ центровъ раскола на сѣверѣ въ эпоху первоначальнаго его распространенія. Какъ ревностный и убѣжденный противникъ Никоновскихъ „новоперемѣнъ", имѣвшій при томъ священный санъ, Досиѳей былъ скоро избранъ старообрядствующею братіею игуменомъ Курженской обители. По сожженіи послѣдней, по приказанію Питирима, бывшаго еще митрополитомъ Новгородскимъ, стало быть до 7-го іюля 1672 г., когда Питиримъ возведенъ былъ въ пат-

ріаршій санъ, Досиѳей, послѣ долгихъ скитаній по разнымъ старообрядческимъ пустынямъ и скитамъ, снова наконецъ попалъ на Донъ и сдѣлался тамъ игуменомъ устроенной старцемъ Іовомъ Чирской пустыни. Во время своихъ продолжительныхъ скитаній онъ сошелся между прочимъ съ Іовомъ и Іоасафомъ и былъ даже духовнымъ отцомъ послѣдняго. Къ этому-то Досиѳею и обратился въ своемъ затруднительномъ положеніи Іоасафъ за совѣтомъ, спрашивая, что ему дѣлать въ виду „народнаго соблажненія" относительно его священства, т. е. священнодѣйствовать ему или не священнодѣйствовать. И Досиѳей, по разсказу Алексѣева, „не словомъ тое прошеніе разрѣши, но метну жребій, что тѣмъ показано будетъ; и паде жребій на Іоасафа священнодѣйствовать" [1]).

[1]) О Досиѳеѣ см. выше примѣчаніе по поводу старообрядческаго собора въ Москвѣ по вопросу о перекрещиваніи никоніанъ. О его жизни и дѣятельности: Ист. о бѣгств. свящ. Алексѣева. Ibidem, стр. 58, 60—61, а также въ Исторіи Іоны Курносаго, у Есипова въ Раск. дѣлахъ, т. II, прилож., стр. 184. Строевъ, Спис. іерарх., стр. 94. О Бесѣдномъ монастырѣ у Амвросія, Ист. Росс. іер. т. III (М. 1816), стр. 350. О сношеніи Досиѳея съ Аввакумомъ и другими московскими раскольниками (постриженіе Ѳеодосіи Морозовой) Мат. для ист. раск. Н. И. Субботина, т. VIII, стр. 93—94, 97—98, 155. О пребываніи его въ Курженской обители и его странствованіяхъ: Журавлевъ, Ист. изв. о раск. ч. I, стр. 71—72. Филиповъ: Ист. Выгов. старообр. пуст. Спб. 1862, стр. 79—80, 82—83, 86 и 129. Есиповъ: Раск. дѣла т. 1. стр. 270—271, 273. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I, ст. 179, 584, пр. 2. Въ упомянутомъ выше рукоп. сборникѣ Высокопреосв. Макарія о Досиѳеѣ сказано: «мужъ святъ житіемъ, словомъ и дѣломъ, велій въ добродѣтелѣхъ, просіавый яко солнце въ Новгородскихъ предѣлѣхъ, игуменъ Досиѳей, бывый Никольскаго Бесѣдовскаго монастыря, разстояніемъ отъ Тихвина три поприща имѣюще. Сей мужъ такожде, ради новыхъ догматовъ и надлежаща ради гоненія и принужденія, остави свой монастырь, укрываяся по разнымъ мѣстамъ, яже часто прибѣгая къ пустыни нѣкоей Куржерской..., въ ней же и св. церкви бяху. Въ нихъ же св. отецъ Досиѳей собирался со многими великими отцы и съ постники и со знаменосцы, понеже бо тамо отъ многихъ странъ собравшеся..., и тамо службу Богу за весь міръ выну приношаху. Приходящіе же которые отъ великороссійскія церкве люди... покрещевати судиша тѣхъ всѣхъ по соборному уложенію и по благословенію свящ. епископъ и игуменовъ... за древнецерковное благочестіе стоявшихъ мужественно: свящ. еп. Павла

Время пребыванія Іоасафа въ Чирской пустыни у Досиѳея можно приблизительно отнести къ 1686—1687 гг., такъ какъ въ началѣ 1688 г., когда московское правительство болѣе энергично взялось за искорененіе раскола на Дону и его представителей, чирскіе иноки „положили на томъ, чтобы имъ въ тое пустыни не жить и по новоисправленнымъ книгамъ не служить", стали собираться въ путь и въ самый Ильинъ день ушли на Куму, гдѣ и поселились „на три части": въ одномъ мѣстѣ старцы, въ другомъ бѣльцы, а въ третьемъ старицы съ бѣлицами [1]). Не вдругъ однакоже и послѣ того, какъ Досиѳей разрѣшилъ недоумѣнное сомнѣніе Іоасафа, послѣдній снова появился въ Вылевской слободѣ, очевидно сильно озадаченный первымъ пріемомъ. Нѣкоторое время онъ жилъ опять въ рыльскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Амони „при деревенькахъ", потомъ въ пограничномъ городѣ Трубчевскѣ, далѣе у какого-то полковника на пасѣкѣ въ малороссійскомъ городѣ Сумахъ, наконецъ въ Обояншинѣ въ Шигальской Будѣ, и только послѣ того появился въ Вылевѣ, поселившись уединенно въ семи верстахъ отъ сло-

Коломенскаго, свящ. Макарія, м. Новгородскаго, и свящ. Маркелла, архіеп. Вологодскаго, и свящ. еп. Александра Вяцкаго, и свящ. архим. Иліи Соловецкого, и сего игумена Досиѳея»... Л. 134. Объ устройствѣ Досиѳеемъ *Милеевой пустыни* въ Карачевскихъ лѣсахъ и его пропагандѣ: Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. III, ст. 70. Тоже, т. I, ст. 73. О Чирскомъ его игуменствѣ въ показаніяхъ разныхъ лицъ по дѣлу о донскихъ раскольникахъ въ Доп. къ Акт. ист. т. XII, № 17. Критическое сопоставленіе данныхъ о Досиѳеѣ, хотя и далеко неполное, въ соч. В. Г. Дружинина, стр. 73—79 и др. Объ отношеніяхъ Іоасафа къ Досиѳею см. у Журавлева въ Полн. ист. изв. о раск. изд. 2, ч. I, стр. 99—100. Интересно и показаніе новгородскаго крестьянина Семена Яковлева, разсказывавшаго въ 1725 г. въ канцеляріи св. Синода исторію своего пребыванія въ расколѣ. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что въ 1702 г. «обрѣлъ онъ мужика, въ новгородскихъ предѣлахъ, въ лѣсу живуща, близь р. Волхова, 40 лѣтъ, а сказывалъ онъ о себѣ народомъ, будто ему повелѣлъ де *игуменъ Досиѳей Керженскій* крестить и исповѣдывать и будто ему далъ запаса таинства, имъ же онъ народъ причащалъ. И азъ къ нему прилѣпихся и уразумѣхъ, ажно онъ пекъ просвиры простыя и тѣмъ причащалъ». П. с. п. и расп. по вѣд. прав. ист. т. V, № 1604, ст. 134.

[1]) Показаніе старца Наѳанаила. Дополн. къ Акт. ист. т. XII, № 17, стр. 236.

боды. На этотъ разъ обстоятельства благопріятно измѣнились въ пользу Іоасафа; потому что „во времени семъ не малая бяше Былевскимъ (Вылевскимъ) въ священнодѣйствѣ нужда". Нужда эта была на столько существенна, что теперь сами слобожане стали обращаться къ нему за своими церковными потребностями и просили переселиться къ нимъ поближе; мало того, по общему совѣту и съ согласія Іоасафа, они устроили ему келью при самой слободѣ. Скоро между тѣмъ и Вѣтка опустѣла отъ іерейства; въ это время, по сказанію Алексѣева, умеръ попъ Кузьма, жившій около Вѣтки въ Косецкой слободѣ. Вѣтковцы, оставшись безъ священника, особенно сильно почувствовали это отсутствіе у нихъ іерейства, по исконной любви русскаго человѣка къ церковности, при наступленіи свѣтлаго праздника пасхи: „отъ неимѣнія іерея, не малое вѣтковскому народу наступаше сѣтованіе". За неимѣніемъ другихъ поповъ, и вѣтковцы принуждены были обратиться съ просьбой, въ лицѣ своихъ „лучшихъ людей", къ тому же прежде презираемому ими Іоасафу, чтобы онъ прибылъ къ нимъ и совершилъ торжественное пасхальное богослуженіе. Іоасафъ согласился, а потомъ, по общей просьбѣ вѣтковскихъ слобожанъ, и окончательно къ нимъ переселился, хорошо понимая, что съ этимъ переселеніемъ связано дальнѣйшее его возвышеніе въ старообрядческомъ мірѣ. Прежнее сомнѣніе вѣтковцевъ относительно его рукоположенія, ради священнодѣйственной „нужды въ немъ", было забыто; забылъ и Іоасафъ ихъ прежнее издѣвательство, хуленіе и порицаніе и согласился быть пастыремъ „овецъ непризорно ходящихъ" и „смятенныхъ душами". На Вѣткѣ онъ поселился тамъ, гдѣ жилъ прежде попъ Стефанъ и гдѣ потомъ имъ самимъ были устроены монастырь и церковь. Время его переселенія на Вѣтку, по смыслу данныхъ, сообщаемыхъ Алексѣевымъ, можно приблизительно отнести къ 1689—1690 гг. (Ibidem, стр. 60—61).

Сдѣлавшись преемникомъ Кузьмы и Стефана, этихъ духовныхъ „первоначинниковъ" стародубско-вѣтковского раскола и духовнымъ руководителемъ этой великорусской раскольничьей колоніи на краю Бѣлоруссіи и Малороссіи, Іоасафъ, по примѣру своего учителя „иноческой философіи", старца Іова, устроившаго на Дону въ основанной имъ Чирской пустыни церковь, началъ располагать и „свое словесное стадо" на трудъ созиданія на Вѣткѣ церкви. Призывъ Іоасафа не остался безъ

послѣдствій; онъ легко склонилъ вѣтковцевъ къ устроенію церкви тѣмъ, что съ умноженіемъ населенія на Вѣткѣ и въ сосѣднихъ слободахъ быстро истощались запасные дары, принесенные прежними священниками, а также вѣроятно и самимъ Іоасафомъ отъ Досиѳея изъ Чирской пустыни [1]).

Эта „нужда святаго причащенія" видимо ясно сознавалась мѣстными слобожанами, и была весьма убѣдительнымъ мотивомъ для нихъ къ устройству на Вѣткѣ церкви: они усердно и радостно откликнулись на призывъ Іоасафа, рѣшились всей общиной построить церковь и „кійждо древо на строеніе тоя представляше". Дѣло было сдѣлано: церковь была устроена по иниціативѣ Іоасафа; но ему, какъ и Іову, не удалось при своей жизни освятить ее; онъ умеръ въ 1695 г., достигши глубокой старости, пробывъ на Вѣткѣ не болѣе пяти-шести лѣтъ. Тихому и благоувѣтному Іоасафу, какъ характеризуетъ его стародубскій старообрядческій историкъ, удалось, какъ видно, собрать около себя и иночествующую братію, иноковъ и старицъ. Одинъ ихъ первыхъ фигурировалъ потомъ въ дѣлѣ приглашенія на Вѣтку Ѳеодосія, преемника Іоасафа, какъ „искусный инокъ", котораго Алексѣевъ называетъ Нифонтомъ. По сообщенію того же Алексѣева къ Іоасафу на Вѣтку привезенъ былъ и антиминсъ нѣкоей „Меланіей, старицей Бѣлевской" [2]). Устройствомъ церкви и

---

[1]) Досиѳеевскими запасными дарами пользовались еще въ началѣ XVIII в. будто бы многіе старообрядческіе скиты и пустыни, какъ и отдѣльныя лица. Пойманный въ 1720 г. въ Можайскихъ лѣсахъ старецъ Урванъ, ученикъ Досиѳея, относительно найденныхъ у него даровъ, какъ и другіе съ нимъ пойманные раскольники показывали, что «таинство» они имѣютъ отъ игумена Досиѳея; а въ особой запискѣ, взятой при этомъ у одного раскольника, сказано, что «того таинства еще будетъ на пять тысячъ лѣтъ ста тысячамъ человѣкамъ безъ нужды». Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. 1. Спб. 1868 г. Ст. 179—180.

[2]) Ист. о бѣгств. свящ. Ibid. стр. 62—63. О Меланіи, старицѣ Бѣлевской, говорится въ Житіи боярыни Морозовой и пр. Мат. для ист. раск. Н. И. Субботина, т. VIII, стр. 147—148, 151 и др. Она стояла во главѣ старицъ, жившихъ у Морозовой, и пользовалась большою извѣстностью у тогдашнихъ раскольниковъ. Объ обстоятельствахъ появленія этой старицы-инокини у Морозовой и ея вліяніи на послѣднюю въ житіи говорится: «послѣди же отъ страдальца отца Трифилія увѣдѣ о нѣкоей инокинѣ благоговѣйной, именемъ Меланіи, и

собраніемъ иноковъ и старицъ Іоасафъ положилъ начало дальнѣйшему возвышенію Вѣтки и ея вліянію среди великороссійскихъ старообрядцевъ.

Іоасафа можно назвать и первымъ единовѣрцемъ въ средѣ раскола. Онъ былъ дѣйствительно первымъ изъ раскольниковъ рукоположенцемъ отъ архіерея православной церкви съ соблюденіемъ старыхъ обрядовъ, если вѣрить сказанію о посвященіи его тверскимъ архіереемъ по старому Чиновнику, какъ о томъ сообщается Алексѣевымъ.

При преемникѣ Іоасафа, Θеодосіѣ, по фамиліи Ворыпинѣ, Вѣтка достигла наибольшаго возвышенія и процвѣтанія и сдѣлалась настоящимъ духовнымъ центромъ всего поповщинскаго раскола[1]). Θеодосій пользовался великимъ уваженіемъ и авторитетомъ во всей почти тогдашней поповщинѣ, и этимъ расширеніемъ своего вліянія и управляемаго имъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря обязанъ какъ личному своему характеру и умѣнью пользоваться обстоятельствами, такъ и самымъ обстоятельствамъ своей жизни, связавшимъ его почти со всѣми современными ему и бо-

---

призвавши и слышавъ словеса ея, возлюби зѣло и изволи ю въ матерь себѣ избрати. И смирившися Христа ради, отдадеся ей подъ началъ, и до конца отсѣче свою волю. И сице пребысть до конца опасная послушница, яко и до дне смерти своея ни въ чемъ повелѣнія ея не ослушалася». Во время заключенія Морозовой въ земляной тюрьмѣ Боровска Меланія жила уже «въ пустыни». Ibid. стр. 202. Въ томъ же Житіи и другія старицы называются «Бѣлевками» и описываются самыми фанатичными приверженицами раскола. Анна Михайловна Ртищева обращается въ Житіи къ болрынѣ Морозовой съ такими словами: «о, сестрица голубушка! Съѣли тебя старицы *бѣлевки*». И. Е. Забѣлинъ (Бытъ рус. царицъ, стр. 122, примѣч.), объясняя это мѣсто Житія Морозовой, говоритъ, что «Бѣлевками названы старицы изъ Бѣлева, а можетъ быть старицы бѣлицы», ходившія въ бѣлецкомъ, мірскомъ платьѣ. Въ Боровскомъ изданіи того же Житія это мѣсто читается уже такъ: «старицы бѣглевки». См. интересныя замѣчанія объ этомъ послѣднемъ изданіи въ Брат. Словѣ 1886 г., т. 1, стр. 231—235.

[2]) *Ворыпинымъ* Θеодосій называется въ одной изъ раскольничьихъ рукописей Хлудовской библіотеки, № 341, подъ заглавіемъ: «Опроверженія діаконовщины—(рки. въ 8-ку), л. 118. Здѣсь сказано именно: «А нижегородскіе отцы соборнѣ о прѣніи Тимоѳея Лысенина и учениковъ ево..., егда у нихъ прѣніе было *со старцемъ Θеодосіемъ Ворыпинымъ*, а именно въ лѣто ҂зсиз, іюня въ д день».

лѣе или менѣе значительными и выдающимися дѣятелями и колоніями поповщины.

О происхожденіи Ѳеодосія Ворыпина и обстоятельствахъ его первоначальной жизни и дѣятельности, до выступленія на поприще расколоучителя, мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Со словъ Ивана Алексѣева извѣстно только то, что онъ былъ „крещенія и поставленія древняго" и рукоположенъ во священническій санъ еще Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ, „въ градъ Рыльскій, въ церковь Василія Неокессарійскаго, Никольскаго монастыря." Фактъ посвященія Ѳеодосія патріархомъ не только возможенъ, но и совершенно естественъ, такъ какъ Рыльская десятина съ городомъ Рыльскомъ и уѣздомъ входила въ составъ патріаршей области по управленію даже и въ то время, когда открыта была 17-го мая 1667 г. въ этомъ краѣ новая епархія Бѣлгородская [1]). О дальнѣйшей судьбѣ Ѳеодосія тотъ же Иванъ Алексѣевъ передаетъ, что онъ, „утѣсненъ бывъ тамо новодогматныхъ введеніемъ, отшедъ оттуду, пріиде на Донецъ рѣку, и живяше тамо въ пустыни." При какихъ обстоятельствахъ произошло это утѣсненіе, заставившее Ѳеодосія удалиться на Донецъ, ни Алексѣевъ, ни другіе источники не даютъ никакихъ положительнымъ указаній; о нихъ можно только догадываться. Неизвѣстно съ точностію и то, когда бѣжалъ Ѳеодосій изъ Рыльскаго монастыря на Донецъ; но въ 1684 г. онъ уже былъ тамъ и дѣйствовалъ какъ расколоучитель, на что есть и документальныя указанія. Въ виду этого, бѣгство Ѳеодосія на Донецъ, не безъ основанія, можно поставить въ

---

[1]) Истор. о бѣгств. свящ. Ibidem, стр. 61.—О Рыльской десятинѣ, количествѣ церквей и часовень въ ней, во время п. Никона, см. въ Приход. книгахъ патріарш. каз. прик., хранящ. въ Моск. главн. арх. Мин. Юст., №№ 33, 35, 37, 39, 40 и 42, за 7161—166 гг. —Проф. Н. И. Ивановскій (Руков. по ист. и облич. старообр. раск.) полагаетъ, что Ѳеодосій былъ рукоположенъ патр. Іоасафомъ I, предшественникомъ Іосифа (стр. 89), и повидимому безъ всякаго основанія. Въ позднѣйшей лѣтоп. Вѣтков. церкви Я. С. Бѣляева, какъ и у Алексѣева, говорится, что «священноинокъ схимникъ Ѳеодосій поставленъ былъ собственною рукою Іосифа патріарха». Л. 21 об.—Николаевскій Рыльскій монастырь, подъ городомъ Рыльскомъ, близъ устья рѣчки Рыла, впадающей въ Сеймъ. Въ археологическомъ отношеніи замѣчательно въ рощѣ и въ лѣсу его древнее кладбище. См. Курск. губ. Списокъ населен. мѣстъ по свѣд. 1862 г. Спб. 1868. XI.

связь какъ съ мѣрами противъ раскольниковъ Московскаго собора 1681 г., такъ и принятыми противъ нихъ же мѣрами 1682 г., послѣ раскольничьяго бунта Никиты Пустосвята, какъ извѣстно, усилившими бѣгство раскольниковъ на окраины государства и даже за его границы. Дѣло въ томъ, что въ это именно время въ первые былъ принятъ принципъ отыскиванія раскольниковъ, и это отыскиваніе вмѣнялось въ обязанность свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, причемъ дѣятельность первыхъ властей относительно сыска и преслѣдованія церковныхъ мятежниковъ ставилась подъ непосредственный надзоръ послѣднихъ. Въ свою очередь и епархіальнымъ властямъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность употреблять и съ своей стороны мѣры воздѣйствія для искорененія раскола, вразумлять и увѣщевать ревнителей старины при своихъ приказахъ, или же разсылать ихъ для этой цѣли по монастырямъ. Въ то время, какъ извѣстно, противъ упорствовавшихъ въ своихъ заблужденіяхъ были приняты самыя энергическія мѣры; ихъ повелѣвалось—пытать на крѣпко, бить на козлѣ кнутомъ и даже казнить смертію—жечь. Словомъ, въ то время дѣло шло о томъ, чтобы раскольниковъ—„воровъ" и имъ пристанища нигдѣ не было, какъ показываетъ грамота царя Ѳеодора Алексѣевича, отъ 20-го Апрѣля 1681 г., орловскому воеводѣ (нынѣшней Воронежской губерніи) С. И. Павловскому, приведенная нами выше (гл. 1.) Это то усиленіе преслѣдованій раскольниковъ въ указанное время и было, надо полагать, вѣроятною причиною побѣга на Донецъ Ѳеодосія, не хотѣвшаго подчиниться увѣщанію „къ новодогматствованію"; это-то увѣщаніе и преслѣдованіе раскольниковъ по всей вѣроятности Алексѣевъ и называетъ „утѣсненіемъ" и „новодогматныхъ введеніемъ", тѣмъ болѣе, что и въ Рыльскѣ дѣло повидимому далеко не ограничивалось однимъ только увѣщаніемъ. Старообрядческій „Синодикъ", „Помянникъ" или просто „Помпнанье", какъ обыкновенно называется этотъ памятникъ въ старообрядческихъ рукописяхъ, изданный А. Н. Пыпинымъ и потомъ Обществомъ Древней Письменности, отмѣчаетъ въ статьѣ первой, посвященной „за благочестіе пострадавшимъ", нѣкоего „Ѳеодора, сожженнаго въ Рыльскѣ" [1]).

---

[1]) Сборн. отдѣл. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XXI, стр. 8. Памят. древ. письм. за 1883 г. Въ раскол. Помянникѣ Высокопреосвящ. Макарія, теперь библ. К.

В. Г. Дружининъ въ своемъ изслѣдованіи—„Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.“ (Спб. 1889 г. стр. 81)—относитъ приблизительно время прихода Θеодосія Ворыпина на Донецъ къ 1684 г. Это приблизителное опредѣленіе времени прихода его на Донецъ косвенно подтверждается показаніемъ атамана Айдарской станицы, Якима Кузовченка, по дѣлу о стрѣльцѣ Кузькѣ Войлоковѣ, даннымъ 10-го Мая 1688 г. въ Посольскомъ Приказѣ, что пришолъ тотъ Кузька въ Айдаръ послѣ старца Θеодосія тому третій годъ“ [1]). О пребываніи и раскольничьей пропагандѣ Θеодосія въ Донецкихъ краяхъ имѣются слѣдующія показанія. Подъячій Петръ Ахматовъ, посланный на Донъ съ царскою грамотою, по возвращеніи оттуда 24-го февраля 1686 г. въ Посольскомъ Приказѣ разсказывалъ въ распросѣ: „какъ ѣхалъ онъ на Донъ, и въ Донецкомъ Боровскомъ городкѣ извѣщалъ станичному атаману Якову Черному и въ сей его станицѣ и ему, Петру, черный попъ Памва, который живетъ близко того городка Боровскаго, что-де на рѣкѣ Жеребцѣ, отъ Маяковъ въ 20-ти верстахъ, черный пришлый попъ Θеодосей со учениками своими въ службѣ своей, на эктеніяхъ и въ молитвахъ, за великихъ государей и за св. патріарха Бога не молятъ и говорятъ непристойныя слова, и многихъ старыхъ козаковъ перекрещиваетъ, и учитъ своимъ ученьемъ, противно соборной апостольской церкви [2]). По этому показанію, черный попъ Θеодосій жилъ на устьѣ рѣки Жеребца съ своими учениками, за царей и патріарха Бога не молилъ и перекрещивалъ здѣсь окрещенныхъ.

По другимъ показаніямъ, Θеодосій устроилъ потомъ пустынь на устьѣ рѣки Айдара, въ 4-хъ верстахъ отъ Айдарской станицы, гдѣ у него была и своя часовня. Упомянутый Айдарскій атаманъ въ Посольскомъ Приказѣ разсказывалъ, что онъ въ Айдарѣ „къ Θеодосію хаживалъ, и какъ-де книгу Библію онъ толковалъ слушивалъ, только де себѣ того ничего не внялъ, для того, что онъ неграмотный;“ что онъ, Якимко, съ женою

Д. Ак. (Аа, 151), XVIII—XIX в., на стр. 106 замѣчено: „Θеѡдота со҃ж к рыл...“

[1]) Дополн. къ Ак. ист. т. XII, № 17, стр. 208.

[2]) Донск. дѣла въ арх. Мин. ин. дѣлъ, св. XV, 1684 г., № 6, л.л. 6—7. Мат. для нач. ист. раск. на В. и въ Starод. Докум. и письма. № 1, стр. 34, 37.

своею и „съ дѣтьми принялъ крещеніе отъ чернаго попа Ѳеодосія" и „отъ него старца слыхалъ въ рѣчахъ, что онъ служитъ по старымъ книгамъ и стоитъ за вѣру старую-жъ; да и то отъ стороннихъ людей слыхалъ же, что тотъ старецъ Ѳеодосій приказывалъ попамъ, чтобы служили по старому Служебнику и на большомъ выходѣ за великихъ государей Бога не молили и св. патріарха не поминали." По его же показанію Ѳеодосій находился въ оживленныхъ письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ съ вліятельными казаками въ Черкаскѣ, сторонниками противомосковской раскольничьей партіи на Дону, Самойломъ Лаврентьевымъ, Кирѣемъ Чурносовымъ и Пашкой Чекуновымъ и др., присылавшими ему часто „грамотки" и приказывавшими Айдарцамъ, чтобы „казаки его, старца, слушали и вельми почитали..., для того, что де онъ старецъ добрый и учительный человѣкъ". У нѣкоторыхъ изъ этихъ вліятельныхъ казаковъ Ѳеодосій былъ и „духовнымъ отцомъ", по свидѣтельству попа Ермолая, показывавшаго, что „старецъ Ѳеодосій по рѣкѣ Дону многимъ казакамъ отецъ духовный" [1]).

Ѳеодосій Ворыпинъ былъ однимъ изъ ревностныхъ и энергичныхъ пропагандистовъ раскола въ Донскихъ краяхъ, собственно „въ верхнихъ городкахъ", и во все не походилъ въ этомъ случаѣ на инока-отшельника Іова Тимоѳеева, не входившаго повидимому, въ бытность свою на Дону, въ какія бы то ни было сношенія съ окрестными казаками. Изъ извѣта Острогожскаго козака Василія Донца, словесно сказаннаго въ Посольскомъ Приказѣ 5-го апрѣля 1688 г., видно, что Ѳеодосій дѣйствовалъ въ Айдарѣ энергично въ дѣлѣ обращенія казаковъ въ расколъ и съ помощію атамана станицы, принуждавшаго

[1]) О пребываніи и дѣятельности Ѳеодосія въ Донецкихъ краяхъ самое существенное значеніе имѣютъ показанія Айдарскаго атамана Кузовченко и уличавшаго его казака Ѳомы Голоднаго. См. Допросъ Якима Кузовченка, очную ставку его съ Ѳомою Голоднымъ и особое показаніе перваго въ Допол. къ Ак. ист. т. XII, стр. 185—186, 205—209. О сношеніи Ѳеодосія съ Черкасскими казаками показывалъ 6-го февраля 1688 г. въ Посольс. Приказѣ Петрушка Смиренной, что про Ѳеодосія старца «слышалъ отъ казаковъ, что онъ въ войско пріѣзжалъ бить челомъ о строеніи пустыни; и ему-де Ѳеодосію строить войскомъ позволили». Ibid. стр. 165. Ср. также Распрос. рѣчи въ Посольск. Приказѣ 1686 г., Іюня 29, Донскихъ священниковъ, Ермолая и Ивана. Ibid., стр. 128.

казаковъ къ перекрещиванію или крещенію „вдругорядъ“; мало того, послѣдній, очевидно подъ вліяніемъ Ѳеодосія, и „вѣшивалъ“ тѣхъ изъ казаковъ, кто не хотѣлъ держаться раскола, и выгонялъ изъ своей станицы не желавшихъ перекрещиваться. Ѳеодосій какъ самъ пріѣзжалъ изъ своей пустыни въ Айдаръ городокъ, такъ и къ нему казаки „пріѣзживали“ для крещенія дѣтей, совершенія браковъ и другихъ церковныхъ требъ, при чемъ дѣло, конечно, необходилось безъ подобающихъ съ его стороны наставленій о содержаніи старой вѣры. Кузовченокъ показывалъ, что старецъ ему и инымъ говаривалъ, чтобы они держались старой вѣры. Изъ показаній бѣлыхъ поповъ Ермолая и Ивана видно, что Ѳеодосій пользовался духовнымъ вліяніемъ и у казаковъ на Валуйкѣ. Въ то время какъ Ѳеодосій былъ привезенъ ими связаннымъ на Валуйку, къ нимъ явились Валуйчане: ямщикъ Яшка Торопов да посацкой человѣкъ Петрушка Серапіоновъ, и говорили имъ въ тайнѣ, „чтобъ они того старца Ѳеодосія имъ отдали, для того, что онъ имъ отецъ духовный; а они имъ хотѣли дать восемьдесятъ рублевъ, а воеводѣ де за отпускъ его давали полтораста рублевъ“ [1]). Дѣятельность его, какъ мы уже и видѣли, простиралась и далѣе „верхнихъ городковъ“.

Ѳеодосій на Дону видимо примыкалъ къ той противомосковской партіи вліятельныхъ казаковъ, среди которой особенно выдавались Самойло Лаврентьевъ, Кирѣй Чурносовъ и др. Свое противодѣйствіе Москвѣ представители этой партіи прикрывали знаменемъ раскола и стремились повторить на Дону снова Разинское движеніе; расколъ былъ для нихъ удобнымъ средствомъ привлечь къ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ, и такимъ образомъ парализовать другую партію казаковъ, видѣвшихъ свой интересъ въ вѣрномъ и честномъ служеніи московскому правительсвту. Распопъ Самойла 2-го мая 1688 г. съ пытки въ Посольскомъ Приказѣ причислялъ къ этой противомосковской партіи и старцовъ Досиѳея, Пафнутія и Ѳеодосія, которые „церковь де костеломъ, а патріарха антихристомъ называли...; а въ Библіи, смотря орла, говорили и называли орломъ блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича..., а орлятами называли нынѣ царствующихъ великихъ князей..., и толковали съ сего свѣта о скоромъ ихъ пре-

---

[1]) Извѣтъ Василія Донца и др. Ibidem., стр. 184—185, 206. 208, и въ Матер. для нач. ист. раск. на В. и въ Старод. № 1, стр. 37.

кращенiи отъ пришедшихъ царей Меретинскихъ и иныхъ, которые прiидоша въ Москву, и тѣ де будутъ и царствовать, и мечь отъ нихъ ихъ государей поястъ, и отъ нихъ де отъ прихожихъ и вѣра утвердится старая по прежнему. А блаженныя де памяти великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича... наслѣдiе произошло отъ яроснаго гнѣва и ревнiя безъ разсужденiя. А что въ Библiи написано о гласу орлiи, что исходящъ не отъ главы, но отъ средины тѣла, и то де они потому-жъ вмѣняли къ произволенiю блаженныя памяти великаго государя..., будто по его государскому разсмотрѣнiю чинилось не умно, но яростно, со многимъ ревнiемъ къ кровопролитiю за вѣру". Для большаго возбужденiя ревности къ церковной старинѣ, изъ среды этой партiи исходила и такая проповѣдь, „что въ церквахъ де нынѣ стала Польша, поютъ будто въ гудки, и волынки, и шеламайки, и въ органы играютъ, и стали де церкви костелами". Всѣ церковныя нововведенiя и новоперемѣны приписывались влiянiю южнорусскихъ iерарховъ, и, главнымъ образомъ, влiянiю наиболѣе извѣстнаго и выдающагося изъ нихъ Лазаря Барановича. Въ церковномъ отношенiи духовные представители этой партiи договаривались и до того, „чтобъ учинить на Дону особаго патрiарха, или епископа"; говорили, „что семь поповъ восьмого освятить могутъ", какъ показывалъ Судженскiй протопопъ Василiй Ивановъ въ 1688 г. въ Посольскомъ Приказѣ, бывшiй прежде въ Черкасскѣ и хорошо знавшiй всѣхъ тогдашнихъ представителей раскола на Дону. Они же распускали слухъ, что епископъ Павелъ Коломенской, „которой отъ Никона былъ сосланъ и изъ ссылки ушолъ, и нынѣ на Дону у нихъ" [1]).

Дѣятельность Θеодосiя на Донцѣ продолжалась почти до первой половины 1686 г. включительно, когда московское пра-

---

[1]) О сторонникахъ московскаго правительства на Дону и ихъ противникахъ см. у Соловьева, Ист. Рос., т. XIII, М. 1879 г.; у Дружинина (Расколъ на Дону), стр. 60—64 и др. Допросы съ пытокъ свящеп. Самойла. Дополн. къ Ак. Ист. т. XII, № 17, стр. 187. Показанiе протоп. Василiя Иванова тамъ же, стр. 180. О толкованiи III гл. 3 кн. Ездры тамъ же, стр. 144, 182, 187. Судя потому, что рѣчь при толкованiи шла объ орлѣ, нужно полагать, что на Дону имѣлось московское изданiе Библiи 1663 г., на оборотѣ заглавнаго листа котораго былъ напечатанъ Россiйскiй гербъ. Строевъ, Опис. старопеч. книгъ... въ библ. Толстова. М. 1829. Стр. 283.

вительство рѣшилось болѣе энергично приняться за усилившихся на Дону раскольниковъ, дѣйствія которыхъ стали грозить большими осложненіями внутренней жизни государства. Иниціатива въ преслѣдованіи Донскихъ раскольниковъ, какъ противогосударственной партіи, исходила отъ князя Василія Васильевича Голицына, о которомъ они говорили, что „нельзя де намъ одного боярина Голицына подвесть къ себѣ, а то ужъ есть тысячи съ три и бояръ, что съ нами тянутъ и за насъ стоятъ“ [1]). 1-го марта 1686 г. послана была на Донъ царская грамота о томъ, чтобы ловить тамъ „пущихъ заводчиковъ“ раскола и приводить ихъ въ Москву. Казаки не спѣшили исполненіемъ царскаго указа, такъ какъ значительное число наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ было на сторонѣ раскола и принадлежало къ противомосковской партіи, замѣтно усилившейся вмѣстѣ съ усиленіемъ раскола на Дону. Исполнить царскій указъ и обезвредить „богомерзкую отъ тѣхъ воровъ противность и привращеніе къ такому жъ злому дѣлу простолюдиновъ и легкомысленныхъ людей“ взялись два бѣлыхъ священника: Ермолай изъ Бесергенева городка и Иванъ изъ Мелехова. Они, вмѣстѣ съ подговоренными ими пятью казаками, схватили старца Ѳеодосія Ворыпина и 29-го іюня того же года представили его въ Посольскій Приказъ. Алексѣевъ передаетъ, что Ѳеодосій былъ пойманъ на Донцѣ разсыльными Бѣлгородскаго архіерея и что послѣдній по поимкѣ много увѣщевалъ его, а потомъ, какъ упорнаго и закоренѣлаго раскольника, отослалъ въ Москву на судъ патріарха,—разсказъ, не подтверждаемый показаніемъ упомянутыхъ священниковъ, дѣйствовавшихъ на свой страхъ, совершенно независимо отъ тогдашняго Бѣлгородскаго митрополита. Очевидно, въ разсказѣ Алексѣева смѣшаны два факта,—фактъ увѣщанія Ѳеодосія Бѣлгородскимъ митрополитомъ, происходившій по всей вѣроятности послѣ его побѣга изъ Рыльска, во время скитаній по Слободской Украйнѣ и верхнимъ донецкимъ городкамъ, и фактъ поимки его на Донцѣ упомянутыми двумя священниками [2]).

---

[1]) 2-е извѣтное письмо. Дополн. къ Акт. Ист. XII, № 17, стр. 152. Впослѣдствіи князь Голицынъ, какъ одну изъ своихъ главныхъ государственныхъ заслугъ, выставлялъ усмиреніе Донскихъ раскольниковъ, грозившихъ церкви и государству. Розыск. дѣла о Ѳед. Шакловитомъ. Т. III, стр. 112, № 60.

[2]) Распросн. рѣчи въ Посольскомъ Приказѣ 29-го іюня 1686 г. тамъ же, стр. 128. Ист. о бѣгств. свящ. Ibidem. Стр. 61.

Переданный изъ Посольскаго Приказа на судъ патріарха Іоакима, Θеодосій, по лишеніи сана, какъ не пожелавшій снова сдѣлаться членомъ церкви, былъ заточенъ, по словамъ Алексѣова, подтверждаемымъ и другими источниками, въ извѣстный Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь, гдѣ и просидѣлъ, по тому же свидѣтельству, „семь лѣтъ, въ темницѣ нужней и водней“, „отъ унынія“ писалъ тамъ книги, а закончилъ тѣмъ, что склонился „къ новотворнымъ догматамъ“. Во время слѣдствія въ Посольскомъ Приказѣ по дѣлу о Донскихъ раскольникахъ, именно въ февралѣ 1688 г., въ письмахъ Кирѣя Матвѣева была между прочимъ найдена „грамотка съ Москвы Фролу Минаеву, Поздѣю Степанову изъ Кирилова монастыря отъ чернаго попа Θеодосія, чтобы они били челомъ великимъ государемъ объ немъ, чтобъ его взять изъ Кирилова монастыря и быть въ Чюдовѣ монастырѣ“... Это уже очевидно было послѣ склоненія Θеодосія „къ новотворнымъ догматамъ“, если онъ желалъ быть переведеннымъ въ Чудовъ монастырь. А если такъ, то Θеодосій далеко не 7 л. провелъ въ Бѣлоозерской темницѣ нужней и водней“, какъ свидѣтельствуетъ Ив. Алексѣевъ. Желаніе Θеодосія видимо неосуществилось; по словамъ Алексѣева, „по пристатіи къ новотворнымъ“, когда Θеодосію дали нѣкоторую свободу, его заставили читать синодикъ, а потомъ, „малому времени въ томъ минувшу“, т. е. вскорѣ послѣ его обращенія „къ новотворнымъ догматамъ“, онъ былъ увезенъ своими старыми темными друзьями сначала въ Поморье, откуда потомъ былъ переправленъ въ Керженскіе лѣса [1]). Въ этихъ лѣсахъ, по словамъ П. И. Мельникова, было въ то время 77 скитовъ и въ нихъ болѣе семи сотъ монаховъ и слишкомъ 1800 монахинь, деревенскій же людъ поголовно былъ въ расколѣ. Тамъ писались выписки и

[1]) Ист. о бѣгств. свящ. стр. 61—62. Допол. къ Акт. Ист. т. XII, № 17, стр. 171. Кирилловъ монастырь вмѣстѣ съ Вологодскимъ Каменнымъ считался однимъ изъ самыхъ удобныхъ для содержанія раскольниковъ «въ твердомъ присмотрѣ». Ср. Есиповъ: Раскол. дѣла XVIII в. т. I. Стр. 126. Въ «Обличеніи на протопопа Андрея Большія Охты» (ркп. Хлуд библ., № 302) разсказывается, что «Θеодосій» хотя и много былъ увѣщаемъ п. Іоакимомъ, но что онъ «его не послушалъ и пребывалъ въ старообрядствѣ непреклоненъ, за что *новикъ* п. Іоакимъ обнажилъ его священства и сослалъ въ Кириловъ монастырь подъ началъ, откуда старовѣрческіе христіане тайнымъ образомъ похитили на Керженецъ, а оттуда въ Калугу» (л. 92 об.).

слагались потомъ розказни о Петрѣ-антихристѣ; тамъ бывали раскольническіе соборы; тамъ принимались бѣглые отъ церкви попы и разсылались по Россіи [1]). На Керженцѣ Ѳеодосій сначала поселился вмѣстѣ съ Пошехонскимъ дворяниномъ Ѳедоромъ Яковлевымъ Токмачевымъ, на Белмашѣ, а потомъ въ скиту Смольянскомъ, основанномъ еще около 1656 г. извѣстными родовитыми Смольянами—Сергіемъ Салтыковымъ, Ефремомъ Потемкинымъ и др., пришедшими сюда изъ Бизюкова монастыря [2]). Это былъ большой и старый скитъ, или такъ называемый „Старый Керженецъ", центръ всего Керженца и Чернораменья, разоренный еще прежде Питирима. До прихода сюда Ѳеодосія Ворыпина главою здѣсь считался Діонисій Шуйскій, имѣвшій у себя значительный запасъ мура и св. даровъ, освященныхъ будто бы еще при патріархѣ Іосифѣ, чѣмъ и возвысилъ себя на степень главы мѣстнаго поповщинскаго раскола, а свой Керженецъ сдѣлалъ какъ бы митрополіею поповщины. За Іосифовскими св. дарами и муромъ пріѣзжали на Керженецъ старообрядцы и изъ другихъ мѣстъ, болѣе отдаленныхъ, и тѣмъ распространяли славу Діонисія и Керженца, въ то время еще не раздѣлявшагося на секты. Въ началѣ 90-хъ годовъ преемникомъ Діонисія Шуйскаго сдѣлался Ѳеодосій Ворыпинъ и вмѣстѣ съ Токмачевымъ правилъ всѣмъ Керженцомъ: собиралъ соборы, снабжалъ старообрядствующихъ русскихъ людей муромъ и запасными дарами, дѣятельно распространялъ и поддерживалъ расколъ, и тѣмъ скоро обратилъ на себя вниманіе правительства. Начавшіеся розыски повели къ тому, что Токмачевъ былъ схваченъ, осужденъ и сожженъ, а Ѳеодосію удалось бѣжать въ Калугу. Это было приблизительно въ 1694 г.

Во второй половинѣ XVII в. расколъ въ Калугѣ и вообще въ Калужскомъ краѣ свилъ себѣ довольно прочное гнѣздо. Еще во время моровой язвы 1654 г., когда п. Никонъ, по просьбѣ самаго царя, оставилъ Москву и отправился съ царскимъ семействомъ въ мѣста свободныя отъ мороваго повѣтрія, ревнители старины распустили молву, будто общественныя бѣдствія постигли государство за начатое патріархомъ исправленіе

---

[1]) Ист. оч. поповщ. Ч. I. Стр. 78.

[2]) Белмашъ—рѣчка, впадающая въ Керженецъ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, на самой почти границѣ съ Нижегородскою.

церковныхъ книгъ, и въ подтвержденіе своихъ бредней ссылались между прочимъ на видѣніе какой-то женки Стефанидки Калуженки и брата ея Терешки, утверждавшихъ, что имъ было видѣніе отъ образа о прекращеніи печатанія новоисправленныхъ книгъ (Собран. государств. грамотъ и договоровъ, т. III, № 178). Въ 1669 г. челобитствовала царю Алексѣю Михайловичу игуменья Козельскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, упраздненнаго въ 1764 г., Маремьяна на уставщицу и крылошанокъ, что онѣ „не хотятъ говорить по новымъ книгамъ", присланнымъ въ то время по царскому указу въ монастырь [1]). Извѣстно также, что царь Θеодоръ Алексѣевичъ, задававшійся широкими планами относительно ограниченія дальнѣйшаго распространенія раскола и ослабленія и искорененія его тамъ, гдѣ онъ упрочился и укоренился, въ виду умноженія „церковныхъ противниковъ", проектировалъ въ 1681 г. открыть новую епархію и въ Калугѣ. Главная причина распространенія раскола по отношенію къ Калужскому краю въ томъ повидимому и заключалась, что край этотъ, принадлежавшій до половины XVII в. (до расширенія западной границы и присоединенія Малороссіи) къ русской Украйнѣ, по непонятной неосторожности и забвенію, слишкомъ долгое время былъ оставленъ внѣ ближайшаго церковнаго правительственнаго надзора. Крутицкіе владыки, къ епархіи которыхъ онъ принадлежалъ съ 1672 г.,

---

[1]) Челобитная игум. Маремьяны напечатана въ Калуж. Епарх. Вѣдом. за 1862 г. № 9, стр. 142—144. Она писана скорописью на столбцѣ и принадлежитъ Калужскому дѣвичьему монастырю. Между прочимъ игуменья писала: «А нынѣ, Государь, крылошанка Ефимья сошла съ крылоса, не хотя по новымъ книгамъ говорить, да изъ моей кельи крылошанку въ младыхъ лѣтахъ запретила..., и я, Государь, ту крылошанку про то истезала, что и она по новымъ книгамъ не говоритъ: и въ палатку ее сажала и на цѣпь, и въ кельѣ, Государь, поучала, и на соборѣ, Государь, хотѣла ее плетьми бить и уставщикъ ее отпечаловалъ Василей. И мнѣ крылошанки говорятъ: какъ была на уставѣ Елена Хрущова и приказала намъ пѣть и говорить, такъ мы и донынѣ хотимъ, и говорятъ по ея уставу. И та, Государь, Елена уставщица бьетъ челомъ тебѣ, В. Г., и святителю Крутицкому м. Павлу, будто я нищая твоя царская богомолица по тѣмъ новымъ книгамъ говорить не велѣла, а я, Государь, *въ грамотѣ не умѣю*.... А какъ тѣ книги новые... въ монастырь присланы, и она, Елена, съ тоя поры и въ церковь перестала ходить»....

проживая въ Москвѣ, какъ мѣстоблюстители патріаршаго престола, были обременены дѣлами по управленію обширной патріаршей области. На сторонѣ раскола, кромѣ простого народа, купцовъ и мѣщанъ, стояли здѣсь и многія духовныя лица, священники и монахи. Въ самомъ концѣ XVII в., какъ и въ первыя два десятилѣтія XVIII в., между прочимъ, въ числѣ старообрядствующихъ считался здѣсь сначала игуменъ (съ 1698 г.), а потомъ съ 1708 г. архимандритъ Калужскаго Лаврентьева монастыря Каріонъ (+ 2 янв. 1722 г.), какъ свидѣтельствовали въ 1720 г. московскіе священники, бывшіе управители тіунской палаты, Θеоктистовъ и Михайловъ. По ихъ свидѣтельству Каріонъ „въ томъ градѣ (Калугѣ) болши двадцати лѣтъ самъ чинилъ соблазнъ и противность церкви святѣй, и того града священникамъ и жителемъ во всемъ чинилъ прикрытіе и охраненіе и потачку. Здѣсь же, въ Брынскихъ лѣсахъ, за Угрою рѣкою, разсѣяна была почти съ самаго появленія раскола масса старообрядческихъ келій и скитовъ, въ которыхъ жили черные раскольническіе попы и старцы, постригавшіе, исповѣдывавшіе и причащавшіе. Въ началѣ XVIII в. здѣсь были и раскольничьи „святые“, на могилахъ которыхъ служились панихиды [1]). Вотъ почему по всей вѣроятности послѣ

[1]) Главнымъ гнѣздомъ раскола здѣсь были скиты и пустыни въ глубинѣ Брынскихъ лѣсовъ, по которымъ протекаетъ рѣка Брынь, въ Мещовскомъ и Жиздринскомъ уу.; но изъ разныхъ указаній, относящихся къ исторіи раскола въ Калужскомъ краѣ, видно, что упоминаемыя въ нихъ пустыни и скиты Брынскіе были разбросаны по всему пространству лѣсовъ, составлявшихъ въ прежнее время нашу сторожевую пограничную линію. И до сихъ поръ близъ *с. Старая Брынь* раскольники указываютъ, по сказанію старыхъ людей, памятныя имъ мѣста нѣкоторыхъ бывшихъ здѣсь скитовъ. Особенно же уважаютъ такъ назыв. *Савватіевскій*, мѣсто коего указываютъ глубокій оврагъ съ пещерою, куда они ходятъ чтить память этого мнимаго подвижника. И до сихъ поръ расколъ удерживается здѣсь, не смотря на разныя принимаемыя противъ него мѣры. Леонидъ, іером. Ист. церкви въ предѣл. нынѣш. Калуж. губ. и калуж. іерархіи. Калуга. 1876. Стр. 178 и д., стр. 248, примѣч. 288. О проектѣ въ Калугѣ епископ. каѳедры въ 1681 г. Собр. госуд. грам. и догов. IV, ст. 393—394. О Каріонѣ, какъ ревностномъ сторонникѣ старообрядцевъ, документальныя данныя см. въ Опис. докум. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I. Спб. 1868 г., 343—344. Прилож. XXV. CCLXVIII—CCLXX. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. I. Изд. 2. Спб. 1879 г.,

Смольянской катастрофы Θеодосій Ворыпинъ не случайно попалъ въ Калугу, а именно въ виду того, что считалъ болѣе удобнымъ и надежнымъ укрыться отъ преслѣдованій властей у тамошнихъ ревнителей старины, хорошо жившихъ и съ мѣстными духовными властями, сочувствовавшими имъ. Этими же мѣстными условіями повидимому можно объяснить и то обстоятельство, что въ Калугѣ Θеодосію удалось въ одной запустѣвшей отъ ветхости церкви Покрова Богородицы, въ которой престолъ и антиминсъ освящены были еще при п. Іосифѣ, иконостасъ же сохранился отъ временъ царя Іоанна Грознаго, совершить ночью на великій четвертокъ 1695 г. литургію, а „ко удовленію причастія и агнецъ запасный сотворить". Такъ у Θеодосія снова появились запасные дары, которыхъ онъ лишился при Смольянской катастрофѣ и безъ которыхъ его положеніе въ раскольничьемъ мірѣ не могло быть прочнымъ и вліятельнымъ. Эти запасные дары, освященные имъ на литургіи, совершенной по старому Служебнику, въ дониконовской церкви, на дониконовскомъ антиминсѣ, священникомъ дониконовскаго рукоположенія, были разосланы въ болѣе видные пункты раскольничьяго міра, гдѣ жили старообрядцы. Святость ихъ для всѣхъ старообрядствующихъ русскихъ людей была совершенно несомнѣнна; даже безпоповцы, по словамъ П. И. Мельникова, основаннымъ повидимому на изученіи старообрядческой литературы, обращались къ Θеодосію съ просьбой о снабженіи ихъ освященными имъ дарами [1]). Θеодосій безъ сомнѣнія и ранѣе

стр. 57—59, 72—75. Иного характера свѣдѣнія сообщаются о Каріонѣ въ ст. Калуж. Еп. Вѣдом. за 1862 г., № 2, стр. 24—25 (Историч. опис. Калуж. Лаврент. монаст.), а также въ брошюрѣ іером. Леонида подъ тѣмъ же заглавіемъ, вышедшей въ Калугѣ въ 1888 г. О. Леонидъ говоритъ, что Каріонъ въ 1708 г. удостоенъ сана архимандрита за особенную заботливость о внѣшнемъ и внутреннемъ устроеніи ввѣренной ему обители, и что самое мѣсто погребенія въ притворѣ нижней церкви, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ раки св. праведнаго Лаврентія (+ 1515 августа 10 дня) свидѣтельствуетъ, что настоятель этотъ въ свое 24-лѣтнее управленіе обителью заслужилъ любовь и уваженіе братства, имъ окормляемаго». Что въ 1698 г. Каріонъ былъ уже игуменомъ, см. дозорную и межевую кн. патр. прик. 1698 г., кн. 84, въ М. А. М. Ю.

[1]) Ист. о бѣгств. свящ. Алексѣева. Ibidem. Стр. 62. Мельниковъ: Ист. очер. поповщ. Ч. I. М. 1861 г. Стр. 67.

былъ извѣстенъ во всѣхъ зараженныхъ расколомъ мѣстностяхъ, какъ страдалецъ отъ никоніанъ и какъ учительный старецъ, ревностно подвизавшійся для распространенія и укрѣпленія старой вѣры на Дону и потомъ на Керженцѣ. Новый фактъ изъ его калужской дѣятельности также долженъ былъ вызвать сочувственное одобреніе и обратить на него всеобщее вниманіе ревнителей старины. Вѣсть о такомъ выдающемся въ то время раскольничьемъ дѣятелѣ дошла и до Вѣтки, имѣвшей связи съ старообрядствующими калужскими купцами, издавна разъѣзжавшими по своимъ торговымъ дѣламъ по Бѣлоруссіи и Малороссіи, и тогда, за смертію „тихаго и благоувѣтнаго Іоасафа", разыскивавшей себѣ новаго попа, „нужды ради своея великія" въ немъ. Нуждаясь и въ запасныхъ дарахъ, и въ попѣ, который исправлялъ бы у нихъ „нужды крещенія, исповѣданія и постриганія", Вѣтковцы, ни мало не медля, отправили въ Калугу „нѣкоего искуснаго инока Нифонта съ просительными грамотами" звать Ѳеодосія къ себѣ за рубежъ. Предложеніе Вѣтковцевъ было принято, тѣмъ болѣе, что Ѳеодосію въ его положеніи за польсколитовскимъ рубежомъ было не въ примѣръ надежнѣе и безопаснѣе, чѣмъ въ русскихъ предѣлахъ. „Соизволи", говоритъ стародубскій историкъ Ив. Алексѣевъ, „прошенію ихъ (вѣтковцевъ) Ѳеодосій; прейде отъ Великороссіи въ польскую область, идѣже радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ и вси радостное торжество о немъ сотворяюще, всяко мѣсто и всякъ домъ радостное возглашающе, ликующе купно и веселящеся, на вступленіи того вси увядшіи печалію, весело хождаху" (стр. 62).

По прибытіи своемъ на Вѣтку Ѳеодосій прежде всего обратилъ вниманіе на устроенную Іоасафомъ церковь, нашелъ, что она мала и не можетъ вмѣщать всѣхъ слобожанъ—богомольцевъ, такъ какъ къ тому времени населеніе Вѣтки и окружавшихъ ее слободъ значительно возрасло, а потому и считалъ необходимымъ распространить ее въ длину и ширину. По словамъ Алексѣева, „пришедъ убо на Вѣтку сей Ѳеодосій, видѣвъ многъ народъ стекающеся на общую молитву, и толико, яко оной новостроенной церкви не вмѣщати ихъ, приложи радѣніе, и повелѣ оную церковь, Іоасафомъ содѣланную, въ длину и въ ширину подъ крыльями распространити". Вѣтковцы взялись за топоры и въ короткое время, по желанію Ѳеодосія, церковь была расширена. Въ тоже время Ѳеодосій озаботился достать

черезъ калужанъ покупкою изъ Калужской Покровской церкви, въ которой онъ совершилъ ночью литургію на великій четвертокъ, старый иконостасъ съ алтарными дверьми, будто бы еще временъ царя Ивана Васильевича Грознаго, призвалъ къ себѣ изъ Рыльска брата своего, „попа бѣлаго Александра новопоставленна“, т. е. священника новаго уже рукоположенія, а изъ Москвы какого-то Григорія, тоже новорукоположенца, и вмѣстѣ съ ними, безъ діакона, осенью 1695 г. освятилъ Вѣтковскую церковь во имя Покрова Богородицы, на ветхомъ антиминсѣ, принесенномъ еще Іоасафу Бѣлевской старицей Меланіей. Это была первая раскольничья церковь въ стародубсковѣтковскихъ предѣлахъ, и литургія, совершенная въ день ея освященія тремя собравшимися изъ разныхъ мѣстъ попами, была здѣсь первой раскольничьей литургіей. Первымъ „уставщикомъ“ при ней былъ нѣкій Аѳанасій, жившій тамъ съ первыхъ лѣтъ существованія Вѣтки до самой почти первой выгонки; имъ былъ подписанъ антиминсъ при освященіи Вѣтковской церкви, не имѣвшій „еще написанія, внегда Ѳеодосій храмъ освящаше“ [1]).

О внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ первоначальной Вѣтковской церкви у раскольниковъ почти не сохранилось никакихъ извѣстій. Лѣтописецъ Вѣтковской церкви второй половины XVIII в., т. е. когда она находилась уже не на Вѣткѣ, а въ стародубской раскольничьей слободѣ Климовой, извѣстный Яковъ Степановъ Бѣляевъ, прямо говоритъ, что „о заграничной церкви подленныхъ извѣстій нѣтъ“ [2]). Въ отвѣтахъ Софонтьева согласія на 130 вопросовъ, предложенныхъ въ 1715 г. Питиримомъ, сообщаются только общія свѣдѣнія о построеніи и освященіи церкви на Вѣткѣ въ отвѣтахъ 35—40, 126—127, безъ всякихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ указаній относительно внѣшняго и внутренняго ея устройства [3]). Этотъ недостатокъ раскольничьихъ свидѣтельствъ о своей первоначальной церкви восполняется въ извѣстной мѣрѣ довольно обстоятельною о ней вѣдомостью полковника Сытина, составленною въ моментъ перваго разгрома Вѣтки въ 1735 г. Вотъ въ какомъ видѣ нашелъ

[1]) Ист. о бѣгств. свящ. Ibid., стр. 62—63. Журавлевъ: Полн. ист. изв. изд. 2. Ч. I, стр. 102.

[2]) Лѣтоп. Вѣтков. церкви. Рукоп. Л. 1 об.

[3]) Опис. нѣк. соч., написс. рус. раск. Ал. Б. Ч. II.

Сытинъ устроенную Θеодосіемъ церковь: „въ олтарѣ на престолѣ 3 Евангелія: первое на зеленомъ бархатѣ, евангелисты серебряные и вызлоченые; второе на красномъ бархатѣ, евангелисты серебряные и вызлоченые; третье на красномъ же бархатѣ, евангелисты серебряные и вызлоченые; за престоломъ образъ пресв. Богородицы Володимерскія, риза кованая, серебряная и вызлочена, вѣнецъ и ожерелье низаны жемчугомъ, три серги двойчатки, при одной серги копѣйка старая серебряная, семь крестовъ серебряныхъ, въ томъ числѣ четыре вызлочены; на другой сторонѣ онаго жъ образа написанъ образъ Николая Чюдотворца въ окладѣ серебряномъ и гривна серебряная, вызлоченая; крестъ запрестольный изображенъ на древѣ; на немъ вѣнецъ и гривна серебряные, вызлочены; двѣ лампады мѣдныя, на зеленыхъ цѣпяхъ,—одна вызлочена. На жертвенникѣ два сосуда, одинъ серебряной, вызлоченъ, другой мѣдный, въ срединѣ вызлоченъ же; дискосъ съ звѣздою серебряные, вызлочены; двѣ тарелки серебряныя, позлоченыя; двѣ ложки серебряныя внутрь и по конецъ вызлочены; кадило серебряное, вызлоченое, на серебряныхъ цѣпяхъ; четыре на мѣдныхъ цѣпяхъ, два на желѣзныхъ; крестъ серебряной, вызлоченъ, съ мощами въ футлярѣ кипарисномъ, выбитъ бархатомъ краснымъ. Сундукъ за печатью, а въ немъ полотняная рухлядь и прочая; въ немъ же мѣшечикъ за печатью при ярлыкѣ съ ломомъ, серебромъ и съ прочимъ, какъ значитъ на ерлыкѣ, да въ бумашкѣ 4 креста серебряные, въ томъ числѣ одинъ не вызлоченъ; бахромы серебряной аршинъ, позументу золотого съ аршинъ. Въ ризничей шесть шендаловъ мѣдныхъ, два оловяныхъ, ендова мѣдная, горшекъ мѣдной съ крышечкою, кубганъ оловяной одинъ; три кропила, одно съ серебряною оправою, вызлочено; шапка епискупская съ каменьями въ футлярѣ зеленомъ; въ сундукѣ за печатью все одѣяніе епискупское, что принадлежитъ; ризъ праздничныхъ разныхъ цвѣтовъ десять; пять потрафилей разныхъ цвѣтовъ, оплечья ризная серебромъ и золотомъ вышито одно; поручей праздничныхъ разныхъ цвѣтовъ десять; поясовъ священническихъ нитныхъ четыре; два уларя діаконскихъ; ризъ будничныхъ выбойчетыхъ и прочихъ четырнадцать; стихарей и подризниковъ десять; шесть потрафилей кумачныхъ и бумажныхъ; три уларя діаконскихъ; поручей бумажныхъ восемь; коверъ персидской одинъ; пеленъ разныхъ цвѣтовъ девятнадцать; сорочица престолная одна; убрусъ съ прорѣзнымъ кружевомъ

серебрянымъ одинъ. Въ церкви иконъ мѣстныхъ: въ началѣ Спасителевъ образъ и Богородицы съ вѣнцами, на немъ три вѣнца и три гривны; другой Покрова жъ пресв. Богородицы, крестъ серебряной, вызлоченъ, съ мощами, лампада маленькая мѣдная; одно поникадило мѣдное болшое, внизу кисть бисерная. Да въ шафѣ книгъ большихъ и малыхъ пятьдесятъ двѣ. Въ предѣлѣ на правой сторонѣ образъ пресв. Богородицы Казанскія, вѣнецъ и гривна серебряная, вызлочены; при немъ же образѣ серги съ жемчугами и каменьями красными одни; крестъ серебряной съ винпсью одинъ; поникадило мѣдное неболшое; образъ Николая Чюдотворца, на немъ вѣнецъ серебряной, кованой, вызлоченъ. Въ предѣлѣ на лѣвой сторонѣ Спасителя образъ, вѣнецъ и гривна серебряные, кованые, вызлочены; образъ Іоанна Предтечи, на немъ вѣнецъ серебряной, кованой, вызлоченъ, лампада оловянная маленькая одна; образъ Пресв. Богородицы запрестольной, на немъ два вѣнца и гривны серебряныя, кованыя, позлоченыя; убрусъ низанъ жемчугомъ и каменьемъ; четыре лампады мѣдныя, оловянная неболшая одна. Да прочей монастырской утвари: колоколовъ большихъ и малыхъ двадцать, часы желѣзные боевые одни" [1]). Такимъ образомъ изъ этой вѣдомости узнаемъ, что устроенная Ѳеодосіемъ церковь была довольно значительныхъ размѣровъ; кромѣ главнаго алтаря, она имѣла два боковыхъ предѣла, съ правой и лѣвой стороны, и была богато снабжена какъ иконами, такъ и всею вообще церковною утварью.

Понятно, какое значеніе для старообрядцевъ должна была имѣть освященная Ѳеодосіемъ Ворыпинымъ Покровская на Вѣткѣ церковь, и не только въ Вѣтковскихъ и Стародубскихъ предѣлахъ. Еще болѣе должны были усилить ея значеніе устроившіяся при ней раскольничьи обители—мужская и женская, начавшіяся организоваться еще при Іоасафѣ. Скоро Ѳеодосій съумѣлъ прославить среди старообрядцевъ-поповщинцевъ свой Покровскій на Вѣткѣ монастырь и открытіемъ „мощей", какъ вещественныхъ признаковъ святости мѣста и спасительнаго дѣйствія вѣры. Первымъ Вѣтковскимъ святымъ, по всей вѣроятности по предложенію самаго Ѳеодосія, былъ объявленъ инціаторъ и устроитель на Вѣткѣ церкви, „тихій и благоувѣтный Іоасафъ". Въ свое время были составлены на Вѣткѣ чудесныя сказанія

[1]) Опис. акт. арх. Маркевича, относ. къ исторіи стародуб. скитахъ. Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1884 г. кн. 11, стр. 6 и 7.

и службы новоявленнымъ вѣтковскимъ святымъ [1]). Такимъ образомъ Вѣтка, какъ „вѣтвь древняго благочестія“, уже при Өеодосіѣ Ворыпинѣ обладала всѣми необходимыми средствами для привлеченія къ себѣ темныхъ старообрядствующихъ русскихъ людей.

Вѣтка съ церковью, обѣднями и мощами, стала быстро возвышаться; толпы за толпами приходили сюда со всѣхъ концовъ Россіи, привлекаемые разсказами о безопасности заграничнаго убѣжища и разными удобствами жизни, а также и вѣстію о вновь устроенной церкви, первой и единственной въ то время у вѣтковско-стародубскихъ старообрядцевъ. Единственной она была въ то время и вообще у поповщинцевъ. „На то-

[1]) Обращавшихся въ XVIII в. среди старообрядцевъ сказаній о Вѣтковскихъ святыхъ и чудесныхъ видѣніяхъ намъ не удалось отыскать, какъ и составленныхъ на Вѣткѣ службъ новоявленнымъ раскольничьимъ святымъ. См. показаніе по дѣлу о Воронковской лжехристовщинѣ Агаѳьи Мелентьевой. Х. И. А. Д. Р. № 21299. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 25, стр. 143. Собственно о существованіи Вѣтковскихъ святыхъ имѣются слѣд. данныя. Во время первой Вѣтковской выгонки, когда полковникъ Сытинъ неодобрительно отнесся къ суевѣрію Вѣтковцевъ, раскольники, защищая свою старую вѣру, указали ему на прежнихъ своихъ отцовъ—священниковъ: Іоасафа, Өеодосія съ братомъ Александромъ, прославленныхъ нетлѣніемъ мощей. Гробы Вѣтковскихъ угодниковъ немедленно были запечатаны и отправлены въ Россію; по докладу о томъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, мощи эти повелѣно было сжечь, что и было произведено публично не далеко отъ Новгородсѣверска, на р. Колоскѣ. Журавлевъ: Полн. ист. изв. Ч. III, стр. 44—45. Объ Антоніи см. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV, стр. 161, 164. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. I, 585. Ср. ст. Мельникова въ Рус. Вѣст. за 1867 г., Февраль, стр. 626. Іона Курносый въ своей Ист. о бѣгств. свящ. говоритъ только о мощахъ Өеодосія: «по преставленіи же его (Өеодосія) обрѣтошася мощи его цѣлы ни чимъ же вредимы, и погребоша его въ церкви. Во время же первой выгонки изъ Польши христіанъ взяты оныя мощи присланными полководцы, и безъ вѣсти учинились». Есиповъ: Раскол. дѣла, II, Приложенія, стр. 187. Въ «Книжицѣ о каженіи», вышедшей изъ подъ пера автора-діаконовца во второй четверти XVIII в., послѣ первой Вѣтковской выгонки, Іоасафъ и Өеодосій также упоминаются, какъ Вѣтковскіе святые. См. согласіе 17. Рукоп. церковно-археолог. Музея при К. Д. Ак. О. 8°—41. Іона Курносый. Ист. оч. поповщ. ч. I. стр. 80.

ликую убо славу новосвященныя церкви", говоритъ Иванъ Алексѣевъ, „вси народи во всѣхъ странахъ радости исполнишася, на нюже отвсюду приходяще людіе, оставляюще домы, въ толикій путь труды воспріимаху. Господіе честніи о зданіихъ своихъ вознерадѣша, и госпожи честныя течаху на оное жительство, дѣвы отхождаху родителей своихъ, на вѣчную чистоту вдающеся, иноческимъ одѣяніемъ покрывахуся. Откуду безчисленными народы наполнися вѣтковское жительство и аки градъ великъ въ населеніи тѣхъ явися" (Ibid., стр. 63). Въ безопасности своей зарубежные вѣтковскіе раскольники были вполнѣ увѣрены: польскіе паны, на земляхъ которыхъ поселились русскіе старообрядцы, стояли за нихъ горою, въ особенности панъ Халецкій, вступавшійся за своихъ раскольничьихъ поселенцевъ при всякомъ случаѣ. Не даромъ впослѣдствіи Вѣтковцы говорили, что хотя „у Петра рука долга, а сюда не хватитъ [1]).

Со времени Өеодосія Ворыпина Вѣтка становится организаціоннымъ центромъ для всего поповщинскаго раскола, а Өеодосій главою его, „пастыремъ и наставникомъ", какъ величали его Вѣтковскіе отцы послѣ его смерти. Въ качествѣ главы Вѣтковской церкви онъ разсылалъ благословенія и св. дары своей церкви по всѣмъ поповщинскимъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ, исправлялъ ихъ по раскольничьи и разсылалъ затѣмъ по разнымъ мѣстамъ. Самый Керженецъ, несомнѣнно болѣе старый очагъ раскола, бывшій дотолѣ и самъ виднымъ средоточіемъ поповщины, долженъ былъ теперь преклониться предъ Вѣткой. Вліяніе и авторитетъ

---

[1]) О перепискѣ Казиміра Халецкаго съ стародубскимъ полковникомъ С. И. Самойловичемъ, по поводу обидъ, причиненныхъ въ Стародубьѣ его зарубежнымъ подданнымъ, раскольникамъ по преимуществу, мы уже упоминали выше. Съ такими же письмами обращались польскіе шляхтичи и къ послѣдующимъ стародубскимъ полковникамъ и къ самому гетману. Такъ Михаилъ Халецкій, староста Мозырскій, писалъ къ гетману Мазепѣ 20 сентября 1701 г.: «хотя въ моемъ первомъ листѣ объявилъ вашей милости, моему милостивому господину, прошеніе мое, прося, чтобъ люди державы Сужинской задержанные въ полку Черниговскомъ, были отданы,—того ради и нынѣ тѣмъ же прошеніемъ вашей милости... докучаю, чтобъ то получить съ почитанія любви вашей милости»... М. А. М. Ю. Кн. Малор. прик. № 83. л. 973. Ср. Мат. для ист. раск. на В. и въ Стар. стр. 55.

Θеодосія сильны были и здѣсь: онъ и самъ ходилъ сюда мирить возникавшіе въ то время на Керженцѣ раскольничьи споры и посылалъ съ Вѣтки увѣщательныя и наставительныя грамоты. Стало выходить у старообрядцевъ старое дониконовское муро; по нуждѣ, по ихъ сказаніямъ, старое Іосифовское муро разбавлялось деревяннымъ масломъ, да и то было на исходѣ, если только оно дѣйствительно было: Θеодосій, удовлетворяя насущной нуждѣ, сварилъ и муро. Словомъ, онъ дѣлалъ все, чтобы возвысить себя и организованный имъ монастырь съ церковью, и достигъ своей цѣли: Вѣтка возвысилась на степень поповщинскаго центра. „Прелести ея", какъ справедливо замѣчаетъ протоіерей Журавлевъ, „часъ отъ часу болѣе распространялись повсюду, такъ что самые отдаленные города, уѣзды и селенія Россіи не избѣгли заразы ея... Монахи и монахини отъ Вѣтки разсыпались повсюду и простой народъ вездѣ развращали, и по всѣмъ мѣстамъ отъ Вѣтковской церкви таинство причащенія разносили, такъ что купля сія главнымъ промысломъ у сихъ бродягъ учинилась" [1])...

Этому возвышенію Вѣтки способствовало какъ внѣшнее положеніе раскола въ русскихъ предѣлахъ, стѣсненнаго мѣрами гражданскаго и духовнаго правительствъ, такъ въ особенности внутреннее состояніе раскольничьихъ общинъ, распавшихся на многіе толки или согласія и боровшихся между собою. Объ отношеніи Θеодосія къ поповщинскимъ общинамъ въ русскихъ предѣлахъ имѣются слѣдующія данныя. Керженскіе старообрядческіе скиты, образовавшіеся еще по всей вѣроятности во времена п. Никона и долгое время привлекавшіе къ себѣ вниманіе всѣхъ послѣдователей и ревнителей старой вѣры, послѣ Смольянской катастрофы, въ особенности же въ началѣ XVIII в., потеряли прежнее первенствующее положеніе въ старообрядческомъ мірѣ, благодаря начавшимся миссіонерскимъ преслѣдованіямъ со стороны Питирима, а болѣе всего благодаря внутренней борьбѣ между образовавшимися тамъ толками—Софонтьевскимъ,

---

[1]) Полн. ист. изв. о раск. Ч. III, стр. 16 и др. О прекращеніи древняго мура писалъ Θеодосію посланіе діаконъ Александръ, какъ свидѣтельствуетъ Ив. Алексѣевъ. Ibid. 63. Овареніи мура на Вѣткѣ упоминается и въ отвѣтахъ Керженскаго Софонтьева толка на 130 вопросовъ Питирима 1715 г. См. Отв. 42—45, 118. Опис. нѣкот. соч., напис. рус. раск. Ал. Б. Ч. II, стр. 193.

Онуфріевскимъ и Діаконовскимъ. При такихъ условіяхъ, дѣятельному и энергичному Вѣтковскому старцу—схимнику, Ѳеодосію Ворыпину, пользовавшемуся у старообрядцевъ вообще прославленною страданіями за вѣру извѣстностію, лично управлявшему и Керженскими скитами, не трудно было пріобрѣсть духовный авторитетъ и на Керженцѣ и подчинить послѣдній Вѣткѣ. И дѣйствительно, онъ принималъ и личное участіе въ тогдашнихъ Керженскихъ спорахъ и несогласіяхъ, и разрѣшалъ на Вѣтковскихъ соборахъ недоумѣнія и жалобы, приносимыя ему отъ Керженскихъ и Нижегородскихъ пустынножителей.

Іона Курносый, авторъ другой „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ" разсказываетъ, что Ѳеодосій принималъ личное участіе на Керженскомъ соборѣ, по поводу происходившихъ тамъ споровъ о пріемѣ отъ никоніанства священниковъ и міринъ. Многіе въ то время и на Керженцѣ вмѣстѣ съ попомъ Исидоромъ Козмодемьянскимъ говорили, что „крещеніе отъ великороссійской церкви нѣсть крещеніе и обращающихся отъ россійской церкви начаша паки крестити, не взирающе же ни на древній обычай, ниже на правила церковныя". Мѣстное собраніе по этому вопросу хотя и пришло къ заключенію, что „не бы то исправленіе благочестія, но поврежденіе истины и обычая отъ правилъ преданнаго", тѣмъ не менѣе порѣшило, по словамъ того же старобрядческаго историка, обратиться на Вѣтку къ собраннымъ тамъ Ѳеодосіемъ отцамъ, чтобы они прислали „единаго отъ отецъ на укрѣпленіе обычая церковнаго. Попрошенію же ихъ," разсказываетъ далѣе Іона Курносый, „пріиде къ нимъ священноинокъ Ѳеодосій, который прежде былъ на Белмашѣ... Тогда же много увѣщающе оныхъ возмутителей, приводяще во свидѣтельство соборныя правила, а наипаче указующе на Павла, епископа Коломенскаго, прежде ихъ бывшаго, како повелѣваше въ жизни своей обращающихся пріимати: аще суть священницы, то съ первою хиротоніею, и вовторы не хиротонисатися. И потомъ запретиша крестити паки; повелѣваше же пріимати обращающихся и кающихся съ писаніемъ и мvропомазаніемъ, по правиламъ св. отецъ..." Интересно заключительное замѣчаніе Іоны Курносаго о практикѣ самаго Ѳеодосія въ данномъ случаѣ: „сей же священноинокъ Ѳеодсій обращающихся пріималъ по соборному тому уложенію, чрезъ мvро, и потомъ паки возвратися на Вѣтку къ церкви, и, тамо пребывая

труды ко трудамъ прилагая" [1])... Такимъ образомъ оказывается, что Θеодосій, перекрещивавшій въ Донскихъ городахъ окрещенныхъ, въ вѣтковскій періодъ своей дѣятельности рѣзко измѣнилъ свою прежнюю практику и явно вступилъ на путь болѣе умѣреннаго отношенія къ господствующей церкви, чѣмъ какое и раньше и въ то время пробивалось у болѣе крайнихъ представителей старообрядства, наприм. на новгородскомъ сѣверѣ, на Дону въ ученіи Кузьки Косаго и другихъ, и даже въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ въ ученіи попа Стефана и его послѣдователей.

Дѣятельное участіе Θеодосій Ворыпинъ принималъ и въ другихъ Керженскихъ спорахъ начала XVIII в. Тамъ въ то время боролись три толка: Онуфріевскій, Софонтьевскій и только что вновь тогда образовавшійся Діаконовскій. Исторія отношеній Θеодосія къ этимъ толкамъ и главнымъ образомъ къ Діаконовскому весьма обстоятельно разсказывается въ его посланіи на Керженецъ 1709 г., давно извѣстномъ, и въ двухъ рукописныхъ сборникахъ Хлудовской библіотеки (№№ 340 и 341, по описанію А. Попова), составленныхъ на Вѣткѣ въ опроверженіе діаконовскаго согласія. Посланіе Θеодосія, писанное на старинномъ долгомъ столбцѣ, почему и называется нерѣдко въ старообрядческихъ рукописяхъ „свиткомъ", напечатано протоіереемъ Журавлевымъ въ

---

[1]). Ист. о бѣгств. свящ. Іоны Курносаго напечатана частію Г. В. Есиповымъ въ приложеніяхъ ко 11 т. его сочиненія: Раск. дѣла XVIII ст. (Спб. 1863), безъ обозначенія почему-то имени ея автора. Авторъ этой исторіи, раскольничій писатель поповщинскаго толка, жилъ во второй половинѣ XVIII в. въ извѣстномъ Комаровскомъ скиту, въ 25 в. отъ г. Семенова. Объ этой исторіи и ея авторѣ, какъ поповщинскомъ историкѣ, болѣе обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія сообщилъ П. И. Мельниковъ въ своихъ Ист. оч. поповщ. (Ч. 1, стр. 26—28, примѣч). и называлъ его однимъ изъ самыхъ умныхъ и начитанныхъ старообрядцевъ того времени. Не такъ смотрить на него проф. Н. И. Субботинъ. Онъ называетъ Іону Курносаго „писателемъ безграмотнымъ и недобросовѣстнымъ", главнымъ образомъ на томъ основаніи, что недобросовѣстность его уличали и сами старообрядцы (Никодимъ) на извѣстномъ московскомъ раскольничьемъ соборѣ 1779—1780 г., по поводу споровъ „о томъ, коимъ чиномъ пріимати приходящихъ отъ великороссійскія церкви поповъ и мірянъ». Журавлевъ: Пол. ист. изв. о раск. ч. IV, стр. 62—65. Въ данномъ случаю Іона Курносый рѣзко расходится съ Ив. Алексѣевымъ, который говоритъ, что Θеодосій, якоже и прежніи отцы, новотвор-

„Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ" (ч. IV, 8—15), но въ значительно сокращенномъ видѣ. Хлудовскій сборникъ подъ № 340 составляетъ небольшую рукопись, всего на 53 л., въ 8-ку, писанную скорописью XVIII в., и состоитъ въ сущности изъ одной статьи съ нѣсколькими къ ней приложеніями, озаглавленной такъ: „Возообъявленіе обители Покрова пресвятыя Богородицы Вѣтковскаго монастыря казначея Павла и головщика Филарета и уставщика Изосимы и соборныхъ старцевъ Тихона, Ѳеодосія и прочихъ". Это „Возобъявленіе" есть почти буквальное воспроизведеніе посланія Ѳеодосія 1709 г. на Керженецъ, сдѣланное въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка и заключающее въ себѣ, съ соотвѣтственнымъ примѣненіемъ къ тогдашнему положенію борющихся между собою толковъ, довольно подробную и обстоятельную исторію борьбы Вѣтковщины съ Діаконовщиной при Ѳеодосіи и послѣ него до 1728 г. включительно. Оно обращено къ „правовѣрнымъ христіанамъ, сыновомъ св. церкви", чтобы они при чтеніи посланія Ѳеодосія „умилилися и новоначинательныхъ распрей престали". По своему общему содержанію оно направлено главнымъ образомъ противъ современныхъ его написанію Вѣтковскихъ и Стародубскихъ діаконовцевъ, начавшихъ переселяться съ Нижегородскаго поволжья въ Вѣтковскія и Стародубскія слободы еще при жизни Ѳеодосія Урывпина и потомъ усилившихся здѣсь во время миссіонерскихъ пре-

ныхъ крещеніе повторяше своими крещеніемъ и въ семъ согласоваше древнимъ іереемъ, предъ нимъ бывшимъ. Относительно пріема новорукоположенныхъ и Алексѣевъ прямо говоритъ, что онъ открылъ дверь и начало „положилъ онымъ священнодѣйствати, откуду поступающіи по немъ уже и новокрещенныхъ и новорукоположенныхъ поповъ пріемлютъ и даютъ имъ власть священная дѣяти, не яко прежніи іереи," что настоящіи по немъ въ пріемѣ хиротоніи новыхъ согласуютъ Ѳеодосію, а въ крещеніи новотворныхъ иначе поступаютъ. Ibid. стр. 63. По всей вѣроятности и въ послѣднемъ отношеніи Алексѣевъ руководился своими тенденціозными соображеніями—доказать незаконность старообрядческаго іерейства самой его исторіей; во всякомъ случаѣ Іона Курносый здѣсь точнѣе отмѣчаетъ практику вѣтковскаго согласія, чѣмъ Алексѣевъ. По установившейся издавна Вѣтковской практикѣ происходящихъ отъ великороссійской церкви принимали вторымъ чиномъ, перемазывая во второй разъ мѵромъ, т. е. именно такъ, какъ сообщаетъ Іона Курносый, а не Ив. Алексѣевъ. Указанія на этотъ счетъ есть и въ Лѣтоп. Як. Бѣляева.

слѣдованій ихъ въ поволжьи еп. Питирима [1]). Другій Хлудовскій сборникъ гораздо значительнѣе перваго по объему (373 л. л. въ 8-ку) и содержанію. По времени своего происхожденія онъ относится приблизительно къ тридцатымъ годамъ прошлаго вѣка и составленъ несомнѣнно на Вѣткѣ, какъ и первый, и представителемъ Вѣтковскаго согласія, крайне враждебно относившимся къ Діаконовщинѣ. Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ для насъ особенно важно въ данномъ случаѣ „Описаніе пренія старца Ѳеодосія съ нѣкоимъ Тимоѳеемъ Матвѣевымъ Лысениномъ и съ ученикомъ его Василіемъ Власовымъ и съ ихъ единовольники о честномъ и животворящемъ крестѣ Христовѣ... (л. 126—143), напечатаное нами въ Матеріалахъ для ист. раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ подъ № 1 (стр. 3—9). Преніе это происходило на Вѣткѣ 9-го іюня 1709 г.

О личности Т. М. Лысенина нѣтъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Извѣстно только то, что онъ жилъ съ семействомъ первоначально на Керженцѣ, потомъ переселился на Вѣтку и былъ здѣсь однимъ изъ видныхъ представителей Діаконовскаго толка. По всей вѣроятности онъ же принималъ участіе въ борьбѣ съ извѣстнымъ Онуфріемъ изъ за Аввакумовыхъ писемъ, обличая въ нихъ „неправое мудрованіе“ Аввакума, слывшаго на первыхъ порахъ у раскольниковъ за „изящнаго страдальца“ за старую вѣру, „за протосингела россійскія церкви“. По крайней мѣрѣ извѣстно письмо нѣкоего Тимоѳея Матвѣева къ Онуфрію, отъ 22-го іюня 1708 г., въ которомъ онъ убѣждалъ послѣдняго отложить „спорныя и не церковныя письма“ Аввакума, „понеже они не согласны съ божественнымъ писаніемъ“ какъ въ ученіи о св. Троицѣ, такъ и въ ученіи о крестѣ Христовѣ. „Да въ его же письмахъ Аввакумовыхъ“, писалъ Тимоѳей Матвѣевъ, „крестъ святый четвероконечный римскою блядію нареченъ“. *Вопросъ* о четвероконечномъ крестѣ былъ главнымъ пунктомъ пренія Лысенина и съ Вѣтковскимъ старцемъ Ѳеодосіемъ Ворыпинымъ. Для характеристики этого Тимоѳея Матвѣева интересно отвѣтное письмо ему Онуфрія, въ которомъ послѣдній писалъ: „Тимоѳей Матвѣевичъ, спаси

[1]) Въ одномъ изъ старообрядческихъ сборниковъ библ. Высокопреосвященнаго Макарія, хранящемся теперь въ библіотекѣ К. Д. Ак. (Аа., 148) сказано, что Нижегородскіе раздорники—діаконовцы поселились близь Ѳеодосіевой обители пресв. Богородицы.

Богъ на поученьѣ твоемъ, что насъ неразумныхъ поучаешь и наказуешь; а хорошо бы, другъ, намъ мѣра своя знать. Высоко ты летаешь; да лише бы съ высоты тое не свалился низу. Отъ кого ты учительское-тъ санъ воспріялъ, и кто тебя въ учители-то поставилъ! Всѣ учители стали, а послушать не кому. Горе намъ и времени сему и живущимъ въ немъ! Дитя ты молоденькое, а дерзаешь высоко; а намъ право и слушать не хочется учительства твоего... Хороши вы учители! Иной пришолъ грозитъ: палками де прибьемъ. Добро увидимъ, какъ станете бить. А иной грозитъ: предательствомъ намъ предательство... А мы тебя и незнаемъ, кто ты; а поученіе-то твое не нужно намъ: самъ прежде научися, и тогда не скоро на себя учительское-тъ санъ восхищай"...[1]). Характеристика эта вполнѣ подходитъ, какъ увидимъ изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, и къ Тимоѳею Матвѣеву Лысенину, спорившему на Вѣткѣ съ старцемъ Ѳеодосіемъ.

Сущность споровъ Лысенина и другихъ первоначальныхъ сторонниковъ Діаконовскаго толка съ старцемъ Ѳеодосіемъ Ворыпинымъ, по указаннымъ источникамъ, состояла въ слѣдующемъ. Лысенинъ называлъ истиннымъ и животворящимъ кре-

[1]) Письмо Т. Матвѣева отъ 22-го іюня 1708 г. и отвѣтное ему письмо Онуфрія напечатаны Г. В. Есиповымъ во 11 т. его книги: «Раск. дѣла XVIII ст.», стр. 244—249. Въ этой перепискѣ, какъ и въ письмахъ Никодима, бывшаго друга и единомышленника Онуфрія, и въ отвѣтномъ на него письмѣ Тимоѳея Матвѣева, отъ 18-го октября 1708 г., послѣдній по фамиліи не называется. О письмахъ Аввакумовыхъ см. у Журавлева въ «Ист. изв. ч. I, 81—82, ч. III, 2, 7. Ист. рус. раск. Макарія, стр. 316—319; Матер. для ист. раск. т. VI; Брат. слово 1875 г., ст. объ Аввакумѣ, стр. 265 и д., от. 2; наше Опис. ркп. черн. сем. биб., №№ 135—136, статьи: 1) «Собраніе отъ божеств. пис. вкратцѣ на обличеніе ложныхъ и нецерковныхъ, несогласныхъ съ божеств. писаніемъ св. отецъ писемъ протопопа Аввакума, отложенныхъ христіанскимъ соборомъ въ лѣто отъ созданія міра 7217, мѣсяца ноября въ 28 день». 2) Доказательство отъ божеств. писанія о св. Троицѣ»..., написанное въ обличеніе нецерковныхъ, ложныхъ, спорныхъ писемъ Аввакума. Стр. 141. 142, 145—146. Въ «Обличеніи на протопопа Андрея Большія Охты (ркп. Хлудов. библ. № 302) письма о св. Троицѣ, приписываемыя Аввакуму, называются подложными, «никогда же писанными и по смерти его (Аввакума) явленными, непотребными и злохульными на самое Божество» (л. 102). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что они сочинены «нѣкими вредоумными и кривослагательными людьми». См.

стомъ Христовымъ, какъ и всѣ послѣдующіе Діаконовцы, крестъ двучастный или четвероконечный, и признавалъ его „равнымъ и единочестнымъ трисоставному кресту Христову величествомъ", который сложенъ „отъ трехъ древесъ, отъ кипариса, и пѣвга, и кедра", какъ учили Вѣтковцы и старецъ Өеодосій. Этотъ споръ о двучастномъ и трисоставномъ крестѣ Христовомъ долго потомъ волновалъ Діаконовцевъ и Вѣтковцевъ, принимая за частую очень рѣзкую по выраженіямъ форму, какъ было и въ данномъ случаѣ. О предметѣ этого спора Лысенинымъ была написана цѣлая книга, „а въ ней", по словамъ втораго источника, „писано его Тимоөеево мудрствованіе и отъ божественнаго писанія сбирано развращенно, по его снизшедшему разуму и по еретическому обычаю: откровенное писаніе овое напреди оставляше, овое же въ срединѣ обхождаше, овое же послѣди оставляше"... Въ личныхъ спорахъ о томъ же предметѣ Лысенинъ называлъ „старца Өеодосія отметникомъ креста Христова при многихъ отцѣхъ и мірскихъ людехъ"..., а о священномъ предметѣ спора выражался крайне дерзко и кощунственно. Между прочимъ въ „Описаніи пренія" приведенъ такой разговоръ между старцемъ и міряниномъ о двучастномъ крестѣ.

Мірянинъ. Сей крестъ (двучастный) како называешь? Христовъ, или Петровъ, или инако како?

Старецъ. Никако, токмо прообразованіе креста Христова нарицаю.

Мірянинъ. Рцы отъ обою едино: Христовъ или чортовъ?

Старецъ. Ты рече; азъ о семъ глаголѣ твоемъ потребы не имамъ навыкнути.

Мірянинъ. Христовъ или того же?

Старецъ. Время глаголати, время и молчати.

Мірянинъ (возъяривcя). Глаголю ти, отъ обою едино рцы...?

Старецъ. Азъ съ тобою о семъ въ словопреніе невдамся, но еже что отъ писанія увижу, то ти реку.

Подобнымъ же образомъ высказывались о томъ же предметѣ и ученики Лысенина, какъ видно изъ указанныхъ нами

о нихъ тамъ л.л. 109, 123 и 232. Набрасывается даже тѣнь въ сочинительствѣ ихъ на св. Димитрія Ростовскаго (л. 109). Первый изъ раскольничьихъ писателей, пытавшійся опровергнуть самую подлинность Аввакумовыхъ писемъ, былъ Семенъ Денисовъ, высказавшій эту мысль въ своемъ «Виноградѣ россійскомъ» (ст. объ Аввакумѣ).

источниковъ. Въ „Возобъявленіи" разсказывается, что „былъ у старца Ѳеодосія Тимоѳеевъ Лысенина ученикъ Василій Власовъ и сложилъ на крестъ два угарка лучиновые, и, перекрестяся, цѣловалъ ихъ, и еще перекрестивъ, и поклонился имъ, а исповѣдывалъ истиннымъ и животворящимъ крестомъ Христовымъ и единочестнымъ и едину де славу имущимъ съ трисоставнымъ. И поклоняся и исповѣдавши истиннымъ крестомъ Христовымъ, тѣ угарки кинулъ на землю" (Хлудов. сб. № 340, л. 33). Онъ же считалъ возможнымъ называть истиннымъ и животворящимъ крестомъ и поклоняться всякому по своей внѣшней формѣ кресту, даже начертанному ногтемъ или мѣломъ на стѣнахъ и на картахъ, а также на столѣ пивомъ „и на нечистыхъ мѣстахъ лежащему на крестъ" (Ibidem, л. 36)[1]. „Да онъ же Василій", по словамъ того же источника, „не токмо словесно, но и письменно написа, что де у Никоніанъ на просфорахъ напечатанъ двучастный крестъ и тотъ де истинный и животворящій крестъ Христовъ, на немъ же распятся Господь нашъ І. Христосъ, и якобы они въ томъ съ никоніяны согласны, а въ прочихъ новыхъ преданіяхъ несогласны"[2]. Другой ученикъ Лысенина Тимоѳей Алексѣевъ, по другой редакціи Тимоѳей Аѳанасьевъ, дворянинъ по своему происхожде-

[1]) Ср. въ вышеупомянутомъ рукопис. сборн. Высокопреосв. Макарія въ церковно-археолог. Музеѣ при К. Д. Ак. Аа., 148, л. 151.

[2]) О дальнѣйшей судьбѣ Василья Власова извѣстно, что онъ въ 1719 г., какъ одинъ изъ закоренѣлыхъ противниковъ и учителей раскольническихъ, былъ присланъ еп. Питиримомъ къ Юрію Ржевскому для наказанія. А наказаніе ему учинено такое: былъ битъ кнутомъ и посланъ на каторгу съ вырѣзаніемъ ноздрей. См. представленіе Ржевскаго Петру I, отъ 12 февраля 1719 г. Каб. дѣла, кн. 42, стр. 11—12. Есиповъ: раск. дѣла, 11, приложенія, стр. 202. Въ реестрѣ 1721 г., кто за какія вины сосланы на каторгу въ вѣчную работу (Госуд. арх. каб. дѣлъ, 2 от., кн. № 56, лл. 925—926; Есиповъ, 11, стр. 269) сказано, что Власовъ сосланъ «за возмущеніе народа и за ложное его называніе книги *Соборнаго дѣянія*, которая, по его, великаго государя, указу, печатана въ Москвѣ на еретика армянина Мартына, *ложною и подставною*»... По указу отъ 27 октября 1722 г. посланные въ Сибирь, по письму еп. Питирима, каторжные невольники, «между которыми Василій Власовъ злой раскольщикъ и учитель», поворочены и посланы въ вѣчную работу въ Рогервикъ. М. А. М. Ю. Дѣла правит. сен. по св. син. кн. № $\frac{45}{807}$, дѣло № 9).

нію, тогда же предъ отцами говорилъ, что онъ „бороды ради пошелъ изъ двора“ и „отъ Москвы отсталъ“, и что „ двоечасный крестъ на просфорахъ и въ сердцы и въ души самый совершенный, божественный и животворящій крестъ Христовъ“, а „трисоставный де крестъ не апостольское преданіе, но царя Ивана Васильевича новая затѣя“. Хлудов. сб. № 340, л. 38 и об.; № 341, лл. 120 и 143.

По поводу этого спора „о образѣхъ крестныхъ“ Лысенинъ съ учениками былъ призванъ Өеодосіемъ Ворыпинымъ на соборъ, имѣвшій прежде всего въ виду „досмотрить и съ божественнымъ писаніемъ сличить“ книгу о томъ Лысенина. Послѣдній книги на соборъ не принесъ и остался съ учениками при своемъ „мудрствованіи“, почему „отцы и правовѣрніи вси купно возгласиша: не имѣти съ ними общенія и со единомысленники ихъ“. Между прочимъ на этомъ же соборѣ рѣчь шла и о приписываемомъ Өеодосіемъ Василію Власову мнѣніи, „еже бы на дву древѣхъ распятіе Господне писати“. На замѣчаніе по этому поводу Өеодосія Лысенинъ отвѣтилъ: „аще истина сія глаголанная, ересь латынская, еже на дву древѣхъ распятіе писати“.

Нижегородскихъ раздорниковъ Өеодосій судилъ съ своими Вѣтковскими отцами и на соборѣ 1710 г., когда „Нижегородскихъ странъ скитьстіи пустыножительніи отцы, древній старецъ Сергій страдалецъ и Яковъ Зубовъ и прочіи“, обратились къ Вѣтковскому старцу, ихъ духовному отцу, съ жалобой на попа Димитрія, діакона Александра и извѣстнаго уже намъ Тимоөея Лысенина [1]). Жалоба указанныхъ пустынножителей состояла въ томъ, что „начаша де оніе сами собою, безъ совѣту протчихъ отецъ, вново кадити двукратно, и трикратное каженіе отставили. Еще де начаша въ томъ каженіи прообразовати крестъ и видимо начертовати вмѣсто тричастнаго двучастный. И трикратнымъ де каженіемъ по толкованію святыхъ святая Троица прообразуется и славится во всемъ мірѣ; а они де двократнымъ каженіемъ св. Троицы прообразовати и славити купно съ правовѣрными,

---

[1]) По свидѣтельству св. Димитрія Ростовскаго именемъ Якова Зубова назывался особый скитъ, и что его послѣдователи, какъ и онъ самъ, «крестъ четвероконечный, якоже и прочіи раскольщики, отмещутъ, имутъ же сожительствующыя себѣ въ единыхъ келіяхъ купно монахини»... Розыскъ, ч. 1, л. 27.

по преданію св. апостолъ и отецъ, не восхотѣша. Еще же де они сладкій крестъ во образъ двудревного въ какой-либо вещи въ древѣ или начертанному на стѣнѣ клапяются, и протчимъ кланятися научають, и почитать равночестію трисоставному кресту Христову повелѣвають, и нарицають четвероконечнымъ и знаменіемъ Христовымъ и самымъ крестомъ истиннымъ и животворящимъ"... (Хлуд. сб. № 340). Новоначинники названы въ этой жалобѣ „злыми раскольщиками и хищниками словесныхъ овецъ", за то, что „перемѣнили де они многіе чины и уставы церковные". Жалоба была написана по старинному на столбцахъ.

Вмѣстѣ съ присланными отъ Нижегородскихъ пустынножителей столбцами явились на Вѣтку и сами виновники нововведеній—попъ Дмитрій и дьяконъ Александръ. По поводу какъ жалобы нижегородскихъ скитниковъ на новоначинниковъ—діаконовцевъ, такъ и другихъ привезенныхъ отъ нихъ „писаній" относительно дѣйствій Софонтія, Онуфрія и прочихъ Нижегородскихъ раздорниковъ, Ѳеодосій созвалъ на соборъ не только своихъ монастырскихъ иноковъ, но и окрестныхъ „искусныхъ иноковъ, не въ дальнемъ разстояніи живущихъ: инока отца Нифонта, инока схимника Варѳоломея, инока схимника Гавріила, инока схимника Сергія и ученика его инока схимника Іова". Изъ вѣтковскихъ соборныхъ старцевъ принимали участіе на соборѣ: инокъ Серапіонъ, бывшій въ то время казначеемъ, инокъ схимникъ Филаретъ, схимникъ Зосима, инокъ Павелъ и прочая братія. Присутствовали на соборѣ и депутаты со стороны Нижегородскихъ пустынножителей. Прежде всего на этомъ Вѣтковскомъ соборѣ прочитана была жалоба Нижегородскихъ отцовъ; затѣмъ были призваны явившіеся на Вѣтку попъ Дмитрій и діаконъ Александръ, и „предъ отцомъ своимъ духовнымъ Ѳеодосіемъ, по св. заповѣди, были вопрошены и въ томъ подлинно сами сказали, что двократнымъ каженіемъ стали кадить сами собою и безъ совѣту Нижегородскихъ отецъ; а прежде де того они и сами кадили по обычаю св. церкви, и то де отставили... Потомъ пріиде статія о крестѣ Христовѣ, что будто они не право мудрствують о честнѣмъ животворящемъ трисоставномъ крестѣ Христовѣ и о четвероконечномъ, и тогда мы ихъ въ томъ истязали. И они стали сказывать, что мы де вѣруемъ и исповѣдуемъ, како пріяла церковь Христова, согласно со святыми; и потомъ веземъ присланный отъ васъ (Нижегородскихъ

пустынножителей) столбецъ о крестѣ Христовѣ, выписано отъ божественнаго писанія и отъ святыхъ отецъ преданія..., и къ вашему столбцу, что исповѣданіе о крестѣ Христовѣ, и руки приложили съ клятвами, и такую же исповѣдь и намъ дали за руками своими.

„Еще и въ томъ сказали и повинились, что де они отъ дву древъ начертанному кресту или отъ вещи сдѣланному покланялися и протчихъ кланяться научали, и почитали равночестію съ трисоставнымъ крестомъ Христовымъ.

„Потомъ они, попъ и діаконъ, предъ отцемъ своимъ духовнымъ, предъ Ѳеодосіемъ и протчими, клятвенно обѣщали и своеручно по клятвенному обѣщанію руки подписаша и рекоша, чтобы имъ отъ того мудрованія престати и протчихъ неучити, и написанную книгу о томъ мудрованіи, совѣтника ихъ Тимоѳея Лысенина книгу, сыскати, и тое книгу принести предъ Нижегородскихъ отецъ на соборъ, и въ той книгѣ несогласное и противное мудрованіе чтобъ до конца истребити...

„А по клятвенномъ обѣщаніи и по исповѣданіи священноинокомъ отцемъ Ѳеодосіемъ, сподоби ихъ быти причастниками св. таинъ, еще часть пречистыхъ таинъ на путное шествіе даде“ (Хлудов. сборн. № 340).

Такимъ образомъ, нижегородскіе раскольничьи новаторы или раздорники, попъ Димитрій и діаконъ Александръ, отказались на Вѣтковскомъ соборѣ какъ отъ своего уставнаго кажденія, такъ и отъ принятаго ими мудрованія Тимоѳея Лысенина относительно формъ креста Христова, и въ томъ у Ѳеодосія и Вѣтковскихъ отцовъ прощеніе испросили, „въ чемъ было отъ неразумія, или отъ дерзости, свару въ словесѣхъ и дѣлѣхъ погрѣшеніе“.

Результатомъ того же собора было и извѣстное Вѣтковское соборное посланіе 1710—г. въ нижегородскіе скиты, напечатанное въ сокращеніи протоіереемъ Журавлевымъ въ „Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ“. (Изд. 2, ч. IV, стр. 8—15). Оно было написано и отправлено по назначенію тотчасъ же послѣ описаннаго Вѣтковскаго собора съ попомъ Димитріемъ и діакономъ Александромъ [1]). Что посланіе было отправлено въ Ни-

[1]) Въ литературѣ по исторіи раскола по какому-то странному недоразумѣнію нерѣдко относятъ это посланіе къ 1717 г., напр. преосв. Макарій въ Ист. рус. раск., стр. 230, относитъ ко времени „прежде 1717 г“., другіе, какъ Г. В. Есиповъ (Раск. дѣла XVIII в., т. II, стр. 216), проф. Н. И. Ивановскій (Руков. къ ист. и облич. раск., стр.

жегородскіе скиты съ попомъ Димитріемъ и діакономъ Александоомъ, о томъ въ указанномъ Хлудовскомъ сборникѣ, послѣ приведенныхъ жалобныхъ пунктовъ и повинной предъ Ѳеодосіемъ главныхъ виновниковъ измѣненій „чиновъ и церковныхъ уставовъ“, прямо сказано: „такожъ оный отецъ Ѳеодосій и протчіи отцы сошедшася соборнѣ написаша и послаша съ ними (п. Димитріемъ и д. Александромъ) посланіе за руками“.. Посланіе это есть подробный и обстоятельный отвѣтъ на всѣ „писанія“ нижегородскихъ скитниковъ, по поводу многихъ „раздоровъ, сваръ и раздѣленій единовѣрноживущихъ“, производимыхъ не только послѣдователями діакона Александра, а также и послѣдователями Софонтія, Онуфрія и др. Здѣсь Ѳеодосій обращается ко всѣмъ начальствующимъ скитникамъ, инокамъ и инокинямъ, и говоритъ съ ними, какъ власть имѣющій духовный начальникъ. Разрѣшая недоумѣнія, возбужденныя діакономъ Александромъ и его приверженцами, прежде всего по вопросу объ уставномъ и крестообразномъ кажденіи, Ѳеодосій со властію повелѣваетъ имъ „отселѣ престати тако кадить, и кадить бы по древнему церковному обычаю, ради умиренія и соединенія церковнаго и всего православнаго христіанства сумнѣнія.... И прочетше наше сіе посланіе обще предъ всѣми, примиритеся и согласитеся во едино..., и отъ насъ смиренныхъ прощеніе пріимете. Аще же кто начнетъ паки мятежъ и смущеніе чинити, и насъ ко исправленію не послушаютъ, мы таковаго чужди во всемъ, и да будутъ отлучени отъ церкви, дондеже смирятся, тогда и прощеніе получатъ“. Говоря далѣе о недоумѣніяхъ, возбужденныхъ у нижегородскихъ раскольниковъ попомъ Герасимомъ, Ѳеодосій благословляетъ ходить къ нему „на духъ“ и разрѣшаетъ ему „всякую святыню исправляти, того ради, что въ писаніи къ намъ присланномъ и рука его приложена, что отъ насъ смиренныхъ прощенія проситъ и благословенія требуетъ, и отъ церкви православныя нашея пріемлетъ святое тѣло“... Совсѣмъ инымъ образомъ относится Ѳеодосій къ противникамъ Вѣтковской церкви, не признающимъ его духовнаго

133) уже прямо къ 1717 г. Между тѣмъ во всѣхъ нами указанныхъ рукописяхъ и главнымъ образомъ въ Хлудов. сборникѣ № 340, л. I. время написанія и отправленія посланія отмѣчается отъ сотворенія міра 7218 годомъ, т. е. 1710 г. отъ Р. Хр.

авторитета: онъ имъ грозитъ лишеніемъ „при самой смерти таинъ Христовыхъ“. Обращаясь затѣмъ къ Софонтію, организатору особаго Керженскаго скита, неподчинявшемуся духовному авторитету Вѣтковской церкви и ея представителя, Ѳеодосій запрещаетъ дѣтямъ своимъ духовнымъ ходить къ Софонтію и принимать его за священника: „потому что онъ причастія святаго отъ церкви нашея и отъ насъ смиренныхъ не требуетъ, и отца духовнаго себѣ не имѣетъ, и поставленія его вѣдаючи отъ Никоніанъ сталъ. Еще и то сказываетъ онъ, что и людей жигалъ, и иное творитъ не по уставу церковному [1]).

Подозрительно Ѳеодосій относится и къ старцу Онуфрію и другимъ Керженскимъ почитателямъ извѣстныхъ догматическихъ писемъ „изящнаго страдальца“ и „протосингела Христовы церкве“ Аввакума, которые считали ихъ даже „вѣчнымъ евангеліемъ“. Въ нихъ Аввакумъ, какъ извѣстно, грубо антропоморфически представлялъ и исповѣдывалъ Троицу „на трехъ престолахъ и трибожну и въ трехъ лицахъ по три состава, а Христа называлъ четвертымъ Богомъ, сѣдящимъ на четвертомъ престолѣ“ и пр. Онъ же Аввакумъ, какъ извѣстно, еще раньше слишкомъ человѣкообразно училъ объ ангелахъ: „глаголаше у нихъ власы быти и торочки на главахъ, и зерцала въ рукахъ и крыла у нихъ“ и т. д. (Брат. Слов. 1875 г., кн. IV, отд. 2, стр. 258 и д.). Какъ ни очевидны были догматическія заблужденія этихъ Аввакумовскихъ писемъ, но и они нашли себѣ приверженцевъ между невѣжественными Керженскими скитниками, во главѣ которыхъ и стоялъ вышеупомянутый старецъ Онуфрій, наставникъ одного изъ многочисленныхъ тамошнихъ скитовъ. Изъ—за этихъ писемъ раздоръ на Керженцѣ начался еще въ концѣ XVII в., приблизительно съ 1693 г., когда Ѳеодосій Ворыпинъ дѣйствовалъ тамъ совмѣстно съ извѣстнымъ въ исторіи старообрядства Пошехонскимъ дворяниномъ Ѳ. Я. Токмачевымъ. Послѣдній, болѣе другихъ понимавшій христіанское ученіе, первымъ изъ Керженцевъ обратилъ вниманіе на противность въ догматическомъ отношеніи писемъ Аввакума „православному

---

[1]) Софонтій былъ выходцемъ изъ Соловецкаго монастыря. Память его и до нынѣ чтится мѣстными старообрядцами. Въ исторіи Нижегород. іерархіи разсказывается, что мощи его и доселѣ привлекаютъ къ себѣ благоговѣйныхъ почитателей (въ Семен. уѣздѣ, Нижегород. губ., около Дьякова), стекающихся сюда на пасхѣ и въ Духовъ день для поклоненія. Стр. 37, примѣч. 7.

мудрованію и святымъ богословцамъ", напр. о сѣченіи св. Троицы на три существа, о воплощеніи Богочеловѣка, о сошествіи Христовѣ во адъ, человѣческой душѣ и пр. По поводу начавшихся изъ—за Аввакумовыхъ писемъ споровъ собиралось на Керженцѣ множество многолюдныхъ сходокъ и составлялось много посланій. Онуфрій упорствовалъ, читалъ Аввакумовскія письма во время церковной службы, написалъ даже икону Аввакума и началъ молиться ей, посылалъ своихъ учениковъ въ окрестныя села съ проповѣдью Аввакумова ученія. Борьба эта неразъ доходила до такого ожесточенія, что спорившіе прибѣгали къ оружію, къ пищаламъ и саблямъ. Послѣ нѣсколькихъ сходокъ, на которыхъ Онуфрій оказывался постоянно несостоятельнымъ, потому что не могъ, конечно, доказать своего ученія изъ свящ. писанія, онъ, наконецъ, въ виду угрозы отлученія отъ общенія, рѣшительно отказался отъ своего ученія; самыя письма были сожжены предъ народомъ. Въ мировомъ свиткѣ, подписанномъ 9 Керженскими старцами, было положено „предавать церковной казни и отлучать отъ общенія всѣхъ, кто впредь будетъ читать письма Аввакума, по нимъ мудрствовать и учить или защищать и въ міръ объявлять". Однако Ѳеодосій Ворыпинъ на Вѣткѣ не вѣрилъ мирному соглашенію Керженскихъ учителей съ Онуфріемъ, хотя и закрѣпленному „соборнымъ писаніемъ" 28-го ноября 1708 г. и приложеніемъ рукъ, по которому Онуфрій и его сторонники рѣшились „учить и мудрствовать по писанію святыхъ, а не по письмамъ Аввакумовымъ". Для прекращенія волненій Ѳеодосій приказывалъ Керженскимъ старцамъ „крѣпко и опасно" испытать искренность раскаянія Онуфрія и его приверженцевъ, а именно, „отъ души ли они отлагаютъ тѣ письма", такъ долго волновавшія Керженскихъ грамотныхъ старообрядцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ на такомъ принятіи Онуфрія въ общеніе съ Вѣтковскою церковію, которое было бы произведено „по правиламъ и общимъ совѣтамъ со священники и со всѣми христіаны опасно и крѣпко, выписавши всѣ вины изъ писемъ Аввакумовыхъ и разославши о томъ вѣдомостѣ къ Москвѣ и по городамъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось скиты обоихъ странъ, ради исправленія многихъ душъ христіанскихъ, обойти съ обличеніемъ всѣхъ заблужденій Онуфрія, съ радѣніемъ и нелѣностно. Изъ посланія Ѳеодосія видно, что и угроза отлученія не произвела своего дѣйствія на всѣхъ послѣдователей Онуфрія. Именно въ посланіи онъ

писалъ, что „нынѣ, послѣ его старца Онуфрія лицемѣрнаго миру и обману, учинилося наипаче разсѣченіе и раздоръ и стоятъ за нихъ (за письма) наипаче прежняго, и насъ правыхъ христіанъ вельми поносятъ и говорятъ ругательно..., и отого учинилося смятеніе душамъ христіанскимъ“.

Вліяніе и авторитетъ Θеодосія въ то время на Керженцѣ былъ такъ силенъ, что безъ благословенія Вѣтковскаго настоятеля не могли дѣйствовать здѣсь и вновь приходящіе отъ великороссійской церкви попы. Этому вопросу повидимому было посвящено первое несохранившееся посланіе Θеодосія на Керженецъ къ священнику Лаврентію, о которомъ между прочимъ упоминается и въ только что разсмотрѣнномъ нами посланіи Θеодосія. Здѣсь именно сказано: „А которые дѣти мои духовные ходятъ къ попу Авраамію *безъ моего благословенія*, и о томъ писано въ первомъ посланіи, что къ священнику Лаврентію“. Дѣло очевидно въ немъ шло о заманенномъ Лаврентіемъ на Керженецъ тамбовскомъ попѣ Авраамiѣ, называвшемся потомъ въ насмѣшку „лѣснымъ патріархомъ“, а также и попомъ „поротыя ноздри“. Послѣднимъ названіемъ онъ обязанъ жестокимъ миссіонерскимъ пріемамъ нижегородскаго еп. Питирима [1]).

Вотъ какія посланія разсылалъ Θеодосій Ворыпинъ, какъ настоятель церкви и покровскаго раскольничьяго монастыря на Вѣткѣ. Замѣтимъ кстати, что у подлиннаго посланія въ нижегородскіе скиты, только что нами разсмотрѣннаго, по указанію „Слова на прекословцевъ“ (Хлудов. сборн. № 351, л. 92 об.), приложены слѣдующія руки: „священникъ Θеодосій, священникъ Александръ, старецъ Нифонтъ, чернецъ Варфоломей, старецъ Гавріилъ, старецъ Іовъ вмѣсто отца Сергія, казначей Серапіонъ, старецъ Филаретъ, старецъ Зосима“. Посланіе было закрѣплено старцемъ Павломъ Вѣтковскимъ.

Ясно, что въ началѣ XVIII в. всѣ главные священники и чернцы, проповѣдники и учители поповщинскаго толка въ керженскихъ лѣсныхъ скитахъ были подчинены Вѣткѣ и ея главному представителю Θеодосію Ворыпину. Единственное исключеніе представляли въ то время одни послѣдователи и по-

---

[1]) Ист. изв. о раск. ч. IV, стр. 15 и др. Есиповъ: Раск. дѣла, т. II, 223—259. О попахъ Лаврентiѣ и Авраамiѣ подробности см. у Есипова, т. I, стр. 610—621, 636; т. II, стр. 571 и др.

читатели Софонтія, основателя одного изъ керженскихъ скитовъ, обыкновенно называвшихся по имени своихъ основателей. Старецъ Софонтій, какъ мы и видѣли выше изъ словъ самаго Ѳеодосія, старался игнорировать Вѣтковскую церковь и ея настоятеля, чтобы тѣмъ возвысить свое личное значеніе и кредитъ у своихъ послѣдователей. Изъ отвѣтовъ Софонтіевцевъ на 130 вопросовъ Питирима, предложенныхъ въ 1715 г. разнымъ керженскимъ главарямъ поповщинскаго раскола, непризнававшимъ православной церкви, видно, что между Софонтьевцами и Вѣтковцами были уже не малыя разногласія. Такъ, на вопросъ 31: „попъ аще кого второе креститъ сущимъ трикратнымъ погруженіемъ, можетъ ли таковый, безъ прощенія архіерейскаго, паки вся священнодѣйствовати", гдѣ спрашивающій имѣетъ въ виду хорошо знакомую ему практику нѣкоторыхъ вѣтковскихъ священниковъ,—представитель Софонтіевщины отвѣчаетъ: „у насъ таковая не творятся". На вопросы, относящіеся къ освященію Ѳеодосіемъ на Вѣткѣ мνра, тоже согласіе старается рѣшительно отдѣлить себя отъ Вѣтковцевъ: „попы наши мνра святаго не составляютъ, и правилъ таковыхъ не обрѣтаемъ; у насъ таковаго составленія мνра небывало и составляти тако не подобаетъ; таковое смѣшеніе за сущее святое мνро не имать быти" [1]). За этимъ единственнымъ исключеніемъ, вліяніе Вѣтки отъ времени Ѳеодосія Ворыпина продолжалось здѣсь до второй половины XVIII в., когда почти одновременно съ возвышеніемъ Стародубья, сталъ постепенно возвышатся Иргизъ, сдѣлавшійся на нѣкоторое время въ послѣдней четверти XVIII в. однимъ изъ видныхъ центровъ поповщинскаго раскола.

Предметомъ особенной заботливости Ѳеодосія были стародубскія и черниговскія раскольническія слободы, тогда еще слабо населенныя, находившіяся въ постоянномъ и непосредственномъ церковномъ общеніи съ Вѣткою и ея монастырями. Общеніе это поддерживалось какъ сравнительною близостью Вѣтки отъ Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ, такъ и рано начавшимися оживленными торговыми и промышленными сношеніями зарубежныхъ въ то время Вѣтковскихъ раскольниковъ съ Стародубьемъ и Малороссіей вообще. Напечатанные нами въ „Матеріалахъ для исторіи раскола на Вѣткѣ

---

[1]) Опис. нѣкот. соч., напис. рус. раскольн. А. Б. (Бровковича, впослѣд. архіеп. Никанора). Ч. II, стр. 165.

и въ Стародубьѣ" документы изъ конца XVII и начала XVIII в., по дѣлу Шелковникова о наслѣдствѣ и о захватѣ его же имущества войсковымъ товарищемъ Зѣнченкомъ, даютъ не мало указаній о существовавшихъ уже и въ то время дѣятельныхъ и оживленныхъ торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ между Вѣткой и Стародубьемъ. На ту же торгово-промышленную связь между зарубежными и малороссійскими раскольниками указываетъ и переписка шляхтича Халецкаго съ стародубскимъ полковникомъ С. И. Самойловичемъ и потомъ гетманомъ Мазепой. Въ свою очередь образовавшіеся на Вѣткѣ старообрядческие монастыри, пріютившіе значительное количество черцовъ и черницъ, разъѣзжавшихъ съ проповѣдью раскола и Вѣтковскими таинствами по довольно отдаленнымъ отъ Вѣтки мѣстностямъ обширной и въ то время Русской земли, имѣли предъ собою въ раскольничьихъ стародубскихъ и черниговскихъ слободахъ болѣе близкое и сподручное поприще для своей дѣятельности. Вѣтковскіе пропагандисты въ то время могли въ сѣверной Малороссіи пріобрѣтать и новыхъ членовъ раскола, такъ какъ сюда переселялись изъ Великороссіи далеко не одни раскольники и далеко не изъ однихъ религіозныхъ мотивовъ. Кромѣ временныхъ разъѣздовъ по стародубскимъ и черниговскимъ раскольничьимъ слободамъ вѣтковскихъ поповъ, чернецовъ и черницъ, какъ это дѣлалось повсюду въ русскихъ предѣлахъ, гдѣ жили раскольники, при Ѳеодосіи Ворыцинѣ было положено начало и болѣе устойчиваго порядка отношеній между Вѣткой и Стародубьемъ. Именно Ѳеодосій, по свидѣтельству старообрядческаго историка Ивана Алексѣева, отличающагося рѣдкой у раскольническихъ писателей правдивостью въ изложеніи событій, отправилъ въ эти слободы особаго постояннаго бѣлаго попа Бориса,—перваго попа, перезваннаго или просто переманеннаго имъ изъ Калуги. Это свидѣтельство Алексѣева подтверждается показаніемъ Еленскаго раскольника Ивана Парфенова Подпружникова, разсказывавшаго въ синодальной канцеляріи въ 1723 г., что попъ Борисъ былъ присланъ изъ зарубежа съ Вѣтки лѣтъ 15—17 тому назадъ. Именно онъ показывалъ 12-го іюня въ синодальной канцеляріи, что ушолъ на Вѣтку изъ Москвы изъ Сыромятной слободы лѣтъ 17 тому назадъ, жилъ на Вѣткѣ у пана Халецкаго „полтретья года", а потомъ сошелъ „въ дворцовое село Еленки", гдѣ съ семействомъ исповѣдывался и св.

таинъ причащался „*отъ присланнаго изъ за рубежа съ Вѣтки раскольническаго попа Бориса*“ [1]).

Попъ Борисъ первоначально перезванъ былъ Ѳеодосіемъ собственно для Вѣтки, когда тамъ въ концѣ XVII или самомъ началѣ XVIII в., по словамъ Алексѣева, „велія нужда наста въ тайнѣ брака“, при значительномъ наплывѣ изъ великорусскихъ областей новыхъ поселенцевъ — раскольниковъ, нежелавшихъ поступиться старорусскими обычаями и сдѣлаться „нѣмцами“, какъ выражались тогдашніе противники петровскихъ реформъ. Этотъ попъ Борисъ, имѣвшій, по тому же свидѣтельству, „крещеніе старое, а рукоположеніе новое“, поселился въ Стародубьѣ въ слободѣ Воронкѣ. Въ послѣдней слободѣ засталъ попа Бориса, получившаго отъ Ѳеодосія благословеніе „церковныя тайны по древнему совершати“, въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка извѣстный стародубскій миссіонеръ іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ. Въ своемъ письмѣ къ бурмистру стародубскихъ и черниговскихъ раскольничьихъ слободъ Ерёмѣ Карпову съ товарищи, Рѣшиловъ называетъ этого попа „пустопопомъ Борисомъ, первымъ принципаломъ и учителемъ“; вообще для обрисовки попа Бориса Рѣшиловъ не щадитъ красокъ; говоритъ, что онъ правитъ „козличнымъ стадомъ, смѣшеннымъ съ дивіими звѣрьми“, называетъ „жителемъ Вавилонскимъ“ и пр. Въ другомъ случаѣ говоритъ о немъ, что „въ его духовенствѣ двадцать слободъ“, что взять его самимъ миссіонерамъ, не прибѣгая къ содѣйствію свѣтской гражданской власти и солдатамъ, затруднительно, а „увѣщательнаго нашего писанія оной попъ Борисъ Калуженинъ не слушаетъ и у записанныхъ раскольниковъ креститъ младенцевъ и неосвященнымъ мνромъ мажетъ и вѣнчаетъ въ простыхъ избахъ“, и что причастіе имѣетъ отъ Вѣтковской церкви. Борисъ жилъ въ Стародубьѣ и послѣ миссіонерской здѣсь дѣятельности Рѣшилова, въ концѣ двадцатыхъ и даже самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, на что есть указанія въ позднѣйшемъ дѣлѣ о Воронковской лжехристовщинѣ, именно въ показаніяхъ Семена Моисеева и его свояченицъ, Анастасіи и Агаѳіи. Всѣ уцѣлѣвшія свидѣтельства о попѣ Борисѣ Калуженинѣ говорятъ, что онъ пользовался большимъ авторитетомъ и значеніемъ у стародубскихъ раскольни-

---

[1]) Ист. о бѣгств. свящ. стр. 63. Опис. док. д., хран. въ арх. св. Син. т. III, ст. 342.

ковъ и умѣлъ властвовать надъ умами своихъ прихожанъ, что Борису слобожане — раскольники, обыкновенно относившіеся критически къ своимъ бѣглымъ попамъ и нерѣдко вмѣшивавшіеся въ ихъ дѣйствія, повиновались всегда и во всемъ безусловно [1]).

Вліяніе Θеодосія Ворыпина и Вѣтковскаго монастыря при немъ далеко однако не ограничивались только Керженцемъ и Стародубьемъ. Въ самомъ началѣ XVIII в., еще при жизни Θеодосія, Вѣтковскіе иноки, число которыхъ по нѣкоторымъ указаніямъ уже въ то время простиралось „примѣрно со сто человѣкъ", равно какъ и „исправленные" Θеодосіемъ черные и бѣлые попы, перешедшіе отъ великороссійской церкви, дѣйствовали какъ раскольничьи миссіонеры въ Москвѣ, Калугѣ и другихъ центральныхъ великороссійскихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще въ XVII в. составились болѣе или менѣе значительные раскольничьи общины. Къ сожалѣнію, о дѣятельности Вѣтковскихъ пропагандистовъ этого періода, проникавшихъ въ самыя глухія мѣстности Россіи и имѣвшихъ значительное вліяніе на народныя массы, мы не имѣемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ свѣдѣній, за исключеніемъ случайныхъ указаній, находящихся въ разныхъ архивныхъ дѣлахъ первой половины прошлаго вѣка, относящихся къ исторіи раскола. Но и изъ этихъ случайныхъ указаній, частію уже сдѣланныхъ нами выше, частію же имѣющихъ быть сдѣланными въ слѣдующей главѣ, можно уже видѣть какъ сильна и обширна по пространству была дѣятельность Вѣтковскихъ иноковъ какъ пропагандистовъ раскола. Уже одинъ тотъ фактъ ясно свидѣтельствуетъ о силѣ и вліяніи Вѣтковской пропаганды, что на Вѣтку и въ окрестные съ ней мѣста въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. выселялись значительныя массы русскихъ людей не только изъ центральныхъ

---

[1]) О попѣ Борисѣ Іона Курносый въ своей исторіи о бѣгствующемъ священствѣ замѣчаетъ, что онъ, какъ и другіе приходившіе къ Θеодосію попы были принимаемы «вторымъ чиномъ, съ писаніемъ отрицанія нововводныхъ и мѵропомазаніемъ. И священниковъ сихъ съ первою хиротоніею пріялъ». Интересно и слѣдующее здѣсь замѣчаніе: «Сице и мірскихъ не покрещеваху, взирающе на благословеніе прежде бывшаго Павла епископа» (Коломенскаго). Есиповъ: Раскол. дѣла XVIII в., т. II, приложенія, стр. 185.—Х. И. А. № 21299. Матер. для ист. раск. на В. и въ Народ. № 25, стр. 137, 140—141. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. правосл. исп. т. IV (1724—1724 г.), ст. 159, 169, 237.

областей русскаго государства, но и изъ сѣверовосточныхъ и сѣверозападныхъ русскихъ областей, какъ равно съ Дона, Поволжья и другихъ тогдашнихъ русскихъ окраинъ. О томъ же вліяніи Вѣтки и широкой ея пропагандѣ свидѣтельствуютъ и факты старообрядческаго паломничества на Вѣтку изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ великороссійскихъ мѣстностей, откуда старообрядствующіе паломники выходили убѣжденными приверженцами старой вѣры и усердными ея распространителями. Многіе изъ этихъ старообрядческихъ паломниковъ учились на Вѣткѣ „словесной грамотѣ" по старопечатаннымъ книгамъ, а также иноческому житію и отправленію Богослуженія „по старонарѣчнымъ книгамъ" [1]).

Легко понять, почему раскольничьи миссіонеры вообще и Вѣтковскіе въ частности пользовались большими успѣхами въ народѣ, при томъ положеніи народной массы, въ какомъ она находилась въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, когда именно жилъ и дѣйствовалъ на Вѣткѣ Θеодосій Ворыпинъ. Время Петра Великаго, составляющее эпоху во внутренней и внѣшней жизни Россіи, было замѣчательнымъ временемъ и для раскола. Для раскола это было прежде всего время особенно сильнаго его распространенія, главнымъ образомъ вслѣдствіе новыхъ чисто гражданскихъ обстоятельствъ. Гражданскія преобразованія, измѣненія въ обычаяхъ, сжившихся съ народными понятіями, какъ напр. измѣненіе верхняго русскаго платья сначала на венгерскій кафтанъ, а потомъ на саксонское и французское платье, запрещеніе носить бороды, перемѣна сентябрьскаго лѣтоисчисленія на январьское и пр., множество темныхъ слуховъ, ходившихъ въ то время въ народѣ, сильно волновали народную массу, въ понятіяхъ огромнѣйшаго большинства русскихъ людей представлялись измѣненіемъ самой вѣры православной, опасностью для самой чистоты ея. Переходъ отъ національныхъ формъ быта къ европейскимъ, которыя

---

[1]) Алексѣевъ: Ист. о бѣгств. свящ. стр. 58. Журавлевъ: Ист. изв. о раск. III, стр. 18. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, ст. 171, 238—239; V, ст. 135—136. Оп. док. и д., хран. въ арх. св. син. I, ст. 587—588 в., III, ст. 340—343. Чт. въ общ. ист. и древ. Рос. 1870 г. кн. II, стр. 39—46. Есиповъ: Раск. дѣла XVIII в. т. I, стр. 234—242, 246—247, 251—253 и др.—М. А. М. Ю. Кн. Малор. прик. № 83 и 118. Мат. для ист. раск. на В. и въ Стерод. № 11, стр. 98.

Петръ Великій хотѣлъ ввести силой одной своей власти въ то время, когда огромнѣйшее большинство всѣхъ сословій русскаго народа еще крѣпко жило старорусскими своими понятіями, вѣрованіями и взглядами, былъ слишкомъ быстръ и рѣзокъ и естественно не могъ совершиться безъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній. Мысль объ отступленіи всѣхъ властей отъ истинной вѣры находила въ тогдашнихъ событіяхъ и явленіяхъ внутренней жизни Россіи новое питаніе и подтвержденіе; въ новшествахъ Петра темной народной массѣ видѣлись ясныя знаменія антихриста, выраженіе его нечистаго духа. Самыя мелочи, какъ напр. вошедшая тогда въ моду пудра, служили подтвержденіемъ мысли о послѣднемъ антихристовомъ времени. „Государь де нашъ принялъ звѣриный образъ и носитъ собачьи кудри, какой де онъ царь...; нарядилъ людей бѣсомъ, подѣлали нѣмецкое платье и эпанчи жидовскія, и пришло", толковали невѣжественные противники Преобразователя, „послѣднее время, и скоро придетъ страшный судъ; царствуетъ подлинно антихристъ и на немъ сей вѣкъ кончается...: должно скрытися подъ персть и главы прикрыть въ горы или вертепъ" и т. п. При такихъ условіяхъ раскольничьимъ миссіонерамъ оставалось только объяснять съ своей точки зрѣнія современныя событія и явленія, которыя и безъ того тревожили народъ матеріально и нравственно и возбуждали въ немъ сильное неудовольствіе, и темнымъ, но впечатлительнымъ людямъ изъ народныхъ массъ уже трудно было оставаться сынами православной церкви.

О томъ, когда прекратилась дѣятельность Вѣтковскаго „пастыря и наставника", какъ неоднократно назывался Ѳеодосій Ворыпинъ въ послѣдующихъ Вѣтковскихъ посланіяхъ, на это нѣтъ опредѣленныхъ и тоговременныхъ указаній. Съ достаточною однако вѣроятностію можно относить время его смерти къ самому началу втораго десятилѣтія XVIII в. Въ упомянутомъ выше посланіи „къ благосочетанному собору" Керженскихъ священно-иноковъ, иноковъ и инокинь, начальствующихъ и подначальствующихъ и всѣхъ тамъ находящихся его духовныхъ дѣтей, написанномъ какъ бы въ тонѣ предсмертнаго завѣщанія, Ѳеодосій говоритъ „о немощи конечныя старости своея", о старости „до конца изнемогшія" и пр. Немощнымъ старцемъ представляется онъ неизвѣстнымъ авторомъ и въ „Описаніи пренія старца Ѳеодосія съ нѣкоимъ міряниномъ Тимоѳеемъ Матвѣевымъ да съ ученикомъ его Василіемъ Власовымъ и съ

ихъ единовольники.... въ лѣто 7217-е, іюня въ 9 день". На Вѣтковскомъ соборѣ, бывшемъ 25-го февраля 1727 г., по поводу усиленія на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ пропаганды Діаконовцевъ, о Ѳеодосіи Ворыпинѣ и братѣ его Александрѣ говорили уже какъ о давно умершихъ и относили ихъ къ древнѣйшимъ отцамъ, ставя наравнѣ съ Іовомъ, Досиѳеемъ и благоувѣтнымъ Іоасафомъ. Точно также и авторъ „Слова на непокоривыхъ баснenародословцевъ, паче же прекословцевъ и на раздирателей мира Божія и любви", т. е. Діаконовцевъ, которое было составлено на Вѣткѣ въ концѣ третьяго десятилѣтія XVIII в., относитъ Ѳеодосія къ древнѣйшимъ отцамъ. Въ 1725 г. одинъ новгородскій крестьянинъ, обратившійся изъ раскола въ православіе, разсказывалъ въ канцеляріи св. Синода, что онъ былъ на Вѣткѣ въ 1711 г., и что тамъ въ монастырѣ „начальствующими учителями" были Александръ да Арсеній, не упоминая при этомъ ни однимъ словомъ о Ѳеодосіѣ [1]).

(Продолженіе будетъ).

[1]) Сборн. Хлудов. библ. № 341, лл. 126—143. Журавлевъ: Ист. изв. о раскол. IV, 14. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. V, № 1604, ст. 136—137.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вѣтка и Стародубье послѣ Өеодосія Ворыпина до первой Вѣтковской выгонки (1711—1735 гг.).

Вѣтка продолжала быть духовнымъ центромъ поповщинскаго раскола и послѣ Өеодосія Ворыпина, хотя и не всегда съ одинаковою силою и значеніемъ, вплоть до начала царствованія Екатерины II, когда, съ перенесеніемъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря въ Стародубье, вліяніе ея окончательно упало и мѣсто ея заняли стародубскія раскольничьи слободы. Өеодосій и по смерти оставался „пастыремъ и наставникомъ смиренныхъ и общежительныхъ иноковъ" Вѣтковскихъ, какъ они неоднократно писали въ своихъ послѣдующихъ грамотахъ „правовѣрнымъ христіанамъ, сыновомъ св. церкви", повторяя извѣстное уже намъ посланіе Өеодосія на Керженецъ. Время отъ смерти Өеодосія до первой Вѣтковской выгонки было временемъ наибольшаго распространенія вліянія Вѣтки на русскій старообрядствующій міръ.

О преемникахъ Өеодосія Ворыпина по управленію Вѣтковскимъ Покровскимъ монастыремъ, а также и о главнѣйшихъ вѣтковскихъ учителяхъ и пропагандистахъ раскола послѣ него, имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Позднѣйшій лѣтописецъ Вѣтковской церкви, тщательно собиравшій извѣстія о событіяхъ прежняго времени на Вѣткѣ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей и „отъ древнихъ людей", пользовавшійся и уцѣлѣвшими изъ того времени старинными рукописными раскольническими записками, представляетъ этихъ духовныхъ руководителей Вѣтки послѣ Өеодосія до первой Вѣтковской выгонки или до 1735 г. въ такомъ преемствѣ. „Өеодосій пріялъ брата своего роднаго Александра, поставленнаго отъ Никоніанъ, по третьему чину, безъ

муропомазанія, второго священноинока Игнатія. Александръ принялъ священноинока Іова. Іовъ принялъ священноинока Власія, втораго священноинока Макарія Курскаго, третьяго священноинока Антонія, четвертаго священноинока Мардарія, пятаго священноинока Варсонофія, шестаго священноинока Макакарія, седьмаго священноинока Леонтія, восьмаго священноинока Іосифа Боровскаго, девятого священноіерея Іоанна, десятого священноіерея Димитрія Муромскаго, одинадцатого священноинока Лазаря и священноіерея Іоакима, въ постриженіи Іякова. Той же священноинокъ Іовъ принялъ и епископа Епифанія, и всѣхъ сихъ вышереченныхъ принималъ третіимъ чиномъ. А потомъ Епифаній епископъ самъ посвятилъ 12 священниковъ. Итакъ сдѣлалась высылка", или такъ называемая первая Вѣтковская выгонка 1735 г. [1]).

Однако и этотъ списокъ вѣтковскаго лѣтописца, не смотря на всю свою внѣшнюю видимую точность, не можетъ похвалиться своей полнотой въ исчисленіи вѣтковскихъ духовныхъ руководителей и учителей; въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ не разъ придется пополнять его изъ разныхъ источниковъ. Но и по свидѣтельству вѣтковскаго лѣтописца и по другимъ указаніямъ непосредственнымъ преемникомъ Θеодосія Ворыпина на Вѣткѣ былъ его родной братъ Александръ, выдвигаемый имъ еще при своей жизни, какъ видно изъ предсмертнаго посланія Θеодосія 1710 г. на Керженецъ, по поводу происходившихъ тамъ діаконовскихъ и другихъ споровъ и несогласій. Съ какого времени Александръ сталъ начальствовать на Вѣткѣ—этотъ вопросъ довольно явственно и точно опредѣляется слѣдующимъ показаніемъ. 25-го іюня 1725 г. крестьянинъ князя Меньшикова Семенъ Яковлевъ, Новгородскаго уѣзда, Водскія пятины, Корельскія половины, Ильинскаго Тигоцкаго погоста, д. Хоченья, разсказывая исторію пребыванія своего въ расколѣ въ канцеляріи Св. Синода, показалъ, между прочимъ, что онъ въ 1711 г. „изъ Искова пошелъ въ Стародубъ, и, бывъ тамъ малое число, пришелъ въ обрѣтающейся за онымъ Стародубомъ монастырь, именуемый Вѣтковской, которой построенъ во владѣніи пана Халецкаго. А въ томъ монастырѣ живутъ монахи

[1]) Лѣтоп. Вѣтков. церкви Як. Ст. Бѣляева,—рук. нашей библ., стр. 21 об. и 22. Ср. Ист. изв. о раск. ч. III, стр. 15—16. Зеркало старообрядства 1799 г. іером. Сергія, стр. 25.

и бѣльцы раскольническаго согласія поповщины, которыхъ напримѣръ было тогда со сто человѣкъ; а начальствующіе у нихъ учители обрѣтались іеромонахи *Александръ да Арсеній*. А въ томъ монастырѣ жилъ онъ только съ двѣ недѣли, исповѣдался и причастился, и возвратился въ новгородскіе предѣлы, вся преждебывшая уразумѣхъ быти ереси и раздоры" [1]). О дѣятельности іеромонаха Александра на Вѣткѣ, какъ ближайшаго преемника Θеодосія, не сохранилось ровно никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что тѣло его по смерти объявлено было нетлѣннымъ еще до первой вѣтковской выгонки, какъ и его современника священноинока или чернаго попа Антонія, жившаго на Вѣткѣ еще въ самомъ началѣ третьяго десятилѣтія XVIII в. о которомъ также не имѣется почти никакихъ извѣстій [2]).

Болѣе извѣстными вѣтковскими дѣятелями этого періода были: Іовъ Тимоѳеевъ, по происхожденію Рыльскій уроженецъ, какъ и братья Ворыпины, и Власій Борисовъ, сынъ Грибинъ, уроженецъ Тверской губерніи. Власій былъ игуменомъ на Вѣткѣ съ конца двадцатыхъ годовъ до 1735 г. включительно, хотя и не имѣлъ священнаго сана. Черный попъ Іовъ, въ мірѣ бѣглый попъ Иванъ, при игуменѣ Власіѣ былъ старшимъ духовнымъ лицомъ на Вѣткѣ, и извѣстенъ какъ ревностный и энергичный противникъ распространявшихся и усиливавшихся въ его время на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ послѣдователей діакона Александра. Послѣдніе появились здѣсь, какъ мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ, во время Θеодосія Ворыпина, а затѣмъ еще болѣе усилились въ стародубскихъ и вѣтковскихъ предѣлахъ послѣ казни діакона въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1720 г. [3]). Онъ же, Іовъ, вмѣстѣ съ игуменомъ Власіемъ принималъ дѣятельное участіе въ водвореніи на Вѣткѣ епископа Епифанія, какъ и въ предшествующихъ попыткахъ вѣтковскихъ и стародубскихъ ревнителей старины, имѣть своего раскольническаго архипастыря. Игуменъ Власій Грибинъ, какъ настоятель знаменитаго мѣста Вѣтки—„Покровскаго монастыря", подписался первымъ на прошеніи вѣтковскихъ раскольниковъ о

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. V, № 1604, стр. 135—136.

[2]) Ист. изв. о раск. ч. IV, стр. 14. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1323, ст. 161, 164.

[3]) О Діаконовцахъ на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ будетъ рѣчь въ особой главѣ.

поставленіи имъ епископа, которое было подано въ 1731 г. Константинопольскому патріарху, вмѣстѣ съ другими вѣтковскими „скитоначальниками", Лаврентіемъ и Аврааміемъ Прошеніе это напечатано съ современнаго его написанію списка и съ руководящими замѣчаніями Н. Ив. Субботинымъ въ Душеполез. Чт. за 1870 г., № 1, стр. 26—44.

Какъ выдающихся и дѣятельныхъ вѣтковскихъ учителей и пропагандистовъ раскола нужно отмѣтить и старцевъ Леонтія, Мардарія, бѣглаго попа Іоакима, въ постриженіи Іакова и др.

Въ первыя три десятилѣтія XVIII вѣка Вѣтковскій Покровскій монастырь былъ обширнымъ и вліятельнымъ раскольничьимъ гнѣздомъ, но далеко не единственнымъ. Какъ за польскимъ рубежомъ, такъ и въ предѣлахъ Стародубья были и другіе менѣе значительные монастыри, пустыни и скиты, служившіе также цѣлямъ раскола и раскольничьей пропаганды. Къ сожалѣнію, старообрядческіе источники и наши архивы сохранили весьма мало свѣдѣній и указаній о этихъ менѣе значительныхъ раскольничьихъ притонахъ и поселеніяхъ, бывшихъ обыкновенно первоначальными мѣстами убѣжища для выходившихъ изъ Великороссіи старообрядцевъ и разныхъ бѣглецовъ, а вмѣстѣ и разсадниками раскольническихъ учителей, знакомившихся здѣсь съ раскольничьимъ ученіемъ и литературой и потомъ разносившихъ ихъ ядъ по Россіи. Эти же самые скиты имѣли и огромное колонизаціонное значеніе; обыкновенно съ возникновеніемъ того или другаго скита почти тотчасъ же образовывался около него и новый старообрядческій поселокъ, постепенно расширявшійся въ значительную деревню или слободу. Такимъ путемъ образовались многія изъ зарубежныхъ въ началѣ XVIII в. раскольничьихъ слободъ, существующихъ и доселѣ. Какая любопытная была бы страница исторіи—этнографіи, еслибы можно было прослѣдить основаніе и постепенное развитіе лѣсныхъ старообрядческихъ монастырей и скитовъ, ихъ неизбѣжное исчезновеніе и обращеніе въ деревни и поселки, степень и время устойчивости раскола въ этихъ послѣднихъ и пр. А такихъ деревень и поселковъ нашлось бы не мало въ Малороссіи, Бѣлоруссіи, югозападной и западной Россіи.

Относительно Вѣтки мы уже видѣли, что и раньше полнаго устройства Вѣтковскаго монастыря были здѣсь свои чернецы и черницы, какъ и въ окрестностяхъ, и что потомъ они примкнули къ этому послѣднему, какъ своему религіозно-цер-

ковному средоточію. Кромѣ указанныхъ выше двухъ старообрядческихъ скитовъ, Лаврентіева и Авраміева, въ первой четверти XVIII в. во владѣніяхъ пана Любомірскаго, за которымъ поселилось 15 раскольничьихъ слободъ, были основаны и два старообрядческихъ монастыря, кромѣ келій единичныхъ чернецовъ и черницъ, появлявшихся обыковенно въ то время въ каждомъ старообрядческомъ поселеніи [1]). Въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка за польскимъ рубежомъ пользовалась извѣстностью пустынь или монастырь Городницкій, находившійся по однимъ показаніямъ приблизительно въ 50 в. отъ Гомеля, по другимъ даже въ 100 в. Начальникомъ этого монастыря, менѣе, конечно, значительнаго и вліятельнаго, чѣмъ Вѣтковскій, но также не мало привлекавшаго къ себѣ старообрядствующихъ русскихъ людей, былъ въ то время нѣкій старецъ Сергій. Между прочимъ въ этой пустынѣ въ 1732 г. былъ постриженъ іеромонахомъ Власіемъ Александръ Павловъ, молодой гвардейскій солдатъ Семеновскаго полка, сынъ извѣстнаго Петровскаго генералъ-рекетмейстера, семья котораго издавна придерживалась раскола [2]). Были тамъ и другія старообрядческія пустыни и скиты въ указанное время, о которыхъ рѣчь будетъ при случаѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Старообрядческіе монастыри, пустыни и скиты имѣли огромное значеніе, хозяйственное и воспитательное, для мѣстныхъ слобожанъ. Извѣстно, что старообрядческіе скитники были хорошими организаторами хозяйственной стороны своей жизни: вырубали лѣса, обработывали пашни, заводили многочисленный скотъ, строили мельницы и даже вели иногда обширную торговлю, какъ и наши православные монастыри въ старину. Для этой цѣли они пользовались приставашими къ ихъ скитамъ разнаго рода бѣглыми русскими выходцами или „сходцами", которыхъ прежде всего заставляли работать на братію, чтобы они даромъ хлѣба не ѣли, а потомъ уже учили старой вѣрѣ и иноческому житію, какъ сознавался въ Преображенской канцеляріи въ 1720 г. бывшій стрѣлецъ Агѣевъ, пріютившійся лѣтъ за 10—12 передъ тѣмъ въ одной изъ старообрядческихъ пустынь

---

[1]) Опис. докум. и дѣлъ, хран. въ арх. Св. Син. т. I, ст. 588.

[2]) М. А. М. Ю. кн. прав. сен. по Св. Син. $\frac{25}{787}$. Хар. Ист. Арх. Д. М. № 2414, см. дѣло о пойманныхъ въ Стародубьѣ старообрядческихъ монахахъ Михаилѣ и Маркѣ.

около Гомеля, гдѣ подвизался какой-то старообрядческій старецъ Варѳоломей [1]). Тотъ же порядокъ былъ и въ другихъ старообрядческихъ пустыняхъ и скитахъ [2]). Есть указанія, что скитники, кромѣ хлѣбопашества, со множествомъ пристававшихъ къ нимъ даровыхъ силъ, успѣшно занимались огородничествомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ, какъ и другими болѣе подходящими къ скитской жизни промыслами и мастерствами, наприм. книгописаніемъ, оправой книгъ, иконописаніемъ и т. п. Особенно сильно на Вѣткѣ, какъ и въ окружавшихъ ее скитахъ, было развито иконописаніе, дававшее обильный заработокъ. Извѣстно также, что въ раскольничьихъ скитахъ учились иконному письму и православные люди, и даже принимали для того на время расколъ. При дѣятельныхъ скитоначальникахъ, для развлеченія и отъ скуки, старообрядческіе иноки занимались и такими мастерствами для себя и другихъ: рѣзали крестики, приготовляли ложки и чашки для причащенія безъ священника, вязали чулки, иные шили на прямую колодку сапоги и башмаки и т. д. [3]). Во всякомъ случаѣ хозяйство въ разныхъ его видахъ было только однимъ изъ источниковъ

---

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I, стр. 340 и д.

[2]) Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. VII, стр. 227.

[3]) Всѣ подобныя вещи спускались весьма выгодно единовѣрцамъ или непосредственно, или посредственно черезъ путешествовавшихъ по старообрядческимъ поселеніямъ иноковъ. Принимались и мѣры воздѣйствія для той же цѣли. Извѣстно, что для одиночнаго причащенія у старообрядцевъ имѣется особый „Чинъ, како подобаетъ самому себѣ причастити...., не сущу священнику". Здѣсь, кромѣ духовнаго приготовленія къ причащенію посредствомъ такъ назыв. „скитскаго покаянія" и особой молитвы, рекомендуется „украсити дщицу чисту и поставити ю предъ св. иконами и сверху ея простерти платъ дарованный, и тако поставити святая съ сосудомъ, въ чемъ блюдутъ тѣло Христово, и со лжицею, съ артофоромъ и съ патирою укропъ" (?!)..... Здѣсь же рекомендуется и особая „чашица" на то устроенная. „Скит. покаяніе и чинъ, како подобаетъ самому себѣ причастити"—рукоп. ц. археолог. музея при К. Д. Ак. О. 8/05. Стр. 25, 28, 30 об. по опис. проф. Н. И. Петрова.—Многіе скитники занимались сапожнымъ и башмачнымъ мастерствомъ. Сапоги и теперь еще шьются у истыхъ старообрядцевъ на прямую колодку,—косая колодка—антихристово произведеніе, хотя въ наше время и многими изъ нихъ принятое.

дохода всѣхъ этихъ старообрядческихъ монастырей, пустынь и скитовъ; другимъ источникомъ, и по всей вѣроятности главнѣйшимъ, были сборы и приношенія усердныхъ почитателей скитниковъ и ихъ наружнаго благочестія. Довольно наглядное представленіе о стекавшихся въ старообрядческіе монастыри и скиты богатствахъ даетъ вѣдомость монастырскимъ рухлядямъ, забраннымъ въ Вѣтковскомъ монастырѣ и другихъ сосѣднихъ съ нимъ пустыняхъ въ 1735 г. при первой выгонкѣ. Кромѣ священныхъ предметовъ, находившихся въ церкви или хранившихся въ ней, полковникомъ Сытинымъ была забрана масса разныхъ вещей и хозяйственныхъ принадлежностей въ кельяхъ вѣтковскихъ и иныхъ пустынь иноковъ. Уже простой перечень всѣхъ этихъ вещей въ извѣстной мѣрѣ характеризуетъ внѣшній быть, жизнь, нравы и дѣятельность этихъ старообрядствующихъ иноковъ. Кромѣ иконъ, кадилъ, соборныхъ мантій и тому подобныхъ вещей церковнаго и иноческаго обихода, полковникъ забралъ въ иноческихъ кельяхъ „блюдъ оловянныхъ шестьнадцать, тарелокъ оловянныхъ разнаго маneру двадцать четыре, шендаловъ мѣдныхъ два, стопа оловянная одна, перечницъ оловянныхъ двѣ, кубгановъ мѣдныхъ два, кубганъ оловянный одинъ, ендовъ мѣдныхъ двѣ, ножей столовыхъ двѣнадцать, одѣяло козиное одно, одѣяло овчинное одно, одни рукавицы волчьи, килимъ новый полосатый одинъ, подушка ножная одна, въ лукошкѣ клею рыбьяго девять кусковъ, топоровъ двадцать девять, лукошко съ мѣшечками, въ которыхъ ярь, купоросъ, цѣлибуха; ремней сыромятныхъ сорокъ, упоки двое, скатертей восемь; снурковъ нитныхъ десять мотковъ; въ скрынѣ кованой въ одномъ мѣшкѣ сто рублевъ крупной монеты, въ другомъ мѣшкѣ рублевиковъ шестьнадцать, мелкихъ шестаковъ восемьдесятъ восемь, шелеговъ десять фунтовъ; крашенины сверточекъ одинъ; китайки обрѣзки, мамсы вишневой конецъ одинъ, чернаго краснаго кумачу и китайки три конца; скрыня большая съ пряниками одна; въ бумажкѣ гребневъ костяныхъ четыре; въ мѣшечкѣ ножей складныхъ одинадцать, лукошко съ перцемъ, съ инбиремъ и со пшеномъ сорочинскимъ, кулекъ ладону, горчицы два мѣшечка, кулекъ клею мездринного, котловъ мѣдныхъ съ крышками пять, сковородка мѣдная одна; посуды оловянной— стакановъ четыре, молочницъ съ крышками двѣ, четвертинка маленькая мѣдная одна, уксусникъ одинъ, ковшъ мѣдный одинъ, судокъ оловянной одинъ, сѣчекъ капустныхъ тринадцать, кожа

возовая одна, руковицъ яловичныхъ 15 паръ, паковальня косная съ отбойнымъ молоткомъ одна, кузнечной снасти наковальней съ клещами и молотками двѣ, желѣза и всякихъ желѣзныхъ инструментовъ три пуда, лошадей мелкихъ 58, коровъ 51 [1])... По всей вѣроятности, какъ обыкновенно всегда бываетъ въ подобнаго рода случаяхъ, не мало вещей и хозяйственныхъ принадлежностей было скрыто и захвачено разными лицами при выгонкѣ; по крайней мѣрѣ впослѣдствіи Вѣтковцы жаловались на то и разсказывали о расхищеніи ихъ богатаго имущества присланною командою....

Тѣже монастыри и скиты были и центрами старообрядческаго просвѣщенія и грамотности, а также и хранилищами старописьменнаго слова, и далеко не всегда только въ строго старообрядческомъ духѣ и направленіи. Жившіе здѣсь старцы и старицы, коихъ, по ихъ выраженію, *Господь сподобилъ грамотѣ*, обучали по кельямъ дѣтей обоего пола, нерѣдко даже и взрослыхъ, *словесной грамотѣ*, т. е. азбукѣ, складамъ, часослову, псалтыри и „канунамъ"; согласно старинѣ раскольничьи учители грамоты назывались мастерами и мастерицами, и были непосредственными преемниками этихъ старинныхъ учителей, сохранивъ въ своей учебной и воспитательной практикѣ старинные пріемы обученія и старинную дисциплину. Дѣло обученія въ подобнаго рода „мастерскихъ" шло обыкновенно такъ: пять—десять или по большей части даже меньше мальчиковъ и дѣвочекъ читали всѣ въ слухъ уроки; въ одномъ углу твердили азбуку, въ другомъ—гнусливо напѣвали какой-либо „канунъ", въ третьемъ—по складамъ читали: „Богородице, обрадованная Марія" и т. п. Существенное требованіе обученія состояло въ томъ, чтобы дѣти учились читать *по силѣ*, т. е. соблюдая удареніе (силу) словъ, въ особенномъ, старообрядческомъ вкусѣ: „*во́ вѣки*", „на́ Бога", вмѣсто: „во вѣки, на Бога" и т. д. [2]). Обученіе съ такимъ характеромъ, по свидѣтельству Вѣтковской лѣтописи, существовало со времени самаго основанія

---

[1]) Опис. акт. арх. Маркевича. Чт. въ общ. ист. и древн. Росс. 1884 г. кн. 11, стр. 7—8.

[2]) Прежде удареніе ставилось на предлогѣ: „*во́ имя, во́ вѣки*"; затѣмъ, при развитіи языка, оно стало переноситься на слово, стоящее послѣ предлога; никоновскіе справщики сдѣлали тоже и въ богослужебныхъ книгахъ. Расколоучители не опустили безъ внима-

Вѣтковскаго монастыря, какъ и въ другихъ старообрядческихъ скитахъ. Въ 1728 г. сынъ новоторжскаго купца Иванъ Егоровъ Мининъ, въ прошеніи, поданномъ имъ въ Св. Синодъ, о принятіи изъ раскола въ православіе, писалъ между прочимъ, что въ молодыхъ лѣтахъ братомъ своимъ Прокопіемъ, раскольникомъ, увезенъ былъ на Вѣтку, гдѣ обучался грамотѣ, читалъ книги, и потомъ изъ нихъ познвалъ неправоту раскола. Въ 1751 года крестьянинъ костромской губерніи Дмитрій Бѣловъ разсказывалъ въ Сыскномъ Приказѣ, что онъ въ молодыхъ лѣтахъ, еще до первой Вѣтковской выгонки, при игуменѣ Власіѣ, наученъ былъ на Вѣткѣ старцомъ Даниломъ Михайловымъ „словесной грамотѣ" по старопечатнымъ книгамъ. Тоже разсказывалъ о себѣ и старецъ Авраамій, пойманный въ Волоколамскихъ лѣсахъ; обученіе его на Вѣткѣ относится приблизительно къ началу второго десятилѣтія XVIII в. Благодаря скитамъ, грамотность и письменность между зарубежными и стародуб-

---

нія и этого. Чернецъ Савватій въ челобитной царю писалъ: „тѣмъ всѣ старыя книги опорочили и укоризну навели; не токмо простыхъ людей, но и святыхъ многихъ, которые по тѣмъ книгамъ служили и Богу угодили, и сихъ дураками сдѣлали, яко глупы были. Многое испортили одною просодіею оксіею, какъ отняли ее отъ предлогу и учали полагати среди рѣчи: гдѣ глаголется по чину, рекше по уставу, тамо предлогъ (п) *покой* съ (о) *онѣмъ* и просодіею оксіею прежде сего полагали надъ предлогомъ надъ *покоемъ* и надъ *онѣмъ*, а нынѣ ее полагаютъ среди тое рѣчи надъ (ч) *червями* и надъ (и) „*иже*"... А что и съ природнаго и пространнаго своего языка словенскаго на греческій тѣсный языкъ воспящаются во многихъ рѣчахъ, вмѣсто (з) *земли* (с) *слово* полагаютъ, и то не доброе же... Гдѣ глаголется *зъ* Богомъ, *зъ* душею, *зъ* дѣвою, печатаютъ съ Богомъ, съ душею, съ дѣвою". Три челоб., изд. Кожанчикова, стр. 35—36, 40. Нѣчто подобное было и въ исторіи западно-европейскаго образованія XV—XVI вв., когда гуманисты стали вводить иныя правила объ акцентуаціи, чѣмъ какихъ держались въ средневѣковой школѣ съ Доктриналомъ Александра въ главѣ, т. е. главнымъ средневѣковымъ учебникомъ лат. языка. Особенно сильно оппонировали тамъ также нѣкоторые изъ представителей духовенства, находя, что нововводители не умнѣе декановъ, каноников и епископовъ, соблюдавшихъ при пѣніи и чтеніи правила Александра. Но тамъ это были единичные случаи. Kaemmel, H. J. Gesch. d. Deutschen Schulwesens im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit. Lpz. 1882. s. 380—381.

скими слобожанами были довольно распространены [1]). Вообще „письменные люди" не почитались за рѣдкость между слобожанами и въ первой половинѣ XVIII в., какъ въ православныхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ селахъ и деревняхъ; даже среди слободскихъ женщинъ, не говоря уже о черницахъ и такъ называемыхъ келейницахъ, грамотность не была значительною рѣдкостью. Кромѣ скитовъ, мужскихъ и въ особенности женскихъ, дѣти слобожанъ учились и у особыхъ „мастеровъ", избиравшихъ ученье дѣтей грамотѣ своей профессіей, и нѣкоторые изъ нихъ переходили для этой цѣли, смотря по обстоятельствамъ, изъ одной слободы въ другую [2]). Во второй половинѣ прошлаго вѣка эти бродячіе учителя встрѣчаются и въ малороссійскихъ городахъ, въ которыхъ жили раскольники въ качествѣ купцовъ и разного рода промышленниковъ и торговцевъ (Румянц. оп.). Всѣхъ этихъ старообрядческихъ учителей, какъ и старообрядствующихъ родителей, одушевляла одна сила, одно коренное, исходное начало—это вражда къ православной церкви какъ еретической и ея служителямъ, которыхъ обыкновенно иначе и не называли какъ еретиками, слугами антихриста, щепотниками, душепагубными волками и т. п.

Въ раскольничьихъ монастыряхъ и скитахъ нерѣдко сосредоточивалось и огромное количество старопечатныхъ книгъ и рукописей. Особенно старопечатными книгами и рукописями былъ богатъ Вѣтковскій Покровскій монастырь. Извѣстно, что полковникъ Сытинъ въ 1735 г. отобралъ въ этомъ монастырѣ у иноковъ 682 книги; „да особливо разныхъ мелкихъ книжекъ и поминаней полтора мѣшка, да ставленныхъ грамотъ поповскихъ за печатми двѣ", какъ доносилъ онъ въ Министерскую

---

[1]) Лѣтоп. Вѣтк. церкви, ркп. нашей библ. л. 19. Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. Син. т. VIII, № $\frac{255}{443}$, ст. 254. Дѣла Сыскного приказа, № 2569. Есиповъ: Раск. дѣла XVIII ст. т. I, 242—243. Интересно однако, что въ старообрядческихъ сборникахъ второй половины прошлаго вѣка нерѣдко приводилось 17 правило Никифора Цареградскаго: „три главизны изгоняютъ иноковъ изъ монастыря ихъ: первое, аще сретилъ игуменъ; второе, аще путь есть женамъ; третіе, *аще учатся мирстіи дѣти*". Рук. ц. арх. Муз. при Кіев. ак. Аа. 148. стр. 46.

[2]) Дѣло Черн. дух. Конс., № 1419, о раскольникѣ Радульскомъ Захарѣ Григорьевѣ.

канцелярію 14 октября того же года [1]). Иногда попадали въ эти скиты и весьма интересныя въ церковно-историческомъ и литературномъ отношеніи рукописи разнаго рода; наприм. въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, находившемся не подалеку отъ г. Гомеля, въ нынѣшней Могилевской губерніи, одно время хранилась замѣчательная рукопись, единственная, уцѣлѣвшая случайнымъ образомъ, это: *Творенія Іоанна Дамаскина*, въ переводѣ князя Андрея Михайловича Курбскаго, съ собственноручными его замѣтками [2]). Книгохраненіемъ и книгособираніемъ занимались и раскольники—слобожане. Въ черниговской слободѣ Добрянкѣ, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, у раскольника Григорія Бобровника хранился старописьменный уставъ Чудова монастыря. Были и другіе любители — собиратели [3]). И

---

[1]) Опис. акт. арх. Маркевича. Чт. въ общ. истор. и др. Росс. 1884 г. кн. II, стр. 8. Дальнѣйшая судьба этихъ Вѣтковскихъ книгъ и рукописей неизвѣстна....

[2]) Опис. рукоп. А. И. Хлудова, сост. А. Поповымъ. М. 1872 г. Изъ Лаврентьева монастыря эта рукопись перешла въ руки извѣстнаго продавца рукописей Пискарева, а по смерти его пріобрѣтена А. И. Хлудовымъ. Срав. ст. Ѳ. И. Истомина: О рукописныхъ находкахъ въ Арханг. и Олонец. губер. лѣтомъ 1886 г. въ Изв. импер. рус. географ. общ. т. XII, вып. I. Спб. 1887.—Многія извѣстныя наши рукописныя собранія составились при посредствѣ раскольниковъ, какъ напр. извѣстное собраніе графа В. А. Толстого (съ 1830 года поступило въ И. П. Б—ку), имѣвшаго родственныя связи съ раскольниками по женѣ, какъ и собраніе М. П. Погодина. Тоже замѣчаніе въ извѣстной мѣрѣ примѣнимое къ собранію славяно-россійскихъ рукописей графа А. С. Уварова; систематическое описаніе этого послѣдняго собранія сдѣлано покойнымъ архимандритомъ Леонидомъ въ 4-хъ огромныхъ томахъ. Въ 1815 г. М. Евгеній писалъ извѣстному библіографу В. Г. Анастасевичу (Рус. арх. 1885 г., № 5, стр. 39): «важнѣйшихъ древностей нашей письменности надобно искать у раскольниковъ. Они издавна все скупили и выкрали. Особливо Выгорѣцкій скитъ пребогатъ сими сокровищами. Читая *Поморскіе* ихъ *отвѣты*, можно убѣдительно видѣть, сколько они глубоки въ русскихъ древностяхъ, хотя иногда и криво толкуютъ». О печальной судьбѣ Выгорѣцкой библіотеки см. сообщеніе г. В. Майнова (Поѣздка въ Обонежье, стр. 56—57, Ист. Вѣстн., т. III; ср. т. XIII, 477—479).

[3]) Опроверженіе діаконовщины,—ркп. XVIII в., въ 8-у, Хлудовск. библ., № 341, стр. 6—7. Ср. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп.

теперь еще не мало старопечатныхъ книгъ и старинныхъ памятниковъ письменности сохраняется у слобожанъ. Они свято хранятся у нихъ на тяблахъ, въ чуланахъ и крѣпкихъ сундукахъ за замкомъ, не какъ вещи, имѣющія цѣнность, какъ нѣчто старое, пережившее много столѣтій, но какъ матеріалъ для поученія и чтенія назидательнаго, усладительнаго, душеполезнаго. Въ свою очередь грамотные и письменные иноки-скитники специально иногда занимались списываніемъ книгъ; на Вѣткѣ это дѣло было обыкновеннымъ явленіемъ еще при Ѳеодосіѣ Ворыпинѣ, любившемъ и лично заниматься перепиской книгъ. Рукописи, выходившія изъ скитовъ, по большей части отличались характеромъ художественнаго книгописанія, орнаментаціи, миніатюристики и рисованія. Книги писались и переписывались по старинному съ благоговѣйною мыслію о спасеніи души своей, и потомъ перевозились съ мѣста на мѣсто, изъ края въ край обширной Россіи, продавались и покупались сравнительно за огромныя деньги. Дониконовскія старопечатныя книги и рукописи попадали въ старообрядческіе скиты нерѣдко изъ православныхъ монастырей и церквей, какъ и отъ частныхъ лицъ, и путемъ покупки, и путемъ хищенія. Изъ дѣла, производившагося въ 1700 г. въ Преображенской канцеляріи о многихъ воровствахъ раскольниковъ, бѣжавшихъ раньше изъ Москвы и жившихъ за польскимъ рубежомъ и въ стародубскихъ слободахъ—Еленкѣ, Лужкахъ, Понуровкѣ и пр., видно, что при грабежѣ московскаго дома пятисотнаго Чубарова полка Родіона Боровкова захвачены были между прочимъ старопечатныя книги и рукописи, и потомъ переправлены изъ Москвы, вмѣстѣ съ другимъ заграбленнымъ имуществомъ, въ мѣста новаго поселенія грабителей. Въ числѣ этихъ книгъ были: „Кирилово евангеліе кіевской печати; обѣдъ да вечеріе излогу Симеона Полоцкаго; Калистово евангеліе; Благовѣстникъ да Маргаритъ; двѣ чети-минеи кіевскія, полгода, три четверти Прологовъ; Труба да Миръ зъ Богомъ, да Патерикъ печерскій, да Ключъ разумѣнія, да Григорій Азимитъ; Гронографъ письменный, Степенная письменная; Апостольское дѣяніе съ апокалипсисомъ; два охтая да треодь посная; псалтырь со вослѣдованіемъ; двѣ псалтыри кіевскія со вослѣдованіемъ, одна по обрѣзу золотому; исторія Іоасафа царевича да псалтырь на

IV, № 1323, ст. 169—170. Наше опис. ркп. Черн. сем. биб. стр. 34, 61—62.

виршахъ излогу Симеона Полоцкаго; Жезлъ да Увѣтъ, да Златоустово житіе, да Завѣтъ царя Василія греческаго; Синопсисъ да два молитвенника кіевскихъ; Звѣзда писменная о чюдесѣхъ Пресвятыя Богородицы" [1]).

---

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. св. 5, № 67, 1700 г.—Изъ рукописей, захваченныхъ грабителями, кромѣ Хронографа и Степенной книги, заслуживаетъ вниманія *«Звѣзда письменная о чудесахъ прес. Богородицы»*, иначе называется *«Звѣзда пресвѣтлая»*, или «Сказаніе о чудесѣхъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присноdѣвы Маріи и о поздравленіи ангельскомъ, еже принесе отъ Бога Гавріилъ Архангелъ, приглашая радость сице: Богородице дѣво радуйся и прочая», съ предисловіемъ и оглавленіемъ въ началѣ. Это сборникъ разныхъ сказаній западнаго происхожденія о помощи прес. Богородицы людямъ, которые обращались къ ней съ молитвою и особенно произносили ангельское поздравленіе. Эти сказанія и названы чудесами. Онъ обыкновенно состоитъ изъ 15—16 главъ и болѣе; послѣднія двѣ главы содержатъ русскія легенды, съ любопытными намеками на мѣстныя преданія. Западныя сказанія переведены не съ латинскаго оригинала, а съ польско-русскаго перевода, который въ предисловіи называется бѣлорусскимъ. Польскій оригиналъ этого сборника католическихъ сказаній о чудесахъ прес. Богородицы доселѣ еще не опредѣленъ. Съ этимъ сборникомъ легендъ срав. *Небо новое съ новыми звѣздами* Голятовскаго по львовскому изд. 1665 г. Объ источникахъ сказаній Голятовскаго см. Theoph. Butka: Herby albo znaki kościoła prawdziwego. 1698. Стр. 208. Сумцовъ, Н. Ѳ. Къ ист. южнорус. лит. XVII ст. В. II. Кіевъ 1885, стр. 43—44. О русскихъ рук. сборникахъ сказаній: *Буслаевъ*, Ѳ. И. Ист. христ. М. 1861 г. ст. 1343—1346. Лѣтоп. рус. лит. кн. V, стр. 151. Поповъ, А. Опис. ркп. Хлуд. библ. № 231, экземпляръ съ лицевыми изображеніями стр. 459—460. Опис. ркп. Черн. сем. №№ 89 и 91. Херсонскій, И. К. Описаніе старинныхъ рукописей, хран. въ архивѣ Макаріево-Унженскаго монастыря, костромской губер. Кострома 1887 г. стр. 5—6. Нѣкоторыя новыя данныя о великорусскихъ спискахъ этихъ сказаній см. у архим. Леонида въ его *Систем. опис. славяно-росс. ркп. собранія графа А. С. Уварова*. Ч. II. М. 1893 г. Стр. 511—513. Раскольничья редакція сказаній о чудесахъ прес. Богородицы имѣетъ свойственныя ей особенности. Не даромъ священникъ—миссіонеръ первой половины нашего вѣка въ Стародубьѣ Трофимъ Островскій на одномъ спискѣ этихъ сказаній замѣтилъ: «Оная книга для умныхъ сердецъ очень назидательна, но для раскольничьихъ умовъ очень вредна, а потому и должна быть изъята изъ употребленія». Наше Опис. ркп. Черн. сем. биб. стр. 61. Изъ печатныхъ книгъ

Изъ скитовъ обыкновенно выходили люди съ твердыми старообрядческими убѣжденіями, энергичные проповѣдники и насадители раскола въ разныхъ краяхъ обширной русской земли. Вотъ и образчики крѣпкостоятельства ихъ за старую вѣру. Въ 1720 г. попалъ въ Преображенскую канцелярію бывшій стрѣлецъ Ушакова полка въ Кіевѣ Гаврило Агѣевъ, по оговору бывшаго сол-

---

вышеприведеннаго списка, сочиненія Лазаря Барановича, Иннокентія Гизеля, Іоанникія Голятовскаго и Симеона Полоцкаго (Трубы словесъ проповѣдныхъ, Миръ съ Богомъ, Синопсисъ, Ключь разумѣнія, Жезлъ правленія, Псалтырь рифмотворная, Обѣдъ душевный и Вечеря душевная) извѣстны, какъ и *Увѣтъ духовный* п. Іоакима 1682 г. Библіографическія указанія о этихъ книгахъ см. у Каратаева подъ №№ 809, 769, 842, 873, 686, 863, 881, 912 и 895. Объ остальныхъ книгахъ можно замѣтить слѣд.: 1) «Кирилово евангеліе. Кіев. печ.»,— это повидимому Евангеліе учительное Кирилла Транквилліона, напечатанное въ Кіевѣ (вторымъ изд.) въ 1637 г. въ л., 18 и 1031 стр. Соп. 319; Сах. 349; Карат. 401, Хронол. указ. 428. 2) «Калистово евангеліе» — Евангеліе учительное воскресное, твор. св. Каллиста, архіеп. Константиноп., преложенное трудами и стараніемъ иноковъ общежитія монастыря братства Виленскаго, напеч. въ Евю 1616 г., въ листъ. Соп. № 318. Оно впослѣдствіи издавалось и старообрядцами. Ibid. № 1688. 3) Благовѣстникъ, т. е. толкованіе на четвероевангеліе, Ѳеофилакта архіеп. болгарскаго, москов. изд. 1649 года, въ л., Соп. 136; Сах. 513; Карат. 586; Хрон. указ. 638. 4) Маргаритъ (собр. поучит. словъ І. Златоустаго), москов. изд. 1641. Соп. 465; Сах. 400; Карат. 463. Болѣе раннее изданіе въ Острогѣ, 1596 года. Соп. 464; Сах. 97; Карат. 125. 5) Двѣ чети-минеи кіевскія—мѣсяцы: сент., окт. и ноябр. 1689 г. Соп. 371; карат. 993; хрон. указ. 1096; мѣсяцы: декаб. янв. и фев. 1695 г. Соп. 371; Карат. 1064. 6) *Прологи* въ XVII в. издавались нѣсколько разъ. Соп. 918—922. Сах. 398, 414; Карат. 461, 478; Хрон. указ. 504, 528, 1021. Старообрядцами уважаются древнія изданія; ибо въ новыхъ сдѣланы нѣкоторыя исправленія и перемѣны. Тоже нужно сказать и объ упоминаемыхъ въ спискѣ церковно-богослужебныхъ книгахъ въ тѣсномъ смыслѣ—Октоихѣ, Тріодѣ, псалтыри и молитвенникахъ. 7) *Апостольское дѣяніе съ апокалипсисомъ*—это повидимому указаніе на два кіев. изданія 1624—1625 гг., часто переплетавшіяся вмѣстѣ: а) Бесѣды І. Златоустаго на Дѣянія св. апостолъ. Сопик. 454; Сах. 208; Карат. 240; Хрон. указ. 270. б) Апокалипсисъ, съ толков. Андрея архі п. Кесарійскаго Соп. 68; Сах. 222; Карат. 255; Хрон. указ. 276. Въ позднѣйшемъ моск. изданіи 1782 г. оба эти изданія и соединены.

дата Соколова. На допросѣ въ Преображенской канцеляріи онъ показалъ, что назадъ тому лѣтъ съ 10, будучи въ Кіевѣ, онъ выучился *самоучкою* грамотѣ, читать и писать, и, „читая старой печати Іосифовскую псалтирь да книгу Стоглавъ *печатную*“ [1]), нашелъ, что „она учитъ, чтобъ креститься слагая два перста съ однимъ большимъ, и съ того времени онъ, Агѣевъ, такъ и крестится“; что потомъ бѣжалъ изъ Кіева изъ стрѣльцовъ и пошелъ было къ Москвѣ; но на дорогѣ, въ лѣсу, гдѣ-то около Гомеля, бѣглецъ встрѣтился съ раскольничьимъ старцемъ Варѳоломеемъ, который и самъ крестился и его училъ креститься „тѣмъ же сложеніемъ.“ Не долго Агѣевъ пробылъ въ скитской школѣ старца, всего „съ полъгода“; старецъ заставлялъ его попеременно съ работой учиться иноческому житію и отправлялъ съ нимъ вдвоемъ утрени, вечерни и часы „по старопарѣчнымъ книгамъ“—и только; но изъ Агѣева вышелъ убѣжденный приверженецъ старой вѣры и усердный ея распростра-

---

Соп. 455 и прим. къ № 68. 8) *Патерикъ печерскій*—1-е кіев. изд. 1661 г., 2-е 1678 г. Соп. 814—815; Карат. 703; Хрон. указ. 767. 9) *Исторія Іоасафа царевича*=Варлаама и Іоасафа житіе извѣстны изъ XVII в. два изданія: Кутейновское 1637 г. въ 4-ку и московское 1681 г. въ листъ. Соп. 439—440; Сах. 345; Карат. 396 и 882; Хрон. указ. 433 и 977. 10) *Златоустово житіе* помѣщается обыкновенно при Маргаритахъ въ рукописныхъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ. Ундольскій, В. Библіографич. разысканія. Москвитянинъ 1846 г. № 23, стр. 171. Карат. 125, 463; Соп. 465 и 477. 11) *Завѣтъ царя Василія греческаго* или тестаментъ, извѣстно москов. и кіев. изданіе 1680 г. Соп. 1433—1434. Бѣлорусскій переводъ помѣщенъ при концѣ книгѣ: *Лекарство на оспалый умыслъ человѣчій*, острож. изд. 1607 г. Соп. 453. По каталогу книгъ церк. печ. Хлуд. биб., № 225, извѣстно и болѣе раннее москов. изданіе, безъ выхода, около 1660 г.

[1]) Печатное изданіе Стоглава въ началѣ XVIII в. было неизвѣстно. Въ дѣлѣ св. Синода, отъ 15 іюля 1723 г., о тщательномъ розысканіи подлинной рукописной книги Стоглава и о присылкѣ ея, буде отыщется, въ св. Синодъ для храненія въ архивѣ, прямо сказано, что эта книга «непечатная, но письменная есть, и по копіямъ въ важныхъ пунктахъ признавается отъ невѣждъ сумнительною и растлѣнною». Какъ «зѣло куріозную вещь» предположено было искать Стоглавъ въ Москвѣ въ соборной успенской книгохранительницѣ и синодальной библіотекѣ, въ типографіи и другихъ архивахъ, равно какъ «у извѣстныхъ книголюбителей и библіотекарей». П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. III, № 1074.

нитель. Оставивъ по смерти старца скитскую обитель, Агѣевъ и самъ потомъ въ Москвѣ дѣятельно и энергично распространялъ между тамошними солдатами „въ разговорахъ" раскольничье ученіе, „какъ подобаетъ персты слагать и знаменовать на челѣ и на рамѣхъ", а на троеперстное сложеніе „плевалъ и говорилъ: то де сложеніе проклятое; такъ де садятъ бобы и крестятся проклятые люди богоотступники". „А въ церквахъ—де старыя книги перемѣнены, и въ церковь де къ пѣнію ходить, и иконамъ, которыя писаны нынѣ, покланяться, и къ архіереямъ и къ священникамъ къ благословенію и на исповѣдь ходить не надлежитъ, понеже де нынѣшніе архіереи и священники пуще волковъ, того и смотрятъ, какъ бы подъѣсть человѣка и обратить къ себѣ". Это была уже старцева наука, вычитанная Агѣевымъ изъ слова о лжепророкахъ и лжеучителяхъ (изъ Маргарита), которое было взято имъ у старца вмѣстѣ съ другими подобными [1]). Въ томъ же духѣ и направленіи были у него и другія разныя выписки изъ книгъ руки его же письма. Наука у старца была настолько дѣйствительна и устойчива, что Агѣевъ, хотя „съ трехъ пытокъ и огня" и склонился было возвратиться въ православную церковь, но потомъ твердо заявилъ, что „то де говорилъ не потерпя розыску; а онъ де въ той своей раскольнической прелести весьма содержится, и даже до умертвія своего въ томъ пребывати намѣренъ". Между прочимъ съ пытки Агѣевъ винился и въ томъ, что „о государевѣ здравіи говорилъ въ непристойныхъ словахъ".

Въ 1723 г. былъ пойманъ агентами миссіонера Рѣшилова, въ числѣ 9 человѣкъ, при переходѣ чрезъ границу, „презельный раскольническій учитель Иванъ Парфеновъ, сынъ Подпружниковъ", выходецъ изъ московской Сыромятной слободы. По его показанію онъ съѣхалъ за рубежъ на Вѣтку въ первые годы XVIII в., и былъ „здѣсь въ духовенствѣ сначала у чернаго попа Ѳеодосія, а потомъ у брата его Александра, так-

[1]) «Слово о лжепророкахъ и ложныхъ учителяхъ и безбожныхъ скверныхъ еретикахъ и о знаменіяхъ скончанія вѣка», приписываемое І. Златоусту, въ старообрядческой передѣлкѣ было особенно распространено между старообрядцами разныхъ фракцій. Оно часто встрѣчается въ старообрядческихъ сборникахъ. См. наше Опис. рукоп. Черн. См. библ. № 85, стр. 54.

же черного попа" [1]). За „веліе злохитренное и хульное мудрованіе, до высокой Его Императорскаго Величества чести касающееся и государству вредительное, Подпружниковъ, по представленію Рѣшилова, какъ „раскольническій учитель и великій развратитель вѣры православныя, криво толкующій писаніе Божественное", препровожденъ былъ тогдашнимъ малороссійскимъ глуховскимъ начальствомъ въ сенатъ, а послѣднимъ переданъ въ канцелярію св. синода для подлежащаго допроса. Въ синодальной канцеляріи онъ подробно разсказалъ свою біографію и обстоятельства, при которыхъ сдѣлался раскольникомъ, и убѣжденнымъ раскольникомъ. Оказалось, что Подпружниковъ родился въ Юрьевѣ Польскомъ и крещенъ былъ православнымъ священникомъ и „не противнымъ дѣйствомъ", т. е. по православному. Еще мальчикомъ перебрался Подпружниковъ съ своимъ отцомъ, посадскимъ человѣкомъ, по ремеслу сыромятникомъ, въ Москву, „гдѣ и учился церкви Живоначальныя Троицы, что въ Сыромятникахъ, у пономаря Мирона по старопечатнымъ книгамъ и священное писаніе знаетъ. Какъ пришелъ въ совершенный разумъ и совершенный возрастъ, жилъ въ приходѣ упомянутой церкви въ посадѣ, въ Сыромятной слободѣ, и всякія подати платилъ, и по выбору слободскихъ людей службы служилъ, въ старостахъ и въ ратушѣ бурмистромъ и на пушечномъ дворѣ у пріему и отдачи денежной казны, и сочтенъ и начету въ немъ не явилось, и довольствовался мастерствомъ—дѣлалъ сыромятныя кожи, къ сѣдламъ подпруги и имѣлъ торгъ въ лавкѣ". О семейномъ своемъ положеніи объяснилъ, что женатъ и имѣетъ трехъ сыновей, которые „учились у разныхъ чиновъ людей по старопечатнымъ книгамъ и божественное писаніе знаютъ". У мѣстныхъ священниковъ въ Москвѣ онъ, Подпружниковъ, жена и дѣти его исповѣдывались и пріобщались, „и къ службамъ въ церковь ходилъ и священниковъ съ потребы въ домъ себѣ пускалъ; но потомъ, тому лѣтъ съ 17, съ женою и дѣтьми сшелъ за польскій рубежъ въ Вѣтковскій Покровскій монастырь..." „А сшелъ онъ не по подговору чьему, но собою, уповая тамъ удобнѣе себѣ питомство получить, понеже въ бытіе въ службахъ въ Сыромятной слободѣ пришелъ въ оскудѣніе; а пропускного письма у него не было, понеже въ то время и безъ пропускного письма проходить было свободно.

[1]) Опис. докл. и д., хран. въ арх. св. син. т. 1, ст. 340—342.

И пришедъ къ вѣтковскому старостѣ Халецкому, получилъ отъ него для житья пустой дворъ, съ котораго платилъ въ годъ по два рубля, и въ ономъ дворѣ жилъ полтретья года, и потомъ сшелъ въ стародубскій уѣздъ въ дворцовое село Еленки" [1]). Въ этомъ дворцовомъ селѣ Иванъ Парфеновъ и жилъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтился въ Стародубѣ съ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ, когда пришелъ къ нему „для выпрошенья сына своего Василія", захваченнаго послѣднимъ по какому-то дѣлу „въ судебную палату" при миссіонерѣ. Въ періодъ своей еленской жизни Подпружниковы, само собою понятно, въ православную церковь уже не ходили, исповѣдывались и пріобщались отъ присланнаго изъ за рубежа, именно съ Вѣтки, попа Бориса; но „церковныя преданія", настойчиво утверждалъ Подпружниковъ, „и прежде сего и нынѣ содержу и ни въ чемъ св. церкви никакой противности и расколу, кромѣ двоеперстнаго сложенія и старопечатныхъ книгъ, не имѣю" [2]). Оставить двуперстное сложеніе и старопечатныя книги Подпружниковъ рѣшительно отказался, и на допросѣ въ синодѣ выразилъ только готовность платить за то двойной окладъ, какъ это онъ и всегда дѣлалъ по переѣздѣ въ Еленку, выплачивая сначала по 4, а потомъ по 12 и даже больше рублей въ годъ еленскимъ войтамъ, для

---

[1]) По показанію собственно Подпружникова онъ съѣхалъ за рубежъ на Вѣтку въ 1705 г., между тѣмъ по Перепис. книг. Ергольскаго и Брянчанинова онъ съ семьей переселился уже въ Еленку въ 1701 г. М. А. М. Ю. Кн. Малорос. прик. № 118.

[2]) Подобно Подпружникову и многіе современные ему приверженцы двуперстія и старопечатныхъ книгъ не признавали себя раскольниками. Такъ крестьянинъ Юрьевскаго у., Городецкой волости, д. Суходола, Максимъ Медвѣдевъ, въ 1725 г. называлъ «ворами и измѣнниками тѣхъ, кто называетъ ихъ, крестящихся двумя перстами, раскольниками. Называющіе раскольниками крестящихся двуперстіемъ произносятъ, по его мнѣнію, хулу на Духа Святаго, на церковь Божію іерусалимскую, восточную; кто церковь бранитъ, истинную вѣру хулитъ, домы Божіи и Богоматери грабитъ, законъ разрушаетъ и на св. патріарховъ и православ. царей клятву возлагаетъ — таковые суть церкви грабители и вѣры разрушители. Онъ, Максимъ, крестится двумя перстами, но не раскольникъ; ибо дѣлаетъ такъ по преданію св. отецъ; въ церковь ходить, исповѣдываться и причащаться желаетъ, да попы того не допускаютъ за истинное крестное знаменіе». Опис. д. и д., хран. въ арх. св. син. VI, ст. 24.

отсылки въ Кіевогубернскую канцелярію. Злохитрое и хульное мудрованіе этого крѣпкостоятеля за старую вѣру состояло въ томъ, что, „читая лѣтъ тридцать Библію, печати острожской, благовѣрнаго князя Константія Константіевича, напечатанную де въ 1581 году,“ находилъ въ книгѣ Ездры и въ 20 главѣ Апокалипсиса пророчества о послѣднемъ времени: „въ нынѣшнее де время Ездрино пророчество присутственно и дѣется де же по оному пророчеству; да и двадесятая глава Апокалипсиса Іоанна Богослова зѣло по настоящему времени вся такъ чинится и седмое царство наше русское нарицается; войдутъ христіане въ Царьградъ и во владѣніе себѣ возьмутъ, и агарянское злочестіе до конца истребится отъ благочестиваго царя“. Св. Синодъ усмотрѣлъ „великую противность“ Подпружникова чести Его Величества, что онъ такимъ образомъ примѣнялъ къ тогдашнему времени пророчества изъ Ездры и Апокалипсиса, и 9-го іюля 1723 г. опредѣлилъ отослать его для розыска въ Тайную канцелярію. 1-го февраля 1724 г. Тайная канцелярія сообщила св. синоду, что „раскольникъ Подпружниковъ сперва по увѣщанію архіерейскому троекратно не покоренъ пребывалъ въ противномъ своемъ толкованіи, а потомъ онъ былъ пытанъ и съ розыску винился и говорилъ, что впредь такъ толковать не станетъ, а съ кѣмъ оное толковалъ и изначала обученъ, тѣ всѣ померли, а потомъ и онъ Попружниковъ умре“. Отъ роду ему было 70 лѣтъ [1]).

Не менѣе характеристично показаніе раскольника Дмитрія Бѣлова, оказавшагося по слѣдствію 1751 г. бѣглымъ крестьяниномъ изъ костромскихъ вотчинъ княгини Мавры Дмитревны Куракиной. Бѣловъ бѣжалъ на Вѣтку приблизительно двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, когда въ тамошнемъ старообрядческомъ монастырѣ былъ игуменомъ Власій. Прежде

---

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. прав. исп. т. IV № 1323, ст. 171.— Опис. докум. и д., хран. въ арх. св. син. т. I, ст. 577—588 т. III, $\frac{343}{3444}$, ст. 340—343. Предметъ толкованій Подпружникова о послѣднемъ времени совпадаетъ въ извѣстной степени съ бреднями Донскихъ раскольниковъ XVII в., попа Самойла и другихъ. См. Дополн. къ Акт. Ист. т. XII, № 17, стр. 144 и 187. Дружининъ: Раск. на Дону. Спб. 1889 г., стр. 143—145. Возможно, что толкованія Подпружникова имѣютъ и преемственную связь съ донскими чрезъ попа Ѳеодосія Ворынина.

всего здѣсь онъ столкнулся съ раскольничьимъ старцемъ Даниломъ Михайловымъ, сыномъ ярославскаго подъячаго Михайла Степанова Иконникова, который его спросилъ: „откуда онъ и зачѣмъ сюда пришелъ?—„Для спасенія“, отвѣчалъ юноша. Старецъ взялъ его къ себѣ въ келью, въ которой Бѣловъ прожилъ три года и наученъ былъ „словесной грамотѣ“ по старопечатнымъ книгамъ. О своихъ старообрядческихъ убѣжденіяхъ на слѣдствіи онъ высказался въ томъ смыслѣ, что со времени бѣгства на Вѣтку и тамошняго наученія въ святую православную каѳолическую церковь не вѣруетъ; не принимаетъ и седми таинствъ отъ нея, которыя принималъ до побѣга; не признаетъ россійскихъ архіеревъ, имѣющихся тамъ изъ Малороссіи, издавна заподозрѣнной раскольниками въ склонности къ латинству, а также не признаетъ и собственно великороссійскихъ архіереевъ и ихъ ученію не вѣруетъ, потому что и эти послѣдніе архіерея „поставлены бываютъ отъ малороссійскихъ архіереевъ совокупно“. Не отрезвили Бѣлова и послѣдующія жизненныя испытанія. „По прошествіи трехъ лѣтъ“, разсказывалъ онъ, „тому нынѣ лѣтъ съ 17, въ великій постъ присланы были на Вѣтку офицеры съ драгунами, для переписи въ монастыряхъ народу мужскаго и женскаго пола, и для высылки ихъ въ Россію и раззоренія монастырей“... При разгромѣ Вѣтки Бѣловъ съумѣлъ бѣжать въ Стародубье, именно, по его словамъ, въ Черницкую слободу, а оттуда въ г. Стародубъ и потомъ въ Сибирь, притворившись въ пути нищимъ. Изъ Сибири черезъ 15 лѣтъ онъ снова вознамѣрился возвратиться на Вѣтку, извѣстившись о ея возстановленіи, чтобы избѣжать производившейся въ то время генеральной переписи, но былъ на дорогѣ схваченъ въ г. Почепѣ, немного уже не достигнувъ намѣченной цѣли. О найденныхъ при немъ въ бумажкѣ, за Богородичнымъ деревяннымъ образомъ, крошкахъ, объяснилъ, что это „подлинно именуемое, по раскольничьему обычаю, причастіе“, данное ему еще на Вѣткѣ чернымъ попомъ Макаріемъ, во время бывшаго тамъ раззоренія, „для дальняго его проходу, ежели, паче чаянія, въ дорогѣ занеможетъ, чтобы ему по раскольническому обыкновенію причаститься“... „Семь книгъ въ переплетѣ, псалтырь совослѣдованную, печатанную въ 150 году, въ бытность патріарха Іосифа, книгу въ восьмую долю листа, печатную и письменную, называемую часословъ, книгу каннуникъ, книгу помянники, книгу житіе св. Варлаама и Іосафа царевича, житіе св. Андрея Юро-

диваго,—„все это", для прельщенія и привращенія къ расколу и обману христіанъ, не употреблялъ, и для моленія сборища и училища къ раскольническому обычаю въ домахъ нигдѣ не имѣлъ, никого изъ православныхъ не перекрещивалъ, но соединиться съ православною церковію не желаетъ". Послѣ третичной пытки, 22 ноября 1753 г., Дмитрій Бѣловъ, за изображеніе на себѣ двуперстнаго креста и за невѣрованіе въ православную церковь, за непринятіе св. иконъ и новоисправныхъ книгъ, за непринятіе патріарха Никона и по немъ бывшихъ патріарховъ, за непринятіе седми таинствъ и протчія св. церкви противности, сосланъ въ Рогервикъ въ вѣчную каторжную работу [1]).

Приведенныя нами указанія ясно свидѣтельствуютъ, что и при преемникахъ Ѳеодосія Ворыпина продолжалось начатое имъ на Вѣткѣ дѣло, и даже продолжало расти и развиваться. Всѣ его ближайшіе преемники дѣйствовали на положенномъ имъ основаніи и всѣми мѣрами старались поддерживать и укрѣплять вліяніе организованнаго имъ монастыря, какъ настоящаго духовнаго центра и средоточія поповщинскаго раскола. Можно даже сказать болѣе: вліяніе этой огромной поповщинской общины, все болѣе и болѣе усиливавшейся послѣ Ѳеодосія, распространялось не только на ближайшія къ ней русскія мѣстности и среди поселившихся за рубежомъ русскихъ людей и въ частности раскольниковъ, но простиралось и на отдаленнѣйшія мѣстности нашего отечества, достигая даже Сибири. Изъ отдаленныхъ великорусскихъ областей шли на Вѣтку люди только затѣмъ, чтобы „повидѣть тамошняго монастыря и монашескаго житія": такъ сильно было вліяніе Вѣтки и вѣтковской пропаганды. Вѣтковскіе проповѣдники, не смотря ни на какія пограничныя строгости, за подаяніемъ милостыни для своего монастыря и съ своею проповѣдью появлялись всюду въ Россіи, разъѣзжая по ней то подъ видомъ „купецкихъ людей, въ мірскомъ уборномъ русскомъ платьѣ, съ ружьемъ и рогатинами, то подъ видомъ нищихъ съ котомками на спинахъ, въ которыхъ между предметами подаянія часто скрывались старообрядческія книжки и тетрадки; иногда принимали видъ странниковъ, богомольцевъ. Опасными мѣстами они обыкновенно

[1]) Дѣла Сыскнаго приказа, № 2559 Чт. въ общ. ист. и древн. Россійс. 1870 г., кн. II, стр. 39—46.

старались пробираться ночью, держась старинной на этотъ счетъ поговорки: „путь—дорога честна не сномъ, а заботой“. Многіе изъ нихъ вели совсѣмъ кочевую жизнь, искрещивая русскія области изъ конца въ конецъ, вдоль и поперегъ, основывая новыя старообрядческія общины, монастыри, пустыни и скиты, и такимъ образомъ все болѣе и болѣе расширяли славу и вліяніе своего зарубежнаго монастырскаго убѣжища. Относительно Вѣтки того времени смѣло можно сказать, что какъ будто даже и не существовало для ней пограничной черты: тутъ были свои дороги, свои становища, своя почта и корреспонденція, свои спеціалисты извощики, переправлявшіе желающихъ перейти за рубежъ и сдѣлавшіе себѣ изъ того довольно выгодный промыселъ. Къ вѣтковскимъ пропагандистамъ раскола всецѣло можно отнести то, что сказалъ Ростовскій святитель Димитрій о Брынскихъ расколоучителяхъ: „Якоже змій въ апокалипсіи видѣнный“, говоритъ онъ, „хоботомъ своимъ отторже третію часть звѣздъ небесныхъ и повержеся на землю, такъ и Брынская пустыня, какъ хвосты свои распростираетъ, посылаетъ учители во грады и веси, отторгаетъ отъ церковнаго неба яко звѣзды, души людей православныхъ, и повергаетъ въ свою пропасть“ [1]). Эти же пропагандисты раскола за деньги снабжали старообрядцевъ разныхъ великорусскихъ и зарубежныхъ мѣстностей „вѣтковскимъ причастемъ и благодарными хлѣбами“, чашками и ложками для причастья, приготовлявшимися отчасти и на Вѣткѣ и разносимыми потомъ по разнымъ раскольничьимъ общинамъ и русскимъ захолустьямъ. Дѣла Преображенской канцеляріи и Сыскнаго приказа, архивы св. Синода и Сената, Малороссійской коллегіи и Кіевской губернской канцеляріи и др. даютъ довольно значительное количество хотя и случайныхъ указаній, но въ извѣстной мѣрѣ рельефно выставляющихъ и опредѣляющихъ степень распространенія вліянія какъ расколь-

---

[1]) Розыскъ, стр. 69. По Мельникову собственно рѣчь въ Розыскѣ о *Рымскихъ*, а не Брынскихъ лѣсахъ. Такъ называются сопредѣльные съ Керженскими лѣса въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, по селеніямъ Большія и Малыя Рымы, на рѣкѣ Черный Лухъ, впадающей въ Унжу. Мельниковъ: Оч. поповщ. ч. I. стр. 78, примѣч. Іеросхимонахъ Іоаннъ, жившій тамъ во второй половинѣ XVIII в., называетъ ихъ *Рымовскими*. Духъ мудров. нѣкот. раск. толковъ. М. 1841 г., стр. 9.

ничьей пропаганды Вѣтковскаго монастыря, такъ и сосѣднихъ съ нимъ скитовъ и пустынь. Здѣсь мы приведемъ нѣкоторыя извлеченія отъ указанныхъ архивныхъ источниковъ.

Выше мы имѣли случай (гл. III), хотя и по другому поводу, коснуться показанія нѣкоего иконописца Ивана Андреева, даннаго имъ въ Преображенскомъ приказѣ въ 1712 г. Онъ разсказывалъ тогда, что за три года передъ тѣмъ исповѣдывался и пріобщался въ Клушинской пустыни, что за Волокомъ Ламскимъ, у пріѣзжаго изъ Польши чернаго попа Іоасафа, имѣвшаго у себя причастье вѣтковской церкви. Отсюда видно, что сношенія Вѣтки съ Волоколамскими раскольниками начались еще при жизни Ѳеодосія Ворыпина.

Слѣдственное дѣло о Волоколамскихъ раскольникахъ, производившееся въ Конторѣ раскольническихъ дѣлъ въ 1728—1732 гг., указываетъ на болѣе широкую постановку въ этихъ мѣстахъ Вѣтковской пропаганды раскола. Изъ показаній старца Пахомія, даннаго 4-го декабря 1732 г., оказывается, что въ Волоколамскихъ лѣсахъ Вѣтковскіе иноки начали появляться очень рано, если не въ концѣ XVII в., то по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ XVIII в. Именно Пахомій говорилъ, что „онъ поселился въ Волоколамскомъ уѣздѣ въ лѣсу въ прошлыхъ годахъ, а сколько тому назадъ лѣтъ не упомнитъ, при болотѣ, близъ деревни Куниловой, и что въ ту его Пахоміеву бытность тамъ приходилъ къ нему изъ-за рубежа съ Вѣтки раскольничій черный попъ и научилъ крестное знаменіе налагать на себя двумя персты и молитву творить: Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ". Тогда же вѣтковскій черный попъ его, Пахомія, по его личному желанію, постригъ и отдалъ подъ началъ нѣкоему старцу Тихону, жившему въ томъ же лѣсу, отъ кельи Пахомьевой всего въ трехъ верстахъ, и по прошествіи шести недѣль тотъ попъ изъ кельи отъ него отлучился, а онъ, Пахомій, отъ подначальнаго старца отошелъ въ свою келью. Далѣе онъ разсказывалъ, что послѣ того спустя лѣтъ *съ тридцать* пришелъ къ нему изъ за рубежа раскольникъ—бѣглецъ и сманилъ его, Пахомія, съ собою за рубежъ, и были съ нимъ на Вѣткѣ лѣтъ съ пять въ раскольническомъ монастырѣ, въ которомъ имѣются одни монахи, и съ Вѣтки потомъ снова возвратился въ указанный лѣсъ съ вышедшимъ съ нимъ изъ за рубежа раскольникомъ Іудой. Онъ же показалъ, что отъ роду своего до постриженія отцовъ духовныхъ у него не было, а по

постриженіи, какъ жилъ онъ при Куниловскомъ болотѣ, исповѣдывали и причащали его пріѣзжавшіе съ Вѣтки раскольническіе попы Леонтій да Иванъ привозимымъ съ собою изъ-за рубежа причастьемъ. Въ дополнительномъ показаніи, относительно захваченныхъ у него разныхъ старообрядческихъ принадлежностей, Пахомій разсказалъ, что вышеобъявленный раскольничій попъ (не названъ по имени), который его постригалъ, благословилъ его послѣ постриженія образомъ Успенія Богородицы и двумя крестами мѣдными; онъ же, раскольничій попъ, давалъ ему, Пахомію, привозимый изъ вѣтковскаго монастыря „благодарный хлѣбъ", употребляемый имъ потомъ вмѣсто причастья, которое производилось особой ложечкой изъ сдѣланной имъ самимъ деревянной чашки. Подаркомъ того же вѣтковскаго попа оказались и два дарника, одинъ мѣдный, другой деревянный, которыми онъ велѣлъ ему печатать „просвиры" и тѣ „просвиры" ѣсть [1]).

Изъ другихъ показаній того-же слѣдственнаго дѣла о Волоколамскихъ раскольникахъ оказывается, что въ первой четверти XVIII в. какъ въ Волоколамскихъ лѣсахъ, такъ и во Ржевѣ Володиміровой и другихъ окрестныхъ мѣстностяхъ главнымъ образомъ дѣйствовали и пропагандировали расколъ вѣтковскіе черные попы: Леонтій, Кипріанъ, Иванъ и др. Съ ними мы встрѣчаемся въ показаніяхъ старицъ—Марфы, Маремьяны, Аполинаріи Петровой, Устиньи Тимоѳеевой и др. Въ концѣ того же времени или нѣсколько позже здѣсь же дѣйствовали слѣдующіе вѣтковскіе старцы и черные попы: Мардарій, Власій, Евфросинъ и Пафнутій [2]).

Въ томъ же слѣдственномъ дѣлѣ о Волоколамскихъ раскольникахъ можно еще отмѣтить показанія старцовъ Авраамія и Антонія, какъ такія, которыя имѣютъ и нѣкоторый историческій интересъ. Старецъ Авраамій разсказалъ о себѣ, что когда ему было еще 20 лѣтъ отъ роду, онъ, вмѣстѣ съ другими 5 крестьянами Алешинской волости, Можайскаго уѣзда, вотчины бывшаго князя Меньшикова, съѣхалъ на Вѣтку, жилъ тамъ лѣтъ съ 17 и наученъ отъ тамошнихъ раскольниковъ *словесной гра-*

[1]) Есиповъ: Раск. дѣла XVIII ст. т. I, стр. 239—242.

[2]) Ibidem. Стр. 247—249, 251—253. О. Ржевскихъ раскольникахъ въ Петровское и ближайшее послѣпетровское время см. въ Опис. док. и д., хран. арх. св. син. т. VI, ст. 564—565.

мотъ, и по наученіи постриженъ раскольническимъ чернымъ попомъ Леонтіемъ въ старцы по старопечатной книгѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, что крестился по тому наученію двуперстно и молитву творилъ и творитъ по старопечатнымъ книгамъ, что года два тому назадъ онъ возвратился съ Вѣтки снова въ Волоколамскій уѣздъ, и что отцовъ духовныхъ, кромѣ показаннаго Леонтія, онъ никого не имѣлъ и не имѣетъ нынѣ [1]). Въ свою очередь Антоній, по происхожденію сынъ посадскаго человѣка г. Пскова, 10-го января 1733 г. въ синодальной канцеляріи показалъ о своемъ пребываніи въ расколѣ слѣдующее. Постриженъ де онъ на Вѣткѣ чернымъ попомъ Леонтіемъ лѣтъ тому съ 20, и что отцомъ его духовнымъ былъ тотъ же попъ Леонтій; что на Вѣткѣ онъ также бывалъ у исповѣди и причащенія у чернаго попа Мардарія, а въ православно-каѳолической церкви отъ рожденія своего не бывалъ; что первоначальные учители его Кипріанъ и Іона, которые уже померли, и прочіе мудрствующіе на Вѣткѣ толкъ поповщины, и онъ, Антоній, „ихъ ученію послѣдовалъ и вѣрилъ имъ во всемъ яко истинѣ". Въ заключеніе своего показанія Антоній даетъ обстоятельный сводъ пропагандируемаго Вѣтковскими проповѣдниками раскольническаго ученія и мудрованія. Сущность этого Вѣтковскаго ученія и мудрованія сводится у старца Антонія, по оффиціальному изложенію, къ слѣдующимъ 14 тезисамъ.

I. „Отъ лѣтъ 166 года святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и прочихъ восточныхъ патріарховъ до сего дне, архіереевъ и іереевъ не православными, но и еретиками нарицалъ.

II. „Отъ тѣхъ лѣтъ церковь православная въ Россіи якобы повредилася Никоновымъ преданіемъ".

III. „Книги церковныя новоисправныя растлѣнными и весьма еретическими нарицалъ и еретиками по нихъ мудрствующихъ называлъ".

---

[1]) Ibidem, стр. 242—243. Богатые купцы и состоятельные крестьяне изъ раскольниковъ уже въ началѣ XVIII в. какъ въ поповщинѣ такъ и безпоповщинѣ отдавали своихъ дѣтей въ раскольничьи скиты для наученія словесной грамотѣ. Въ этомъ отношеніи въ безпоповщинѣ особенно были извѣстны Выгорѣцкіе скиты. Опис. док. и д., хран. въ арх. въ син. т. VI, ст. 21. Были случаи, что въ раскольничьи скиты для наученія грамотѣ отдавали своихъ дѣтей и православные люди.

IV. „Вкругъ купели церковныхъ крещеній не по солнцу хожденія, но противъ солнца ересью называлъ".

V. „Евхаристію и всѣхъ седми тайнъ и прочихъ церковныхъ дѣйствій ересію нарицалъ, потому что не по старопечатнымъ книгамъ, но по Никонову преданію, не во спасеніе, но въ погибель, аки скверну антихристову вмѣнялъ и ругатель былъ".

VI. „Сложеніе трехъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатью антихристовою нарицалъ и знаменующихся тѣмъ перстосложеніемъ неправославными нарицахъ" [1]).

VII. „Трекратное глаголаніе аллилуіа въ молитвословѣ церковномъ по псалмѣхъ ересію нарицахъ, а дважды глаголющихъ аллилуіа, аллилуіа, въ третіе приглашати Слава тебѣ Боже, православными глаголющихъ именовахъ".

VIII. „А на святыхъ иконахъ пишемое сице Иісусъ, а не Ісусъ ересію нарицахъ".

IX. „Крестъ четверолонечный трисоставному древу честію и славою не полагахъ, но разумѣхъ стѣнь или сѣнь онаго истиннаго трисоставнаго креста мудрствовахъ".

X. „Въ сумволѣ вѣры и въ Духа святаго Господа животворящаго, а не глаголющихъ и въ Духа Господа истиннаго и животворящаго ересію нарицахъ".

XI. Всякую исправность въ книжномъ типографскомъ тисненіи, премѣненіе рѣчей и буквы, точекъ и запятыхъ ересію нарицахъ" [2]).

XII. „Благословящую священническую руку, сложенную Іисусъ Христосъ, называлъ Малаксою ересію, а въ старопечатныхъ книгахъ напечатано какъ креститися, такъ и благословити повелѣно".

XIII. „За благочестивѣйшую Государыню Императрицу Анну Іоанновну и за всю ея высочайшую фамилію Бога не

---

[1]) Иные треперстное сложеніе въ знаменіи крестномъ называли просто «*щелкуномъ*».

[2]) Про старца Авраамія, духовнаго сына протопопа Аввакума, разсказывали, что онъ прельстилъ многихъ людей и пустынниковъ тѣмъ, между прочимъ, что показывалъ въ служебникѣ: «напечатано де въ имени ап. Павла вмѣсто *вѣди—ижица*, вмѣсто *Павла—Пакль*». Допрос. рѣчи старцевъ Нила и Гавріила о строителѣ Авраамiѣ 1666 г. Мат. для ист. раск. Брат. Слово 1875 г., кн. 4, стр. 657.

молятъ, также и за преставльшихся ихъ величества фамилію учили меня Бога не молить, и сами учители во ектеніяхъ и литіяхъ Бога не молятъ, такъ же и за православныхъ московскихъ архіереевъ не молятъ".

XIV. „Брадобрѣющихъ проклинали и еретическими слугами называли, и онъ называлъ по преданію тѣхъ же лжеучителей своихъ" [1]).

Такова не сложная Вѣтковская раскольническая догматика, по представленію старца Антонія, не внесшая повидимому ничего новаго въ общій составъ раскольничьяго „ученія и мудрованія", установившагося еще въ XVII в. Услуга расколу Вѣтковскихъ проповѣдниковъ состояла только въ томъ, что они усердно и ревностно старались разсѣевать по лицу русской земли давно уже укоренившіяся старообрядческія традиціи и находили себѣ послѣдователей и учениковъ, энергично и настойчиво продолжавшихъ ихъ дѣло.

Впрочемъ въ произведеніяхъ другихъ Вѣтковскихъ учителей первой половины прошлаго вѣка, болѣе выдающихся и болѣе начитанныхъ съ современной имъ раскольнической и противораскольнической литературѣ, старообрядческое „ученіе и мудрованіе" нашло себѣ болѣе полное и широкое выраженіе, чѣмъ это мы видимъ у старца Антонія. Эти произведенія уже явно отражаютъ на себѣ историческія черты даннаго времени. Извѣ-

---

[1]) Есиповъ: Раск. дѣла. т. I, стр. 244—248, 258—260. Изъ XIII пункта оказывается, что на Вѣткѣ во время царствованія Анны Іоанновны поповцы прекратили молитву за царя, можетъ быть такъ зарубежные, не находившіеся въ державѣ Россійской. Это впрочемъ единственное свидѣтельство о немоленіи за царя поповцевъ. Извѣстно, что еп. Питиримъ писалъ Петру I: «безпоповцы въ молитвахъ царя не поминають. Поповцы же хотя и молятся за царя, но назывꙋютъ его только благороднымъ»... – Интересны въ показаніи старца Антонія и слѣд. указанія: «А взятая съ нимъ чашечка не большая да двѣ ложечки мѣдныя да третья костяная, да въ двухъ бумажкахъ частицы, его Антоніевы,—*и чашку и ложечки далъ ему на Вѣткѣ помянутый отецъ его духовный;* также и въ бумажкахъ частицы того же отца духовнаго: одна тѣло Христово и другая благодарнаго хлѣба, и оныя де частицы велѣлъ ему оной отецъ духовной принимать въ показанной чашечкѣ, ложечками, при смертномъ случаѣ, въ богоявленской водѣ, которую далъ ему на пшеничной мукѣ (!?), и та де мука при взятьѣ его не знамо куда утерялась»...

стно, что Петровскія преобразованія, и вообще неблагосклонно принятыя русскимъ народомъ, послужили для старообрядцевъ новымъ предлогомъ къ нападеніямъ на православную церковь. Въ перемѣнахъ такого рода, какъ ношеніе нѣмецкаго платья, бритье бородъ, особенно же учрежденіе Синода вмѣсто патріаршества, они видѣли несомнѣнные признаки еретичества, отступленія отъ древне-православной вѣры и даже признаки временъ антихриста. Такимъ образомъ явились у раскольниковъ новыя доказательства мнимаго отступленія великороссійской церкви отъ древняго православія и благочестія, — доказательства, которыя теперь съ особенною силою выставлялись на видъ, такъ что передъ ними старыя, измышленныя прежними расколоучителями, отступили на задній планъ. Эта особенность времени ясно выступаетъ уже въ прошеніи Вѣтковскихъ старообрядцевъ о епископѣ, которое было подано въ 1731 г. патріарху Константинопольскому. Изъ всѣхъ извѣтовъ противъ православной церкви они обратили особенное вниманіе на то, что „въ великой Россіи патріаршескій престолъ имѣти не восхотѣша", но „бискупскій синодъ въ молебныхъ диптахъ вписаша", и что „нынѣ великороссійстіи мнози господа и купечестіи люди въ кальвинскіе обычаи снидоша, въ посты святые не брегутъ, среды и пятки не хранятъ, мяса ядятъ, и о сей слабости оныя синодальныя не возбраняютъ..., и не точію народъ простолюдиновъ, но и церковныхъ причетниковъ во одѣяніе кальвинское облекоша и брады имъ по нѣмецки обриша". Еще полнѣе тѣ же отличительныя черты времени отразились въ позднѣйшемъ вѣтковскомъ произведеніи, озаглавленномъ такъ: „*Отвѣтъ зазирателю*„. Въ этомъ произведеніи рѣчь главнымъ образомъ идетъ о причинахъ необщенія и нехожденія старообрядцевъ въ православную церковь, и приведено 30 пунктовъ раздѣленія старообрядчества съ православіемъ. Кромѣ обычно указываемыхъ старообрядцами „новоперемѣнъ" въ практикѣ церковной,—относительно перстосложенія, премѣненій и измѣненій въ старопечатныхъ книгахъ и церковныхъ обрядахъ, здѣсь указываются и такія новоперемѣны въ жизни и умонастроеніи даннаго времени, какъ введеніе ученія и хитрорѣчія латинскаго, новыхъ игръ и плясаній, пѣнія и живописи, измѣненіе взгляда на милостыню, измѣненіе старинняго обычая носить волосы, общеніе съ еретиками и пр. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, которые имѣютъ значеніе для характеристики религіозно-бытовой

жизни русскаго общества XVIII в. и степени распространенія и усиленія въ немъ западнаго вліянія. 15 пунктъ: „св. церковь со еретики общатися вельми возбраняетъ; отъ сего бо истребляется крѣпость благочестія... А нынѣшнія лжеучители сіе все презрѣша, и съ латины и съ лютеры и съ армяне ѣдятъ; а міряне не токмо общеніе имѣютъ въ питіи или въ яденіи, но уже и бракомъ сочетаются, и не токмо бракомъ, но и наложницъ иноязычницъ имѣютъ, такожъ и своя дщери за язычниковъ поганыхъ въ супружество отдаютъ“... (л. 75 и об.). 16 п.: „Нынѣшняго вѣка россійстіи народи не токмо тѣлесное общеніе съ лютеры и латины и съ протчими имѣютъ, но уже всякое ученіе и хитрорѣчіе ихъ пріяша и научишися, таже и острологіи и звѣздочетіи и протчимъ внимаютъ“... Какъ примѣръ пріобрѣтенія ереси отъ хитрословія латинскаго приводится изъ Жезла Правленія извѣстное мѣсто толкованія о воплощеніи Сына Божія и о прочихъ человѣкъ зачатіи... 27 п.: „Еще и сіе нынѣшнія власти не токмо что иное похулиша, но уже и св. мучениковъ зазираютъ и исторію лжею порицаютъ... (кн. о блаженствахъ) л. 86 об. 28 п. касается измѣненія взгляда на милостыню: „Во свящ. Евангеліи самимъ Христомъ реченное и заповѣданное: Взалкахъ бо ся, и дасте ми ясти... А нынѣшнихъ временъ како духовніи, тако и мирстіи вси купно не токмо преданіе св. апостолъ, но и самаго Господа І. Христа презрѣша и не токмо презрѣша, но и творящихъ по заповѣдемъ Господнимъ возненавидѣша. А именно возбраняютъ нищимъ милостыню просити, а другимъ даяти, и напечаташа въ книгахъ (Регламентъ, л. 81) сице: аще кто снабдѣваетъ лѣнивыхъ, таковаго нарицаютъ участникомъ грѣха тѣхъ; таковую милостыню суетною и дурною, тщетною жъ и не полезною порицаютъ... (л. 88—89). О власахъ (п. 7): „противятся Божественному апостолу, власы ростятъ, еллинскій сей обычай воспріяша и женскій образъ похищаютъ на ся, якоже Златоустъ рече. И по словеси св. Епифанія сія евхитская ересь. А нынѣшнихъ послѣднихъ временъ народы уже злѣе еллинъ и евхитовъ творятъ, и на главы своя учиня изъ волосовъ конскихъ или женскихъ кудри носятъ; еще аки дѣвицы косы плетутъ, ругающеся подобію сотворенного Богомъ человѣкомъ по образу и по подобію, и прочая неподобная творятъ (л. 67). О введеніи новыхъ игръ и плясаній (п. 12): „честныя и св. вещи и древнія книги отложиша, а богомерзское злочестіе введоша, паки яко бы бѣс-

новатые; уже игры и плясанія произведоша и въ книгахъ напечаташа, а именно въ книзѣ Регламентѣ и въ книзѣ именуемой Юности честное Зерцало... Да въ тѣхъ книгахъ напечатано есть уставленіе и похваленіе, како играти и танцовати". (л. 82 об.) [1]).

Вліяніе Вѣтковскихъ проповѣдниковъ раскола въ первой половинѣ XVIII в. распространялось и на другія близкія къ Москвѣ мѣстности, какъ и на саму Москву. Вотъ примѣръ. Одинъ изъ московскихъ священниковъ, служившій при церкви Николая Чудотворца на Пескахъ, что за Смоленскими воротами Ѳедоръ Матвѣевъ, сосланъ былъ въ 20-хъ годахъ прошлаго' вѣка въ Соловки за то, что отклонялъ своихъ прихожанъ отъ исправленія требъ у православныхъ священниковъ. Онъ же имѣлъ у себя требникъ *съ припискою* въ чинѣ исповѣди вопроса: „не бривалъ-ли по еретически брады?" Оказалось и то, что онъ хранилъ въ дароносицѣ двоевѣрные *дары*: одни бѣлые и подлинно, по его словамъ, освященные, и другіе смуглые, *привезенные съ Вѣтки* [2]).

О томъ же вліяніи Вѣтковскихъ проповѣдниковъ раскола на Москву и сосѣднія съ нею мѣстности говоритъ и показаніе Вѣтковской старицы Ѳеодуліи. Она была поймана въ самой Москвѣ въ 1720 году. Изъ ея показаній видно, что она дѣйствовала здѣсь съ двумя вѣтковскими монахами, Леонтіемъ и Кипріаномъ, и находилась съ ними въ блудной связи. Приведенная въ Приказъ церковныхъ дѣлъ, она оговорила многихъ приверженцевъ старины въ Москвѣ, Ржевѣ, Калугѣ и другихъ мѣстахъ, скрывавшихъ свой расколъ, и, между прочимъ, двухъ подмосковныхъ священниковъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, именно священникъ с. Пречистенскаго, Можайскаго уѣзда, Иванъ Васильевъ Неусыпаевъ, желая съ большею убѣдительностью доказать несправедливость извѣта, объявилъ въ Приказѣ, „что хочетъ быть раскольниковъ гонитель", и дѣйствительно привелъ за тѣмъ въ Приказъ церковныхъ дѣлъ раскольника старца Урвана и дѣвку Татьяну.

---

[1]) *Отвѣтъ зазирателю*,—ркп. церков. арх. муз. при К. Д. Ак. Аа, 148, лл. 48—95. Отвѣтъ этотъ написанъ не раньше конца первой половины прошлаго вѣка, такъ какъ *Розыскъ* св. Димитрія Ростовскаго называется въ немъ книгой *новопечатной* (л. 54 об.). Первое изданіе Розыска вышло въ 1745 г.

[2]) Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I, ст. 91.

Изъ допросовъ выяснилось, что Ѳеодулія жила прежде „по обычаю староверцовъ" въ Брянскихъ лѣсахъ, что за Угрою рѣкою, въ скитахъ, въ такъ называемомъ Кирилловомъ согласіи. Эти Угорскіе скиты существовали до 1712 г., когда они были раззорены посланнымъ изъ Смоленска сыщикомъ Авдѣемъ Васильевымъ Ражищевымъ. Послѣ этого раззоренія основатель согласія старецъ Кириллъ выѣхалъ въ Калугу, а Ѳеодулія за Можайскъ, въ с. Пречистенское, и вмѣстѣ съ 15 сестрами того же согласія жила близь этого села въ кельяхъ, подъ попечительнымъ охраненіемъ отца вышеназваннаго священника, тоже священника: въ одной съ нею кельѣ жили сватьи Неусыпаева съ ихъ матерью. Иванъ Васильевъ Неусыпаевъ познакомился съ Ѳеодуліей еще въ Угорскихъ скитахъ до 1710 г., такъ какъ съ этого года по 1717 г. онъ былъ сельскимъ дьячкомъ въ томъ с. Пречистенскомъ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Ходилъ же онъ въ Брянскіе лѣса за Угру *„ради ученія иконнаго письма"*, по внушенію тамошнихъ же старцовъ, „бродячихъ людей", и приставалъ въ тамошнихъ скитахъ у старца Алексѣя, а иконному письму учился у нѣкоего старца Никиты мѣсяцовъ съ пять. Въ это время онъ и былъ совращенъ въ расколъ: находившійся тогда въ Угорскихъ скитахъ Вѣтковскій черный попъ Леонтій перекрестилъ его, масломъ и мvромъ помазалъ. А самое крещеніе, по его словамъ, происходило такъ: „въ горшкѣ налито было воды, а на горшкѣ поставлены были четыре свѣщи, и его, Ивана, съ воспріемникомъ старцомъ Сергіемъ и съ воспріемницею старицею Ѳеодуліею, оболокли великимъ полотномъ бѣлымъ и вокругъ по солнцу творили хожденіе, а вторичнаго погруженія и отрицанія отъ православной христіанской вѣры не было, а отъ сатаны отрицаніе было. Оное крещеніе раскольническое онъ, Иванъ, воспріялъ для того что де помянутый старецъ Никита сказалъ ему: *„доколѣ де оной присяги не учинишь, и оной иконной науки учить не будетъ"*. Неизвѣстно въ точности, долго ли Неусыпаевъ былъ въ Угорскихъ скитахъ; но когда возвратился къ отцу, послѣдній скоро умеръ, и онъ, безъ всякаго стѣсненія совѣсти, занялъ его мѣсто... Кромѣ того Неусыпаевъ показалъ, что были и другіе раскольничьи скиты въ Можайскомъ уѣздѣ; что скиты эти, въ которыхъ наставникомъ былъ какой-то монахъ Кириллъ, были раззорены межевщикомъ, дьякомъ Иваномъ Лосевымъ, и что въ Угорскихъ скитахъ, кромѣ вышеназванныхъ лицъ, онъ,

Неусыпаевъ, зналъ еще монаховъ—Антонія, Александра, Іосифа, Варлаама, Илью и Филарета. Повидимому и эти послѣдніе были Вѣтковскими чернецами, такъ какъ всѣ эти имена встрѣчаются въ нѣкоторыхъ спискахъ Вѣтковскихъ чернецовъ того времени.

Другой священникъ, Иванъ Якимовъ, с. Дровина, Можайскаго же уѣзда, двоюродный братъ перваго, до священства также побывалъ въ Угорскихъ скитахъ и былъ перекрещенъ тамъ тѣмъ же чернымъ попомъ Леонтіемъ. А ходилъ онъ въ тѣ скиты *для наученія грамотѣ*, и потомъ по наученіи и возвращеніи изъ скитовъ поступилъ сначала въ церковные дьячки, а за тѣмъ и во священники, скрывши предъ посвященіемъ, какъ и Неусыпаевъ, прежнее свое раскольство и фактъ пребыванія своего въ скитахъ.

Дѣвка Татьяна, крестьянка того же уѣзда, д. Анисимовой, раскольничавшая не далеко отъ своей родной деревни, въ лѣсахъ, показала, что руководителями раскола были тамъ трудники Никифоръ и Христофоръ, а перекрещивалъ ее также черный попъ Леонтій, пріѣзжавшій изъ Калуги, тотъ самый, который перекрещивалъ въ Угорскихъ скитахъ Неусыпаева и Якимова.

По свидѣтельству старца Антонія, по происхожденію дворцоваго крестьянина Гуслицкой волости Антипы Алексѣева, жившаго нѣкоторое время въ Калугѣ и Брянскихъ лѣсахъ, въ послѣднихъ былъ устроенъ скитъ чернымъ попомъ Леонтіемъ съ Вѣтки; въ верстѣ отъ мужскаго скита былъ женскій скитъ, которымъ завѣдывала старица Ѳедосья, имѣвшая подъ началомъ своимъ до 20-ти старицъ. Къ службѣ старцы и старицы этихъ скитовъ сходились вмѣстѣ, исповѣдывались у Леонтія, а причащались по кельямъ привезеннымъ съ Вѣтки причастьемъ. Близость скитовъ мужскаго и женскаго доставляла удобство старцамъ и старицамъ не для однихъ богомоленій.... Былъ здѣсь и другой попъ Филиппъ, получавшій причастье изъ-за рубежа, изъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря. По тому же свидѣтельству, старцы Брянскихъ лѣсовъ, какъ и пріѣзжіе Вѣтковскіе, ѣздили для испрошенія милостыни по разнымъ окрестнымъ мѣстностямъ и городамъ, между прочимъ—въ Тверь, Торжокъ, Ржевъ, Бѣлевъ, Верею, Калугу. Все это были мѣстности сильно зараженныя расколомъ, на которыя, какъ на такія, въ то время было обращено серьезное вниманіе и центральнаго ду-

ховнаго правительства. Непосредственнымъ результатомъ этихъ раскольническихъ путешествій по городамъ было многое подаяніе „отъ денегъ, и отъ воску, и хлѣбными и съѣстными припасами“, а также распространеніе и усиленіе раскола [1]).

Калуга была однимъ изъ самыхъ видныхъ и сильныхъ раскольничьихъ центровъ первой половины XVIII в., стоявшимъ въ ближайшей связи съ Вѣткой и вліявшимъ на всю сосѣднюю окрестность. Жители Калуги, въ томъ числѣ и духовенство, бѣлое и черное, за немногими исключеніями, едва ли не поголовно были ревностными послѣдователями раскола. По современнымъ оффиціальнымъ свидѣтельствамъ, „того града священники всякое священное служеніе отправляли по старопечатнымъ служебникамъ и требникамъ, и обхожденіе круга имѣли по солнцу, о чемъ показали сами, что оное чинили за волю своихъ прихожанъ и смотря на архимандрита Каріона“, настоятеля Лаврентіева монастыря, который, по нѣкоторымъ показаніямъ, больше 20-ти лѣтъ „чинилъ соблазнъ и противность“... Управители бывшей Московской тіунской палаты (съ 1719 г. Приказъ церковныхъ дѣлъ), московскіе священники Ѳеоктистовъ и Михайловъ, отъ 6-го іюня 1721 г., доносили Св. Синоду, что они съ 1717 г. изыскали въ городѣ Калугѣ раскольническую прелесть и показали ее явно, какъ относительно обывателей, такъ въ особенности священниковъ. По ихъ словамъ, „всѣ священники града того соблазны церкви святой чинятъ, по двѣ евхаристіи имѣютъ, на семи просфорахъ служатъ, посолонь круга въ таинствахъ обхожденіе имѣютъ, за волю своихъ парохіянъ, въ чемъ имъ, калужскимъ жителямъ, на себя и записи давали. Еще въ великороссійскомъ государствѣ и неслыханная нововведенная ересь, что хиротонисанные священники христіанъ исповѣдываютъ и св. таинъ причащаютъ и св. елеемъ освящаютъ по старопечатнымъ требникамъ, а послѣ того *раскольническіе лжемонахи надъ таковыми таинства еще переправливаютъ*, и постригаютъ, и схимятъ, и складываютъ внѣ града и церкви святой тѣ противническія тѣлеса, отвозя на боръ въ лѣсъ“. Здѣсь, какъ и на Вѣткѣ, были уже и свои

---

[1]) Опис. докум. и д., хран. въ арх. Св. Син. т. I, ст. 91, 178—179, 395—398. О Кириллѣ, какъ основателѣ особаго согласія, названнаго его именемъ, ср. ст. 763. Полн. соб. п. и р. по вѣд. прав. испов. т. I, ст. 56—59, 72—73, 308.

„святые", которымъ службы совершались. Еще въ болѣе густыхъ и сильныхъ краскахъ обрисовываетъ силу калужскаго раскола тогдашній судія Приказа церковныхъ дѣлъ, извѣстный Златоустовскій архимандритъ Антоній, въ своихъ доношеніяхъ Св. Синоду 1721 г. Онъ именно писалъ, что въ Калугѣ расколъ вообще сильно распространенъ, и что находитъ необходимымъ, „для увѣренія присягою архимандрита Каріона, игуменьи и старицъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря, соборнаго протопопа и прочихъ приходскихъ поповъ и тамошнихъ всѣхъ жителей отъ семилѣтнихъ и далѣе до престарѣлыхъ", послать въ Калугу „искусныхъ священниковъ" или „ему самому ѣхать для лучшаго въ томъ изслѣдованія, дабы тую раскольническую прелесть суще искоренить". А „безъ того",—писалъ онъ далѣе,— „той ихъ раскольнической прелести искоренить невозможно, понеже она происходитъ подъ видомъ благочестія". Онъ же, по извѣтамъ Вѣтковскихъ старицъ Ѳеодуліи и Аполинаріи и „пособливымъ дѣламъ", обличалъ архимандрита Каріона и игуменью Гавдѣлу съ ихъ сторонниками въ укрывательствѣ раскольничьихъ учителей, поповъ, старцовъ и старицъ, въ чиненіи ими самими раскола, въ чемъ они и сами винились. Въ Калугѣ въ то время раскольники не стѣснялись расправляться съ своими противниками своимъ судомъ, посредствомъ домашней расправы. Такъ „кабацкой бургомистръ Золотаревъ, кромѣ синодальнаго суда, захватя билъ батогами доносителя раскольническаго, спасскаго дьячка Ивана Петрова", и такъ отдѣлалъ его, что „отъ того бою дьячекъ умре". Интересно, что при этомъ боѣ присутствовалъ „калужской староста поповской, раскольникъ попъ Иванъ Захаровъ", который также билъ несчастнаго доносителя и „приговаривалъ: не будь-де доносителемъ на раскольниковъ; а инымъ достанется-де и не такъ, кто раскольщиковъ мѣняетъ и на нихъ доноситъ" [1]).

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Син. т. I, ст. 185, 332—333, 343—344, 395. Ср. т. VI, ст. 262.—П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. I, ст. 56—59, 73, 75. Во II т. того же Опис. док. и д. арх. Св. Син., № 1112/492, ст. 415—416, приведено интересное извлеченіе изъ дѣла 1722 г. о старообрядствующихъ калужскихъ священникахъ. Еще въ 1720 г. они дали присягу въ томъ, что на будущее время держаться раскола не будутъ, но на самомъ дѣлѣ не отставали отъ закоренѣлой привычки, Не прошло и года, какъ многіе изъ нихъ нарушили присягу, а именно: 1) Покровскій попъ Меѳодій да дьяконъ

Главнымъ и авторитетнымъ пропагандистомъ раскола и въ Калугѣ былъ тотъ же странствующій Вѣтковскій черный попъ *Леонтій*, съ которымъ мы встрѣчались и выше. Ближайшимъ образомъ личность этого во всякомъ случаѣ выдающагося и дѣятельнаго пропагандиста раскола неизвѣстна, такъ какъ

Матвѣй послѣ присяги вѣнчали свадьбы и крестили младенцовъ и отправляли всякія требы по старопечатнымъ требникамъ и хожденіе творили посолонь; 2) Рождественскій попъ Назаръ Ивановъ, послѣ присяги, о св. недѣлѣ, въ выходѣхъ со св. образами ходилъ посолонь же, да онъ же допросомъ показалъ, что на вечернѣ на входѣ послѣ возглашенія: *премудрость прости*, запѣвалъ по старопечатному служебнику: *свѣте тихій* и съ его гласу запѣвали пѣвцы. 3) Богоявленскій попъ Аѳанасій Мелентьевъ, послѣ же присяги, прихожанъ своихъ въ великій постъ исповѣдывалъ по старопечатному требнику и св. таинъ причащалъ изъ св. потира по трижды; 4) Георгіевскій попъ Евдокимъ Михайловъ тоже служилъ по старопечатнымъ служебникамъ и кромѣ того осьмиконечнымъ дарникомъ просфоры печаталъ и всякія требы отправлялъ (?) на 7 просфорахъ; онъ же, «на воскресной утрени, послѣ каѳизмъ, читалъ евангеліе со звономъ, да на той же утрени, послѣ великаго славословія, вторично читалъ евангеліе святому со звономъ же безъ прокимну». Особенною склонностію Калужскихъ священниковъ къ старообрядству можно объяснить и то, что Вѣтка и Стародубье такъ легко добывали себѣ бѣглыхъ поповъ именно отсюда какъ въ первой половинѣ XVIII в., такъ и позже, даже въ ближайшее къ намъ время. Отсюда же въ частности у стародубскихъ слобожанъ составилось особенное пристрастіе къ калужскимъ именно бѣглымъ попамъ, цѣнившимся у нихъ на рынкѣ гораздо дороже сравнительно съ другими, изъ другихъ мѣстностей. Извѣстно, что въ 1845 г., когда по волѣ Государя Николая Павловича явилась въ Добрянкѣ единовѣрческая церковь, въ которой 29 авг. того года совершено было единовѣрческое богослуженіе въ Высочайшемъ присутствіи, собравшіеся тогда въ Добрянку старообрядцы--слобожане въ значительномъ числѣ лично заявили Государю свое желаніе имѣть священниковъ изъ Калужской губерніи, по крайней мѣрѣ, когда Государь спросилъ ихъ о томъ, раздались голоса въ пользу калужскихъ священниковъ. «Изъ калужской губерніи и пришлю вамъ священниковъ хорошихъ, сказалъ Государь: они будутъ молиться у васъ безъ всякой перемѣны, такъ какъ вы молились прежде». Интересно, что и самъ Государь на этотъ разъ крестился двуперстно и выполнилъ всѣ обычаи старообрядческой практики. Стародубье. Записки протоіерея Т. А. Верховскаго. Казань. 1874 г. ч. I, стр. 81.

ему повидимому не пришлось столкнуться ни съ Преображенской канцеляріей, вѣдавшей между прочимъ въ началѣ XVIII в. и раскольничьи дѣла, ни съ судьей Приказа церковныхъ дѣлъ въ Москвѣ, извѣстнымъ уже намъ Златоустовскимъ архимандритомъ Антоніемъ, ни съ другими лицами, духовными и свѣтскими, назначившимися въ Петровское время для розыска и обращенія раскольниковъ въ православіе. Изъ показанія обратившагося изъ раскола въ 1721 г. старца Антонія, сущность котораго мы привели выше, жившаго нѣкоторое время въ Калугѣ и Брянскихъ лѣсахъ, видно, что калужскіе раскольники хорошо знали этого черпаго попа и находились съ нимъ въ самыхъ тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ. Точно также изъ его показанія видно, что и вообще Вѣтковскіе иноки были въ Калугѣ всегда желанными гостями и находили себѣ спокойный и удобный пріютъ у обывателей. Антоній разсказываетъ, что когда онъ жилъ въ Калугѣ у посадскаго человѣка Ивана Перфильева и между прочимъ „заскорбѣлъ и лежалъ недѣли съ двѣ", Иванъ сталъ ему говорить, чтобы онъ принялъ старую вѣру и постригся въ скитѣ у чернаго попа *Леонтія*. Согласіе было дано; Иванъ Перфильевъ отвезъ немощствующаго Антипу (мірское имя старца Антонія) прямо въ келью Леонтія, находившуюся въ сосѣднихъ Брянскихъ лѣсахъ. Антипа былъ постриженъ и отданъ по постриженіи въ другую келью въ подначальство „старцу Трефилью", отцу помянутаго посадскаго человѣка. Это было приблизительно около 1710—1712 г., какъ можно судить по довольно впрочемъ сбивчивому и необстоятельному показанію старца Антонія.

Кто же это былъ Вѣтковскій черный попъ Леонтій? Близкія связи его съ Калугой и Калужскими раскольниками даютъ нѣкоторое основаніе на сближеніе этого Леонтія съ тѣмъ старцемъ Леонтіемъ, который оставилъ весьма интересныя Путевыя записки о своемъ паломничествѣ во св. градъ Іерусалимъ. И послѣдній принадлежалъ по духу и направленію къ расколу старообрядства, жилъ въ Москвѣ и былъ изъ урожденцевъ города Калуги, повидимому изъ купеческаго сословія, пользовался авторитетнымъ положеніемъ въ своей средѣ и имѣлъ близкія связи съ калужскими купцами, какъ по крайней мѣрѣ показываютъ его встрѣчи съ послѣдними во время путешествія его по малороссійскимъ городамъ и въ Константинополѣ.

Путевыя паломническія записки московскаго священника Лукьянова или старца Леонтія извѣстны въ нѣсколькихъ спискахъ. Такъ три списка ихъ находятся въ богатомъ книгами и рукописными сокровищами Порѣцкомъ книгохранилищѣ покойнаго графа А. С. Уварова. Одинъ изъ этихъ списковъ, считающійся старѣйшимъ изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ, числится тамъ подъ № 261, въ 4 д. л., на 150 л., писанный скорописью XVIII в., именно въ 1734 г., какъ значится на оборотѣ 150 л., гдѣ сказано, что „въ сей тетради листовъ 150, а писана сего 1734 году, сентября 25 числа". Два другихъ списка того же книгохранилища новаго письма и числятся подъ №№ 191 и 13, тоже въ 4 д. л. Всѣ эти три списка надписываются именемъ старца Леонтія. Списокъ, числящійся подъ № 191, тотъ самый, который былъ приготовленъ извѣстнымъ нашимъ археологомъ И. П. Сахаровымъ еще въ 40-хъ годахъ для печати, былъ подписанъ даже цензоромъ, но тогда почему-то однако не былъ напечатанъ. Этотъ списокъ прежде принадлежалъ извѣстной библіотекѣ Лаптева, потомъ перешелъ къ Сахарову, а за тѣмъ и къ графу А. С. Уварову. Подробности объ этихъ трехъ спискахъ можно найти въ „Систематическомъ описаніи славяно-россійскихъ рукописей графа А. С. Уварова", предсмертномъ трудѣ архим. Леонида. Ч. III. М. 1894 г. №№ 1757—1759, стр. 325—326.

Въ нашей литературѣ болѣе извѣстенъ списокъ С. А. Соболевскаго, съ котораго Путевыя Записки Лукьянова или Леонтія были изданы въ 1863 г. въ Русскомъ Архивѣ, подъ заглавіемъ: „Путешествіе во св. землю свящ. Лукьянова", причемъ самое время путешествія ошибочно было отнесено къ 1710—1711 гг., не смотря на ясныя указанія въ самомъ описаніи путешествія на 1701—1703 г. Указанія эти слѣдующія: 1) путешествіе священника Лукьянова совпадаетъ съ назначеніемъ посланникомъ въ Царьградъ Петра Андреевича Толстаго; на пути въ Царьградъ авторъ Путевыхъ Записокъ встрѣчаетъ бывшаго тамъ посланника князя Д. М. Голицына, а на обратномъ пути получаетъ грамоту уже отъ Толстаго; послѣдній былъ назначенъ въ ноябрѣ 1701 г. 2) Во время пребыванія Лукьянова въ Царьградѣ, у Турокъ было предположеніе засыпать Керченскій проливъ, какъ вслѣдствіе уступки Азова Россіи, такъ и вслѣдствіе паническаго страха, объявшаго ихъ отъ перваго ожидаемаго появленія русскаго флота на Черномъ морѣ,—события, случившіяся въ 1702 г. 3) Въ промежутокъ времени между

путешествіемъ Лукьянова и возвращеніемъ его казаки разрушили Немировъ,—событіе, случившееся въ концѣ 1702 г. Особенность этого списка та, что здѣсь авторъ, въ единственномъ пока изъ извѣстныхъ списковъ, называется не старцемъ Леонтіемъ, а московскимъ священникомъ Іоанномъ Лукьяновымъ. Списокъ этотъ писанъ старинными полууставомъ, въ листъ, съ киноварными заголовками, и пріобрѣтенъ С. А. Соболевскимъ въ Орлѣ въ 1853 г. при распродажѣ книгъ, оставшихся послѣ какого-то старообрядца. Въ настоящее время онъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Въ 1864 г. редакція Русскаго Архива получила изъ Оптиной пустыни отъ о. Леонида, тогда еще іеромонаха, списокъ того же путешествія, хотя и неполный, но важный по находящимся тамъ разнорѣчіямъ по сравненію съ другими списками. Извлеченіе изъ этого списка было напечатано еще въ 1862 г. въ Прибавленіяхъ къ Калужскимъ епархіальнымъ Вѣдомостямъ, № 20, съ небольшой, но весьма обстоятельной замѣткой о важности въ паломническомъ отдѣлѣ нашей литературы этихъ записокъ, характерѣ, духѣ и направленіи ихъ автора. Авторъ замѣтки, скрывшій свое имя подъ иниціалами I. Л. (іеромонахъ Леонидъ), не называетъ паломника по имени, такъ какъ въ Оптинскомъ спискѣ не сохранилось начальнаго листка этихъ записокъ.

Кромѣ того, извѣстны еще два списка этого путешествія съ именемъ старца Леонтія. Такъ, этимъ именемъ надписывается путешествіе нашего паломника въ рукописномъ *Цвѣтникѣ* XVIII в., въ 8-ку, принадлежавшемъ въ свое время Добрянскому мѣщанину Петру Тихонову Головлеву, а потомъ извѣстному знатоку раскола П. И. Мельникову. Здѣсь, вмѣстѣ съ другими выписками противъ грековъ (изъ сочиненій протопопа Аввакума, изъ Проскинитарія Арсенія Суханова и другихъ сходныхъ имъ по духу и направленію сочиненій), помѣщена статья: „*Изъ похожденія Леонтія старца до Іерусалима 7211. Разгласіе грековъ съ древнимъ св. отецъ преданіемъ восточныя церкве*". За этою статьею въ Цвѣтникѣ слѣдуетъ замѣтка: „*Хожденіе* было Леонтіево лѣта 7210" (1702 г.), и затѣмъ уже идутъ самыя путевыя записки. „*Разгласіе*" старца Леонтія и статья изъ путевыхъ записокъ священника Іоанна Лукьянова „*О несогласіи греческомъ съ восточною церковью*" въ спискѣ С. А. Соболевскаго, какъ и въ другихъ спискахъ, совершенно тожественны между собою.

Въ концѣ 70-хъ годовъ лично нами были найдены тѣже Путевыя записки, и также съ именемъ старца Леонтія, въ одномъ изъ рукописныхъ старообрядческихъ сборниковъ Черниговской семинарской библіотеки, къ сожалѣнію, неполныя, оканчивающіяся статьей о несогласіи грековъ съ восточною церковію. Объ этомъ спискѣ мы довольно подробно высказались въ своемъ Описаніи рук. Черниговъ. семин. библ. Спб. 1880 г., № 150, стр. 178—182 [1]).

И такъ, по указаннымъ даннымъ, Московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ и старецъ Леонтій, паломникъ—авторъ преинтереснѣйшихъ путевыхъ записокъ и потомъ Вѣтковскій инокъ, одно и тоже лицо, хотя, очевидно, носившее эти имена и въ разное время своей жизни. Если же это такъ, то и личность этого дѣятельнаго Вѣтковскаго проповѣдника раскола въ разныхъ великороссійскихъ мѣстностяхъ, преимущественно подмосковныхъ, со включеніемъ и самой Москвы, можно вполнѣ ясно и точно опредѣлить и удостовѣрить, даже данными оффиціальнаго характера.

Въ дѣлахъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось все дѣло объ отпускѣ въ Іерусалимъ для поклоненія гробу Господню московскаго священника Іоанна Лукьянова. 17-го октября 1701 года священникъ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Пескахъ, за Смоленскими воротами, Іоаннъ Лукьяновъ, билъ челомъ, что желаетъ по обѣщанію отправиться во св. градъ Іерусалимъ; онъ же просилъ, разрѣшивъ ему отпускъ, послать изъ патріаршаго духовнаго при-

[1]) Въ 1862 г. А. М. Лазаревскій издалъ въ «Черниговскомъ Листкѣ» тотъ отрывокъ Путешествія Лукьянова или Леонтія, который касается описанія Малороссійскихъ городовъ (Глухова, Кролевца, Батурина, Борзны, Нѣжина, Кіева, Фастова, Паволочи, Немирова, козаковъ Палія) и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя наблюденія паломника, сдѣланныя имъ въ Малороссіи того времени, весьма интересныя и цѣнныя въ историческомъ и бытовомъ отношеніи. Г. Лазаревскій пользовался Уваровскими списками.—О свящ. Лукьяновѣ см. также замѣтки: Н. И. Субботина въ Соврем. Лѣтоп. 1865 г., № 15, и въ Рус. Архивѣ 1864 г., № 4. Геннадіи, Справ. Слов. т. II, стр. 262. Мельниковъ: Оч. поповщ. Ч. 1, стр. 52—57. Нѣсколько весьма интересныхъ поправокъ къ изданному Рус. Арх. тексту этихъ Путевыхъ записокъ сдѣлалъ А. А. Потебня въ своихъ *Этимологич. замѣткахъ*. Жив. Стар. 1891 г., Вып. III, стр. 127—128.

каза память въ посольскій приказъ къ боярину Ѳедору Алексѣвичу Головину, чтобъ ему изъ приказа Малой Россіи выдана была проѣзжая грамота. Отпускъ былъ разрѣшенъ, память послана и священнику Лукьянову выдана была слѣдующая проѣзжая грамота.

„Божіею поспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петръ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель... Преизрядныхъ салтановъ превеликого и почтеннѣйшого, королей лѣпотнѣйшого, Мекского и Мединского и защитителя святого Іерусалима, короля и императора пространнѣйшихъ провинцій, поселенныхъ въ странахъ еуропійскихъ и ассійскихъ и на бѣломъ и на черномъ морѣ, свѣтлѣйшого и державнѣйшого и величайшого императора салтана, сына салтанова, и короля и сына королей Султана Мустафы Гака, сына салтана, Магметъ Гака, его салтанова величества пашамъ и бѣемъ, агамъ и субагамъ и кумрукчѣемъ и всякого войскового и гражданского чина урядникомъ, гдѣ кому приказано и кому о томъ вѣдати належати будетъ, благоволеніе и милость нашего царского величества и всякое благо объявляемъ. Билъ челомъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, нашего царского величества богомолецъ, *московского государства житель, церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священникъ Іоаннъ Лукьяновъ*: ѣдетъ онъ изъ Россійского нашего царства, по обѣщанію своему, помолиться ко святому гробу Спасителя и избавителя нашего Іисуса Христа въ государство салтанова величества въ Іерусалимъ..., и что пожаловать бъ ево повелѣть ево и съ людми ево и съ рухледью чрезъ государство салтанова величества ко святому гробу спасителя и избавителя... во Іерусалимъ отпустить, и дать ему нашего великого государя проѣзжую грамоту, чтобъ ему въ проѣздѣ дорогою въ городѣхъ, на мостахъ и на перевозахъ, и до черного моря и чернымъ моремъ до Царя града и до Іерусалима съ людьми и съ рухлядью остановки и никакія задержки не было, а учиненъ бы былъ пропускъ по мирнымъ договорамъ, и чтобъ ему изъ Царяграда ѣхать моремъ къ Азову поволно. По сей же нашей великого государя проѣзжой грамотѣ, безъ всякія задержки и по нашему великого государя, нашего царского величества, указу, вышепомянутый священникъ Іоаннъ Лукьяновъ

съ людми для моленія ко святому гробу Господню въ Іерусалимъ изъ россійскаго нашего царствія въ государство салтанова величества отпущенъ. И какъ онъ въ государство салтанова величества, гдѣ случитца ему ѣхать, пріѣдетъ, и великого государя его салтанова величества вышеименованнымъ пашамъ и бѣемъ, агамъ и субагамъ и кумрукчѣемъ и всякого воинского и гражданского чина урядникомъ, на сухомъ и водномъ пути, для нашего царского величества велѣно (бъ) его, богомольца нашего, и съ людьми и съ рухледью пропускать вездѣ безъ всякія задержки, и дабы оному помянутому богомолцу нашему какъ туды ѣдущему, такъ и назадъ возвращающемуся, нигдѣ ни отъ кого никакова задержанія не было, а учинена бъ была вездѣ поволность и благопривѣтствованіе по мирнымъ утвержденнымъ обоихъ нашихъ государствъ договорамъ. И для того дана ему сія нашего царского величества проѣзжая грамота, за нашего царского величества печатью. Писана государства нашего во дворѣ въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія міра ҂зс̃і-го, а отъ Рождества Господа и Избавителя нашего Іисуса Христа ҂аѱа-го мѣсяца октября. . го дня государствованія нашего въ кѳ годуˮ [1]).

---

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. Приказныя дѣла 1701 г., октября 17 св. 695. Проѣзжая грамота, напечатанная при изданіи Путевыхъ Записокъ Лукьянова въ Рус. Арх., какъ по тексту значительно отличается отъ настоящей, такъ и по времени ея написанія, именно 15-го іюля 1710 г., не отличаясь существенно въ общихъ чертахъ по содержанію. Единственное существенное исключеніе представляетъ упоминаніе о „второйнадесять статьѣˮ „перемирнаго договораˮ между царемъ московскимъ и султаномъ Мустафою (низложенъ 23 августа 1703 г.), по которой „московского народа мірскомъ и инокомъ имѣть вольное употребленіе ходить во св. градъ Іерусалимъ и посѣщать мѣста достойныя посѣщенія. А отъ такихъ посѣщенія ради приходящихъ ни во Іерусалимѣ и нигдѣ дань или гарачи, или пешкешъ да не испросится и за подобную проѣзжую грамоту деньги да не вымогаются; сверхъ того живущимъ въ странахъ государства Отоманского московскимъ и россійскимъ духовнымъ да ни едина по божественному закону досада и озлобленіе да не чинитсяˮ. Этого указанія въ приведенномъ нами текстѣ нѣтъ. Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о трактатѣ 1700 г., по которому дѣйствительно русскіе богомольцы могли посѣщать св. градъ „безъ всякой даниˮ. П. С. З. IV. № 1804.

Какъ авторъ паломническихъ Путевыхъ записокъ, старообрядецъ по духу и направленію, всѣ познанія котораго ограничивались лишь знакомствомъ съ церковнымъ уставомъ и практическимъ изученіемъ обрядовой стороны богослуженія, священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, или что тоже, быть можетъ, старецъ Леонтій, подобно Арсенію Суханову и др., весьма несочувственно относится къ грекамъ и въ особенности къ греческому духовенству, и является строгимъ судьей и обличителемъ послѣдняго. По общему своему тону его обличенія напоминаютъ собою грамотки протопопа Аввакума, говорившаго про грековъ въ слухъ всей Россіи: „мудры б—ны дѣти греки; да съ варваромъ турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ рафленыя курки, а Русачки миленькіе не такъ: въ огонь полѣзутъ, а благовѣрія не предадутъ". (Второе посланіе къ Симеону). Подобно Арсенію Суханову, Аввакуму и другимъ раскольническимъ писателямъ, и Лукьяновъ или Леонтій возводитъ случайныя или невольныя по обстоятельствамъ времени отступленія грековъ отъ буквы устава на степень еретичества, забывая при томъ, или и вовсе не зная, что въ самомъ уставѣ, по которому онъ судитъ грековъ, заключается довольно ясное указаніе того, что типики восточныхъ церквей, будучи сходны въ главныхъ основаніяхъ, всегда различаются одинъ отъ другого въ подробностяхъ, безъ нарушенія черезъ то церковнаго единства. Его личныя наблюденія надъ нравами, обычаями, религіозностью и благочестіемъ грековъ привели его къ очень невыгоднымъ заключеніямъ о грекахъ и греческомъ благочестіи, особенно по сравненію его съ русскимъ, старообрядческимъ. „Греки, пишетъ онъ, непостоянны, обманчивы, только малые христіане называются, а и слѣду благочестія нѣтъ. Да и откуда имъ благочестія взять? Грекамъ книги печатаютъ въ Венеціи, такъ они по нимъ и поютъ, а Венеція папежская, а папа главный врагъ христіанской вѣры. Какъ у нихъ быть благочестію и откуда взять? Каковы имъ не пришлютъ книги, такъ они по нихъ и поютъ. И такъ малымъ чѣмъ разнились съ папежцы. А что пьютъ, ѣдятъ, то все съ ними вмѣстѣ; а въ церковь, мы сами видѣли, что папежцы къ грекамъ ходятъ, а греки къ папежцамъ: такъ не далеко до соединенія... Всѣ нравы у грекъ и поступки внѣшніе и духовные—все бусурманскіе, а что прежніе ихъ бывали христіанскіе, такъ у нихъ отнюдь и слѣду нѣтъ... А крестятся греки странно: руку на чело замахнетъ, а до чела далѣ не

донесетъ, да и опуститъ къ землѣ, отнюдь не увидишь, кто-бъ изъ грекъ до плеча доносилъ. А духовный чинъ у грекъ хуже простова народу крестятся: срамно сильно, какъ войдетъ въ церковь; а рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза... Патріархъ греческій по вся годы церкви отдаетъ на откупъ, а беретъ за церковь по двѣсти талерей и полтораста, и что годъ, то переторжка: кто больше дастъ, тому и отдаетъ. У нихъ и митрополитъ митрополита ссаживаетъ: далъ лишнее, да и взялъ епархію. Такъ у нихъ много безмѣстныхъ митрополитовъ и поповъ, таскаются по базару, живутъ въ Царьградѣ, да собакъ бьютъ, ходя по улицамъ... А митрополиты греческіе въ церквахъ зѣло неискуссны: все смѣются и съ греками говорятъ со стороны на сторону и пѣнія не слыхать. А самъ, что коза, назадъ оглядывается, кричитъ по церкви: зѣло не хранятъ своего чина церковнаго; наши посельскіе попы лучше ихъ митрополитовъ". Въ статьѣ „о несогласіи грековъ съ восточною церковію" нашъ старообрядствующій паломникъ указываетъ до 14 греческихъ уклоненій отъ православной восточной церкви, истинными сынами которой онъ признаетъ только необливанцевъ и крестящихся двумя перстами и пр. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ уклоненій: „первое греки въ крещеніи обливаются; второе крестовъ на себѣ не носятъ; третье неистово крестятся: ни на чело, ни на плечо не доносятъ,—махаютъ сѣмо и овамо; четвертое, въ церкви стоятъ въ шапкахъ; какъ молятся—не скидываютъ, а стоятъ въ стойлахъ гордо (т. е. такъ назыв. „формахъ", находящихся въ греческихъ церквахъ, особенно монастырскихъ, какъ и въ церквахъ южно-русскихъ монастырей), искривя бокъ, и глядятъ не на иконы, но на стѣну; пятое служатъ на одной просфорѣ, и то на черствой, и мірскіе у нихъ не говѣвъ причащаются; шестое, патріархи и митрополиты и всѣ духовные играютъ въ карты и шахматы". Далѣе нашъ паломникъ—старообрядецъ укоряетъ греческихъ властей, патріарховъ и митрополитовъ, за то, что „табакъ пьютъ и во грѣхъ того не ставятъ", что „патріархи, митрополиты и попы усы подбриваютъ и гуменцовъ (простриженное мѣсто на головѣ, на макушкѣ) себѣ не постригаютъ, но нѣкакъ странно снизу кругомъ подголяютъ до полголовья, какъ обысы махаметанскіе"... Удивляютъ паломника и слѣдующія церковно-бытовыя явленія греческой жизни: „въ постъ великій всякія гадины и ползающія животныя въ морѣ и въ рѣкахъ ѣдятъ, и

въ прочіе дни также тѣ ползающія ѣдятъ; мірскіе и женскій полъ сквозѣ царскіе двери въ олтарь ходятъ, и затворяютъ двери жены, а кадятъ простолюдины по поповски: когда попъ съ переносомъ идетъ, а мужикъ идетъ передъ попомъ задомъ, кадиломъ машетъ на святыя; греки когда за трапезу пріидутъ, то сядутъ, „Отче нашъ" сидя говорятъ; также послѣ трапезы на „Достойно" не встаютъ, сидя говорятъ. Евангеліе въ церкви чтутъ, оборотя на западъ... Свѣчи у нихъ воскъ съ саломъ да съ смолою мѣшаютъ, а воскъ бѣлый, а когда въ церкви свѣчи горятъ, свѣжему человѣку зѣло тяжко... Часовъ передъ обѣднею не поютъ, развѣ обѣдни не будетъ; греки на заутрени „Богъ Господь" никогда не поютъ, а пѣсни во псалтырѣ предъ канономъ всегда говорятъ. А церкви у нихъ, какъ простая хоромина: крестовъ на нихъ нѣтъ, ни звону нѣтъ, противъ воскресенія ходитъ пономарь по улицамъ, кричитъ, чтобы шли до церкви... А въ домахъ ихъ иконъ нѣтъ,—съ Турками во всемъ смѣсилися"...

Интересны и характеристичны наблюденія старообрядствующаго паломника, сдѣланныя имъ „въ преславномъ градѣ Кіевѣ" и главнымъ образомъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ и въ церкви св. Софіи. Вотъ что напр. нашъ паломникъ говоритъ о Кіево-печерской святынѣ. „И пошли во Антоніеву пещеру, и ту видѣли преподобныхъ отецъ въ нетлѣнныхъ плотѣхъ, что живые лежатъ, и толь множество ихъ, что звѣздъ небесныхъ: всѣ яко живы лежатъ.., Дивное чудо! такъ Богъ прославилъ своихъ угодниковъ, боящихся его. Видѣхомъ и младенцевъ нетлѣнныхъ, лежащихъ тутъ же; видѣхомъ храбраго воина Илію Муромца въ нетлѣніи, подъ покровомъ златымъ: ростомъ, яко нынѣшніе крупные люди; рука у него лѣвая пробита копіемъ,—язва вся знать,—а правая рука изображена крестнымъ знаменіемъ. И сложеніе перстъ какъ свидѣтельствуютъ Ѳеодоритъ блаженный и Максимъ грекъ: крестился онъ двѣмя персты. Тако теперево ясно и по смерти его плоть мертвая свидѣтельствуетъ на обличеніе противниковъ. И тутъ, въ той же пещерѣ, преподобный Іосифъ такоже изображеніе въ перстахъ имать. Что уже болѣе того свидѣтельства, что нагія кости свидѣтельствуютъ? Мы же и кои съ нами были достовѣрно разсматривали сами, и дерзнули—подымали и руки и смотрѣли, что сложеніе перстовъ—два перста и разгнуть нельзя, развѣ отломить, когда хощетъ кто разгнуть"... О церкви св. Софіи тотъ же паломникъ

писалъ: „Церковь Софіи премудрость Божія зѣло хороша и образцовата, да въ ней ничего, пусто, иконъ нѣтъ; а старое было стѣнное письмо, и мастеръ плутъ *нехай* (т. е. Малоросъ, съ точки зрѣнія Леонтія обливанецъ, по другимъ спискамъ—„митрополитъ“) все замазалъ известію. А у митрополита поютъ пѣніе органистое, еще пуще органовъ. Старехонекъ миленькой (Варлаамъ Ясинскій), а охочъ до органистова пѣнія“. Вотъ какія впечатлѣнія тогдашній „преславный градъ Кіевъ“, съ его православными святынями, производилъ на русскихъ паломниковъ—старообрядцевъ, любившихъ однакоже посѣщать Кіево-печерскій монастырь и лобызать его святыни. На все старецъ Леонтій смотритъ подъ угломъ зрѣнія закоренѣлаго раскольника, и не стѣсняется даже, въ интересахъ своей старой вѣры, искажать факты, лишь бы выдвинуть свое излюбленное старообрядческое двуперстіе. Такъ въ ближней Антоніевской пещерѣ онъ помѣщаетъ преподобнаго Іосифа, мощи котораго тамъ по извѣстнымъ даннымъ никогда не находились, и даже Илья Муромецъ (по Кальнофойскому *Чоботокъ*) является у него двуперстникомъ [1]).

О цѣли своего путешествія во св. градъ Іерусалимъ старецъ Леонтій высказывается кратко и въ своихъ Путевыхъ запискахъ. „Се писахъ мѣста сія святыя и путь сей“, говоритъ онъ въ предисловіи къ своему путешествію по Орловскому списку или списку Соболевскаго, „не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко что добро сотворивъ, но любве ради сихъ святыхъ мѣстъ, *и понужденъ нѣкіими отцы и братіею*“. Кто были эти отцы и братія, и изъ какихъ побужденій они понуждали Леонтія отправиться въ столь отдаленное путешествіе,—на это нѣтъ опредѣленныхъ указаній въ нашихъ источникахъ. П. И. Мельниковымъ первымъ было высказано предположеніе относительно цѣли путешествія старца Леонтія, что оно было первымъ шагомъ поповцевъ къ пріобрѣтенію собственнаго епископа отъ заграничныхъ архіереевъ. По его словамъ, поповщинскія общины въ первые годы XVIII в. рѣшили послать на Востокъ, къ грекамъ, хорошаго человѣка, искуснаго въ церковныхъ уставахъ, чтобъ онъ извѣдалъ, какова въ самомъ дѣлѣ у грековъ вѣра и можно ли отъ нихъ принять епископа, причемъ выборъ палъ на старца Леонтія. Такъ ли это было или нѣтъ—

[1]) Опис. Кіево-печ.—лавры. изд. 2. Кіевъ. 1831 г. стр. 100—109, 314, 321.

сказать, конечно, трудно, за недостаткомъ прямыхъ указаній; но несомнѣнно то, что вѣсти, привезенныя Леонтіемъ съ Востока, были не утѣшительны для старообрядцевъ. Онъ не нашелъ нигдѣ тамъ такого православія, о какомъ мечтали наши ревнители „древляго благочестія". Долго потомъ старообрядцы указывали на слова „*Леонтія Москвитянина*", что греки „ни близь де христіянства не хранятъ", что греческія власти (архіереи) у себя въ келія *красиковъ* (красавчиковъ) держатъ и т. п., напр. въ упомянутомъ выше рукописномъ Цвѣтникѣ конца XVIII в., принадлежавшемъ П. И. Мельникову [1]).

О другихъ обстоятельствахъ жизни священника Іоанна Лукьянова или старца Леонтія, а равно и о томъ, когда и при какихъ условіяхъ начались его связи съ пресловутой Вѣткой, не имѣется пока ни какихъ болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній и даже намековъ. Извѣстно только то, что онъ выѣхалъ изъ Іерусалима 18-го января 1703 г., а изъ Кіева въ Нѣжинъ съ своими земляками Калужанами „послѣ успенской ярманки", т. е. послѣ 15-го августа 1703 г. Дальнѣйшаго своего возвратнаго пути Леонтій не описываетъ, и о путешествіи въ Нижній-Новгородъ съ Калужскими купцами вовсе не упоминаетъ, какъ ошибочно замѣтилъ о томъ о. архимандритъ Леонидъ въ своемъ „Системат. опис. Слав. росс. ркп. собр. графа А. С. Уварова", ч. III, № 1757 стр. 925 ошибочно прочитавъ въ старѣйшемъ Уваровскомъ спискѣ вмѣсто „Нѣжинъ"—Нижній-Новгородъ, вмѣсто—„послѣ Успенской ярманки"—возлѣ Успенской ярманки. См. ркп. гр. Уварова, № 261, л. 147 об.

Извѣстно далѣе, если справедливо наше отожествленіе священника Лукьянова и старца Леонтія, что онъ былъ принятъ по Вѣткѣ вышеупомянутымъ священникомъ Іовомъ подъ именемъ священноинока Леонтія и былъ седьмымъ по счету изъ числа принятыхъ послѣднимъ, согласно свидѣтельству Лѣтописи Вѣтковской церкви Я. С. Бѣляева (л. 21 об.). Это было приблизительно въ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в.,

---

[1]) Оч. поповщ. т. I. стр. 52—53.

какъ можно заключать на основаніи сопоставленія вышеприведенныхъ свидѣтельствъ объ его раскольнической миссіонерской дѣятельности. Можемъ еще прибавить, что, по показанію Зыбковскаго войта Михайла Мартынова, данному извѣстному стародубскому миссіонеру Іосифу Рѣшилову, Леонтій бывалъ и въ Стародубьѣ и живалъ въ слободѣ Зыбкой, и что Мартыновъ его, Леонтія, имѣлъ отцомъ своимъ духовнымъ (Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Син. 1, ст. 585, примѣч.)

Въ первой четверти XVIII в., быть можетъ еще при жизни Ѳеодосія Ворыпина, начались оживленныя сношенія Вѣтки съ Донскими раскольниками, среди которыхъ Ѳеодосій началъ свою первоначальную общественную раскольническую дѣятельность еще въ началѣ 80-хъ годовъ XVII в. Въ это время мы находимъ около Вѣтки слободу Донскихъ казаковъ—раскольниковъ, состоявшую изъ 65 дворовъ. Правда, точно и документально не извѣстны ни условія, ни время поселенія этой слободы; но фактъ ея существованія во второмъ десятилѣтіи XVIII в. представляется вполнѣ удостовѣреннымъ и несомнѣннымъ, такъ какъ онъ засвидѣтельствованъ въ 1722 г. обратившимся изъ раскола Иваномъ Бѣляевымъ, собиравшимъ справки о заграничныхъ раскольникахъ и ихъ поселеніяхъ, по порученію миссіонера Іосифа Рѣшилова. Съ этого времени Вѣтковскіе монастыри въ первой половинѣ XVIII в., какъ потомъ и Стародубскіе, непосредственные преемники первыхъ со времени Екатерины II, сдѣлались какъ бы организованнымъ разсадникомъ раскола у Донскихъ раскольниковъ, доставляя имъ исправленныхъ поповъ со всѣми необходимыми принадлежностями для совершенія богослуженій, а также и отправляя къ нимъ своихъ поповъ, старцевъ и старицъ, для поддержанія и укрѣпленія тамъ раскола. Въ прошломъ вѣкѣ чиновные и простые козаки, съ женами и дѣтьми, въ свою очередь ежегодно, также цѣлыми обозами отправлялись съ Дону на богомолье въ Вѣтковско-Стародубскіе скиты ко времени Успенскаго поста; здѣсь богомольцы, во время поста, исповѣдывались и причащались у черныхъ и бѣлыхъ поповъ и снова отправлялись домой, прилично наградивъ своихъ духовныхъ отцовъ. Кромѣ того, раскольничьи

монахи за деньги отпѣвали заочно умершихъ цѣлыми десятками, давали желающимъ причастье въ руки, читали также заочно очистительныя и сороковыя молитвы родильницамъ надъ платками или полотенцами, которыми потомъ, по пріѣздѣ домой, слѣдовало только потрясти надъ подлежащими родильницами и новорожденными младенцами, чтобы считалось состоявшимся указанное молитвословіе. Это практиковалось всюду въ старообрядческомъ мірѣ, гдѣ не было на лицо постоянныхъ своихъ поповъ. За богатыя приношенія монастырямъ, по большей части рыбой и ея продуктами, богомольцы какъ бы „въ отдарье" получали въ свою очередь дары для причастья, книги, иконы, крестики, ложки, четки, просфоры и т. п. Этими вещами дорожили также, какъ православные богомольцы дорожатъ подобными же предметами, полученными ими изъ Кіева или Іерусалима. Религіозныя пилигримства Донскихъ раскольниковъ-козаковъ продолжались и въ послѣдующее время, когда Вѣтку во второй половинѣ XVIII в. замѣнилъ Климовскій Покровскій монастырь, сдѣлавшійся на нѣкоторое время духовнымъ центромъ поповщинскаго раскола. Объ этихъ позднѣйшихъ сношеніяхъ Климовскаго Покровскаго монастыря много весьма интересныхъ подробностей сообщаетъ въ своей Лѣтописи Вѣтковской церкви Яковъ Бѣляевъ [1]).

---

[1]) О Донской слободѣ около Вѣтки см. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I, ст. 588 в. П. С. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, ст. 238. О позднѣйшихъ сношеніахъ Лѣтоп. Вѣтк. церк. л.л. 25—28, 63, 82—83, 87, 93, 98 и 155. Между прочимъ здѣсь отмѣчается слѣд. весьма интересный фактъ подъ 1 октября 1779 г.: «Сего-жъ числа пріѣхалъ священникъ козацкой зъ Дону, о немъ же сказаніе сицевое. Поставленъ онъ зазнамо такимъ образомъ: когда эта Камышовская станица имѣла церковь священника великороссійской церкви, а жители ни единъ тому не слѣдовали, и по умертвіи того священника была безъ попа, развѣ нѣкоторые наши наѣзжали,— да всѣ они Покровской церкви держались,—то Воронежской архіерей три указа посылалъ, чтобы котораго ни есть да имѣли священника. И забраны были старшины въ городъ Воронежъ, которые на то слово не согласились, что говорилъ имъ архіерей: когда вы нашимъ не послѣдуете, то избирите себѣ, его же желаете, и я вамъ посвящу въ священника. Итакъ они согласились и выбрали изъ козаковъ Ивана Никитина, которой жилъ за поставленіемъ 7 мѣсяцъ, а видно де за такою причиною, что справлялся архіерей тайно въ синодѣ... Посвя-

Рано появились сначала на Вѣткѣ, а потомъ и въ Стародубьѣ иноки и инокини изъ Донскихъ уроженцевъ и уроженокъ. По извѣстію протоіерея Журавлева, при первой Вѣтковской выгонкѣ 1735 г., между прочимъ, взятъ полковникомъ Сытинымъ черный попъ Макарій, донской уроженецъ, который, по словамъ того же протоіерея, бѣжалъ съ дороги изъ подъ караула и потомъ умеръ въ Волощинѣ. О немъ извѣстно изъ Лѣтописи Вѣтковской церкви Бѣляева, что онъ былъ принятъ на Вѣткѣ священноинокомъ Іовомъ и былъ шестымъ изъ числа принятыхъ послѣднимъ, т. е. былъ принятъ нѣсколько раньше извѣстнаго уже намъ старца Леонтія. Изъ списка черцовъ и черницъ, захваченныхъ во время первой Вѣтковской выгонки, который былъ составленъ въ началѣ 1736 г. въ г. Новгородъ-Сѣверскѣ, видно, что тогда между прочимъ захвачено было 5 черцевъ и 11 черницъ, зашедшихъ сюда съ Дону [1]).

Довольно рано Донскіе раскольники стали селиться и въ Стародубскихъ слободахъ. Такъ по Румянцовской описи указываются выходцы съ Дону еще въ первой половинѣ XVIII в. въ слободахъ—Климовой, Митьковкѣ, Зыбкой и др. Это были выходцы изъ донскихъ станицъ—Разореной, Газуковской и др.

талъ сперва во діаконы, и діакономъ подъ началомъ былъ и литоргисалъ 3 недѣли; а потомъ посвященъ во священство мѣсяца сентября 15 дня 1778 года по новоположенному чину, и литоргисалъ тамо седмицу и грамоту ставленую взялъ, которую съ собою привозилъ къ намъ въ Покровскій монастырь. А пріѣхалъ, что о немъ скажутъ, чесому онъ достоинъ: священнодѣйствовати ему или нѣтъ, а когда священнодѣйствовать, то бы де мнѣ пожаловали мура и св. таинъ, и увѣрили бы де меня письменно къ козацкому войску, что есть и священникъ и священнодѣйствовать равенъ, какъ и вѣтковскіе священники»... Отъ себя лѣтописецъ замѣчаетъ по поводу этого факта: «поставленъ онъ по всему производству по новоположенному, какъ и прочіе, только дозволено ему служить, какъ онъ хощетъ, по старопечатнымъ книгамъ и церковнымъ обрядамъ, въ чемъ онъ несомнѣнно и дѣйствуетъ, только сумнѣваются прихожане, какъ видно изъ письма ихъ». Л. 24—25. Подобнымъ же образомъ, т. е. по выбору самихъ раскольниковъ, жившихъ въ Волощинѣ, поставлены были два священника въ Ясахъ, приблизительно лѣтъ за 15 передъ тѣмъ. Ibid. л. 26.

[1]) Полн. ист. изв. о раск. ч. III, стр. 45. Лѣт. Вѣтк. церк. Л. 21. Хар. Ист. арх. Д. М. № 2780.

Во второй половинѣ XVIII в., когда Стародубье сдѣлалось на нѣкоторое время средоточіемъ поповщинскаго раскола, въ одномъ Климовскомъ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ было черницъ съ бѣлицами до 300 душъ, и изъ нихъ до половины донскихъ казачьихъ женъ и дочерей [1]).

Къ первой четверти XVIII в. нужно отнести и начавшіяся сношенія Вѣтки съ Волоскими и задунайскими раскольниками, поселенія которыхъ на первыхъ порахъ были тамъ немногочисленны и незначительны.

Еще съ конца XVII в. Волоскіе господари стали заботиться о привлеченіи на свои земли прежде всего русскихъ приднѣстровскихъ и приднѣпровскихъ жителей, какъ видно изъ инструкціи гетмана Самойловича, данной имъ Гадяцкому полковнику Михаилу Васильеву въ январѣ 1685 г., когда онъ былъ посланъ въ Крымъ къ Селимъ-Гирею. Въ этой послѣдней гетманъ писалъ: „Дука, господарь волоскій бывшій, у бывшаго визира Мустафы паши ту сторону земли отъ рѣки Днѣстра по рѣку Днѣпръ закупивъ, слободы назвалъ и пустые той стороны городы починивати думалъ. А какъ явными, такъ и тайными способы людей нашихъ съ сея стороны Днѣпра на ту сторону перезывалъ безпрестанно, на которое его, Дуки, непріятство имѣемъ свидѣтельство—письма его, Дуки, прелестныя, каковы онъ присылалъ на сю нашу сторону. А для большого обману и прелести людей нашихъ починилъ было себѣ осадчими и полковниками, и съ тѣхъ людей, которые отъ насъ ушли, посадилъ было въ Чигиринѣ, въ Мошнахъ, въ Каневѣ, въ Корсунѣ и въ иныхъ мѣстахъ пустыхъ. А въ Немировѣ на похуленіе и на досаду намъ толмача своего, нѣкоего Драгинича, посадилъ было гетманомъ. А тѣ его полковники и осадчики Дуки зѣло нашей сторонѣ вредніи, ибо всегда и вездѣ въ сторону нашу прелести свои бросали, возбуждая и наговаривая людей, чтобъ отсель на ту сторону къ нимъ переходили...“ [2]). „Прелести“ эти, касавшіяся прежде всего, понятное дѣло, жившихъ подъ регментомъ гетмана малороссіянъ, могли привлекать и бродившихъ въ то время по правобережной и лѣвобережной Украйнѣ великорос-

---

[1]) Рум. оп. Малор. CXVI. См. войтовскія вѣдом. по слоб. Климовой, Митьковкѣ и Зыбкой. Ист. изв. о раскольн. ч. IV, стр. 111—112.

[2]) М. А. М. Ю. Столб. Малорос. прик. № 5901, лл. 37—39.

сійскихъ раскольниковъ. По крайней мѣрѣ еще въ 1693 г. іерусалимскій патріархъ Досиѳей встрѣтилъ въ Бухарестѣ русскаго раскольника, отправлявшагося въ Іерусалимъ. „И человѣкъ той", писалъ патріархъ русскому правительству, „невѣгласъ и зѣло непотребенъ, и елика рече противъ нашего испытанія, вся безсловесно и неправедно рече, и о ереси его по сихъ отпишемъ пространно"... Въ одной изъ трехъ „цидулокъ" того же патріарха, приложенныхъ къ его грамотѣ на имя Петра Великаго изъ Константинополя, отъ 7 октября 1700 г., сообщалось и слѣдующее: „Нѣкоторые козаки были бѣглецы отъ острововъ донскихъ, а мнѣ кажется, что суть нѣкоторые еретики, которые сбѣжали для ересей своихъ; тѣхъ козаковъ дѣтей почали татарове взяти и продавати. Сего ради въ нынѣшній мѣсяцъ пріѣхали нѣкоторыи изъ нихъ здѣсь къ Портѣ и говорили, что отъ Московскія обиды побѣжали отъ отчизны своей, и далъ имъ ханъ мѣсто и селилися, и нынѣ, понеже татарове продаютъ дѣтей ихъ, просятъ иное мѣсто. Итакъ сказали имъ: дадутъ имъ мѣсто, чтобъ они пріѣхали селиться въ Волоской землѣ; однакожъ де еще не учинился совершенный указъ" [1]. Въ 1702 г. извѣстный нашъ паломникъ, Московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ или старецъ Леонтій, встрѣтилъ въ Галацѣ „русскаго попа", оказавшаго ему гостепріимство, или какъ выражается паломникъ,—„его пожаловалъ, велѣлъ къ себѣ переѣхать". По его же словамъ, немногіе тамъ русскіе поселенцы жили крайне бѣдно или „нужно", такъ что и у попа, кромѣ избы, не оказалось „особой хороминки" [2]).

Усиленіе русскаго раскольничьяго населенія въ Волощинѣ и за Дунаемъ относится къ началу XVIII столѣтія и находится въ связи съ извѣстнымъ возмущеніемъ Донскихъ козаковъ подъ предводительствомъ атамана Кондратья Булавина. Поднятый собственно въ защиту козацкихъ вольностей, на которыя Петръ I хотѣлъ наложить свою властную руку, прилавъ розыскивать между козаками разнаго рода бѣглыхъ людей, свободно принимаемыхъ ими въ силу ихъ козацкихъ привилегій,

---

[1]) Каптеревъ, Н. Ѳ... Іерусалимскій п. Досиѳей въ его сношеніяхъ съ рус. правит. (1669—1707 гг.). Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1891 г., кн. 2, стр. 37, 72. Ср. Акт. ист. V, №№ 215, 220 и 221-й.

[2]) Путеш. Лукьянова. Рус. Арх. 1863 г., В. I., стр. 57—58.

Булавинскій бунтъ имѣлъ несомнѣнно и религіозный оттѣнокъ: въ царѣ-преобразователѣ Россіи козаки видѣли не только своего притѣснителя, но и гонителя такъ называемой „старой вѣры“, которой они были горячими поборниками,—брадобривца, ведущаго дружбу съ нѣмцами и бусурманами, піющаго табакъ и иныя богопротивныя зелія... Въ своей грамотѣ, разосланной въ началѣ 1708 г., Булавинъ между прочимъ писалъ, что Донское воинство положило „стоять со всякимъ радѣніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя..., а нѣмцамъ за ихъ злое дѣло не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестными“ [1]). Когда царскія войска начали одолѣвать бунтовщиковъ, когда началась петровская расправа съ ними, одинъ изъ сподвижниковъ Булавина, атаманъ Игнатій Некрасовъ, видя бѣду неминучую, рѣшился съ 2 тыс. козаковъ бѣжать за Кубань, за россійскій рубежъ, во владѣнія Крымскаго хана, уже знакомыя и раньше Донскимъ и приволжскимъ раскольникамъ. Однакоже ему съ своей козацкой дружиной не долго пришлось пожить во владѣніяхъ Крымскаго хана. Еще въ царствованіе Петра, когда начались войны съ Турками, и русскія войска, направляясь къ турецкимъ предѣламъ, начали тревожить кубанскихъ поселенцевъ, Некрасовъ и большая часть козаковъ поднялись съ Кубани и пустились въ болѣе отдаленный путь, чтобы поселиться осѣдло во владѣніяхъ Турецкаго султана. Турецкому правительству они предложили свои услуги противъ царскаго войска и обязались во время „размира“ съ кѣмъ бы то ни было являться на службу по первому призыву, не требуя отъ Турецкаго правительства никакихъ расходовъ на вооруженіе и содержаніе своей вольной дружины; за то они просили у султанскаго правительства дать имъ мѣста для поселенія и предоставить свободу исповѣданія „древне-православной вѣры“ и сохраненіе ихъ стародавняго козацкаго быта во всей полнотѣ, отъ суда и расправы въ козацкомъ кругу до козацкаго платья включительно. Козакамъ было дано позволеніе селиться по берегамъ Дуная при впаденіи въ Черное море и жить по своимъ обычаямъ,

[1]) Соловьевъ: Ист. Рос. XV, стр. 149, 217—244. Грам. Булавина въ первый разъ напеч. Ал. Поповымъ: Ист. о Донском войскѣ. Харьковъ, 1816 г. ч. II, 270—721. Ср. стр. 286—287.

только не нарушая вѣрности султану и исправно являясь на службу въ военное время. Новые подданные султана, по имени своего предводителя Игната Некрасова, получили у Турокъ названіе *Игнатъ—козаковъ*, а сами стали называться *Некрасовцами...*

Съ теченіемъ времени раскольничье народонаселеніе здѣсь достигло весьма значительной цифры, и не столько путемъ естественнаго размноженія козачьихъ семей, сколько вслѣдствіе наплыва новыхъ бѣглецовъ изъ Россіи по проложенной Некрасовцами дорогѣ въ султанскія владѣнія. Эти новые русскіе выходцы по большей части уже во все не принадлежали къ потомкамъ славнаго войска Донского. Это были, какъ и въ другихъ мѣстахъ, тѣ изъ ревнителей „древняго благочестія", которымъ почему-либо сдѣлалось не совсѣмъ удобно оставаться въ предѣлахъ Россіи. Такъ явились первыя поселенія русскихъ старообрядцевъ по берегамъ Дуная, въ Молдавіи и въ сѣверныхъ уѣздахъ нынѣшней Бессарабіи, гдѣ они живутъ и доселѣ отдѣльными небольшими обществами, наприм. въ уѣздѣ Сорокскомъ, въ слободахъ новой Покровкѣ и Куничѣ, и Хотинскомъ—въ слободахъ Грублѣ и Генышевкѣ, а также въ городахъ—Хотинѣ, Бѣльцахъ и Сорокахъ. Селились раскольники въ то время подъ именемъ Некрасовцевъ и въ Балтѣ, какъ видно изъ дѣла Кіевскаго центральнаго архива 1763 г. о переселеніи Некрасовцевъ на Донъ, Кубань и Терекъ. (См. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ № 49, стр. 235—238). Собственно о поселеніи старообрядцевъ въ землѣ Молдавской имѣется и особое сказаніе, найденное нами въ одномъ изъ рукописныхъ старообрядческихъ сборниковъ Черниговской семинарской библіотеки, принадлежавшемъ прежде библіотекѣ Никодимовой обители. Оно озаглавливается такъ: „*Сказаніе о староврцахъ, живущихъ въ земли Молдавской, како призваны были со всей Молдавы въ Ясы предъ господаря, и како вопрошены были о врѣ и како отвѣщали ему, и въ кая лѣта пріидоша жити на Волощину, при господарѣ Михаилѣ, а при митрополитѣ Георгіѣ всея Молдавы. А осаживалъ Тимофей Алексѣевичъ, по реклу Соболевъ, а въ постриженіи нареченъ Тихонъ, въ лѣто 7232*". Такимъ образомъ начало поселенія здѣсь русскихъ старообрядцевъ по этому сказанію относится ко времени господарствованія Михаила Раковицы, бывшаго попеременно и нѣ-

сколько разъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, начиная съ 1704 г. по 1727 г. [1]).

Сношенія Вѣтки съ придунайскими и задунайскими раскольниками начались приблизительно съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка. Первое извѣстіе о этихъ сношеніяхъ относится къ 1722—1723 гг., когда, „по совѣту всѣхъ раскольщиковъ, которые обрѣтаются за границею, ѣздили въ Турецкую землю, а именно изъ слободы Вылева, которая при самой границѣ, раскольническіе учители четыре человѣка: Яковъ Григорьевъ, Тимоѳей Аѳанасьевъ, Дмитрій Тимоѳеевъ, Степанъ Ефремовъ, а иные съ Вѣтки и изъ монастыря, по совѣту всѣхъ же тамошнихъ жителей. За какимъ оные дѣломъ ѣздили, того невѣдомо". Такъ доносилъ іеромонаху Рѣшилову обратившійся изъ раскола Иванъ Бѣляевъ, котораго Рѣшиловъ посылалъ въ 1722 г. „за границу въ Польшу на Вѣтку, ради свѣдомства раскольниковъ" [2]). Въ

---

[1]) О времени поселенія русскихъ старообрядцевъ въ нынѣшней Румыніи и Турціи см. изслѣдованіе Романского преосвященного Мелхиседека, недавно умершаго, хорошо знакомаго съ языкомъ и русскою литературою, бывшаго воспитанника Кіев. дух. академіи: Lipovenismulu adică schismatici seu razcolnici... eretici rusesci. Bucuresci 1871. Стр. 31, 99.—*О сказаніи о старовърцахъ въ земли Молдавской*—см. въ нашемъ Опис. рки. Черн. сем. библ. стр. 166—167. Объ упоминаемыхъ въ «Сказаніи» господарѣ Михаилѣ см. у Палаузова, С. Н. Румын. господ. Валахія и Молдавія въ историко-политич. отнош. Спб. 1859 г. стр. 122, 136. О М. Георгіѣ ср. указаніе, сдѣланное проф. Е. Е. Голубинскимъ въ «Крат. оч. ист. прав. церк. Болг., Серб. и Румын». М. 1871. Стр. 361. Возможно и то, что первоначальныя связи съ Волощиной у раскольниковъ могли завязаться и на торговой почвѣ. Изъ статей П. А. Толстого, отъ 1 апрѣля 1702 г., видно, что Волошскій господарь въ томъ же 1702 г. просилъ стольника князя Д. М. Голицына, при возвращеніи его изъ Царьграда, чтобы Московскіе торговые люди, ѣздившіе съ давнихъ поръ чрезъ Волохи, ѣздили чрезъ Волошскую землю и нынѣ. Письма и бум. имп. Петра Великаго. Т. II, стр. 47. Ср. также: Goelert, I. V., Die Lipowaner der Bukowina въ «Sitzungsberichren der phil.—hist. Classe» Вѣнской акад. наукъ 1863 г., Т. 41, p. 479. О поселеніи Некрасовцевъ въ Турціи и ихъ тамъ жизни см. въ Зап. Мих. Чайковскаго (Садыкъ-паша). «Кіев. Ст.» 1892 г. авг. стр. 256—258.

[2]) Доношеніе Рѣшилова Св. Синоду отъ 3-го ноября 1724 г. П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. I, ст. 588 в.

1730 и 1731 г. Вѣтковскіе старообрядцы, при посредствѣ своихъ Молдавскихъ собратій, вели переговоры съ Ясскимъ митрополитомъ, Молдавскимъ господаремъ и Цареградскимъ патріархомъ по дѣлу о посвященіи для нихъ епископа, какъ это видно изъ Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ Ивана Алексѣева и изъ прошенія Вѣтковскихъ старообрядцевъ о епископѣ, поданнаго п. Константинопольскому въ 1731 г. [1]) Въ 1732 г. старецъ Антоній, пойманный въ Волоколамскихъ лѣсахъ, а до того времени, именно въ началѣ 20-хъ годовъ, жившій нѣкоторое время на Вѣткѣ, въ Конторѣ раскольническихъ дѣлъ разсказывалъ, что онъ слышалъ тамъ, что „въ Волоской землѣ имѣется россійскаго народа раскольниковъ многое число“... [2]). Есть также положительное свидѣтельство, что еще до первой Вѣтковской выгонки, т. е. до 1735 г., посылались въ Волощину съ Вѣтки и „исправленные попы“. Такъ, по указанію Лѣтописи Вѣтковской церкви Якова Бѣляева, туда былъ посланъ исправленный на Вѣткѣ бѣглый попъ Іоакимъ, въ монашествѣ Іяковъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что „онъ по принятіи едину литургію отслуживши, посланъ къ христіанамъ въ Волохи, котораго туды и требовали“. Тотъ же Іоакимъ—Іаковъ дѣйствовалъ потомъ среди Донскихъ и Яицкихъ раскольниковъ, затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка энергично противился принятію епископа отъ великороссійской церкви, котораго обѣщалъ будтобы поставить старообрядцамъ архіепископъ Димитрій Сѣченовъ. Въ послѣдніе годы своей жизни этотъ Іяковъ жилъ въ слободѣ Климовой и имѣлъ по слободамъ, по словамъ того же лѣтописца, „тысещи духовныхъ дѣтей“, а „священствовалъ по чину древнецерковнаго содержанія четыредесятъ лѣтъ“. Умеръ онъ въ глубокой старости въ 1775 г. [3]).

Если мы теперь отъ зарубежной Вѣтки перейдемъ къ пограничному Стародубью, какъ старообрядческой колоніи, то

---

[1]) Ист. о бѣгств. свящ. у Тихонравова въ Лѣт. Рус. лит. съ замѣчаніями проф. Н. И. Субботина. IV, стр. 64. Прош. Вѣтков. старообрядцевъ въ Душепол. Чт. 1870 г., № 1, стр. 26—44.

[2]) Есиповъ: Раскол. дѣла XVIII ст. т. I, стр. 245.

[3]) Лѣтоп. Вѣтков. церкви, лл. 23 об., 24, 47 и 60. Журавлевъ: Полн. ист. изв. о раск. ч. III, стр. 15–16. Ср. В. Н. Витевского: Ив. Ив. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. В. II. Казань. 1890 г. стр. 348.

увидимъ, что и стародубскіе раскольники въ періодъ отъ смерти Ѳеодосія Ворыпина до первой Вѣтковской выгонки, т. е. болѣе чѣмъ въ двадцатилѣтній періодъ времени, находились подъ полнымъ, сильнымъ и рѣшительнымъ духовнымъ вліяніемъ „Вѣтковскихъ учителей, мнящихъ быти премудрыхъ и смыслъ святаго писанія вѣдущихъ", по замѣчанію извѣстнаго іеромонаха—миссіонера Іосифа Рѣшилова. И дѣйствительно, съ Вѣткой, этимъ религіозно-церковнымъ средоточіемъ всего тогдашняго поповщинскаго раскола, къ которому по преимуществу и принадлежали стародубскіе старообрядцы, за все это время были у стародубскихъ раскольниковъ постоянныя сношенія, религіозныя и торговыя, какъ и послѣ, даже и въ то время, когда Стародубье и само на нѣкоторое время сдѣлалось центромъ поповщинскаго раскола. На Вѣтку, какъ въ старообрядческій Іерусалимъ, стекались сотни, если не тысячи, русскихъ старообрядствующихъ людей, чтобы „утвердиться въ христіанской вѣрѣ, истинномъ благочестіи и иноческомъ чинѣ". Авторитетъ и вліяніе Вѣтковскихъ иноковъ и инокинь были такъ сильны и велики въ глазахъ темной массы народа, что она вѣрила имъ на слово во всемъ, что касалось „христіанской вѣры и истиннаго благочестія", а сами иноки являлись предъ народомъ „яко бы истинные христіаны постниками великими, сокровища и сребра не стяжательными, хмѣльнаго питія не піющими, мало спящими и много молящимися". Вѣтковское причастье уже въ первыя два десятилѣтія XVIII в. проникало въ Керженскіе скиты и Волоколамскіе лѣса, къ Донскимъ, Московскимъ и Калужскимъ раскольникамъ; не могло оно миновать и ближайшаго отъ Вѣтки притона поповщины—Стародубья, тогда еще сравнительно слабо и незначительно населеннаго великорусскими раскольниками. Вѣтковскіе чернецы и черницы со времени основанія Вѣтковскаго монастыря, т. е. съ 1695 г., постоянно посѣщали Стародубье и оказывали своеобразное религіозно-нравственное вліяніе на мѣстныхъ слобожанъ; они развозили отъ своей церкви тайну причащенія, просфоры, благословенные хлѣбы и освященную воду. Мало того, эти „простые монахи и старухи черницы тайну исповѣди и причащенія вездѣ по городамъ и деревнямъ подъ видомъ нужды отправляли, и оное таинство на смертный случай всякому мужу и женѣ оставляли. Сіи же самые бродяги въ мірскихъ домахъ новорожденнымъ молитвы чистительныя давали, младенцевъ крестили и умершихъ по ночамъ отпѣвали. Такимъ

образомъ всякую святыню отъ Вѣтковской церкви разнося, съ довольною добычею на Вѣтку возвращались, гдѣ по пріѣздѣ въ постыдныхъ компаніяхъ время препровождали". Такъ характеризуетъ дѣятельность вѣтковскихъ чернецовъ и черницъ протоіерей А. І. Журавлевъ. И все это, вмѣстѣ съ сообщеніемъ разныхъ нелѣпыхъ бредней религіознаго характера, дѣлалось, конечно, не съ цѣлью религіознаго просвѣщенія темныхъ слобожанъ, а съ спеціальною цѣлью обогатиться на счетъ этихъ простодушныхъ людей, сбыть имъ свой товаръ на выгодныхъ для себя условіяхъ. Іеромонаху Іосифу Рѣшилову, во время своей миссіонерской дѣятельности въ Стародубьѣ, удалось захватить нѣсколько такихъ вѣтковскихъ старцовъ и старицъ, и у всѣхъ нихъ найдено было вѣтковское причастье, котораго, какъ онъ сообщалъ св. Синоду, „было многое число" [1]).

Вліяніе Вѣтки выражалось и въ болѣе суевѣрныхъ формахъ. Воронковская слобожанка Агаѳья Мелеѳтьева 6-го іюля 1747 г. въ Стародубской полковой канцеляріи между прочимъ разсказывала, что найденные у ней „позаверченные и позашиваніе въ сукнѣ синемъ злипки, числомъ шесть", достались ей отъ Вѣтковской старицы Евфиміи, лѣтъ 20 тому назадъ, которая „даючи сказывала, яко въ тѣхъ злипкахъ зашитъ воскъ, а въ томъ воску волоски святыхъ Божіихъ, а какихъ святыхъ именно не сказывала. И казала оная старица Еѳимья тѣмъ святымъ молиться и носить на шеи на крестѣ, почему она и носила; а про тіи злипки нихто, кромѣ одной ей Агаѳіи, не вѣдалъ... А стружки деревянныя, тожъ у ней Агаѳіи снайденныя, дала ей помянутая старица Еѳимія для унимания зубной болѣзни, сказуя, яко тѣ стружки отъ гробовъ робленныхъ на Вѣткѣ на тѣла умершихъ старцовъ и старицъ, которыя жили чисто и непорочно, и *надъ ними служеніе было тожъ*. И якіе заверченніе въ бумажки волосы сѣдые, то и тѣ оная жъ старица Евѳимія ей, Агаѳіи, дала, сказуя, что тѣ волоски тѣхъ старцовъ и старицъ, которыя въ Вѣткѣ жили чисто и непорочно" [2]).

---

[1]) Историч. изв. о раск. ч. III, 16, 48 и др. Ист.—статист. опис. Черн. еп. кн. VII, стр. 218.

[2]) Х. И. А. Д. Р. № 21,299. Показаніе по дѣлу о Воронковской лжехристовщинѣ. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. № 25, стр. 142—143.

Главными и особенно выдающимися духовными руководителями Стародубских раскольников за указанный періодъ времени были присланные съ Вѣтки и „исправленные" тамъ попы: извѣстные уже намъ Борисъ и Димитрій. О нихъ іеромонахъ Рѣшиловъ въ письмѣ къ волостному раскольничьему бурмистру Еремѣ Карпову съ товарищи писалъ: „первый принципалъ и учитель вашъ пустопопъ Борисъ правяше козличное стадо, смѣшенное зъ дивіими звѣрьми, житель Воронковскій или Вавилонскій; вторый принципалъ попчище мужиковщина, рекше потемковщины, Димитрій, житель Лужка". Нѣтъ точныхъ указаній, когда именно эти попы появились въ Стародубьѣ. Впрочемъ о попѣ Борисѣ, какъ мы и говорили въ своемъ мѣстѣ, болѣе или менѣе точно извѣстно, что онъ отправленъ съ Вѣтки въ Стародубскія раскольничьи слободы еще самимъ Ѳеодосіемъ Ворыпинымъ, т. е. никакъ не позже 1710 г., какъ можно заключать изъ словъ Ивана Алексѣева и сдѣланныхъ нами въ предшествующей главѣ замѣчаній о времени смерти Ѳеодосія. Показаніе „презѣльнаго раскольническаго учителя" Ивана Парфенова Подпружникова, съ ученіемъ или вѣрнѣе „мудрованіемъ" котораго мы познакомились выше, даетъ основаніе отнести начало дѣятельности въ Стародубскихъ слободахъ попа Бориса къ половинѣ перваго десятилѣтія XVIII в., когда здѣсь заканчивался процессъ образованія новыхъ раскольничьихъ слободъ, и когда, съ началомъ XVIII в., т. е. съ эпохой преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и отрицательнаго отношенія къ родной старинѣ и народности, приливъ русскаго старообрядствующаго люда въ Стародубье значительно усилился. О времени появленія въ слободахъ попа Димитрія нѣтъ ровно никакихъ указаній; но въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ онъ уже несомнѣнно былъ здѣсь и жилъ въ Лужкахъ.

Воронковскій попъ Борисъ пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ среди Стародубскихъ слобожанъ, какъ потому, что священствовалъ здѣсь по благословенію Вѣтковскаго священноинока Ѳеодосія Ворыпина, такъ и потому, что онъ будто бы имѣлъ еще на себѣ крещеніе старое. Во всѣхъ слободахъ къ нему относились съ великимъ почтеніемъ, и во всѣхъ ихъ онъ имѣлъ своихъ духовныхъ дѣтей, исповѣдывалъ ихъ и причащалъ, крестилъ младенцевъ, муромъ и масломъ мазалъ, а также и „вѣнчалъ въ простыхъ избахъ", какъ свидѣтельствовалъ іеромонахъ Рѣшиловъ. Долго жила въ слободахъ память о попѣ

Борисѣ; о немъ помнили еще въ концѣ сороковыхъ и даже въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, хотя онъ умеръ приблизительно около первой Вѣтковской выгонки, какъ видно изъ нѣкоторыхъ показаній по дѣлу о Воронковской лжехристовщинѣ 1747 г. Изъ тѣхъ же показаній видно, что въ слободѣ Воронкахъ еще при жизни попа Бориса была устроена общественная слободская часовая, куда слобожане собирались для богомоленій, и весьма несочувственно относились къ тѣмъ своимъ сочленамъ, которые рѣдко ее посѣщали. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что во время попа Бориса въ слободѣ Воронкахъ были и такіе слобожане, которые „разно крестъ слагали: и первіе три персти и первіе да послѣдніе два персти, какъ и прочіе раскольники въ слободѣ Воронку“ [1]).... Ясное указаніе, что и въ первой половинѣ XVIII в. масса русскаго люда поселялась въ раскольничьихъ слободахъ вовсе не по однимъ религіозно-церковнымъ мотивамъ, и только потомъ постепенно ассимилировалась съ кореннымъ слободскимъ раскольничьимъ населеніемъ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка у стародубскихъ слобожанъ, кромѣ Воронковскаго Бориса и Лужковскаго Димитрія, находимъ и другихъ поповъ, быть можетъ даже только временно жившихъ въ Стародубьѣ. Изъ нѣкоторыхъ показаній, данныхъ по разнымъ поводамъ стародубскими слобожанами іеромонаху Рѣшилову въ 1723—1724 гг., видно, что въ слободѣ Зыбкой нѣкоторое время жилъ какой-то попъ Алексѣй и черный попъ Леонтій; послѣдній, между прочимъ, былъ нѣкоторое время духовнымъ отцомъ тамошняго войта Михаила Мартынова. Упоминается также въ дѣлахъ и еще какой-то попъ Александръ Римлянинъ, жившій повидимому въ слободѣ Еленкѣ [2]). Затѣмъ по Переписнымъ книгамъ капитана Брянчанинова 1729 г. въ слободѣ Климовой жилъ попъ Иванъ Васильевъ, а въ слободѣ Зыбкой въ тоже время и по даннымъ тѣхъ же Переписныхъ книгъ—черный попъ Кипріанъ [3]).

Всѣ эти попы крестили, мvромъ мазали, вѣнчали и совершали всѣ другія необходимыя церковныя требы,—словомъ, дѣлали

---

[1]) Х. П. А. Д. Р. № 21,299.

[2]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, ст. 164 и 169. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. I, ст. 585, примѣчаніе.

[3]) М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 118. Переп. книги Ергольскаго и Брянчанинова по Климовой и Зыбкой.

все, что подобаетъ священникамъ, кромѣ литургіи; но не видно, чтобы пользовались большимъ духовнымъ вліяніемъ, и, само собою понятно, далеко не имѣли такого количества „духовныхъ дѣтей", какое напр. имѣлъ среди слобожанъ попъ Борисъ Калужанинъ. Ни религіознаго, ни нравственнаго вліянія на свою паству эти бѣглые попы обыкновенно не имѣли, да и не думали имѣть. Крайне ограниченнымъ потребностямъ слобожанъ въ этомъ отношеніи удовлетворяли ихъ уставщики и ихъ старики—начетчики и живущіе между ними иноки и инокини.

Были въ слободахъ въ этотъ періодъ и свои общественныя часовни. О Воронковской общественной часовнѣ при попѣ Борисѣ мы только что упомянули. Кромѣ того до первой Вѣтковской выгонки упоминаются въ нашихъ источникахъ общественныя часовни—въ Зыбкой, Климовой, Еленкѣ, Клинцахъ, Свяцкой и другихъ слободахъ. Въ Лѣтописи Вѣтковской церкви Бѣляева весьма категорически замѣчено, что въ слободѣ Клинцахъ была „часовня вѣтковскаго *согласія*" со времени основанія самой слободы. Тоже было по всей вѣроятности и въ другихъ слободахъ. Отъ 1738 г. имѣется довольно обстоятельное описаніе раскольничьей пустыни съ часовней, о которой рѣчь будетъ далѣе [1]).

Задолго до первой Вѣтковской выгонки находимъ также у стародубскихъ старообрядцевъ и свои скиты, пустыни и даже монастыри. Еще полковникъ—гетманичъ С. И. Самойловичъ въ своей отпискѣ гетману—отцу, отъ 2-го сентября 1684 г., какъ мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ, упоминалъ „о москаляхъ проклятой вѣры капитонской... *въ пустыни укороненныхъ поганнымъ своимъ гнѣздомъ*", поселившихся въ Стародубщинѣ даже нѣсколько раньше времени его полковничества. Въ одномъ изъ своихъ доношеній 1717 г. полковникъ Журавко писалъ гетману Скоропадскому, что слободскіе раскольники, вмѣсто того, чтобы, по розыску прошлой весной маіора Протасова съ панами Корецкимъ и Покорскимъ, „мѣли гдѣ бы смиряться, а не расширяться..., еще тогда заводящійся ихъ строити монастырецъ, теперь нѣякійся раскольникъ *Сергій*, перешовши съ подъ Гомля съ за-

[1]) Х. И. А. Д. Р. № 21299. Опис. акт. арх. Маркевича о стародуб. скитахъ, стр. 2. Ист. изв. о раск. ч. III, 43. Ист. статист. опис. Черн. еп. 1, стр. 138; VII, 224—227. Лѣт. Вѣтков. церк.— рукоп. л. 19.

границы, съ своими врагопостриженными черноризцы, обширне реставруетъ и фундуетъ, осемъ целій построили, трапезу скончали, на часовню много дерева навозили и приготовалися закладати стайнѣ, анбарь оподаль поставили и дубровы людской не мало ространили. Такъ крипко предстателемъ своимъ дьяволамъ укореняются, же всѣ угодья лѣсовія и дуброви окольничихъ селъ заобладати тщатся"... Нѣсколько позже стародубская полковая старшина, недовольная тѣмъ, что раскольники сдѣлались совершенно независимыми отъ владѣльческой власти этой старшины и что „подъ державу царскаго величества подписани зостали", также писала въ своей жалобѣ Петру I, что они, расколыцики, „множество келій въ монастырю раскольническомъ своемъ побудовали"..., и что „небоязненно, самовольствіемъ, зъ укоризною и наруганіемъ православной нашей вѣры, прельщеніемъ и превращеніемъ правовѣрныхъ на свое злочестіе наклоняють [1])... Въ двадцатыхъ годахъ, если не раньше, былъ также повидимому устроенъ „скитокъ старцевъ" около слободы Городища, какъ видно изъ жалобы Тростанцевъ 1732 г., по поводу захвата Городищенскимъ раскольникомъ Константиномъ ихъ земель [2]). По такъ называемымъ „Компутамъ всего посполства полку Стародубовскаго", составленнымъ въ 1723 г., въ слободѣ Воронкахъ, гдѣ жилъ уже извѣстный намъ попъ Борисъ Калужанинъ, находились „особо бездворныя хаты, въ коихъ жили *престарѣлые и бѣдные, считающіесь между иноками*". По тѣмъ же переписнымъ даннымъ въ слободѣ Млинкѣ было „двѣ старецкихъ хатки"; въ слободѣ Митьковкѣ указаны два старца: Данило Есиповъ и Василій Щербакъ; при описи Тимошкина Перевоза замѣчено: „на пущи чернецъ живетъ". Миссіонеръ Рѣшиловъ 4 декабря 1724 г. между прочимъ доносилъ св. Синоду о келейныхъ жителяхъ въ Ходятинѣ лѣсѣ, жившихъ по его примѣрному исчисленію въ 100 в. отъ границы. Жили въ пустыняхъ и въ самыхъ слободахъ въ то время и раскольничьи старицы. Вообще въ каждой почти слободѣ были свои черницы и черницы и жили въ особыхъ кельяхъ, какъ напр. въ слободѣ Еленкѣ, Зыбкой и др., не говоря уже объ отдѣльныхъ пустыняхъ и скитахъ, стоявшихъ первоначально гдѣ нибудь въ глуши и окруженныхъ въ старину почти непремѣнно лѣсомъ. На-

[1]) Опис. акт. арх. Маркевича, стр. 1—2.

[2]) Лазаревскій: Опис. ст. Малорос. т. I, стр. 454.

ружный видъ этихъ скитовъ: 5—10 келій, высматривающихъ изъ-за высокихъ бревенчатыхъ стѣнъ забора, часовня съ восьмиконечнымъ крестомъ, кладбище съ деревянными голубцами и каменными плитами, колодезь посреди двора съ навѣсами, чугунная доска, привѣшенная къ столбу для созыва скитской братіи и пр. [1]).

Незавидной репутаціей у мѣстнаго малороссійскаго правительства пользовались всѣ эти „монастырки, скитки, и обыклыя иноческія жилища". Обыкновенно въ этихъ иноческихъ убѣжищахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., по требованію центральнаго правительства, прежде всего розыскивались разные бѣглецы, въ томъ числѣ и бѣглые монахи, напр. при гетманѣ Самойловичѣ въ 1684 г. розыскивались бѣглые старцы Симонова монастыря, по челобитью тогдашняго архимандрита (М. А. М. И. Д. Д. М, св. 62, № 10). Въ гетманство Мазепы и потомъ Скоропадскаго въ эти обыклыя иноческія жилища обращались и тогда, когда, по требованію Преображенской канцеляріи и другихъ учрежденій, розыскивались бѣглецы изъ бывшихъ стрѣльцовъ и другія подозрительныя лица; мѣстныя малороссійскія власти повидимому хорошо знали эти убѣжища и притоны. Попадали сюда и бѣглые каторжники, которые, скрываясь отъ преслѣдованія властей, посвящали остатокъ своей жизни уединенію и суровому подвижничеству, желая загладить свое мрачное прошлое. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что попадали сюда, и, вѣроятно въ большинствѣ случаевъ, люди искренно стремящіеся пожить благочестиво въ удаленіи отъ міра, помышлявшіе только о томъ, какъ бы въ томъ или другомъ лѣсу „келейку поставить и въ безмятежной пустынѣ Богу молиться, какъ бы дивіемъ овощемъ питаться и честнымъ житіемъ вѣкъ свой подвизаться".

Совсѣмъ инымъ образомъ смотрѣли на указанныя старообрядческія учрежденія сами старообрядцы и простой православный людъ. Обыкновенно старообрядческіе скиты, монастыри и молельни привлекали къ себѣ множество православныхъ изъ темной народной массы. Одною изъ главныхъ причинъ этого

[1]) Компуты всего посполства и. Стародубовскаго,—рукоп. колл. Павла Галагана въ Кіевѣ. См. перепись раск. слободъ.—М. А. М. Ю. Кн. малор. приз. № 118.—П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV № 1455, ст. 315.

явленія было то, что въ старообрядческихъ скитахъ и моленьяхъ необыкновенно строго соблюдалось внѣшнее церковно-обрядовое благочиніе. Выдавая себя за старую вѣру, за древлецерковное благочестіе, твердо стоя за старые обряды и уставы, расколъ всегда и во всемъ старался выдвинуть внѣшнія старинныя формы церковной обрядности и тѣмъ убѣдить православныхъ, что они есть дѣйствительно подлинная старая вѣра, подлинное содержаніе старообрядчества. „Если православные входили въ раскольническій монастырь, или въ раскольническую часовню, моленную, въ какомъ либо богатомъ скиту",— говоритъ одинъ изъ изслѣдователей раскола,—„ихъ кругомъ поражало благолѣпіе внѣшности. Они видѣли множество иноковъ чинно одѣтыхъ въ древнее монашеское одѣяніе, съ степенно суровымъ видомъ, низко кланяющихся, выставляющихся впередъ иноковъ—стариковъ, покрытыхъ сѣдинами, нерѣдко уважаемыхъ ими схимниковъ, часто весьма привѣтливыхъ, ласково разговорчивыхъ. Если они входили въ раскольническую часовню или моленную во время богослуженія, и особенно всенощнаго,—чувство благоговѣнія обнимало ихъ: предъ ними открывался богатый иконостасъ, украшенный старинными, часто драгоцѣнными иконами, десятки горящихъ лампадъ и сотни возженныхъ свѣчь сіяли, по выраженію раскольниковъ, „какъ лице Божіе"; въ алтарѣ іерей или наставникъ дѣйствовалъ смиренно, стройно, степенно; на правомъ и на лѣвомъ клиросахъ по десятку, по два и болѣе громогласныхъ пѣвцовъ чинно, тихо, большею частію протяжно—заунывно пѣли церковныя пѣсни по старинному столповому напѣву, сотни иноковъ по правую и по лѣвую сторону стояли степенно, на вытяжку, всѣ съ четками въ рукахъ, дряхлые старцы впереди ихъ съ костылями, всѣ въ бородахъ, никто во время службы съ мѣста на мѣсто не переходилъ, по сторонамъ и назадъ не оглядывался, другъ съ другомъ не разговаривалъ, тѣмъ болѣе не смѣялся,—взоръ всѣхъ обращенъ былъ болѣе къ землѣ. Чтецы читали неспѣшно, внятно, благоговѣйно. Служба совершалась по Іосифовскому уставу безъ малѣйшаго опущенія. Все общество молящихся крестилось одинъ въ одинъ и въ одно время, тихимъ, полнымъ и не спѣшнымъ двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, съ усиленнымъ удареніемъ на челѣ, на раменахъ и на чреслахъ, съ возведеніемъ очей горѣ, поклоны или метанія тоже клали одинъ въ одинъ и въ одно время, стройно,

чинно, правильно. Богослуженіе продолжалось 4 и 5 часовъ сряду [1]". Такова впрочемъ сильно идеализированная, но въ общемъ все таки довольно вѣрная картина церковнаго благолѣпія старообрядческой часовенной обрядности, глубоко дѣйствовавшая на сердце набожныхъ простыхъ русскихъ людей, выражавшихъ свою вѣру и благочестіе только почти въ однихъ благочестивыхъ обрядахъ и обычаяхъ. Какъ-бы то ни было, но эта внѣшняя сторона исполненія старообрядческой церковной обрядности въ концѣ концовъ сдѣлала то, что теперь мы видимъ въ старообрядческихъ молельняхъ не публику, не безгласный, мало знакомый съ церковными молитвословными чинами народъ, а народъ строгій, взыскательный, съ старопечатнымъ служебникомъ или уставомъ въ рукахъ провѣряющій правильность церковной службы. Мало того, каждый здѣсь сознаетъ себя членомъ церкви и дѣло богослуженія—дѣломъ не только общей, но и личной совѣсти.

Кромѣ благолѣпія часовенной обрядности, расколъ многихъ прельщалъ еще внѣшнею напускною видимостью благочестія и мнимою богоугодностію и спасительностью своею, внѣшними подвигами поста и покаянія, трудолюбія и смиренія и т. п. Объ этой сторонѣ жизни старообрядческихъ чернецовъ и черницъ, жившихъ въ пустыняхъ и скитахъ, особенно стародубскихъ, сохранилось очень мало извѣстій изъ первой половины XVIII в. Кромѣ отдѣльныхъ и случайныхъ указаній, частію уже нами сдѣланныхъ, частію еще имѣющихъ быть сдѣланными по разнымъ поводамъ при послѣдующемъ изложеніи, мы имѣемъ только одинъ цѣльный разсказъ о житьѣ-бытьѣ старицъ въ одномъ изъ стародубскихъ старообрядческихъ скитовъ, весьма характеристичный по своему полному безпристрастію и объективности.

Въ 1735 г. Курской Вознесенской церкви дьячекъ Алексѣй Аѳанасьевъ, привлеченный по одному дѣлу въ Московскую синодальнаго правленія канцелярію, разсказалъ между прочимъ при допросѣ, что въ сентябрѣ 1728 г. онъ отправился вмѣстѣ съ дѣдомъ своимъ, города Курска попомъ Максимомъ, да съ вѣтковскимъ мужикомъ Григоріемъ на Вѣтку „въ раскольническое жилище". Прежде чѣмъ попасть на Вѣтку, Аѳанасьеву

---

[1]) Щаповъ А. Рус. раск. старообрядства. Казань. 1859. стр. 271—273.

съ дѣдомъ пришлось познакомиться съ одной старообрядческой женской пустыней, находившейся въ 15 в. отъ стародубскаго форпоста, и прожить въ ней безъ малаго недѣлю, пока не явился сюда вѣтковскій монахъ Филаретъ и не забралъ бѣглецовъ. „А оная пустыня", разсказывалъ Аѳанасьевъ, „отъ Новгородка разстояніемъ въ верстахъ полтораста, въ срединѣ лѣса, а отъ стародубскаго форпоста отстоитъ въ 15 в.; въ оной пустыни церкви кромѣ часовни не имѣется, при которой той часовни построены четыре кельи. А во оныхъ кельяхъ живутъ старицъ зъ десять; да противу тѣхъ келей построена одна келья, въ которой живутъ два мужика, а какъ имена — не знаетъ, и во оную часовню приходя поютъ часы, вечерни и утрени книгами и отправляютъ сами безъ попа. А временемъ съ Вѣтки и попъ приходитъ, для котораго и епитрахиль съ ризами имѣется, и оныя старицы и мужики крестятся двуперстнымъ сложеніемъ. А вышеупомянутые два мужика имѣются уже не въ молодыхъ лѣтахъ, напримѣръ лѣтъ за пятьдесятъ; а подлинно о лѣтахъ и о имени ихъ сказать не можетъ, понеже хотя въ той пустынѣ онъ, Алексѣй, съ дѣдомъ шесть дней и жилъ, однакожъ мужиковъ видалъ по отпѣтіи утрень и вечерень. А по отпѣніи часовъ всѣ ходили для работы въ лѣсъ и на пашню; а старицъ, кромѣ того, что видали въ часовнѣ, въ другія времена не видывали и въ кельи къ нимъ не хаживали... И жили они въ той пустынѣ шесть дней, только требъ никакихъ дѣдъ его не отправлялъ; а жили въ кельѣ обще съ мужиками, которые дѣду его говорили: „наша да вѣра правая и къ спасенью евангельскому способная и полезная, и уже нашею вѣрою многіе спаслись, и многіе же знаютъ, что есть у насъ святые [1])"...

Вышеприведенныя данныя о стародубскомъ расколѣ расходятся съ тѣмъ установившимся въ литературѣ мнѣніемъ, что будто бы до первой Вѣтковской выгонки стародубскіе слобожане жили только какъ извѣстное общество, имѣвшее главнымъ образомъ бытовую исторію, и что только послѣ этой выгонки они стали жить жизнью религіознаго общества, стали пробуждаться отъ религіознаго невѣжества и подъ вліяніемъ выгнанныхъ съ Вѣтки учителей начали заводить своихъ поповъ, устраивать часовни, богослуженіе и даже принимать участіе въ

[1]) Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. VII, стр. 224—227.

общественныхъ дѣлахъ раскола. Еще рѣзче высказывается въ этомъ отношеніи извѣстный историкъ поповщинскаго раскола П. И. Мельниковъ. И по его мнѣнію въ Стародубьѣ до первой Вѣтковской выгонки мало было поповъ, и жившіе въ тамошнихъ лѣсахъ старообрядцы такъ одичали, что болѣе походили на какихъ-то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей, хотя бы и старообрядцевъ [1]). Безпристрастное изученіе стародубскаго раскола не подтверждаетъ этого измышленія; оказывается, что все то, на что указываютъ какъ на религіозное пробужденіе, было у стародубскихъ слобожанъ и задолго до первой Вѣтковской выгонки. Такъ и должно быть; иначе они и не были бы раскольниками—поповцами. Общій характеръ раскола всегда и вездѣ выражался въ приверженности его послѣдователей къ давно писаннымъ иконамъ, старопечатнымъ книгамъ и къ тѣмъ обрядамъ, которыхъ держались ихъ предки. Всѣ старообрядцы всегда и вездѣ отличались строгимъ выполненіемъ внѣшней обрядности и постовъ. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что первая Вѣтковская выгонка вовсе и не сопровождалась никакими религіозно-просвѣтительными результатами для Стародубья, и даже не могла сопровождаться. Здѣсь же укажемъ только на то, какъ образовалось это установившееся въ литературѣ мнѣніе о стародубскомъ расколѣ. Первымъ представителемъ указаннаго мнѣнія былъ протоіерей Журавлевъ, собравшій въ концѣ прошлаго вѣка въ Стародубьѣ много любопытныхъ матеріаловъ для исторіи мѣстнаго раскола, на основаніи которыхъ и составилъ свою замѣчательную книгу, доселѣ не потерявшую значенія, по богатству собранныхъ въ ней данныхъ и извѣстій о расколѣ вообще и стародубскомъ въ частности. Къ сожалѣнію, личныя мнѣнія и отзывы почтеннаго протоіерея о расколѣ и его проявленіяхъ не всегда отличаются историческимъ безпристрастіемъ и точностію, какъ и въ данномъ случаѣ. Извѣстно, какими мрачными красками обрисовываетъ о. Журавлевъ религіозно-нравственную и общественно-бытовую жизнь стародубскихъ слобожанъ конца XVII и начала

---

[1]) Журавлевъ: Полн. ист. изв. о раск. Ч. IV, стр. 88—91. М. Макарій: Ист. рус. раск. изд. 2. стр. 337—338. Мельниковъ: Оч. поповщ. ч. I, стр. 156—157. Доброгаевъ, М. Сост. старод. раск. въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII в. Черн. еп. изв. 1887 г. № 17, стр. 397 и др.

XVIII в. По его словамъ, слобожане на первыхъ порахъ были совершенными невѣждами, не имѣли ни молитвенныхъ храмовъ, ни пастырей, жили какъ скоты, ничего не зная и ни о чемъ не помышляя. „Ежели у кого былъ новорожденный младенецъ, то велико счастіе его, буде прилучался тогда какой нибудь Вѣтковскій попъ или монахъ; а то долгое время не крещеннымъ оставался. Болѣе же исправляли сіе домашніе старики или бабки, прочія же христіанскія требы тамъ мѣста не имѣли. Они слыхали о попахъ, но ихъ держать было невозможно. Въ праздники и воскресные дни, коли кто сколько нибудь помолился Богу дома, то и ладно; а другой не умѣлъ, такъ сказать, и лба перекрестить"... Онъ же разсказываетъ, что въ слободѣ Зыбкой, образовавшейся приблизительно около 1700 г., первый завелъ общественное богослуженіе „нѣкоторый старикъ въ небольшой кельишкѣ", первый „выдумалъ вычитывать часы по Часослову и Псалтыри" и собиралъ на моленіе народъ. Тотъ же старикъ сдѣлался потомъ и духовникомъ, исповѣдывалъ и причащалъ слобожанъ какими-то „старинными крохами, которыя самъ въ новыя лепешечки тѣста запекалъ..., и довольствовалъ чрезъ многіе годы народъ таковымъ причастіемъ", исправляя при томъ и „всякія другія требы"... Точно также дѣйствовали старики, по разсказу протоіерея Журавлева, и въ остальныхъ слободахъ, и другихъ книгъ церковныхъ, кромѣ Часослова и Псалтыри, и знать не хотѣли. Когда однажды въ слободу Злынку одинъ старообрядецъ привезъ изъ Москвы старопечатный Октоихъ и велѣлъ читать по немъ канонъ, то едва успѣли сказать начальныя слова первой пѣсни: „Колесницегонителя Фараона погрузи", въ моленной избѣ поднялся страшный шумъ. Что это за книга? кричали невѣжественные Злынковцы. За чѣмъ она здѣсь? Что въ ней за колеса, да Фараонъ? Это по новой вѣрѣ! Это книга Никоніанская, еретическая. Въ печь ее, да сжечь! Такъ, по сказанію достопочтеннаго протоіерея, жили до первой Вѣтковской выгонки стародубскіе слобожане послѣ того, какъ ихъ „начальнѣйшіе іереи" Кузьма и Стефанъ ушли на Вѣтку въ концѣ XVII в.

Врядъ ли однако эта мрачная картина соотвѣтствуетъ строгой исторической правдѣ, и по всей вѣроятности есть только полемическій пріемъ въ вкусѣ противораскольнической полемики прошлаго вѣка. Вдобавокъ она повидимому снята не съ религіозно-церковной жизни поповцевъ, преимущественно жив-

щихъ въ стародубскихъ раскольническихъ слободахъ, а съ жизни безпоповцевъ, изъ которыхъ вышелъ самъ протоіерей Журавлевъ и внутренній бытъ которыхъ по тому ему былъ болѣе извѣстенъ. Поповцы, какъ послѣдователи раскола, потому именно такъ и назывались, что всегда имѣли бѣглыхъ поповъ и желали ихъ имѣть какъ духовную власть надъ собою. Единственно только этимъ соображеніемъ и можно объяснить то, что они употребляли всяческія средства, чтобы добыть себѣ бѣглыхъ священниковъ, и что почти полтора вѣка употребили на то, чтобы отыскать себѣ старообрядческое епископство. Вотъ почему не несправедливо въ данномъ случаѣ мнѣніе г. Андреева, что „установившіяся преданія имѣли для нихъ (поповцевъ) силу и обаяніе. Въ Стародубѣ не было сначала церкви—этого довольно, чтобы тамъ, не смотря на большое число прихожанъ—старообрядцевъ, совсѣмъ не служили литургіи, а довольствовались прочими службами. На Вѣткѣ строятъ церковь только тогда, когда добыли ветхій антиминсъ изъ церкви же. Нѣтъ причастія у старообрядцевъ—тѣми или другими путями оно является; крохи стараго причастія, или выдаваемаго за такое, смѣшиваются съ тѣстомъ, и вновь испеченные хлѣбы служатъ для причастія: довольно, что тутъ есть частица стараго; это-то „старое“ и имѣетъ цѣну. Причастіе носятъ при себѣ; иногда оно пересылается въ орѣховыхъ свищахъ—сильна вѣра въ таинство, и если нѣтъ по близости священника, то по крайней мѣрѣ должно быть на готовѣ причастіе на случай нужды. Сильно убѣжденіе, что нужна исповѣдь—исповѣдуются даже у простаго мужика, записывающаго грѣхи на бумагѣ и отсылающаго ихъ къ отсутствующему попу на разрѣшеніе. Поповъ мало, а между тѣмъ потребность въ священнодѣйствіи велика. Слѣдствіемъ этого является заочное отпѣваніе умершихъ, вѣнчаніе нѣсколькихъ паръ однимъ священникомъ одновременно, исповѣдь вслухъ пятидесяти человѣкъ и болѣе, крещеніе младенцевъ въ 46 купеляхъ въ одной церкви. Всѣ эти особенности, которыя обличители раскола выставляли какъ доказательство нелѣпости раскольничьихъ обычаевъ, имѣютъ только одинъ историческій смыслъ: люди, которыхъ отрывали отъ чтимой ими старины, судорожно схватывались за эту старину, хотя въ рукахъ ихъ были только остатки ея [1]).

[1]) Андреевъ, В. В. Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. Спб. 1870. Стр. 133—134.

Совсѣмъ не такъ относились къ установившимся церковнымъ преданіямъ и формамъ безпоповцы, раздѣляющіеся, какъ и поповцы, на разныя фракціи, болѣе или менѣе отличающіяся между собою. Поселялись они и въ Стародубьѣ еще въ первой четверти XVIII в., хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ. О поселеніи ихъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Не многія документальныя извѣстія, сохранившіяся о стародубскихъ безпоповцахъ, повидимому довольно близко совпадаютъ съ отзывомъ о. Журавлева о стародубскихъ поповцахъ. Такъ пойманная въ Стародубьѣ іеромонахомъ Рѣшиловымъ нѣкая Парасковья Захарова, по рожденію крестьянка изъ д. Совихи, Суздальскаго уѣзда, „согласія безпоповщины", показала, что она жила первоначально за Волгой и научена тамъ „раскольническому зловѣрію" старцемъ Макаріемъ, который, собравъ ихъ человѣкъ 30 или 40, исповѣдывалъ ихъ такъ называемою „глухою исповѣдію, напоминая каждой свой грѣхъ, соединенный въ разныхъ лицахъ человѣческимъ естествомъ дѣеми, и нѣкую исповѣдь проповѣдывалъ будто скитцкихъ отцовъ, и общее всѣмъ прощеніе давалъ, а по исповѣди провозглашалъ сіе слово: „Богъ васъ проститъ, а вы де меня простите". А во ученіи де проповѣдывалъ: „плачтеся, Богъ не оставитъ"; а о причастіи де толковалъ по своему зловѣрію: „слезы де намъ вмѣняются вмѣсто причастія, и вѣра наша правая, и по вѣрѣ де нашей вся намъ готова отъ Бога, въ чемъ они надѣялися себѣ спасенія. А погребеніе де у нихъ однимъ канономъ, а крещенія де младенцемъ у нихъ никакова не бываетъ". Другой безпоповецъ нѣкій Василій Ивановъ, вышедшій изъ Чернораменскихъ скитовъ, проживая въ началѣ 20-хъ годахъ въ стародубской слободѣ Чернецкой, училъ „отъ святаго писанія о временахъ и лѣтѣхъ и о царствѣ антихристовѣ, и о печати его, и о Иліи и Енохѣ, и о мерзости запустѣнія... А таинства де никакова и причащенія не имѣютъ, но токмо де вѣрою пріемлютъ; и св. де Ипполитъ написалъ: во днѣхъ де оныхъ не имать явитися тѣло и кровь Христа Спасителя нашего, по числу 1666, и обѣщанія демонскимъ ни въ питіи, ни въ ядѣніи, ни въ моленіи, кромѣ своего согласія, не имѣли... А обычай де у нихъ сицевымъ духовнымъ мужамъ избраніе бываетъ отъ всѣхъ ихъ согласія: ежели прочесть и пропѣть и крестъ исповѣдать на кого соборнѣ укажутъ, той и дѣйствуетъ; а безъ таковаго де благословенія никто не дѣйствуетъ". Самъ Ивановъ какъ учитель

„святого писанія изучилъ только часовникъ да псалтирь, да книгъ де святыхъ читали по силѣ своей [1])“...

Точно также характеризуетъ безпоповцевъ—Ѳеодосѣевцевъ, преимущественно жившихъ въ первой половинѣ XVIII в. въ Польшѣ, и позднѣйшій старообрядческій стародубскій историкъ Иванъ Алексѣевъ. По его словамъ, сами наставники Ѳедосѣевскіе его времени были крайніе невѣжды и знали только Часословъ и Псалтырь. „Посмотримъ нынѣ нѣкихъ учителей“, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, „иже токмо вѣдятъ изученіе Часовника и Псалтыри, и то нужно; по безумію же своему собраша изъ писанія нѣкія тетрадки, и въ нихъ ни разума истиннаго взыскавъ никто, ниже безстрастныхъ учителей испыта, яко нѣкій нетопырь темный, зрящихъ истинно досаждаетъ и, яко вранъ, крачетъ и невѣжда сый о себѣ слѣпымъ наставникъ и вождь является“. Незнакомство съ книжнымъ ученіемъ Ѳедосѣевцы старались замѣнить тупымъ, рабскимъ подражаніемъ примѣру своихъ „стариковъ“ и слово ихъ считали чуть ли не выше евангельскаго. „О несмысленная и косная сердца ваша къ послушанію разума истины! Не каменная ли та ваша сердца и разума истиннаго неприемлющія главы!“ писалъ по тому же поводу Иванъ Алексѣевъ. „Старики что творили ваши, то твердый вашъ законъ, отъ него же и сказать нечего; а что древніи старики, самовидцы и слуги Божію слову, св. апостоли и намѣстники ихъ архипастыри церковніи, Духа святого исполнившеся, говорили, то вамъ ни за что... Невѣсте, яко не всякое всякаго старика слово согласно съ Божіею волею; ибо древле во іудеехъ старческая преданія опасно хранимы бяху; но Христосъ на сія рече имъ: за преданіе старцевъ вашихъ разористе заповѣдь Божію“ [2]).

Отзывомъ о. Журавлева о стародубскихъ раскольникахъ первой половины прошлаго вѣка до сихъ поръ исключительно ограничивались наши историки раскола, не обращая особеннаго вниманія на внутреннюю его неправдоподобность и неприложи-

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. т. IV, № 1323, ст. 163—164. Ср. «Сказаніе о раздорѣ въ крещеніи» поморскаго наставника въ Ардони. Рукоп. сборн. Хлуд. биб. № 352, лл. 286—об.—290. Мат. для Ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. III, стр. 14—18.

[2]) Слово облич. на собран. новоявлен. раздорниковъ—рукоп. нашей библ.

мость къ поповцамъ. Никакихъ другихъ источниковъ въ данномъ случаѣ не указано и въ Исторіи раскола преосвященнаго Макарія и въ книгѣ Мельникова, какъ и въ упомянутыхъ выше недавнихъ статьяхъ о первыхъ временахъ стародубскаго раскола г. Доброгаева, напечатанныхъ въ Черниговск. епарх. изв. за 1884 и 1887 гг. Между тѣмъ уже болѣе ранній и непосредственный наблюдатель жизни и быта стародубскихъ слобожанъ, сначала какъ послѣдователь старообрядства, а потомъ какъ православный миссіонеръ среди ихъ—Іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ—отзывается о нихъ болѣе безпристрастно и характеризуетъ ихъ въ религіозномъ отношеніи менѣе мрачными красками, чѣмъ о. Журавлевъ. Само собою понятно, что и Рѣшиловъ отзывался о нихъ не какъ историкъ, а какъ полемистъ, и тѣмъ замѣчательнѣе его отзывъ. О слободскихъ попахъ Борисѣ и Димитріѣ, какъ и другихъ современныхъ ему, онъ передаетъ въ своихъ донесеніяхъ св. Синоду, какъ мы и говорили выше, что они давали молитвы роженицамъ и новорожденнымъ, крестили, помазывали муромъ при крещеніи, вѣнчали, исповѣдывали и причащали вѣтковскимъ причастьемъ; словомъ, исполняли все то, что требовалось церковною практикою, за исключеніемъ служенія литургіи. Уже одна эта приверженность слобожанъ къ церковной обрядности ясно свидѣтельствуетъ, что они далеко не были столь сильно религіозно и нравственно одичавшими, какъ ихъ представляютъ наши позднѣйшіе историки раскола со словъ протоіерея Журавлева, что будто бы они болѣе походили на какихъ-то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей (Мельниковъ, Доброгаевъ и др.). Особенно важно для характеристики слобожанъ даннаго времени отвѣтное письмо Рѣшилова слободскому бурмистру Еремѣ Карпову съ товарищи. 19-го мая 1723 г. бурмистръ съ 9-ю слободскими войтами и стряпчимъ извѣщалъ Рѣшилова, что „о духовныхъ дѣлахъ разглагольствовать у нихъ не кому, понеже де которые люди у нихъ были на таковое духовное дѣло способны, отъ ево, Рѣшилова, страху и утѣсненія разбѣжались“, и что онъ, Рѣшиловъ, „вѣру ихъ въ конецъ знаетъ“. Въ отвѣтъ на последнюю мысль миссіонеръ между прочимъ писалъ: „А то де вы правду писали, что я все ваше дѣло знаю,—и по просту рещи, что дворъ, то учитель, а что баба, то типикъ; несоромъ вамъ молчати, коли нечего сказати“. Признавая далѣе, что у нихъ были свои „мудрые учители“—попы, онъ указываетъ и на то,

какъ они добывались. „Тако ли рече писаніе: что быть христіанству безъ епископа и безъ церкви и безъ святаго мура? Сіе убо дѣйствовати никто не можетъ, точію православный епископъ, якоже не можно иному хиротонисати церковному чину, изъ нихъ падшего изъ священства паки на степень возводити.... Како возможно совѣсти вашей чистой быти, что всѣхъ седми таинъ церковныхъ, по преданію богоносныхъ отецъ нашихъ, вамъ невозможно имѣти: горѣ нози, а глава долу. *Вѣмъ, се имате рекше, черницы, мужики выборные и войты ваши, держатъ мѣсто епископское, прельщаютъ нашихъ поповъ православныхъ, невѣдущихъ писанія, и впадаютъ въ мрежи ваши, и заводите ихъ въ лѣсы, и повелѣваете имъ отрицатися рукоположившаго епископа*. Кая на немъ хиротонія останется отъ вашего простонароднаго прощенія, а духовникъ его не имать власти хиротонисати, ниже разрѣшити, по свидѣтельству богоносныхъ отецъ нашихъ"... Въ заключеніе своего письма Рѣшиловъ весьма мѣтко и типично обрисовываетъ современныхъ ему стародубскихъ вожаковъ—поповцевъ, неизмѣнившихся и неизмѣнившихъ свой образъ дѣйствованія и понынѣ. „Ей, ей, по истинѣ глаголю, а не отъ вражды: *книгъ имате множество на прелесть грубѣйшимъ и на тщеславіе народное, а весь законъ вашъ виситъ въ словѣ единомъ: „по нуждѣ закону премѣненіе бываетъ"*. Оле кривотолки слова апостольскаго!"... [1]). Въ другомъ случаѣ—тотъ же Рѣшиловъ представлялъ мѣстныхъ вожаковъ раскола на столько начитанными въ староцерковной литературѣ, что для разглагольствованій съ ними считалъ необходимымъ запастись цѣлымъ арсеналомъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ, перечисленныхъ въ одномъ изъ его представленій св. Синоду въ началѣ 1722 г. Изъ его же представленій св. Синоду видно и то, что наиболѣе выдающіеся изъ мѣстныхъ вожаковъ раскола были знакомы и съ современной раскольнической и противораскольнической литературой. Какъ извѣстно, самымъ крупнымъ явленіемъ въ Петровское время въ противораскольнической литературѣ было „Соборное Дѣяніе, бывшее въ Кіевѣ на Мартина еретика",—плодъ неизвинительной хитрости, съ цѣлью доказать древность трехперстнаго сложенія и другихъ никоновскихъ нововведеній,—изъ котораго взяты

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I, 588 ед. П. С. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323, ст. 169—170.

потомъ главныя доказательства правильности православнаго обряда въ извѣстной „Пращицѣ“ Нижегородскаго еп. Питирима. Вскорѣ „Дѣяніе“ признано было подложнымъ старообрядцами, несравненно лучше знавшими составителей подложнаго манускрипта русскую исторію, русскій языкъ и русскую палеографію (Діаконъ Александръ — Денисовъ [1]). Въ настоящее время фактъ его подложности не подлежитъ сомнѣнію. Еще покойный митрополитъ Московскій Филаретъ тонко замѣтилъ, что „Дѣяніемъ“ и основанной на немъ „Пращицѣ“ „нѣкоторые хотѣли послужить правдѣ неправдой“. Нѣкоторые изъ стародубскихъ слобожанъ знали эту неправду уже въ началѣ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Въ 1723 г. іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ доносилъ св. Синоду, что „раскольническій де бурмистръ Ерема Карповъ произносилъ хулу на преосвященнаго Питирима, епископа Нижегородскаго, за книжицу, зовомую „Соборное дѣяніе, бывшее въ Кіевѣ на Мартина еретика“, о чемъ же явствуетъ съ записныхъ магистратскихъ книгъ протестъ. „Изъ доношенія, записаннаго въ магистратѣ отъ имени Василія Рыпкова, видно, что дѣло происходило такимъ образомъ: „Шкловецъ де Граковскій читалъ въ домѣ Василія Никифорова сына Рыжка „Соборное дѣяніе“, иже на Мартина еретика писаніе, бывшее въ Кіевѣ въ 6665 году; и въ то же время въ ономъ же домѣ приключился быть раскольнической бурмистръ Ерема Карповъ, который отвѣтствовалъ: сіе де выдалъ и выгадалъ проклятый Питиримъ [2]) Все это однако не такого рода факты, чтобы на ос-

---

[1]) Составители положнаго манускрипта употребили слѣд. нехитрый пріемъ: со стараго пергамента соскоблили довольно искусно прежнія письмена и почеркомъ XVIII в., новымъ языкомъ, написали на немъ дѣяніе, бывшее будто бы въ Кіевѣ въ 1157 г. Этотъ палимпсестъ напечатанъ при книгѣ преосв. Питирима «Пращицѣ» и по распоряженію правительства былъ показываемъ всенародно для удостовѣренія раскольниковъ.

[2]) Опис. д. и д. арх. св. Син. т. I, 575—576, 582. П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. IV, ст. 158. Это чуть ли не первое по времени свидѣтельство, что дѣльцомъ «Дѣянія» былъ Питиримъ. Въ рукописной литературѣ не рѣдко открытіе «Дѣанія» приписывается св. Димитрію Ростовскому, напр. въ ркп. Черн. сем. библ. № 140 (по нашему Опис.), л. 24. Здѣсь на полѣ есть такая приписка: «А сіе дѣяніе соборное списано съ дѣянія соборнаго, которое дѣяніе письма бѣлорусскаго; а оно писано преосвѣщеннѣйшимъ Димитріемъ, митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, съ самаго съ подлинника, кото-

нованіи ихъ можно было говорить, что до 30-хъ годовъ XVIII в. стародубскіе слобожане жили только какъ извѣстное общество, имѣвшее главнымъ образомъ бытовую исторію, жили какъ скоты, ничего не зная и ни о чемъ не помышляя.

О религіозно—нравственной сторонѣ жизни стародубскихъ слобожанъ здѣсь можно замѣтить только то, что она и въ то время и послѣ была весьма не высока, какъ и вообще было и есть узко, мелко, ограниченно религіозно—нравственное пониманіе раскольниковъ. Вѣдь это въ большинствѣ все таки были люди, которые „говорили отъ книгъ, а грамотѣ не учились", готовы умереть за преданіе, а истины его сказать не умѣли. Вся ихъ мудрость сводилась только къ тому, чтобы упорно и даже до смерти стоять „за старопечатныя седьми соборовъ книги, како святые научили и изложили ни едину черту премѣнити, за Іисусову молитву, за крестъ Господень и за святая аллилуія и за все церковное пѣніе и за вѣру христіанскую"... Словомъ, это было внѣшняя религіозность, ханжество или пустосвятство, лишенное внутренняго содержанія благочестія, жалкій плодъ стараго религіозно—нравственнаго, аскетически монашескаго идеала старорусской жизни, проникнутой однако, какъ извѣстно, стойкою, живою и дѣятельною религіозностью.

Не высока была общественная и частная нравственность слобожанъ. Въ XVII в. о схожихъ людяхъ выработалось вообще на святой Руси общее убѣжденіе какъ о людяхъ недобрыхъ: „схожіе люди—недобрые люди" [1]). Между тѣмъ вездѣ на окра-

рое обрѣтается въ Кіевѣ». Оп. ркп. Черн. сем. библ. Спб. 1880 г., стр. 151. Точно такая же приписка существуетъ въ ркп. И. П. Б. Q. I. № 295, л. 80. Извѣстенъ и другой списокъ Дѣянія (будто отъ іюня 1709 г.) съ тетрадей игумена Питирима, гдѣ заключаются (лл. 43, 44, 46) разныя указанія и выписки изъ «Дѣяній» на Мартина еретика, въ которомъ нѣтъ указанія объ открытіи Ростовскаго святителя. Это ркп. І. К. Яхонтова, о которой упоминается въ изслѣдованіи И. А. Шляпкина (Св. Дим. Рост. и его время, стр. 445—446. Еще Карамзинъ высказывалъ рѣшительное сомнѣніе въ подлинности соборнаго акта (И. Г. Р. II. пр. 415). Довольно обстоятельно разбирается и мотивируется подложность Дѣянія въ книгѣ В. М. К. Историч. изслѣд. о старообрядствѣ. Черновцы. гл. II, стр. 187 ид.. Христ. чт. Ср. Опис. д. син. арх. II, № 963, ст. 214. Прилож. VI (64).

[1]) Барсовъ Е. В. Новые матеріалы для ист. старообр. XVII—XVIII. в. М. 1890 г. стр. 100 и 122.

инахъ государства, какъ и въ Стародубьѣ, контингентъ раскольничьяго населенія составлялся изъ схожихъ людей—бѣглыхъ посадскихъ и служилыхъ людей, крестьянъ дворцовыхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ, церковниковъ и монаховъ. Въ общей массѣ раскольниковъ не малое число было и разнаго рода преступниковъ, бѣжавшихъ изъ городскихъ остроговъ, Сибири и другихъ мѣстъ тогдашняго заключенія преступниковъ. Уже одно это обстоятельство должно было весьма невыгодно оттѣнять жизнь стародубскихъ слобожанъ въ нравственномъ отношеніи. Прибавимъ къ этому и крайнюю бѣдность большинства этихъ новыхъ поселенцевъ, поселившихся на самой скудной по плодородію почвѣ сѣверной Малороссіи. Особенно тяжело было ихъ положеніе въ „голодные годы", посѣщавшіе эту часть Малороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., когда многимъ изъ нихъ приходилось, по тоговременнымъ указаніямъ, „пухнуть съ голоду, въ околичныхъ сусѣдъ своихъ просячы по ковшу муки", а также размѣшивать „овсяніи высѣвки зъ макухами" или збоинами изъ сѣмянъ, ѣсть „жмаки овсяніи и макушеіи горкіи". Бѣдность въ иныхъ случаяхъ доходила до того, что закладывались и почитаемыя за святыню „складни", большею частію о семи доскахъ, въ мѣдной оправѣ, а иногда даже съ горя и пропивались въ шинкахъ [1]). Письменныя свидѣтельства, уцѣлѣвшія изъ конца XVII и первой половины XVIII в. и такъ или иначе касающіяся нравственной жизни слободскихъ раскольниковъ, обрисовываютъ эту послѣднюю въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ. Къ мѣстному населенію они не стояли въ близкомъ, тѣсномъ отношеніи; размѣстившись въ отдѣльныхъ слободахъ, руководимые исключительностію религіозныхъ толковъ, они не роднились вообще съ мѣстными крестьянами и не примыкали къ интересамъ мѣстной крестьянской массы. Отсюда естественно, не говоря уже о земельныхъ спорахъ между пришлыми поселенцами и коренными жителями, у послѣднихъ составились не выгодные отзывы о слободскихъ раскольникахъ, поселившихся между ними и называвшихся долго просто „москалями": „Добрый чоловикъ, да москаль", говорили о нихъ мѣстные простодушные жители. Бывали

¹) М. А. М. И. Д. Распросныя рѣчи предъ судомъ войсковымъ генеральнымъ о Никитѣ капитонѣ. Мат. для ист. раск., № 9, стр. 79.— Труды этнограф. стат. эксп. въ зап. рус. край, Юго-зап. отд. И. Р. Г. Общ. т. VI, стр 74.

случаи, что и дѣтей пугали „москалями", и „при семъ имени",— передаетъ одинъ изъ путешественниковъ по Малороссіи,—„устрашенное дитя перестаетъ кричать" [1]). Воровство и насиліе, грабежи и убійства, обманъ и разбой, прельщеніе мѣстныхъ женщинъ, а также и продажа ихъ Вѣтковскимъ раскольникамъ— вотъ пороки, въ которыхъ нерѣдко обвиняли слободскихъ раскольниковъ мѣстные жители. Такъ по записямъ стародубскаго „Протокула" 1683 г. въ „урядѣ" разбирается дѣло о москалѣ Василіѣ Ивановѣ, который въ селѣ Дѣдовѣ ночью укралъ „изъ винницы 2 казани" и который вмѣстѣ съ женою и другомъ Шваденкомъ, какъ обнаружило слѣдствіе, и раньше совершилъ нѣсколько преступленій; малороссійскіе поселенцы Понуровки жалуются на раскольниковъ тому же уряду, что они у простодушныхъ поселянъ вымогали деньги, „какъ будто присланные съ Москвы". Въ урядъ поступали на раскольниковъ и такія жалобы: „дѣвку слободы Понуровки они отдали въ слободу Халецкую за границу, и за дѣвку взяли куфу горѣлки", а другую дѣвку Соломониду хотѣли насильно отнять у Максима. Этого рода жалобы не прекращались и впослѣдствіи, въ первой половинѣ XVIII в., что совершенно впрочемъ естественно и понятно. Дѣло въ томъ, что слободское раскольническое населеніе составлялось по большей части изъ случайныхъ бѣглецовъ, даже преступниковъ, а не просто людей, выселявшихся съ женами и дѣтьми, почему и естественно на первыхъ порахъ среди раскольниковъ было больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Преобладаніе мужскаго элемента надъ женскимъ среди раскольниковъ замѣчается еще и по даннымъ Румянцовской описи Малороссіи 1767 г. Такъ по даннымъ послѣдней въ слободѣ Зыбкой было 474 м. и 457 ж., въ с. Митьковкѣ 414 м. и 387 ж., въ с. Лужкахъ 299 м. и 246 ж. [2]). Въ прошломъ вѣкѣ раскольничьи слободы были и

---

[1]) Левшинъ, Алексѣй: Письма изъ Малороссіи. Харьковъ. 1816 г. Кіев. ст. 1892 г. т. XXXVI, стр. 231.

[2]) Протокулъ справъ поточныхъ за 1683 г. Черн. губ. вѣд. 1857 г., №№ 22, 24, 27—28 и др. Протокулъ starод. магист. 1690 г. Ibidem., 1853 г., стр. 92. П. С. з. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323, ст. 156—157. Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, стр. 210. Обозр. Румянц. оп. Малор. стр. 617. Были случаи однако, что и козачья старшина роднилась съ раскольниками посредствомъ браковъ. Такъ сестра стародубскаго войсковаго товарища Я. С. Улѣзко жила за польской границей, въ Халетчинѣ, на Вѣткѣ, въ раскольничьей

притонами для всякихъ воровъ и разбойниковъ. Въ Дневникѣ Н. Д. Ханенка подъ 12 декабря 1731 г. записано: „Сего-жъ числа привезли въ Стародубъ славныхъ двохъ разбойниковъ, родныхъ братовъ Гришку и Тимошку Соколовыхъ, пойманныхъ въ описной слободѣ Зыбкой 8 числа сего мѣсяца“. Изъ донесенія о поимкѣ разбойниковъ Соколовыхъ полковника А. И. Дурова гетману, отъ 10 января 1732 г., видно, что они укрывались нѣкоторыми раскольниками изъ слободъ Еленки и Лужковъ [1]). Подобнаго же рода указанія встрѣчаются и въ Дневныхъ Запискахъ Я. Марковича. Опасность отъ „разбойниковъ старовѣрцовъ“ была такъ велика, что въ XVIII в. не разъ посылались для преслѣдованія ихъ козачьи команды. Между прочимъ 23-го іюля 1750 г. „Топальскій сотникъ Михаилъ Янжулъ въ генеральной канцеляріи сказкою показалъ, что ѣздилъ онъ, сотникъ, за силу указа полковой стародубовской канцеляріи для сыску и поимки проявившихся въ полку стародубовскомъ разбойниковъ старовѣрцовъ, за которими посиланъ же билъ по инструкціи и асаулъ полку Стародубовскаго Стефанъ Косачъ. И хотя де они, асаулъ и сотникъ, тѣхъ разбойниковъ были и найшли, но токмо что въ густыхъ лѣсахъ между болотами переловить ихъ било нелзя. При онихъ же разбойникахъ оружя болшъ никакого не біло, кромѣ списовъ (копій, пикъ) да едного карабина, а всѣхъ ихъ разбойниковъ толко било 13 человѣкъ“... По дѣлу о разграбленіи Суражицкаго Благовѣщенскаго монастыря въ томъ же 1750 г. розыски производились между прочимъ и въ слободѣ Чуровичи, что ясно указываетъ на связь и этихъ разбойниковъ съ раскольниками [2]).

Эти черты нравственно-бытовой жизни стародубскихъ слобожанъ сдѣлались потомъ предметомъ и позднѣйшей старообрядческой сатиры. Неизвѣстный авторъ „Седьмитолкового Апо-

---

вѣрѣ». Опис. ст. Малор. т. I, стр. 198, примѣчаніе. Были случаи, что раскольники въ Юго-западномъ краѣ женились на католичкахъ и принимали ради женъ «римскій законъ». См. въ Кіев. центр. арх. интересное дѣло о совращеніи раскольникомъ жены католички.

[1]) Дневникъ Н. Д. Ханенко. Стр. 31, 38 и 121. Опис. акт. арх. Маркевича. Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1884 г., кн., стр. 4.

[2]) Марковичъ, Дневн. Зап. Х. И. А. Д. М. № 6871. Дѣла о разбойникахъ старовѣрцахъ 1750 г. См. лл. 1, 5, 12, 15, 26—27, 51—53, 60—62, 78 и 106.

калипсиса", въ интересахъ поддержанія раскола злобно смѣявшійся надъ нравственною распущенностью слобожанъ, грубо подражая Апокалипсису, писалъ объ *Асіи Малороссійской* какъ гнѣздѣ разбойническомъ. Между прочимъ Зыбковцевъ и Воронковцевъ, соединявшихъ разбойничество съ религіознымъ фанатизмомъ, онъ такъ обличаетъ: „*Ангелу Зыбковской церкви* напиши: Вѣмъ твоя дѣла и трудъ твой, яже подъялъ еси противу гонителей за церковь свою соборную апостольскую, единую подъ солнцемъ, и не устрашился еси силъ Никоніанскихъ щепотничьихъ; и умножу мя выходцами, татями, крамольниками и всѣми сборами пресмыкающихся по землѣ. И сотворю тя вертепомъ разбойниковъ и жилищемъ страннымъ, и сонмъ твой раздѣлю на многіе сонмы, и водворятся въ тебѣ безпоповщина, вскрабовщина, стуковщина и иніи мнозіи зѣло; но трезвися и бодрствуй, да не восхитятъ чуждые богатства твоего, яже суть на Мотковщинѣ и объ онъ полъ... *Ангелу Воронковской церкви* напиши: Вѣмъ твоя дѣла и трудъ твой, его же подъемлеши на избавленіе трудниковъ и старцевъ, хотящихъ разрѣшитися суетнаго міра сего и пріять вѣнцы мученическіе соотцы святыми Брынскими. Сего ради зѣло накажутся богохульники и суевѣры, поносящіе имя твое, хлоповщина и млатобойщина, невѣдущіи божественнаго писанія... Дерзай, чадо мое возлюбленное, и не преставай умножати число мучениковъ и святителей на небесѣхъ. А азъ о тебѣ попекуся на земли, и никто тя не одолѣетъ, ни въ судахъ Стародубскихъ и губернскихъ, ни въ лѣсахъ и борахъ Могилевскихъ, гдѣ подвижники твои назираютъ проѣзжихъ щепотниковъ и надъ ними мясничаютъ. Азъ тебѣ побѣждающемуся дамъ ключи ада, въ немъ же ты спасешься и весь домъ твой" [1]).

---

[1]) Кельсіевъ, В. Сборн. правит. свѣд. о раск. Лондонъ. 1861. В. 11, стр. 241—244. Ср. Полн. ист. изв. о раск. ч. IV, стр. 86—88.

Глава пятая.

Первая Вѣтковская выгонка, ея послѣдствія и дальнѣйшая судьба Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола до перенесенія столицы старовѣрства въ Стародубье (1736—1765 гг.).

Въ исторіи Вѣтковскаго раскола извѣстны двѣ такъ называемыя выгонки съ Вѣтки, имѣвшія немаловажное, хотя и далеко неодинаковое значеніе и въ жизни Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ: первая относится къ царствованію Анны Іоанновны, именно къ 1735 г., а вторая къ началу царствованія Екатерины II [1]).

---

[1]) Были и позже отдѣльные случаи выгонки изъ за рубежа великороссійскихъ людей, напр. бѣглыхъ подданныхъ графа П. А. Румянцова, въ числѣ которыхъ были и раскольники, какъ въ пожалованныхъ его деревняхъ (Злынка), тамъ въ особенности въ обширномъ его Гомельскомъ имѣніи (пожаловано въ 1775 г.) съ 293 тыс. десятинъ земли, на которой между многочисленными поселеніями Бѣлоруссовъ, находились старообрядческія слободы и монастыри. Въ одномъ изъ полуистлѣвшихъ дѣлъ Кіевскаго центральнаго архива сохранился объ этой частной выгонкѣ слѣдующій любопытный репортъ Переяславской полковой канцеляріи въ Малороссійскую Коллегію: «сего 779 года сентября 22, войсковой товарищъ Алексѣй Кононовичъ присланнымъ въ сію канцелярію репортомъ представилъ, что въ силу даннаго ему, Кононовичу, отъ г. генералъ-поручика, губернатора и кавалера Семена Ермолаевича Ширкова ордера, со всею находящеюся у вѣдомствѣ его, Кононовича, командою..., узнавалъ о укрывательствѣ разного рода россійскихъ людей з Россіи въ польскія границы... забирать и представлять въ полковую здѣшнюю канцелярію. По которому де велѣнію онъ, Кононовичъ, съ присланнымъ отъ эконома его Высокографскаго сіятельства г. генералъ-фельдмаршала, Слободскаго, Украинскаго и Курскаго намѣстника, Коллегіи

Побѣги, какъ извѣстно, были стариннымъ средствомъ русскаго народа спасаться „отъ неудобоносимыхъ" общественныхъ тяготъ. Еще до крѣпостнаго права тяжесть податей и повинностей заставляла многихъ крестьянъ покидать свои насиженныя гнѣзда и „брести розно", отыскивая болѣе привольную жизнь въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя еще не наложило свою желѣзную руку Московское правительство. Возникновеніе и постепенное усиленіе крѣпостнаго права не могло сдѣлать привлекательнѣе для крестьянъ жизнь въ той части Россіи, гдѣ все болѣе увеличивалась власть господина надъ прикрѣпленнымъ къ землѣ населеніемъ; тѣ, кто не мирился съ новымъ порядкомъ вещей, покидали родныя мѣста и населяли все болѣе отдаленныя окраины Россіи. Но давленіе помѣщичьей власти было хотя и одною изъ главныхъ причинъ побѣговъ, но далеко не единственною. Другими причинами были: преслѣдованіе раскола, рекрутскіе наборы и дурное содержаніе рекрутъ, взятки, возвышеніе цѣнъ на соль и вино и пр. (Соловьевъ Ист. Рос. XXV,

---

Малороссійской президента... П. А. Румянцова Задунайскаго, Демковскаго Ивана Гензеля, значковымъ товарищемъ Анастасѣенкомъ... бѣглыхъ и укрывающихъ въ Польшѣ людей, сыскавши приступилъ... и нѣкоторыхъ уже взялъ было, но польскія войска, находящіяся подъ командою полков... Войны, собравшись до 300 чел., тѣхъ забратыхъ имъ насильно отобрали и къ забору прочихъ не допустили, угрожая, что если де начнетъ онъ, Кононовичъ, дольше къ отбору ихъ усиливаться, поступить съ нимъ и командою его, Кононовича, какъ съ непріятелемъ, и просилъ отъ полковой здѣшней канцеляріи разсмотрѣнія. Для того о томъ въ Малороссійскую Коллегію полковая Переяславская канцелярія представляя, проситъ въ резолюцію указа». Малороссійская Коллегія по поводу этого репорта постановила: «какъ всѣ пограничныя дѣла препоручены отъ его сіятельства въ распоряженіе Кіевскому оберъ-коменданту, г. генералъ-поручику и кавалеру Елчанинову, то къ оному г. г. п. и к. послать указъ, чтобы онъ изволилъ въ отысканіи къ доставленію куда слѣдуетъ отъ войсковаго товарища Кононовича его сіятельства графа П. А. Румянцева Задунайскаго бѣглихъ и укрывающихся въ Польшѣ людей сдѣлать надлежащее распоряженіе и съ кѣмъ надлежитъ сношеніе, и, что учинено будетъ, увѣдомилъ бы Коллегію..., а полковой канцеляріи дать знать указомъ». Бѣглые подданные графа Румянцева были отысканы Кононовичемъ въ с. Кагарликѣ, въ у. Богуславскомъ, а отобраны Войной близъ р. Днѣпра подъ с. Берковкой. Кіев. цент. арх. Св. дѣлъ о колонизаціи.

282—284; XXVII, 19). По словамъ помѣщиковъ, жившихъ близь западной границы Россіи, крѣпостные бѣжали въ Польшу, находя, что тамъ жизнь для нихъ гораздо привольнѣе: нѣтъ рекрутчины, существуетъ вольная продажа вина и т. п. Раскольники въ свою очередь находили тамъ, кромѣ того, полную свободу въ отправленіи своей старой вѣры: ихъ не преслѣдовали тамъ ни за двуперстіе, ни за хожденіе посолонь, не могло быть также тамъ мѣста ни „ниспроверженію въ воду или огонь раскольническихъ вещей", ни разного рода „истязаніямъ, ни трактованію раскола самою злою ересью, ни, наконецъ, такимъ печатнымъ разсужденіямъ, чтобы ни къ чему негодную безпоповщину приравнивать къ Лютерамъ, Кальвинамъ, безглавымъ Северіанамъ, самимъ жидамъ, священство поправшимъ; чтобы двуперстное сложеніе называть кукишемъ арменскимъ; чтобы „господъ раскольщиковъ величать сатанинскими служителями и антихриста" и т. п. Побѣги эти оказывали чрезвычайно вредное вліяніе на народное хозяйство и отбываніе государственныхъ повинностей: крестьянскіе дворы пустѣли, оставляемые разбѣжавшимся населеніемъ, останавливались казенныя работы, прекращалось поступленіе всякаго рода сборовъ. Особенно неудобно было для государства поселеніе раскольниковъ за Польско-литовскимъ рубежемъ, гдѣ они въ рукахъ Польши легко могли сдѣлаться орудіемъ политическихъ интригъ противъ прежняго своего отечества. Соблазнительный примѣръ служенія интересамъ чужаго государства въ началѣ XVIII в. подали уже Некрасовцы, вступивъ въ ряды Турецкой арміи.

Какъ велико было эмиграціонное движеніе раскольниковъ, во время Петра Великаго и при его ближайшихъ преемникахъ за предѣлы государства и на его окраины, на этотъ счетъ мы не имѣемъ полныхъ статистическихъ данныхъ. Однако о силѣ этого движенія можно судить по тѣмъ любопытнымъ даннымъ, которыя извлечены В. В. Нечаевымъ изъ дѣлъ бывшей Раскольнической Конторы и приведены въ его обширной статьѣ: „Раскольническая контора" (1725—1764 гг.). Оказывается, что съ 1716 г. по 1737 г. было записано въ расколъ („по прежней переписи съ 1716 по 1726 г. въ вѣдѣніи Синода, а съ онаго 1726 г. со учрежденія Раскольнической Конторы по присланнымъ по 1737 г. въ ту Контору изъ губерній и провинцій вѣдомостямъ раскольниковъ состояло") 190. 944 чел., изъ нихъ м. п. 94.053, ж. п. 96. 891. По тотъ же 1737 г. изъ этого

числа убыло: „обратившихся къ церкви, умершихъ, бѣглыхъ, взятыхъ въ рекруты, сосланныхъ въ каторжную работу, написанныхъ вдвое и въ расколѣ напрасно и неявльшихся такими именами и отечества, какими въ расколъ писались", 111, 644 чел. (м. п. 56,368, ж. п. 55.276); „бѣглыхъ же, о которыхъ Нижегородская губернія и Володимірская провинція объявляютъ, что показаны были въ расколѣ по поповскимъ росписямъ, съ коихъ затѣмъ и за побѣгомъ ихъ и сбору не было", 31.071 чел. (м. п. 15.152, ж, п. 15.919),—всего 142,715, а за тою убылью по 1737 г. имѣлось на лицо 48.229 чел.. м. п. 22.533, ж. п. 25.696. По ревизіи 1734 г. (второй), при свидѣтельсвѣ раскольниковъ по прежнимъ вѣдомостямъ, прежде записныхъ оказалось 42.843, убылыхъ изъ этого числа 29.986, за тою убылью наличныхъ—14.757, вновь записалось въ расколъ 22,0835, слѣдов. всего исчислено наличныхъ 36.842 чел. [1]). Близки или далеки эти цыфры отъ дѣйствительнаго общаго количества раскольниковъ въ государствѣ, какъ и въ отношеніи уменьшенія численности ихъ по разнымъ поводамъ, главнымъ образомъ въ слѣдствіе побѣговъ, за періодъ времени отъ 1716 г. по 1744 г., во всякомъ случаѣ онѣ довольно краснорѣчиво говорятъ сами за себя и не нуждаются въ особомъ комментированіи. Государственной власти по необходимости приходилось обратить серьезное вниманіе на эти побѣги раскольниковъ и въ особенности принять свои мѣры противъ поселенія ихъ за Польско-литовскимъ рубежомъ.

Уже въ царствованіе Петра Великаго было обращено болѣе или менѣе серьезное вниманіе на зарубежныхъ польскихъ раскольниковъ и на главное гнѣздо ихъ тамъ—Вѣтку, образовавшуюся, окрѣпшую и выросшую до огромныхъ размѣровъ именно въ это царствованіе. Такъ еще въ 1715 г. игуменъ Питиримъ, впослѣдствіи извѣстный архіепископъ Нижегородскій, главный противораскольническій дѣятель Петровскаго времени, предлагалъ Петру Великому раззорить раскольничьи поселенія за польскимъ рубежомъ и въ особенности устроенную тамъ на Вѣткѣ раскольниками церковь. На необходимость такихъ же энергическихъ мѣръ противъ Вѣтки и ея насельниковъ, совершенно независимо отъ Питирима, указывали въ

[1]) Опис. док. и бум., хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст. кн. VII, М. 1890. стр. 15, 48—60.

1721 г. бывшіе управители Московской Тіунской палаты, священники Ѳеоктистовъ и Михайловъ, наталкивавшіеся въ Москвѣ и ея окрестностяхъ на дѣятельность Вѣтковскихъ пропагандистовъ раскола, на ихъ силу и вліяніе въ русскомъ старообрядческомъ мірѣ. Въ самомъ концѣ царствованія Петра Великаго собирались свѣдѣнія о зарубежныхъ польскихъ раскольникахъ, напр. извѣстнымъ противораскольническимъ миссіонеромъ—іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ, и потомъ эти свѣдѣнія были представлены черезъ Черниговскаго епископа Иродіона Жураковскаго на усмотрѣніе Св. Синода. Рѣшиловымъ собирались свѣдѣнія о поселившихся за рубежомъ раскольникахъ чрезъ обращеннаго имъ въ православіе бывшаго Стародубскаго раскольника Ивана Бѣляева [1]). Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Петра Великаго не было принято никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ зарубежныхъ польскихъ раскольниковъ, не смотря на то, что главный потокъ раскольнической эмиграціи въ это время направлялся именно за Польскій рубежъ, куда рас-

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, стр. 238. Есиповъ: Раск. дѣла XVIII ст. II, 220. Опис. д. и д., хран. въ арх. Св. Син. Т. I, приложенія, CCXCIX. Срав. Сборн. рус. ист. общ. XI, стр. 103—104. Въ Дополненіи къ Дѣяніямъ Петра Великаго Голиковъ говоритъ, что «вмѣстѣ съ другими мѣрами для обращенія раскольниковъ въ 1718 г. Петръ I послалъ 10-го марта и въ Польшу, кажется, для обращенія же раскольниковъ, Юрьева Повольскаго Успенскаго монастыря монаха Авраамія, давъ ему отверстой манифестъ, коимъ проситъ короля Польскаго и Рѣчь Посполитую, а своимъ начальникамъ, воинскимъ и гражданскимъ, повелѣваетъ пропускать его туда и обратно безъ удержанія»... XII, стр. 34—35. Въ Нижегородской Духовной Консисторіи сохранилась въ особой переплетенной книгѣ—«Переписка Петра I съ Питиримомъ», въ которой между прочимъ находятся: а) пасъ, данный Авраамію 10-го марта 1718 г. въ Москвѣ за собственноручнымъ подписомъ Петра (во время розыска о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ никому не давалось паспортовъ и подорожныхъ иначе какъ съ личнаго дозволенія царя и за его подписомъ), и б) подорожная на двѣ лошади, данная Авраамію 12-го марта 1718 г. за подписомъ графа И. А. Мусина—Пушкина. Въ подорожной между прочимъ сказано: «отъ Москвы до Калуги и до Брянска и до Стародуба, и до Польскаго рубежа... отпущенъ онъ по его великаго государя именному указу, *по желанію его*, въ Польшу». Мельниковъ: Оч. поп. 1, стр. 79—80, примѣч.

кольниковъ привлекала между прочимъ и единственная у нихъ церковь въ то время на Вѣткѣ.

Въ первый разъ было обращено болѣе серьезное вниманіе на зарубежныхъ польскихъ раскольниковъ правительствомъ Анны Іоановны, именно въ самомъ началѣ ея царствованія. Въ то время центральное русское правительство получило довольно опредѣленныя свѣдѣнія, что въ предѣлахъ одного пограничнаго Гомельскаго староства или въ такъ называемыхъ Вѣтковскихъ слободахъ жило болѣе 40 тыс. бѣглыхъ великороссійскихъ людей и раскольниковъ, и что, кромѣ того, бѣглыми русскими людьми и раскольниками заселены слободы въ Кіевскомъ воеводствѣ по рѣкѣ Припети, на Волыни въ окрестностяхъ Житоміра и Новгорода Волынскаго, въ Подоліи по берегамъ рѣкъ Буга и Днѣстра, даже въ Бессарабіи и Молдавіи, какъ въ сѣверозападномъ и западномъ русскихъ краяхъ бывшей Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ Русское правительство получало постоянныя жалобы отъ пограничныхъ помѣщиковъ, что люди и крестьяне ихъ, по подговору польскихъ обывателей, бѣгутъ за польскій рубежъ, пограбя пожитки ихъ помѣщичьи, и что польскіе обыватели всячески помогаютъ имъ къ побѣгу и поселенію, а потомъ подсылаютъ въ Россію для воровства, разбоя и грабежа, даютъ оружіе и порохъ, уводятъ многихъ въ неволю и т. д. При такихъ условіяхъ правительство рѣшилось на рядъ мѣръ для пріостановки побѣговъ и возвращенія бѣглыхъ снова въ предѣлы Россіи. Прежде всего думали прекратить побѣги за рубежъ мѣрами строгаго взысканія, практиковавшимися и раньше: назначался кнутъ пойманнымъ на границѣ и уличеннымъ въ намѣреніи бѣжать и смертная казнь проводникамъ. По всей западной границѣ разставлены были форпосты съ спеціальною цѣлью ловить перебѣжчиковъ. Учреждались и особыя коммиссіи, которыя должны были ловить русскихъ перебѣжчиковъ и высылать во внутреннія великороссійскія губерніи. Всѣ эти мѣры оказались безуспѣшными. Бѣглецы силою пробивались черезъ караулы или находили дороги за рубежъ, карауламъ неизвѣстныя. На ряду съ мѣрами строгаго взысканія дѣйствовали на бѣглецовъ и обѣщаніемъ прощенія, въ случаѣ добровольнаго ихъ возвращенія въ Россію въ опредѣленный срокъ. Въ такомъ именно смыслѣ въ 1732 и 1733 гг. опубликованы были Высочайшіе манифесты, которыми объявлялось зарубежнымъ русскимъ людямъ и раскольникамъ, чтобы они безбояз-

ненно возвращались изъ Польши въ предѣлы Россіи, что государыня ихъ совершенно прощаетъ въ случаѣ добровольнаго возвращенія.

Нельзя сказать, чтобы эти обратные перезывы русскихъ людей, выселившихся въ Польшу, были совершенно безрезультатны, какъ не рѣдко утверждалось и утверждается въ нашей исторической литературѣ (Соловьевъ и др.). Въ дѣлахъ переселенческихъ, хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, намъ удалось отыскать довольно обширную вѣдомость по 1-е іюля 1734 г., къ сожалѣнію только не вполнѣ сохранившуюся, о возвратившихся изъ за Польскаго рубежа черезъ форпосты Переяславскаго полка великороссійскихъ людяхъ, въ числѣ которыхъ едва ли не большинство было раскольниковъ. Вѣдомость эта была составлена въ Переяславской полковой канцеляріи, по требованію Кіевской Губернской канцеляріи, и озаглавлена канцеляристами послѣдней такъ: „Списки Переясловскіе и подлинные". Возвращающіеся изъ за рубежа русскіе люди раздѣлены здѣсь на слѣдующіе два разряда: а) на выходцевъ (съ семействами), родившихся въ Великороссіи; б, „на Польскихъ уроженцевъ, а отцы ихъ родились въ Великороссіи, а чьихъ помѣщиковъ и которыхъ губерней не вѣдаютъ". Къ первому разряду отнесено 567 семействъ, ко второму всего 89. Въ большинствѣ эти возвратившіеся изъ за рубежа русскіе люди были крестьяне, помѣщичьи (большая часть), монастырьскіе и дворцовые, въ меньшинствѣ посадскіе люди; были въ числѣ ихъ и „Сибирской губерніи, г. Тобольска казацкіе сыны", какъ и бывшіе стародубскіе слобожане. Послѣднихъ впрочемъ было не болѣе десяти семействъ. О времени своего бѣгства изъ Россіи эти выходцы показывали различно; на основаніи этихъ показаній можно сказать, что большинство изъ нихъ бѣжало въ первые 25 лѣтъ XVIII вѣка; бѣжавшихъ въ 1727—1730 г.г. было въ числѣ возвратившихся всего 15 семей; въ числѣ такъ называемыхъ здѣсь „польскихъ уроженцевъ" были и такіе, отцы и дѣды которыхъ вышли въ Польшу еще въ началѣ 80-хъ годовъ XVII в., начиная съ 1680 г. За Польскимъ рубежомъ эти выходцы жили главнымъ образомъ въ предѣлахъ Гомельскаго староства: въ Халчѣ, Вѣткѣ, Гомелѣ, Городнѣ и другихъ сосѣднихъ слободахъ, и были подданными пановъ Халицкаго, Красинскаго и др. Изъ 656 семей 76 было отправлено „чрезъ Переяславль на прежніи жилища", остальныя поселены при Украинской линіи. Были и другіе слу-

чаи возвращенія изъ за рубежа въ 1734 г. великороссійскихъ людей, на что есть не мало указаній въ связкахъ тѣхъ же переселенческихъ дѣлъ Кіевскаго Центральнаго архива; но все таки врядъ ли эти случаи возвращенія возмѣщали собою новые побѣги за рубежъ изъ внутреннихъ русскихъ областей, отъ тяжелыхъ податей и частыхъ рекрутскихъ наборовъ, такъ сильно обременявшихъ народъ въ царствованіе Анны Іоановны.

Въ 1734 г. зарубежнымъ русскимъ бѣглецамъ и раскольникамъ объявлялось снова неоднократно приглашеніе о возвращеніи въ отечество. Во всѣхъ указахъ по этому поводу и въ особенности въ указѣ отъ 2 го августа 1734 г. возвращеніе въ отечество мотивировалось душевной и тѣлесной гибелью бѣглецовъ, возможностью потерять за рубежомъ истинную православную греческую вѣру. Между прочимъ указывалось и на то, что Поляки обманываютъ бѣглыхъ русскихъ людей, удерживаютъ ихъ разными способами, разлучаютъ дѣтей отъ родителей, развозя въ разныя мѣста внутрь своей страны, а иныхъ грабятъ и до смерти побиваютъ, дабы тѣмъ къ возвращенію ихъ въ отечество не допустить, другихъ же разными способами къ побѣгамъ подговариваютъ [1]). И на эти призывы откликались русскіе люди.

16-го марта 1734 г. Кіевскому генералъ-губернатору графу фонъ-Вейсбаху данъ былъ Высочайшій указъ, которымъ позволялось выходящихъ изъ Польши бѣглыхъ русскихъ людей и крестьянъ, отдаленныхъ отъ прежнихъ своихъ жилищъ, селить на Украйнѣ, *по прошенію явившихся раскольщиковъ*, заявившихъ о своемъ желаніи "*жить со всякою вѣрностью*". Однако, не смотря на послѣднее заявленіе, русскимъ выходцамъ позволялось на Украйнѣ селиться только въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ они были бы подъ прикрытіемъ подлежащихъ форпостовъ и жилищъ и не могли бы снова уйти за границу, а земли имъ позволялось отвесть „изъ порозжихъ, находящихся не во владѣльческихъ дачахъ земляхъ", съ особеннаго каждый разъ разрѣшенія Кіевскаго генералъ-губернатора и правителя тогдашней Малороссіи князя А. И. Шаховскаго. 18 февраля 1735 г. сенатскимъ указомъ это распоряженіе о поселеніи русскихъ выходцевъ на Украйнѣ было снова подтверждено [2]).

---

[1]) П. С. З. №№ 6534, 6586, 6612, 6661.

[2]) Ibidem №№ 6555 и 6691.

Въ томъ же 1734 г. русское правительство рѣшилось и на наиболѣе радикальную мѣру къ возвращенію бѣглецовъ въ отечество изъ-за польскаго рубежа. Именно, 31-го іюля того года былъ Высочайше апробованъ министерскій докладъ объ общихъ мѣрахъ силою возвратить бѣглецовъ въ отечество изъ за польскаго рубежа, въ томъ числѣ и съ Вѣтки. Еще раньше того ко всѣмъ отправленнымъ въ то время въ Польшу командирамъ русскихъ войскъ посланы были указы, чтобы они всячески подъ рукою навѣдывались о россійскихъ бѣглецахъ, гдѣ и въ какихъ именно мѣстахъ они живутъ, и при томъ давалось знать, что если послѣдніе по публикованнымъ всемилостивѣйшимъ манифестамъ не возвратятся, то, чтобы при выходѣ русскихъ войскъ изъ Польши, они были выгнаны силою и выведены въ Россію. Теперь, согласно министерскому докладу, снова было подтверждено особыми указами тѣмъ же командирамъ, чтобъ они о тѣхъ бѣглецахъ всячески старались доподлинно развѣдать, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ и у кого больше они обрѣтаются, и въ томъ развѣдываніи съ крайнею осторожностью поступали, чтобъ бѣглецы о томъ не могли дознаться и разойтись въ разныя мѣста внутрь Польши и къ Турецкой границѣ. По намѣченному плану дѣйствій предполагалось всѣхъ русскихъ бѣглецовъ, находящихся въ Польшѣ и Литвѣ, съ женами и дѣтьми и со всѣмъ ихъ имѣніемъ вывести единовременно, при возвращеніи русскихъ войскъ изъ предѣловъ Польши. Въ то время въ Польшѣ находились два корпуса русскихъ войскъ; одинъ изъ нихъ стоялъ въ Литвѣ, другой—на Волыни; первый долженъ былъ выводить бѣглецовъ къ Ригѣ и Смоленску, второй—къ Кіеву и другимъ тамошнимъ мѣстамъ по способности. Волынскому русскому корпусу поручалось захватить тѣхъ русскихъ бѣглецовъ, которые поселились въ Волынскомъ Полѣсьи, а равно и тѣхъ, которые жили между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Относительно собственно Вѣтковскихъ раскольниковъ предполагались иныя мѣры. На Вѣтку и въ другія не подалеку отъ нея находившіяся русскія раскольничьи слободы проектировалось отправить особую команду, независимо отъ находившихъ въ Польшѣ русскихъ войскъ, отъ Кіевскаго генералъ-губернатора Вейсбаха: „понеже другія войска отъ нихъ обрѣтаются въ дальнемъ разстояніи“. Эта послѣдняя команда должна была открыть свои дѣйствія нѣсколько раньше выхода изъ Польши россійскихъ войскъ, въ виду близости къ русской границѣ Вѣтковскихъ слободъ. По

собраннымъ въ то время сенатомъ свѣдѣніямъ, общее количество русскихъ поселенцевъ—раскольниковъ на Вѣткѣ и въ другихъ близъ ея находившихся слободахъ опредѣлялось въ нѣсколько тысячъ дворовъ. Прежде открытія дѣйствій противъ Вѣтковскихъ раскольниковъ, Кіевскому генералъ-губернатору поручалось „подъ рукою въ томъ надлежащее учрежденіе и предуготовленіе учинить, и къ тѣмъ мѣстамъ подъ другими претексты полкамъ приближаться такимъ образомъ, чтобъ оныя всѣ мѣста, въ которыхъ тѣ бѣглецы жилища имѣютъ, вдругъ войсками окружены и они забраны и выведены были въ Россійскую сторону.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствующей командѣ поручалось, прежде вывода съ Вѣтки раскольниковъ, совершенно разорить ихъ заграничныя жилища, чтобы имъ впредь прибѣжища къ поселенію не было, А бѣглецовъ предписывалось забирать „съ женами ихъ и съ дѣтьми и со всѣми пожитками, и со скотомъ и съ хлѣбомъ, сколько на ихъ лошадяхъ поднять будетъ можно,“ и по приведеніи въ русскіе города ихъ переписать, „чьихъ они вотчинъ и которыхъ уѣздовъ и сколь давно бѣжали [1]).

Явилось и другое обстоятельство, обратившее въ то время вниманіе русскаго правительства на зарубежныхъ раскольниковъ. Какъ разъ именно въ то время осуществилась давняя мысль русскихъ старообрядцевъ—образовать у себя іерархическое устройство съ епископомъ во главѣ, болѣе прочно и согласно съ каноническими постановленіями устроиться въ церковномъ отношеніи. Во второй половинѣ 1733 г. явился на Вѣткѣ старообрядческій епископъ въ лицѣ извѣстнаго Кіевскаго іеромонаха Епифанія Ревуцкаго, природнаго малороссіянина, и былъ тамъ торжественно принятъ и „на архіерейское дѣйство опредѣленъ“. Первое извѣстіе о Епифаніи какъ старообрядческомъ епископѣ было получено въ іюлѣ слѣдующаго 1734 г. кіевскимъ архіепископомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, который и донесъ о томъ св. Синоду. Послѣдній, не имѣя возможности своими средствами уничтожить во всякомъ случаѣ вредную для православной церкви попытку старообрядцевъ, обратился за содѣйствіемъ къ Военной коллегіи съ такимъ предложеніемъ: „не повелитъ ли она обрѣтающемуся при Гданскѣ корпусу, при возвращеніи его въ Россію, маршируя по

[1]) Ibidem № 6609.

способности, помянутаго старца Епифанія въ означенномъ селѣ Вѣткѣ взять и въ св. Синодъ привести". Въ свою очередь Военная коллегія сообщила просьбу Синода Кабинету, который и отвѣтилъ, что Вѣтка находится въ дальнемъ разстояніи отъ пути слѣдованія корпуса, а потому большую команду послать туда трудно, малую же опасно; „ибо таможніе жители могутъ за того старца стоять и командѣ весьма противиться" [1]). Такъ отвѣчалъ Кабинетъ на предложеніе св. Синода Военной Коллегіи, не упомянувъ ни однимъ словомъ о мѣрахъ уже выработанныхъ и Высочайше апробованныхъ противъ зарубежныхъ раскольниковъ.

Между тѣмъ дѣло о выселеніи силою изъ-за польскаго рубежа русскихъ бѣглецовъ и раскольниковъ, съ Вѣтки и сосѣднихъ съ нею слободъ, шло своимъ порядкомъ и приближалось къ развязкѣ. Въ началѣ 1735 г. было приступлено и къ фактическому его осуществленію, согласно вышеизложенному министерскому докладу. Въ то время Польша была такъ слаба, что ближайшіе ея сосѣди не считали нужнымъ въ подобныхъ случаяхъ съ ней церемониться и входить въ какія либо дипломатическія сношенія. Такой методъ дѣйствій со стороны Россіи по отношенію къ Польшѣ былъ намѣченъ уже при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго.

Еще Ягужинскій, младшій изъ дипломатовъ петровскаго времени, посланный при Екатеринѣ I въ Польшу на Гродненскій сеймъ 1726 г., писалъ Макарову отъ 7-го января 1726 г., что съ Поляками въ пограничныхъ дѣлахъ, въ особенности по вопросу о бѣглыхъ, нужно дѣйствовать „силою", какъ „поступаетъ съ ними Цезарь: если Поляки не дадутъ удовлетворенія за пограничныя обиды, то онъ пошлетъ полкъ или два въ тѣ мѣста, гдѣ была сдѣлана обида, и сдѣлаетъ самъ себѣ удовлетвореніе; не теперь, а со временемъ не миновать и съ нашей стороны того же". Указывая далѣе на тогдашнія пограничныя ссоры съ Польшей изъ-за бѣглыхъ русскихъ людей и крестьянъ, солдатъ и раскольщиковъ, тотъ же дипломатъ писалъ: „князь Иванъ Юрьевичъ (Трубецкой, тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ) пишетъ ко мнѣ изъ Кіева, чтобы я жаловался здѣсь на тамошнія обиды, которыя становятся нестерпимы; но здѣсь жалобами можно достигнуть только того, что назначатъ

---

[1]) Опис. док. и д., хран. въ арх. Св. Синода т. IV, ст. 595.

коммиссаровъ для развода пограничныхъ ссоръ, а когда съѣдутся—Богъ вѣсть; а между тѣмъ обиды дѣлаются по прежнему. Къ тому же *въ нашихъ пограничныхъ дѣлахъ заинтересованъ каждый шляхтичъ, ибо наши бѣглые русскіе люди почти у каждаго есть*, и церквей греческаго исповѣданія множество въ шляхетскихъ имѣніяхъ: то кто заставитъ ихъ добровольно выдать бѣглыхъ? По неволѣ надобно будетъ послѣдовать примѣру Цезаря". Позже туже мысль болѣе энергично и настойчиво высказывалъ и графъ М. Г. Головкинъ. Въ самомъ началѣ 1735 г., по поводу одного проекта о внутреннемъ благоустройствѣ государства, который былъ поданъ императрицѣ и отданъ на разсмотрѣніе кабинетъ-министровъ, графъ Головкинъ писалъ, что въ Польшѣ, по близости отъ русскихъ границъ, многіе шляхтичи въ своихъ земляхъ публикуютъ съ барабаннымъ боемъ, чтобы русскіе шли къ нимъ въ подданство и обѣщаютъ имъ многія льготы и подговариваютъ многихъ къ себѣ...; видя ихъ ласковый привѣтъ, многіе идутъ за границу и селятся, получая льготы на большое число лѣтъ. Поэтому надобно послать туда значительное войско и велѣть не только бѣглецовъ возвратить, но и польскихъ подданныхъ забравъ перевести на Царицынскую линію"…. Трудно было воспользоваться примѣромъ Цезаря въ царствованія Екатерины I и Петра II, кратковременныя и довольно неустойчивыя, чтобы заниматься такого рада рискованными предпріятіями; за то политическія обстоятельства благопріятно измѣнились для правительства Анны Іоановны: въ началѣ 1733 г. умеръ польскій король Августъ II, и начались обычные шляхетскіе рокоши и усобицы въ Рѣчи Посполитой, по случаю избранія новаго короля. Россія и Австрія дѣйствуя за одно, хотѣли видѣть преемникомъ сына его, Августа III, курфирста Саксонскаго, который обѣщалъ русскому правительству дѣйствовать согласно съ нимъ относительно Курляндіи и стараться о томъ, чтобы Польша отказалась отъ своихъ притязаній на Лифляндію. Противникомъ Августа былъ старый соперникъ отца его, Станиславъ Лещинскій, который, вслѣдствіе брака своей дочери Маріи съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV, поддерживался теперь Франціей. Саксонская партія одержала верхъ и провозгласила королемъ Августа только тогда, когда русскія войска подъ предводительствомъ фельдмаршала Ласси вступили въ Польшу, и остались тамъ хозяйничать на нѣсколько лѣтъ, именно до половины 1736 г. Въ это-то время

и явилась возможность послѣдовать примѣру Цезаря и сыскивать посредствомъ вступившихъ въ Польшу русскихъ войскъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, какъ православныхъ такъ и раскольниковъ, и возвращать ихъ въ Россію на прежнія мѣста жительства. Для сыска и возвращенія этихъ бѣглецовъ были организованы особыя команды, на которыя потомъ посылалась со стороны польско-литовскаго шляхетства масса „великихъ жалобъ", какъ и на „самовольные и продерзостные поступки" россійскихъ дворянъ, близъ границы жившихъ, которыя пріѣзжали въ шляхетскія маетности и раззоряли ихъ имѣнія, „якобы за отставшие пожитки крестьянъ ихъ, которые у нихъ отобраны и высланы въ Россію [1])"...

Въ самомъ началѣ 1735 г., по распоряженію Кіевскаго генералъ-губернатора графа фонъ Вейсбаха, организованъ былъ особый военный отрядъ, состоящій изъ пяти полковъ; драгунскаго Азовскаго полка, двухъ казацкихъ и двухъ тысячныхъ: Стародубскаго и Черниговскаго. Цѣль дѣйствій этого отряда состояла въ томъ, чтобы „очистить Вѣтку" и сосѣднія съ нею слободы, населенныя великороссійскими бѣглыми людьми, преимущественно раскольниками. Начальство надъ этимъ военнымъ отрядомъ было поручено полковнику Азовскаго драгунскаго полка Якову Григорьевичу Сытину, стоявшему съ своимъ полкомъ въ Стародубѣ. Полковникъ Сытинъ не былъ новичкомъ въ исполненіи такого рода порученій. Еще въ 1728 г., въ качествѣ подполковника Нарвскаго драгунскаго полка, онъ искоренялъ въ Пензенской провинціи и сосѣднихъ съ нею мѣстахъ „воровскія компаніи и пристани набродныхъ людей" и высылалъ ихъ на прежнія жилища [2]). Въ концѣ февраля того

[1]) Дѣла польскія 1726—1727 гг. Кабинетъ I, кн. № 259. Соловьевъ, Ист. Рос. XIX, 57; XX, 193, ср. 209. П. С. З. X., № 6982. См. копіи съ указовъ 1739 г., отправленныхъ изъ Кабинета генералъ-маіору и смоленскому губернатору Бутурлину. Между прочимъ россійскія команды обвинялись въ томъ, что дѣлали наѣзды на города, мѣстечки и деревни, ловили мужиковъ, били батогами и вязали, за выкупъ освобождали и пр. О планахъ и дѣйствіяхъ Россіи относительно Польши см. въ донесеніяхъ франц. повѣреннаго Маньяна къ Шовелену и отвѣтныя депеши послѣдняго. Сб. имп. рус. ист. общ. т. 81, стр. 548—552, 556, 558, 562 и др.

[2]) Сборн. Импер. рус. истор. общ. Спб. 1892 г. т. 79. Протоколы, журнал. и указы. верховнаго тайнаго совѣта (1728 г.) т. V, стр. 547—549.

же 1735 г. полковникъ Сытинъ приступилъ къ выполненію возложеннаго на него порученія относительно выгонки Вѣтковскихъ раскольниковъ, и перешелъ Польскую границу. Полки Сытина со всѣхъ окружныхъ мѣстъ двинулись къ Вѣткѣ и другимъ близъ находящимся раскольничьимъ слободамъ, положеніе которыхъ было ему хорошо извѣстно по собраннымъ о нихъ напередъ свѣдѣніямъ. Чтобы замаскировать настоящую цѣль, внезапно и разомъ захватить всѣхъ слобожанъ безъ изъятія, былъ нарочно невѣрно объявленъ солдатамъ походъ въ Бѣлую Церковь, чтобъ они раньше времени не разболтали настоящей цѣли похода. Хитрость удалась; Вѣтковскіе слобожане даже и не догадывались, что опасность для нихъ близка и неизбѣжна. Вѣтка дѣйствительно была окружена внезапно, и слобожане, захваченные въ расплохъ, не оказали и не могли оказать никакого сопротивленія; къ церкви Вѣтковскаго Покровскаго монастыря былъ приставленъ немедленно военный караулъ, какъ и къ кельямъ Вѣтковскихъ старцовъ. По словамъ Іоны Курносаго только одному Епифанію предоставлена была нѣкоторая свобода, и съ нимъ будто бы обращались на первыхъ порахъ какъ съ дѣйствительнымъ епископомъ; мало того, по тому же свидѣтельству, при первой встрѣчѣ даже якобы самъ полковникъ Сытинъ подошелъ къ Епифанію подъ благословеніе и ободрилъ пораженнаго внезапностію событія старообрядческаго епископа милостію Русской императрицы. Осмотрѣвъ затѣмъ монастырскую раскольничью церковь, начальникъ отряда приказалъ выносить изъ пей книги и записывать число ихъ, а также собравъ ризы, сосуды, приказалъ снять съ колокольни колокола и потомъ запечатать церковь. Всему Вѣтковковскому церковному имуществу тогда-же составлена была весьма обстоятельная вѣдомость, приведенная нами выше, изъ которой мы узнаемъ какъ внѣшнее и внутреннее устройство Вѣтковской церкви, такъ и ея богатства въ церковной утвари, книгахъ, иконахъ и пр. Точно такимъ-же образомъ осмотрѣны и всѣ остальныя раскольничьи жилища, слободы, скиты, монастыри и разсыпанныя по всѣмъ тамошнимъ мѣстамъ кельи. Согласно данной Сытину инструкціи, дома Вѣтковскихъ слобожанъ были сожжены какъ и монастырскіе постройки, за исключеніемъ самой церкви, которую Вѣтковцамъ позволено было перевести въ сосѣднія съ Вѣткой стародубскія описныя раскольничьи слободы. По словамъ протоіерея Журавлева, церковь

эта, срубленная изъ дубовыхъ бревенъ, съ позволенія начальника отряда, была разобрана и по просьбѣ раскольниковъ перевезена частію плотами, по рѣкѣ Сожу, частію на лошадяхъ, въ стародубскую слободу Свяцкую; но болѣе крупныя дубовыя части пущенныя плотами, потонули безъ остатка въ рѣкѣ, а мелкія, хотя и достигли цѣли своего назначенія и были сложены около упомянутой слободы, обращены въ пепелъ во время разразившейся грозы. Изъ перевезенныхъ въ Свяцкую частей Вѣтковской церкви уцѣлѣли только царскіе врата, боковыя двери и четыре иконы, находившіяся потомъ въ Свяцкой поповщинской часовнѣ. Съ тѣхъ поръ слобода Свяцкая сдѣлалась роднымъ дѣтищемъ Вѣтки и оттуда потомъ всегда получала бѣглыхъ поповъ, слѣпо повинуясь во всемъ Вѣтковскимъ уставамъ. Всего выведено было полковникомъ Сытиномъ съ Вѣтки, какъ и изъ другихъ сосѣднихъ въ нею раскольничьихъ слободъ, по вполнѣ точнымъ и оффиціальнымъ даннымъ, именно по табели секундъ—маіора князя Мещерскаго, хранящейся теперь въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ, 13234 челов. того и другаго пола, а не „сорокъ тысячъ народа,“ какъ категорически и настойчиво утверждалъ П. И. Мельниковъ и другіе историки раскола, рабски слѣдовавшіе указаніямъ протоіерея Журавлева. По вѣдомостямъ Камеръ-коллегіи выселенныхъ съ Вѣтки послѣ раззоренія ея въ 1735 г. насчитывалось только 13208 чел., именно муж. п. 7213, ж. п. 5995 [1]). Такъ совершилась первая Вѣтковская выгонка.

---

[1]) М. А. М. Ю. Дѣла Раск. Кон., в. 31, л. 35. Нечаевъ, В. В. Раскольнич. контор., (1725—1764), стр. 13—14. Харьк. ист. Арх., № 24395. Дѣло о высланныхъ раскольникахъ изъ-за польскаго рубежа 1742 г., по требованію Конторы раскольничьихъ дѣлъ. Опис. акт. арх. Маркевича, относ. къ ист. Стародуб. скитовъ. Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1884 г., кн. 2, стр. 5—7. Журавлевъ: Полн. ист. извѣст. о раск. ч. III, стр. 42—43. Мельниковъ: Оч. поповщ. ч. I, стр. 146. Поляки число захваченныхъ въ то время вообще бѣглыхъ русскихъ людей въ Польшѣ и Литвѣ возводили до 60 тыс. Въ книгѣ 192 Пограничной Кіевскаго центральнаго архива, л. 6, отъ 1742 г., между прочимъ высказывается такая жалоба: Teraz świżo w ostatnią resolucyą W. X. Litewskiego panstwa uskarzatosię na seymie, ze pod pretextem filipowców, więcey jak na szesedziesiąt tysięcy dusz do panstwa Rossyskiego zabrano y nieoddano, o ktorych oddaniu upraszamy.

Выведеніе раскольниковъ съ Вѣтки въ ближайшіе предѣлы Малороссіи, перепись и разсылка ихъ по внутреннимъ областямъ государства продолжались болѣе года, для чего составлена была особая коммиссія изъ военныхъ чиновъ въ Новгородсѣверскѣ. Не мало хлопотъ и канцелярской переписки для мѣстнаго начальства было и въ этомъ случаѣ. Кромѣ заботъ о продовольствіи тринадцатитысячной раскольничьей толпы, мѣстныя великорусскія власти засыпаны были прошеніями Вѣтковцевъ, не желавшихъ возвращаться на прежнія мѣста жительства и большею частію подъ власть своихъ прежнихъ помѣщиковъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это были бѣглые помѣщичьи крестьяне, за исключеніемъ сравнительно не многихъ посадскихъ, бывшихъ церковниковъ и монаховъ. Прежде всего Вѣтковскіе пустынножители, бывшій монастырскій казначей Павелъ съ товарищи, въ прошеніи на имя генералъ-лейтенанта, тогдашняго правителя Малороссіи, князя А. И. Шаховскаго, просили „опредѣлить ихъ въ пустынное жительство въ Малой Россіи въ Стародубскомъ полку при описныхъ слободахъ, гдѣ прозывается старое мѣстечко Городище", гдѣ гораздо раньше первой Вѣтковской выгонки устроенъ былъ „скитокъ старцевъ", упоминаемый въ жалобѣ Тростанцевъ 1732 г. на Городищенского раскольника Константина за захватъ земли. Между прочимъ въ прошеніи, конечно не искренно, монахи-раскольники писали, что по публикованнымъ указамъ изъ села Вѣтки за одержаніемъ владѣльцовъ и своею простотою въ 1733 г. выѣхать не успѣли. Въ свою очередь, князь Шаховской, представляя это прошеніе на благоусмотрѣніе Сената, предлагалъ селить Вѣтковскихъ раскольниковъ если и въ Малой Россіи, то все таки поближе къ великороссійскимъ городамъ. Просьба казначея Павла съ товарищами, мотивированная между прочимъ и тѣмъ, что само правительство въ своихъ манифестахъ обѣщало селить выходящихъ изъ-за рубежа раскольниковъ въ описныхъ слободахъ, не имѣла успѣха; Сенатъ объяснялъ выраженное въ манифестахъ обѣщаніе просто лишь тѣмъ, что оно было высказано не болѣе какъ „для приласканія ихъ къ выходу". Въ представленіи въ Сенатъ, отъ 20-го іюня 1835 г., князь Шаховской между прочимъ болѣе категорично высказался за отводъ земель

для поселенія выведенныхъ съ Вѣтки раскольниковъ при Украинской линіи [1]). Кіевскій генералъ-губернаторъ графъ фонъ-Вейсбахъ, согласно Высочайшему указу, отъ 16-го марта 1734 г., предлагалъ селить и селилъ самымъ дѣломъ по прошенію выведенныхъ съ Вѣтки раскольниковъ въ Стародубскомъ полку и при Украинской линіи; но въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при поселеніи раскольниковъ при Украинской линіи, онъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны главнаго слободскаго военнаго командира генералъ-маіора Алексѣя Ивановича Тараканова, находившаго болѣе удобнымъ „оныхъ раскольниковъ отъ согласниковъ ихъ ереси Донскихъ козаковъ отвесть внутрь Россіи подальше", чтобы не усиливать и безъ того здѣсь прочно утвердившійся расколъ. Мнѣніе генералъ-маіора Тараканова принято было потомъ и Сенатомъ, какъ въ виду возможности устроить на границахъ государства такое же убѣжище для раскола, какое было у раскольниковъ на Вѣткѣ, такъ и въ виду возможности новаго перехода границы по примѣрѣ ушедшихъ въ „предыдущіе годы великомъ числомъ" въ Турцію раскольниковъ, извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ Игнатъ-козаковъ или Некрасовцевъ. Противъ поселенія раскольниковъ при Украинской линіи высказывалось сенатомъ и то соображеніе, что она устроена для защиты и обороны государства отъ непріятеля, а отъ раскольниковъ „не токмо обороны, но паче всякой противности опасаться надлежитъ"; что поселившись при указанной линіи, раскольники могли также совращать въ расколъ людей изъ ландмилиціи и къ расколу приводить. Однако на первыхъ порахъ изъ общаго числа выселенныхъ изъ-за Польскаго рубежа раскольниковъ, по ордерамъ генералъ-аншефа графа фонъ-Вейсбаха, было отпущено на жительство въ Малороссійскія раскольничьи слободы: мужчинъ 44, женщинъ 39; да по ордерамъ правителя Малороссіи графа Шаховскаго туда же отпущено 16 м. и 15 ж. Есть также извѣстіе, что Вѣтковскихъ раскольниковъ въ то время селили и не въ однихъ только Малороссійскихъ раскольничьихъ слободахъ, а наприм. въ Батуринѣ, Глуховскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстахъ бывшаго Нѣжинскаго полка, какъ это можно заключать изъ указа по епархіи Кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовского, отъ 24-го апрѣля 1739 г., о томъ, какъ посту-

[1]) П. С. З. IX, № 6802, стр. 572—575. Опис. акт. арх. Маркевича, № 16. Лазаревскій, А. М. Опис. ст. Малор. 1, стр. 454.

пать съ переведенными съ Вѣтки раскольниками и поселенными въ Батуринѣ, Глуховскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстахъ, чтобы православнымъ христіанамъ поврежденія отъ нихъ въ вѣрѣ не было [1]). Но все это были еще частныя мѣры мѣстныхъ властей, хотя и имѣвшія свое основаніе въ предшествующихъ распоряженіяхъ центральнаго правительства.

---

[1]) П. С. З. IX, № 6802, стр. 572—575. О поселеніи выведенныхъ съ Вѣтки раскольниковъ въ Малороссіи, въ Стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ и при Украинской линіи встрѣчаются указанія въ дѣлахъ о колонизаціи, Кіев. центр. арх. Между прочимъ присланные въ 1757 г. въ Кіевск. губерн. канцелярію съ Васильковскаго форпоста раскольники Алексѣй Антоновъ Рымарь и Ипатъ Дмитріевъ, отцы которыхъ вышли изъ Владимірскаго у. и были крестьянами Троицы Сергіева монастыря, показали, что они съ ихъ отцами по выгонкѣ съ Вѣтки высланы были на Украинскую линію въ Донецкую крѣпость, а оттуда перешли сначала въ слободу Климову, а потомъ снова на Вѣтку. См. также Х. И. А. Д. М. № 24395. Опис. рки. Черн. дух. сем. Спб. 1880. Стр. 103. За Донскими раскольниками зорко послѣ Булавинскаго бунта слѣдило правительство гражданское и духовное какъ во время Петра I, такъ и послѣ него. 8-го марта 1718 г. генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ писалъ м. Стефану: «Извѣстно-де Царскому Величеству, что въ казачьихъ донскихъ городкахъ при церквахъ, монастыряхъ и часовняхъ во многихъ мѣстахъ есть, укрываючись отъ воровства, растриженные и непосвященные старцы и попы, и чинятъ многіе расколы и возмущенія, а иные перешли къ вору Некрасову на Кубань»... П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. VII, № 2450, стр. 273. Въ 1732 г. архіеп. Бѣлогородскій и Обоянскій Досиѳей доносилъ св. Синоду, что въ городахъ— «Курскѣ, въ Обояни, въ Чугуевѣ, въ Яблоновѣ и въ прочихъ такожъ, и въ городахъ и въ селахъ по Дону и прочимъ рѣкамъ имѣется премногое число раскольническихъ учителей и раскольниковъ, противящихся церкви святѣй, которые де лживымъ раскольнической прелести ученіемъ простого народа людей и донынѣ приводятъ множество къ подобному заблужденію, и живутъ тайно и явно въ домахъ и въ лѣсахъ... И тѣ де самозванные ихъ учители—простые мужики—имѣютъ всякую священническую отправу въ самой должности: перекрещиваютъ, постригаютъ, вѣнчаютъ, причащаютъ, погребеніе чинятъ, и содержатъ при себѣ постригши якобы черницъ и бабъ и дѣвокъ и отъ нихъ родившихся крестятъ и прочіе непотребства чинятъ»... М. А. М. Ю. Кн. прав. Сен. по св. Син. № $\frac{19}{781}$. П. с. п. и пр. по в. пр. исп. VII № 2626.

Вопросъ о разселеніи выведенныхъ съ Вѣтки раскольниковъ долго занималъ и центральное правительство, гражданское и духовное. Прежде всего этотъ вопросъ былъ предметомъ сенатскаго обсужденія, по которому и сдѣлано было такое предварительное постановленіе: раскольническихъ иноковъ и инокинь размѣстить по православнымъ мужскимъ и женскимъ монастырямъ, бѣльцовъ же и мірянъ разослать по мѣстамъ ихъ прежнихъ жительствъ, если таковыя будутъ указаны, въ противномъ случаѣ предполагалось или отдавать ихъ просто помѣщикамъ, или отсылать ихъ въ Ингерманландію на подлежащія работы. Но для приведенія въ исполненіе этого сенатскаго постановленія во всей его совокупности невозможно было обойтись безъ согласія св. Синода, которому поэтому и предложено было войти въ подлежащее обсужденіе этого вопроса, насколько онъ касался интересовъ духовнаго вѣдомства. Св. Синодъ и съ своей стороны находилъ возможнымъ размѣстить Вѣтковскихъ чернецовъ и черницъ по соотвѣтствующимъ православнымъ монастырямъ, такъ какъ мѣра эта практиковалась неоднократно и раньше того, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на разныя весьма существенныя затрудненія, главнымъ образомъ хозяйственнаго характера, а именно: чѣмъ кормить въ монастыряхъ этихъ новыхъ насельниковъ, когда и безъ того многіе монастыри жили впроголодь, особенно послѣ того, какъ на монашескія порціи стали опредѣлять разнаго рода инвалидовъ? По соображеніямъ синодальныхъ членовъ этотъ хозяйственный вопросъ предрѣшался такимъ образомъ: раскольническихъ монаховъ и монахинь можно кормить монастырямъ только „изъ убылыхъ монашескихъ порцій", если таковыя окажутся, въ противномъ же случаѣ, за бѣдностію монастырей и недостаткомъ убылыхъ монашескихъ порцій, средства на прокормленіе ихъ должны быть выдаваемы изъ суммъ Коллегіи Экономіи, вѣдавшей доходами монастырскихъ имѣній. Было при этомъ св. Синодомъ сдѣлано и другое болѣе радикальное предложеніе, по которому всѣхъ выведенныхъ изъ-за рубежа чернецовъ и черницъ слѣдовало разстричь и записать въ двойной окладъ, какъ простыхъ мірянъ; при практическомъ же неудобствѣ этой послѣдней мѣры предлагалось расписать ихъ на половинныя монашескія порціи, выставляя имъ при увѣщаніяхъ на видъ, что и они могутъ пользоваться полнымъ монастырскимъ содержаніемъ, если искренно снова обратятся въ православіе и сдѣлаются сынами церкви. По вопросу о томъ, на какія средства

разсылать раскольниковъ со всѣми ихъ пожитками на прежнія жилища, если они будутъ указаны, или въ Ингерманландію, если не будетъ сдѣлано этихъ указаній, сенатъ предлагалъ: брать эти средства съ тѣхъ помѣщиковъ и духовныхъ властей, чьи они были люди и крестьяне. Св. Синодъ находилъ это сенатское предложеніе несправедливымъ, такъ какъ помѣщики и безъ того уже претерпѣли убытки отъ бѣгства своихъ крѣпостныхъ людей, за которыхъ они при томъ еще платили подати, а „иные отъ духовныхъ властей находятся и сами въ содержаніи своемъ недовольные", и предлагалъ за средствами обратиться къ государственной казнѣ. Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ согласился потомъ и Сенатъ, какъ и съ другими соображеніями членовъ св. Синода меньшей важности. Вскорѣ затѣмъ Сенатъ, по соглашенію съ св. Синодомъ, указомъ отъ 4-го сентября 1735 г. сдѣлалъ такое общее распоряженіе о размѣщеніи выведенныхъ съ Вѣтки и другихъ мѣстъ раскольниковъ внутри Россіи: раскольничьихъ монаховъ и монахинь и прочихъ пустынножителей разослать подъ карауломъ по разнымъ монастырямъ внутри Россіи, пожитки ихъ отобрать и содержать въ добромъ смотрѣніи; мірскихъ же раскольниковъ отослать со всѣми ихъ пожитками на прежнія жилища, а кои прежнихъ жилищъ своихъ не упомнятъ, тѣхъ всѣхъ отослать въ С.-Петербургъ для поселенія въ Ингерманландіи. Любопытны подробности этой правительственной мѣры: монаховъ и монахинь предписывается размѣстить въ каждомъ монастырѣ по два или по три человѣка, содержать ихъ здѣсь въ особыхъ кельяхъ—въ мирскомъ, а не въ монашескомъ платьѣ, притомъ близъ властительскихъ келій, такъ чтобы не только сами власти, но и прочіе монахи и монахини и даже монастырскіе служители надъ ними всегда наблюдать могли; изъ тѣхъ келій ихъ не выпускать и къ нимъ никого не допускать, а пищу имъ давать изъ убылыхъ монашескихъ и монахинскихъ порцій, двумъ персонамъ одну или полторы порціи, и, какъ можно, увѣщевать ихъ и склонять къ соединенію съ правовѣрными, обнадежа ихъ, что если они отъ того расколу обратятся, то содержимы будутъ такъ, какъ и другіе тѣхъ монастырей монахи. А кто дѣйствительно пожелаетъ быть въ монашествѣ, такихъ по усмотрѣнію постригать вновь, а далече однакоже за монастырь не выпускать, непреклонныхъ же къ обращенію и соединенію съ церковію употреблять на монастырскія работы.

А куда разосланы будутъ мірскіе раскольщики, за ними „накрѣпко смотрѣть въ посадѣхъ бурмистрамъ и всѣмъ гражданамъ, въ дворцовыхъ, государственныхъ и монастырскихъ волостяхъ управителямъ, прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ, дабы они правовѣрныхъ не склоняли, а ихъ самихъ всякими способами увѣщевать къ обращенію, обнадеживая ихъ облегченіемъ податей". А чтобы расколъ въ мѣстахъ разселенія Вѣтковскихъ раскольниковъ не распространялся и не пріобрѣталъ себѣ новыхъ послѣдователей, повелѣвалось „прежде той ихъ въ прежнія мѣста разсылки и тамъ объявленія, всякими удобными способы развѣдывать, кто между ними есть наставники и учители, показывая, будто того желаютъ вѣдать для опредѣленія ихъ къ нимъ раскольникамъ по прежнему, и какъ о нихъ о всѣхъ развѣдано будетъ, тогда тѣхъ наставниковъ и учителей всѣхъ брать подъ крѣпкій караулъ и писать въ сенатъ и синодъ". Міряне—раскольники, какъ и раскольническіе монахи и монахини, должны были разсылаться по этому сенатскому распоряженію на счетъ казны, при чемъ каждая семья получала на пропитаніе провіанта по осьминѣ на мѣсяцъ и крупъ по пропорціи, многосемейнымъ людямъ дѣлалась однако прибавка „по разсмотрѣнію" на счетъ тѣхъ помѣщиковъ, чьи они были люди и крестьяне. Въ такомъ смыслѣ и состоялся 5-го ноября 1735 г. сенатскій указъ за подписью Миниха на имя правителя Малороссіи князя Шаховскаго—о размѣщеніи выведенныхъ съ Вѣтки и другихъ мѣстъ раскольниковъ внутри Россіи. Тогда же было предписано: церковную утварь, книги и иконы, отобранныя у раскольниковъ и написанныя „по ихъ раскольническому суемудрію", отослать въ Св. Синодъ, причемъ иконы и утварь по исправленіи, въ силу указа отъ 17-го марта 1730 г., повелѣвалось обращать въ убогіе монастыри и въ недостаточныя ружныя и малоприходныя церкви [1]).

Согласно указанному сенатскому распоряженію, выведенныхъ изъ-за польскаго рубежа Вѣтковскихъ раскольниковъ и стали размѣщать изъ Новгородсѣверска—монаховъ и монахинь по православнымъ монастырямъ, мірянъ—по мѣстамъ ихъ прежнихъ

[1]) П. С. З. №№ 6802 и 7521. Собр. пост. по раск. 1, стр. 238. 263—268, 273—280, 283—302, 311 и др. Опис. акт. арх. Маркевича о Стародуб. скит. стр. 5.

жительствъ, а не указавшихъ послѣднихъ отправлять въ Ингерманландію и пр.

Нижеприводимыя цифровыя данныя объ этомъ размѣщеніи заимствованы нами изъ сохранившихся частію дѣлъ въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ бывшей Глуховской министерской канцеляріи, относящихся къ первой Вѣтковской выгонкѣ, и изъ дѣла той же канцеляріи 1742 г. по требованію Конторы раскольничьихъ дѣлъ, о томъ, всѣ ли выведенные съ Вѣтки раскольники приняты на прежнія ихъ жилища, кѣмъ и въ которыхъ мѣсяцахъ и числахъ. На основаніи заключающихся здѣсь данныхъ дѣло о размѣщеніи выведенныхъ съ Вѣтки раскольниковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего оказавшіеся въ числѣ выведенныхъ съ Вѣтки и другихъ мѣстъ бѣглые солдаты и рекруты были отданы въ Азовскій драгунскій полкъ, всего 18 человѣкъ; 8 человѣкъ были отосланы въ Черниговскую и Стародубскую полковыя канцеляріи для розысковъ по дѣламъ о разныхъ до нихъ касающихся воровствахъ и т. п., въ томъ числѣ одна женщина. Затѣмъ, на прежнія мѣста жительствъ, въ разные города и мѣстности Россійской имперіи въ 17 пріемовъ было отправлено 9911 чел., въ томъ числѣ мужчинъ 5590, женщинъ 4321. Тѣ же, которые при допросахъ въ Новгородсѣверской коммиссіи подъ предсѣдательствомъ секундъ-маіора князя Мещерскаго заявили о себѣ, что они люди „Польской" или „Шведской націи", или назвались „малороссійскими жителями", но „у которыхъ жены великороссійскія", а также и назвавшіеся „малороссійскими жителями Донскихъ городковъ" и непомнящіе прежнихъ мѣстожительствъ, по опредѣленію князя Шаховскаго, отъ 16-го декабря 1735 г., согласно вышеприведенному сенатскому указу, отправлялись „за конвоемъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію для посылки по тракту отъ города до города въ С.-Петербургъ для поселенія въ Ингерманландіи". Въ послѣднюю по реестру князя Мещерскаго 1736 г. отослано было 626 чел., да кромѣ того еще въ разные великороссійскіе города 41 чел. Кромѣ того въ теченіе годовой разборки изъ общаго числа выведенныхъ съ Вѣтки раскольниковъ „убыло" 3323 д., въ томъ числѣ померло 2820 душъ: мужчинъ 1517, женщинъ 1303, бѣжало: м. 255, ж. 95. Къ „убылымъ" по реестрамъ князя Мещерскаго отнесены и поселенные по ордерамъ князя Шаховскаго и графа фонъ-Вейсбаха въ Малороссійскихъ раскольничьихъ слободахъ и дру-

гихъ мѣстахъ и неявившіеся къ захваченнымъ семействамъ изъ мѣстечка Кричева и Прусскаго Кролевца: въ числѣ послѣднихъ было 7 мужчинъ и 6 женщинъ. Такимъ образомъ всего по реестрамъ князя Мещерскаго показано въ отсылкѣ на прежнія мѣста жительства 9952 д. обоего пола, отправлено въ Ингерманландію 626 чел., поселено на первыхъ порахъ послѣ первой выгонки въ Стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ 124 д., убылыхъ, бѣжавшихъ и умершихъ 3199 д. [1]). Изъ этихъ частныхъ слагаемыхъ составляется общая сумма всѣхъ выведенныхъ въ первую Вѣтковскую выгонку раскольниковъ, общее число которыхъ до настоящаго времени показывалось въ 40 т. и даже болѣе. Однако эти частные слагаемые даютъ нѣсколько иную общую сумму всѣхъ выведенныхъ съ Вѣтки раскольниковъ, чѣмъ это показано въ табели секундъ-маіора князя Мещерскаго, а именно 13942 д., а не 13234, какъ по табели, и не 13208, какъ показано въ вышеуказанной вѣдомости Камеръ-Коллегіи.

О количествѣ забранныхъ на Вѣткѣ и въ сосѣднихъ съ него пустыняхъ и скитахъ раскольническихъ монаховъ и монахинь имѣются въ частности слѣдующія болѣе или менѣе точныя и оффиціальныя данныя. Всѣ они еще на Вѣткѣ при выгонкѣ приведены были въ извѣстность, а потомъ при розсылкѣ по монастырямъ всѣмъ имъ 11-го апрѣля 1736 г. въ Новгородсѣверскѣ составленъ былъ весьма обстоятельный именной списокъ, въ которомъ указывалось прежде всего первоначальное мѣстожительство даннаго лица до побѣга за рубежъ, мѣсто назначаемаго ему монастырскаго заключенія, потомъ положеніе его въ старообрядческой монашеской общинѣ, количество лѣтъ и т. д. По этому именному списку Вѣтковскіе раскольническіе монахи распредѣляются такъ по мѣсту своего происхожденія и первоначальнаго жительства: уроженцевъ тверскихъ 6, рыльскихъ 8, мещовскихъ 6, волоколамскихъ 8, ростовскихъ 5, калужскихъ 21, московскихъ 14, бѣлевскихъ 11, орловскихъ 11, кашинскихъ 4, ярославскихъ 5, козельскихъ 3, кромскихъ 3, сѣвскихъ 2, нижегородскихъ 4, дмитровскихъ 3, курскихъ 6, Переяславля Рязанскаго 5, Дорогобужа 2, новоторжскихъ 15, изъ Галича 2, малоярославецкихъ 3, Коломны 2, зубцовскихъ

[1]) Х. И. А. № 24395. Дѣло бывшей Глуховской министерской канцеляріи 1742 г.

3, Костромы 2, донскихъ 5, стародубскихъ 2, такъ называемыхъ „польской націи" или родившихся въ Польшѣ 6; только по одному представителю приходится на Старицу, Верею, Клинъ, Астрахань, Вязники, Курмышъ, Угличъ, Суджу, Лифинъ и Балахву. Въ числѣ этихъ монаховъ были и такіе, которые не помнили откуда вышли ихъ отцы за польскій рубежъ. Всѣхъ раскольническихъ монаховъ въ этомъ спискѣ показано 263 чел.; изъ нихъ было уже отправлено по требованію Св. Синода въ С.-Петербургъ 2, потомъ по указу отдано поручику Суворову для представленія сначала въ Глуховъ въ министерскую канцелярію и потомъ въ контору Св. Синода 6, умерло 93, бѣжало 29, и за тѣмъ при составленіи списка было на лицо 133 человѣкъ. Во главѣ этого списка стоялъ бывшій игуменъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря Власій Борисовъ, сынъ Грибинъ, 70-ти лѣтъ, родомъ изъ Тверской губерніи. Этотъ игуменъ не имѣлъ священнаго сана и умеръ при раззореніи Вѣтки, 28-го марта 1735 г.

Изъ списка Вѣтковскихъ черницъ оказывается, что на Вѣткѣ, было больше раскольничьихъ черницъ, чѣмъ чернцевъ, а потому и первыхъ было забрано больше, чѣмъ послѣднихъ, именно 809 душъ; изъ нихъ ко времени составленія именнаго списка умерло 241, бѣжало 97 и было на лицо 471 д. Въ числѣ нхъ изъ Стародубскихъ и Черниговскихъ описныхъ слободъ было 6, изъ Глухова 6, Донскихъ козачекъ 11, изъ Гадяча 1, изъ Воронежа малороссійскаго (м. Черниговъ. губерніи) 1, Кіева 1, „польской націи" 9. Изъ городовъ великороссійскихъ и частію слободскихъ болѣе значительное число ихъ было: изъ Калуги 44, Рыльска 37, Курска 22, Орѣховскаго уѣзда 21, Орла 15, Твери 13, Обояни 13, Торжка 6, Симбирска 4 и т. д. [1]).

[1]) Х. И. А. №№ 2780, 22172 и др. Дѣла бывшей министерской Глуховской канцеляріи о забранныхъ на Вѣткѣ черцахъ и черницахъ: «Вѣдомость черцамъ и черницамъ... и куда оные разосланы», ордера, доношенія и пр. Опис. акт. арх. Маркевича, №№ 15—20 и др. Изъ сенатскаго указа, отъ 23-го февраля 1738 г., о разсылкѣ по монастырямъ Вѣтковскихъ раскольниковъ, о помѣщеніи и содержаніи ихъ въ нихъ, видно, что въ сенатъ отъ мѣстныхъ командировъ были присланы довольно разнорѣчивыя вѣдомости о числѣ забранныхъ на Вѣткѣ чернцевъ и черницъ. Такъ, по вѣдомости графа Вейсбаха, Кіевскаго генералъ-губернатора, представленной еще въ 1735 г., чернцевъ значилось 221, а черницъ 724. По

Болѣе видные изъ захваченныхъ на Вѣткѣ расколоучителей были узнаны и высланы въ св. Синодъ. Синодскимъ указомъ отъ 2-го марта 1736 г. повелѣвалось немедленно выслать въ С.-Петербургъ подъ крѣпкимъ карауломъ слѣдующихъ Вѣтковскихъ „раскольщиковъ—наставниковъ“: іеромонаха Іова, Макарія Артемьева сына Попова, чернаго дьякона Герасима, монаха Варлаама, пономарей—Исаію и Савву, да въ пустыни жившаго монаха Серапіона и „пущаго въ ихъ ереси упрямца и ереси же наставника города Мурома свѣтскаго попа Димитрія Протодіаконова,“ вмѣстѣ съ захваченнымъ вѣтковскимъ мvромъ, книгами, иконами, церковною утварью и т. д. Шестеро изъ этихъ Вѣтковскихъ расколоучителей уже 21-го марта переданы были Новгородсѣверской коммиссіей поручику Суворову для отправленія въ Глуховъ и С.-Петербургъ. По большей части это были тѣ Вѣтковскіе иноки, которые принимали самое дѣятельное участіе въ пріемѣ Епифанія на Вѣткѣ какъ старообрядческаго епископа, и надѣялись, что отъ него у нихъ на Вѣткѣ „корень епископства возрастетъ.“ Нѣсколько позже, но въ томъ же 1736 г., вытребованъ былъ въ св. Синодъ бывшій Вѣтковскій казначей или экономъ Павелъ, за котораго Вѣтковцы въ началѣ тридцатыхъ годовъ просили сначала Молдавскаго митрополита, а потомъ и самаго Константинопольскаго патріарха, чтобы онъ посвятилъ имъ его во епископа, какъ человѣка способнаго просвѣщать „родъ христіанскій божественными тайнами“ и ревностнаго блюстителя „отеческихъ преданій.“ Изъ процесса Рѣшилова мы узнаемъ, что осенью того-же 1736 г. казначей Павелъ сидѣлъ уже за синодальнымъ карауломъ вмѣстѣ съ Высокопетровскимъ архимандритомъ Аввакумомъ Львовымъ, Торопецкимъ Небинскимъ архимандритомъ Аврааміемъ и Ниловскимъ игуменомъ Аврааміемъ. Этимъ духовнымъ чиновнымъ лицамъ, сотоварищамъ своимъ по несчастью, монахъ Павелъ горько жаловался на своего бывшаго Вѣтковскаго епископа

вѣдомости правителя Малороссіи князя Шаховскаго число чернцевъ было уже 166, а черницъ 480. П. С. З. № 7521. Въ именномъ реестрѣ, присланномъ изъ Сената въ Синодъ, число раскольническихъ иноковъ и инокинь показано согласно съ вѣдомостью графа Вейсбаха, за тѣмъ единственнымъ исключеніемъ, что при инокиняхъ показано еще 106 бѣлицъ, а всего тѣхъ и другихъ 1056 д. М. А. М. Ю. Книга прав. Сената по Св. Син. № $\frac{45}{807}$, дѣло № 9.

Епифанія, напередъ сосланнаго въ Соловки Св. Синодомъ, а потомъ убѣжавшаго въ расколъ. Все у нихъ было мирно и спокойно за рубежомъ, пока не пришелъ этотъ бѣглецъ Епифаній, чуть ли и не обливанецъ. „Приняли его—нажили бѣды: нашли русскіе офицеры и солдаты, все забрали и церковь сожгли. Епифаній уже умеръ, да и насъ погубилъ. [1]) „По опредѣленію Св. Синода, отъ 21-го декабря 1736 г., бывшій казначей Павелъ, закованный въ кандалы, былъ отправленъ въ Макарьевъ Желтоводскій монастырь, гдѣ потомъ и умеръ. По тому же опредѣленію и іеромонахъ Іовъ Тимоѳеевъ, въ мірѣ попъ Иванъ, 80 лѣтъ, Рыльскій уроженецъ, одинъ изъ самыхъ главныхъ учителей и проповѣдниковъ старообрядчества на Вѣткѣ, приводившій „къ исправѣ,“ какъ старшее духовное лице, имѣвшее священный санъ, и принятаго на Вѣткѣ епископа Епифанія, былъ отправленъ въ Николаевскій (въ Переславлѣ-Залѣскомъ) монастырь „для достодолжнаго о его суевѣріи разглагольствія и увѣщанія къ соединенію святой правовѣрной церкви, понеже того монастыря настоятель то съ нимъ разглагольствіе имѣть можетъ.“ Въ этомъ монастырѣ престарѣлый Іовъ долженъ былъ содержаться въ цѣпяхъ. Но такъ какъ онъ, „по довольномъ увѣщаніи отъ раскольническаго своего заблужденія ко обращенію ко святой церкви, явился непокоривъ и состоялъ въ раскольничьей своей ереси непревратенъ,“ то по опредѣленію Св. Синода, отъ 11-го февраля 1737 г., сосланъ былъ въ Валдайскій Иверскій монастырь для неисходнаго въ кельѣ заключенія подъ крѣпкимъ карауломъ, съ лишеніемъ монашескаго платья и съ пресѣченіемъ всякихъ сношеній съ другими лицами. Тогда же была рѣшена участь и нѣкоторыхъ другихъ Вѣтковскихъ „раскольщиковъ—наставниковъ“, именно черница Варлаама, понамарей—Исаіи и Саввы, оставшихся, какъ и духовный глава ихъ Іовъ, по довольномъ отъ Св. Синода увѣщаніи, въ раскольнической своей ереси непревратными и непокоривыми „ко обращенію къ св. церкви.“ Относительно ихъ было также опредѣ-

---

[1]) Х. И. А. № 20556. Дѣло о высылкѣ Вѣтковскихъ расколоучителей въ С.-Петербургъ. Донесеніе о томъ князю Шаховскому кн. Мещерскаго. Опис. акт. арх. Маркевича, №№ 15 и 16. *Чистовичъ, И.* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Сборн. статей, чит. въ отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н. т. IV, стр. 663. Здѣсь Епифаній ошибочно названъ архимандритомъ, которымъ онъ никогда не былъ.

лено: „монашеское съ нихъ платье снять, сослать въ монастыри и содержать ихъ въ крѣпкомъ смотрѣніи, изъ келій неисходныхъ недопущая ни съ кѣмъ для свиданія, подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобы они утечки и здравію своему поврежденія учинить и плевосѣянія своего разсѣвать никому не могли." О Варлаамѣ извѣстно, что онъ былъ заключенъ въ Нижегородскій Печерскій монастырь вмѣстѣ съ 8 другими Вѣтковскими иноками [1]).

Интересныя подробности о предшествующей жизни и дѣятельности Варлаама передаетъ позднѣйшій старообрядческій историкъ Іона Курносый. По его словамъ, Вѣтковскій чернецъ Варлаамъ, въ мірѣ бѣглый попъ Василій Кондратьевъ, былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей поповщинскаго раскола первой половины XVIII в., и дѣйствовалъ сначала въ Казани, почему и извѣстенъ болѣе подъ именемъ Варлаама Казанскаго, затѣмъ на Керженцѣ, Уралѣ и Вѣткѣ, потомъ въ Москвѣ, куда былъ отправленъ по просьбѣ Московскихъ старообрядцевъ о священникѣ Вѣтковскимъ игуменомъ, но которымъ—неизвѣстно, какъ мужъ учительный и якобы истинный пастырь душъ человѣческихъ. Возвращеніе его изъ Москвы снова на Вѣтку и принятіе здѣсь монашества въ началѣ тридцатыхъ годовъ, какъ разъ совпадаетъ съ временемъ усиленной агитаціи Вѣтковскихъ монаховъ и поповъ, желавшихъ, во что бы то ни стало, обзавестись своимъ старообрядческимъ епископомъ, прочно обставать и утвердить силу и вліяніе своей Вѣтки среди русскаго старообрядчества. Дѣятельнымъ сторонникомъ этой агитаціи былъ и Варлаамъ Казанскій, а потомъ, послѣ первой неудачной попытки казначея Павла, явился даже кандидатомъ на званіе старообрядческаго епископа, какъ потомъ и во время епископства Епифанія. Съ исторіей этихъ старообрядческихъ епископскихъ кандидатуръ мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, о немъ Іона Курносый передаетъ, что онъ былъ самымъ горячимъ, самымъ ревностнымъ защитникомъ Епифанія, оставшимся вѣрнымъ ему и по смерти послѣдняго, и что, будучи выведенъ въ русскіе предѣлы, онъ поселился съ попами Епифаніева поста-

---

[1]) М. А. М. Ю. Кн. прав. сен. по Св. Син. № $\frac{45}{807}$, дѣло № 9, о размѣщеніи выведенныхъ съ Вѣтки раскольническихъ монаховъ и монахинь, стр. 406—483. Собр. пост. по раск. 325 и др. Опис. акт. арх. Маркевича, №№ 15, 17 и 18.

вленія и нѣкоторыми изъ Гомельскихъ приверженцевъ перваго Вѣтковскаго епископа въ Стародубской слободѣ Клинцахъ. Сюда же, по этому же свидѣтельству, была перевезена и устроеная Гомельцами Преображенская церковь, которую святилъ по одному замѣчанію Іоны самъ Епифаній, а по другому—и болѣе вѣроятному—Варлаамъ Казанскій съ попами Епифаніева поставленія. Если и справедливо послѣднее извѣстіе Іоны Курносаго о поселеніи Варлаама въ 1735 г. въ слободѣ Клинцахъ, то во всякомъ случаѣ жилъ онъ здѣсь весьма не долго и не участвовалъ въ освященіи перевезенной сюда изъ Гомеля церкви, какъ видно изъ словъ самаго Іоны по этому поводу. Какъ скоро собрали о немъ свѣдѣнія и узнали о томъ, какое значеніе имѣлъ онъ на Вѣткѣ и въ Гомельской раскольничьей общинѣ, его, какъ одного изъ видныхъ расколоучителей, отправили въ св. Синодъ еще въ началѣ 1736 г., по требованію послѣдняго [1]).

При первомъ разгромѣ Вѣтки захваченъ былъ и сынъ извѣстнаго петровскаго генералъ-рекетмейстера Василья Кондратьевича Павлова Александръ, бывшій напередъ солдатомъ гвардейскаго Семеновскаго полка. Это былъ еще молодой человѣкъ, всего 26 лѣтъ; расколомъ онъ увлекся и смѣнилъ блестящій мундиръ гвардейца на скромное платье Вѣтковскаго инока, благодаря семейнымъ старорусскимъ и старовѣрческимъ традиціямъ, глубокосроднившимся съ этимъ дворянскимъ домомъ, какъ это видно и изъ дѣла „о раскольствѣ“ самаго генералъ-рекетмейстера. Мать Павлова—отца, находившаяся въ родствѣ съ извѣстными дворянскими фамиліями Самариныхъ и Челищевыхъ, открыто придерживалась раскола, принимала разныхъ раскольническихъ старцовъ и старицъ и давала имъ пріютъ у себя, ея наученію обязанъ былъ своимъ „сумнительствомъ о расколѣ“ сначала сынъ, а потомъ и внуки: старшій Иванъ и младшій Александръ, сдѣлавшійся наконецъ Вѣтковскимъ чернецомъ. Самъ Василій Кондратьевичъ Павловъ какъ служилый дворянинъ, хотя и не жилъ постоянно ни въ своемъ Бѣлевскомъ помѣстьѣ, ни въ Москвѣ, а „всегда былъ въ службахъ, въ трудахъ и въ походахъ,“ тѣмъ не менѣе все привоспитан-

---

[1]) Мельниковъ: *Ист. оч. поповщ.* ч. I. Стр. 139, 144—149. Опис. акт. арх. Маркевича, № 15. Мон. *Виталія* о церкви и о раск. гл. 14, л. 75 об. и 80.

ныя семейныя традиціи свято соблюдалъ и не поддавался новымъ вѣяніямъ времени, среди которыхъ несомнѣнно жилъ. Своимъ назначеніемъ въ январѣ 1722 г. на довольно видный постъ генералъ-рекетмейстера,—независимаго начальника особой части государственнаго управленія, имѣвшаго право сноситься „съ коллегіями," подчиненными имъ канцеляріями, надворными судами и съ губерніями отъ себя непосредственно за своею рукою, безъ сенатскихъ приговоровъ,"—онъ былъ обязанъ личному вниманію самаго Петра Великаго, умѣвшаго отыскивать способныхъ и даровитыхъ работниковъ и въ тѣхъ дворянскихъ семьяхъ и слояхъ, въ средѣ которыхъ находились еще лица, сочувствовавшія расколу и старозавѣтнымъ формамъ быта. На такой источникъ возвышенія указываетъ и то обстоятельство, что Павловъ, въ трехлѣтнее исполненіе обязанностей генералъ-рекетмейстера при Петрѣ I, находилъ возможнымъ бороться съ такими крупными величинами изъ птенцовъ „гнѣзда Петрова," какъ Меньшиковъ, Ягужинскій, Скорняковъ—Писаревъ и др. Интересно, что на одной ассамблеѣ Ягужинскій напалъ на Павлова „многими грозами и словами", и говорилъ: „я де пришью тебѣ козырь, знатно такой, какой носятъ раскольники",—пояснялъ потомъ самъ Павловъ; а Ѳеодосій Яновскій при тостѣ за обѣденнымъ царскимъ столомъ въ Коломенскомъ за его архіерейское здоровье благословилъ всѣхъ обычнымъ троеперстнымъ крестомъ, а Павлова—двуперстнымъ. Сынъ генералъ—рекетмейстера Александръ Павловъ, присланный въ Св. Синодъ при сообщеніи Кабинета, на допросѣ въ Синодѣ показалъ, что ему отъ роду 26 лѣтъ, неженатъ, и тому назадъ лѣтъ 7 по челобитью фельдмаршалу князю Василію Лукичу Долгорукову былъ записанъ въ третью роту Семеновскаго полка; что въ томъ полку въ Москвѣ пробылъ года три, въ походахъ нигдѣ не бывалъ, и потомъ „безъ всякихъ виновныхъ причинъ" бѣжалъ на Вѣтку для того, что „тамъ пребываютъ раскольники," и бѣжалъ съ своимъ человѣкомъ Сергѣемъ Терентьевымъ, бывшимъ съ нимъ одного согласія. Изъ дальнѣйшихъ его показаній выяснилось, что онъ постриженъ въ Городницкой раскольнической пустынѣ, находившейся отъ Вѣтки приблизительно въ 100 в., и постриженъ нѣкіимъ іеромонахомъ Власіемъ. „А что де онъ имѣлся и нынѣ имѣется въ заблужденіи раскольничества," говорилъ онъ въ заключеніе своего показанія, „того уже нынѣ и впредь чинить не желаетъ, а желаетъ быть во истинной пра-

вославной христіанской вѣрѣ и еретическія и всѣ раскольническія заблужденія отмѣщаетъ“ и проситъ у Св. Синода „прощенія.“ Чернецъ Павловъ былъ прощенъ и присоединенъ къ церкви, а „для остереженія“ взято было съ него „письменное подъ жестокимъ (если бы послѣ противвое на немъ показалось) наказаніемъ и довольнымъ подкрѣпленіемъ обязательство“ не уклоняться впредь въ расколъ [1].

Остальные изъ выведенныхъ съ Вѣтки и сосѣднихъ съ нею раскольничьихъ монастырей и пустынь иноки и инокини были разосланы прямо изъ Новгородсѣверска по указаннымъ Св. Синодомъ православнымъ монастырямъ „внутрь Россіи.“ Сибирскіе монастыри и монастыри епархій—Кіевской, Черниговской, Переяславской и Астраханской были освобождены отъ поселенія въ нихъ этихъ, во всякомъ случаѣ, непріятныхъ для монастырей нахлѣбниковъ, какъ на этотъ разъ, такъ и на будущее время. Въ Сибирскіе монастыри Синодъ и Сенатъ, согласно еще указу Петра I отъ 15 октября 1722 г., находили неудобнымъ посылать „выведенныхъ изъ Польши изъ села Вѣтки раскольниковъ“, такъ какъ „въ тамошней странѣ злаго раскольническаго сословія, какъ Синоду небезъизвѣстно есть, весьма пріумножилось, видится и небезопасно, дабы они, за неимѣніемъ надъ ними крѣпкаго присмотра и караула, разшедшись изъ тѣхъ монастырей... въ мірскія жилища, и вящшаго какого вреда и тщеты въ церкви правовѣрныхъ не нанесли...“ Какъ разъ въ это именно время митрополитъ Тобольскій Антоній Стаховскій затруднялся размѣщеніемъ въ тамошнихъ монастыряхъ, за недостаткомъ присмотра въ нихъ, присланныхъ изъ Екатеринбурга знаменитымъ правителемъ горныхъ заводовъ Вас. Ник. Татищевымъ, „сысканныхъ въ лѣсахъ раскольниковъ, старцовъ

---

[1]) М. А. М. Ю. Кн. правит. сената по св. Синоду № 25/787. Дѣло о сынѣ генералъ-рекетмейстера Александрѣ Павловѣ. См. извлеченіе изъ него въ Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. № 23, стр. 124—126. О Павловѣ—отцѣ и его процессѣ по обвиненію въ расколѣ см. Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. V, № 1493; Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода т. 11, № 1152, ст. 473—497 и въ продолженіи XII—XVIII. Ср. тамъ же 946, 1003. Въ правленіе Анны Леопольдовны 14 января 1741 г., Александръ Павловъ, какъ сержантъ лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полка, награжденъ капитан-

12, старицъ 72 [1]). Еще менѣе были удобны монастыри пограничныхъ епархій какъ по близости къ рубежу, такъ и по недостаточности здѣсь крѣпкихъ монастырей и „крѣпкаго присмотра и караула" въ нихъ. На недостаточную крѣпость въ частности монастырей Черниговской епархіи жаловался еще іеромонахъ Рѣшиловъ, которому приходилось пользоваться ими для заключенія въ нихъ Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ. Въ Астраханской епархіи вдобавокъ было и безъ того такъ много раскольниковъ, что мѣстная епархіальная власть не въ состояніи была съ ними справиться, не смотря на частыя напоминанія Св. Синода имѣть „особенное прилежноусердное радѣніе объ увѣщаніи оныхъ суевѣрцовъ." Въ 1738 году Астраханскій епископъ Иларіонъ доносилъ Св. Синоду, что Гребенскіе казаки, не смотря на троекратное увѣщательное къ нимъ посланіе, „упорно остаются, по примѣру отцовъ своихъ и дѣдовъ, при двоеперстномъ сложеніи креста, молитвѣ и прочемъ суевѣріи [2]).

Примѣрное распредѣленіе всѣхъ Вѣтковскихъ раскольничьихъ монаховъ и монахинь по монастырямъ внутренней Россіи, такъ называемымъ „опредѣленнымъ" и „неопредѣленнымъ," было указано Св. Синодомъ въ постановленіи отъ 17 февраля 1736 г., при чемъ раскольничьихъ монаховъ предполагалось размѣстить только по „опредѣленнымъ" монастырямъ. По этому примѣрному распредѣленію на „опредѣленные" монастыри бывшей синодальной области (24 монастыря) приходилось 90 раскольничьихъ монаховъ, а именно прежде всего въ Московскіе монастыри: Чудовъ—6, Новоспасскій и Симоновъ по 5, Высокопетровскій и Донской по 4, Андроніевъ 3, Богоявленскій, Даниловъ и Знаменскій по 2; въ городскіе: Пафнутіевъ Боровскій, Іосифовъ Волоколамскій, Рождественскій во Владимірѣ, Воскресенскій на Истрѣ, Савинъ Сторожевскій, Ипатскій и Богоявленскій Костромскіе по 5-ти, Устюжскій 4, Никитскій Горицкій, Даниловъ Переславскіе, Макаріевъ на Унжѣ, Борисоглѣбскій, Дмитріевскій, Высоцкій въ Серпуховѣ,

---

скимъ рангомъ; а въ протоколѣ сената отъ 21 января сказано: «и опредѣлить его къ будущему 1742 г. Орловской провинціи въ г. Болховъ въ воеводы». Сенат. арх. 11, 406, 435, 501—502.

[1]) П. С. З. № 71,72. Соловьевъ: Ист. Рос. т. XX, стр. 302 - 304.

[2]) Соловьевъ: Ист. Росс. т. XX, стр. 304.

Паисіевъ въ Галичѣ по 2. По епархіальнымъ монастырямъ Вѣтковскіе чернецы распредѣлялись такъ: въ Предтечевскій въ Вязьмѣ Крутицкой епархіи монастырь 3. Печерскій въ Нижнемъ Новгородѣ и Макаріевскій Желтоводскій Нижегородской епархіи по 9; въ Ростовскую епархію на 15 монастырей полагалось по примѣрному распредѣленію 43 чернеца, въ Свіяжскій Богородицкій монастырь Казанской епархіи 5, въ Спасскій Евѳиміевъ и Николаевскій Шартомскій монастыри Суздальской епархіи 8; въ Рязанскую епархію на 8 монастырей предназначалось 25 чернецовъ, въ Вологодскую на 9 монастырей 27. въ Колязинъ монастырь Тверской епархіи 5. въ Успенской Трифоновъ монастырь Вятской епархіи 5, Троицкій Смоленской епархіи (въ Смоленскѣ) 4, въ Николаевскій Коряжемскій монастырь Устюжской епархіи 2. Такъ предполагалось размѣстить 262 Вѣтковскихъ монаховъ, по 66 монастырямъ бывшой синодальной области и тогдашнихъ епархій внутренней Россіи [1]).

Тѣмъ же постановленіемъ Св. Синода Вѣтковскія черницы съ бѣлицами примѣрнымъ образомъ распредѣлялись и потомъ самымъ дѣламъ размѣщались не только по „опредѣленнымъ" дѣвичьимъ монастырямъ, но и по „неопредѣленнымъ", и преимущественно по послѣднимъ. Въ бывшей синодальной области изъ московскихъ дѣвичьихъ монастырей „опредѣленными" были только два: Вознесенскій и Новодѣвичій; въ тотъ и другой предназначалось по 8 черницъ и по 3 бѣлицы; въ „неопредѣленные" Московскіе дѣвичьи монастыри—Алексѣевскій, Рождественскій, что у Трубы, Георгіевскій, Зачатенскій, Ивановскій, Страстной, Варсонофіевъ, Никитскій, и по городамъ: Успенскій во Владимірѣ, Ѳедоровскій въ Переславлѣ Залѣсскомъ полагалось по 7 черницъ и по 2 бѣлицы; въ остальные 30 „неопредѣленныхъ" монастырей той же синодальной области—

[1]) М. А. М. Ю. Кн. Правит. Сената по Св. Синоду № $\frac{45}{807}$. Дѣло № 9 о выведенныхъ изъ за Польскаго рубежа раскольничьихъ монахахъ и монахиняхъ, главнымъ образомъ о поселенныхъ въ Новгородскихъ окологородныхъ дѣвичьихъ монастыряхъ. Здѣсь при исчисленіи монастырей Синодальной области, по которымъ распредѣлялись Вѣтковскіе монахи и пустынножители, допущена слѣдующая ошибка: вмѣсто 24 монастырей, въ которыхъ должно быть размѣщено 90 иноковъ, названо при частномъ размѣщеніи 25 монастырей, и по нимъ распредѣлено примѣрно только 88 иноковъ, а не 90.

по 6 черницъ и 1 бѣлицѣ; а всего по 42 дѣвичьимъ монастырямъ бывшей синодальной области предположено было размѣстить 236 черницъ и 56 бѣлицъ. По 115 епархіальнымъ дѣвичьимъ монастырямъ предназначалось распредѣлить 488 черницъ и 50 бѣлицъ. А всего въ „опредѣленные" и „неопредѣленные" дѣвичьи монастыри, синодальные и епархіальные, распредѣлено было 724 черницы и 106 бѣлицъ.

По мысли Св. Синода, этотъ примѣрный распорядокъ по монастырямъ Вѣтковскихъ монаховъ и монахинь не долженъ былъ стѣснять тѣхъ лицъ, которымъ непосредственно ввѣрялось самое ихъ размѣщеніе по монастырямъ. Въ данномъ случаѣ Синодъ предоставлялъ „право разсмотрѣнія, яко извѣстіе о томъ вѣдущимъ, въ синодальной области Коллегіи Экономіи, а въ епархіяхъ самимъ архіереямъ", которые и должны были сообразоваться, при размѣщеніи раскольниковъ по монастырямъ, съ матеріальными и иными условіями намѣченныхъ имъ монастырей, не стѣсняясь указанной примѣрной нормой распредѣленія. Эта послѣдняя оговорка была весьма необходима. Дѣло въ томъ, что мужскіе монастыри, по большей части общежительные, имѣли у себя и соотвѣтственныя жилыя постройки, въ которыхъ такъ или иначе было еще возможно размѣстить извѣстное количество новыхъ насельниковъ, въ данномъ случаѣ Вѣтковскихъ раскольниковъ и раскольницъ. Далеко не таковы были условія жизни въ женскихъ православныхъ монастыряхъ: въ большинствѣ случаевъ православныя инокини жили въ монастыряхъ, по издавна установившемуся порядку, въ собственныхъ кельяхъ, или выстроенныхъ ими самими, или ими купленныхъ, и вопросъ о размѣщеніи въ нихъ Вѣтковскихъ черницъ становился дѣломъ щекотливымъ и практически неудоборазрѣшимымъ. Св. Синодъ хорошо понималъ практическія неудобства этого порядка для размѣщенія въ женскихъ монастыряхъ Вѣтковскихъ раскольницъ—инокинь, а потому и высказался въ своемъ отношеніи въ Сенатъ по данному вопросу такъ: въ женскихъ монастыряхъ общежительныхъ келій нѣтъ, почему если и возможно помѣстить Вѣтковскихъ раскольничьихъ черницъ въ кельяхъ, выстроенныхъ на частныя средства ихъ владѣлицъ, стало быть незначительныхъ по объему, то только временно, пока не будутъ устроены при монастыряхъ общія казенныя помѣщенія для нихъ. Были и другого рода весьма серьезныя затрудненія, наприм. относительно прокорм-

ленія Вѣтковскихъ раскольницъ въ женскихъ монастыряхъ, такъ какъ православныя инокини содержались въ монастыряхъ на собственныя средства. Были затрудненія и относительно монастырскаго надзора за Вѣтковскими черницами. Въ мужскихъ монастыряхъ этотъ надзоръ возложенъ былъ на монастырскихъ властей, которыя и должны „самоперсонально" наблюдать за новыми насельниками монастырей. Въ женскихъ монастыряхъ такой порядокъ по многимъ соображеніямъ признавался неудобнымъ, а потому и дисциплинарный надзоръ за Вѣтковскими арестантками рѣшено было поручить особымъ стражникамъ, приставленнымъ только для этой цѣли и выбираемымъ изъ отставныхъ солдатъ, и при томъ не молодыхъ [1]).

При разсылкѣ Вѣтковскихъ монаховъ, монахинь и пустынножителей по монастырямъ внутренней Россіи имѣлось въ виду между прочимъ и то, что въ монастыряхъ ихъ всего удобнѣе „увѣщевать и какъ возможно склонять къ соединенію святой православной церкви." Для этого предписывалось, при крѣпкомъ содержаніи ихъ въ монастыряхъ, даже въ цѣпяхъ, и въ желѣзахъ, и въ трудахъ монастырскихъ, подъ строгимъ присмотромъ, „водить ихъ, раскольниковъ, въ церкви ко всякому божественному пѣнію и, какъ возможно, увѣщавать, чтобъ они, оставя свое суевѣрное заблужденіе, учинили ко св. церкви обращеніе." На епархіальныхъ архіереевъ и настоятелей монастырей Св. Синодъ возлагалъ „прилежноусердное радѣніе" объ увѣщаніяхъ этихъ разосланныхъ по монастырямъ раскольническихъ иноковъ, которыя, конечно, по мѣрѣ возможности и производились; но цѣль этихъ увѣщаній при данныхъ условіяхъ повидимому недостигалась. Въ Св. Синодъ скоро стали поступать донесенія, особенно изъ женскихъ православныхъ монастырей, что Вѣтковскія старицы—черницы только смуту творятъ въ монастыряхъ и совершенно далеки отъ соединенія съ церковію. Синодъ вынужденъ былъ переводить, въ видахъ наказанія, этихъ неспокойныхъ монастырскихъ насельницъ изъ одного монастыря въ другой; но и эта мѣра, конечно, не умиротворяла ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали поступать въ Синодъ донесенія и другаго рода, что нѣкоторые изъ заключенныхъ въ монастыряхъ Вѣтковскихъ раскольниковъ и раскольницъ хотя

---

[1]) Ibidem. Кн. Прав. Сен. по Св. Син. № $\frac{45}{807}$. Собр. постан. по расколу 1, 194—298 и друг.

притворно и склонялись къ соединенію съ церковію, но послѣ того какъ имъ предоставлялась нѣкоторая свобода—освобожденіе отъ цѣпей и монастырскихъ трудовъ, убѣгали изъ монастырей снова въ скиты и иные раскольничьи пріюты. Донесенія о смутахъ и бѣгствѣ изъ монастырей Вѣтковскихъ старцевъ и старицъ стали наконецъ такъ часты, что Св. Синодъ обратился въ Сенатъ съ предложеніемъ: разослать заключенныхъ въ православныхъ монастыряхъ Вѣтковскихъ раскольниковъ куда бы то ни было, такъ какъ они „ко обращенію" оказались совсѣмъ „безнадежны," а караульные при нихъ сами находятся какъ бы въ неволѣ. Въ 1737 г. Рязанскій архіепископъ доносилъ Св. Синоду, что изъ присланныхъ въ его епархію раскольниковъ и раскольницъ нѣкоторые обратились, а другіе въ своемъ заблужденіи пребываютъ, и увѣщаній его, преосвященнаго, не принимаютъ, затыкая уши свои, аки аспидъ глухій, и при томъ ему, преосвященному, при старости своей, зѣло трудно имѣть много разглагольства съ ними, а потому не лучше ли *смирять ихъ постомъ и стегать плетьми*. За такое предложеніе Рязанскому архіепископу сдѣлано было Синодомъ подобающее внушеніе: „раскольникамъ наставленіе чинить не инако, какъ по пастырски, словомъ учительскимъ, и за трудность онаго не почитать; ибо всякое дѣло труду есть подлежательно, а кольми паче подлежитъ приложить трудъ свой о человѣкѣ, гиблющимъ душою, къ чему его преосвященство призванъ и таковымъ характеромъ почтенъ." Въ такомъ же духѣ и направленіи были и позднѣйшія донесенія епархіальныхъ преосвященныхъ и настоятелей монастырей, старавшихся отдѣлаться какимъ бы то ни было образомъ отъ непріятныхъ и отвѣтственныхъ для монастырей раскольническихъ насельниковъ. Особенно повидимому благопріятнымъ временемъ для того было короткое правленіе Анны Леопольдовны. Въ началѣ 1741 года Новгородскій преосвященный Амвросій доносилъ Св. Синоду, что обрѣтающіяся въ монастыряхъ его епархіи 15 бывшихъ Вѣтковскихъ черницъ, „по довольномъ увѣщаніи, ко св. церкви не обратились, и впредь ко обращенію безнадежны", вдобавокъ чинятъ побѣги, отъ которыхъ могутъ пострадать люди совершенно невинные. Въ заключеніе своего донесенія преосвящ. Амвросій просилъ Св. Синодъ разрѣшить—отослать ихъ въ Новгородскую губернскую канцелярію за тѣмъ, чтобы „онѣ безъ достойнаго за упрямство свое наказанія не остались." На этотъ разъ просьба Новгород-

скаго преосвященнаго была удовлетворена Св Синодомъ, но однако не приведена въ исполненіе за протестомъ Сената. Дѣло было такъ. Новгородская губернская канцелярія, отъ 14 го ноября 1741 г., доносила Сенату, что Новгородскій архіерейскій Розрядъ прислалъ въ канцелярію 15 раскольницъ, находившихся въ крѣпкомъ содержаніи въ Новгородскихъ окологородныхъ дѣвичьихъ монастыряхъ. Это былъ остатокъ „за побѣгомъ“ отъ назначенныхъ въ 1736 г. въ женскіе монастыри Новгородской епархіи 57 раскольницъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернская канцелярія, со словъ промеморіи архіерейскаго Розряда, представляла на благоусмотрѣніе Сената и то, что всѣ эти раскольницы—черницы „отъ своего прелестнаго и суевѣрнаго раскола не обратились, и въ прежней замерзелости остались, и впредь къ обращенію безнадежны,“ и предлагала разослать ихъ „въ дальніе городы, чтобъ оныя наипаче неумножались и нераспространялись, и отъ чинимыхъ ими до сего побѣговъ непокинные не страдали.“ Сенатъ не согласился съ представленіемъ губернской канцеляріи, и предписалъ разослать упомянутыхъ раскольницъ въ дальніе той же губерніи монастыри, и содержать ихъ во всемъ такъ, какъ о нихъ прежде опредѣлено, и употреблять ихъ, пока не обратятся, въ непрестанныхъ тяжкихъ монастырскихъ работахъ; а въ городы разсылать ихъ не подлежитъ, дабы отъ нихъ правовѣрнымъ соблазна быть не могло [1]).

Побѣги раскольниковъ изъ православныхъ монастырей, какъ мѣстъ ихъ заключенія, были въ то время обыкновеннымъ и заурядным явленіемъ. Не отставали отъ другихъ раскольниковъ въ этомъ отношеніи и Вѣтковскіе старцы и старицы. Большинство этихъ раскольничьихъ бѣглецовъ и бѣглянокъ изъ православныхъ монастырей обыкновенно или снова возвращались за рубежъ и въ частности на Вѣтку, или же поселялись въ малороссійскихъ раскольническихъ описныхъ слободахъ, пользовавшихся еще со времени Петра Великаго извѣстнымъ привеллигированнымъ положеніемъ. Объ одной изъ такихъ бѣглянокъ интересный разсказъ передаетъ въ своей Лѣтописи Вѣтковской церкви Яковъ Бѣляевъ. По его словамъ, въ 1778 или 1779 г. преставился „славный въ похвалѣ затворникъ, котораго

---

[1]) Ibidem. Кн. Прав. Сен. по Св. Син. № $\frac{45}{807}$. Дѣло № 9. Собран. постан. по раск. 1, 225, 311—325, 344, 407, 423—424 и др.

называли инокъ Досиоей, а по блаженной кончинѣ оказался инокеня Досиоея, о которомъ мало не вся Россія вѣдала его въ животѣ, и по большей части въ Кіевъ ходить охотники изыскивались какъ ради мощей, такъ и ради его, чтобы слышать его полезнѣйшія бесѣды. Многіе же и пользовались его всечестнѣйшимъ житіемъ и благимъ примѣромъ, о которомъ совершенно слава сіяла, къ которому любо желали посѣтить и особы царскія, какъ то и посѣтила блаженныя памяти Елисаветъ Петровна, котораго и дарствовала пятію стами червонцы. Но однако вышелъ онъ изъ Печерскаго монастыря за нѣсколько верстъ отъ Кіева въ 1777 году,—тогда и самъ былъ я въ Кіевѣ,—по зависти иноковъ, которые за приходъ народа негодовать стали. А роду подленнаго и дней бытія, преставленія, намъ не слышно, ино нѣсть подленно въ Печерскомъ монастырѣ подробное описаніе. Нынѣшняго лѣта 1779 присланъ съ преставившейся Досиоеи образъ или картина Климовскому управителю изъ Печерскаго монастыря. Слышно же было, что она блаженная первой выгонки съ Польши инокеня, которыхъ разсылали по многимъ грацкимъ монастырямъ, и многіе наши персонально бесѣдовали... О крестѣ двоеперстномъ подленно не возбраняла, кто какъ покажетъ, такъ и велитъ креститься. А въ другихъ случаяхъ говаревала и пророческимъ образомъ; глаголы тоя были простыи, да ко истинѣ сходныи. И которые многіе спрашивались ея, что соблаговолите ль нашему намѣренію жить въ слободахъ (т. е. Малороссійскихъ или Стародубскихъ), то уже на то любовно отвѣтствовала: доброе дѣло! спасетеся-де. Которые отъ того и истенно увѣрялись, и жили въ слободахъ здѣшнихъ съ благосклонностію [1])“.... Такъ явилось у раскольнической массы убѣжденіе, что поселеніе въ Стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ не только въ томъ или другомъ отношеніи удобно, но и спасительно.

Если находили возможнымъ дѣлать побѣги Вѣтковскіе иноки и инокини, заключенные въ монастыряхъ сѣверной и

---

[1]) Лѣтоп. Вѣтков. церкви Я. С. Бѣляева—ркп. нашей библ. л. 10. Другихъ свѣдѣній объ инокѣ—инокинѣ Досиоеѣ нѣтъ. Ср. въ Китаевской пустыни внѣ церкви на гипсовомъ гробѣ надпись: «1776 г., Сентября 25, умре Досиоей М.». Опис. Кіевопеч. лавры. Изд. 2. Стр. 355.

внутренней Россіи, содержавшіеся тамъ подъ надлежащимъ присмотромъ, нерѣдко даже въ тѣсномъ заключеніи, то тѣмъ болѣе возможны были эти побѣги для возвращенныхъ на старыя мѣстожительства или отправленныхъ въ Ингерманландію. Въ 1742 г. Раскольническая Контора сдѣлала попытку собрать свѣдѣнія о томъ, какъ велико было число водворенныхъ на прежнихъ мѣстахъ жительства и положенныхъ въ окладъ раскольниковъ, и предпринятая Раскольнической Конторой попытка окончилась полной неудачей: число водворенныхъ на прежнихъ мѣстахъ жительства и положенныхъ въ окладъ раскольниковъ осталось невыясненнымъ [1]). Точно также повидимому далеко не всѣ изъ отправленныхъ для поселенія въ Ингерманландію достигли до цѣли своего назначенія: по крайней мѣрѣ въ 1740 г., по требованію Сената, производилось интересное разслѣдованіе о томъ, куда дѣвались отправленные туда Вѣтковскіе раскольники и раскольницы. Изъ экстракта, учиненнаго въ Сенатѣ, по доношенію Сѣвской провинціальной канцеляріи отъ 24 января 1740 г., о выведенныхъ изъ-за польской границы россійскихъ бѣглыхъ раскольникахъ и отправленныхъ въ 1736 г. изъ Малой Россіи къ поселенію въ Ингерманландію, оказалось, что тѣхъ бѣглецовъ отъ Карачевской воеводской канцеляріи отправлено въ Болховъ въ воеводскую канцелярію мужеска 248 душъ, женска 253 души, съ отставнымъ капраломъ Мартиномъ Лихининымъ съ товарищи, и о пріемѣ ихъ изъ Болховской канцеляріи промеморіею отвѣтствовано, что оные приняты и посланы въ Бѣлевъ за конвоемъ съ Болховскими солдаты, Никифоромъ Воротынцевымъ съ товарищи; а въ Бѣлевѣ всѣ-ли они приняты и къ поселенію въ Ингерманландію отправлены-ль и съ кѣмъ, о томъ въ Сенатѣ извѣстія не имѣется. 3-го ноября 1740 г. по этому поводу въ сенатѣ состоялось слѣдующее распоряженіе: изъ сенатской конторы послать въ Болховъ нарочнаго, которому велѣть отъ Болховской воеводской канцеляріи объ отправленіи тѣхъ бѣглецовъ, взявъ извѣстіе, ѣхать въ Бѣлевъ, а изъ Бѣлева тѣмъ же трактомъ, куда тѣ бѣглецы отправлены и по тому жъ отъ всякаго города о пріемѣ и отправленіи оныхъ брать письменныя извѣстія, сколько оныхъ гдѣ принято и сколько изъ того числа гдѣ померло и бѣжало, и достальные куда приведены и кому отданы и какое число, и взявъ оныя извѣстія, подать въ

[1]) М. А. М. Ю. Д. Р. К., в. 31, л. 15.

сенатскую контору, изъ которой оныя прислать въ сенатъ, и, по присылкѣ, учиня выписку, доложить[1]). Чѣмъ окончилось это разслѣдованіе—намъ неизвѣстно.

О судьбѣ выведенныхъ съ Вѣтки въ 1735 г. раскольниковъ есть указанія и въ тоговременныхъ раскольничьихъ сочиненіяхъ. Такъ, авторъ „Исторіи Выговской старообрядческой пустыни", извѣстный Иванъ Филиповъ († 1744 г.), разсказываетъ: „Колико старовѣрцевъ изъ Русской земли отъ гоненія во оную Польскую землю собралося—многое множество, безчисленно, невозможно исчести и написати. Также діаволъ разби на разныя согласія и междоусобные споры и другъ друга руганіемъ и укоренеіемъ и отлученіемъ и послѣ въ слабое самовольное беззаконное житіе, и за вышеписанные грѣхи какъ Богъ не пощадѣ,—всѣхъ расхитиша и развезоша: овые за карауломъ, гладомъ и мразомъ изомроша, иніи же въ темницахъ и во оковахъ и по градомъ и по монастыремъ развезены, овіи же отъ благочестія отлучены, а имѣніе ихъ все разграблено". По его же словамъ, нѣкоторые изъ старцевъ и бѣльцевъ, выведенныхъ „изъ Польскаго села Вѣтки", находились въ Московскихъ тюрьмахъ еще и въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны[2]).

Цѣль выселенія съ Вѣтки забѣглыхъ сюда русскихъ раскольниковъ не была достигнута. Хотя Вѣтковское раскольничье гнѣздо въ 1735 г. и было истреблено на время, а сами раскольники были выведены во внутреннія русскія области; хотя имъ и было строго запрещено распространять расколъ, а обращающимся изъ него давались нѣкоторыя льготы и послабленія; но все это не повело ровно ни къ чему. Вѣтка скоро опять буквально воскресла изъ пепла и сдѣлалась по прежнему гнѣздомъ раскола; въ ней скоро снова появились русскіе выходцы-раскольники, какъ и въ сосѣднихъ съ него слободахъ; снова по прежнему Вѣтковскіе иноки и инокини явились усердными пропагандистами раскола и даже „паипаче его умножали и распространяли", и прежде всего тѣ, которые были разселены

---

[1]) Сенат. Архивъ, II. Журналы и опредѣленія правит. Сената. Спб. 1889 г. Стр. 84, 204—205. Х. И. А. № 24395. Дѣло о высланныхъ изъ-за польскаго рубежа раскольникахъ 1742 г. Глуховской министерской канцеляріи...

[2]) Ист. Выгов. старообр. пуст. Ив. Филиппова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПБ. 1862 г. Стр. 371, 451.

по внутреннимъ русскимъ монастырямъ: повсюду о нихъ духовныя власти отзывались какъ о замерзѣлыхъ въ расколѣ и глухихъ аспидахъ, ко обращенію безнадежныхъ. Такимъ образомъ и эта правительственная мѣра повлекла за собою не ослабленіе раскола, а его усиленіе, какъ и предшествующія мѣры Петра Великаго относительно раскольниковъ: обложеніе ихъ двойнымъ окладомъ, распоряженіе о ношеніи ими особаго платья и т. п. „И егда въ такомъ платьѣ стали ходить (раскольники)", говорится въ одномъ изъ позднѣйшихъ раскольничьихъ сочиненій XVIII в., „то нововѣрцы увидѣша въ таковомъ видѣ—удивишася, и стали сами смотрѣть по старопечатнымъ и по новымъ книгамъ, и обрѣли истину, и многи нововѣрцы записалися въ староверцы..... Нѣцы и нынѣ говорятъ: двойнаго платежа деньги втуне пропадаютъ. О семъ отвѣщаю: не втуне, но сего ради яко благочестіе соблюдутъ и вѣру сохранятъ... Аще бы сея записки не было, то какъ бы можно (мощно —въ подлинникѣ) христіанскую вѣру познать?... Послѣ собора 1667 года веліе гоненіе разогнало изъ Москвы старовѣровъ, зѣло мало въ Москвѣ осталося, да и то не своими домами жили....., и таковыхъ звали *Капитонами*, подпольниками, погребщиками.... Итако вѣры христіанскія свѣтильникъ погасе. А егда слово прикоснуся до сердца перваго императора, то онъ сей свѣтильникъ погаслый христіанскія вѣры повелѣ паки возжещи запискою, и егда записалися, то по всѣмъ странамъ пошла слава, что старая вѣра явилася... Потомъ же и вторая записка при Аннѣ Іоанновнѣ и при Елисаветѣ Императрицѣ при ревизіи, потомъ нынѣ четвертая, и сіи вси записки погаслый свѣтильникъ христіанскія вѣры возжгли... И нынѣ чрезъ записку мнози иновѣрцы старовѣрцы сташа и истиннаго Бога познаша"... Мало того, всѣ правительственныя мѣропріятія противъ раскола, по произведенному ими дѣйствію на распространеніе его, приравниваются здѣсь даже „проповѣди апостольской, мученической" [1]). Въ извѣстной мѣрѣ

[1]) Рки. Хлудов. библ. № 105. (По второму прибавленію къ опис. ркп. Хлуд. библ.). Относительно «записки» въ двойной окладъ приводятся здѣсь и такія соображенія: «Сего запискою колико добра сотворися: своими домами стали жить, на путехъ стали ходить безъ страху, въ дорогахъ безъ боязни, предъ священниковъ безъ опаски, предъ воинскимъ чиномъ... по съѣзжимъ нестрашливо... Незаписной старовѣръ покажи свою храбрость, покажи свою бодрость, дерзновеніе:

такою же проповѣдью раскола была и первая Вѣтковская выгонка, когда выведенные съ Вѣтки раскольники въ количествѣ почти около 10 т. человѣкъ явились дѣятельными проповѣдниками его во внутренней Россіи, стараясь всюду среди русскаго простонародья распространить и укрѣпить то убѣжденіе, что „котора вѣра гонима, та и права"....

Съ первой Вѣтковской выгонкой въ нашей литературѣ по исторіи раскола соединяется обыкновенно и такое представленіе, что это событіе сильно отразилось на раскольничьемъ населеніи Стародубья, и прежде всего въ томъ отношеніи, что оно увеличило на нѣсколько тысячъ численность Стародубскихъ раскольниковъ. Вышеприведенныя оффиціальныя данныя, вполнѣ надежныя и несомнѣнныя, говорятъ намъ другое, а именно то, что

стани противу лица священническа, стани противу чина воинническа, не можешь себѣ показати, но бѣжишь яко бѣгунъ и лица не смѣешь показать, да туда же норовишь уйти, гдѣ записные живутъ» ... Интересны здѣсь и слѣдующія историческія указанія: «Въ 1716 г. повелѣно указомъ писаться въ двойной окладъ, а велѣно писаться раскольниками, а не старовѣрами. А сперва писалися здѣсь на Москвѣ у Василія Блаженнаго на рву въ полатѣ, зовомой Тимонской, и писалися старовѣрами, по старопечатнымъ книгамъ. Итако писалися недѣли съ двѣ; потомъ и запретили, чтобы не писалися старовѣрами, но писалися бы раскольниками. То мнози усумнилися, невѣдуще божественнаго писанія. Что се будетъ? писалися старовѣрами, а нынѣ велятъ писаться раскольниками, и между ними бысть пря великая... И егда переписали и вѣдѣніе подали, и въ томъ вѣдѣніи обрѣлось нѣсколько тысящъ, и стали разсуждать. И овіи князи и боляре стали говорить: прирубить, и овіи сжечь, и иніи въ ссылку сослать. То слышавъ императоръ, не показался ему сей совѣтъ: повелѣлъ въ записку писат и двойнымъ оброкомъ обложить. А егда сперва писалися, то пищики ихъ спрашивали: въ чемъ вы пишатеся? И они отвѣщали, чтобъ имъ креститься въ два перста и по старопечатнымъ книгамъ молитву творить, бороду и платье русское носить, а въ церковь не ходить и поповъ къ себѣ въ домъ не пущать... А егда записалися, императоръ велѣлъ старое платье носить и значекъ былъ вывѣшенъ въ Москворѣцкихъ воротѣхъ, и по тому значку всѣ посадскіе носили: нагрудникъ крашенинной безъ рукавъ по колѣни, ферязи такія же, токмо долгія съ шестью пуговицами, а по подолу двѣ прорѣхи, подобно польскому, ожерелокъ стоячой жолтой, кафтанъ цвѣтной во всемъ подобенъ ферезямъ, токмо ожерелокъ красной, лежащей до половины спины»....

дѣло было далеко не такъ; что если и увеличилось въ то время раскольничье населеніе Стародубья, то во всякомъ случаѣ не на нѣсколько тысячъ, а едва ли даже и на нѣсколько сотъ. Въ первый разъ сказка о поселеніи въ Стародубьѣ нѣсколькихъ тысячъ Вѣтковцевъ (именно до 40 тыс.) была пущена въ обращеніе еще въ концѣ прошлаго вѣка, авторомъ извѣстнаго „Историческаго извѣстія о раскольникахъ" о. Журавлевымъ, и съ тѣхъ поръ, съ его легкой руки, сказка эта фигурируетъ почти во всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ и учебникахъ по исторіи раскола и исторіи русской церкви, какъ вполнѣ несомнѣнный и надежный историческій фактъ. Такъ П. И. Мельниковъ въ своихъ Очеркахъ поповщины, на основаніи указаннаго источника, увѣренно говорилъ, что послѣ паденія Вѣтки усилились Стародубскія слободы, и что „здѣсь поселилась большая часть выведенныхъ Сытинымъ изъ-за Литовскаго рубежа старообрядцевъ". Въ такомъ же смыслѣ высказался недавно одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей Стародубскаго раскола, именно г. Доброгаевъ, повторивъ почти буквально по этому поводу слова о. Журавлева: „по разрушеніи Вѣтки Стародубье усилилось, численность Стародубскихъ раскольниковъ увеличилась на нѣсколько тысячъ"[1]). Между тѣмъ въ это время русское правительство принимало мѣры и заботилось не объ усиленіи раскольничьяго элемента въ Стародубьѣ, а скорѣе о его ослабленіи. Было даже сдѣлано распоряженіе о выселеніи всѣхъ вновь поселившихся въ Стародубскихъ слободахъ послѣ 1729 г. раскольниковъ и разсылкѣ ихъ по мѣстамъ прежнихъ жительствъ, какъ видно изъ представленія въ сенатъ правителя Малороссіи князя Шаховскаго, сдѣланнаго имъ въ началѣ 1736 г. Въ этомъ представленіи князь Шаховскій просилъ сенатскаго указа относительно того,

---

[1]) Ист. изв. о раскольн. Ч. III, стр. 42. Филаретъ Гумилевскій: Ист. рус. церкви. Синод. періодъ. Стр. 105—109. Егоже: «Историч. свѣд. о раск. Черн. еп.» Труды Кіев. Дух. Ак. 1860 г., № 2. Мельниковъ: Оч. поповщ. ч. I, стр. 156. Ивановскій, Н. Руков. по ист. и облич. старообр. раск. Казань, 1887 г. Ч. I, стр. 134. Доброгаевъ, М.: «Состояніе Стародуб. раскола въ 30 хъ и 40-хъ годахъ XVIII столѣтія». Черн. епарх. изв. 1887 г., № 17, стр. 390. Только преосвящ. Макарій, болѣе другихъ знакомый съ документальными данными по исторіи первой Вѣтковской выгонки, не довѣрился указаніямъ о. Журавлева. Ист. рус. раск. изд. 2. СПБ. 1858 г. стр. 341.

съ котораго именно года слѣдуетъ высылать на прежнія мѣстожительства раскольниковъ, вышедшихъ изъ-за польской границы послѣ переписи капитана Брянчанинова 1729 г. и опредѣленныхъ въ описныя малороссійскія раскольничьи слободы, по силѣ именнаго указа отъ 16-го марта 1734 г. По поводу этого представленія сенатъ отмѣнилъ свое прежнее распоряженіе и постановилъ: жить имъ до указа въ тѣхъ слободахъ, платить подати противъ прочихъ, а на прежнія ихъ жилища не высылать. Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ предписалъ князю Шаховскому секретно всѣхъ этихъ раскольниковъ переписать, и кто изъ какихъ чиновъ, и откуда и въ которыхъ годахъ сошли и въ Малую Россію вышли, или переведены, и сколько ихъ нынѣ въ тѣхъ слободахъ дворовъ и душъ, и чьи они напередъ были, и въ прежнихъ мѣстахъ въ подушную перепись написаны ль, и по скольку нынѣ окладу съ нихъ берется, по силѣ какихъ указовъ онъ на нихъ положенъ, и на какихъ земляхъ они живутъ въ Малороссіи [1]). Это послѣднее сенатское распоряженіе было приведено въ исполненіе въ томъ же 1736 г.; для переписи слободского населенія, согласно смыслу сенатскаго распоряженія, былъ назначенъ княземъ Шаховскимъ маіоръ Павловъ. По Переписнымъ книгамъ послѣдняго приращеніе слободскаго населенія за время отъ 1729 г. по 1736 г. включительно было опредѣлено въ 887 душъ, въ томъ числѣ м. 471, ж. 416 [2]).

---

[1]) П. С. З. № 6883.

[2]) О Переписныхъ книгахъ маіора Павлова слѣдуетъ замѣтить, что онѣ въ цѣломъ составѣ не сохранились. Ихъ не было уже въ 1758 г., какъ свидѣтельствовалъ первый слободской управитель В. Морозовъ въ рапортѣ своемъ Кіевской губернской канцеляріи отъ 1-го іюля, по поводу произведенной имъ переписи слободскаго населенія, согласно данной ему въ 1754 г. губернской канцеляріей инструкціи. Въ рапортѣ онъ между прочимъ писалъ, объясняя медленность исполненіемъ порученной ему переписи, что «онаго маіора Павлова переписныхъ книгъ и исправныхъ копій въ волостномъ правленіи не оставлено... и обстоятельныхъ и исправныхъ вѣдомостей о числѣ всѣхъ мужеска и женска душъ во объявленномъ волостномъ правленіи не нашлось»... Между тѣмъ въ вѣдомости волостной конторы о составѣ слободскаго населенія за первую половину 1760 г., подписанной тѣмъ же управителемъ Морозовымъ, гдѣ приводятся отдѣльно данныя о составѣ слободскаго населенія по Переписнымъ книгамъ Ергольскаго, Брянчанинова и Павлова, прира-

Нельзя согласиться и съ тѣмъ выводомъ, основаннымъ на сочиненномъ фактѣ многочисленнаго переселенія раскольниковъ съ Вѣтки въ Стародубье послѣ первой выгонки, что Вѣтковцы, нашедшіе себѣ въ то время пріютъ въ Стародубьѣ, произвели много перемѣнъ въ нравственно-религіозной и церковной жизни стародубцевъ, что послѣдніе многое позаимствовали и многому научились у первыхъ. По словамъ нашихъ изслѣдователей раскола, Вѣтковцы, вынужденные силою оставить излюбленную ими Халетчину и переселиться въ Стародубье, нашли у мѣстныхъ слобожанъ такое крайнее религіозное коснѣніе и невѣжество, что они болѣе походили на какихъ-то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей, свято чтившихъ свои старинные церковные чины и обряды, вѣрныхъ своимъ роднымъ обычаямъ и нравамъ. Мало того, по установившемуся въ литературѣ мнѣнія, о стародубскихъ раскольникахъ во время первой Вѣтковской выгонки получается также представленіе, что у нихъ не было не только церквей, но даже и часовень, поповъ, общественнаго и частнаго богослуженія, церковныхъ таинствъ и обрядовъ, иноческаго житія и пр., и что они находились не только въ жалкимъ нравственно-религіозномъ и церковномъ положеніи (что, конечно, справедливо), но и были дѣйствительно какими-то грубыми дикарями, не знавшими своей вѣры и даже вовсе не думавшими о ней. Болѣе рѣзкимъ выразителемъ этого мнѣнія въ нашей литературѣ по исторіи раскола является П. И. Мельниковъ, который прямо и рѣшительно утверждаетъ, что первое „паденіе Вѣтки было причиною быстраго возвышенія слободъ стародубскихъ“, потому что „здѣсь поселилась большая часть выведенныхъ Сытинымъ изъ-за литовскаго рубежа старообрядцевъ“. Повторяя далѣе крайне тенденціозный отзывъ о. Журавлева о религіозно-церковной жизни стародубскихъ слобожанъ того времени, онъ говоритъ буквально слѣдующее: „До того въ Стародубьѣ мало было поповъ, и жившіе въ тамошнихъ лѣсахъ старообрядцы такъ одичали, что болѣе походили на ка-

---

щеніе слободскаго населенія съ 1729 г. по 1736 г. выражено въ указанныхъ въ текстѣ цифрахъ. Рапортъ и вѣдомость Морозова сохранились въ связкахъ Кіевскаго центральнаго архива. См. Дѣла переселенческія. Тѣми же цифрами выражается приращеніе слободскаго населенія за указанное время и въ дѣлѣ Х. П. А. № 3125, какъ и въ другихъ дѣлахъ того архива.

кихъ-то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей. Грамотныхъ у нихъ вовсе почти не было, и кто съ трудомъ и запинаясь на каждомъ словѣ умѣлъ читать Часословъ, тотъ считался уже великимъ богословомъ. Старики правили службу только по Часослову и Псалтири, другихъ книгъ и знать никто не хотѣлъ. Такъ, когда однажды въ слободу Злынку привезъ одинъ старообрядецъ изъ Москвы старопечатный Октоихъ и велѣлъ читать по немъ канонъ, то едва успѣли сказать начальныя слова первой пѣсни „Колеснице—гонителя Фараона погрузи", поднялся страшный шумъ. „Что это за книга?" кричали Злынковскіе старообрядцы. „За чѣмъ она здѣсь? Что въ ней за колеса, да Фараонъ? Это по новой вѣрѣ! Это книга никоніанская, еретическая! Въ печь ее да сжечь!" Когда же поселились здѣсь вѣтковскіе раскольники, жизнь въ Стародубьѣ измѣнилась... Построеніе церквей и появленіе поповъ въ достаточномъ количествѣ придало большій блескъ Стародубью, и оно сдѣлалось средоточіемъ всей разсѣянной по Руси и по зарубежнымъ мѣстамъ поповщины. Неблагосклонно смотрѣли однако на это коренные стародубляне. Когда зарубежные выходцы стали у нихъ въ слободахъ ставить церкви, они возроптали и произвели мятежъ. „Зачѣмъ намъ церкви?" говорили они. „Наши отцы отъ церкви изъ Россіи ушли; у насъ церквей слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а нынѣ церкви и въ нашихъ мѣстахъ строятъ"—и чуть не сожгли ихъ. Когда въ новопостроенныхъ церквахъ начали служить обѣдни, большой ропотъ опять поднялся отъ коренныхъ жителей Стародубья. „Что это за попъ?" говорили они. „Самъ причастье работаетъ! Развѣ это можно? У насъ было причастье старое, а это все новая вѣра!" Спустя нѣсколько лѣтъ смягчились немного нравы Стародубскихъ дикарей, и они мало по малу слились съ зарубежными пришельцами въ однѣ общины" [1]). Послѣдователи П. И. Мельникова пошли еще дальше. Г. Доброгаевъ, одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей раскола, рѣшается даже утверждать, что „до 30-хъ годовъ XVIII в. Стародубцы жили только какъ извѣстное общество, имѣвшее главнымъ образомъ бытовую исторію, послѣ первой Вѣтковской выгонки они начинаютъ уже жизнь религіознаго общества". Одно при этомъ непонятно, въ чемъ же состоялъ тогда расколъ у Стародубскихъ слобожанъ и за что ихъ какъ раскольниковъ

[1]) Оч. поповщ. ч. I. стр. 156—157.

преслѣдовали еще до первой выгонки, наприм. во время миссіонерской дѣятельности Іосифа Рѣшилова. Тотъ же изслѣдователь указываетъ намъ и самый процессъ, благодаря которому выселенные въ Стародубскія слободы Вѣтковцы научили Стародубцевъ жить жизнью религіознаго общества, именно рисуя предъ ними заманчивыя картины своей прежней религіозноцерковной жизни на Вѣткѣ, разсказывая имъ о своихъ попахъ, церковномъ богослуженіи, монастыряхъ и иноческомъ житіи и т. п. [1]) Факты не подтверждаютъ этого измышленія. Въ предшествующей главѣ мы привели нѣсколько документальныхъ указаній, что еще задолго до первой Вѣтковской выгонки были у Стародубскихъ слобожанъ свои общественныя часовни и свои попы; что еще во время Рѣшилова и раньше стародубскіе раскольники принимали: крещеніе, и браки, и покаяніе, и причащеніе и всѣ прочія церковныя таинства и обряды отъ имѣвшихся у нихъ бѣглыхъ поповъ и монаховъ. Въ тоже время по часовнямъ и по избамъ, какъ и по ихъ многочисленнымъ скитамъ и пустынямъ, вычитывались у нихъ часы, вечерни, всенощныя и совершались другіе виды богослуженій, за исключеніемъ литургіи, для которой не имѣлось антиминса и церкви. Тамъ же мы также видѣли, что въ концѣ XVII в. Стародубцы находились подъ вліяніемъ Вѣтки и жили съ Вѣтковцами одною жизнью, были ни выше, ни ниже ихъ, какъ въ бытовомъ, такъ и религіозно-церковномъ отношеніи. Вѣтковцы въ указанное время только тѣмъ и преимуществовали предъ Стародубскими слобожанами, что имѣли свои церкви и пользовались обширнымъ вліяніемъ въ поповщинскомъ мірѣ, были многочисленнѣе и богаче стародубцевъ, а также и тѣмъ, что имѣли болѣе поповъ и „премудрыхъ учителей“ сравнительно съ послѣдними.

Если мы теперь обратимся къ дѣйствительнымъ фактамъ, такъ или иначе обрисовывающимъ религіозноцерковное положеніе Стародубскихъ слобожанъ, во второй половинѣ царствованія Анны Іоанновны и потомъ въ ближайшее царствованіе Елисаветы Петровны, то увидимъ, вопреки голословнымъ увѣреніямъ указанныхъ историковъ раскола, что это положеніе въ данное время значительно измѣнилось не къ лучшему, а къ худшему, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Прежде всего на Стародубскихъ раскольниковъ, поповцевъ по преимуществу,

---

[1]) Черниг. епарх. изв. за 1887 г. № 17, стр. 390—393.

были распространены всѣ тѣ стѣсненія, которымъ, какъ мы видѣли выше, подверглись выведенные съ Вѣтки раскольники, согласно сенатскому указу отъ 4-го сентября 1735 г., за исключеніемъ выселенія слобожанъ на мѣста ихъ прежнихъ жительствъ. Особенно тяжелому преслѣдованію подверглись въ это время слободскіе раскольничьи попы, наставники и учители, иноки и инокини, такъ что у слобожанъ въ это время явилась даже „великая нужда въ духовности", т. е. въ попахъ, чего повидимому до того времени не было. Дѣятельное участіе въ этомъ преслѣдованіи раскольничьихъ поповъ и монаховъ принималъ прежде всего тогдашній Стародубскій полковникъ Аѳанасій Прокофьевичъ Радищевъ (1734—1741 гг.) [1]. Память о этихъ преслѣдованіяхъ раскольничьихъ поповъ была еще жива въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Въ такъ называемомъ „Экстрактѣ о непослушаніяхъ раскольничьихъ слободъ жителей малороссійскимъ властямъ", составленномъ въ въ 1754 г. въ генеральной войсковой канцеляріи, въ составъ котораго вошли извлеченія изъ разныхъ дѣлъ той же канцеляріи, приведены нѣкоторыя раскольничьи показанія, въ которыхъ прямо и рѣшительно заявляется тотъ фактъ, что еще „полковникъ Стародубовскій Радищевъ въ раскольничьихъ слободахъ поповъ проискивалъ" [2]). Самый фактъ этого „проискиванія" имѣлъ мѣсто въ 1738—1739 гг., какъ видно изъ другаго документальнаго свидѣтельства, именно изъ прошенія, поданнаго гетману Разумовскому въ 1760 г. зарубежными раскольничьими монахами, Ѳеодосіемъ и Филаретомъ, по вопросу объ условіяхъ возвращенія въ предѣлы Россіи зарубежныхъ раскольниковъ—мірянъ и монаховъ. Объясняя, почему раскольничій „духовный чинъ изъ Польши не выходитъ", они, между прочимъ, писали, что этотъ послѣдній „имѣетъ о томъ *великое опасеніе, что учинилось въ прошлыхъ 1738 и 1739 годѣхъ въ описныхъ государевыхъ слободахъ*: за нерадѣніемъ и недоумѣніемъ волостныхъ командировъ весь духовной нашъ чинъ, священники, такожде иноки и инокини изъ оныхъ слободъ безъ остатку всѣ

---

[1]) Арх. Сен. Баранова. 11, № 5000. До полковничества Радищевъ съ 1732 г. состоялъ въ числѣ великорусскихъ членовъ генеральнаго суда. Зап. Марковича, 1, 384.

[2]) Х. И. А. Д. М. № 6673. Мат. для ист. раск. на Вѣт. и въ Стар. № 39, стр. 192.

разобраны и разосланы по разнымъ и незнаемымъ монастырямъ и скитамъ, а иныхъ многихъ растригали и въ службы опредѣляли. А иные въ заточеніи и до смерти за древлецерковное преданіе и содержаніе догматовъ и животъ свой скончали, отъ чего оныхъ описныхъ государевыхъ слободъ обыватели въ духовности, какъ въ крещеніи, такъ и въ смертномъ случаѣ и по-нынѣ претерпѣваютъ великую нужду, и только имѣютъ въ той скорби отраду, что въ Польской области [1]"... Положимъ, что эта „великая нужда въ духовности" была сильно преувеличена указанными зарубежными монахами; нельзя согласиться съ тѣмъ, что будто бы Стародубскіе слобожане въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка только и пользовались приходящими попами и монахами изъ-за литовскаго рубежа. Изъ тоговременныхъ указаній, находящихся въ разныхъ дѣлахъ полковой и министерской канцелярій, какъ и другихъ относящихся сюда данныхъ, видно, что дѣло стояло далеко не такъ. Наприм. изъ дѣла 1747 г. о такъ называемой Воронковской лжехристовщинѣ оказывается, что въ Воронкѣ были свои раскольничьи попы безъ перерыва до половины 1747 г.: за извѣстнымъ намъ уже попомъ Борисомъ слѣдовалъ тамъ попъ Кузьма Воропай или Воропаевъ, потомъ попъ Иванъ Дубка (Дудка) и наконецъ попъ Семенъ Калининъ, захваченный въ началѣ 1747 г., по показанію агента министерской канцеляріи и Стародубскаго полковника Максимовича Никиты Коренева, и отправленный потомъ министерской канцеляріей въ Контору канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ былъ свой попъ и въ слободѣ Климовой, нѣкто Якимъ Дементьевъ, уроженецъ Обоянскаго уѣзда изъ села Нѣмчинова, поповъ сынъ, вышедшій въ Климову изъ зарубежнаго Лаврентіева монастыря. Тѣмъ не менѣе изъ тѣхъ же указаній усматривается и то, что въ указанное время слободскіе раскольничьи попы должны были скрываться, тайкомъ крестить дѣтей и совершать браки; дѣло доходило до того, что слобожане по ночамъ украдкой отправлялись къ своимъ излюбленнымъ бѣглымъ попамъ, чтобы только окрестить своихъ дѣтей и не выдать властямъ ихъ мѣстожительства [2]). Въ то же время, со-

---

[1]) Х. И. А. Д. М. № 6673. Мат. для ист. раск. на Вѣт. и въ Starод. № 45, стр. 208.

[2]) О Воронковскихъ попахъ см. показанія въ дѣлѣ о Воронковской лжехристовщинѣ: Х. Ист. Арх. № 21299, а также въ нашихъ

гласно сенатскому указу отъ 21-го марта 1736 г., которымъ повелѣвалось обнаруживать раскольничьи рукописи, книги и лжеучителей (П. С. З. № 6928), подвергались преслѣдованію и разыскивались не только раскольничьи попы, но также церковно-богослужебныя раскольничьи книги, книжки печатныя или писанныя или раскольничьи тетрадки и другія письма, захватывались при обыскахъ также мѣдныя иконы и другія старинныя уважаемыя раскольниками вещи, напр. „сребныя копѣйки, коимъ въ народѣ ходить указомъ запрещено" и пр. Первымъ такимъ преслѣдователемъ слободскихъ раскольниковъ и былъ вышеупомянутый стародубскій полковникъ Радищевъ, во очію видѣвшій какъ было выгодно и удобно наживаться на счетъ раскольниковъ въ первую Вѣтковскую выгонку, когда выгоняли ихъ изъ-за рубежа какъ овецъ и захватывали у нихъ все, что только можно было захватить. Политикѣ Радищева слѣдовалъ потомъ и его преемникъ по Стародубскому полковничеству, Ѳедоръ Дмитріевичъ Максимовичъ (1741—1756 гг.), дѣятельнымъ агентомъ котораго, какъ и тогдашней министерской канцеляріи по „проискиванію" слободскихъ раскольничьихъ поповъ и разыскиванію раскольничьихъ книгъ и разныхъ тетрадокъ, былъ извѣстный скипидарный заводчикъ Никита Кореневъ, бывшій Ардонскій безпоповецъ, потомъ обратившійся въ православіе. Такъ 15-го марта 1745 г. онъ доношеніемъ объявилъ канцеляріи министерскаго правленія, что 3-го „марта, будучи въ Стародубѣ, нашелъ тетрадку, писанную рукой Еленскаго схимника, раскольника, Григорія Яковлева, въ которой написаны нѣкакіе вопросы, а подъ конецъ той тетрадки подписано другою рукою, что получены котораго мѣсяца и числа; а признавается якобы рука раскольника Володимера Михайлова", съ представленіемъ самыхъ вопросовъ. Въ 1747 г. онъ же представилъ полковнику Максимовичу важное доношеніе „о поставленной въ Польшѣ близь рубежа въ Гомельской слободкѣ Спасовой раскольниками церкви раскольнической, о припровожденіи въ слободы поповъ тайно и творящихъ по раскольнически

Мат. для ист. раск. № 25, стр. 136; 137, 139—140. Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. VII, стр. 229—231. О Климовскомъ попѣ Якимѣ Дементьевѣ: Сборн. отд. рус. яз. и слов. т. IX, стр. 403. Румянц. оп. т. CXVI, л. 8. Здѣсь между прочимъ сказано, что въ 1767 г. ему было 60 л. и «бѣжалъ онъ за границу съ дѣдомъ своимъ, тому будетъ 45 л.».

исправленія церковныя, о прибавленіи еще вновь церквей раскольниками, описныхъ Стародубовскихъ слободъ жители, и о сысканныхъ антиминсахъ и постановленіи себѣ епископа, о живущихъ въ тѣхъ раскольническихъ слободахъ, публичныхъ часовняхъ и при нихъ колоколахъ, и отправленіи вечерней, утреней и часовъ, и погребеніи мертвымъ, о живущихъ въ тѣхъ слободахъ прикровенно попахъ, изъ которыхъ одинъ по показанію Семенъ Калининъ и пойманъ, и о другихъ въ тѣхъ слободахъ живущихъ раскольникахъ же, кои де желаютъ себѣ православныхъ іереевъ изъ Россіи съ нѣкакими резонами звать и хотящихъ соединитися святой церкви". По его же доношенію въ томъ же 1747 г. начатъ былъ полковникомъ Максимовичемъ и упомянутый уже нами выше процессъ о Воронковской лжехристовщинѣ. Были отдѣльные случаи преслѣдованія слободскихъ раскольниковъ и со стороны мѣстныхъ духовныхъ властей. Такъ по дѣлу 1745 г. о книгахъ, отобранныхъ у раскольника Васильева, членъ министерской канцеляріи Ильинъ писалъ Черниговскому епископу Амвросію Дубневичу, что Стародубскій священникъ, явясь въ домъ означеннаго раскольника, грабительски забралъ книги и много вещей и надѣлалъ много другихъ обидъ, а въ заключеніе просилъ подвергнуть священника строгому отвѣту. Интересно, что когда произведено было слѣдствіе, бурмистръ Карповъ, доносившій Ильину на священника, обѣщалъ представить доказательства и не представилъ, а Васильевъ въ своемъ прошеніи писалъ, что у него взяты только книги, но ничего другаго и обиды никакой невидалъ онъ отъ священника [1]). Все это однако не такого рода факты, чтобы

[1]) О времени назначенія Максимовича Стародубскимъ полковникомъ см. Сенат. Арх. IV, стр. 466 и 710. О Кореневѣ, какъ агентѣ полковника Максимовича и министерской канцеляріи, см. Ист. стат. опис. Черн. еп. кн. I, стр. 137 и 139; VII, стр. 227—231. Арх. Черн. дух. Конс. №№ 58, 383. Х. И. А. № 21299 и въ Матер. для Ист. раск. № 25, стр. 131, примѣч. къ № 25, стр. 147—148. Объ обстоятельствахъ обращенія Коренева въ православіе имѣются слѣд. данныя. Въ постановленіи прав. Сената отъ 10-го сентября 1741 г. записано: «по вѣдѣнію Св. прав. Синода, Стародубскаго полка слободы Ардони раскольника Никиту Коренева, который явился въ прав. Сенатъ съ прошеніемъ, чтобъ той и другихъ слободъ раскольниковъ, поселившихся тамъ на земляхъ Кіевопечерской Лавры, по состоявшемуся Е. И. В. апрѣля 29 числа сего года указу, въ под-

при данныхъ условіяхъ возможны были тѣ религіозно-церковныя перемѣны въ жизни стародубскихъ слобожанъ, какія будто бы произвело на нихъ вліяніе вѣтковскихъ поповъ и монаховъ, переселившихся сюда послѣ первой выгонки. Ясное дѣло, стало быть, что не въ это время „строились часовни, устанавливалось общественное богослуженіе, заводились попы въ Стародубьѣ", какъ стараются голословно утверждать то указанные историки.

Извѣстно, что религіозными преслѣдованіями скорѣе достигается противоположная цѣль, нежели та, которая имѣется въ виду, потому что такими преслѣдованіями возбуждается ревность проповѣдниковъ и послѣдователей гонимой вѣры. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И въ Стародубьѣ преслѣдованіе слободскихъ раскольниковъ, поповцевъ по преимуществу, „разыскиваніе" ихъ бѣглыхъ поповъ повлекло за собою не соединеніе ихъ съ православною церковію, а усиленіе и распространеніе худшаго вида раскола—безпоповщины, которая, какъ извѣстно, въ своихъ взглядахъ на православную церковь и православную власть суровѣе, фанатичнѣе остальныхъ своихъ собратій—послѣдователей поповщины. Не имѣя возможности даже тайно держать у себя бѣглыхъ поповъ, не желая и соединиться съ православною церковію, слобожане, у которыхъ расколъ издавна установился въ формѣ поповщины, благодаря тѣмъ „перебѣжимъ іереямъ," которые были главными организаторами поповщинскаго раскола въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ, теперь легче уловлялись въ сѣти проповѣдниковъ разныхъ фракцій тогдашней безпоповщины, представители которой въ весьма впрочемъ ограниченномъ числѣ жили въ Стародубьѣ и до первой Вѣтковской выгонки. Само собою понятно, что это послѣднее обстоятельство, т. е. усиленіе и распространеніе среди слобожанъ безпоповщинскаго толка, должно было оттѣнить невыгодными чертами и религіозно-нравственную жизнь ихъ, когда духовными руководителями вмѣсто бѣглыхъ поповъ и

данство тому монастырю не отдавать, отослать въ оный Св. Синодъ при вѣдѣніи подъ карауломъ, а поданное отъ него, Коренева, челобитье, сообща съ дѣломъ и выписавъ, доложить». По прошенію, поданному въ Синодъ 28 декабря 1741 г., Кореневъ возвратился въ православіе; а по дѣламъ его Синодъ предписалъ произвесть слѣдствіе Малороссійской министерской канцеляріи. Дѣло Черн. дух. Консист. № 58 и др. Дѣло объ отобраніи книгъ у раскольника Васильева 1745 г. № 380.

монаховъ явились у нихъ разные едва грамотные „старички,“ правившіе службу по Часослову и Псалтыри и нехотѣвшіе знать никакихъ другихъ книгъ.

О первоначальномъ появленіи безпоповцевъ въ Стародубьѣ имѣются слѣдующія данныя. Самый первый по времени изъ существующихъ доселѣ толковъ безпоповщинской секты,—*толкъ Поморянъ* или *поморскій*, *Даниловщина*, по имени Даніила Викулина,—укоренился въ нѣкоторыхъ изъ Стародубскихъ слободъ еще въ самомъ началѣ XVIII в., напр. въ Ардонѣ или первоначально называемой „Чернецкой слободѣ,“ а также въ Деменкѣ и Клинцахъ, гдѣ безпоповцы жили смѣшанно съ бѣглопоповцами и большею частію въ значительномъ меньшинствѣ сравнительно съ послѣдними [1]).

Въ первой изъ указанныхъ слободъ Поморцы основались съ 1710—1711 гг., т. е. со времени первоначальнаго ея заселенія. Въ „Сказаніи о раздорѣ въ крещеніи,“ написанномъ въ 1751 г. по поводу посланія 1720 г. Спиридона Иванова, поморскаго наставника въ Ардони, передаются такія подробности о первоначальномъ положеніи мѣстной безпоповщинской общины. „Въ прошлыхъ убо лѣтѣхъ до настоящаго зеки (времени написанія посланія) въ Чернецкой слободѣ, глаголемой Ордони,“ говорится въ этомъ замѣчательномъ по языку и историческимъ подробностямъ Сказаніи, „людіе въ великой теплотѣ вѣры христіанскія и любви общей правимы быша, *по благосовѣтію отецъ Поморскихъ*, и въ тѣхъ совѣтахъ. Но яко умножающуся вѣрныхъ и нужды настоящей многой явися въ дѣлахъ духовныхъ, соблаговолиша отцы дати чернеца отъ своея обители (Выговской пустыни или Выгорѣцкой обители) *Саватія*, такожде и отъ бока своего мужа добрѣ вѣдяща правильный разумъ и совѣты отецъ, *сего Спиридона Иванова*, соблаговолиша послати въ правленіе тамо дѣлъ церковныхъ, который бывъ иногда довольная времена на Низу (въ Поволжьи) и между многими учители незазорный бяше диспутъ (sic!), его же словесъ не вѣмъ, кто стояти противный возмогъ бы. Егда же сей, по благосовѣтію премудраго

[1]) Кромѣ указанныхъ слободъ, безпоповцы селились въ незначительномъ числѣ и по другимъ раскольническимъ слободамъ. Были случаи поселенія ихъ отдѣльными семействами и по малороссійскимъ селамъ и деревнямъ, какъ и по городамъ Малороссіи. Компуты 1723 г., лл. 317 об. и 448.

Андрея (Денисова), прибылъ во Ардонь, истину глаголю, просвѣти лице церковное въ ученіи аки солнце, и во многія страны лучи своего разума простре, и отъ многихъ странъ за предивное ученіе очи къ себѣ обрати и вся внѣшняя церкви посрами. О колякая тогда весна въ людѣхъ показася, яко лѣнивіи тогда многіе плоды благіе приношаху! Кій же тогда духъ радости въ ревнителехъ пребываша! Во всѣхъ бо духовная благодать растяше; вси въ день недѣльный и праздничный течаху во единъ храмъ молитвенный слышати медоточныхъ того словесъ и насладитися пиршества духовнаго." Такимъ образомъ по этому „Сказанію" первыми поморскими наставниками въ Ардони были: чернецъ Савватій и Спиридонъ Ивановъ; послѣдній дѣйствовалъ здѣсь до времени „Рѣшилова гоненія," когда бѣжалъ вмѣстѣ съ другими въ Волощину. Въ одномъ изъ рукописныхъ раскольничьихъ сборниковъ Высокопреосвященнаго Макарія замѣчено о Спиридонѣ Ивановѣ, не безъ преувеличенія, конечно, что онъ „просвѣтилъ свѣтомъ благочестія всю Украину[1]". Изъ того же „Сказанія" далѣе открывается, что уже во время Спиридона Иванова у слободскихъ безпоповцевъ происходили внутреннія несогласія и раздоры, главнымъ образомъ по вопросу о второкрещеніи православныхъ, переходящихъ въ безпоповщинскій расколъ. Виновниками этихъ внутреннихъ несогласій и раздоровъ явились нѣкоторые изъ переселившихся въ Стародубье безпоповцевъ „отъ Понизовскихъ пустынь," а именно ими были: Макаръ и Иванъ Осиповы, Афанасій Стрѣлковъ, Петръ Кривой и др. Дѣло въ томъ, что, по словамъ этого источника, „по

[1]) Въ сборн. Высокопреосв. Макарія № 82 (Аа, 122), лл. 146—148, имѣется «Собраніе вкратцѣ о бракѣ Андрея Ѳеолога» (т. е. А. Денисова), въ особой припискѣ къ которому замѣчено, что его подписали, кромѣ Ѳеолога Андрея, «благословныи учители: Іоаннъ Акиндиновичъ, потрудившійся въ разглагольствіи отвѣтовъ. Михайло Ивановичъ Вышатинъ, потрудившійся путешествіемъ до Іерусалима и до прочихъ Палестинскихъ странъ. Спиридонъ Ивановичъ, просвѣтивый свѣтомъ благочестія всю Украину. Мы же сіи четыре благословные учители почитаемъ яко четыре евангелисты, несогласующихъ же симъ, еретики и раздорники разумѣваемъ, развѣ по смотрѣнію творящихъ нѣкоихъ ради народныхъ воздержностей.» Опис. рук. собр., находящихся въ г. Кіевѣ. В. I. проф. Н. И. Петрова. М. 1892 г. стр. 130—131. Объ Ив. Акиндиновѣ упоминается и въ Ист. Выгов. пуст. ч. 1, гл. 1.

совѣту высшихъ въ разумѣ мужей, обще положено исперва, яко поморскихъ, чтобы до числа 1667-го отъ числа 1663-го крещенныхъ, аще и въ новинахъ, не второкрестити отъ тѣхъ поповъ, кои крещены по старому, а по новому ставлены.... Посему и бѣгствующихъ поповъ, кои крещены по старому, а по новому ставлены, крещеныхъ отъ сихъ на-твердо не повелѣша премудріи мужіе второкрестить". Понизовскіе учители держались въ этомъ отношеніи иной практики и укоряли „предивнаго учителя Спиридона, почто не второкрещаетъ таковыхъ," и увѣщаній его „писаніемъ и отеческими прежде бывшими совѣты не слушали. И сего ради наста ему нужда писати до поморскихъ и понизовскихъ отецъ, да утолятъ ихъ мятежъ и умирятъ церковь. И тіи разная посланія мудрая до нихъ писаша, угаждающе ихъ дѣло мятежа церковнаго; но ни чтоже и тіи успѣша. И тако отскочиша отъ исполненія церковнаго и устроиша самочинну свою церковь, крестяще не повелѣнныхъ имъ"... Были въ то время и другіе „развращеннѣйшіе и безумнѣйшіе второотщепенцы, сихъ первыхъ далече отъ себе отдѣляюще, въ толику дебрь сомнѣнія заблудиша, яко мало что новокрещенцевъ еретиковъ недостигоша крещеніемъ, запе... за грѣхи не крестиша, а за малое нѣкое умышленіе въ себѣ новокрещахуся. Тѣмъ же многажды крещающеся, нѣцыи въ нихъ не токмо трикратно, но и четверократно крещаемы быша, коего ради беззаконія яко сонія возстающаго погибоша сіи и память ихъ погибе." Съ прибытіемъ „изъ Нижнева" нѣкоего уставщика Якова Семенова, „мужа свирѣпаго и упрямаго обычая," число отдѣлившихся еще болѣе увеличилось и простиралось до 300 человѣкъ.

Въ 1728 г. къ слободскимъ безпоповцамъ поморскаго толка„ присланъ былъ отъ Поморья для церковныхъ нѣкоторыхъ смотрѣній мужъ премудръ, зная ученіе ритороско, Леонтій Өеодосьевичъ." Это былъ одинъ изъ довольно извѣстныхъ пропагандистовъ поморскаго толка, сначала въ Новгородѣ, гдѣ онъ неоднократно обличалъ и посрамлялъ тамъ учителей другаго безпоповщинскаго толка—Өеодосіева, названнаго такъ по имени Өеодосія Васильева, дьячка Крестецкаго яма, происходившаго будто бы изъ рода бояръ Урусовыхъ. О стародубской его дѣятельности упоминается и въ указанномъ выше „Сказаніи о раздорѣ въ крещеніи," также и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Ивана Алексѣева, по выраженію котораго Леонтій Өеодосѣевичъ, человѣкъ

„отъ боку Андрея Денисьевича бывшій,“ т. е. самый близскій Денисову, въ бытность свою въ Малороссіи, во время пребыванія тамъ Ивана Алексѣева, говорилъ и дѣйствовалъ въ пользу „новыхъ браковъ,“ пропагандируемыхв Алексѣевымъ (о нихъ рѣчь будетъ ниже). По словамъ „Сказанія“ дѣятельность его здѣсь ограничивалась главнымъ образомъ вопросомъ о раздорѣ въ крещеніи и сопровождалась успѣхомъ, такъ какъ ему удалось перетянуть на свою сторону на нѣкоторое время вышеупомянутаго уставщика Якова Семенова, который и уговорилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ примириться „на то, чтобы не второкрестити отъ тѣхъ рукоположенцевъ.“ Вышеупомянутые же Макаръ и Иванъ Осиповы, потомъ вновь выдвинувшіеся наставники—„Ѳедоръ Ивановъ, Ѳедоръ Фоминъ съ подобными во своемъ осташа. И времени нѣкоему минувшему, мало по малу наставники добрые во Ардони оскудѣша; тогда Іякова оного превзяся рогъ и обѣтъ свой преступи въ крещеніи: паки нача отъ оныхъ новорукоположенцевъ второкрестити, и въ сіе не токмо съ ними пришедыхъ, но и до него бывшихъ привлече, и въ томъ безъ раскаянія умре.“ Вновь выдвинувшіеся въ Ардони наставники охарактеризированы въ „Сказаніи“ такъ: „сіи обои Ѳедоры внѣшнимъ видомъ воздержницы, суще житіе безженное ведутъ, мясъ ѣденія удаляются, питія хмѣльнаго зѣло ненавидятъ, сладкихъ пищей не имутъ, одеждами худыми уловляются (?), и сихъ ради внѣшнихъ ихъ винъ, сотѣсняеми нуждею, мнози очи свои на ня обратиша, но суетно. Ибо по внутреннему достойни суще отвращенія, яко невѣжества въ разумѣ великаго исполнени, суще бо породы поселянскія и нѣкоихъ неукъ отроды, истиннаго разума въ писаніи неискушенны, и далече суще того сѣдалища: обои бо быша держащіи рало; но Ѳедоръ Ивановъ при ралѣ и ковачь баше, *въ великимъ уже возрастѣ часовникъ и псалтырь изучи*, и ради чистаго его единаго житія во отцы духовные таковіи же слѣпо и нужно введоша. А самъ сей мнимый духовникъ отъ многихъ уже лѣтъ духовнаго отца себѣ не имать, по сущему свидѣтельству благоразумнаго старца, мужа добля Ивана Иванова, извѣстнаго вѣдателя, такожде и по сказанію Ивана Макарова, бывшого у того Ѳеодора за страхъ смерти на исповѣди, яко при символѣ вѣры слышалъ его вопрошающа: бракъ настоящій за отступленіе ли вмѣняетъ вѣры“? Таковы были, по словамъ Сказанія, тѣ безпоповщинскіе наставники Ардони, которые „помрачили аки темные враны благолѣпіе церковное“, и „отъ гра-

канія" которыхъ „смятошася чувства многихъ, и сладкихъ пѣсней истинныхъ славіевъ многіе не возмогоша добрѣ разумѣти [1]). Въ сороковыхъ годахъ Поморцы въ Ардони были уже на столько сильны, что одинаково преслѣдовали какъ жившихъ среди ихъ бѣглопоповцевъ, такъ и случайно поселявшихся здѣсь православныхъ, какъ видно изъ дѣла Ардонскаго бѣглопоповца Зябкина и православнаго зятя его Иваненка (1748—1770 г.), о которомъ уже намъ приходилось упоминать. Между прочимъ зажиточные Ардонскіе поморцы „ни въ какіе заработки не употребляли" мѣстныхъ бѣглопоповцевъ и православныхъ, не давали милостыни и даже изъ хатъ выгоняли [2]).

Изъ того же дѣла мы знакомимся съ обрядами и обычаями мѣстной безпоповщины. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ „Запросные и отвѣтные пункты" Ардонскаго войта Василія Тепикина, безпоповца, по дѣлу о совращеніи въ безпоповщинскій расколъ зятя Зябкина, „хохла Лаврена Иваненка",

---

[1]) «Сказаніе о раздорѣ въ крещеніи» извлечено нами изъ рукописн. сборн. Хлудовской библ., № 352, лл. 286 об.—290 и напечатано въ цѣломъ видѣ въ Матер. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ. № III, стр. 14—18. Срав. Описаніе рки. Хлуд. библ. А. Попова, №№ 275 и 352, стр. 545—546, 646. О Новгородской дѣятельности Леонтія Өедосѣева упоминается въ посланіи Өеодосія Васильева къ Андрею Денисову или «Предложенія о догматѣхъ и титлѣ», начинающемся словами: «Вѣдомо буди вашей братской о Христѣ къ намъ грѣшнымъ любви». Макарій: Ист. рус. раск. изд. 2, стр. 293, примѣч. О пребываніи его въ Стародубьѣ см. также въ сочиненіи Алексѣева: «О тайнѣ брака», ч. 1, глава: «О обычаяхъ отецъ настоящаго времени». О принадлежности этого сочиненія Ив. Алексѣеву см. весьма обстоятельныя замѣчанія А. Б. (Опис. раск. соч. ч. I, стр. 265—270), а также соображенія проф. Никольскаго въ его соч.: Сем. жизнь въ рус. раск. Спб. 1869 г., 81—83. Примѣч. Срав. также Ист. извѣщ. о безпр. прод. закон. брака въ старовѣрахъ, изд. заграницей въ 1866 г., лл. 5, 7 и 11. О Леонтіи Өедосѣевѣ, какъ дѣятельномъ пособникѣ первыхъ главныхъ настоятелей Выговской обители упоминается и въ Ист. Выгов. пуст. Ив. Филиппова, изд. Кожанчикова. Спб. 1862 г. стр. 94.

[2]) Арх. Черн. дух. Консист. № 484, лл. 9—10. Дѣло о принятіи жительствующаго въ вѣдомствѣ Кіево-печерской лавры въ селѣ Богородицкомъ,—такъ была названа Ардонь съ 1741 г. по возвращеніи въ подданство лавры,—раскольника Зябкина въ православную вѣру, который потомъ и опять отступилъ (1748—1770 гг.) въ расколъ.

сдѣланные и данные въ канцеляріи Кіево-печерской лавры 20-го іюля 1753 г. Эти запросные и отвѣтные пункты напечатаны нами подъ № 32 въ Матеріалахъ для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод., стр. 166—171. „Старики, ихъ учители безпоповщины", показывалъ войтъ, обыкновенія не имѣютъ вѣнчать и не вѣнчаютъ; а хто захочетъ женитись, то отсылаютъ для вѣнца на Вѣтку къ попу, и ходятъ туда къ попамъ всѣ желающіе женитись, а не вѣнчанные попомъ у безпоповщинѣ не живутъ. А для чего та отсылка къ попамъ для вѣнца, въ противность безпоповской уставы, дѣлается, то онъ, Василій, не знаетъ; ежели бъ же хто для вѣнца къ попу не хотѣлъ пойти, то тому женитись безъ попа не велятъ. А послѣ вѣнца хто захочетъ жить въ поповщинѣ или въ безпоповщинѣ, того не запрещаютъ, токмо уже женившихся обѣихъ персонъ въ часовню внутрь не пустятъ дотоль, пока будутъ у нихъ дѣти родитися; а когда дѣтей уже не станетъ, и они не станутъ ни съ кѣмъ, кромѣ безпоповщиковъ, ясти и пити, въ то время опять въ часовню ходить допустятъ. И таковые женатые люде всѣ, на молитву пришедши въ часовню, стоятъ въ сѣнцахъ часовни и подъ окошками, а внутрь имъ входить нельзя". Относительно отправленія „моленія" въ часовнѣ и „мірскихъ требъ" тотъ же Тепикинъ показалъ: „Моленіе въ часовнѣ: утреня, часы и вечерня: а отправляютъ на то избранные, по совѣту тѣхъ стариковъ, кои въ часовню внутрь входятъ, грамотные и постоянные старички, между которыми еденъ главный, вмѣсто попа имѣется, который главный старичокъ рождающихся креститъ въ часовнѣ такимъ порядкомъ, какъ въ Требникѣ напечатано, точію мѵромъ не помазуетъ". Для избѣжанія возможныхъ преслѣдованій и розысковъ со стороны Кіево-печерскихъ властей, противорѣча даже самому себѣ и положительнымъ указаніямъ выше упомянутаго „Сказанія о раздорѣ въ крещеніи", Тепикинъ разсказывалъ въ канцеляріи лавры далѣе, что „въ слободѣ Ардіони такова старичка не было и нынѣ нѣтъ; токмо бывало призываютъ зъ слободы Клинцовъ, и у него, Василія, четверо дѣтей бывшій въ сл. Клинцахъ старичокъ Ѳедоръ Коваль также крестилъ. Оной же Ѳедоръ бывало въ Ардіонѣ и служитъ утреню, часы и вечерню, и ихъ раскольниковъ всѣхъ во всѣ поста исповѣдуетъ, токмо не причащаетъ ничимъ, и за грѣхи покуту налагаетъ, такожъ при смерти исповѣдуетъ и мертвыхъ погребаетъ такимъ порядкомъ, какъ въ Требникѣ напечатано, точію воды

святой нѣтъ и оливою очей не заливаютъ. И по погребеніи панахиды онъ, старичокъ, служитъ... А временемъ бываетъ, что и простые умершаго погребаютъ, да уже у Клинцахъ отправляетъ старичокъ опосля погребеніе и панахиды" [1]).

Существеннымъ дополненіемъ къ отвѣтамъ Ардонскаго войта Тепикина относительно обрядовъ безпоповщины служитъ показаніе Константина Степанова Зябкина, тестя совращеннаго въ безпоповщину „Лаврена Иваненко", данное въ канцеляріи же Кіево-печерской лавры 28-го апрѣля 1753 г. Онъ между прочимъ показалъ: „Расколъ поповщину содержащихъ... безпоповщину содержащіе въ часовню не допущаютъ, и купно съ ними ни ядятъ, ни пьютъ; а дѣтей обоихъ расколовъ вѣнчаютъ и крестятъ попы раскольничіе заграницею. А погребаютъ мертвыхъ сами собою, только *взимаютъ зъ гробовъ землю и къ заграничнимъ раскольничимъ попамъ для поминовенія и разрѣшенія умершихъ возятъ, и обратно тую на гроба привезши посыпаютъ*, и всему въ ту пору народу случившемуся, смѣкая по имуществамъ, деньги и пироги роздаютъ. Особливо же по умершемъ въ безпоповщинѣ того расколу людямъ деньги на поминовеніе по домамъ разносятъ и по окошкахъ пакладаютъ со объявленіемъ умершаго имени; тоже чинятъ на третини, шестини, девятини и сорочини [2])"....

Вмѣстѣ съ Поморцами въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка усилились въ Стародубьѣ и Ѳедосѣевцы, представители другой фракціи безпоповщинскаго толка, извѣстные проповѣдники „гнуснаго бракоборства", въ общинѣ которыхъ также не мало было „тьмы и суевѣрія", невѣжества и глупости", какъ и въ другихъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ безпоповщинскаго толка. О времени ихъ первоначальнаго поселенія въ Стародубскихъ слободахъ нѣтъ точныхъ указаній; но то несомнѣнно, что отдѣльными небольшими партіями Ѳедосѣевцы селились въ Стародубьѣ и раньше 1758 г., когда довольно значительная Ѳедосѣевская партія вышла изъ Польши и поселилась въ слободѣ Злынкѣ. Такъ напр. относительно Ивана Алексѣева, автора довольно многочисленныхъ сочиненій о необходимости брачной жизни и незаконности бѣглопоповства,

---

[1]) Ibidem, лл. 22—23. См. въ Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ, № 32, стр. 167—169.

[2]) Ibidem, стр. 171, примѣчаніе къ № 32.

извѣстно, что онъ въ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ вышелъ съ Вѣтки, гдѣ была Ѳедосѣевская община еще до первой Вѣтковской выгонки, въ одну изъ Стародубскихъ слободъ, по всей вѣроятности въ Климову, и жилъ здѣсь въ Ѳедосѣевской общинѣ. О переселенiи польскихъ Ѳедосѣевцевъ въ Стародубье въ 1758 г. интересныя подробности сообщены проф. И. Ѳ. Нильскимъ въ одной изъ первыхъ его статей по исторiи раскола. На основанiи одной статьи рукописнаго его сборника подъ заглавiемъ: „Польскихъ отецъ разсужденiе о моленiи за властей", онъ разсказываетъ, что въ царствованiе императрицы Елисаветы Петровны, именно въ 1757 г., когда началась семилѣтняя война, и большая часть русской армiи проходила черезъ Польшу на прусскую границу, главнокамандующiй въ то время армiею графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ случайно заѣхалъ въ польскую Ѳедосѣевскую обитель. Пробывъ здѣсь нѣсколько часовъ, графъ при выходѣ изъ обители сказалъ, обратившись къ наставникамъ Ѳедосѣевскимъ: „Старички любезные, помолитесь о насъ Господу Богу, дабы помогъ намъ Богъ сего врага нашего Прусака смирять и побѣдить", и за тѣмъ прибавилъ; „Удивляюсь я много, какъ васъ Богъ отъ проходящихъ нашихъ войскъ здѣсь хранитъ; они вѣдь не уснутъ, ежели зла не сотворятъ. При томъ же скажу вамъ и то, что теперь по моему приказу никто васъ не обидитъ: однако когда будемъ мы, дастъ Богъ, съ побѣдою возвращаться назадъ; тогда уже вамъ, други мои, здѣсь не усидѣть. Того ради заблаговременно вы прiискиваете себѣ мѣсто, гдѣ бы вамъ тогда съ покоемъ пробытъ можно". Графъ будто бы до того былъ внимателенъ къ Ѳедосѣевцамъ, что оставилъ имъ двухъ солдатъ для охраненiя, пока армiя пройдетъ мимо. Въ благодарность за такiя милости, вскорѣ послѣ этого „обительскiе отцы" Матѳей Ѳедоровичъ, Стефанъ Аѳанасьевичъ, Артамонъ Осиповичъ, Ѳедулъ Дмитрiевичъ и другiе собрались на совѣщанiе, „какимъ бы образомъ можно было о побѣдѣ русскаго войска Бога молить". Одни говорили, что надобно молиться, и ссылались на писанiе, другiе же, напротивъ, представляли, что хотя „и прилично намъ за русскаго государя Бога молить, понеже и мы россiане, но для того не можно, что теперь не въ его державѣ находимся. Такъ и за пановъ польскихъ молить намъ не свойственно. И сего ради пристойнѣе всего, кажется, молить намъ Бога о самихъ себѣ". Не смотря впрочемъ на такое разногласiе, „въ тог-

дашнее время", замѣчаетъ авторъ указанной статьи, свидѣтель происходившихъ событій, „оные отцы о побѣдѣ русскаго войска, по прошенію графа Чернышева, вѣрно моленіе къ Богу приносили". Проживъ спокойно осень и зиму въ обители, весной въ первыхъ числахъ мая Ѳедосѣевцы, припомнивъ угрозу Чернышева, рѣшились оставить обитель и искать болѣе безопасныхъ для жительства мѣстъ. Раздѣливъ пожитки, они побрели въ разныя страны, кому „куда сложилось". Ѳеодулъ же Дмитріевъ, „по совѣту и благословеніемъ обительскихъ отецъ, получа удѣльную свою часть съ Евдокимомъ Артемьевымъ" и съ нѣкоторыми другими товарищами, пустились въ Стародубскія слободы, и здѣсь близь слободы Злынки построили себѣ обитель, которая, по замѣчанію автора статьи „О моленіи за властей", милостію Божію и донынѣ существуетъ, и въ которой отъ давнихъ лѣтъ о державнѣй власти по Апостолу Бога молятъ [1]). Эта извѣстная Ѳедосѣевская Покровская обитель около Злынки, настоятелями которой въ XVIII в. попеременно были: Ѳеодулъ Дмитріевъ, Аѳанасій Семеновъ, Ананій Лаврентьевъ и болѣе всѣхъ ихъ извѣстный Петръ Ѳедоровъ († 1810 г.). Вскорѣ около ней была устроена и женская обитель, въ которой службу отправляли женщины и дѣвки, а въ самой Злынкѣ явилась публичная Ѳедосѣевская часовня съ кололокольней. Во время пребыванія въ стародубскихъ слободахъ Андрея Іоаннова Журавлева (1788—1791 гг.), кромѣ Ѳедосѣевской часовни, въ Злынкѣ были еще три публичныя часовни на подобіе церквей съ колокольнями, изъ которыхъ одна согласія діаконовщины, одна поморскаго и одна новоженскаго согласій и бездна заблужденій, „до одинадцати толковъ, кромѣ потаенныхъ, коихъ никто исчислить и понять не могъ [2])".

Въ исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго безпоповщинскаго раскола конца первой и начала второй половины XVIII в. видное мѣсто нужно отвести послѣдователямъ Ивана Алексѣева, извѣстнаго пропагандиста брачной жизни въ безпоповщинѣ и возможно-

---

[1]) Христ. Чт. 1863 г. Май. Ст.: О Преображенскомъ Москов. кладбищѣ. Мат. для ист. рус. раск. Стр. 34—35.

[2]) Сборн. рукоп. Высокопреосв. Макарія въ библ. Кіев. Дух. Ак. Аа, 124, ст.: „Сказаніе о прежде бывшихъ начальныхъ отецъ нашихъ Новгородскія области», лл. 145 об., 147 об.—Журавлевъ: Ист. изв. о рск. IV, стр. 97—98.

сти заключать браки въ церкви православной, послѣдователей котораго противники называли „Новоженами." Этотъ „рѣдкій и сладимый пѣвецъ, важный изографъ св. иконъ и чистописанія уставомъ, украшавшій оными Москву, Стародубъ и прочія страны благочестивыхъ," по замѣчанію Павла Любопытнаго (Ист. слов. старовѣрч. церкви, стр. 144), родился въ Великороссіи въ 1709 году, откуда еще въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ отечество и семью свою, удалился сначала на Вѣтку, а потомъ переселился въ одну изъ Стародубскихъ слободъ, гдѣ и жилъ въ качествѣ государственнаго крестьянина. Жизнь его была рядомъ скитаній съ мѣста на мѣсто, предпринимаемыхъ имъ изъ страстной преданности къ расколу, или, какъ онъ самъ выражался, изъ „рачительства о правости догматъ церковныхъ", благодаря чему онъ „родъ и отечество оставилъ и тѣхъ ради претерпѣвалъ многіе недостатки и отщетился земного утѣшенія, единъ лишенъ пребывая, не имѣя обстоянія сродства земного, всегда желая въ дому закона церковнаго неисходно до кончины пребывати, не измѣняючи то ни на славу мірскую, ни на прибытки текущіе." Словомъ, это былъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ ревнителей и послѣдователей древляго благочестія среди слободскихъ безпоповцевъ, вдобавокъ и довольно образованный человѣкъ своего времени и своей среды. Изъ его собственныхъ показаній и показаній его современниковъ видно, что онъ выучился не только грамотѣ, „крюковому сладимому пѣнію, чистописанію уставомъ и изографству святыхъ иконъ;" но и ознакомился „самоучкою" съ грамматикой, риторикой и даже діалектикой. Такъ лѣтописецъ Вѣтковской церкви Бѣляевъ называетъ его „первымъ" ученымъ человѣкомъ среди тогдашнихъ слобожанъ. „О наукахъ и ученыхъ людяхъ въ нашемъ сектѣ (sic!), говоритъ онъ въ своей Лѣтописи подъ 1780 г., „до насъ (разумѣется самъ лѣтописецъ съ своими товарищами) были охотники: первый *Иванъ Алексѣевъ безпоповецъ, опосля котораго осталась и реторика ево сочиненія*, въ которой и проповѣдь о Вѣткѣ, и она у старца была Пафнотія," переселившагося изъ г. Бѣлева въ Климовскій Покровскій монастырь въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка. „*Да ево же скорописныя двѣ реторики Лихудіевы и діалектика* у меня, а у Михайлы Егорова (Климовскаго слобожанина) *грамматика ево сочиненія*. Да онъ же сочинялъ и о бѣгствующемъ священствѣ и прочихъ сочиненій много. А съ нимъ учился, тоже самоучкою, Климовскій житель

Михайла Григорьевичъ", оставившій также послѣ себя нѣсколько сочиненій [1]). Умный, книжноначитанный Алексѣевъ вскорѣ сдѣлался замѣтнымъ человѣкомъ среди всѣхъ Стародубскихъ слобожанъ; къ нему повидимому съ уваженіемъ относились и болѣе развитые изъ мѣстныхъ поповцевъ, какъ лѣтописецъ Бѣляевъ и его пріятели, жившіе въ Покровскомъ и Никодимовскомъ монастыряхъ, „глупые и суевѣрные доводы" которыхъ „о ихъ бѣгствующемъ беззаконномъ іерействѣ" онъ такъ сильно и безпощадно обличалъ и опровергалъ въ своихъ сочине-

[1]) Лѣт. Вѣтк. церкви л. 108. Вторымъ ученымъ человѣкомъ въ Стародубскихъ слободахъ по Бѣляеву былъ «Климовской—жа житель Макаръ Стефановъ, у котораго я (Бѣляевъ) купилъ *Раймундуліеву книгу.*» Jbidem. Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о книгѣ *Раймунда Люллія* (Raymundus Lullius), философа XIII—XIV в., изъ книги котораго поучались наши предки, какъ видно еще и въ XVIII в., и которая извѣстна въ русскомъ переводѣ была подъ громкимъ заглавіемъ «Великой и предивной науки Богомъ преосвященнаго учителя Раймунда Люллія.» Это его извѣстная Ars magna, названная такъ въ отличіе отъ Ars brevis; та и другая содержитъ въ себѣ философію Раймунда, съ приложеніемъ каббалистическихъ выкладокъ и сочетаній. Онъ былъ прозванъ за свои изслѣдованія Doctor illuminatissimus («преосвященный учитель» въ рус. письменности). Русскій переводъ «Предивной науки» сдѣланъ съ польскаго, въ которомъ есть нѣкоторыя прибавки. Въ ней между прочимъ разсуждалось объ одноглазыхъ, безголовыхъ и песьеголовыхъ дивовищахъ и проч., и что такія дивовища не могутъ быть названы людьми въ собственномъ смыслѣ слова: «потому, что истинный человѣкъ познается не по плотскому образу сходному съ человѣческимъ, но по разуму и проведанію». Извлеченія изъ ней см. въ Христоматіи Ѳ. И. Буслаева, (о дивовищахъ» и опредѣленіи нѣкоторыхъ философскихъ понятій о количествѣ, качествѣ), стр. 1363—1366. Ср. также его статью «О русскихъ народныхъ книгахъ и лубочныхъ изданіяхъ» Отеч. Зап. 1861. Сент. стр. 37. Полная Великая наука Раймунда Люллія извѣстна по ркп. изъ собр. графа Толстова. Отд. I, № 211; Царскаго, № 266; Московскаго Публичнаго Музея изъ собр. Ундольскаго, № 1334, Большакова, Хлудова и др. Опис. рук. и кат. книгъ церк. печ. А. И. Хлудова. Сост. А. Поповъ. М. 1872. № 235, стр. 461. Михайла Григорьевъ извѣстенъ литературной перепиской съ *Евстратомъ Ѳеодосьевымъ* (1692—1768), сыномъ основателя Ѳедосѣевскаго безпоповщинскаго толка и его преемника по руководству имъ. Извѣстны въ рукописяхъ посланія послѣдняго къ Михаилу Григорьеву, полемическаго содержанія. Энциклопедич. Словарь. Т. XI, стр. 504.

ніяхъ. Наприм. въ своей „Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ" онъ пытался обличить поповцевъ исторіей и доказать имъ, что у нихъ, кромѣ первыхъ поповъ, не было „настоящихъ іереевъ," и считалъ явнымъ невѣжествомъ и заблужденіемъ ихъ „пріемъ пресвитерства отъ Никоновой церкви, вѣруя быть оному правильному и святому и Духа Божія въ ихъ дѣйствіе быть имущему." Въ другомъ своемъ сочиненіи „О власти преосвященнаго бачана" Алексѣевъ доказывалъ, что въ поповствѣ нѣтъ свѣта благодатныхъ даровъ, потому что нѣтъ у поповцевъ епископовъ. Наконецъ въ третьемъ сочиненіи „О вѣчности священства Христова суетно поіемлющимъ" онъ указывалъ на явное въ поповщинѣ противорѣчіе, если представители ея отрицаютъ существованіе благодати въ церкви православной и въ тоже самое время принимаютъ отъ ней бѣглыхъ поповъ, и безъ архіерея возстановляютъ ихъ въ томъ же самомъ санѣ, въ какомъ они были и въ православіи [1]). Писалъ Алексѣевъ и противъ православной церкви, на которую онъ смотрѣлъ, подобно всѣмъ безпоповцамъ, какъ на вмѣстилище всякихъ ересей, чуждое всякой святыни [2]).

---

[1]) Были и другія сочиненія Ив. Алексѣева относительно того же предмета, напр. «Доказательство о истинной церкви Христовой, яко и врата адова не могутъ одолѣти ея»; «О бѣгствующемъ іерействѣ и о должности святѣйшаго преданія; Вопросы не о іерействѣ, но о принадлежащихъ іерейству» и др. См. Хлудовскіе сборники сочиненій Ив. Алексѣева, именно №№ (по описанію А. Попова) 278, 279 и 353. Есть прекрасный экземпляръ этихъ сочиненій и въ рукописяхъ Черн. дух. сем. См. наше «Опис. ркп. Черн. сем. бпб.» № 142 Есть и въ церковно-археол. музеѣ при К. Д. Ак. Опис. рук. Н. И. Петрова, вып. 1, № 277. Къ сочин. Ив. Алексѣева того же рода должны быть отнесены и «Разговоры о разнствіи между пріемлющими настоящихъ іереевъ и непріемлющими». Въ рукописи церк.-археологич. Музея (по Опис. Н. И. Петрова № 176: О. 4.88) время сочиненія этихъ «Разговоровъ» открывается изъ слѣд. записи: «Написася на Вѣткѣ въ лѣто 7238—е. (1730), т. е. когда Алексѣеву было 21—22 года. Въ рукописи Хлудовской библіотеки № 352, л. 158 об. о времени написанія и дополненія «Разговоровъ» сдѣлано такое замѣчаніе: «Сочинишася сіи разговоры въ конецъ лѣта бытія міра 7252, но потомъ еще дополнишася лѣта 7262-го ноября 2-го». Это послѣднее замѣчаніе вѣроятнѣе относительно указанія времени написанія «Разговоровъ.»

[2]) Катал. П. Любопытнаго, № 312.

Но самымъ главнымъ и важнымъ предметомъ его литературной дѣятельности и практической жизни были „Ѳедосіанскія заблужденія и гнусное бракоборство,“ т. е. недостатки того самаго общества, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію.

Какъ извѣстно, самое главное зло, которымъ страдала вся Ѳедосѣевская община, состояло въ крайнемъ развратѣ, такъ что, по выраженію „Слова обличительнаго на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ“ 1759 г., того же Алексѣева, все согласіе было исполнено блуда и скверңодѣянія. Не только „юноши и дѣвы,“ отъ которыхъ родители и наставники требовали обязательнаго дѣвства, порѣваемые „страстію похоти“ собирались „въ темныя ночи или по гумнамъ или по лѣсамъ, или по сводническимъ домамъ, по посидѣлкамъ нечистымъ,“ и здѣсь, сами „досмотрѣвши юноши дѣвъ, а дѣвы юношей,“ предавались разврату, при чемъ не рѣдко вступали въ любовныя связи лица самаго близкаго родства между собою,—но даже сами руководители Ѳедосѣевской безбрачной общины—наставники держали у себя женщинъ подъ видомъ стряпухъ“ и жили съ этими рабами Христовыми“ блудно. „Елицы отъ грамотныхъ, или отъ наставниковъ, или и отъ простыхъ, аки доброе указаніе о себѣ имущихъ, стряпухи и покойщины имутъ; тіи,“ по ироническому замѣчанію Алексѣева, „рабы Христовы и стряпухи ихъ—рабыни Христовы, чего ради мнози и бѣлая носятъ и одежды простыя и шапки старинныя во знакъ рабовъ Божіихъ и святыни своея.“ Такая скотская жизнь сдѣлалась общимъ достояніемъ Ѳедосѣевскаго общества; разврату предавались всѣ отъ мала до велика, молодые люди и старики, наставники и наставляемые, и онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ ученія безпоповцевъ о всеобщемъ дѣвствѣ. Естественно и то, что среди дѣвственниковъ явились дѣти; но ужъ, конечно, не какъ плоды дѣвственныхъ дѣлъ. Видя плоды такого Ѳедосѣевскаго дѣвства въ образѣ дѣтей, непризнаваемыхъ своими родителями, а потому и жившихъ въ своемъ обществѣ подъ именемъ сиротъ, иногда и просто безчеловѣчно умерщвляемыхъ или разбрасываемыхъ по деревнямъ ихъ виновниками, чтобы скрыть отъ общества незаконные плоды своего разврата, честный и умный Алексѣевъ рѣшился, во что бы то ни стало, положить конецъ такому порядку вещей. Онъ выступилъ съ горячими и рѣзкими обличеніями мнимаго Ѳедосѣевскаго дѣвства, и сталъ учить не только о необходимости, но и возможности брачной жизни въ безпоповщинѣ,

выставля при этомъ на видъ и важность вѣнчанія безбрачныхъ паръ. Свое ученіе о бракѣ и вѣнчаніи, развиваемое имъ въ обширномъ сочиненіи: „О тайнѣ брака,“ написанномъ въ 1762 г., онъ началъ проповѣдывать своимъ собратьямъ еще въ первой половинѣ XVIII в. Оно открывало входъ въ среду безпоповцевъ не только староженамъ, но и такъ называемыхъ новоженамъ, т. е. открывало возможность вступать въ бракъ и по переходѣ въ безпоповщинскій расколъ. Въ 1757 г. около Алексѣева группировалось уже цѣлое общество людей, которыхъ противники его называли „новоженами;“ въ составъ его входили всѣ тѣ изъ безпоповцевъ, которые не въ силахъ были вынести безъ паденія высокаго подвига дѣвства и въ то же время считали грѣхомъ предаваться разврату. Словомъ, Алексѣевъ, въ концѣ концевъ, нанесъ сильный и рѣшительный ударъ лживому и гибельному для нравственности ученію Ѳедосѣевцевъ о безбрачіи, разоблачивъ со всею безпощадностью и очевидностью темныя стороны Ѳедосѣевской жизни, развратъ и „многозазорное житіе,“ грубое невѣжество Ѳедосѣевскихъ наставниковъ, ихъ жадность къ деньгамъ и не вниманіе къ своимъ обязанностямъ, даже ихъ еретичество, зависѣвшее отъ совершеннаго непониманія и незнанія самыхъ основныхъ началъ вѣры и нравственности Христіанской [1]).

Нѣтъ нужды говорить о томъ, что при указанныхъ условіяхъ внутренняя жизнь Ѳедосѣевскаго общества дѣйствительно была исполнена „тьмы и суевѣрія, невѣжества и глупости“. Весьма нагляднымъ и типичнымъ отраженіемъ мірской жизни этого послѣдняго, его порядковъ и правилъ, быта и нравовъ служитъ тамъ такъ называемый „Уставъ польскій“ или кодексъ правилъ о„ церковныхъ вещѣхъ и о пребываніи христіанскаго

[1]) Подробности о личности и дѣятельности Ивана Алексѣева, его ученія о необходимости брака и вѣнчанія и отношеніи къ нему безбрачныхъ безпоповцевъ см. въ соч. проф. И. Ѳ. Нильскаго: «Семейная жизнь въ рус. расколѣ. Историч. оч. раскольническаго ученія о бракѣ.» Спб. 1869. гл. II и III, стр. 103—199. Подробный анализъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ безпоповщинскихъ сочиненій о бракѣ и отношенія къ новоженамъ см. въ нашемъ Описаніи ркп., хран. въ Черн. духовн. сем. Спб. 1880, №№ 152—153, стр. 185—199. Ср. ркп. церк.—арх. муз. при К. Д. Ак. № 276 (о 4. 88), л. л. 220—235 и д., а также ркп. № 278 по Опис. Н. И. Петрова.

жительства", написанный въ Польшѣ 1 октября 1751 г.[1]). Всюду здѣсь узкость религіознаго пониманія и мелочность практическихъ предписаній. Вотъ напр. какія религіозно-бытовыя предписанія даетъ этотъ знаменитый въ исторіи Ѳедосѣевщины уставъ. „Никоніаны вѣру христіанскую раскольническою нарицаютъ, и христіанъ раскольниками именуютъ, и подъ оное именованіе мнози христiане подписалися раскольниками именоватися, и сіе ихъ подписаніе небогоугодно, и намъ христіанамъ неприлично; и сицевыхъ безъ исправленія къ себѣ въ моленіе не пущать, и себѣ имъ во оправданіе не имѣтъ, и отъ всѣхъ

[1]) Время составленія этого устава наши историки относятъ то къ 1751 г., то къ 1752 г. Къ 1751 г. относитъ его впрочемъ только кажется одинъ протоіерей Журавлевъ; другіе—Поповъ, Н. (Сбор. для ист. старообрядства, т. I, отд. I, стр. 11), Нильскій, И. Ѳ. (Сем. жизнь въ рус. раск., стр. 164, примѣч.) и наконецъ Н. И. Ивановскій (Руков. по ист. и облич. старообр. раск., ч. I. стр. 97) и др. относятъ единогласно къ 1752 г. Вопросъ рѣшается въ пользу о. Журавлева, если обратить вниманіе на самое начало этого во всякомъ случаѣ интереснаго памятника, которое не приведено у о. Журавлева. Вотъ это начало: «Во имя святыя единосущныя Троицы, Отца и Сына и святаго Духа, единаго Бога, всѣмъ иже древнее православіе хранящимъ, святыя восточныя апостольскія церкви. Благочестно держащимъ правила же и уставы и преданія отъ святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ положенныя неизмѣнно, съ любовію хранящимъ, благовѣрнымъ и боголюбивымъ христіанамъ, о Господѣ радоватися. Нижеподписавшіеся извѣствуемъ: *осьмыя тысящи двѣсти шестидесятаго года, мѣсяца октября въ 1 день* (т. е. 1751 г.), было у насъ общее собраніе въ Польшѣ, во обители, о церковныхъ вещѣхъ и о пребываніи христіанскаго жительства; и присовѣтывали общимъ отеческимъ и братскимъ совѣтомъ подтвержденіе нашея православныя вѣры христіанскія, дабы намъ послѣдовати прежнимъ страдальцамъ и подвижникамъ и учителямъ нашея православныя христіанскія вѣры». Уставъ этотъ напечатанъ былъ дважды: г. Поповымъ въ указанномъ сборникѣ (стр. 11—20) и о. Журавлевымъ въ его Полн. ист. изв. о раск. ч. II, стр. 50—72. Есть основаніе полагать, что многія правила этого устава составлены подъ вліяніемъ «Стоглавника» и принаровлены къ формамъ жизни Ѳедосѣевскаго общества. Точно также правила объ отношеніи безбрачныхъ Ѳедосѣевцевъ къ новоженамъ были только повтореніемъ постановленія собора новгородскихъ безпоповцевъ 1694 г. Подробности см. въ примѣч. проф. Нильскаго: «Сем. жизнь въ рус. раск.» на стр. 166.

христіанъ о семъ прощенія имъ просити и полагати 300 поклоновъ. Христіаномъ пищу въ домѣхъ своихъ устроивать и симъ питатися; аще по нуждѣ отъ иновѣрныхъ доспѣтое на торгу покупаетъ кто, и за то полагати поклоновъ 100; аще ли же кромѣ нужды дерзнетъ кто купити, и таковый да сотворитъ поклоновъ 100 до земли при соборѣ. Въ польскихъ градѣхъ и кирмашехъ покупающіе что, или піющіе или ядущіе да творятъ 300 поклоновъ до земли при соборѣ. Юношамъ и дѣвицамъ, такожде и женамъ, въ воскресные дни и прочіе праздники, господскіе и богородичные, и нарочитыхъ святыхъ празднуемыхъ, по кирмашамъ, и въ лѣсъ за ягодами и за грибами, и по чужимъ деревнямъ не ходить; но честно сія дни провождать, съ моленіемъ и почтеніемъ. Аще ли обрящутся тако шатающіися и праздники святые непочитающіе, да творятъ таковіи 300 поклоновъ до земли. Въ среды и пятки ядущихъ по дважды, а въ прочіе дни по трижды, сицевымъ по первомъ и второмъ наказаніи налагать по 300 поклоновъ до земли при соборѣ. Аще ли отцы ихъ и матери попущаютъ имъ и не доносятъ о нихъ, сицевымъ отцемъ и ихъ матеремъ по 300 поклоновъ. Въ великій постъ во вторникъ и четвертокъ ядущихъ по дважды, и се противно являющееся св. отцемъ, и таковымъ налагать по 400 поклоновъ до земли при соборѣ. Піющіи горѣлое вино и пиво отъ жидовскихъ рукъ и отъ иновѣрныхъ, на сицевыхъ налагать постъ 12 дней, и на кійждо день по 100 поклоновъ. Въ бани христіаномъ съ мірскими и съ новоженами отнюдь не входить и изъ единыхъ сосудовъ въ оскверненной водѣ съ ними не мытися; но имѣти христіаномъ сосуды особные. Аще ли обрящется кто мыющеся изъ мірскихъ и изъ новоженскихъ сосудовъ, сей да творитъ поклоновъ 300 до земли при соборѣ. Растящихъ власы и носящихъ малахаи и шляпы запрещать и въ моленіе не пущать; аще ли преслушны явятся о семъ, да творятъ по 100 поклоновъ [1]... Въ среды и пятки бань не топить и не мытися; аще ли же обрящется кто тако творя, да сотворитъ поклоновъ 100 при соборѣ. Въ суботу на канунѣ воскресенія Христова поздо не работать, и бань такожде поздо не топить, и въ вечернее время и по захожденіи солнца отнюдь не мытися; аще ли обрящется тако творящій, да творитъ по-

[1]) Объясненіе этого правила см. въ Полн. ист. изв. о. Журавлева, ч. II, стр. 58, примѣчаніе.

клоновъ 100 при соборѣ. Поющихъ пѣсни бѣсовскія, и играющихъ въ карты, и въ варганы, и въ дуды, и бранящихся матерны, и пляшущихъ, и яйцами катающихъ, и на качеляхъ качающихся, и на масленой катающихся, да творятъ сіи вси 500 поклоновъ до земли. Къ волхвамъ ходящихъ, или къ себѣ призывающихъ въ домы своя, или бобомъ ворожащихъ, и таковыхъ духовнымъ отцамъ исправлять правильно. Юношамъ рубахъ красныхъ и штановъ коломенковыхъ, а дѣвицамъ сапоговъ красныхъ и платковъ красныхъ и въ повязкахъ золотыхъ на моленіи отнюдь не стоять, и поясами, чтобы не подпоясывалися, и тѣмъ бы православныхъ не соблазняли; аще преслушны обрящутся, да сотворятъ поклоновъ 300 до земли. А которые люди лѣностію и нерадиво на моленіи обрѣтаются въ воскресные и праздничные дни, и аще въ двѣ недѣли, или въ три не обрящутся при общей службѣ, и таковыхъ отлучати, и съ ними ни ясти, ни пити; аще покаются, да сотворятъ поклоновъ 300 при соборѣ. А иніи при общемъ моленіи живущіи не приходятъ; аще ли кто и пріидетъ, но не до конца стоитъ, таковаго аще книжной, съ крылоса отставить, а простаго отлучить".

Еще характеристичнѣе правила того же устава, опредѣляющія отношенія Ѳедосѣевскихъ наставниковъ, являвшихся въ глазахъ своего общества строгими дѣвственниками, къ новоженамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ и т. д. „Новоженовъ младыхъ и старыхъ безъ роспусту (т. е. безъ разводу) на покаяніе отцемъ духовныхъ отнюдь не принимать. Аще ли и старыхъ кто пріемлетъ на покаяніе, отлучить таковаго и съ новоженомъ онѣмъ отъ христіанъ; аще ли обѣщается отецъ духовный впредь тако не творити, и въ томъ прощеніе принесетъ, да сотворитъ поклоновъ 300 при соборѣ. У новоженовъ дѣтей крестить съ обѣщаніемъ, чтобы имъ разойтися, а при смертномъ часѣ на христіанскія руки чтобы отдали младенца, и аще не разойдутся, и надъ таковыми младенцами погребенія не отпѣвать. Съ новоженомъ въ единой храминѣ не жити христіаномъ; аще ли начнутъ жити, и таковыхъ отлучать. Такожде и не стряпать въ новоженскихъ домѣхъ и не обѣдать... Аще ли которые старостію погорблены и не имѣютъ гдѣ пристанища, таковымъ подобаетъ попустить и на моленіе ихъ пріимать, а сосуды имъ свои особные имѣть и съ христіанами имъ въ пищахъ не сообщатися, и на единомъ столѣ съ новоженами не ясти и дѣтей ихъ новоженскихъ не пѣстовати; аще ли преслушаютъ, да отлучатся. А

которыя дѣти новоженскія въ возрастѣ и восхощутъ быти съ христіаны, то жити имъ въ особныхъ храминахъ и стряпать имъ самимъ на себя; христіанамъ же съ сицевыми нужды ради ясти не возбраняемъ, а духовнымъ у таковыхъ не праздновать... Въ отлученныхъ домахъ и въ мірскихъ и въ новоженскихъ Христа не славить; аще ли обрящутся таковіи, да творятъ 300 поклоновъ до земли при соборѣ. Новожены, аще восхощутъ къ покаянію, разводить ихъ въ разныя деревни и налагать имъ постъ на шесть недѣль, якоже и ко крещенію готовиться, и ходити имъ на всякую недѣлю къ соборному моленію и стоять ниже всѣхъ, а поклоны класть въ вечерни; а по отпустѣ службы всякому человѣку исходящему кланятися до земли. А которые новожены разболятся, и въ томъ ихъ дому безъ роспусту на исповѣдь не принимать, и погребенія въ дому ихъ не стоять, а другую половину (т. е. жену) при погребеніи въ то время не пущать, дондеже не исправится".

Строги были мнимые дѣвственники къ законнымъ и незаконнымъ формамъ брака. „А которые законные браки (т. е. совершенные въ церкви до перекрещиванія) пріяты въ церковь, и будутъ дѣтей рождати, и таковыхъ наказывати отцамъ духовнымъ: за первого полгода отлучать, за второго годъ, за третьяго два лѣта, и за очистительныя молитвы три тысящи поклоновъ А о которыхъ стряпухахъ въ христіанѣхъ великая молва и смущеніе многимъ христіанамъ: таковыхъ стряпухъ отнюдь не держать. А которые и тако сошлися и не вѣнчалися нигдѣ, и таковыхъ разводить, якоже и новоженовъ. А которые люди русскіе поженилися въ Польшѣ и вѣнчалися въ костелахъ, а отцы духовные крестили ихъ просто безъ роспусту, а дѣло ихъ разсмотрѣлося быти незаконное до лѣта 7257, положили таковыхъ въ подозрѣніи жити имъ чистотою; аще ли дѣтище родится, разлучать ихъ якоже и новоженовъ. А впредь съ сего лѣта 7260 отнюдь не крестить безъ роспусту, и таковаго духовника и съ тѣми отлучить. Приходящихъ отъ невѣрія допрашивать: не долга ли ради? не съ чужою ли женою? и не увезъ ли и не лукавствомъ ли коимъ сочетался? Аще ли обрящется отъ сицевыхъ кой либо, отнюдь таковыхъ не крестить, дондеже не разойдутся. Живущихъ съ женами чужими, крадеными, и таковыхъ не крестить отнюдь безъ роспусту"....

Замѣтимъ кстати, что авторитетъ невѣжественныхъ Ѳедосѣевскихъ наставниковъ или „духовныхъ отцовъ" далеко не

ограничивался одними правственно-религіозными отношеніями членовъ Ѳедосѣевскаго общества: онъ распространялся и на всѣ иныя общественныя формы отношеній, какъ видно изъ правилъ того же польскаго устава. „Аще во гнѣвъ ударитъ христіанинъ христіанина, и учинится между ими драка, да сотворятъ по двѣ тысящи поклоновъ при соборѣ. Аще пойдетъ подъ иновѣрной судъ, на мызы о всякихъ мірскихъ междорѣчій, а христіанскій судъ презирая, и таковаго отъ христіанства отлучить; аще ли покается, да сотворитъ поклоновъ тысящу до земли при соборѣ. Аще кто чужое захватитъ, и не возвратитъ, таковаго и отецъ духовный не можетъ простить, ниже разрѣшить... и того бы во христіанѣхъ не имѣти, дондеже не возвратитъ чрезъ отца. Мѣры и вѣсы чтобы во христіанѣхъ одни были..., и чтобы были правдивыя“...

Мы не знаемъ, на сколько усилилась въ Стародубьѣ въ указанное время Ѳедосѣевская колонія, и насколько, при преслѣдованіяхъ и ослабленіи Вѣтковскихъ и мѣстныхъ учителей и поповъ, она пополнялась именно на счетъ членовъ поповщинскаго толка. Извѣстно только то, что Ѳедосѣевскіе наставники, по свойственному вообще людямъ невѣжественнымъ фанатизму и прозелитизму, старались распространять свое ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ и ангельскомъ житіи, проникали въ села и города, и вездѣ находили себѣ послѣдователей, какъ и всюду своимъ обязательнымъ требованіемъ дѣвства поселили развратъ. На эту сторону дѣятельности Ѳедосѣевскихъ наставниковъ указываетъ и Алексѣевъ въ „Словѣ обличительномъ на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ“. „И таково есть дѣло Ѳедосѣева согласія: обходятъ бо грады и веси и домы честныхъ и лицемѣрною своей святынею на воздержное и дѣвственное житіе люди увѣщеваютъ. А егда будетъ имъ общъ, блуда и скверподѣянія исполняютъ, чего все согласіе до верха оплываетъ“... На силу и значеніе Стародубской Ѳедосѣевской колоніи указываетъ отчасти и то, что она передала потомъ, во второй половинѣ XVIII в., усилившейся въ Москвѣ Ѳедосѣевской общинѣ на извѣстномъ Преображенскомъ кладбищѣ, кромѣ знаменитаго польскаго устава, пѣвчихъ и чтецовъ и первыхъ учителей тамъ уставнаго письма, какъ и весь ходъ служенія, сообразный Ѳедосѣевскимъ обычаямъ. Организаторами указанной стороны въ Ѳедосѣевской Московской общинѣ были привезенныя изъ Стародубья дѣвки.

Вѣтковская выгонка сопровождалась и тѣмъ, что дала Стародубью третью разновидность поповщинскаго раскола въ видѣ Епифановщины. Кромѣ Вѣтковскаго и Діаконскаго поповщинскихъ согласій, существовавшихъ до первой выгонки, явилось въ это время и третье согласіе—Епифановское. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по нѣкоторымъ раскольничьимъ указаніямъ, хотя и позднѣйшимъ, первая Вѣтковская выгонка будто бы дала стародубскимъ слобожанамъ то, чего они еще не имѣли, именно первую раскольничью церковь въ слободахъ. По словамъ позднѣйшаго раскольничьяго историка Іоны Курносаго дѣло было такъ. При выселеніи въ то время зарубежныхъ русскихъ раскольниковъ, выселены были между прочимъ въ Россію и Гомельскіе приверженцы епископа Епифанія. Мѣстечко Гомель (нынѣ уѣздный и довольно большой городъ Могилевской губерніи, въ 30 в. отъ Вѣтки) тогда, какъ извѣстно, было уже довольно значительно населено великорусскими раскольниками; Гомельскіе раскольники и численностію и богатствомъ даже превосходили собственно Вѣтковскихъ. Но Вѣтка до того времени преимуществовала и передъ Гомельской раскольничьей общиной и передъ другими, ей подобными, своею церковію, и была потому какъ бы метрополіей всего русскаго поповщинскаго старообрядства. Когда на Вѣткѣ появился свой старообрядческій епископъ Епифаній, богатые Гомельскіе раскольники, по его благословенію, устроили и у себя церковь во всемъ подобную Вѣтковской, и даже мечтали о томъ, чтобы сдѣлать свой Гомель резиденціей старообрядческаго епископа. Душою этой послѣдней мысли повидимому былъ извѣстный уже намъ Варлаамъ Казанскій, пользовавшійся въ Гомелѣ большимъ вліяніемъ и авторитетомъ, одинъ изъ кандидатовъ на старообрядческое епископство въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка. Эта-то Гомельская церковь, освященная по всей вѣроятности тѣмъ же Варлаамомъ Казанскимъ, и названная Преображенской, и была будто бы во время первой Вѣтковской выгонки перевезена по р. Сожу въ Стародубье и потомъ поставлена въ двухъ верстахъ отъ слободы Клинцовъ; при ней скоро, съ устройствомъ другой церкви во имя Николая Чудотворца, образовался Николо-пустынскій старообрядческій монастырь, долгое время бывшій вмѣстѣ съ слободой Клинцами центромъ Епифановскаго толка въ Стародубьѣ. Эта-то перевезенная изъ Гомеля Преображенская церковь и была будто-бы первою старообрядческою церковью въ стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ, если прида-

вать вѣру разсказу указаннаго раскольническаго историка. О перевозкѣ ея изъ Гомеля и о поставленіи около слободы Клинцовъ Іона Курносый разсказываетъ такъ: „Ону церковь сломаше, по совѣту неправильныхъ поповъ своихъ (т. е. рукоположенныхъ Епифаніемъ), Іоакима и священно-инока Матвѣя, склавше плотами, по той же рѣцѣ (Сожу) приплавивше къ слободѣ, поставиша, какъ и на мѣстѣ стояла. И приспѣвшу времени священія, Іоакимъ попъ повелѣ священати сыну своему духовному Матвѣю. Онъ собравъ соборъ отъ обливанцевъ Епифаніева согласія, какъ и онъ Матвѣй, и съ ними оную церковь освятилъ и сталъ въ ней служить и пречистыя тайны совершать". Никольская церковь была устроена рядомъ съ Преображенскою; но въ какомъ именно году— неизвѣстно. Лѣтописецъ Бѣляевъ подъ 1782 г. замѣчаетъ, что „октября 4-го освящена церковь въ Клинцахъ, называемая въ Пустынькахъ, во имя Преображенія Господня" (л. 183 об.), и только. Протоіерей Журавлевъ также довольно неопредѣленно говоритъ, что въ Николо-Пустынскомъ монастырѣ были двѣ церкви—Преображенская и Никольская, и не дѣлаетъ никакихъ указаній о времени ихъ основанія. Преображенская церковь въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго была красивой пятиглавой церковью, съ хорошенькой колокольней, щеголявшей боевыми часами. Строителемъ Никольской церкви былъ игуменъ Никола, родившійся въ 1700 г. и умершій въ 1809 г., какъ гласитъ надпись на одномъ изъ памятниковъ на кладбищѣ Никольскаго монастыря: „Въ 1809 году умеръ игуменъ Никола, бывшій Никита Игнатьевъ (Матвѣевъ?), донской козакъ, родившійся въ 1700 г.; жилъ 109 лѣтъ, а игуменомъ былъ 65 лѣтъ". Впрочемъ хронологическія указанія надгробнаго памятника значительно разногласятъ съ показаніями Ревизской сказки 1795 г., находящейся въ Клинцовской Ратушѣ, гдѣ о игуменѣ Преображенской пустыни Николѣ замѣчено: „Никола, въ бѣличествѣ Никита Матвѣевъ Поляковъ, 78 лѣтъ" [1]). Послѣднимъ по-

[1]) Преображенская церковь сгорѣла въ 1835 году, а Никольская въ 1880 г.; послѣ того въ трапезной устроена другая, также въ честь Николы, по старообрядческому именованію святителя. Въ 1850 г. обозрѣвавшій стародубскіе старообрядческіе монастыри извѣстный ученый статистикъ К. И. Арсеньевъ писалъ о Николо-Пустынскомъ монастырѣ: «Монастырь Никольскій, въ 2-хъ верстахъ отъ Клинцовъ, не пользуется никакимъ уваженіемъ окрестныхъ жителей; въ немъ

помъ Епифаніева поставленія въ Клинцахъ былъ попъ Іаковъ, дожившій здѣсь до глубокой старости, именно до 1780 г., а не до 1790 г., какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Мельниковъ. Онъ пользовался значительнымъ духовнымъ вліяніемъ не только среди мѣстныхъ слободскихъ Епифановцевъ, но и среди зарубежныхъ почитателей злосчастнаго перваго раскольничьяго епископа, и даже большимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ Епифаній, епископъ „древляго благочестія", какъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Вѣтковскій лѣтописецъ. Извѣстно, что попы Епифаніева поставленія во второй половинѣ прошлаго вѣка пѣвали по немъ панихиды и считали даже его мученикомъ, крѣпко стоявшимъ за старую вѣру. Извѣстно и то, что еще въ концѣ прошлаго вѣка Калужскіе купцы Епифанова толка присылали въ Клинцы милостыню, а въ бытность свою въ Клинцахъ служили здѣсь панихиды по Епифаніи и Іаковѣ, и даже болѣе по послѣднемъ, чѣмъ по первомъ. По словамъ лѣтописца Бѣляева, Епифановскій попъ Іаковъ пользовался среди Епифановцевъ такимъ же положеніемъ, какъ слободскіе попы Вѣтковскаго согласія—Іаковъ Климовскій и Михаилъ Калмыкъ, которые были въ слободахъ „за великихъ архіереевъ", и „весьма имъ фортуна служила: по доброй тысещи въ годъ приходило [1])".

Не достигла первая Вѣтковская выгонка и своей ближайшей цѣли. Правда, Вѣтка была разрушена, уничтожена, но

живетъ 6 монаховъ и 12 бѣльцовъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ, отъ 60 до 90 лѣтъ, одинъ только инокъ 46 лѣтъ и обличенъ въ блудной жизни и прижитіи дѣтей; другой, казначей монастыря, обманываетъ убогихъ стариковъ и употребляетъ монастырскіе доходы преимущественно на свое семейство въ посадѣ Клинцахъ. Монастырь этотъ походитъ болѣе на богадѣльню, чѣмъ на обитель иноковъ. Мельниковъ, П. И. Оч. поповщ. Ч. I, стр. 149—150. Ср. отзывъ протоіерея Т. А. Верховскаго о Никольскомъ монастырѣ: Стародубье, Ч. I, стр. 148—149. Въ бытность въ монастырѣ лѣтомъ 1889 года мы нашли тамъ игумена Харлампія, простаго добродушнѣйшаго старичка, и трехъ монаховъ; служеніе полное и довольно чинное. Настоятель выбирается выборными попечителями, которыхъ 8; обыкновенно выбирается родственникъ какого-либо попечителя. По внѣшнему своему виду монастырь видимо находится въ сильномъ упадкѣ.

[1]) Мельниковъ: Оч. поповщ. ч. 1, стр. 149—150. По словамъ лѣтописца Бѣляева, «какъ въ слободахъ, такъ и за границею монастыри и скиты были болѣе Епифанова секту, такъ-же и въ городахъ въ Калугѣ, въ Бѣлевѣ и въ прочихъ мѣстахъ тысящъ до 10000 находилось» ... Лѣт. Вѣтк. церкви—рки. нашей библ. л. 84, 138 и др.

только на время. По позднѣйшему свидѣтельству протоіерея Журавлева, года через два послѣ первой выгонки, на Вѣткѣ снова появились раскольники, а лѣтъ через пять она уже опять на столько была заселена и возстановлена, что представлялась почти въ первоначальномъ своемъ видѣ, какъ относительно внѣшняго и внутренняго своего устройства, такъ и по количеству своихъ насельниковъ. Основнымъ ядромъ новыхъ поселенцевъ были тѣ раскольники, черницы и міряне, которые передъ тѣмъ были выведены въ Великороссію и оттуда успѣли благополучно бѣжать, и которымъ „Россійскіе суевѣры, слѣпо привязанные къ Вѣтковцамъ своею любовью, изъ всѣхъ мѣстъ бѣглецамъ симъ, яко гоненіе претерпѣвшимъ, великое подаяніе и милостыню присылали, чѣмъ больше новыхъ шалуновъ къ населенію Вѣтки пріучили". Скоро въ возстановленной Вѣткѣ устроилась большая и богато украшенная иконами часовня съ колокольнымъ звономъ, а около ея потомъ само собою образовалась снова и раскольническая обитель, въ которую, по тому же свидѣтельству, въ короткое время будто бы набралось однихъ черцовъ до 1200 душъ, кромѣ непостриженныхъ бѣльцовъ и разнаго рода прислужниковъ. Вмѣстѣ съ мужскимъ монастыремъ началъ въ тоже время на Вѣткѣ устраиваться и женскій, въ которомъ передъ второй Вѣтковской выгонкой 1764 г., кромѣ бѣлицъ, считалось до 100 постриженныхъ черницъ. Эта послѣдняя обитель была устроена прямо противъ мужскаго монастыря и находилась въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ послѣднимъ, что разстояніе между ними опредѣлялось всего двадцатью шагами. Свободный входъ въ ту и другую обитель и совмѣстное за трапезами постничанье отцовъ и матерей, по словамъ о. Журавлева, были обычными явленіями своеобразной монастырской жизни на Вѣткѣ, какъ и въ остальныхъ тамошнихъ раскольническихъ скитахъ и пустыняхъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ Вѣтки и устроенныхъ по большей части въ глухихъ лѣсахъ [1]). Врядъли впрочемъ и этотъ отзывъ почтеннаго протоіерея не сильно

[1]) Полн. историч. изв. о раскол. ч. III, стр. 45—48. Неудобства совмѣстнаго почти на Вѣткѣ существованія монастырей мужскаго и женскаго старались потомъ избѣгнуть въ Стародубьѣ, по перенесеніи сюда Вѣтковскаго монастыря. По настоянію Тарасія, перваго игумена Климовскаго Покровскаго монастыря, Казанскій дѣвичій монастырь былъ устроенъ въ 4 в. отъ мужскаго: «понеже у него много было пострижено младыхъ старцевъ». Лѣтоп. Вѣтк. церкви. Л. 21.

преувеличенъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ болѣе раннему періоду историческаго существованія старообрядческихъ обителей, когда онѣ по большей части отличались и строгостію устава и истинно подвижническимъ житіемъ иноковъ и инокинь, „нужнымъ и жестокимъ житіемъ", чѣмъ и привлекали старообрядческихъ искателей иноческихъ подвиговъ и пріобрѣтали себѣ великое уваженіе со стороны своихъ единовѣрцевъ. Бывали, конечно, какъ и вездѣ, уклоненія отъ строгаго аскетическаго образа жизни, но рѣдко, и каждый разъ, какъ скоро кто-либо изъ братіи бывалъ замѣченъ въ уклоненіи отъ обительскихъ правилъ, его „смиряли нещадно". Если не внималъ онъ увѣщаніямъ настоятеля и братскаго собора, ставили его на поклоны; если и это не дѣйствовало, сажали на цѣпь въ подпольѣ или на поварнѣ; если и на цѣпи инокъ не исправлялся, съ посрамленіемъ изгоняли его изъ монастыря и запрещали даже, подъ страхомъ немилосердыхъ побоевъ, подходить близко къ монастырской оградѣ.

О первыхъ духовныхъ организаторахъ по возстановленіи Вѣтки имѣются слѣдующія данныя. По словамъ о. Журавлева первымъ попомъ возстановленной Вѣтковской часовни былъ какой-то Діонисій, начальствовавшій здѣсь около десяти лѣтъ; за нимъ слѣдовали: бѣлой попъ Иванъ Ѳедоровъ, попъ Лазарь, въ монашествѣ и схимѣ Лаврентій, схимникъ Григорій, чернецъ Валеріанъ, и наконецъ, болѣе всѣхъ ихъ извѣстный въ исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола второй половины XVIII в., черный попъ Михаилъ Калмыкъ, въ мірѣ Матвѣй Васильевъ, бывшій священникъ Астраханской епархіи. Его дѣятельность на Вѣткѣ началась въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Нѣсколько въ иномъ порядкѣ размѣщаетъ Вѣтковскихъ духовныхъ дѣятелей этого періода извѣстный слободской лѣтописецъ Вѣтковской церкви Яковъ Степановъ Бѣляевъ. „А по высылкѣ", такъ назыв. здѣсь первая Вѣтковская выгонка, по его свидѣтельству, „полномоществовалъ старшинствомъ священноинокъ Лазарь, который по высылкѣ принялъ перваго священноіерея Іоанна, второго священноинока Григорія, третьяго священноинока Тихона страдальца, четвертаго священноинока Герасима.... А Іоаннъ прежде реченный принялъ священноинока Валеріана, а Валеріанъ принялъ настоящаго священноинока Михаила" (Калмыка), принявшаго сначала на Вѣткѣ, а потомъ въ Климовскомъ Покровскомъ монастырѣ до 30 священниковъ. Послѣднимъ игуменомъ

на Вѣткѣ и первымъ по второй выгонкѣ въ Климовскомъ монастырѣ былъ Тарасій, не имѣвшій повидимому священнаго сана (Лѣт. Вѣтк. церкви, л. 22). Относительно бѣлаго попа Ивана Ѳедорова извѣстно, что онъ жилъ и дѣйствовалъ на Вѣткѣ еще въ 1755—1756 гг., какъ свидѣтельствовалъ въ томъ же 1756 г. въ Тайной Канцеляріи извѣстный авантюристъ временъ Елизаветы Петровны Иванъ Зубаревъ, Тобольскій посадскій человѣкъ. Изъ показаній того же Зубарева видно, что дѣятельность этого Вѣтковскаго попа далеко не ограничивалась предѣлами Вѣтки и Стародубья, но что онъ ѣздилъ и къ раскольникамъ, жившимъ около Прусской границы [1]).

Въ сороковыхъ годахъ однако Вѣтка была довольно бѣдна бѣглыми попами, бѣлыми и черными, въ ней все еще чувствовалось послѣ разгрома 1735 г. „великое оскудѣніе священства.“ Извѣстенъ даже фактъ, что еще въ концѣ сороковыхъ годовъ не могли съ Вѣтки послать священника въ побужскую слободу Борскую, не смотря на то, что жители этой слободы въ своей просительной грамотѣ умоляли Вѣтковскихъ отцовъ исполнить ихъ просьбу и прислать имъ достойнаго іерея для исправленія церковныхъ требъ, „на утѣшеніе духовныхъ печалей, яко народъ зелнѣ жаждетъ священника.“ Разсказываютъ даже, что на Вѣткѣ въ то время въ этомъ отношеніи дѣло доходило до того, что будто бы и самимъ Вѣтковцамъ приходилось выпрашивать себѣ поповъ у Стародускихъ слобожанъ (Мельниковъ). Однако это голословное утвержденіе почтеннаго историка поповщинскаго раскола не оправдывается фактами: факты говорятъ другое, а именно, что и въ Стародубьѣ въ указанное время чувствовался большой недостатокъ въ раскольничьихъ попахъ, благодаря указаннымъ выше усиленнымъ преслѣдованіямъ ихъ здѣсь со стороны духовныхъ и гражданскихъ мѣстныхъ властей. Извѣстный попъ Патрикій, жившій въ слободѣ Зыбкой, именно какъ разъ въ то время писалъ Борскимъ слобожанамъ; „Возвѣщаемъ же вамъ братіе, яко древнее наше благочестіе отовсюду гонимо, въ пастырехъ скудость,

[1]) Историческія бумаги, собран. К. И. Арсеньевымъ: Приключенія посадскаго Зубарева. Сборн. отд. рус. яз. и слов. т. IX, стр. 392. Между прочимъ въ Тайной Канцеляріи Зубаревъ такъ описывалъ внѣшній видъ этого Вѣтковскаго попа: «примѣтами оный попъ: лицемъ бѣлъ, волосы русые, росту средняго, у котораго имѣются жена и одинъ сынъ и двѣ дочери дѣвки»...

а овцы отовсюду умножаются [1])“. Въ дѣлахъ бывшей Раскольнической Конторы, какъ и въ дѣлахъ мѣстныхъ архивовъ, встрѣчаются однако довольно нерѣдкія указанія, что въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ московскіе и другіе великороссійскіе раскольники спеціально для вѣнчанія браковъ ѣздили на Вѣтку, и что большинство браковъ Стародубскихъ слобожанъ, даже мѣстныхъ безпоповцевъ—поморянъ, совершалось въ то время именно на Вѣткѣ, а не въ Стародубѣ, какъ свидѣтельствуетъ весьма интересное показаніе Ардонскаго войта Василія Тепикина, приведенное нами выше. Точно также встрѣчаются въ архивныхъ дѣлахъ нерѣдкія указанія, что Стародубскіе слобожане довольно часто отправлялись на Вѣтку и къ другимъ зарубежнымъ раскольничьимъ попамъ для исповѣди и причащенія, для отправленія панихидъ по умершимъ своимъ родственникамъ и т. п. Въ 1753 году въ канцеляріи Кіево-печерской лавры Ардонскій поповецъ Константинъ Зябкинъ разсказывалъ, что онъ, переселившись въ слободу Ардонь въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ зарубежной Козельской слободы, „содержалъ за женою и дѣтьми расколъ поповщину, и чрезъ свою тамо бытность не исповѣдывались и не причащились, кромѣ только онъ самъ Зябкинъ, какъ ѣздилъ въ прошломъ 752 г. за границу, на Козельской слободѣ, въ приходской Пречистенское церкви, у раскольничьяго попа Семіона исповѣдывался и причащался [2])“... Всѣ эти факты были бы невозможны, если бы у Стародубскихъ раскольниковъ даннаго времени было достаточное число своихъ поповъ.

Изъ всѣхъ Вѣтковскихъ духовныхъ дѣятелей этого періода наибольшею извѣстностью среди зарубежныхъ великоросійскихъ и малороссійскихъ раскольниковъ пользовались два черненца: Валеріанъ и Михаилъ Калмыкъ. Самымъ крупнымъ и выдающимся дѣломъ перваго было то, что онъ снова построилъ на Вѣткѣ церковь прежняго имени и освятилъ ее на уцѣлѣвшемъ отъ прежней церкви антиминсѣ. Устроенная имъ церковь,

[1]) Историч. изв. о раскольнич. ч. IV, стр. 28. Мельникова Очерки поповщ. ч. 1, стр. 163.

[2]) *Нечаевъ*. В. В. Раскольническая Контора (1724—1762 г.г.). Стр. 31. Опис. докумен. и бум., хран. въ Москв. арх. Мин. юст. кн VII., М. 1890 г. Мат. для ист. раск. на В. и въ Starод. стр. 168, 171. Арх. Черн. духовн. Консист. Дѣло № 484, лл. 9—10, 20.

по отзывамъ современниковъ, была и больше первой и лучше украшена на счетъ богатыхъ старообрядствующихъ великороссійскихъ благотворителей, преимущественно Московскихъ и Калужскихъ, щедрое подаяніе которыхъ и дало ему возможность поблаголѣпнѣе ее обставить, чѣмъ это даже было сдѣлано при знаменитомъ Ѳеодосіѣ Ворыпинѣ и его преемникахъ. Возстановленная на Вѣткѣ Валеріаномъ Покровская церковь была освящена въ 1758 г.; въ освященіи ея участвоввли слѣдующіе раскольничьи, бѣлые и черные, попы: Валеріанъ и Петръ Вѣтковскіе, Сергій Добрянскій, Григорій и Иванъ бѣлые, при чемъ былъ и одинъ перешедшій передъ тѣмъ въ расколъ діаконъ. О черномъ попѣ Михаилѣ Калмыкѣ, прозванномъ такъ за свое дѣйствительно калмыцкое происхожденіе, явственные слѣды котораго онъ носилъ и на своемъ лицѣ: „имѣлъ гнусный видъ" по словамъ слободскаго лѣтописца,—имѣются слѣдующія точныя данныя. Изъ его собственнаго показанія, даннаго въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Волостной Конторѣ описныхъ раскольничьихъ малороссійскихъ слободъ, по поводу обвиненія его раскольничьимъ старцомъ Іоной въ убійствѣ своей жены,—показанія, удостовѣреннаго потомъ справкой въ Астраханской духовной Консисторіи—видно, что Михаилъ Калмыкъ въ мірѣ назывался Матвѣемъ Васильевымъ и былъ первоначально священникомъ Астраханской епархіи, Николаевской церкви Преображенскаго монастыря на Учугѣ, при рѣкѣ Чуркѣ; что потомъ, „по смерти жены своей Гликеріи Ивановой", онъ, Матвѣй, взятъ былъ въ Астраханскій Преображенскій монастырь, и у преосвященнаго Меѳодія, бывшаго въ то время еще архимандритомъ, жилъ „въ келіи полтора года и всякое священнослуженіе исправлялъ;" что въ 1752 г., сентября 7-го дня, онъ, отпросился у архимандрита съѣздить по Волгѣ до Енотаевской крѣпости для взысканія съ какого-то верховаго купца долга, и обратно уже въ монастырь не возвращался. Въ это время, по собственному сознанію Калмыка, „онъ возъимѣлъ намѣреніе странствовать, и, оставя ставленную свою грамоту въ чуланѣ архимандричьей кельи, бѣжалъ сперва въ городъ Уральскъ, а потомъ въ Польскую область, въ населенную великороссійкими людьми слободу Вѣтку, гдѣ, по желанію его, принятъ въ тамошній раскольничій Покровскій монастырь, постриженъ въ монашество и нареченъ Михаиломъ, и отправлялъ съ прочими іеромонахами всякое священнослуженіе." Въ По-

кровскомъ монастырѣ Калмыкъ жилъ до 1763 г., когда онъ, въ силу всемилостивѣйшихъ указовъ, возвратился въ предѣлы Россіи, именно въ описную раскольничью слободу Зыбкую, въ которой, по словамъ слободскаго лѣтописца Бѣляева, и въ бывшую ревизію записанъ [1]). Во время второй Вѣтковской выгонки 1764 г. онъ былъ, по его собственному письменному свидѣтельству, „близь окіяна моря, и по требованію города Архангельскаго, куда онъ былъ призванъ для исправленія тамошнихъ духовныхъ потребъ.“ Съ Архангельскими старообрядцами Калмыкъ не прерывалъ сношеній и потомъ, когда онъ, „дивный въ житіи и предивный въ ученіи,“ съ вторичнымъ паденіемъ Вѣтки и возвышеніемъ Стародубья, сдѣлался строителемъ Климовскаго Покровскаго монастыря, называемаго лѣтописцемъ Бѣляевымъ „столицей старовѣрства.“ Перевезенная съ Вѣтки въ Климову Покровская церковь была освящена 12-го декабря 1765 г. *Щекатовъ*. Географ. слов. Росс. госуд. 1801. ч. 1. Стр. 1274.

Обильнымъ потокомъ полилась теперь старообрядческая милостыня вмѣсто Вѣтки въ Климовскій монастырь и въ руки Михаила Калмыка, а вмѣстѣ съ нею стало распространяться и вліяніе новой „столицы старовѣрства“ на раскольниковъ Дона, Урала, Москвы, Поволжья, Сибири, Сѣвернаго поморья и многихъ другихъ мѣстностей внутренней Россіи, гдѣ господствовалъ старообрядческій поповщинскій расколъ. Въ Стародубскихъ собственно раскольничьихъ слободахъ, по тому же свидѣтельству, Калмыкъ имѣлъ „тысячи духовныхъ дѣтей,“ и долго здѣсь властно и единолично распоряжался всѣми старообрядческими дѣлами, въ особенности до такъ называемаго Перемазанскаго собора, бывшаго въ Москвѣ въ 1779—1780 г., по вопросу о принятіи приходящаго отвнѣ священства, когда началось „раздраніе церковнаго согласія“ среди поповщинскаго раскола Вѣтковской фракціи. У Сергія, извѣстнаго основателя Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей и автора „Зерцала для старообряд-

[1]) Лѣтопись Вѣтков. церкви, л. 146. Румянц. Опис. Малороссіи. Т. CXVI. Вѣд. Зыбковскаго войта, л. 149. Мат. для ист. раск. на В. и въ Стародуб. стр. 241.—Мефодій, архим. Спасо-Преображенскаго монастыря въ Астрахани, 1731—1758 гг., 10 мая хиротонисованъ во епископа Астраханскаго. Спис. іерарховъ Строева, стр. 314.

цевъ," принявшаго въ концѣ своей жизни единовѣріе, есть положительное указаніе, что съ 1765 г. во всей поповщинѣ были попы, получившіе благословеніе отъ Михаила Калмыка, стало быть, благодаря именно ему, Стародубье въ это время получило какъ бы значеніе церковно-административнаго центра для всего великорусскаго поповщинскаго раскола. О сношеніяхъ его въ этотъ періодъ съ старообрядцами разныхъ русскихъ мѣстностей многочисленныя указанія разсыпаны и въ Лѣтописи Вѣтковской церкви Якова Бѣляева, и въ другихъ рукописныхъ раскольничьихъ сборникахъ прошлаго вѣка мѣстнаго Стародубскаго происхожденія, изъ которыхъ нѣкоторые хранятся теперь въ Черниговской семинарской библіотекѣ [1]).

Послѣ первой Вѣтковской выгонки, на ряду съ возстановленнымъ на Вѣткѣ Покровскимъ монастыремъ, славились за польско-литовскимъ рубежомъ и другіе старообрядческіе монастыри, въ особенности Бѣлицкіе, какъ напр. прежде всего болѣе извѣстный *Лаврентьевъ,* названный такъ по имени своего перваго основателя.

О времени основанія Лаврентьева монастыря нѣтъ прямыхъ и болѣе или менѣе точныхъ указаній; но все таки есть основаніе предполагать, что онъ былъ основанъ прежде первой Вѣтковской выгонки, а не послѣ нея, какъ утверждаетъ П. И. Мельниковъ. Въ пользу своего мнѣнія мы можемъ привести то основаніе, что на прошеніи о поставленіи епископа, поданнаго въ 1731 г. Вѣтковскими раскольниками—поповцами Константинопольскому патріарху, между прочимъ, въ числѣ скитоначальниковъ, подписались два строителя, изъ которыхъ одинъ и былъ „обители Введенія пресвятыя Богородицы строитель Лаврентій съ братіею". Мельниковъ начало Лаврентьева монастыря относитъ къ тридцатымъ годамъ прошлаго вѣка, именно ко времени Вѣтковскаго погрома 1735 года, когда инокъ Лаврентій, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими Вѣтковскими иноками, успѣлъ счастливо укрыться отъ русскихъ драгунъ и казаковъ въ сосѣднихъ лѣсахъ, окружавшихъ Вѣтку, и здѣсь на берегахъ рѣки Узы поставилъ келью и маленькую часовню во имя Всемилостиваго Спаса лѣтомъ того же 1735 года, когда была произве-

[1]) Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношенія сборникъ подъ заглавіемъ: «Разговоры Россійскіе» см. лл. 88 и 107. Опис. рки. Черниг. семин. библ. Стр. 177—178.

дена была Вѣтковская выгонка. О самой личности Лаврентія, на основаніи преданія, занесеннаго потомъ и въ позднѣйшее „Сказаніе о житіи преподобнаго Викентія, иже на Новомъ Крупцѣ“, извѣстно, что онъ былъ родомъ изъ Калуги, пришелъ на Вѣтку еще во времена Петра I, принялъ здѣсь иночество и при постриженіи былъ названъ именемъ своего святого согражданина Лаврентія Христа ради юродивого, Калужскаго чудотворца, которому, какъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ онъ свою братію, приходился будто бы даже родственникомъ. Согласно тому же источнику, монашеское послушаніе на Вѣткѣ онъ проходилъ подъ руководствомъ игумена Власія. Обстоятельства, въ какихъ находился тогда расколъ, благопріятствовали возникновенію новаго раскольничьяго скита, и черезъ нѣсколько лѣтъ возлѣ смиреннаго инока—схимника образовался довольно людный монастырь на полуостровѣ, образуемомъ въ томъ мѣстѣ рѣкою Узою, за которою, на нѣсколько верстъ, тянулись непроходимыя болота и лѣса. Однако тотъ же источникъ сообщаетъ, что братія при Лаврентіи на первыхъ порахъ не столько ради иноческихъ подвиговъ, сколько ради нищеты невольной, питались будто бы не рѣдко дубовой корой и кореньями, а при обычной повседневной службѣ употребляли родную лучину, и только въ великіе праздники передъ древними въ часовнѣ иконами, принесенными Лаврентіемъ въ числѣ шести будто бы еще изъ Калуги, теплились восковыя свѣчи. Изъ иконъ, принадлежавшихъ Лаврентію, извѣстны четыре, это: чудо Архангела Михаила въ Колоссаехъ, во имя которого была устроена вторая часовня, потомъ икона эта стояла въ трапезной церкви, и ей бывалъ въ монастырѣ храмовой праздникъ 6-го сентября; Введенія во храмъ Богородицы, Срѣтенія Господня, Знаменія Богородицы. Бѣдный въ началѣ, Лаврентьевъ монастырь имѣлъ уже въ концѣ прошлаго вѣка четырехъярусный великолѣпный иконостасъ въ церкви, „единственный и безпримѣрный по своимъ украшеніямъ“, какъ отзывался о немъ протоіерей Т. А. Верховскій и Стародубскіе слобожане впослѣдствіи. Иконы сами по себѣ были обыкновеннаго письма, но серебра и золота было много на нихъ: „всѣ иконы до одной въ иконостасѣ въ сребровызлаченныхъ ризахъ [1])“.

[1]) Зап. о жизни протоіерея Верховскаго, составл. имъ самимъ. Ч. I. Спб. 1877 г. стр. 737. Стародубье. Казань. 1874 г. Ч. II, стр. 36, 58—59.

Строгая жизнь иноковъ и неуклонное соблюденіе „древляго благочестія" возбуждали благоговѣніе въ народѣ, привлекали къ монастырю старообрядческихъ подвижниковъ и пріобрѣли ему великое уваженіе со стороны мѣстныхъ и отдаленныхъ единовѣрцевъ. Уже въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Лаврентіевъ монастырь пользовался большою извѣстностью среди русскихъ старообрядцевъ. Изъ Москвы, Калуги, съ Дону и изъ другихъ отдаленныхъ мѣстностей усердствующіе и набожные раскольники посылали и несли сюда свои денежныя приношенія, жертвовали богослужебныя книги и рукописи, ризы и иконы, не рѣдко богато украшенныя [1]).

О томъ, какое глубокое религіозно-церковное вліяніе имѣлъ этотъ раскольничій монастырь на мѣстныхъ старообрядцевъ, и не на однихъ только старообрядцевъ, показываютъ составившіяся о немъ преданія и легенды, о которыхъ такъ мѣтко и картинно высказывается П. И. Мельниковъ. По его словамъ, даже лѣсъ, окружавшій обитель Лаврентьеву, въ глазахъ ихъ почитался какъ бы священнымъ. За грѣхъ считали его трогать. Оберегали отъ порубокъ Лаврентьевъ лѣсъ и ходившія въ народѣ легенды о болѣзняхъ и несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ будто бы во всю жизнь того, кто, зная или не зная о неприкосновенности священной дубравы, дерзалъ срубить въ ней хоть одно дерево. Всѣ двѣнадцать дочерей Ирода, всѣ двѣнадцать лихоманокъ, нападутъ на того человѣка и станутъ мучить его до смерти. Вырубитъ въ лѣсу кто нибудь дерево на домашнюю подѣлку—въ ту самую подѣлку на первый Спасъ (1-го августа) ударитъ молнія, и сгоритъ домъ нарушившаго цѣлость Лаврентьева лѣса, а съ нимъ и деревня вся. И ничѣмъ того пожара утушить нельзя, кромѣ воды изъ рѣки Узы, освященной въ тотъ самый день перваго Спаса Лаврентьевскимъ священникомъ. Свалившееся отъ старости дерево, сломившуюся вѣтвь нельзя поднять, не сказавъ: „Преподобный отче Лаврентіе, прости и благослови принять сіе древо за благословеніе". И ничего нечистаго изъ того древа дѣлать нельзя, и ничего ногами попираемаго; иначе въ домѣ сдѣлавшаго будутъ свары и ссоры и кровопролитіе, и тати расхитятъ все имущество. Даже грибы да ягоды нельзя собирать въ томъ лѣсу безъ испроше-

[1]). Соборн. отд. рус. яз. и слов. т. IX. Историч. бумаги, собран. Арсеньевымъ. Стр. 394—401.

нія благословенія у Лаврентія. Только деревца на Троицкія березки, да растущую по берегу Узы вербу для заутрени „Цвѣтнаго Воскресенія" (Вербнаго) можно всякому брать невозбранно; да еще дозволялось рвать прутья, на Егорьевъ день коровъ на первое поле выгонять. А кто „русальные вѣнки" въ томъ лѣсу станетъ завивать или „кумиться" вокругъ дерева, а паче всего на день Предотечевъ (24-го іюня) „купалины огни" зажигать, тому нѣсть прощенія ни всемъ вѣцѣ, ни въ будущемъ". Неприкосновенность Лаврентьева лѣса уважали и православные Бѣлоруссы, и даже Жиды боялись налагать на него руки, такъ какъ Лаврентьевскіе „иноки за ничтожные порубки уважаемаго лѣса нещадно пороли племя Ізраилево вѣтвями священныхъ древесъ".

Одновременно съ Лаврентіемъ бѣжалъ съ Вѣтки на берегъ Узы и другой инокъ-схимникъ, отличавшійся какъ и Лаврентій благочестивою жизнію и подвигами отшельничества, нѣкто Викентій, выходецъ изъ Москвы, пришедшій на Вѣтку будто бы еще въ первые годы ея заселенія великорусскими раскольниками. Послѣ непродолжительнаго совмѣстнаго сожитія съ Лаврентіемъ, на берегахъ Узы, Викентій, любитель уединенія и пустынныхъ иноческихъ подвиговъ, оставилъ Лаврентьеву обитель и основалъ новое пустынно-жительство почти на самой тогдашней русской границѣ, на такъ называемомъ въ то время Литовскомъ рубежѣ, вблизи Стародубья, неподалеку отъ старообрядческой зарубежной раскольничьей слободы Крупцовъ. Здѣсь онъ ископалъ своими руками пещеру, въ которой и поселился первоначально; изъ пещеры потаенная дверь вела въ тѣсный проходъ, длиною въ 100 саженъ, ископанный имъ же, съ разными переходами, гдѣ въ углубленіяхъ стояли иконы и кресты; въ одномъ мѣстѣ былъ вырытъ его трудами колодезь, воду котораго раскольники потомъ считали святою. Стосаженный проходъ оканчивался погребомъ, около квадратной сажени, гдѣ, по показанію раскольниковъ, и жилъ именно инокъ-схимникъ Викентій; песокъ этого погреба также почитался священнымъ. Скоро молва о пещерныхъ подвигахъ этого старообрядческаго пустынника, строгаго въ скитскомъ житіи постника и молитвенника, смирявшаго свою плоть тяжелыми веригами, копаніемъ стосаженнаго корридора и колодца въ горѣ, привлекла къ нему и другихъ любителей уединенія и пустынножительства, и возлѣ пещернаго схимника Викентія устроился новый раскольничій

скитъ съ двумя часовнями и нѣсколькими кельями, а потомъ образовалась возлѣ скитской ограды и новая старообрядческая слобода—Новые Крупцы.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка обитель Викентія уже пользовалась большою извѣстностью среди старообрядцевъ; особенно привлекала она ихъ строгостію жизни ея иноковъ, крѣпкимъ храненіемъ „древляго благочестія", а главное—пещерными подвигами ея основателя, его долговременными постами, молитвами, ношеніемъ тяжелыхъ веригъ и т. п.

Еще болѣе прославилась обитель Викентія Крупецкаго на нѣкоторое время послѣ его смерти, когда скитники объявили изсохшее еще при жизни отъ пещерныхъ и молитвенныхъ трудовъ тѣло своего столѣтняго настоятеля нетлѣннымъ, а останки его положили въ деревянную раку и поставили ее въ той самой пещерѣ, гдѣ онъ подвизался болѣе 30 лѣтъ. Это было приблизительно въ 1772—1774 г., какъ можно заключать изъ доношенія священника Іоанна Еланскаго, села Денисковичъ, Новозыбковскаго уѣзда, Черниговскому епископу Ѳеофилу Игнатовичу (1770—1788 гг.). Въ своемъ доношеніи священникъ Еланскій въ 1774 г. писалъ именно, что „въ слободѣ Крупцѣ, близъ часовни, жившій въ выкопанной въ горѣ келіи старецъ именемъ Викентій, который какъ умеръ другой годъ, Крупецками раскольниками сысканъ, гдѣ и нынѣ оное тѣло лежитъ, о коемъ раскольники по раскольническимъ слободамъ разгласили, якобы тотъ старецъ Викентій чрезъ ихъ раскольническую вѣру въ святость пришелъ, и, ходя изъ окольныхъ бѣлорусскихъ и раскольническихъ слободъ, тому тѣлу покланяются". По рапорту черниговскаго епископа о новоявленныхъ мощахъ старообрядческаго угодника св. Синодъ 31-го августа 1775 г. сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „надлежитъ въ пещерѣ, въ которой раскольническія ложныя мощи лежатъ, отъ свѣтской команды приставить караулъ, и какое тамъ найдется мертвое тѣло, оное, при опредѣленныхъ отъ епархіальнаго архіерея духовныхъ персонахъ, освидѣтельствовать, а потомъ оное зарыть въ землѣ, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы раскольники знать и, вырывъ, обратно взять къ себѣ немогли, о семъ узнавъ предварительно, разглашаемыя ложныя мощи скрыть, то благоволилъ бы правительствующій сенатъ къ сему принять надлежащія мѣры, а при томъ бы и о раскольническихъ монастыряхъ,

церквахъ и часовняхъ, учинить подлежащее опредѣленіе, и какое объ ономъ правительствующаго сената опредѣленіе послѣдуетъ, о томъ св. Синодъ увѣдомить" (Собр. постан. по части раск. по вѣдом. св. Син. 1, 681—682). Дѣло кончилось тѣмъ, что мѣстныя власти распорядились сжечь останки Викентія, пещеру зарыть, скитъ уничтожить, а скитниковъ разослать по мѣстамъ ихъ прежнихъ жительствъ. Такимъ образомъ съ останками Викентія было поступлено точно также, какъ въ 1735 г. съ Вѣтковскими раскольническими мощами Іоасафа, Ѳеодосія, Александра и Антонія, по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны. Тѣмъ дѣло однако не кончилось. По „Сказанію о житіи Викентія" раскольникамъ удалось захватить обгорѣлыя кости Викентія; мало того, будто бы ими было отыскано оставшееся цѣлымъ сердце сожженнаго и даже часть его срачицы. Самый же фактъ сожженія костей Викентія перешелъ затѣмъ въ разсказъ о томъ, какъ Черниговскій архіерей Ѳеофилъ будто бы пыталъ, билъ кнутомъ и наконецъ сожегъ на кострѣ живьемъ преподобнаго пещерника Викентія за его крѣпкостоятельство въ „древлемъ благочестіи". Такъ Викентій явился въ раскольничьемъ представленіи старообрядческимъ страстотерпцемъ. Память о немъ живетъ у слобожанъ и до сихъ поръ.

Изъ другихъ зарубежныхъ старообрядческихъ скитовъ того времени, пользовавшихся меньшимъ вліяніемъ, извѣстны слѣд.: Макаріевъ—Терловскій, устроенный около 1750 г. въ 32 в. отъ Лаврентіева монастыря нѣкіимъ инокомъ Макаріемъ, пришедшимъ изъ Верей; потомъ Пахоміевъ, заведенный около 1760 г. великороссійскимъ же выходцемъ инокомъ Пахоміемъ, и Асафовъ скитъ, устроенный повидимому одновременно съ Пахоміевымъ старцемъ Іоасафомъ, пришедшимъ изъ г. Гжатска. Послѣдній скитъ былъ неподалеку отъ Гомеля и назывался также Чолнскимъ или Чонскимъ, по урочищу „Чолнскій Обрывъ", на которомъ былъ устроенъ. Онъ болѣе извѣстенъ во второй половинѣ XVIII в., послѣ вторичнаго раззоренія Вѣтки, по своимъ сношеніямъ съ стародубскими поповщинскими монастырями (Лѣтоп. Вѣтков. церкви Я. С. Бѣляева). Кромѣ того, въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка были извѣстны и слѣдующіе скиты: Филатовскій, названный такъ по имени игумена Филата, находившійся въ 15 в. отъ Гомеля; Спасскій—въ слободѣ Спасовой, предмѣстьѣ Гомеля, въ которомъ въ то время былъ игуменомъ нѣкій Варлаамъ. Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть объ Анои-

мовомъ монастырѣ, основанномъ въ 1750—1751 г. извѣстнымъ лжеепископомъ Анеимомъ въ 6 миляхъ отъ знаменитой Вѣтки, внизъ по рѣкѣ Сожу, въ урочищѣ называемомъ Боровицы, гдѣ, между прочимъ, находилась и старая пустая часовня, едва ли не остававшаяся еще отъ времени перваго разгрома Вѣтки въ 1735 г. [1]).

Вскорѣ по возстановленіи Вѣтки съ ея монастырями, скитами и пустынями, Вѣтковскіе черцы и черницы опять разсыпались по всѣмъ тѣмъ русскимъ предѣламъ, гдѣ расколъ упрочился еще до первой выгонки и гдѣ болѣе или менѣе было сильно Вѣтковское вліяніе. Изъ числа такихъ мѣстъ, кромѣ Москвы, Волоколамска, Торжка, Вереи, Бѣлева и многихъ другихъ мѣстъ, можно указать главнымъ образомъ на Калугу и Ржевъ, какъ самые сильные сравнительно раскольничьи центры того времени, стоявшіе въ ближайшей связи съ Вѣткой. Посредниками между Вѣткой и великороссійскими раскольниками были главнымъ образомъ Вѣтковскіе лжемонахи и лжемонахини. Всюду, гдѣ не появлялись эти лица, они замѣняли для раскольниковъ священниковъ: совершали богослуженіе, исповѣдывали, пріобщали, поучали не свѣдущихъ въ расколѣ, а также крестили, вѣнчали и погребали. Эти раскольничьи лжемонахи, начиная съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка, появляются довольно часто какъ въ Москвѣ, раскольники которой стояли въ тѣсныхъ еще сношеніяхъ съ Вѣткою, такъ и въ ближайшихъ къ Вѣткѣ великорусскихъ раскольничьихъ общинахъ, находящихся въ нынѣшнихъ епархіяхъ,—Калужской, Смоленской, Курской, Орловской и др. Одни изъ этихъ лжемонаховъ появлялись въ послѣднихъ случайно, направляясь по дѣламъ Вѣтковской общины въ Москву, другіе являлись для сбора подаяній въ пользу Вѣтковскихъ монастырей, третьи ради совершенія требъ, а то и просто поживиться на счетъ простоты и невѣжества мѣстныхъ раскольниковъ. Словомъ, и въ этотъ періодъ Вѣтка съ своими монастырями сильно интриговала всѣхъ великороссійскихъ раскольниковъ; изъ русскихъ предѣловъ толпами шли на Вѣтку люди, чтобы „повидѣть тамошняго монастыря и

---

[1]) Нѣкоторыя указанія относительно этихъ скитовъ. См. у Мельникова. Оч. поповщ. Ч. I, стр. 197—198, а также и въ гл. XIV. (Рус. Вѣст.).—Зап. протоіерея Верховскаго, стр. 740—741. Сборн. Отд. рус. яз. и словесн. IX, 395—396.

монашескаго житія", какъ говорится въ показаніи одного раскольническаго монаха, попавшагося въ Стародубскихъ слободахъ въ руки правительства въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлого вѣка [1]). Мы приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о силѣ и вліяніи въ то время Вѣтковской пропаганды раскола въ великороссійскихъ предѣлахъ.

Въ 1743 году въ Волоколамскѣ поймано было 20 человѣкъ крестьянъ, пробиравшихся за польскую границу на Вѣтку, подговоренныхъ пушкарскимъ сыномъ изъ Ржевы Володимировой, Ямщиковымъ, который за провожанье до Вѣтки подрядился взять съ нихъ по пяти рублей съ семьи; онъ же научалъ ихъ молиться пораскольничьи. Ямщиковъ принадлежалъ къ Вѣтковскому поповщинскому согласію [2]).

Въ 1755 году, въ предѣлахъ нынѣшней Смоленской епархіи, Гжатскаго уѣзда, въ селѣ Воронцовѣ, деревнѣ Семешковѣ, въ нежилой избѣ крестьянина Максима Никитина былъ пойманъ монахъ Каріонъ. При немъ найдены: маленькая раскольничья мантія, тетрадь, написанная его рукою, и часословъ. На допросѣ въ Переяславской духовной консисторіи (въ то время г. Гжатскъ съ уѣздомъ находился въ вѣдѣніи Переяславской епархіи) монахъ Каріонъ показалъ: родомъ онъ польской націи и родился въ г. Вильнѣ; десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ увезенъ въ Россію помѣщикомъ Медынскаго уѣзда Голенищевымъ, отъ котораго черезъ 15 лѣтъ убѣжалъ; долго затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ проживалъ въ Россіи, наконецъ попалъ за рубежъ, на Вѣтку, гдѣ нѣкіимъ монахомъ Варлаамомъ и былъ постриженъ въ монахи, послѣ чего нѣсколько лѣтъ жилъ въ построенной имъ для того кельѣ въ лѣсахъ Дорогобужскаго уѣзда, называемыхъ Серпейскими или Троицкими [3]). Въ слѣ-

---

[1]) А. М. К. при Х. У. № 2414: Дѣло о раскольническомъ монахѣ Маркѣ.

[2]) Журналъ Сената, отъ 9-го августа 1743 года. Соловьевъ, С. М. Ист. Рос. т. XXI, 316.—Въ 1752 г. великолуцкіе помѣщики жаловались, что люди и крестьяне ихъ, по подговору польскихъ обывателей, бѣгутъ за польскій рубежъ, а польскіе обыватели всячески помогаютъ имъ къ побѣгу и поселенію, и потомъ подсылаютъ въ Россію для воровства, разбоя и грабежа, даютъ оружіе и порохъ, уводятъ многихъ въ неволю. Журн. Сената: Соловьевъ, Ист. Росс. XXIII, 128.

[3]) Арх. Смол. Конс. за 1755 г., № 237. Цитуется по ст. г. Ник. Соколова, напечатанной въ мѣстныхъ епарх. Вѣдом. и отдѣльно подъ

дующемъ году въ томъ же Гжатскомъ уѣздѣ были пойманы два монаха: Серапіонъ и Пафнутій. Первый оказался послушникомъ, бѣжавшимъ изъ Саввина Сторожевскаго монастыря и постригшимся потомъ на Вѣткѣ, а передъ тѣмъ, какъ его поймали, онъ долгое время жилъ въ Ржевскихъ лѣсахъ. При арестѣ Пафнутія найдена была киса, въ которой хранились „выбойчатыя“ ризы, епитрахиль, служебникъ, требникъ, причастіе и муро. Арестантъ сознался, что всѣ эти вещи онъ получилъ отъ Калужскаго раскольническаго попа Григорія, который самъ получилъ посвященіе на Вѣткѣ отъ епископа Епифанія. Попъ Григорій совершилъ постриженіе Пафнутія въ монашество и разрѣшилъ ему совершать всѣ таинства [1]). Въ 1758 г. въ томъ же уѣздѣ былъ пойманъ монахъ Германъ. На допросѣ въ Переяславльской духовной консисторіи онъ показалъ о себѣ, что онъ бѣглый крестьянинъ Вяземскаго уѣзда, Тесовской волости, деревни Быкова; что, будучи 30 лѣтъ, бѣжалъ съ другимъ крестьяниномъ той же волости деревни Аѳанасьевой Захаромъ Кузьминымъ въ лѣса Бѣлевскаго уѣзда, гдѣ пріѣзжимъ съ Вѣтки раскольничьимъ монахомъ Герасимомъ постриженъ въ монашество. Послѣдній далъ ему, Герману, камилавку, малую мантію и нѣсколько частицъ св. таинъ, которыя велѣлъ ему принять только предъ смертію, а нѣсколько пшеничныхъ освященныхъ частицъ хлѣба велѣлъ принимать въ большіе праздники [2]).

Всѣ указанные монахи стояли въ тѣсной связи съ правильно организованными раскольничными общинами, находившимися въ значительныхъ въ то время лѣсахъ Дорогобужскаго и Ржевскаго уѣздовъ. По даннымъ розыска, каждый изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ жилъ въ Дорогобужскихъ или Ржевскихъ лѣсахъ, имѣвшихъ несомнѣнное значеніе въ исторіи раскола, особенно въ исторіи лѣсной его колонизаціи. Лѣса эти служили укромнымъ убѣжищемъ ревнителей старой вѣры и въ первой четверти XVIII вѣка, какъ и близъ лежащіе къ нимъ города и селенія, что мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ. Таковымъ же убѣжищемъ, какъ оказывается, они продолжали служить и въ по-

---

заглавіемъ: «Расколъ въ Смоленской епархіи». Смоленскъ. 1888 г. Стр. 10. Статья составлена исключительно по архивнымъ матеріаламъ мѣстной Консисторіи.

[1]) Ibidem. Стр. 11. Арх. См. духов. Консист. за 1756 г., № 319.

[2]) Ibidem, стр. 11. Арх. Смол. дух. Конс. 1758 г., № 322.

слѣдующее время. Въ 1749 году св. Синодъ обвинялъ предъ Сенатомъ главный магистратъ въ потачкѣ раскольникамъ, по поводу выбраннаго въ г. Ржевѣ Володимировѣ бургомистромъ купца Чупятова, державшагося раскола. Этотъ послѣдній, по словамъ обвиненія, всячески защищалъ „злыхъ раскольниковъ и прикрывалъ пришлыхъ учителей раскольническихъ, старцевъ, старицъ и бѣльцевъ съ Вѣтки"..., которые крещенныхъ православными священниками перекрещивали, учили своимъ ересямъ, имѣли въ домахъ потаенныя мольбища. Сенатъ велѣлъ послать въ главный магистратъ указъ объ отрѣшеніи Чупятова. Въ слѣдующемъ году Синодъ по тому же поводу жаловался опять на главный магистратъ, Тверской магистратъ, Тверскую и Ржевскую провинціальныя канцеляріи: во Ржевѣ при ревизіи записались вновь въ раскольники 187 человѣкъ, и раскольничьи лжемонахи перекрестили многихъ православныхъ, которые дѣтей своихъ, крещенныхъ православными священниками, учатъ своимъ ересямъ, въ домахъ своихъ имѣютъ потаенныя мольбища и держатъ у себя раскольническихъ учителей съ Вѣтки и изъ другихъ мѣстъ. Между тѣмъ въ 1746 году въ бытность во Ржевѣ архіепископа Митрофана нѣкоторые, по его увѣщанію, показались склонными къ обращенію въ православіе, но предводителемъ своимъ Андреемъ Свѣшниковымъ отъ того были удержаны; этотъ Свѣшниковъ вмѣстѣ съ купцомъ Кудряевымъ и другими потомъ хотя и были присоединены къ православію, однако опять возвратились въ расколъ, и, ходя по другимъ городамъ и уѣздамъ, разсѣевали лжеученія и развращали простой народъ. Въ 1747 году было послано изъ Консисторіи отыскивать раскольничьихъ учителей въ деревняхъ Старицкаго уѣзда, Чуриловѣ и Васильевской, но бургомистръ, записной раскольникъ Константиновъ, имѣющій у себя раскольничью пристань, вмѣстѣ съ крестьянами смертно прибилъ и ограбилъ этихъ посланныхъ и отбилъ взятую ими женщину съ раскольническими Вѣтковскими лжетайнами, а Тверская провинціальная канцелярія ничего за это не сдѣлала [1]).

Извѣстный уже намъ монахъ Каріонъ, пойманный въ 1755 году, показалъ, что онъ лѣтъ десять послѣднихъ предъ своимъ арестомъ жилъ въ Дорогобужскихъ лѣсахъ, называемыхъ

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи. XXIII, стр. 37—38. Собр. постан. по ч. раскола, 1745—750 гг.

Троицкими или Серпейскими; что въ томъ мѣстѣ Дорогобужскихъ лѣсовъ, гдѣ онъ жилъ, „есть келій тридцать, а живутъ чернецы и черницы и мірскіе люди, изъ которыхъ онъ, Каріонъ, имено припомнитъ: чернецъ Малхъ, а съ нимъ три черницы; чернецъ Филаретъ, а съ нимъ двѣ черницы; чернецъ Никодимъ, а съ нимъ три черницы; да города Бѣлева купеческій сынъ Михайло Савиновъ, а съ нимъ двѣ черницы да одна бѣлица". Эта раскольничья община на столько была благоустроена, что имѣла свою полотняную церковь, привезенную будто бы изъ-за польскаго рубежа съ Вѣтки. Въ церкви совершалось богослуженіе и отправлялись церковныя требы; монахъ Каріонъ былъ въ ней исповѣданъ и пріобщенъ. О правильно организованныхъ раскольническихъ общинахъ въ Ржевскихъ лѣсахъ показывалъ и монахъ Серапіонъ, пойманный въ 1756 году. Всѣ эти общины поддерживали постоянныя и дѣятельныя сношенія съ Вѣткою; оттуда получали онѣ „исправленныхъ" пораскольничьи священниковъ, которые совершали таинства въ самой общинѣ и у раскольниковъ, „живущихъ въ міру"; туда же посылали желающихъ для постриженія въ иноческій чинъ и пр.[1]).

Тобольскій посадскій Иванъ Зубаревъ, жившій нѣкоторое время въ Польшѣ въ раскольническихъ слободахъ, показывалъ въ 1755—1756 гг. въ Тайной Канцеляріи, что „многіе въ тѣхъ слободахъ россійскіе люди жительство имѣютъ, въ томъ числѣ и княгиня Гагарина съ дочерью дѣвкою; да Калужскаго купца Коробова мать вдова съ дочерью жъ дѣвкою, а именъ ихъ и отчествъ не знаетъ, въ Спасскомъ дѣвичьемъ монастырѣ пострижены старицами и живутъ въ построенныхъ отъ себя кельяхъ, куда и оный Коробовъ къ той своей матери пріѣзжаетъ; да и внукъ той Коробовой къ ней пріѣзжалъ. Да означенной княгини Гагариной сынъ князь Михайло, а отечества его потому жъ онъ не знаетъ, живетъ въ раскольническомъ Лаврентьевѣ монастырѣ бѣльцомъ. Да въ бытность его, Зубарева, въ поль-

---

[1]) Арх. Смол. дух. конс. за 1755—1756 гг., №№ 237 и 319. Соколовъ, Н.: «Расколъ въ Смоленской епархіи», стр. 12.—Изъ поселившихся въ такихъ лѣсныхъ раскольническихъ общинахъ нерѣдко составлялись въ то время и шайки разбойниковъ. Монахъ Каріонъ на допросѣ разсказывалъ, что онъ однажды въ лѣсу, недалеко отъ своей кельи, встрѣтилъ знакомаго ему раскольника. Этотъ послѣдній въ бесѣдѣ объявилъ ему, что онъ уже «больше не раскольникъ, а разбойникъ и даже атаманъ».

скомъ мѣстечкѣ Вѣткѣ видѣлъ онъ, Зубаревъ, что въ томъ мѣстечкѣ въ раскольническомъ же дѣвичѣ монастырѣ старицею находится покойнаго бригадира Краснощекова жена вдова (а имени и отечества ея не знаетъ же). Также-де видѣлъ онъ въ Польшѣ въ Зеленыхъ Лукахъ живущихъ въ расколѣ въ своихъ кельяхъ Донскихъ козаковъ человѣкъ съ десять, и другихъ россійскихъ бѣглыхъ людей, постриженныхъ старцами, не малое число". Изъ другихъ его показаній видно, что сношенія Вѣтковскихъ раскольниковъ съ великороссійскими и обратно не были особенно затруднительны. Игуменъ Лаврентьева монастыря Евстиѳей сказывалъ ему, Зубареву, „что де къ намъ въ Польшу изъ россійскихъ раскольническихъ слободъ для всякой духовной потребы ѣздятъ раскольники; также-де и отъ насъ къ тѣмъ раскольникамъ въ ихъ раскольническія слободы, также Москву, Калугу и прочіе города ѣздятъ наши попы; и пашпорты-де тѣ наши попы о проѣздѣ въ Москву, Калугу и прочіе города берутъ въ раскольнической Волостной Конторѣ, а управитель-де той конторы съ нами имѣетъ дружелюбіе. Да вотъ-де, какъ наши живущіе въ Польшѣ раскольники въ россійскія раскольническія слободы за раскольниковъ, таможъ и изъ тѣхъ слободъ раскольники за нашихъ раскольниковъ отдаютъ въ замужество своихъ дочерей и имѣютъ со всѣми нами согласіе". Тотъ же Евстиѳей говорилъ Зубареву, что изъ Москвы, Калуги и другихъ городовъ отъ людей старой вѣры присылаются для подаянія деньги въ монастырь, что посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ и упомянутый Калужскій купецъ Коробовъ, привозившій „неоднократно и денегъ довольное число [1])".

---

[1]) Сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. IX. Историч. бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ, изд. П. Пекарскимъ: Приключенія посадского Ив. Зубарева въ Россіи, Пруссіи и Польшѣ и показанія его о намѣреніи прусскаго короля Фридриха II возвести снова на русскій престолъ принца Іоанна Антоновича, при содѣйствіи раскольниковъ, 1751—1756 гг. Стр. 396—397, 399—401. Прекрасной иллюстраціей къ «дружелюбію» русскихъ пограничныхъ властей къ раскольникамъ служитъ свидѣтельство литовскаго канцлера Чарторыйскаго въ 1754 г. Гроссу, русскому дипломату, что недавно выданный имъ, Чарторыйскимъ, Кузьминъ возвратился изъ Кіева въ Гомель и объявляетъ себя свободнымъ, а покойный генералъ Леонтьевъ четыре года тому назадъ самъ къ нему писалъ, чтобъ нѣкоторому русскому купцу позволилъ поселиться въ Гомелѣ форпосты же часто за

Въ Москвѣ въ тридцатыхъ и самомъ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка Вѣтковскіе чернецы и черницы, а также и Вѣтковскіе попы находили себѣ пріютъ въ домѣ Коржавиныхъ, какъ видно изъ весьма любопытнаго доношенія или извѣта на братьевъ Коржавиныхъ, Василья и Ерофея, отъ 16 мая 1755 года, присланнаго изъ заграницы безъ подписи „съ нѣмецкою почтою". Сущность этого извѣта теперь извѣстна, такъ какъ въ Архивѣ князя Воронцова (кн. III, 308—312) обнародована и самая подлинная бумага доносителя, оказавшагося потомъ по розыску нѣкіимъ Петромъ Дементьевымъ. Это былъ Московскій купецъ изъ старообрядцевъ, сначала удалившійся изъ Россіи въ Польшу, а потомъ неизвѣстно какъ попавшій въ Лондонъ. Здѣсь онъ видался съ братьями Коржавиными и наконецъ поссорился съ ними. По извѣту отецъ Коржавиныхъ, Никита Тимофеевъ сынъ, промышлялъ въ лѣсномъ ряду, что у Покровскихъ воротъ въ Москвѣ, а домъ ихъ былъ на землѣ господина генерала Василья Дмитріевича Корчмина, близъ рѣки Яузы, въ приходѣ церкви Ильи пророка, что на Воронцовскомъ полѣ въ Москвѣ. „Въ домъ ихъ", по словамъ того же источника, „былъ приходъ и пріѣздъ староверцамъ, записнымъ и незаписнымъ, изъ Польши и изъ иныхъ странъ, а попы и дьячки почти завсегда въ домѣ ихъ пребывали, и отправлялась у нихъ церковная служба, такожъ исповѣдь и причащеніе. Да и самъ Василій съ женою его Анною Исаевой дочерью въ домѣ его вѣнчанъ, и множество староверцовъ, записныхъ и незаписныхъ, въ домъ къ нимъ прихаживали, службы церковной и ученія слушать и нужды духовныя отправлять и совѣтовъ требовать о дѣлахъ до нихъ касающихся отъ духовной конторы." Въ извѣтѣ братья Коржавины обвинялись и въ томъ, что они и въ частныхъ разговорахъ на заграничномъ просторѣ „хулили богопочтеніе и благочестіе христіанское и божество, а чудеса Божіи и пророчества и чудеса святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ чудеса ложными называли, якобы ложно въ книги и исторіи введены, которыхъ никогда

малые подарки пропускаютъ. По доношенію полковника Панова, отправленнаго въ Польшу для сыску бѣглыхъ, ихъ тамъ было въ 1754 г. до милліона. За Чарторыйскимъ въ одномъ староствѣ Гомельскомъ жило нѣсколько тысячъ русскихъ бѣглецовъ. Ист. Рос. Соловьева, XXXIII, стр. 172.

не было,“ и смѣялись надъ приверженностію благочестивыхъ людей къ внѣшней формѣ обряда и пр. Здѣсь же сообщается и тотъ фактъ, что 1744 г. Ероѳей Коржавинъ отправилъ на Вѣтку „къ своимъ друзьямъ“ сначала сестру, потомъ мать, а самъ оттуда съѣхалъ для науки въ Парижъ, чтобы получить „высокую дражайшую мудрость,“ „фортуну достать при дѣлахъ государственныхъ,“ сдѣлаться полезнымъ не только себѣ, но и „роду человѣческому и оставить память „въ гисторіяхъ печатныхъ,“ по примѣру „императора Петра Великаго и его министровъ: Меньшикова, Головина, Голицына, Апраксина и прочихъ.“ Привлеченный къ розыску Василій Коржавинъ на допросѣ сказалъ, что точно отецъ его и братья были старовѣрами, но что онъ, Василій, въ 1755 году присоединился къ православію; что по торговымъ дѣламъ ѣзжалъ часто на Украйну, между прочимъ и въ раскольничьи малороссійскія слободы—Добрянку и другія, бывалъ въ Польшѣ, Данцигѣ и, наконецъ въ Лондонѣ, что братъ его, Ероѳей, дѣйствительно уѣхалъ въ Парижъ „для обученія философіи“ и прочимъ наукамъ въ Сорбонской коллегіи“, и что, наконецъ, онъ рѣшился сына своего Ѳеодора, „для наученія иностраннымъ языкамъ и прочимъ наукамъ, отдать тому своему брату въ надѣяніи томъ, чтобы оный его сынъ, по обученіи его иностраннымъ языкамъ и другимъ наукамъ, способнѣе былъ къ купеческой коммерціи, а не въ другомъ какомъ противномъ намѣреніи...“ На всѣ прочія обвиненія доносчика Василій Коржавинъ отвѣчалъ отрицательно. Дѣло тянулось до 1760 года, когда вернулся изъ-за границы Ероѳей Коржавинъ и былъ опредѣленъ „офицерскимъ чиномъ на службу въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ“... Изъ отобранныхъ при розыскѣ черновыхъ писемъ Василья Коржавина къ Ероѳею видно, что у нихъ былъ третій братъ—Иванъ Никитичъ Коржавинъ, остававшійся до смерти старовѣромъ Вѣтковскаго поповщинскаго согласія. Онъ умеръ 5-го іюня 1753 года, и, какъ выражается въ одномъ письмѣ Василій Коржавинъ, „свою комедію добрымъ концомъ окончилъ“: передъ смертію былъ постриженъ какимъ-то старцомъ въ одномъ раскольническомъ монастырѣ близь Вѣтки [1]).

---

[1]) Вмѣстѣ съ извѣтомъ въ указанной книжкѣ Архива князя Воронцова напечатано и «Предложеніе Василія Коржавина его высокосіятельству великому канцлеру о Россійской комерціи въ европейскія

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка были случаи, что и монахи Троицкой Сергіевой лавры были нерѣдко соблазняемы пропагандистами Вѣтковскаго раскола, какъ свидѣтельствуетъ показаніе въ Конторѣ св. Синода въ 1751 г. монаха Семена Ремезова, бѣжавшаго изъ лавры „по подговору

государства». Стр. 319—322. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о Коржавиныхъ см. въ «Извѣстіяхъ о братьяхъ Коржавиныхъ» (1753—1760 гг.), напечатанныхъ П. Пекарскимъ въ «Историч. бумагахъ, собранныхъ К. И. Арсеньевымъ»: Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. И. Ак. Н. IX, стр. 408—424. По свидѣтельству г. Бартенева въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, между реляціями изъ Парижа отъ князя Д. М. Голицына, есть большая записка о Коржавиныхъ. Это были люди весьма начитанные, какъ показываютъ нѣкоторыя печатныя книги съ ихъ подписями; книги эти находятся теперь въ библіотекѣ Московскаго университета. Въ Чертковской библіотекѣ имѣется рѣдкая брошюра: Description du pou, vu au microscope, en français et en russe, соч. Өедора Васильевича Коржавина, напечатанное въ Каружѣ (въ Швейцаріи) въ 1789 г. въ 4-ку. Авторъ называетъ себя membre de pension de l'université de Moscva, и говоритъ, что онъ прожилъ 12 лѣтъ въ Америкѣ. Извѣстна и другая книга, изданная Өедоромъ Коржавинымъ: Remarques sur la langue russienne et sur son alphabet, publiées et augmentées par Pheodore Karjavine, ancien interprête pour le roi à la Martinique. St. Pétersb. 1791, въ 8-ку. Это собственно сочиненіе Ерөея Коржавина, написанное имъ въ Парижѣ въ 1755 г. по вызову Делиля, Бюаша и Барбо. Въ росписи Смирдина, № 9323, Ө. В. Коржавинъ показанъ переводчикомъ съ англійскаго Гулливеровыхъ Путешествій, соч. Свифта. М. 1780. 4 ч., въ 8-ку, изд. 2-е. Пекарскій указываетъ еще на рукопись, писанную Ө. Коржавинымъ, подъ заглавіемъ: «Жизнь славнаго французскаго разбойника Картуша. Съ франц. языка перевелъ и примѣчаніями изъяснилъ Өеодоръ Каржавинъ Парижскаго университета студентъ. M. DCC. LXVI въ Спб.». Примѣчанія не окончены. Въ дѣлахъ академическаго конференцъ-архива (входящія письма 1754—1757 гг.) сохранилось письмо къ академику Гиршау отъ перваго географа и члена Парижской академіи наукъ Бюаша, отъ 9 іюля 1756 г. Рѣчь здѣсь идетъ между прочимъ о Василіѣ Коржавинѣ, которому онъ поручалъ купить въ Петербургѣ географическія карты, по склонности его младшаго брата Ерөея къ наукамъ и языкамъ.— Интересно, что и доносчикъ на Коржавиныхъ, бывшій Московскій купецъ и раскольникъ, по ремеслу часовщикъ, жившій потомъ въ Польшѣ и Лондонѣ, былъ человѣкомъ интересовавшимся того времен-

пріѣзжающаго въ оную лавру изъ-за польскаго рубежа, бѣглаго жъ, бывшаго Высокопетровской пустыни строителя Іова". Раньше Семена Ремезова бѣжалъ туда же лаврскій іеромонахъ Пафнутій [1]).

Въ 1760 г. епископъ Бѣлогородскій Іоасафъ доносилъ Св. Синоду, что многіе изъ раскольниковъ его епархіи совершенно безпрепятственно бѣгутъ въ зарубежную Вѣтку. Съ своей стороны Синодъ потребовалъ, чтобы Сенатомъ сдѣлано было „благопристойное опредѣленіе и куда слѣдуетъ наикрѣпчайшими указами подтвержденіе о пресѣченіи таковаго изъ Россіи за рубежъ проходу [2]).

Въ періодъ отъ первой выгонки до второй Вѣтка дѣлала и новыя пріобрѣтенія въ отношеніи своего духовнаго вліянія. Въ это приблизительно время стало распространяться вліяніе Вѣтки на Яицкихъ раскольниковъ и жившихъ по берегамъ рѣкъ: Большого и Малаго Иргиза, Камелика, Чагры, Чижей и Узеней. Эти мѣста сдѣлались главнымъ притономъ раскола во времена гоненій на раскольниковъ при Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ, хотя отдѣльныя поселенія ихъ здѣсь были и раньше этого времени [3]). Въ концѣ первой половины XVIII в. завязываются сношенія Вѣтки съ Яикомъ и Вѣтковскіе иноки

ной русской литературой. Въ письмѣ къ Василію Коржавину въ Петербургъ до ссоры еще, отъ 3 октября 1753 г., онъ писалъ: «Я вамъ весьма благодарю, что благодѣянія ваши еще ко мнѣ являются... Книжку мою не задержали. Только тѣмъ я несчастливъ, что по обѣщанію вашему не благоволилъ ко мнѣ прислать роспись, какъ возможно, безъ всякаго продолженія, не презри и увѣдомь: сочиненія М. Ломоносова, грамматика, ораторія, поэзія и прибавленіе къ риторикѣ, Григорія Теплова—логика, лексиконъ на латин., франц., нѣм. и русскомъ языкахъ—по какой цѣнѣ продаются? И какія еще новоизданныя или переводныя книги напечатаны, пожалуй увѣдомь меня?... Сб. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. т. IX, стр. 409.

[1]) Собр. пост. по част. раск. I, 569.

[2]) См. въ Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 27, стр. 149—152. Указъ Черниг. духовн. Консист. Конторы св. Синода, отъ апрѣля 1751 г., о поимкѣ раскольничьихъ монаховъ и колодниковъ черпцевъ въ слободѣ Добрянкѣ.

[3]) О раскольникахъ, жившихъ по р. Иргизу, упоминаетъ въ доношеніи св. Синоду 1727 г. архіеп. казанскій Сильвестръ. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. VII, ст. 60—61.

пріобрѣтаютъ тамъ руководящее значеніе, какъ напр. иноки—Сергій, Авраамій, Тихонъ и другіе. Въ первой половинѣ XVIII в. (во второй четверти) на Яикѣ существовала уже особая часовня, въ которой совершалось богослуженіе раскольническими попами Сергіемъ и Аврааміемъ, а „между козачьими домами были устроены скиты"; въ этихъ скитахъ и кельяхъ, расположенныхъ внизъ по Яику, находилось всѣхъ раскольничьихъ старцевъ и старицъ болѣе 200 человѣкъ, въ томъ числѣ до 40 постриженныхъ старцевъ. Въ самомъ Яицкомъ городкѣ была особая раскольничья слобода, или, такъ называемый, Шацкій монастырь, въ которомъ всякій бѣжавшій раскольникъ могъ найти себѣ пріютъ и покровительство. Пойманный въ Донскомъ войскѣ раскольничій старецъ Варѳоломей показалъ, гдѣ находились на Яикѣ главные тогдашніе притоны раскольниковъ, и кто имѣлъ главное значеніе въ этихъ притонахъ. По его заявленію, главное значеніе между раскольническими старцами принадлежало Авраамію, который всѣхъ Яицкихъ старшинъ и козаковъ, ихъ женъ и дѣтей, причащалъ и исповѣдывалъ. Изъ его же показанія видно, что у Волжскихъ или Дубовскихъ козаковъ скиты существовали раньше, чѣмъ у Яицкихъ. Въ 15 в. отъ Дубовки, вверхъ по Волгѣ, въ Оленьей Балкѣ, находился скитъ, въ которомъ жили 12 старцевъ, въ томъ числѣ „ересеначальникъ" іеромонахъ Сергій и старецъ Александръ, бывшіе первоначально на Вѣткѣ. Сюда же явился первоначально изъ Иловлинской станицы Донского войска бѣглый попъ Тимоѳей, получившій при постриженіи имя Тихона (постриженъ Сергіемъ), и удалившійся потомъ на Вѣтку, а оттуда въ 1751 г. Тихонъ прибылъ на Яикъ и замѣнилъ здѣсь Авраамія, отправившагося на Вѣтку. Во время воздвигнутаго въ 1752 году гоненія на Яицкихъ раскольниковъ, послѣдніе совѣщались въ кельѣ старца Іоакима о томъ, какъ лучше удалиться на Кубань. Совѣтъ состоялъ изъ старцевъ: Евстафія, Іоакима, Никодима, самого Варѳоломея, подъ предсѣдательствомъ расколоучителя Тихона, предлагавшаго отправиться на Кубань черезъ Вѣтку, откуда онъ уже проводилъ на Кавказъ одного попа и трехъ старцевъ, или же на Харьковъ и Крымъ; Варѳоломей же стоялъ за путь чрезъ р. Сарту, степью. Тихонъ въ то время успѣлъ скрыться. О дальнѣйшей его судьбѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Іона Курносый въ своей Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ разсказываетъ, что „священноинокъ Тихонъ, скитаяся отъ мѣста на мѣсто, пре-

хождаше овогда на Вѣткѣ, овогда на Яикѣ, и бысть гоненіе, и тогда ятъ бысть Тихонъ попъ, и сосланъ на Воронежъ въ духовное правленіе и мученъ бысть, и не повиновася, и посаженъ бысть въ ледникъ епископскимъ повелѣніемъ, и ту уморенъ бысть". Тихонъ называется „страдальцемъ" и въ Лѣтописи Вѣтковской церкви Бѣляева. Послѣдній сообщаетъ, что онъ былъ принятъ „по высылкѣ" (т. е. послѣ первой Вѣтковской выгонки 1735 г.) священноинокомъ Лазаремъ, который „по высылкѣ полномоществовалъ старшинствомъ", и былъ третьимъ по счету изъ числа принятыхъ Лазаремъ [1]).

Стародубскіе скиты и пустыни и въ разсмариваемый періодъ не отличались большею или меньшею извѣстностью и были по прежнему крайне ограничены числомъ,—ясный признакъ, что первая Вѣтковская выгонка вовсе не способствовала духовному усиленію раскола въ Стародубьѣ; въ противномъ случаѣ и оно было бы, подобно Вѣткѣ, усѣяно этого рода раскольничьими учрежденіями. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ Николо-пустыннаго монастыря, основаннаго Епифановцами около слободы Клинцовъ, впрочемъ по позднѣйшему и довольно сомнительному свидѣтельству Іоны Курносаго, за все время отъ первой Вѣтковской выгонки до эпохи Екатерины II, мы имѣемъ извѣстіе только объ основаніи одной маленькой мужской пустыни и одного небольшаго женскаго скита. Нѣтъ ровно никакихъ данныхъ и о продолженіи существованія прежнихъ скитовъ, пустынь и монастырей, основанныхъ здѣсь до 1735 года. По всей вѣроятности эти послѣдніе прекратили свое существованіе въ то время, когда въ Стародубьѣ послѣ первой выгонки съ

---

1) О сношеніяхъ Вѣтки съ Яицкими и Иргизскими раскольниками нѣкоторыя свѣдѣнія можно найдти въ брошюрахъ В. Н. Витевскаго: 1) Расколъ въ Уральскомъ войскѣ въ половинѣ XVIII в. (Изъ Правосл. собесѣд.). Казань. 1877. стр. 35, 38. 2) Расколъ въ Урал. войскѣ и отнош. къ нему духов. и военногражд. власти въ концѣ XVIII в. Казань. 1878. Стр. 10, 12. 3) Его-же, историч. монографія: И. И. Неплюевъ и Оренб. край до 1758 года. Казань. 1890. В. 51. Стр. 348, 251 и др. Есиповъ Г. В. Раскольничьи дѣла XIII ст. т. 11. Приложенія, стр. 188.—Лѣт. Вѣтк. церкви, рки. нашей библ. л. 22.—Во время преслѣдованій раскольниковъ на Иргизѣ въ 1752 и 1753 гг. найдены тамъ были раскольники и вышедшіе изъ Малороссіи. См. Промеморію Оренб. губ. канц. отъ 1753 г. въ А. М. Кол. при Харьк. Унив. № 10943.

вѣтки начали энергично и настойчиво преслѣдовать и розыскивать бѣглыхъ раскольничьихъ поповъ, такъ какъ скиты были главными притонами и для нихъ; здѣсь ихъ обыкновенно принимали съ любовію, и всегда они были желанными гостями для скитниковъ и пустынниковъ. О существованіи вышеупомянутой пустыни мы имѣемъ свидѣтельство въ показаніи извѣстнаго посадскаго Зубарева. По его словамъ, онъ въ 1754 г., по побѣгѣ изъ Сыскнаго Приказа, попалъ, между прочимъ, въ раскольническую слободу Митьковку, а потомъ „пошелъ въ имѣющуюся близъ той слободы пустыню, называемую Ивановскую, гдѣ онъ, будучи три дня, по разговорамъ съ живущими въ той пустынѣ раскольниками двумя человѣками, просилъ ихъ, что не можно-ли ему, Зубареву, у нихъ жить; но только оные раскольники жить его не пустили, а проводили его за границу въ Польшу“. Такимъ образомъ въ имѣвшейся около слободы Митьковки пустыни Ивановской жило всего два старца, которые наравнѣ съ пустыннымъ богомоленіемъ занимались и тѣмъ, что проводили бѣглецовъ за границу въ Польшу [1]“. Ни о времени основанія этой пустыни, ни о продолжительности ея существованія свѣдѣній нѣтъ.

Болѣе извѣстенъ указанный нами женскій скитъ, устроенный въ самой слободѣ Митьковкѣ. Основательницей его была вдова извѣстнаго Донскаго героя, прославившаго себя смѣлыми и молодецкими подвигами въ борьбѣ съ татарами, черкесами и наконецъ шведами въ Финляндіи въ 1742—1743 гг., Ивана Матвѣевича Краснощокова, или просто Краснощека, какъ называетъ его Манштейнъ въ своихъ „Запискахъ о Россіи“, пожалованнаго въ 1743 г. за шведскую войну въ бригадиры [2]). Первое извѣстіе о Митьковскомъ скитѣ Краснощоковой мы имѣ-

[1]) Сб. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. IX. Истор. бумаги К. И. Арсеньева: Приключенія посадскаго Зубарева. Стр. 381—382.

[2]) Записки о Рос. 1727—1744. Перев. съ франц., съ подлинной рукоп. Манштейна, приложеніе къ «Рус. Стар., изд. 1875. Спб. 1875. Стр. 93—94, 104—105. Здѣсь говорится о подвигахъ Краснощокова противъ татаръ Крымскихъ и Кубанскихъ въ 1736—1738 г. Еще рельефнѣе подвиги этого какъ бы былиннаго героя описываются у Броневскаго Влад. въ его Ист. Донскаго войска, ч. 11, стр. 12 и д. и ч. 111, стр. 77, 102—104. По словамъ послѣдняго, Краснощоковъ наводилъ страхъ и ужасъ по Кубани. Черкесы называли его *Аксакомъ*, т. е. хромымъ, потому что отъ прострѣла ноги пулею онъ хромалъ. Между

емъ въ показаніи вышеупомянутаго авантюриста Зубарева. По его словамъ, когда онъ былъ въ 1755 г. въ Пруссіи, то из-

---

прочимъ здѣсь разсказывается слѣдующій эпизодъ изъ жизни этого удалаго наѣздника. «Въ лѣсахъ Кубанскихъ встрѣтился онъ съ горскимъ джигитомъ, по прозванію *Овчаромъ*, также вышедшимъ поохотиться. Богатыри знали другъ друга по молвѣ общей; желали встрѣтиться, и встрѣтились. Краснощоковъ узналъ друга по осанкѣ молодецкой, началъ стеречься, чтобы не спустить съ руки яснаго сокола. Близь берега рѣки, подъ обрывомъ, у опушки лѣса, облокотясь и положа буйную голову на лѣвую руку, распростершись ницъ, лежалъ Овчаръ передъ огонькомъ.. Горскій рыцарь былъ не новичекъ въ своемъ ремеслѣ,—почуялъ звѣря издали, а съ мѣста не тронулся; смотритъ будто на огонекъ, а вкось видитъ и не торопится, выжидая, чтобы даромъ винтовки своей не марать. Краснощокову предстояло дѣло трудное, опасное; у него ружье было короткое, а врага было далеко:... податься назадъ было бы стыдно и удалому не подъ нравъ... Приближась на свой выстрѣлъ, Донской витязь приникнувъ къ землѣ, едва успѣлъ выставить въ сторонѣ надъ подсошкѣ свою шапочку *трухменку*, какъ пуля свиснула и пронзила ее на сквозь. Тогда нашъ Аксакъ всталъ, подошелъ къ Овчару, и убилъ... его на повалъ. Оружіе и рѣзвый аргамакъ доставили Краснощокову за смѣлый подвигъ добрую добычу». Отсюда на Дону будто-бы и названіе *овчарской* породы лошадей. Въ одной нѣмецкой статьѣ о состояніи русскаго войска, озаглавленной: «Письмо путешественника изъ Риги», написанной во время семилѣтней войны, о донскихъ козакахъ и ихъ предводителѣ Краснощоковѣ дается такой отзывъ: «Между козаками Донскіе почитаются лучшими по искусству и храбрости. Всю надежду возлагаютъ они на предводителя своего бригадира Краснощокова; они говорятъ, что онъ колдунъ. Генералъ-аншефъ Лопухинъ увѣрялъ меня въ этомъ, и когда я сказалъ, что въ Германіи колдунамъ не вѣрятъ, то онъ отвѣчалъ: «Можетъ ли статься, чтобы такому подлинному дѣлу не вѣрить». Я имѣлъ случай часто видѣться и разговаривать съ этимъ знаменитымъ Краснощоковымъ: вся его премудрость состоитъ въ томъ, что копьемъ или стрѣлою попадаетъ въ цѣль на пушечный выстрѣлъ, также и въ томъ, что, по его словамъ, ни отъ кого пардона не приметъ. Знатности его больше всего способствуетъ свойство съ Разумовскимъ». Ист. Рос. Соловьева т. XIV, стр. 217; ср. т. XX, стр. 142—143; т. XXI, 55 и 221. Имя и подвиги Краснощокова сдѣлались предметомъ и народнаго пѣсенно-былеваго творчества. Какъ былинный герой, онъ пѣснею сопровождается отъ молодыхъ лѣтъ до смерти. См. Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ. М. 1872. Вып. 8, отд. XIII, стр. 76—78; Вып. 9, стр. 145—182.

вѣстный Манштейнъ, бывшій полковникъ русской службы, потомъ одинъ изъ вождей войска Фридриха Великаго, подговаривая его сдѣлаться прусскимъ агентомъ, между прочимъ говорилъ ему: „Смотри-де, вотъ какъ у васъ служить вѣрно можно: Краснощоковъ де былъ человѣкъ знатной, а нынѣ-де дѣтей его обидѣли, и мать-де ихъ, лишась отечества своего, живетъ въ Польшѣ, а на мѣсто отца ихъ опредѣленъ Данила Ефремовъ... И оный Манштейнъ спрашивалъ его, Зубарева, какъ-де ты былъ въ Польшѣ, то чрезъ какія-де мѣста ты ѣхалъ, и былъ-ли де ты въ имѣющихся въ раскольническихъ слободахъ въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ, и знаешь-ли-де живущую въ Вѣткѣ въ раскольническомъ монастырѣ Краснощоковыхъ мать вдову, кая-де пострижена старицею? къ ней-де и дѣти ея ѣздятъ. И онъ, Зубаревъ, сказалъ тому Манштейну, что онъ на Вѣткѣ и въ раскольничьихъ слободахъ былъ, и оную Краснощокову на Вѣткѣ въ монастырѣ видѣлъ... А какъ-де онъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Польшу и былъ на Вѣткѣ, то спрашивалъ раскольническихъ старицъ о вышепоказанной Краснощоковой, что дома-ль оная Краснощокова. И оныя-де старицы сказали ему, что ея на Вѣткѣ нѣтъ, и уѣхала-де въ Россію, въ малороссійскую раскольническую слободу Митьковку для своихъ нуждъ; понеже де у нея и въ Митьковкѣ есть келья, и оная де временемъ живетъ въ Вѣткѣ, а иногда и въ Митьковкѣ. А какъ де случится ей исповѣдываться и пріобщаться, то де она ѣздитъ въ Вѣтку къ раскольническимъ попамъ и у нихъ на исповѣди бываетъ и пріобщается (ibidem, стр. 385, 397—398). Митьковскій скитъ Краснощоковой, въ черничествѣ называвшейся монахиней Анисьей, былъ основанъ не раньше 1750 г., какъ можно судить по показанію Митьковскаго раскольника Петра Дмитріева, разсказывавшаго въ 1767 г. Румянцовскимъ ревизорамъ, что онъ по происхожденію „шведской природы“ и взятъ въ полонъ въ 1743 г. въ Финляндіи бригадиромъ Краснощоковымъ, что послѣ смерти бригадира бѣжалъ въ Польшу и въ 1750 г. вышелъ оттуда въ раскольничью слободу Митьковку. По войтовской вѣдомости 1767 г. въ скитѣ Краснощоковой было 3 избы и нѣсколько келей; въ одной избѣ жила какая-то монахиня Дороѳея, умершая въ 1766 г., 80 л., по всей вѣроятности какая либо родственница Краснощоковой; въ другой сосѣдней избѣ жила „монахиня Анисія, 70 лѣтъ, уроженка города Черкаскаго, бывшаго генералъ-маіора (?) Ивана Матвѣева Краснощокова жена; да

при ней сестра ея Пелагея 79 лѣтъ. Да при ней же послушницы живутъ въ четырехъ кельяхъ: въ одной вдова Пелагея Семенова, 59 л., во второй монахиня Наталія 45 л., въ третьей монахиня Прокла 70 л., въ четвертой монахиня Пелагея 50 л. Всѣ уроженки города Черкасскаго". Около Краснощоковой и ея Черкасскихъ по происхожденію послушницъ сгруппировался цѣлый рядъ келей, до 20, въ которыхъ жили разныя постриженныя на Вѣткѣ и въ другихъ тамошнихъ скитахъ раскольничьи черницы; были тутъ и такія кельи, въ которыхъ вмѣстѣ съ черницами жили съ семействами и недавніе выходцы изъ разныхъ мѣстъ; относительно нѣкоторыхъ черницъ въ вѣдомости войтовской отмѣчено: „пропитаніе имѣютъ мирскимъ подаяніемъ". Этотъ Митьковскій женскій скитъ былъ вполнѣ организованнымъ учрежденіемъ въ старообрядческомъ смыслѣ; при немъ имѣлась для скитскихъ обитательницъ и „часовня безъ колокольни [1])",

Ограниченное число скитовъ и пустынь у стародубскихъ слободскихъ раскольниковъ вознаграждалось обиліемъ такъ называемыхъ келейницъ, иначе „начетчицъ", „канунницъ", а равно и отдѣльными раскольничьими чернецами и черницами, жившими въ нѣкоторыхъ слободахъ при общественныхъ часовняхъ, по большей же части отдѣльно отъ послѣднихъ, въ особыхъ кельяхъ и по частнымъ домамъ, какъ и по кельямъ въ сосѣднихъ слободскихъ лѣсахъ.

Келейницы въ Стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ, такъ и повсюду у раскольниковъ, появились очень рано. Съ ними мы встрѣчаемся и въ описи слободскаго раскольничьяго населенія, произведенной полковникомъ Григоріемъ Ергольскимъ

---

[1]) Румянц. Оп. Мал. т. CXVI, вѣдомость Митьковскаго войта Антипы Заболоцкаго, лл. 55 и 80—82. Одинъ изъ сыновей Краснощоковыхъ погребенъ въ Кіево-печерской лаврѣ, близъ входныхъ дверей въ трапезу, какъ видно изъ надписи на надгробномъ камнѣ, полуразрушенномъ уже въ началѣ этого вѣка. На уцѣлѣвшей части надгробнаго камня было написано: «Славнаго Донскаго войска достойнопочтенный старшина, армейской полковникъ, благородный господинъ *Андрей Ивановичъ Краснощоковъ*... И здѣсь по его желанію тѣло его положено св. лавры архиман. Лукою со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ присутствіи его сожительницы, Мавры Андреевны, іюня 20 дня того-жъ года.—Упоминаемый въ надписи архим. *Лука Бѣлоусовичъ* настоятельствовалъ въ лаврѣ съ 1757 г. по 1761 г. Опис. Кіево-печ. лавры, стр. 153—154, 345.

въ 1715 году, въ Компутахъ 1723 года и въ переписныхъ книгахъ капитана Брянчанинова. Въ иныхъ слободахъ и въ то время число келій, въ которыхъ жили эти раскольничьи богомолки, по большей части постриженныя черницы, хотя постриженіе и не было для нихъ обязательно, доходило до 30. Мы уже видѣли, какъ въ то время было ограничено общее число слободскаго населенія. Въ первой и началѣ второй половины прошлаго вѣка, съ усиленіемъ раскольничьяго населенія въ слободахъ, число этихъ келейницъ все болѣе и болѣе возростало и увеличивалось. Келейницы—это обыкновенно уже пожилыя женщины, вдовы или дѣвицы, въ большинствѣ случаевъ грамотныя, выучившіяся читать и хорошо ознакомленныя съ старообрядствомъ по раскольническимъ книгамъ. Цѣлыми десятками шли онѣ, да и теперь еще въ иныхъ мѣстахъ это дѣлается, спасаться въ кельи—небольшія избенки, устроенныя обыкновенно или позади родственныхъ домовъ или нѣсколько въ сторонѣ того или другаго раскольничаго поселенія, и потомъ щеголяли тамъ старообрядческою начитанностью, такъ что иногда не безъ успѣха поражали своею ученостью бѣглыхъ поповъ, являвшихся къ нимъ. Самыя начитанныя изъ нихъ, побывавшія въ скитахъ и изучившія тамъ раскольничью премудрость, пользовались громаднымъ авторитетомъ въ старообрядческомъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ этихъ келейницъ можно смѣло назвать столпами раскола, ревностными и энергичными пропагандистками его, какъ и упорными хранительницами всѣхъ старообрядческихъ традицій. У многихъ изъ нихъ при слѣдствіяхъ разнаго рода находили значительное собраніе иконъ и книгъ, церковно-богослужебныхъ и учительныхъ, старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, напримѣръ: общую минею, минею мѣсячную, часословъ, псалтырь, службу всѣмъ святымъ, правило Исусу съ акаѳистомъ Богородицѣ, уставъ о христіанскомъ житіи, службу св. Николаю, канонъ за творящихъ милостыню, краткую науку объ артикулахъ вѣры, книгу послѣдованія церковнаго пѣнія, канонъ честному кресту, уставъ дневной службы, службу въ недѣлю Св. Пасхи, азбуку нравоучительную юношеству и т. д. Встрѣчались и маленькія тетрадки съ повѣстями о славѣ небесной, радости праведныхъ вѣчной, выписанныя, изъ Великаго Зеркала, какъ и выписки изъ Четіихъ миней, напр.: слово о разбойницѣ, повѣсть чудна о нѣкоемъ старцѣ и пр., а также и выписки изъ Соловецкаго и другихъ монастырскихъ уставовъ о пищѣ,

поклонахъ и великомъ постѣ; житіе преподобнаго отца Марка Аѳонійскаго, бывшаго въ горѣ Фраческой, сущія обонъ полъ Еѳіопіи; мѣсяцесловъ всего лѣта, обыкновенно съ обозначеніемъ именъ родственниковъ и почитаемыхъ въ старообрядчествѣ лицъ, и т. п. Келейницы—старообрядки, какъ и старообрядческіе иноки, любили собирать и духовные стихи. Излюбленныя темы этихъ стиховъ извѣстны въ литературѣ; чаще встрѣчаются: Стихъ молебный преосв. Богородицѣ отъ лица человѣча, начинающійся такъ:

Мати милосерда, ты еси ограда,
Отъ лютого врага храниши мя всегда...
О памяти смертной:
Взирай съ прилежаніемъ тлѣнный человѣче,
Какъ вѣкъ твой преходитъ, а смерть не далече....

Молитва Іоасафа царевича въ пустыню входяща. Нач.:

Боже отче всемогущій,
Боже сыне присносущный.
Боже душе параклите,
Многозарный міру свѣте...

Стихъ Іоасафа царевича.

Восплачется младый юношъ Асафей царевичь предъ пустынею стоя:

Любимая моя мати прекрасная пустыня...

Іоасафъ царевичь былъ идеаломъ отшельника для раскольниковъ, и „Пѣснь о Іоасафѣ“ дала основную мысль раскольническому лирическому стиху, восхваляющему пустыню [1]).

Грамотныя келейницы, за неимѣніемъ священниковъ, нерѣдко отпѣвали умершихъ, пѣли по домамъ и кладбищамъ панихиды и каноны, а вмѣсто крещенія погружали только младенцевъ и нарекали имъ имена, предоставляя остальное дѣйство раскольничьимъ попамъ. Наиболѣе вліятельныя изъ нихъ назывались „матушками“; кельи ихъ по обычаю были украшены множествомъ иконъ, иногда очень дорогихъ и нерѣдко выкраден-

---

[1]) Безсоновъ №№ 70, 72; Варенцовъ, стр. 193. Срав. Опис. рки. Черниг. сем. библ. № 89, стр. 59—60. Подробности объ исторіи Іоасафа и Варлаама см. у Пыпина, Кирпичникова: «Греч. романы въ новой литературѣ». Харьковъ 1886 г. А. Н. Веселовскій. Ж. М. Н. пр. 1877 г. Іюль.

ныхъ изъ православныхъ церквей. Въ воскресные и праздничные дни въ такихъ кельяхъ отправлялось обыкновенно и церковное служеніе; здѣсь пѣли всенощныя, читали часы, акаѳисты и псалтырь. Нѣкоторыя изъ нихъ занимались и „мастерствомъ“ учительства. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ этомъ отношеніи славились двѣ Клинцовскія келейницы—мастерицы, Евфросинія и Ираида, устроившія въ Клинцахъ нѣчто въ родѣ раскольническаго пансіона для обоего пола дѣтей. Здѣсь учились дѣти не только нѣкоторыхъ слобожанъ, но и привозились даже изъ сосѣднихъ губерній, какъ видно изъ дѣла крестьянина Мамаева Крупецкой волости, Путивльскаго уѣзда, привезшаго сюда въ 1768 г. „для изученія грамотѣ“ двухъ дочерей и одного сына [1]).

Бывали и такія келейницы, которыя умѣли руду заговаривать божественными и мірскими заговорами, умѣли и ребятъ повивать, а таже были по найму и хорошими плачеями по умершимъ. За все имъ текла мірская копѣйка.

Въ нѣкоторыхъ изъ стародубскихъ раскольничьихъ слободъ существовали особыя кельи, устроенныя при общественныхъ часовняхъ и считавшіяся общественнымъ достояніемъ, въ которыхъ также жили раскольничьи чернецы и черницы, и которыя въ то же время служили и мѣстами общественнаго призрѣнія „для престарѣлыхъ и увѣчныхъ людей“, какъ и „для поврежденныхъ умомъ“. Такъ было напр. дѣло поставлено въ слободѣ Зыбкой, долгое время стоявшей во главѣ Стародубскихъ раскольничьихъ слободъ въ первой половинѣ XVIII в. Въ войтовской вѣдомости 1767 г., представленной, Румянцовскимъ ревизорамъ, между прочимъ замѣчено, что „при слободѣ Зыбкой имѣются двѣ обывательскія часовни съ колокольнями съ пріѣзду отъ Старой Тростани“, и что при первой часовнѣ „построенныхъ обывателями для престарѣлыхъ и увѣчныхъ людей, вмѣсто богадѣленъ, 25 келей...“. Изъ дальнѣйшаго описанія состава лицъ, жившихъ въ этихъ обывательскихъ кельяхъ, видно, что вмѣстѣ съ дряхлыми и увѣчными призрѣвались и раскольничьи чернецы и черницы. Такъ въ 5 Зыбковскихъ общественныхъ кельяхъ при первой часовнѣ жили раскольничьи черницы; а 5 общественныхъ келей при второй часовнѣ распредѣлены были по своему назначенію

[1]) Кіев. центр. арх. Св. дѣлъ переселенч. Дѣло крест. Мамаева съ Клинцов. монахинями...

такъ: первая келья устроена была съ особыми сѣньми и приспособлена „для служенія зимнимъ временемъ“, въ остальныхъ же четырехъ жили раскольничьи иноки: извѣстный намъ Михаилъ Калмыкъ, Сергій, бывшій посадскій человѣкъ г. Кашина, Акинѳъ и Тихонъ. Всѣ они вышли по всемилостивѣйшимъ манифестамъ изъ-за польскаго рубежа въ 1763 г., т. е. передъ самой второй Вѣтковской выгонкой, и потомъ перешли изъ Зыбкой въ 1766 г. въ устроенный около Климовой старообрядческій Покровскій монастырь, перенесенный съ Вѣтки. Тоже самое самое видимъ въ Клинцахъ, Климовой, Митьковкѣ, какъ и въ другихъ слободахъ. Въ числѣ жившихъ здѣсь черноцовъ и черницъ не мало было такихъ, которые вышли изъ-за рубежа еще въ 40—50 годахъ [1]). Такъ постепенно и замѣтно, еще до второй Вѣтковской выгонки, стало возрастать въ Стародубьѣ число раскольничьихъ иноковъ и инокинь. Это возрастаніе, обусловливавшееся измѣненіемъ отношеній русскаго правительства къ раскольникамъ уже въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, какъ увидимъ ниже, предвѣщало близкое возвышеніе Стародубья на степень центра поповщинскаго раскола.

Интересно, что въ числѣ слободскихъ старообрядческихъ черницъ встрѣчаются природныя малороссійскія козачки и даже *еврейки*. Такъ въ вѣдомости Климовскаго войта о монахинѣ Евникеѣ, до постриженія называвшейся Екатериной Тимоѳѣевой,—замѣчено, что она была „уроженка малороссійскаго города Борзны, козацкая дочь“; а въ монашество пострижена на Вѣткѣ въ 1756 г. іеромонахомъ Михаиломъ Калмыкомъ. О монахинѣ Евѳиміи, до постриженія называвшейся Еленой Васильевой, 81 года, замѣчено, что она „еврейскаго рода“ и пострижена въ заграничной въ то время слободѣ Спасовой іеромонахомъ Пимономъ въ 1762 г. (ibidem). Есть и другіе указанія, даже оффиціальнаго характера, что евреи и другіе иноземцы принимали старообрядчество, въ видахъ поселенія въ русскихъ предѣлахъ, преслѣдуя свои торгово-промышленные интересы. Такъ въ 1764 г. Сенатъ запрашивалъ Коллегію иностранныхъ дѣлъ „о живущихъ за границею въ Литвѣ въ слободѣ Вѣткѣ, съ раскольниками польскаго прирожденія иноземцахъ

[1]) Румянцов. оп. Малорос. т. CXVI. Вѣд. Зыбковскаго войта, л. л. 147 149. Вѣд. Клинцов. войта, л.л. 101, 130, 185. Вѣдом. Климовск. войта, лл. 8, 56 об. и 58 об. Вѣд. Митьков. войта, л. 83. Т. CXVII. Вѣд. Деменскаго и Лужков. войтовъ, л. 8 об., л. 59.

и жидахъ, принявшихъ крещеніе по староцерковному содержанію, и желающихъ выдти въ Россію на поселеніе". Въ представленномъ Коллегіей иностранныхъ дѣлъ мнѣніи, по поводу сенатскаго запроса, высказывалась такая мысль, „что когда оные иноземцы и жиды одни или обще съ помянутыми раскольниками пожелаютъ выходить въ Россію на поселеніе въ назначенныя публикованными указами мѣста, то оныхъ, яко вольныхъ людей и восприявшихъ крещеніе хотя и по раскольничьему заблужденію принимать кажется можно, равно такъ, какъ и самихъ раскольниковъ, и никакого сумнительства въ томъ не предусматривается". Сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и послалъ о томъ указъ для надлежащаго объявленія Кіевскому губернатору Глѣбову, по которому иноземцамъ и жидамъ, „пріявшимъ крещеніе по староцерковному содержанію", дозволялось по желанію выходить на поселеніе въ Россію „однимъ-ли или обще съ живущими съ ними раскольниками, но не иначе, какъ на основаніи публикованныхъ о томъ указовъ и въ назначенныя въ приложенномъ при указѣ отъ 14 декабря 1762 г. реестрѣ мѣста [1]).

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, съ усиленіемъ съ Стародубьѣ „великороссійскаго прирожденія раскольничьихъ чернецовъ и черницъ", явилась у мѣстныхъ слобожанъ мысль, открыто и съ надлежащаго дозволенія начальства, устроить у себя такіе же монастыри и скиты, какіе въ значительномъ числѣ давнымъ давно существовали у зарубежныхъ раскольниковъ. Мы уже видѣли, какъ ограничены въ числѣ и слабо развиты были этого рода учрежденія у стародубскихъ раскольниковъ, и главнымъ образомъ, конечно, потому, что слобожане не имѣли легальнаго права на устройство ихъ. Легализировать открытое существованіе раскольничьихъ монастырей и скитовъ въ описныхъ слободахъ и было теперь главною задачею мѣстныхъ дѣятелей. Душою этой мысли явился въ то время Климовскій житель и волостной бурмистръ Алексѣй Васильевъ Хрущовъ. Онъ пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ у слобожанъ, и былъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ намъ чернымъ попомъ Михаиломъ Калмыкомъ, однимъ изъ главныхъ организаторовъ многихъ старообрядческихъ учрежденій, благодаря которымъ Стародубье на нѣкоторое время получило значеніе какъ бы всероссійскаго старообрядческаго центра. Ему глав-

[1]) П. С. З. XVI. № 12262, отъ 13 декабря 1764.

нымъ образомъ обязано Стародубье своимъ возвышеніемъ въ старообрядческомъ мірѣ.

Въ самомъ началѣ 1764 года Климовская Волостная Контора, во главѣ которой въ то время стоялъ Хрущовъ, вошла въ Кіевскую губернскую канцелярію съ представленіемъ, въ которомъ писала, что всѣ вышедшіе изъ-за польскаго рубежа въ описныя раскольничьи слободы „чернецы и черницы, за неимѣніемъ въ тѣхъ слободахъ монастырей и скитовъ, живутъ по слободамъ между мірскими людьми, и что нѣкоторые изъ нихъ желаютъ для общаго жительства своего построить при слободахъ кельи...". Волостной конторѣ, или вѣроятнѣе ея умному руководителю, видимо хотѣлось поставить въ Стародубьѣ раскольничьи монастыри и скиты въ такое же положеніе, въ какомъ они находились за польскимъ рубежомъ, о чемъ она такъ явственно и высказывалась передъ Кіевской губернской канцеляріей. Послѣдняя указомъ отъ 31-го марта 1764 года предписала Волостной Конторѣ: чернецовъ и черницъ, вышедшихъ изъ за границы, поселить въ слободахъ и положить ихъ въ окладъ, и донесла объ этомъ Сенату, прописавъ цѣликомъ въ своемъ донесеніи и представленіе Волостной Конторы. Сенатъ не обратилъ никакого ровно вниманія на это послѣднее.

Въ 1767 г. Волостная Контора снова подняла тотъ же самый вопросъ по слѣдующему поводу. 18-го февраля 1767 года Императрица Высочайше повелѣла оберъ-прокурору Мелиссино объявить св. Синоду, „чтобы обрѣтающихся въ Калугѣ въ магистратскомъ вѣдомствѣ, присланныхъ въ оной отъ находящагося при коммиссіи о выведенныхъ изъ Польши бѣглыхъ россійскихъ людяхъ генералъ-маіора Кислинскаго, раскольничьихъ монаховъ и монахинь 21 человѣка, отослать въ состоящія въ Малороссіи раскольническія слободы съ тѣмъ, чтобы они тамъ безъ надлежащаго пропитанія оставлены не были". Согласно Высочайшей волѣ, 11 раскольническихъ чернецовъ и черницъ были приняты въ описныя старообрядческія раскольничьи слободы. Климовская Волостная Контора при этомъ случаѣ постаралась напомнить губернской канцеляріи о томъ, что необходимо организовать для старообрядческихъ монашествующихъ подобающіе институты, и что присланные изъ Калуги, „не имѣя того, чтобъ опредѣленно гдѣ построить имъ кельи и жительствовать, и оттоль нѣкоторые при нихъ волочатся по разнымъ мѣстамъ, переходя изъ слободы въ слободу". Вмѣстѣ съ тѣмъ Во-

лостная Контора указывала и на то, что и другіе монахи и монахини, въ недавнемъ времени вышедшіе изъ Польши и опредѣленные въ раскольничьи слободы, какъ-то: Мануйло, Сергій и Епифаній, волочась по слободамъ, невѣдомо куда отлучились и гдѣ находятся", и что при такихъ условіяхъ могутъ быть „не малые непорядки и опасности: дабы подъ такимъ видомъ и незаписанные какіе волочащіе монахи и монахини, выходя тайно изъ-за границы или пришедъ отколь, укрываться не могли". „А если бы",—заключала свою мысль Волостная Контора,— „учреждены были такія мѣста, чтобы жительствовать имъ въ однихъ мѣстахъ по нѣскольку человѣкъ единокупно и изъ нихъ же выбрать начальствующихъ, которые надъ ними смотрѣли, а въ случаѣ и отвѣтствовать за нихъ имѣли, то всѣ оные непорядки пресѣчены быть могли". Далеко однакоже не всѣ слободскіе раскольническіе монахи желали жить „по нѣскольку человѣкъ единокупно" и подъ извѣстнымъ начальствомъ; многіе изъ нихъ упрямились и хотѣли „лучше жить по своимъ волямъ", какъ свидѣтельствовали слободскія власти въ своемъ представленіи губернской канцеляріи, отъ 7-го марта 1768 года. Однако въ то же время Волостная Контора просила губернскую канцелярію: „монашествующихъ повелѣть для жительства собрать въ одно мѣсто, а именно черницамъ построить кельи при вывезенной изъ-за границы и построенной близъ слободы Климовой и Митьковки церкви, при коей уже нѣсколько оныхъ черцевъ и жительствуетъ. Такожъ и черницамъ отвесть мѣсто, при самой слободѣ Климовой, гдѣ впадаетъ рѣчка Ирпица въ рѣчку Ирпу, которое мѣсто заспособно имъ пребывать Волостная контора признаетъ, и отъ оной церкви имѣть будетъ версты чрезъ три разстояніе, какъ черницамъ отъ мужскаго монастыря и жить приличествуетъ. А буде которые черицы и черницы изъ другихъ слободъ во объявленныя мѣста жительствовать не пожелали, а сомнѣнія бъ о нихъ не состояло, то бъ хотя таковыхъ и оставить въ тѣхъ другихъ слободахъ; но быть имъ подъ смотрѣніемъ войтовскимъ, чтобъ не волочились..., и надъ всѣми оными повѣлено было изъ тѣхъ же черцевъ и черницъ выбрать начальствующихъ". Представленіе это было подписано управителемъ раскольническихъ слободъ Григоріемъ Титовымъ и бурмистромъ Хрущовымъ. На этотъ разъ губернская канцелярія ордеромъ, отъ 22-го апрѣля того же года, самостоятельно и радикально разрѣшила вопросъ: „о содержаніи оныхъ

чернцевъ и черницъ и о жительствѣ ихъ поступать по ихъ обрядамъ [1])". Такъ получилъ легальное право на существованіе Покровскій Климовскій монастырь, устроенный „при вывезенной изъ-за границы и построенной близъ слободы Климовой и Митьковки церкви".

Указанная въ представленіи Волостной Конторы церковь была вывезена въ 1764 году, во время второй Вѣтковской выгонки, съ разрѣшенія генерала Маслова. Какими мотивами руководился Масловъ разрѣшая перевозку, мы не знаемъ; возможно, что онъ или не зналъ о законѣ, запрещающемъ раскольникамъ строить церкви въ русскомъ государствѣ, или и просто въ данномъ случаѣ не считалъ неудобнымъ пользоваться имъ церковью и въ русскихъ предѣлахъ, какъ они пользовались ею въ предѣлахъ Польско-литовскихъ, понимая тогдашнее общее направленіе правительства и его отношеніе къ раскольникамъ.

И главнымъ иниціаторомъ мысли о перенесеніи церкви съ Вѣтки въ Стародубье былъ тотъ же бурмистръ Хрущовъ; онъ убѣдилъ слобожанъ обратиться къ генералу Маслову съ просьбою о перенесеніи Вѣтковской Покровской церкви въ Стародубье. Онъ же былъ главнымъ распорядителемъ по перевозкѣ и по устроенію этой церкви въ Климовой. На этотъ разъ раскольники перевезли церковь сухимъ путемъ, а не по рѣкѣ, какъ въ 1735 годѣ. По разсказу о. Журавлева, эта перевозка стоила столько, что на израсходованныя суммы „суевѣры могли бы устроить двѣ церкви еще лучшихъ". Старообрядцы не могли разстаться съ своей святыней. По всей вѣроятности тутъ былъ и весьма понятный рязсчетъ: они считали возможнымъ вмѣстѣ съ церковью перевести въ Стародубье и то значеніе, какое имѣла эта церковь на Вѣткѣ. 23 апрѣля 1765 года было освящено мѣсто для церкви въ лѣсу у рѣки между слободами Климовой и Митьковкой, а въ декабрѣ того же года совсѣмъ устроенная церковь была торжественно освящена при участіи 7 поповъ и одного діакона. На освященіи присутствовала масса слобожанъ; зарубежные раскольники, жившіе поблизу отъ Стародубья, также явились сюда въ значительномъ числѣ. Это торжество сопровождалось тѣмъ естественнымъ послѣдствіемъ, что слухъ о единственной старообрядческой святынѣ, существовавшей прежде заграницей, а теперь въ Стародубьѣ, распространился

[1]) А. М. К. при Х. Ук. №№ 19636 и 3125.

по всей русской землѣ, гдѣ жили русскіе староверы. Богомольцы и вклады, вмѣсто раззоренной Вѣтки, потекли теперь въ Стародубье; Стародубье же стало теперь разсылать отъ себя исправленныхъ по-старообрядчески поповъ и таинства. Правительство на все это смотрѣло сквозь пальцы, и раскольники становились все смѣлѣе и дерзновеннѣе. Они уже не довольствовались одною церковью и устроеннымъ при ней монастыремъ; скоро явились у нихъ и другія церкви и монастыри, мужскіе и женскіе. Такъ уже въ 1767 г. была устроена церковь близъ слободы Злынки, при р. Ипути, въ лѣсу, на Малиновомъ островѣ, Злынковскимъ обывателемъ Савиномъ Панфиловымъ [1]).

Въ лѣтописи Вѣтковской церкви Якова Бѣляева и „Историческомъ извѣстіи" о. Журавлева, какъ и въ другихъ источникахъ, находятся указанія о устроеніи церквей и монастырей изъ года въ годъ. Въ 20—30 лѣтъ, послѣ перенесенія съ Вѣтки Покровской церкви и Покровскаго монастыря, было устроено въ Стародубьѣ до 20 церквей, 16 часовень съ колокольнями и колоколами, два безпоповщинскихъ монастыря и 4 поповщинскихъ. Изъ монастырей, около которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивалась раскольничья жизнь, особенное значеніе въ то время пріобрѣли: указанный нами Покровскій въ Климовой, Казанскій женскій тамъ же и Успенскій Никодимовъ. Не говоримъ уже о множествѣ устроенныхъ въ то время не большихъ пустынекъ и скитовъ, находившихся чуть не при каждой слободѣ.

О религіозно-бытовой жизни раскольничьей массы въ Стародубьѣ за этотъ періодъ времени имѣется очень мало свѣдѣній. Единственнымъ почти источникомъ, для характеристики этой стороны жизни слобожанъ, служатъ разныя судебныя дѣла, сохранившіяся въ архивахъ, конечно, по самому существу своему имѣющія крайне односторонній характеръ и не дающія намъ цѣльнаго образа воззрѣній и жизни даннаго времени. Записокъ современниковъ и безпристрастныхъ постороннихъ наблюдателей почти и не имѣется; а если и есть немногія современныя записи, то онѣ касаются болѣе внѣшней стороны жизни слобожанъ, чѣмъ внутренней. Одно несомнѣнно, что и въ этотъ періодъ слобожане еще не выработали далеко той религіозной терпимости, какая болѣе или менѣе замѣчается теперь

[1]) Дѣло объ устройствѣ церквей въ Климовой и на Малиновскомъ островѣ см. въ связкахъ дѣлъ религіозныхъ Кіев. цент. арх.

въ практическомъ обиходѣ ихъ жизни. Религіозная борьба, неумолкаемо идущая здѣсь почти съ самаго начала раскола, то затихавшая, то снова воспламенявшаяся, но всегда упорная, въ концѣ концовъ выработала необходимость взаимныхъ уступокъ, или лучше необходимость извѣстной привычки между борющимися жить вмѣстѣ, уживаться, терпѣть другъ друга. Здѣсь теперь взаимно уживаются и православные и множество всякихъ другихъ сектантовъ, хотя поповщинскій или Вѣтковскій расколъ, т. е. пріемлющій священство, и господствуетъ здѣсь. Не то было 100—150 лѣтъ назадъ. Борьба шла не только между разными раскольничьими толками, но даже отражалась и на православныхъ. Въ тоговременныхъ архивныхъ дѣлахъ мы встрѣчаемся со множествомъ дѣлъ „о хуленіи раскольниками православной каѳолической греческаго исповѣданія вѣры“, называемой ими „геретическою“, „католицкою“ и т. п.[1]). Возможны были и такія религіозно-бытовыя явленія. Въ 1757 г. плотничнымъ мастеромъ при Батуринскомъ гетманскомъ дворцѣ состоялъ, между прочимъ, Климовскій раскольникъ Матвѣй Павловъ, квартировавшій съ женой и дѣтьми въ домѣ козачки Пелагеи Котихи. На первыхъ же порахъ между хозяйкой и квартирантами начались перебранки изъ-за образа Богородицы, писаннаго не по раскольничьему пошибу, кончившіяся тѣмъ, что раскольница, съ согласія мужа, въ отсутствіи хозяйки, сняла образъ со стѣны и „перомъ гусинымъ тенперованнимъ лицо и всю шату начала драть“, докончивъ начатое дѣло гвоздемъ. Затѣмъ, когда Котиха возвратилась домой, раскольница прямо ей заявила: „вотъде, баба, твой образъ, не залюбивъ духу, течетъ“... Въ свою очередь, Павловъ на слѣдствіи объяснилъ, что такъ какъ икона хозяйки висѣла „недалече отъ его привѣсныхъ мѣдныхъ литыхъ распятія Христова на крестѣ и образа св. Николы чудотворца“, то и дѣлала ему „помѣшку молиться“, и что образомъ хозяйки можно накрывать только развѣ „горшокъ съ борщемъ или кашей[2])“...

Съ другой стороны, старинное народное двоевѣріе и суевѣріе сохранились въ старообрядческой народной массѣ во всей своей силѣ. Старообрядческіе Цвѣтники, Маргариты и разные сборники прошлаго вѣка сохранили множество заговоровъ или

---

[1]) Х. И. А. № 12937. Арх. Черн. дух. Конс. № 673. Мат. для ист. раск. на В. и въ Starод. № 28, стр. 152—160.

[2]) Кіев. центр. арх. Дѣло Кіев. губ. Канц. въ св. дѣлъ переселенч.

заклятій, въ которыхъ являются дѣйствующими ангелы, архангелы, преимущественно Гавріилъ архангелъ, Михаилъ архангелъ, вмѣстѣ съ разными святыми и пророками. Представляя въ духовно-нравственномъ развитіи массы народной самобытный, свободный переходъ народной мыслительности или народнаго духа отъ чисто-миѳологическаго, языческаго міросозерцанія къ свободному, своеобразному міросозерцанію христіанскому, церковно-библейскому,—русское старообрядство преимущественно создавало заговоры или заклятія, такъ же какъ разныя эпическія пѣсни, новаго цикла, новаго духовно-христіанскаго созерцанія, сохраняя въ тоже время и старую, религіозно-языческую ткань или первооснову ихъ. Вотъ образчики старообрядческихъ заговоровъ новаго христіанско-миѳологическаго цикла, въ которыхъ въ миѳическихъ образахъ представляются ангелы и архангелы, вмѣстѣ съ святыми.

1. „Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Отъ земли и до небеси около меня раба Божія имрака стоитъ-стоитъ градъ каменный; въ немъ породила пресв. Богородица сына своего Господа нашего І. Х., ангела, архангела, и великіе архангеліе грозныхъ силъ воевода св. архангелъ Михаилъ и архангелъ Гавріилъ и св. Страстотерпецъ Димитрій, св. и храбрый Георгій, тѣ меня раба Божія имракъ берегутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ скипетры своими, не даютъ меня раба Божія имрака лихимъ людямъ стрѣлять и рогатиною колоть, ничѣмъ бити, ни копіемъ вергнуть, ни саблею сѣчь, ни ножемъ ни колоть, ни мечемъ лихимъ людямъ сокрушать и ни чѣмъ бити служебника своего ангельскаго, мученическаго раба Божія имрака предъ царемъ Александромъ Македонскимъ, и всякой птицы совершеніемъ и утвержденіемъ святыхъ, вдовицъ умоленіемъ. Стой, неходи ко мнѣ рабу Божію имраку умоленіемъ св. апостоловъ и св. отецъ, неходи ко мнѣ рабу Божію имраку умоленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала и до сего дни, умоленіемъ вдовицъ, стрѣла стой, не ходи ко мнѣ рабу Божію имраку, чрезъ благовѣщеніе пресв. Богородицы и приснодѣвы Маріи, умоленіемъ всѣхъ святыхъ молитвами, аминь. Соблюди Господи и помилуй, загради и заступи и защити раба Божія имрака отъ стрѣлъ летящихъ, и отъ всякаго железа, отъ булата и отъ укладу, и отъ камене, отъ стали, и отъ мѣди зеленой, и отъ разныя проволоки железныя, отъ всякаго древа русскаго и заморскаго, и отъ жимолости, отъ ружья ратнаго и

воинскаго, и отъ стрѣлъ, и отъ пушекъ, и отъ пищальни, и отъ самопаловъ, и отъ пушекъ мѣдныхъ и отъ оловянныхъ, и отъ всякаго камени, отъ каменныхъ трескъ и оловянныхъ, и отъ свинцовыхъ, и отъ дроби всякой, и отъ всякаго пороху русскаго и заморскаго, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго погубленія на семъ свѣтѣ отъ востока до запада, отъ земли и до небеси, отъ всѣхъ четырехъ сторонъ, и отъ всякой птицы перыя и отъ всякаго погубленія черемисскаго и татарскаго..., и отъ литовскаго и черкаскаго, и отъ латынскаго и нѣмецкаго, и отъ русскихъ людей немирныхъ, и отъ всякихъ нечастыхъ родовъ, и отъ всякаго врага и супостата. Аминь. Крестъ хранитель, крестъ всея вселенныя, крестъ креста церковнаго, крестъ царская держава, крестъ вѣрныхъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва. О святый великій Іоанне пророче и предтече, крестителю Господень, отгони отъ меня раба Божія имрака Иродовыхъ 12 дщерей, и сохрани меня грѣшнаго раба своего душу мою и тѣло цѣло и здраво, до окончанія живота моего, во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь. Читать по утрамъ и зарямъ трижды.

2. Господи І. Х. Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Стану я рабъ Божій благословясь, пойду перекрестясь изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле въ востокъ, въ восточную сторону подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіяну морю. У окіяна моря, на крутомъ берегу лежитъ латырь камень, на латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порѣзы и посѣки отъ удару и отъ укладу и булату унимала и запирала. Какъ изъ латыря камня не воды, такожде изъ раба Божія ни руды, ни сахѣли, ни болѣзни, изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйцы, не изъ раба Божія имрака ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде у раба Божія имрака твердо утвердились, рука заключись въ море, ключи въ небесахъ, замки достану, эти ключи и замки св. молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары, во вѣки вѣковъ. Аминь. Дерно вернись, рана на мѣсто жмись, не отъ кости руды, не отъ ка-

мени воды, стань кровь, затенись гуще густаго клею, во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь, аминь, аминь, аминь [1])".

Въ старообрядческой средѣ и доселѣ живы тѣ представленія, что въ области природы дѣйствуютъ не физическія силы, а силы святыхъ, что одинъ святой особенно дѣйствуетъ напр. стихіей огня или воды, другой поставленъ надъ растеніями, третій надъ тѣми или другими животными, четвертый исцѣляетъ болѣзни, и что одинъ святой особенно исцѣляетъ ту, другой другую болѣзнь и пр. Въ старину древнерусскій человѣкъ иногда наивно вопрошалъ явившагося ему во снѣ святаго: кому, какому святому молиться въ случаѣ какого либо бѣдствія или матеріальной нужды; святой указывалъ, когда кого призывать. И такъ мало по малу составились особыя народныя, такъ сказать, святцы, по которымъ знали, какой именно святой чѣмъ въ природѣ обладаетъ, и что у какого святаго просить. Такъ народъ нашъ доселѣ поетъ въ одномъ своемъ духовномъ стихѣ:

Мати Божья Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница!

---

[1]) *Аристовъ, Н. Я.* Историч. оч. народнаго міросозерцанія и суевѣрія (православнаго и старообрядческаго). См. въ Приложеніи: Заговоры, извлеченные изъ рукоп. старообрядческихъ, стр. 55—63.— О заговорѣ «отъ огненнаго ружья, что никто пострѣлить не можетъ», идетъ рѣчь въ дѣлѣ о волшебствѣ Климовскихъ жителей Василія Недригайлова и Максима Бабушкина 1762 г. Недригайловъ обучался также у Бабушкина «дѣлать наговоръ къ приведенію женскаго пола на блудъ, и тотъ наговоръ дѣлается съ призываніемъ бѣсовъ до трехъ разъ; берется отъ слѣда женскаго песокъ или земля и держится въ духу трое сутки. И въ тѣ сутки какъ креста не носить, такъ и Богу не молиться, и то наговорное давать женскому полу въ какомъ питьѣ или пищѣ. А если какова человѣка похочетъ испортить, то отрекается Христа и пресв. Богородицы и всѣхъ святыхъ, проходитъ къ водѣ, ставъ на распятіе Христово ногами, ругаетъ крестъ и плюетъ на него, призываетъ нечистые духи и посылаетъ въ человѣка, котораго намѣренъ испортить, а наговорнаго пить или ѣсть не дается. И то отрицаніе онъ, Василій, дѣлалъ, и, становясь трижды на распятіе, плевалъ на оное распятіе и кланялся самому сатанѣ, и давано ему въ послушаніе 50 бѣсовъ, и далъ онъ, Недригайловъ, на себя самому сатанѣ письмо на 20 лѣтъ, и писалъ своею кровію изъ среднево пальца, что подлѣ мезинца лѣвой руки»... Дѣло Кіев. дух. Консисторіи 1764 г. По современной дѣлу описи № 18.

Заступи, спаси и помилуй
Сего дому господина
Отъ огненной пожоги,
Отъ водяной потопи!
Попаси же ему, Господь Богъ,
Хлоръ, Лавёръ лошадокъ,
Власій коровокъ,
Настасій овечокъ,
Василій свинокъ,
Мамонтій козокъ,
Терентій курокъ,
Зосимъ Соловецкій пчелокъ,
Станми, роями,
Густыми медами.

У старообрядцевъ, какъ нерѣдко и у православныхъ, въ домахъ, на стѣнахъ, въ переднемъ углу около образовъ, привѣшивались и привѣшиваются еще полныя росписанія, какой святой чѣмъ обладаетъ въ области природы и физической жизни человѣка. До конца прошлаго вѣка эти росписанія расписывались красками и писались крупнымъ уставнымъ письмомъ; со времени Клинцовской типографіи эти росписанія печатались подъ заглавіемъ: „Сказаніе, кіимъ святымъ каковыя благодати исцѣленія отъ Бога даны, и когда памяти ихъ". Согласно этому сказанію, „о прозрѣніи ослѣпшихъ очесъ" нужно молиться Богородицѣ Казанской; „о исцѣленіи отъ трясавичныя болѣзни" преп. Марою; „о разрѣшеніи неплодства и безчадія" преп. Роману чудотворцу; „о избавленіи отъ блудныя страсти" преп. Мартіану, Іоанну многострадальному и св. мч. Ѳомандѣ; „о сохраненіи отъ злаго очарованія" свмч. Кипріану и Іустиніи; „о избавленіи отъ скотскаго падежа" святителю Медосту (Модесту) и свмч. Власію.

Кромѣ заговоровъ отъ разныхъ болѣзней, заклинательныхъ молитвъ и вышеупоминутаго „Сказанія, кіимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны", въ раскольничьихъ сборникахъ и Цвѣтникахъ прошлаго вѣка постоянно встрѣчаются: Слово объ антихристѣ Ипполита, папы римскаго, отрывки аскетическіе изъ патериковъ, поученія противъ разныхъ пороковъ, напр. „О пьянственномъ питіи, откуду суть уставися" и пр. Въ статьѣ „о непокорномъ родѣ и поганскихъ дѣлахъ и о скверномъ лаяніи и брани матерной", между прочимъ, говорится: „Слово поганое

вводитъ въ гнѣвъ Бога... Иже бо кто неподобно матерно лается мерскими словесы погаными, въ той часъ небо и земля потрясется и пречистыя Богородицы данный молитвенный покровъ отъ человѣкъ тѣхъ отступаетъ. И когда кто кого избранитъ матерно, проклятъ бываетъ тотъ человѣкъ отъ всея твари, понеже матерь поминаетъ; съ таковымъ человѣкомъ ни ясти, ни пити, ни молиться, аще не останется таковаго злаго слова. И за то Богъ спущаетъ моръ и крови пролитіе, и въ водѣ потопленіе и многія бѣды и напасти, и болѣзни и скорби"... Въ „Словѣ о играніи на улицѣ" сказано: „аще ли кто начнетъ на улицу ходити играти или пѣсни пѣти,—и таковыхъ отъ церкви отлучати, и аще простится и покается и обѣщается впредь того не творити, и да сотворитъ 1000 поклоновъ до земли. И аще кто родителей имѣютъ и не возбраняютъ имъ о семъ, но паче и покаются, и родителей подобаетъ отлучити, и аще покаются, туже заповѣдь понесутъ". Въ раскольничьей повѣсти „О хранительномъ быліи, называемая картофія, откуду взяся и расплодися на пагубу душамъ христіанскимъ" (ркп. нашей библіотеки), разсказывается, что картофель выросла въ восточной странѣ, въ Ельнѣ градѣ, изъ тайныхъ удъ невѣрнаго царя, въ бога выбраннаго въ капищѣ шестью друзьями и умершаго. Далѣе авторъ говоритъ: „въ 8-мъ вѣкѣ возлюбятъ губину, рекше картофія, царіе и еще иноцы въ монастыряхъ и въ пустыняхъ, и расплодится по всѣмъ странамъ проклятое зеліе, не будетъ родитися хлѣбъ и всякое овощіе, и будетъ гладъ и нужда, потомъ смерть, а по смерти мука вѣчная, со діаволомъ осудится въ негасимый огонь... Аще который человѣкъ сіе зеліе ястъ, той долженъ плакати до самыя смерти... Аще постится и молится, за Христа кровь прольетъ или на огнѣ его сожгутъ,—ничто же есть, и не избѣгнетъ злыя муки". Здѣсь же картофель называется *бѣсовымъ хлѣбомъ*.

Однако, на ряду съ стариннымъ народнымъ двоевѣріемъ и суевѣріемъ, съ упорнымъ невѣжествомъ и темнотой старообрядческой народной массы, у отдѣльныхъ слобожанъ, подъ вліяніемъ времени и современныхъ условій ихъ быта и жизни, мало по малу пробивались новые интересы и потребности, совершенно расходившіяся съ прежнею религіозно-бытовою ихъ жизнію. Такъ, мы уже видѣли, что у нихъ совершенно самостоятельно явилась потребность въ грамотности; были свои училища и свои учителя. Съ другой стороны, живая торговля и промышленная

ихъ дѣятельность, заставлявшая ихъ постоянно передвигаться по русскимъ и польскимъ торговымъ центрамъ до Германіи включительно, также естественно вводила новыя бытовыя измѣненія, развивала новые вкусы. Такъ, изъ дѣла 1760 г. Климовскаго жителя Василія Иванова Рыбникова, молодого человѣка, побывшаго передъ тѣмъ въ Польшѣ и Германіи, мы видимъ, что онъ совершенно бросилъ старый народный костюмъ, ходилъ въ шляпѣ, нѣмецкихъ сапогахъ, въ какомъ-то разноцвѣтномъ кафтанѣ, замшевыхъ перчаткахъ, шитыхъ золотомъ, и забавлялся по окрестностямъ Климовой стрѣльбой изъ ружья[1])... Правда это были частныя, отдѣльныя явленія; но такія, которыя указывали на возможность благопріятныхъ бытовыхъ измѣненій и въ этой темной народной средѣ....

---

[1]) Дѣло Кіевск. губ. канцеляріи въ связ. дѣлъ пересел. Кіевск. центр. арх.

Глава шестая.

Діаконовщина на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ въ первой и началѣ второй половины XVIII в.

Діаконовскій толкъ въ поповщинскомъ расколѣ появился собственно на Керженцѣ. Основателемъ его между Керженскими раскольниками—поповцами былъ діаконъ Александръ, выходецъ изъ пригорода Нерехты, Костромской губерніи, жившій въ одномъ изъ Керженскихъ скитовъ. Въ произведеніяхъ Вѣтковцевъ представители этого толка называются также „новокадильниками" и просто „кадильниками", иногда „лысеновщиной", „грачевщиной", по именамъ дальнѣйшихъ керженскихъ представителей того же толка [1]). Еще при жизни Ѳеодосія Ворыпина діаконовскій толкъ началъ проникать въ Вѣтковскія и Стародубскія слободы, какъ показываетъ „Описаніе пренія старца Ѳеодосія съ Тимоѳеемъ Лысенинымъ... и съ его единоволники", происходившаго на Вѣткѣ въ 1710 г. [2]). До начала двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка число приверженцевъ этого новаго толка было однакоже весьма незначительно, какъ на Вѣткѣ, такъ и въ Стародубьѣ; невидно, чтобы и на Керженцѣ до этого времени былъ особенно широко распространенъ этотъ толкъ. 1720 годъ, годъ казни діакона Александра на базарной Нижегородской площади, нужно считать благопріятнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи означеннаго толка, существовавшаго съ

---

[1]) Лысеновщиной и Грачевщиной Діаконовщина называется въ сборн. Хлудов. биб. № 340, л. 24. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. II, 361.

[2]) Сборн. Хлудов. биб. № 341, лл. 126—143. Здѣсь же старецъ Ѳеодосій называется и по фамиліи Ворыпинымъ. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ, № 1, стр. 3—9.

перемѣннымъ успѣхомъ около ста лѣтъ. Своею позорною смертію діаконъ Александръ пріобрѣлъ у раскольниковъ—поповцевъ посмертную славу „страдальца за вѣру", „мученика", „блаженнаго", и тѣмъ надолго упрочилъ существованіе организованнаго имъ толка. Въ свою очередь миссіонерскія преслѣдованія еп. Питирима сдѣлали то, что Керженскіе почитатели діакона въ значительномъ числѣ переселились въ Вѣтковскія и Стародубскія слободы, откуда потомъ распространяли свой толкъ по зарубежнымъ раскольничьимъ поселеніямъ, главнымъ образомъ побужскимъ и молдавскимъ [1]). Въ числѣ этихъ почитателей діакона переселился на Вѣтку и Тимоѳей Лысенинъ, одинъ изъ видныхъ и дѣятельныхъ представителей и организаторовъ діаконовскаго толка, о которомъ мы только что упомянули, извѣстный своею борьбою по вопросу о крестообразіи съ знаменитымъ Вѣтковскимъ настоятелемъ Ѳеодосіемъ Ворыпинымъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ пропагандистовъ новаго поповщинскаго толка, какимъ потомъ былъ и извѣстный попъ Патрикій, жившій съ начала около Вѣтки въ Вылевой слободѣ, а потомъ, приблизительно около 1739 г., переселившійся въ главную въ то время стародубскую раскольничью слободу Зыбкую.

Сущность и главная особенность діаконовскаго толка состоитъ въ томъ, что діаконъ Александръ проповѣдывалъ кажденіе крестообразное, вопреки всѣмъ раскольникамъ—поповцамъ совершавшимъ во время службы троекратное кажденіе, кадя дважды прямо, а третій разъ поперегъ. Діаконъ же училъ, что по уставу надобно кадить крестообразно, т. е. разъ прямо, потомъ поперегъ, какъ крестообразно мы ограждаемъ себя рукою для крестнаго знаменія. Подобное нововведеніе въ церковной обрядности вызвало сильный протестъ со стороны многихъ поповцевъ на Керженцѣ и въ особенности на Вѣткѣ, которая считала себя единственной руководительницей въ поповщинскомъ

---

[1]) Съ Керженца Діаконовцы послѣ казни д. Александра почти что всѣ переселились въ Стародубье; на Керженцѣ они оставались въ незначительномъ числѣ въ извѣстномъ Оленевскомъ скиту, гдѣ и держались, по словамъ П. И. Мельникова, даже до 1753 года. Оч. поповщ. т. 1, стр. 26. Были діаконовцы въ незначительномъ числѣ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія и въ Муромскихъ лѣсахъ; главнымъ представителемъ ихъ здѣсь былъ попъ Варѳоломей, бѣглый попъ изъ Казмова. П. С. и. в. р. по в. пр. исп. т. 1, ст. 58.

расколѣ относительно практики церковной. Начались жаркіе споры. Сильный въ то время въ поповщинѣ Вѣтковскій настоятель Өеодосій Ворыпинъ призвалъ діакона на соборъ; новаторъ-діаконъ побѣжденъ былъ на всѣхъ пунктахъ Вѣтковскими иноками и далъ клятву своему духовному отцу, пастырю и наставнику Өеодосію, отстать отъ „крестообразнаго" кажденія и больше никогда не поднимать споровъ по этому предмету. Клятва оказалась недѣйствительной; діаконъ и послѣ того поддерживалъ свое „крестообразное" кажденіе и распространялъ его на Керженцѣ.

Были и другіе пункты разногласія. Прежде всего представители діаконовскаго толка признавали за истинный крестъ Христовъ не только крестъ осьмиконечный, но и четвероконечный, и считали спасительною молитву: „Г-ди І-се Христе Боже нашъ". Этимъ діаконовцы уже дѣлали шагъ къ сближенію съ православною церковью; многіе изъ нихъ даже прямо высказывались въ этомъ смыслѣ. Существенно они отличались отъ Вѣтковцевъ и въ вопросѣ о пріемѣ приходящихъ въ расколъ. По ученію діаконовцовъ, принимать приходящихъ въ расколъ нужно не черезъ перекрещиваніе или чрезъ повтореніе мѵропомазанія, а только черезъ отреченіе отъ ересей. Въ частности діаконовцы особенно возставали противъ Вѣтковцевъ за то, что они несправедливо при пріемѣ приходящихъ въ расколъ употребляли незаконное мѵро, сваренное для нихъ Өеодосіемъ Ворыпинымъ. Противъ Вѣтковскаго мѵра высказывался еще діаконъ Александръ [1]).

Пунктомъ сближенія для Вѣтковскаго и Діаконовскаго толковъ служило то общее положеніе, что для возстановленія истиннаго священства нужно имѣть своихъ архіереевъ, а такъ какъ ихъ нѣтъ, то нужно искать такихъ, которые согласились бы принять старообрядство. Несмотря на то, что борьба и вражда между Вѣтковцами и Діаконовцами доходила даже до того, что представители ихъ начинали смотрѣть другъ на друга какъ на еретиковъ, или, по выраженію современника, „междуусобныя

[1]) Ист. изв. о раск. Изд. 2, 1795 г. Спб. III, стр. 10. Опис. нѣкот. соч., напис. рус. раскольниками. Ч. II: Діаконовы вопросы и отвѣты. стр. 133. Расходилось съ Вѣтковцами въ этомъ пунктѣ и другое поповщинское согласіе на Керженцѣ—Софонтьево. См. тамъ же, стр. 166.

брани воздвизаше, въ Еллива другъ друга вмѣняше"; не смотря на то, что раздѣльно молились и даже иногда прекращали общеніе въ пищѣ и питьѣ,—въ вопросѣ объ отъисканіи истиннаго древнеправославнаго епископа они не разъ соединяли свои общія усилія для достиженія цѣли, хотя и неудачно. Попытки эти имѣли мѣсто во все продолженіе XVIII в., начиная съ двадцатыхъ годовъ. Не разъ за все это время раздавалась проповѣдь о необходимости имѣть епископа и въ Стародубскихъ общинахъ діаконовскаго толка. Въ 1745 г. отсюда между прочимъ разсылались увѣщательныя посланія о томъ, чтобы всѣми силами искать себѣ правильнаго епископа, соблюдающаго древнецерковное преданіе. Одно изъ такихъ посланій сохранилось въ въ „Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ" о. Журавлева; въ немъ говорится: „желаемъ отъ васъ тщаніе о лучшемъ, сіе есть, елико сила ходатайствовать святительство, источникъ священства [1])..." Сторонникомъ этого „святительства" былъ и извѣстный попъ Патрикій, долго стоявшій во главѣ Стародубской Діаконовщины. Онъ хорошо понималъ, что только та церковь свята и истинна, въ которой преемственно сохраняются три чина духовной іерархіи. Сознаніе необходимости имѣть своего древлеправославнаго епископа не прекращалось и послѣ Патрикія. Однимъ изъ энергичныхъ и даровитыхъ Стародубскихъ выразителей этого сознанія, во второй половинѣ XVIII в., былъ не менѣе Патрикія извѣстный въ Діаковщинѣ инокъ Никодимъ, первый подавшій старообрядцамъ мысль открыто идти на сближеніе съ православною церковію и просить себѣ православнаго епископа у правительства,—мысль, осуществившаяся уже послѣ его смерти († 12 мая 1784 г.) въ формѣ единовѣрія.

Если мы теперь обратимся къ исторіи діаконовскаго толка въ Вѣтковско-Стародубскихъ слободахъ XVIII в., то увидимъ,

[1]) Ист. извѣс. о раск. IV, стр. 23. Посланіе это было писано однимъ изъ представителей стародубскаго діаконовскаго толка къ какому-то попу Тихону. О послѣднемъ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Не тотъ ли это бѣглый попъ Тимоѳей, при постриженіи получившій имя Тихона, который въ 1752 г., при преслѣдованіи раскольниковъ въ Яицкомъ городкѣ и въ другихъ мѣстахъ по р. Яику, бывшій до того на Вѣткѣ, предлагалъ отправиться тамошнимъ раскольникамъ на Кубань черезъ Вѣтку...? Витевскій В. Н. И. И. Неплюевъ. Ист. монографія. В. II. стр. 348—50.

что она въ сущности была исторіей споровъ его представителей съ Вѣтковцами и касалась тѣхъ пунктовъ церковной практики, которые раздѣляли эти два толка тогдашней поповщины. Споры эти оставили широкій слѣдъ въ мѣстной старообрядческой литературѣ прошлаго вѣка, къ ознакомленію съ которой мы теперь и перейдемъ, такъ какъ она служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для исторіи Діаконовщины въ предѣлахъ Вѣтки и Стародубья.

О спорахъ Вѣтковцевъ съ Діаконовцами послѣ Ѳеодосія Борышина сохранились свѣдѣнія съ той и другой стороны. Въ Хлудовской библіотекѣ имѣются два сборника, составленные Вѣтковцами въ опроверженіе діаконовскаго согласія, весьма важные для исторіи распаденія поповщины на толки. Со стороны діаконовского согласія особенно характерна „Книжица о каженіи", хранящаяся теперь въ отдѣлѣ рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи (О. 8°. 41 [1]). Какъ и указанные сборники хлудовской библіотеки, она стародубско-вѣтковскаго происхожденія. Мудрствованія Вѣтковскихъ учителей послѣ Ѳеодосія приравниваются въ ней „къ Никоніанскимъ ересямъ", и первые укоряются въ такой же непослѣдовательности относительно практики церковной, главнымъ образомъ по вопросу о кажденіи и крестообразіи, какъ Никоніане по вопросу о двуперстномъ сложеніи: насчитывается, хотя и съ большими натяжками, 20 пунктовъ согласія Вѣтковскихъ учителей съ Никоніанами.

Характеръ Вѣтковско-діаконовскихъ споровъ по этимъ источникамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Какъ въ сборникахъ Хлудовской библіотеки, такъ и въ „Книжицѣ о каженіи", начало этихъ споровъ въ общемъ излагается согласно съ посланіемъ Ѳеодосія 1710 г. на Керженецъ, напечатаннымъ въ довольно сокращенномъ видѣ въ „Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ" протоіерея Журавлева, съ тѣмъ различіемъ, что въ „Книжицѣ" полнѣе приведено соотвѣтствующее мѣсто посланія о постановкѣ Ѳеодосіемъ вопроса о кажденіи [2]). Посланіе

---

[1]) По «Опис. рки. церковно-археол. Музея при К. Д. А.» Н. И. Петрова, вып. 1, стр. 271 (Кіевъ, 1875), ркп. эта числится подъ № 273, въ 8°, на 64 л.

[2]) Это мѣсто приведено здѣсь такъ: «И мы уставъ чли и разсуждали: во уставѣ о каженіи написано тако, якоже они кадили (свя-

Өеодосія, какъ извѣстно, не остановило дальнѣйшихъ споровъ о кажденіи и крестообразіи, какъ на Керженцѣ, такъ и на Вѣткѣ. „Попъ Димитрій и діяконъ Александръ явились отца своего духовнаго Өеодосія преслушники и своей клятвы преступники“: такъ писали на Вѣтку вскорѣ послѣ Вѣтковскаго собора 1710 г. „нижегородскихъ странъ отцы и правовѣрные христіане“, согласные съ Вѣтковскими отцами и учителями. И на самой Вѣткѣ далеко не всѣ вѣрили Өеодосію и его собору. Древній старецъ Сергій въ 1713 г. писалъ, по поводу тѣхъ же споровъ, нѣкоему Вѣтковскому Ивану Философу, вѣроятно по профессіи иконописцу, чтобы „онъ праведно разсудилъ о томъ“, и Иванъ философъ такъ къ нему отписалъ: „Изволилъ еще писати къ намъ о каженіи, что возвожденіе и что правѣ и преки. Прямо и преки сѣнь крестная есть и крестообразіе и образъ креста, и возвожденіе того для бываетъ: аще іерей рукою или кадиломъ не возведетъ, крестообразія не сотворитъ. Всегда бо образъ креста съ вышняго рога начинается прежде и относится до нижняго рога, и съ правыя страны до лѣвыя преграждается вопреки [1]). Въ „Книжицѣ о каженіи“ изъ этого письма Ивана философа приводится слѣдующее весьма характерное и небезъинтересное для исторіи вопроса мѣсто: „Азъ бы ей радъ стоять да неправда будетъ; а они (т. е. діаконовцы) стоятъ право по уставу. И я чаялъ, что отецъ Өеодосій съ прочими увяжутся за уставъ, анъ не такъ у нихъ стало: уставъ паче оправдали. А сѣнь крестная о каженіи креста Христова и во всѣхъ церковныхъ таинствахъ нами любима есть: сѣнь бо крестная образуетъ самый трисоставный крестъ Христовъ“. Такъ разсуждалъ

щенникъ той и діяконъ). И мы на тое уставное каженіе вины и пороку не налагаемъ и не ругаемъ, понеже писано и предано отъ св. отецъ, и то ихъ каженіе крестообразное буди въ каженіе, и святыня тогда дѣйствуема отъ священникъ съ таковымъ каженіемъ буди пріемлема безъ сумнѣнія, а не ругаема. Ниже: А что нѣцыи смѣли рещи, будто въ томъ каженіи крестообразномъ св. Троицу раздѣлили и називали Христіанъ еретиками и раскольниками, и то ихъ дерзость неопасливая и погрѣшеніе. И подивившеся мы вси вашей дерзости, зазрѣхомъ, что такъ безъ разсужденія раздѣленіе чинится». У протоіерея Журавлева это мѣсто сокращено до неузнаваемости. Изд. 11, Ч. IV, стр. 11.

[1]) Сборн. Хл. биб. № 340, л. 40

Вѣтковскій Иванъ философъ въ 1713 г., на „грамотку" котораго къ старцу Сергію, по пренебрежительному отзыву позднѣйшихъ Вѣтковскихъ учителей (л. 40 сборн. Хлудов. библ. № 340), ссылались потомъ Діаконовцы неоднократно, „мняще ею себя заградити, и новозачатое мудрованіе спокрыти и утвердити, и народы прельстити, рекуще, яко философъ вашего согласія писа". Эту „грамотку" неоднократно потомъ приводили Діаконовцы и въ подтвержденіе того, что истинный крестъ Христовъ и крестъ четырехконечный. Подобнымъ же образомъ эту „грамотку" старались толковать въ свою пользу и Вѣтковскіе толкуны. Такъ въ указанномъ Хлудовскомъ сборникѣ, по поводу словъ Ивана философа о крестообразіи: „аще іерей рукою или кадиломъ не возведетъ, крестообразія не сотворитъ", говорится: „Тако нынѣ во святой церкви (т. е. Вѣтковской) и творится; понеже кадиломъ, аще и трема возвожденіи, и ту правѣ и преки крестообразіе творится и крестъ трисоставный знаменуется и во образъ св. троицы совершается. А діяконовцы своимъ двократнымъ каженіемъ подлиннаго и совершеннаго возвожденія кадиломъ не сотворяютъ, зане кадиломъ первую крату возводятъ съ нижняго рога, а не съ верхняго. А въ грамотѣ Ивана философа не тако; глаголетъ: съ вышняго рога начинается прежде и относится до нижняго рога".... (л. 41).

Съ 1720 г. споры о кажденіи и крестообразіи приняли на Вѣткѣ довольно ожесточенный характеръ съ той и другой стороны. Враждебное отношеніе къ представителямъ діаконовскаго толка со стороны Вѣтковцевъ можно отчасти объяснить тѣмъ, что около этого времени многіе поволжскіе діаконовцы, какъ и представители другихъ тамошнихъ толковъ, стали переселяться въ Стародубско-вѣтковскіе предѣлы, благодаря двойному окладу и миссіонерскимъ мѣрамъ и преслѣдованіямъ еп. Питирима. Что именно и миссіонерская дѣятельность еп. Питирима отвлекла значительную массу раскольниковъ съ Поволжья въ Стародубье и на Вѣтку и усилила здѣсь раскольничій элементъ, это доказывается и данными, собранными извѣстнымъ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ въ Стародубьѣ, во время его миссіонерской дѣятельности здѣсь. Изъ 22 допросовъ, снятыхъ имъ въ 1723 г. съ пойманныхъ въ Стародубьѣ бѣглыхъ раскольниковъ, 17 относились къ поволжскимъ раскольникамъ, бѣжавшимъ именно отъ миссіонерскихъ преслѣдованій Питирима, а также и отъ двойнаго оклада. Такъ крестьянинъ Костромскаго уѣзда,

дворцовой волости, д. Шилниганки, Иванъ Матвѣевъ, жившій до своего поселенія въ Стародубьѣ и въ Москвѣ и въ Семеновскомъ починкѣ въ Поволжьѣ, близъ Макарьевскаго скита, показалъ, что оттуда *„поѣхалъ де онъ Иванъ, бѣгая отъ правленія и надзиранія Нижегородскаго еп. Питирима и платежа за расколъ двойнаго оклада*. Тоже показалъ и Балахонскій посадскій человѣкъ Иванъ Кузьминъ, который за расколъ, по приказу Питирима и вицегубернатора Ржевского, „держанъ былъ въ Нижнемъ года съ три", и потомъ отданъ на поруки прикащику Лузиныхъ [1]). Въ числѣ этихъ переселенцевъ на Вѣтку оказался и Тимоѳей Матвѣевъ Лысенинъ, уже извѣстный намъ, имѣвшій значительное вліяніе на діакона Александра и его послѣдователей, одинъ изъ главныхъ руководителей діаконовскаго толка, въ особенности послѣ казни діакона въ 1720 г. Скоро эти выходцы на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ „многихъ прельстили и отъ святой церкви отлучили, не токмо мірскихъ, но и иноковъ". Діаконовскій толкъ находилъ себѣ послѣдователей даже среди иноковъ Вѣтковскаго Покровскаго монастыря, какъ и среди жителей окрестныхъ раскольничьихъ слободъ и скитовъ. Новый, пришлый толкъ, такимъ образомъ, являлся опаснымъ конкурентомъ стараго, давно укоренившагося; этотъ послѣдній не хотѣлъ безъ борьбы уступить свое мѣсто противнику. Такъ началась на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ довольно ожесточенная борьба между двумя поповщинскими согласіями,—борьба, продолжавшаяся въ этихъ мѣстахъ между старообрядцами во все продолженіе XVIII в. Она оставила свой слѣдъ и въ уцѣлѣвшихъ отъ того времени разнаго рода раскольничьихъ сборникахъ.

---

[1]) Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. Рос. имп. Т. IV, № 1323, стр. 160—164. Повѣреннымъ Нижегородскихъ келейныхъ записныхъ раскольниковъ Афанасьевымъ, въ челобитныхъ, представленныхъ имъ въ 1762 г. въ Сенатъ, между прочимъ, замѣчено, что въ 1716 г. въ Нижегородской губерніи по переписи было положено въ окладъ раскольниковъ обоего пола до 40 т. душъ, въ томъ числѣ келейныхъ жителей до 8 т. и болѣе, и отъ притѣсненій они должны были разойтись врознь, и нынѣ осталось только 780 душъ келейныхъ, да и во всей губерніи не болѣе какъ тысячъ до пяти состоитъ. П. С. З. XV, № 11435. Ср. т. VIII, № 6134. Не даромъ и до сихъ поръ живетъ недобрая память въ Поволжьѣ о Питиримѣ; о немъ говорятъ, что онъ «людей патерилъ».

Прежде всего не могло не поразить Вѣтковскихъ учителей и отношеніе діакона Александра съ единомышленниками къ еп. Питириму на извѣстномъ торжественномъ собраніи 1-го октября 1719 г. въ с. Пафнутовѣ, Балахонскаго уѣзда. Вмѣсто горячихъ и оживленныхъ споровъ, на которые были вызваны Діаконовцы еп. Питиримомъ, съ ихъ стороны послѣдовало полнѣйшее молчаніе; дѣло кончилось тѣмъ, что старецъ Варсонофій за руками подалъ „покорительное доношеніе“ еп. Питириму, въ которомъ было торжественно заявлено, что ихъ „Отвѣты діаконовы“ не правые, и чтобы ихъ больше не „истязовали“. „И того ради просимъ симъ доношеніемъ, по совѣту всего нашего согласія, вашего преосвященства, остави намъ таковое наше прегрѣшеніе, и прости насъ безъ истязанія во оныхъ нашихъ неправедныхъ отвѣтахъ, понеже мы отвѣщати не можемъ нынѣ и впредь, а мы оные наши отвѣты полагаемъ ни во что, якобы и не писаны. Аще-ли же оные наши неправедные отвѣты мы или кто нашего согласія, духовнаго и мірскаго, нынѣ или въ предбудущіе годы станемъ похваляти и за правые вмѣняти тайно или явно, и между собою и въ народѣ переписывать и писаніемъ издавать, буди на всѣхъ на насъ и на всѣхъ нашего согласія св. отецъ всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ клятва въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и судъ Божій и царевъ. И сіе просительное доношеніе вашему преосвященству приносимъ по совѣту всего нашего согласія волею, и не по нуждѣ, и не по насилію, но своимъ добрымъ произволеніемъ, вашего преосвященства послѣдніе богомольцы Балахонскаго уѣзда Черноромевскихъ лѣсовъ келейные жители старцы Александръ, Іосифъ, Варсонофій, Герасимъ, Нафанаилъ. 1719 года, октября 1 [1])“. Чѣмъ мотивировалась такая „покорительность“ со стороны діаконовцевъ, искренно и простодушно объясняетъ самъ діаконъ Александръ въ своемъ почти предсмертномъ исповѣданіи (Сборн. изъ собр. рукоп. Ундол. № 1411), приведенномъ цѣликомъ и

---

[1]) Хлудовскій сб. № 341. Тамъ въ концѣ этого «покорительнаго доношенія» замѣчено: «На подлинномъ доношеніи руки приложили: Александръ діаконъ. Іосифъ старецъ и вмѣсто Нафанаила старецъ Герасимъ. Сей списокъ («покорательнаго доношенія») писанъ въ Керженскихъ предѣлахъ, въ с. Пафнутовѣ, сего же октября въ 1 день». Ср. въ ст. г. Сахарова: Дѣятельн. Питирима противъ раскола», Странникъ, сент., 1886 г.; стр. 100—101.

прекрасно коментированномъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Сахарова. Покорительность эта была вынужденная, вымученная: подъ давленіемъ страха грядущихъ мукъ, рванія ноздрей, каторжной работы...

Какъ-бы то ни было, „покорительное доношеніе" діакона Александра съ товарищи произвело сильное впечатлѣніе на раскольниковъ и особенно на Вѣткѣ: ихъ прямо обвиняли здѣсь въ отступничествѣ, говорили, что они подпали подъ клятву всѣхъ соборовъ, стали „антихристами уподобительны". Такое именно обвиненіе является въ одномъ изъ указанныхъ сборниковъ Хлудовской библіотеки, составленныхъ на Вѣткѣ (№ 341). Ихъ порицали вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ Лысенинымъ какъ за кривотолкованіе „о кажденіи и крестѣ Христовѣ", такъ и за то, что „безъ совѣту древнихъ скитскихъ отецъ начаша о вѣрѣ и о догматѣхъ и о преданіяхъ прѣтися съ Нижегородскимъ епископомъ Питиримомъ, и воспріяша отъ него 130 вопросовъ, и на тѣ вопросы отвѣты написаша, и ему, Питириму, отдаша. А послѣ того оный діаконъ и совѣтники его старцы: Іосифъ, Варсонофій, Герасимъ, Наѳанаилъ и прочіи вси ихъ согласія, совѣтовавъ между собою, на тѣ свои отвѣты хулу нанесоша, и непросто, но и клятву на себя положиша и на письмѣ съ надписаніемъ своихъ рукъ написаша"... По этому поводу далѣе представляется здѣсь такая „размова": „Внимайте правовѣрніи христіяне, что оныхъ гордость и возношеніе и безсовѣтіе въ каково зло ихъ низрину. И той діаконъ съ совѣтники подпаде перво въ неправомъ своемъ мудрованіи подъ свою клятву и отца своего духовнаго. Но паки во вторую не токмо подъ клятву, но и самое на все благочестивое апостольское преданіе въ хуленія, и отъ древнія православныя христіанскія вѣры въ отступленіе; понеже они въ отвѣтахъ сами написаша, что они вѣру содержатъ древнюю, восточную и греческую... А въ покорительномъ своемъ письмѣ все восточное древнее благочестіе похулиша и отъ православія отступиша волею... А о таковомъ ихъ хуленіи на древнее преданіе писано сице: хуляй православные догматы вѣры и преданія Христа хулитъ, и есть антихристъ уподобителнѣ. А они діаконъ и вси его согласія не токмо похулиша, но и явѣ отъ всего благочестія отринушася и отступиша и подъ клятву св. отецъ и всѣхъ соборовъ сами себя подклониша".

Въ діаконовскихъ источникахъ нерѣдко дѣлаются указанія на особыя Вѣтковскія посланія, писанныя Вѣтковцами спе-

ціально въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка для обличенія и посрамленія своихъ противниковъ. Болѣе ясныя указанія на эти посланія мы находимъ въ „Книжицѣ о каженіи“, какъ и въ ея особомъ приложеніи: „Предисловіи къ Вѣтковскимъ посланіямъ“. Въ Хлудовскомъ сборникѣ, № 340, мы имѣемъ одно изъ такихъ посланій, но безъ точнаго обозначенія какъ времени его написанія, такъ и мѣста его назначенія. Оно озаглавлено здѣсь такъ: „Возообъявленіе обители Покрова Богородицы Вѣтковскаго монастыря казначея Павла и головщика Филарета и уставщика Изосимы и соборныхъ старцевъ Тихона, Θеодосія и протчихъ [1])“. Это въ сущности вторичное объявленіе посланія Θеодосія Ворыпина 1710 г. на Керженецъ, но съ соотвѣтствующимъ примѣненіемъ къ тогдашнему положенію борющихся между собою толковъ. Въ этомъ посланіи, обращенномъ вообще къ „правовѣрнымъ христіанамъ, сыновомъ св. церкви“, цѣль этого вторичнаго объявленія посланія Θеодосія объясняется такъ: „нынѣ же мы смиреннiи и общежительнiи иноцы, послѣдуя своему пастырю и наставнику нашему священному отцу Θеодосію, паче же ревностію о благочестіи распаляемiи, оное посланіе правовѣрнымъ христіаномъ, сыновомъ св. церкви, объявляемъ сицевыя ради вины: дабы аще тогда или кто и нынѣ послушалъ оного посланія отца Θеодосія, и умилился бы на плачевный гласъ, и дабы вновоначинательныхъ распрей престали, понеже отъ новыхъ распрей и раздоровъ гнѣвъ Божій на насъ приходитъ“. Видно, что у Вѣтковцевъ въ то время значительно измѣнился и взглядъ на посланіе Θеодосія на Керженецъ, по крайней мѣрѣ относительно пункта о крестообразномъ діаконовскомъ кажденіи. То вышеприведенное нами мѣсто изъ посланія Θеодосія, въ которомъ признавалось діаконовское крестообразное кажденіе, если не за обычное, то за уставное,—мѣсто, бывшее послѣ Θеодосія источникомъ мно-

[1]) Упоминаемаго здѣсь казначея Вѣтковского монастыря *Павла* Вѣтковцы въ 1730—1731 г. желали имѣть епископомъ, какъ видно изъ прошенія ихъ о поставленіи епископа, поданнаго въ 1731 г. Константинопольскому патріарху. Этотъ инокъ Павелъ въ Вѣтковскомъ Покровскомъ монастырѣ жилъ около 30 лѣтъ въ иноческомъ образѣ. См. Душ. Чт. 1871 г. Ст. Н. И. Субботина: Прош. Вѣтков. старооб. о епископѣ... Въ 1736 г. онъ вмѣстѣ со многими другими находился за синодальнымъ карауломъ по дѣлу Епифанія. Чистовичъ, Ив. Θеофанъ Прокоповичъ, стр. 663.

гихъ споровъ и распрей между противниками,—получаетъ здѣсь такой смыслъ: „и сіе въ посланіи (Θеодосія) написали мы того ради, понеже тогда въ скорыхъ числѣхъ во уставѣ о каженіи краткого реченія не возмогоша проразумѣти, паче же рѣчь, что глаголетъ о крылосахъ правѣ и преки; но обаче то ихъ каженіе мы въ церковь не приняли, такожъ и похулить въ неразсмотрѣніи не смѣли. Того ради мы тогда и похвалили реченными гласы, а дѣломъ не произвели"... Тутъ видна своеобразная казуистическая изворотливость мысли, нерѣдко проявляющаяся въ старообрядческой письменности....

Есть въ посланіи и нѣсколько фактическихъ указаній, цѣнныхъ и интересныхъ для характеристики тогдашнихъ отношеній между враждебными толками. Особенно интересна здѣсь характеристика Вылевскаго попа Патрикія. „А нынѣ новый развратникъ, Вылевской попъ Патрекей, не токмо древній церковный обычай развращаетъ, но самый св. отецъ уставъ своимъ толкованіемъ кривымъ раздираетъ на многія части, и не токмо въ каженіи, но и въ протчихъ преданіяхъ и чинѣхъ церковныхъ... А самъ тотъ попъ Патрекей называется попомъ и людей на исповѣдь принимаетъ и тайны церковныя, еже есть крещеніе и бракъ и протчая отправляетъ; а самъ еще во благочестіи ни единыя литоргіи не пѣвалъ, и не токмо о людѣхъ, но и о себѣ во св. церкви въ литоргіи по благочестіи жертвы не принашивалъ, и не токмо, чтобъ ему литоргисать, но и церкви христіанскія бѣгаетъ, и съ правовѣрными во св. церкви вкупѣ не молится и св. таинъ не пріобщается. Еще и многихъ христіанъ соблазнилъ и отъ св. церкви отлучилъ: понеже глаголетъ и пишетъ, яко во св. церкви кадиломъ просто махаютъ и якобы въ каженіи креста Христова не пріемлютъ и якобы каженіемъ никакая святыня не освящается"... Объ успѣхахъ діаконовской пропаганды на Вѣткѣ и Стародубьѣ, гдѣ прежде не было никакихъ разгласій, почему въ посланіи эти страна и называется „мирной", говорится, что діаконовщина пріобрѣла многихъ членовъ, и не только „мірскихъ, но и иноковъ: Марка иконника и протчихъ. И той Маркъ иконникъ, ими прельщенный, многъ развратъ словесно и письменно учини и самъ своею рукою написа на листѣ двѣ церкви: первую якобы подобну ихъ мудрованію, и въ ней престолъ, а на немъ начерта по своему двократному каженію со всѣхъ странъ по кресту, ви-

домъ яко отъ дву древъ, такожъ и прочая вся дѣйства. А народа у каждаго на лицы по кресту двочастному...

„А другую церковь на томъ-же листѣ написа, подобно яко христіанскую (т. е. Вѣтковскую) и обрѣтающуюся *здѣ во обители*, и въ ней престолъ, а на престолѣ съ четырехъ странъ черты... И тако ругательно, что еще таковаго поруганія и хуленія и отъ прежнихъ еретиковъ и раскольниковъ не бысть и въ каженіи такова ихъ начертанія не бывало" (л. 29) [1]). Среди прельщенныхъ діаконовскими пропагандистами былъ и нѣкто „Семенъ Ивановъ, Папужской уставщикъ", который, когда „прельстился и отъ согласія христіанскаго отторжеся и отъ св. церкви отступи, тогда начатъ мудрованію ихъ зѣлнѣ поборать и въ словопреніи и въ знаменованіи рукою на челѣ исповѣдалъ прообразовати крестъ оного-же вида", т. е. двочастный. „А иные того-жъ согласія глаголютъ, егда рукою полагаютъ на главу, и то именуютъ вышній рогъ креста, и егда рукою на живот, и то нижній рогъ, паки и на оба рама вопреки, и ту пречныхъ два рога, и тако мнятъ быти въ крестѣ четыре концы, того ради и четвероконечнымъ назваша. А иніи инако толкуютъ, и вси тщатся дабы почтенъ былъ двучастный крестъ и равенъ трисоставному..... (л. 40) [2]).

Невольно при этихъ умствованіяхъ „мужицкой, а паче бабской богословіи и философіи" вспоминаются слова Ѳеофана Прокоповича о старообрядческихъ учителяхъ-невѣждахъ, осмѣливающихся учить другихъ. „Невѣждамъ", говоритъ онъ, „подо-

---

[1]) Протоіерей Журавлевъ въ своемъ Ист. изв. изд. II, ч. IV, стр. 104, упоминаетъ о письмѣ Діаконовскаго монаха Марка къ Вѣтковскому иконописцу Ѳедору Кузьмину, именуемому *философу*, по поводу неудачной попытки поставить въ Яссахъ старообрядческаго епископа. О Вѣтковскомъ философѣ Ѳедорѣ Кузьминѣ см. ниже.

[2]) Подобнаго же характера споры о крестномъ знаменіи происходили и въ безпоповщинѣ, напр. въ началѣ этого вѣка въ Саратовѣ одинъ Ѳедосѣевецъ упрекалъ тамошнихъ же безпоповщинцевъ, что они богопротивно творятъ на себѣ крестное знаменіе, потому что произнося: «Господи І. Х., сыне Божій, помилуй насъ», полагаютъ при словахъ *Сыне Божій* руку на лѣвое плечо, на которомъ у человѣка сидитъ діаволъ, чѣмъ имя І. Х. отдаютъ ему въ поруганіе. При словѣ *Христе* нужно рукой касаться чрева, и не донося ея до лѣваго плеча проговорить *Сыне Божій помилуй насъ*.... Сб. о раск. В Кельсіева В. І, стр. 43—44.

бало-бы, когда рѣчь есть о тайнахъ богословскихъ, требовать яснаго наставленія отъ свѣдущихъ лицъ, самимъ не мѣшаться не въ свое дѣло, молчать и всячески языкъ свой обуздывать; но противное видимъ: и особы ученыя не такъ дерзновенно разглагольствовати обыкли, якоже слѣпіи невѣжи многіи. Они охотники, когда ничего не вѣдаютъ, о всемъ и говорить, и писать, и препираться. Дивная вещь: откуду бы имъ такъ безумная охота"? Объясняя далѣе это совершенно неумѣстное и продерзостное стремленіе къ умствованію, Прокоповичъ видитъ причину его въ двухъ обстоятельствахъ: „Первое, что самое оныхъ *невѣжество*, которымъ слѣпи суще, ничего богословскаго не вѣдаютъ, творитъ ихъ невѣдущими и самихъ себѣ, и не допускаетъ знать быть себе невѣжливыхъ; но когда слоговъ книжныхъ изучатся, и честь и писать могутъ,— помышляютъ, что уже все получили и не осталося, чтò бы имъ еще познать подобало... сколько до ихъ рукъ прійдетъ нѣкіяхъ тетрадей, и то неискусно сошитыхъ, по большой же части и смѣха достойныхъ... помышляютъ, что уже получили и обняли вся предѣлы премудрости и дошли до самаго дна богословія... Вторая же вина таковой продерзости есть *киченіе* и *чванство* и *желаніе славы учительской*. Сія вина не особо дѣйствуетъ, но вышеупомянутой первой сопослѣдствуетъ. Помышляя бо бездѣльникъ о себѣ, что мудръ есть, желаетъ, дабы и вси тожъ о немъ думали, и яко премудра славили и почитали; и тако не можетъ терпѣть молчанія, опасаяся, да не помыслитъ кто о немъ, что онъ не все знаетъ. Того ради никакого въ разговорѣ съ людьми не упуститъ случая, въ которомъ бы можно ему, какъ воронѣ, голосъ испустить... часто сихъ между разсказами своими рѣчей употребляетъ: „великое дѣло богословія! не всякъ постизаетъ глубину богословіи! не всякъ знаетъ силу писанія"! и прочая симъ подобная. Се же того ради повторяетъ, дабы слышащіи помышляли, что онъ все тое до дна знаетъ; а онъ—и что есть писаніе, и что богословія такъ не вѣдаетъ, какъ подземный кротъ о дневномъ свѣтѣ" [1])...

[1]) Обличенію невѣжества и закоснѣлости старообрядческихъ учителей посвящено у Ѳеофана обширное предисловіе къ *«истинному оправданію* правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ». Полное заглавіе см. у Пекарскаго, 11, 610 –611. Третье изд. этой книги вышло въ М., 1784 г.; кромѣ того, она пе-

Въ собственно-діаконовскихъ источникахъ о Вѣтковскихъ посланіяхъ имѣются слѣдующія данныя. Въ 1720 г. Вѣтковскіе учители разослали по слободамъ посланіе „за печатью монастырскою", въ которомъ, между прочимъ, писали: „явишася отъ діавола смущенники, ненавидя крестъ Христовъ, велятъ кадить дважды"... Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Книжицѣ о каженіи" объ этомъ посланіи сказано, что въ лѣто 7228-е (1720 г.) *Вѣтковскій архимандритъ*, по совѣту братіи, въ разныя слободы о діаконовыхъ, ни единъ взглядъ на Θеодосія имѣя, писа, но гаждая"...

Въ 1722 г. другой Вѣтковскій философъ, иконописецъ Θеодоръ Кузьминъ, писалъ особое „Слово" противъ діаконовскихъ учителей, въ которомъ называлъ ихъ „лжеучителями", повелѣвающими „двократно кадиломъ воздвизати и сице крестъ творити", а также и „раздрателями, кривозрящими во уставѣ". Въ посланіи „въ Корычъ слободу за подписаніемъ рукъ въ лѣто 7232-е", т. е. въ 1724—1725 г., а потомъ и въ посланіи 1727 года въ слободу Избынь, практика діаконовскаго кажденія названа „новоумышленнымъ каженіемъ въ два маха" или „двомахами", пустокадильствомъ", „арменскою ересью", а представители діаконовскаго толка уподоблялись „древнему злохитрому и злокозненному Арію" и другимъ выдающимся еретикамъ древней церкви. Въ томъ же посланіи на Избынь, въ которомъ, съ тяжкимъ отъ Вѣтки приказомъ, „дабы до конца діаконовыхъ, последующіи имъ, облюдалися", о діаконовскихъ учителяхъ дѣлается такой отзывъ: „Возбѣсишася аки злобѣсивіи псп и большой свой ядъ зміинъ на многихъ изливати начаша, разсѣевающе свое ученіе". Дѣло неограничивалось одною грубою и безцеремонною бранью; Вѣтковскіе отцы, по словамъ ихъ противниковъ, проклинали кадящихъ крестообразно и возбраняли „общатися съ тѣми же христіаны, которые вѣруютъ по писанію о крестѣ Христовѣ". Дошло даже до того, по свидѣтельству „Книжицы о каженіи", что въ тоже время „Вѣтковскіе учители по слободамъ силою своею разослали, дабы въ домы своя не пускали такова священника, который по писанію творитъ правѣ и пре-

---

репечатана въ IV ч. соч. Θеофана, М. 1774 г. Въ Москвѣ же въ 1779 г. напечатанъ переводъ ея на лат. языкъ. Въ томъ же смыслѣ высказывается Θеофанъ о раскольническихъ учителяхъ въ одной изъ своихъ проповѣдей 1728 г. (Слова и рѣчи, II, 245—246).

ки крестъ кадиломъ; а кто пуститъ сотворити что: крестить, или молебенъ отпѣть, или ино что, на такова *вину панскую наложити:* н҃і *талерей*"... Кромѣ того, есть указаніе, что въ 1725 г. какой-то „Іосифъ ревнитель и согласникъ", очевидно, съ Вѣтковскими отцами, потому что „Книжица о каженіи" называетъ его просто „блядословцемъ", писалъ, что „двократное каженіе еретическое, а не св. отецъ преданіе".

Діаконовцы повидимому не уступали Вѣтковцамъ въ литературной полемикѣ, какъ показываетъ „Книжица о каженіи" и въ особенности ея приложеніе: „Предисловіе къ Вѣтковскимъ посланіямъ". Литературные пріемы тѣхъ и другихъ, конечно, совершенно одинаковы, хотя Вѣтковцы только себѣ приписывали честь „риторскаго расположенія и богословскаго вѣдѣнія", называя противниковъ „невѣждами поселянскими". Если Вѣтковцы приравнивали Діаконовцевъ къ древнимъ еретикамъ церкви, то, въ свою очередь, послѣдніе приравнивали первыхъ къ Никоніанамъ, хотя и новымъ еретикамъ, но болѣе злымъ и хульнымъ, съ ихъ точки зрѣнія. Какъ новые учители, Никоніане; говорили они, ради мира и любви соединенія, совѣтуютъ намъ, чтобы „отложили брады и не знаменовалися бы двѣмя персты, но треми", такъ и Вѣтковскіе учители „совѣтуютъ отложить крестообразное каженіе уставное, а пріять бы вмѣсто креста Христова простое каженіе по единому двизанію кадиломъ, и другое каженіе дважды правѣ, а третіе преки, и кропиломъ такоже, и триуголное знаменіе крестомъ" и пр. (лл. 14—15). „Новые учители, Никоніане, великія вещи церковныя къ малымъ и ненужнымъ примѣняютъ: крестъ святой и сложеніе перстовъ крестнаго знаменія не вельми ставятъ, но среднія вещи то нарицаютъ быти и прѣніе о томъ чинити возбраняютъ [1]"... И „Вѣт-

[1]) Противъ этого мѣста на полѣ замѣчено: «Книжица о блаженствахъ, л. п҃е». Очевидно это книга «Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе», написанная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ по спеціальному порученію Петра I и напечатанная въ 1722 году (три изданія въ одинъ годъ). По свидѣтельству Голикова (Дѣянія П. В. XI, 493), въ памятной книжкѣ Петра Великаго было, между прочимъ, записано: «Написать книгу о хавжахъ и изъявить блаженства (кротость Давидову и пр.), что не такъ, какъ они думаютъ и приплесть къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцемъ Ростовскаго (еп. Димитрія) съ товарищи... также, что не противилась мученики въ свѣтскихъ дѣлахъ». Отвѣтомъ на это требованіе была книга о бла-

ковскіе учители и заступники ихъ сказуютъ каженіе и кропленіе не веліе что есть, и того ради сказуютъ не подобаетъ прѣтися и раздѣлятися. Но да слышатъ слѣпіи, слѣпцевъ водящіи, яко со онѣми брань не о кадилѣ и Ѳиміянѣ (sic!), но о крестѣ Христовѣ во священнодѣйствіяхъ; ибо православно священствующіи не просто творятъ каженіе и кропленіе, но крестъ Христовъ знаменуютъ по писанію"... Укоряли Діаконовцы своихъ противниковъ и за нетвердое содержаніе и измѣненіе обычаевъ и чиновъ церковныхъ. „А Вѣтковскіе прежде пѣли зовомо *хомонное пѣніе*; у нихъ же было въ крещеніи, послѣди трехъ погруженій отъ Никоніанъ, паки погружали. А потомъ, разсмотря по писанію, отложили оное пѣніе, несогласное св. книгамъ, и во вторые уже не погружаютъ крещенныхъ въ три погруженія, добрѣ тако разсмотрѣвше. Тако бы имъ подобало праведно разсудить и обычное каженіе, и кропленіе, и треуголное знамя отложить: не согласно бо все то и противно божественному писанію"... Укоряли и за то, что они, подобно Никоніанамъ, расхватывающимъ „въ моленіи своемъ во многи гласы службу церковную", говорили „безчинно каноны во многи гласы, не добрѣ бо, но и зѣло противно закону церковному"...

женствахъ, одно изъ лучшихъ произведеній Ѳеофана. Книгу о блаженствахъ, вмѣстѣ съ увѣщаніемъ, издан. отъ св. Синода 16 іюля 1722 г., на тему, что «не всякое страданіе... полезно и богоугодно», было велѣно, «всенароднаго ради вѣдѣнія, священникамъ повсемѣсячно, въ воскресные дни и господскіе праздники во св. церквахъ, а при ярманкахъ, гдѣ многонародное собраніе бываетъ,—и предъ церквами для множества людей по литургіи во услышаніе всѣмъ читать, дабы... невѣдѣніемъ никто не отговаривался». П. С. З. VI, № 4053, стр. 742—746. О пунктахъ разногласія старообрядцевъ съ господствующей церковію, не разъ въ кн. о блаженствахъ говорится какъ *о вещахъ весьма среднихъ*. Книга эта въ исторіи раскола замѣчательна и съ другой стороны; въ ней приведено строгое осужденіе той системы отношеній церкви къ старообрядцамъ, типичными представителями которой въ XVIII в. являются Питиримъ, еп. Нижегородскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій и др. Эти полемисты не только не считали возможнымъ обходиться безъ самой энергичной брани, но не отступали и предъ несправедливыми обвиненіями, извращеніемъ фактовъ и даже подлогомъ... Ѳеофанъ хотѣлъ не казнить злыхъ раскольниковъ, но врачевать... Ср. П. С. п. и р. по вѣд. пр. исп. III, № 1089, стр. 131; IV, № 1246, стр. 104—105.

Не высоко Діаконовцы цѣнили Вѣтковскихъ отцевъ и учителей послѣ Ѳеодосія. Въ такъ называемомъ „Предисловіи къ Вѣтковскимъ посланіямъ" эти преемники Ѳеодосія такъ характеризуются. „И отъ лѣта 7228 (1720 г.) до нынѣ, аки по лѣствицѣ отъ разума Ѳеодосіева къ земнымъ сходяще, въ далния вещи снидосте и токмо имя, а не дѣло Ѳеодосіево обносите, якоже и сами себе дознати можете; ибо единъ другаго предваряете въ вещехъ земныхъ: въ славѣ, въ любоначаліи, въ сребролюбіи, въ роскошахъ мірскихъ, въ покои и небреженіи и прочая, въ нихъ же наипаче духовніи ваши погружены, яже сущія вины ересей. И еще Ѳеодосія отца своего глаголете! Дѣло васъ показуетъ, яко нѣсте сынове оного Ѳеодосія, о чемъ внятно прочтеніемъ посланія ваша являютъ". Таковы, по представленію Діаконовцевъ, нравы Вѣтковскихъ отцевъ и учителей, судей всѣхъ поповщинскихъ толковъ или согласій, старавшихся выставить свою Вѣтковскую церковь, какъ „нѣкое зерцало, всѣхъ въ себѣ воображающее, а себе, яко отторжеся древнихъ обычаевъ, не разсмотряющее".

Вѣтковско-діаконовскіе споры далеко неограничивались одною литературною полемикою. Есть положительныя свѣдѣнія, что Вѣтка и послѣ Ѳеодосія Ворыпина собирала соборы противъ мѣстныхъ представителей діаконовскаго толка; по крайней мѣрѣ въ Хлудовскомъ сборникѣ № 341 мы находимъ довольно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о соборѣ 1727 г. Поводомъ созванія этого Вѣтковскаго поповщинскаго собора было усиленіе на Вѣткѣ и Стародубьѣ діаконовщины; пропаганда Діаконовцами своего толка находила прозелитовъ даже среди Вѣтковскихъ иноковъ, условіямъ жизни которыхъ такъ завидовали ихъ противники. Главными пропагандистами со стороны послѣднихъ были здѣсь: извѣстный уже намъ Тимоѳей Лысенинъ, „мнимый попъ" Патрикій и другія менѣе значительныя величины.

Прежде всего нашъ источникъ указываетъ на составъ этого собора. На немъ присутствовали Вѣтковскіе „общежительствующіе отцы древнѣйшіе: священноинокъ Іовъ, священноинокъ Іосифъ, священноіерей Макарій и священно-іерей Іоаннъ и соборные иноки: Филаретъ, Павелъ, Зосима, Ѳеодосій, Тихонъ и протчіи всея обители, и окрестные древнѣйшіе отцы: инокъ Нифонтъ и протчіе пустынножителіе, такожде Вѣтковскіе и прочихъ христіанскихъ слободъ войты и осадчіе и выборные и луч-

шіе люди и вси правовѣрные христіане сошедшеся соборнѣ, присовѣтовавъ, приговорили о сицевыхъ въ нынѣшнемъ 7235 году февраля 25-го дня". Совѣтъ шелъ о данныхъ, выбранныхъ изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ и уставовъ „о трикратномъ крестообразномъ кажденіи, а не о двукратномъ трикрестномъ, якоже діаконовцы не видя мнятъ". Эти выписки занимаютъ первые 22 листа, а не 153, какъ ошибочно показано въ Описаніи Хлудовской библіотеки А. Попова (стр. 622) [1]). Указавъ за тѣмъ на начало появленія діаконовскаго толка въ Нижегородскихъ странахъ и дальнѣйшее распространеніе его тамъ и на Вѣткѣ, нашъ источникъ такъ описываетъ современное собору положеніе Вѣтковско-діаконовскихъ обострившихся отношеній и споровъ.

Главнымъ виновникомъ обострившихся Вѣтковско-діаконовскихъ отношеній былъ Тимоѳей Лысенинъ. „А нынѣ оный Тимоѳей пріиде съ поборники своими и прельстиша обители нашея старца *Сергія*, и той чернецъ Сергій присовокупи поборниковъ къ себѣ: мнимаго попа *Патрикія* и чернца *Пахомія*, [2]) и мірянъ: Петра Карпова и Якова Григорьева, Ѳому Андреева. Начаша *паки* здѣ св. церкви преданные чины и обычаи разоряти и превращати, и новыя секты предавати и учити, и св. обители древнихъ и нынѣ пребывающихъ отецъ священныхъ и иноковъ хулити и различно ругати. И тако миръ Божій раздраша и любовь искорениша, не восхотѣвъ купно со христіаны молитися и св. таинъ причащатися; такожде и другихъ начаша прельщати и св. церкви отлучати. И тако многихъ прельстиша и отъ св. церкви и отъ причастія весьма отлучиша". Явились у Діаконовцевъ и болѣе злобныя и коварныя намѣренія противъ Вѣтковской церкви. „Потомъ умыслиша коварно не токмо христіанъ, но и самую матерь нашу св. церковь восхотѣша поколебати и обитель разогнати и разорити сицевою виною... А нынѣ той Тимоѳей, научa чернцевъ Сергія и Пахомія съ Огородни и съ Вылева мнимаго попа Патрикія съ родословцы, и умыслиша коварно. Дошедъ до вельможныхъ ихъ милости пановъ

---

[1]) Сборн. Хлуд. библ. № 341, л. 22 об.

[2]) *Пахомій*, основатель діаконовскаго согласія монастыря, названнаго его именемъ. Монастырь этотъ находился на р. Сожѣ, въ 8 верстахъ отъ Вѣтковской слободы; онъ давно уже упраздненъ. Мельниковъ. Оч. поповщ. ч. 1, стр. 164.

Халецкаго и Красивскаго и били челомъ на насъ, чтобы и мы нынѣ во св. великій постъ, оставя церковное содержаніе, постъ и молитву, и съ ними прѣніе чинили. И мы, аще и не хотѣша въ сей св. великій постъ прѣніе чинить, однако, *за повелительство панское*, собравшеся соборнѣ всея обители и прочіе древнѣйшіе священноиноцы и иноцы и мірскіе люди, дошедъ съ помощію всесильнаго Бога и заступницы Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, оного попа съ совѣтники обличали и говорили: чесо ради новое ученіе простираете и письма тайно и явно написуете и въ нихъ многія хулы являете? И они въ томъ запирались. И паки говорили они къ намъ, что мы будто ихъ обличаемъ и укоряемъ. И мы соборнѣ имъ отвѣщаша: того ради васъ и попа вашего Патрикія и прочихъ обличаемъ, зане во св. церковь не ходятъ и св. таинъ не пріобщаются; еще же же церкви св. чины и обычаи хулятъ и всячески ругаютъ. И паки: чесо ради вы священниковъ нашихъ креста Христова отступниками написуете? И паки: будто во св. церкви кадимъ противно креста Христова, и въ томъ они запирались... Потомъ вси отцы имъ рекоша: чесо ради старца простого аки архіерея почтоша и начаша кадити св. иконы двократно по единому кресту, а старцу простому *Сергію* по три креста?..“

Обличеніе со стороны Вѣтковскихъ отцовъ на соборѣ, по словамъ нашего источника, было на столько сильно и дѣйственно, что будто въ силу его „вельможные паны ему, попу *Патрикію*, отказаша, чтобъ онъ на Вѣтку и въ прочія слободы ни въ какіе домы ни съ какою потребою не входилъ, и чтобъ аще дѣти ево духовные восхотятъ, и они бы ходили къ нему на Вылево. И нынѣ мы, совѣтовавъ соборнѣ, во всѣ слободы послаша о томъ письма, чтобъ ево, попа, въ слободѣхъ въ домы не пускали, чтобъ отъ него и впредь какова разв珍рату не было. А буде кто явится посланнымъ письмамъ противенъ, и мы такова чужды, наче же будутъ подъ правильною виною [1])“.

[1]) Ibidem. л.л. 22, 23—24, 27—28. Здѣсь же сообщаются нѣкоторыя небезъинтересныя свѣдѣнія о Нижегородской дѣятельности Лысенина и отношенія его къ еп. Питириму. Между прочимъ здѣсь говорится: «Оный древній развратникъ Тимоѳей Лысенинъ съ поборники своими и прежде всего на Нижегородскихъ отцовъ и христіанъ еп. Питириму били челомъ, чтобы отцы съ ними прѣлися, и тако по ихъ челобитью еп. Питиримъ собра отецъ велій соборъ, и тогда соборне помощію Божіею онѣхъ весьма обличиша и посрамиша, и

Интересно, что этотъ Вѣтковскій соборъ былъ созванъ „по панскому повелѣнію“, и что польскіе „вельможные паны“, на земляхъ которыхъ жили здѣсь наши русскіе раскольники, стали мѣшаться въ раскольничьи споры. Извѣстно, что въ 1730 и 1731 г. Вѣтковцы и Діаконовцы хлопотали въ Яссахъ о пріобрѣтеніи епископа точно также съ вѣдома и дозволенія на то владѣльца Вѣтки—пана Халецкаго, принимавшаго участіе въ ихъ предпріятіи и даже снабдившаго ихъ собственнымъ „просительнымъ листомъ“, который они и подали Молдавскому митрополиту. Очевидно это было право владѣльческое, право патронатства, обусловленное отношеніемъ раскольниковъ какъ подданныхъ. Вотъ при какихъ условіяхъ жили и раскольничали наши старообрядцы на земляхъ вельможныхъ польскихъ пановъ, судившихъ и радившихъ ихъ не только какъ „подданныхъ“, но и какъ ревнителей староцерковнаго преданія....

Въ связи съ Вѣтковскимъ соборомъ 1727 г. въ Хлудовскомъ сборникѣ № 341 поставлены два обличительныя произведенія, направленныя противъ Діаконовцевъ. Это, во первыхъ, „Слово на прекословцевъ“, во вторыхъ—„Вопросы и отвѣты на противныхъ“. Обширное по объему первое произведеніе озаглавлено такъ: „Слово, сложенное во извѣстіе на непокоривыхъ басненародословцевъ, паче же прекословцевъ и на раздрателей мира Божія и любви, и вкратцѣ рещи: церкви святыя на ратниковъ и хульниковъ преданія, чина и обычая церковнаго“. Оно помѣщено непосредственно за сообщенными нами свѣдѣніями о соборѣ 1727 г. и по своему содержанію вполнѣ соотвѣтству-

---

не токмо отцы, но и еп. Питиримъ зѣлнѣ обличи и укори, зане онъ таковаго новаго ученія въ каженіи: единою правѣ, второе преки во всей Россіи во всѣхъ церквахъ не видывалъ и не слыхивалъ, но во всѣхъ церквахъ трикратное каженіе, еже кадиломъ трижды, или треми возводы крестообразно. А что они развратицы иконы кадятъ по единому кресту, а старца простого вмѣсто игумена честнѣе инокъ по три кресты, и о семъ весьма укори и посрами, зане таковое каженіе бываетъ на литоргіи св. дары; но и ту трикратнымъ каженіемъ, а не двократнымъ. Такожъ такое каженіе царемъ и патріархомъ, а игумену таковаго каженія не бываетъ. А они таковаго игумена, но и простого старца люторски самочинно и безъ рукоположенія на высокій святительскій санъ возводятъ и почитаютъ. И тогда билъ челомъ еп. Питириму развратникъ Тимоѳей и діаконъ Александръ и пр.».

етъ той цѣли, съ которой былъ созванъ этотъ соборъ. Болѣе точнаго указанія на связь его съ соборомъ 1727 г. нѣтъ. По яснымъ указаніямъ, находящимся въ самомъ „Словѣ на прекословцевъ", оно составлено на Вѣткѣ однимъ изъ иноковъ раскольничьяго монастыря и по своему общему содержанію есть апологія Вѣтковской церковной практики и обличеніе практики противниковъ. Подобно всѣмъ старообрядческимъ полемическимъ сочиненіямъ, въ особенности относительно церковной практики, оно обильно уснащено извлеченіями изъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ; между прочимъ здѣсь приводятся выписки изъ „Чиновника письменнаго, писаннаго во дни царя Іоанна Васильевича и свидѣтельствованнаго преосвященнымъ Макаріемъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ", Типика Чудова монастыря и святителя Христова Алексѣя чудотворца, писаннаго на хартіи, и Потребника письменнаго, „писаннаго священноинокомъ Варлаамомъ ѕцмн".

„Слово на прекословцевъ" написано довольно бойко и даже литературно. Начинается оно восхваленіемъ благъ мира и союза любви. „Ищяй Господа, обрящутъ разумъ съ правдою, и право ищущіи его, обрящутъ миръ. Истинно Бога любящіе и разумъ правъ имущіи, тые имутъ миръ Божій... Сего ради Христосъ глаголаше: миръ мой даю вамъ. Не единоже бо тако оружіе крѣпкое діаволу, якоже распря и вражда и брань... Аще же миротворцы сынове суть Божіи, новотворцы суть сынове діаволи. Явѣ развратницы разгласіемъ во твореніи воли Господни и повелѣніи его не пребываютъ, и тые мира Божія не имѣютъ, зане союза любви не хранятъ, но паче и раззоряютъ, небоящеся Бога". Указавъ далѣе на то, что „союзъ любви" разоренъ „отъ любоначалія и гордости", что ссоры и распри угрожаютъ сдѣлаться просто безконечными, авторъ „Слова" продолжаетъ: „Егда хощеши съ братомъ ополчатися, помысли, яко со узы Христовыми ополчаешися. А родословцы безконечные не токмо съ единымъ братомъ, но со многотысящными правовѣрными народы. Помысли, колякое число бывше въ Нижегородскихъ станахъ скитскихъ отецъ, священноиноковъ и иноковъ, и инокинь, и множество христіанскаго народа, и тако велію рать сотвориша, и того ради миръ Божій раздраша. А испрежде быша они согласны, потомъ преложишася и сами себе отъ согласія христіанскаго отсѣкоша. И не токмо со оными, но и здѣ св. обители со отцы и со Христіаны расочиняютъ

(sic), и церкви Божія весьма себе отлучають, и въ соединеніи съ правовѣрными не молятся и св. таинъ не причащаются". Въ другомъ мѣстѣ „Слова" отношенія діаконовцевъ къ Вѣтковцамъ и ихъ церкви обрисовываются еще ярче. „А противницы церковь Божію и преданія ея, чины и обычаи хулятъ и развращающе глаголютъ, яко нѣсть ко св. церкви притекающимъ и причащающимся св. таинъ спасенія, и спастися пребывающіи (въ ней) не могутъ того ради, яко каженіе обычное содержатъ. И сего ради во св. церкви безкровную жертву обычаемъ восточнаго православія непрестанно совершаемую не пріемлютъ, жертвою истинною быти не исповѣдуютъ и другимъ при православіи ея быти хотящимъ возбраняютъ. Еще на прелесть простого народа тайно письма всюду разсылаютъ, а въ нихъ многія хулы написуютъ сице. У Никоніанъ ходятъ по церкви, людей просто махаютъ кадиломъ, а не крестообразно. Такъ и у Вѣтковцевъ просто кадятъ, по церкви ходя, а крестообразно всѣхъ по уставу не кадятъ, якоже знаменается крестъ и прочая. Паки они же въ тайныхъ письмахъ написаша и сіе.. Никонъ съ прочими сказуя лгутъ: вси православніи до печатанія слова Өеодоритова треми первыми персты знаменалися никогда неизмѣнно. А Вѣтковцы лгутъ, рекуще: вси святіи прежде кадили, якоже у нихъ обычай имать. Но лжа обоихъ къ нимъ возвратится: лжа убо первый грѣхъ и ремество діаволе. И прочая пишутъ поругательно и хульно. И таковымъ злочестивымъ хуленіемъ многихъ христіанъ прельстиша и отъ св. церкви отлучиша". [1]). Въ числѣ этихъ прельщенныхъ указывается тотъ же Вѣтковскій инокъ Сергій, о которомъ шла рѣчь и на соборѣ 1727 года. Это повидимому тотъ же старецъ Сергій, который переписывался съ Вѣтковскимъ Иваномъ философомъ по вопросу о кажденіи и крестообразіи. О немъ здѣсь сдѣлано только слѣдующее краткое замѣчаніе. „Восхотѣша прельщеннаго и сея обители бѣглеца Сергія кадити яко патріарха трикрестнымъ каженіемъ".

Основная мысль „Слова на прекословцевъ"—та, что какъ Вѣтковскій обычай кажденія, такъ и вся Вѣтковская церков-

[1]) Между прочимъ изъ другихъ указаній того же источника противники Вѣтковскаго трикратнаго кажденія, называя его «простыми махи», прославленіе Св. Троицы въ каженіи представляли кощунственно начертаніемъ «яко тычины и плетеный огородъ», а «иные зѣло хулные висѣлицею...».

ная практика слѣдуетъ обычаю древлецерковному, апостольскому и св. отецъ,—обычаю, согласному уставу и прочимъ церковнобогослужебнымъ книгамъ, древлевосточной греческой и россійской церкви, а также и обычаю древнихъ отцовъ раскола Іова, Досиѳея, Іоасафа, Ѳеодосія и прочихъ всѣхъ. Не таковъ, съ точки зрѣнія автора „Слова," обычай „новоразвратниковъ". „А нынѣ явившіеся новоразвратники восхотѣша въ кажденіи и въ прочихъ дѣйствіяхъ церковный древній чинъ и обычай измѣнити, рекуще: яко не требѣ быти церковному обычаю и должно де обычай отставить, яко и хомонное пѣніе, понеже хомонное пѣніе и въ каженіи аще де и древній обычай, и то де въ Россіи содержаша за невѣденіе... Тоже во св. и великій день свѣтлаго Воскресенія, вмѣсто трикратнаго посолонь обхожденія, уставляютъ быти просту выходу въ сѣверныя двери [1])"...

Къ тому же приблизительно времени нужно отнести и „Вопросы со отвѣты на противныхъ" (новокадильниковъ), находящіеся вмѣстѣ съ „Словомъ на прекословцевъ" въ томъ же Хлудовскомъ сборникѣ. Это произведеніе Вѣтковцевъ отличается въ особенности ругательнымъ характеромъ. Здѣсь рѣшаются такіе вопросы: „Чесо ради новоотщепенцы, си есть новокадильники, съ православною церковію и со христіаны не согласуютъ? Что оные отщепенцы свое новое аще и введоша, то отчего они взяша: отъ писанія или отъ своего смышленія"? При разрѣшеніи послѣдняго вопроса авторъ ссылается на слова Максима Грека, выразившагося о древнихъ еретикахъ, что они „преполни бо бывши всякія земскія премудрости и ученія и отъ нихъ надменіи и препираемы блазнеными помыслы.., аки учителіе новаго и высокаго богословія"; но что въ послѣднія времена „власти сущіи всякого художества премудраго отнюдь не причастны... и божественныхъ писаней проходяще по чернилу, сокровенный въ нихъ умъ никакоже разумѣюще". Эту послѣднюю мысль авторъ прилагаетъ и къ „новоотщепенцамъ", которые также смыслъ писаній только „по чернилу проходяще, а сокро-

[1]) Въ другомъ мѣстѣ того же Слова сказано о томъ еще яснѣе: «Да оный же Тимоѳей Лысенинъ со единомышленники своими, презирая древнее церковное св. отецъ преданіе, въ день великій и свѣтлый Христова воскресенія вмѣсто трикратнаго посолонь обхожденія около церкви, уставляютъ быти просту выходу въ сѣверныя двери и противу солнца паки входятъ въ церковь безъ обхожденія».

веннаго разума неразумѣюще. И что о семъ дивно? И первые ихъ учители, попъ Димитрій не гражданской, а именно поселянской Галицкаго уѣзда. А прочіе ихъ учители и ученицы также не токмо риторскаго расположенія и богословскаго вѣдѣнія, но и писанія зрѣти по черниду зѣло невѣжды и неискусни; аще и мнятся быти разумни, но обьюродѣша". Подтвердивъ далѣе выписками изъ церковнаго устава, служебника и пр. правильность своего Вѣтковскаго „единовиднаго каженія", авторъ „Вопросовъ" обращается сначала къ новокадильникамъ, а потомъ „къ правовѣрнымъ" съ такими словами: „зрите слѣпотствующія отщепенцы, ся есть новокадильники, и прозрите и видите онуюю въ каженіи св. тайну, еже кадиломъ трижды и тѣмъ троичное число являетъ. А еже по вашему новому мнѣнію въ двократномъ, еже есть въ дву возводахъ, правѣ и преки, и ту являетъ двоицу и два лица, а третіяго лица во св. троицѣ не является, и сіе явленно св. церкви противное и самая богословная вина. Паки зрите правовѣрніи въ каженіи сицеву тайну: кадило есть человѣчество Христово, а огонь Божество, благоуханія дыма Духъ святый". Достается здѣсь и появившемуся въ то время среди мѣстныхъ представителей Діаконовскаго толка попу Патрикію. „А нынѣ новоявившійся тайный волкъ и хищникъ Христова стада, нѣкто раздратель церковный мнимый попъ со единомудренными своими написаша книжку и подаша во обитель, и въ ней написаша сице: Во св. церкви по преданію св. апостолъ и по обычаю восточныя и великороссійскія церкви творимое древнее трикратное каженіе, въ которомъ каженіи крестъ Христовъ за трисоставный знаменается и во образъ св. Троицы совершается и тридневное Христово Воскресеніе воспоминается, и то каженіе похули и злохульно написа простымъ маханіемъ и якобы отъ простыхъ маховъ ничего неосвященно, еще нечестиво приравниша къ рожнамъ и тычинамъ и къ плетеному огороду [1])"...

1) Споры о кажденіи, двусоставномъ и тричастномъ крестѣ и пр. между Вѣтковцами и Діаконовцами продолжались и во второй половинѣ XVIII в., но были болѣе уже спокойны, какъ видно изъ Лѣтописи Вѣтковской церкви Якова Бѣляева. Такъ подъ 5 мая 1780 г. лѣтописецъ замѣчаетъ: «Въ кельѣ у Ивана Яковлича иконника собрались мы (иноки и бѣльцы Покровской обители) поговорить нарочно о кажденіи какъ нашемъ, такъ и дьяконовскомъ, тожъ и о крестѣ двосоставномъ и睡чечасномъ, и сталси у насъ великой шумъ за тѣмъ что пятеро на пятеро споровались. Мы вызнавали о каженіи согласно,

Попъ Патрикій появился на Вѣткѣ въ началѣ третьяго десятилѣтія прошлаго вѣка. Въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ бывшей полковой стародубской канцеляріи, именно въ дѣлѣ о раскольническимъ лжеучителѣ Ѳеодорѣ Григорьевѣ Сусловѣ (1747—1757 гг.), онъ называется „вдовымъ попомъ Патракеемъ Патракеевичемъ". Вдовымъ попомъ называется онъ и въ дѣлѣ раскольника Ѳеодора Семенова Чопова, Болховскаго посадскаго, попавшагося 23 марта 1757 г. въ г. Хоролѣ въ руки духовной власти. 16 го іюля того-же года „въ консисторіи епископіи Черниговской" Чоповъ разсказалъ слѣдующее о своихъ сношеніяхъ съ попомъ Патрикіемъ. Тому будетъ 23 года, какъ „явился ему во снѣ нѣякійсь человѣкъ старый, волосами сѣдый, въ ветхой одеждѣ, и въ томъ явленіи приказалъ ему, Ѳеодору, дабы онъ отъ того времени крестился двоперстнымъ сложеніемъ... Потомъ, какъ-бы года съ два, когда былъ онъ, Ѳеодоръ, съ товаромъ по купечеству въ городѣ Орлѣ, случилось ему увидѣться въ томъ городѣ съ попомъ раскольническимъ Петрикіемъ Петрикіевичемъ вдовымъ (кой де нынѣ въ слободѣ Зыбкой, владѣнія жителя тоя слободы бурмистра Гаврила Еремѣева, зъ сыномъ своимъ Михаиломъ женатымъ на едномъ дворѣ живетъ),— объявилъ, каковое ему, Ѳеодору, было явленіе. То де онъ, Петрикей, сказалъ ему, Ѳеодору: хорошо де, когда таково тебѣ явленіе было; знать де за твое умоленіе. И подтвердилъ ему, чтобъ онъ, Ѳеодоръ, крестился двоперстнимъ сложеніемъ, а троперстнимъ бы сложеніемъ, какъ онъ, Ѳеодоръ, крестился преже раскола, будучи въ грекороссійской вѣрѣ, не крестился, да и въ церковь греческаго исповѣданія не входить приказалъ. И онъ де Ѳеодоръ, отъ него, Петракея, такъ отъ книгъ наставленъ расколъ..., что уже оного оставить никогда не желаетъ, хотя бы кто и отводилъ его отъ онаго раскола... Унего де попа Петрикея онъ,

со отцомъ Ѳеодосіемъ, который соборнѣ положилъ діаконовскихъ каженіе уставное, а наше обычайное и уставное, и свитокъ чли отца Ѳеодосія... Мы вычитывали равномѣрную силу какъ въ тречастномъ, такъ и въ двусоставномъ крестѣ...; оне воспящались сказать, что равносильное божественное дѣйство сіяетъ въ трesложномъ, такъ и въ двусоставномъ, ни сказовали, ни отказовали, только говорили, не такъ. Однако иные изъ нихъ признались и помякли... Дѣт. л. 69 74—75, 80. Въ это время, особенно во время такъ называемыхъ мазанскихъ споровъ, являются попытки полнаго примиренія Вѣтковскаго согласія съ Діаконовскимъ, напр. въ Зыбкой. Jbidem, л. 72.

Ѳеодоръ, дважды и исповѣдывался, святымъ же таинамъ ни единожды, какъ вступилъ въ расколъ, не сообщался"...

Какъ смотрѣли на поповскую правоспособность попа Патрикія Вѣтковцы, мы видѣли выше; оказывается, по Вѣтковскимъ даннымъ, что въ то время, какъ было писано такъ называемое „Возообъявленіе Вѣтковскаго монастыря", о которомъ уже говорилось, попъ Патрикій „еще *въ благочестіи* ни единыя литоргіи не пѣвалъ, и не токмо о людехъ, но и о себѣ во св. церкви въ литоргіи по благочестію жертвы не приношивалъ"... По всей вѣроятности этотъ Вѣтковскій отзывъ о попѣ Патрикіѣ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ не получилъ права по раскольничьи священнодѣйствовать отъ Вѣтковскаго монастырскаго настоятеля, каковое право Вѣтковскій Покровскій монастырь присвоилъ себѣ со времени Ѳеодосія Ворыпина, что это былъ только пришлый отъ великороссійской церкви попъ, но еще неисправленный по вѣтковски „во благочестіи [1])".

Первоначально Патрикій поселился въ заграничной раскольничьей слободѣ Вылевой. Здѣсь до него, по показанію переселившагося въ 1722 г. изъ Поволожья на Вѣтку раскольника Василья Мелентьва Пономарева, жилъ Діаконова согласія черный попъ Андрей [2]). Изъ Вѣтковскихъ указаній извѣстно, что въ 1725 г., въ бытность свою на Вѣткѣ, попъ Патрикій вручилъ „черезъ Еремѣя Семенова нѣкоторому человѣку тетради", а потомъ, еще до Вѣтковскаго собора 1727 г. противъ Діаконовцевъ, онъ подалъ въ Вѣтковскій Покровскій монастырь „Книжку за руками", въ которыхъ доказывалъ, что Діаконовцы правильно „осѣняютъ кадиломъ правѣ и преки", что „видимо знаменіе Креста Христова въ крещеніи и на ризахъ въ церкви святѣй" (Слово на прекословцевъ). Кромѣ того въ поданной Вѣтковскимъ отцамъ „книжкѣ" онъ старался поколебать ихъ

---

[1]) Практика пріема великороссійскихъ поповъ на Вѣткѣ была неодинакова. Былъ даже случай, что одного такого пришлаго священника Вѣтковцы перекрестили, а чтобы «перекрещенный попъ не лишился священства, то прежде одѣли оного во все полное священническое облаченіе, и тако попа погрузили въ воду, который послѣ сего и оставался въ первомъ санѣ». Со временемъ были выработаны болѣе опредѣленныя формы пріема, хотя и не у всѣхъ представителей Вѣтковщины одинаковыя. См. о нихъ у Журавлева, ч. III, стр. 11—15.

[2]) Полн. собр. пост. о расп. по вѣд. прав. Исп. т. IV № 1323, показаніе 6-е Ср. Ист. изв., ч. III, 4—7.

„церковный обычай“ и сравнивалъ этотъ послѣдній „съ эллинскимъ обычаемъ“, обнаруживая въ своихъ соображеніяхъ значительную начитанность въ древнерусской церковной письменности. Между прочимъ здѣсь онъ говоритъ: „Таково убо крѣпко есть многовременный обычай; о семъ убо глаголетъ Великій Василій сице: обычаи бо многимъ временемъ утвердився естества крѣпость пріемлютъ. И св. Іоаннъ Златоустъ глаголетъ: и да навыкнеши, колико обычаю есть крѣпость: Божіимъ заповѣдемъ одолѣ многажды. И что глаголю заповѣдемъ? Самымъ убо благодѣяніемъ; ибо Іудеи имуще манну, чеснока искаху, и свободу пріимше, работу воспоминаху и Египта часто искаху обычая ради: тако есть обычай мучительная вещь. Коликихъ же и нынѣ зримъ человѣковъ отъ предпріятаго мнѣнія въ нечестіи содержимы, и благословное уже ничтоже имуще вины! Егда потязаеми бываютъ, Еллины суще, отцы же и дѣды и прадѣды во извѣтъ предлагающе. Сего ради и нѣцыи отъ внѣшнихъ второе естество обычай нарекоша...“ Особенно не понравилось Вѣтковскимъ отцамъ и учителямъ сравненіе ихъ церковнаго обычая съ эллинскимъ, какъ показываетъ „Слово на прекословцевъ“, откуда мы заимствовали и вышеприведенное мѣсто изъ „книжки“ попа Патрикія. Авторъ „Слова“ называетъ это сравненіе „злохульнымъ“, „веліей злобой“, „пагубной дерзостью“ и т. д.

Въ то же время, по словамъ того-же Вѣтковскаго источника, Патрикій „въ потаенной книжкѣ о раздѣленіи своемъ“ и „на правовѣрныхъ въ укоризну“ писалъ: „Како убо не раздѣлимся тѣхъ, аще вмѣсто спасенныя печати креста Христова инако знаменуютъ крестомъ, кадиломъ, кропиломъ... Явно убо яко гордятся и любоначалія недугомъ болятъ, нехотяще покоритися написаннѣй правдѣ крестной, тѣмъ и церковь Христову раздѣляютъ, не боящеся Бога“. Эти слова довольно наглядно показываютъ, куда клонились стремленія попа Патрикія. Очевидно, что истинною и движущею цѣлью его дѣйствій было желаніе формально отдѣлиться отъ самозванной Вѣтковской церкви, стать во главѣ недавно утвердившагося на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ пришлаго съ Поволожья толка, чтобы потомъ и замѣнить этимъ послѣднимъ сравнительно старый Вѣтковскій толкъ. И эта цѣль, въ концѣ концовъ, была Патрикіемъ въ значительной мѣрѣ достигнута: онъ пользовался вліяніемъ и авторитетомъ какъ среди Стародубско-Вѣтковскихъ діаконцевъ, такъ и болѣе отдаленныхъ зарубежныхъ, напримѣръ, побужскихъ и

даже Бессарабскихъ и Молдавскихъ, какъ увидимъ далѣе. Діаконовщина въ это время значительно усилилась на счетъ Вѣтковскаго поповщинскаго толка и играла довольно замѣтную роль во всѣхъ вопросахъ, тревожившихъ русское старообрядство въ XVIII в., напр. въ вопросѣ объ исканіи архіерейства и пр.

Литературная дѣятельность попа Патрикія высоко цѣнилась его послѣдователями. Въ „Книжицѣ о каженіи" литературная борьба его съ Вѣтковскими учителями приравнивается къ литературной дѣятельности діакона Александра, защищавшаго старообрядство (при посредствѣ Андрея Денисова) отъ обличеній Нижегородскаго епископа Питирима [1]). „О сложеніи перстовъ крестнаго знаменія отъ св. писанія, греческихъ и россійскихъ св. отецъ, и отъ чудотворныхъ древнихъ честныхъ иконъ, сто свидѣтельствъ", говорится здѣсь, „подаде *блаженный Александръ діаконъ* Питириму епископу и прочимъ властемъ... Такоже и о крестообразіи, еже творятъ священній крестъ кадиломъ, согласно же и прочими вещми, тридесятъ свидѣтельствъ, а во вторые вкратцѣ двანадесять свидѣтельствъ подаде священный отецъ Патрикій на увѣщеніе Вѣтковскимъ учителемъ: отъ устава божественныхъ восточныхъ и отъ прочихъ святыхъ писаній, имъ же есть болши тысящи лѣтъ, отнележе написаша святіи. Како сами творили, тако и церкви святѣй предали творити" (согласіе 14). Далѣе въ 18-мъ согласіи, между прочимъ,

[1]) Переписка діакона Александра и братіи съ игуменомъ и потомъ еп. Питиримомъ въ 1716 г. въ рукоп. гр. Уварова въ 4°, № 476. Наиболѣе интересно письмо съ приложеніемъ 240 вопросовъ, въ которомъ раскольники громко, во-всеуслышаніе объявляли, что православные—то они, а прочіе всѣ раскольники, или что виновниками раздора были не они, а церковь русская. «Діаконовы отвѣты» на 130 вопросовъ Питирима, какъ и вышеуказанное письмо съ приложеніемъ 240 вопросовъ, приписываются перу Андрея Денисова. О вопросахъ въ раскольникамъ и отъ раскольниковъ, съ описаніемъ бесѣды Питирима съ раскольниками въ селѣ Пафнутовѣ, Балахонскаго у., писанныхъ уставомъ и скорописью, за подписями Питирима и его собесѣдниковъ и пр. см. Опис. док. син. арх. II, № 963—692, ст. 213, 214; Прилож. VI (64). Зап. А. Б. ч. II, стр. 139. Соч. Ливанова, т. IV, прилож. стр. 12. Ист. рус. раск. Макарія. 340. Сахаровъ Н.: Дѣятельность Питирима противъ раскола. Странникъ, 1886, августъ, стр. 549—567. Ср. наше Оп. рки. Черн. сем. биб. (Спб. 1880). Стр. 149—150.

высказывается и такая мысль, что какъ „Никоніане взяша многая разумѣнія отъ священнаго отца Александра (діакона) и отъ прочихъ христіанъ свидѣтельства отъ божественныхъ писаній о сложеніи перстовъ и о прочихъ многихъ догматѣхъ церковныхъ, такоже и Вѣтковскіе учители многая взяша разумѣнія отъ священнаго отца Патрикія... о крестообразіи церковномъ. Но не вѣдаютъ бо тіи обои по писанію, еже взяша, еще и прочимъ возбраняютъ, а православно мудрствующихъ паки оклеветаютъ"... (лл. 48—49).

Благодаря личному вліянію попа Патрикія и славѣ, пріобрѣтенной имъ у раскольниковъ, Діаконовщина значительно усилилась во второй четверти XVIII в. на счетъ Вѣтковскаго толка какъ на Вѣткѣ, такъ и въ Стародубьѣ. Но все таки послѣдній на столько былъ силенъ и укоренился здѣсь, что, не смотря на огромный авторитетъ Патрикія, какъ представителя Діаконовщины, послѣдняя въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ всегда оставалась въ меньшинствѣ сравнительно съ Вѣтковскимъ толкомъ по количеству послѣдователей, какъ сознавались и сами Діаконовцы. Характеристично въ этомъ отношеніи высказывается авторъ „Книжицы о каженіи" въ своемъ 20-мъ согласіи. „Никонъ съ прочими хвалятся многолюдствомъ, а наипаче же архіереями и преукрашенными и златоверхими церквами, пѣвчими же и звоны превеликими. Таковыми же вещми и римскій папа съ прочими хвалится... Такъ и Вѣтковцы хвалятся стѣнною церковію и многолюдствомъ, аще и малая частица при оныхъ суть. Но вѣдущіи превеликія ихъ и богомерзскія хулы обоихъ: овыхъ на сложненіе перстовъ и на прочая церковныя преданія, а овыхъ на крестообразное и на трикрестное каженіе и безчеловѣчное руганіе (на полѣ: хуленіе) на христіанъ и видящіи триуголное ихъ знамя крестомъ..., и простомаханіе кадиломъ и безчинное ихъ многогласіе въ каноиѣхъ, и за прочія ихъ любоначалніи и своеобычные нравы, не общаются съ ними, аще и мали суть"... Пришлые великороссійскіе попы, увлекавшіеся сначала діаконовскимъ толкомъ, находили потомъ невыгоднымъ для себя оставаться въ немъ по недостаточному количеству пасомыхъ. Въ „Книжицѣ о каженіи" разсказывается о такомъ пришломъ попѣ, который „прежде съ православно мудрствующими (т. е. Діаконовцами) пребывалъ и наученъ былъ отъ св. писанія: кадилъ правѣ и преки, якоже знаменуемъ крестъ рукою и прочими вещми, и о хулникахъ онаго крестообразнаго каженія

добрѣ позналь, и хульныя ихъ письма лживыя на христіанъ прочитая свѣдалъ, и о всемъ томъ книга написана отъ православныхъ о крестѣ и о крестообразномъ кажепіи святомъ и подана за руками отецъ Вѣтковскимъ учителемъ. Къ той книзѣ и оный священникъ руку приложилъ. А послѣди сего оный попъ, возлюби славу и честь свѣта сего, отступилъ отъ крестообразія творимаго кадиломъ..., и присталъ къ хульникамъ сицева каженія, и началъ творити кадиломъ и крестомъ и кропиломъ инако, противно кресту Христову, и христіанъ поносити". (Согласіе 6-е, лл. 16—17). Въ побужскихъ раскольничьихъ слободахъ и въ Волощинѣ во второй четверти XVIII в. діаконовщина повидимому преобладала надъ Вѣтковщиной. Протоіерей Журавлевъ разсказываетъ, что когда лжеепископъ Аѳиногенъ дѣйствовалъ въ Волощинѣ, то къ нему пріѣзжали „отъ Вѣтковцевъ со ставленниками въ попы и діаконы, которыхъ Аѳиногенъ и посвящалъ; но при посвященіи въ угодность Вѣтковцамъ началъ было по Вѣтковски кадить троекратно, за что въ народѣ сдѣлался мятежъ"... Діаконовцы ни за что не хотѣли уступить своего крестовиднаго кажденія, и самозванецъ принужденъ былъ измѣнить свой образъ дѣйствія: „оставя Вѣтковское кажденіе, кадилъ по діаконовски". „Что касается собственно Стародубья, то здѣсь Діаконовцы болѣе или менѣе преобладали въ XVIII в. надъ другими толками и главнымъ образомъ надъ Вѣтковскимъ только въ двухъ слободахъ изъ 17: Зыбкой и Злынкѣ; въ остальныхъ слободахъ представители этого толка если и были, то считались почти единицами, за исключеніемъ Деменки и Еленки, гдѣ во второй половинѣ XVIII в. мы находимъ даже часовни діаконовскаго согласія. О спорахъ съ Діаконовцами въ Стародубскихъ слободахъ, въ особенности въ сл. Зыбкой и въ Клинцовскомъ Покровскомъ монастырѣ, во второй половинѣ XVIII в., много весьма интересныхъ свѣдѣній сообщается въ Лѣтописи Вѣтковской церкви Якова Бѣляева. Тамъ же есть указанія, что заграничные Діаконовцы въ началѣ 80-хъ годовъ также искали себѣ архіерея [1])...

---

[1]) Полн. ист. изв. о раскольникахъ протоіерея А. І. Журавлева. Изд. 2, ч. IV, стр. 15, 24, 33, 40, 71, 73—74, 80.—Лѣт. Вѣтк. церкви Як. Бѣляева—ркп. нашей библ., лл. 69—70, 72—74, 80, 84, 86, 90, 100 об., 109, 113, 126 об., 127—128, 130 об., 131, 138 об., 150, 154.

Особенно усилилось вліяніе и распространялась среди старообрядцевъ слава попа Патрикія послѣ первой Вѣтковской выгонки 1735 года, когда Вѣтковскій старообрядческій монастырь, какъ одинъ изъ главныхъ притоновъ поповщинскаго раскола, былъ разрушенъ, а Вѣтковскіе монахи, монахини и попы были въ большинствѣ разосланы по разнымъ великороссійскимъ православнымъ монастырямъ. Сравнительно не многіе Вѣтковскіе иноки и попы не были захвачены русской командой, состоящей изъ пяти полковъ; но и эти счастливцы принуждены были бѣжать, хоть на нѣкоторое время, въ болѣе или менѣе отдаленныя отъ русской границы заграничныя мѣста Польши и Турціи. На Вѣткѣ настало тогда „великое оскудѣніе священства". Правда, Вѣтка скоро оправилась отъ разгрома 1735 г.; черезъ годъ или два на Вѣткѣ снова стали появляться разбѣжавшіеся старообрядцы, а черезъ 5 лѣтъ, по словамъ Журавлева, „проворные Вѣтковцы совершенно оную населили и представили Вѣтку почти въ первомъ видѣ". Но прежнимъ духовнымъ центромъ Вѣтка сдѣлалась не раньше 1758 г., когда здѣсь была устроена и освящена чернецомъ Валеріаномъ снова церковь во имя Покрова Богородицы. Между тѣмъ Вылевскій попъ Патрикій какимъ-то образомъ уцѣлѣлъ въ моментъ разгрома Вѣтки и окружающихъ ее раскольничьихъ поселеній. Нѣкоторое время онъ оставался чуть-ли не единственнымъ попомъ среди оставшихся въ окрестностяхъ Вѣтки раскольниковъ, не тронутыхъ русскими войсками. Это обстоятельство не могло не усилить вліянія и авторитета попа Патрикія, стоявшаго тогда во главѣ Стародубско-Вѣтковской Діаконовщины; оно-же дало возможность распространить это вліяніе и далѣе. Онъ пріобрѣлъ при этихъ условіяхъ такую извѣстность, что его называли даже „патріархомъ". „Ежели гдѣ требовалися попы", говоритъ протоіерей Журавлевъ, „онъ вездѣ съ своею апробаціею оныхъ разсылалъ. Слава о немъ протекала во всей поповщинѣ безмѣрная, и дѣла во всей Діаконовщинѣ зависѣли отъ его рѣшенія". „Честь отъ народа", продолжаетъ онъ далѣе, „имѣлъ онъ апостольскую, каковой ни прежде, ни послѣ никто не видывалъ". Повсюду разсылалъ онъ увѣщательныя и обличительныя посланія; отовсюду изъ-за рубежной поповщины обращались къ нему, какъ нѣкоему правителю духовныхъ дѣлъ, ближайшіе и отдаленные старообрядцы—слобожане за назначеніемъ къ нимъ поповъ, за причастьемъ и „утѣшеніемъ

отъ духовныхъ печалей"; онъ же разбиралъ споры между міря-нами и попами и судилъ ихъ между собою [1]).

По словамъ П. И. Мельникова, попъ Патрикій въ 1739 г. переселился изъ заграничной въ то время Вылевой слободы въ Стародубье, именно въ раскольническую слободу Зыбкую, нынѣшній городъ Новозыбковъ. Чѣмъ было вызвано это переселеніе—неизвѣстно [2]). Поселился же онъ въ Зыбкой при часовнѣ діаконовскаго толка, на мѣстѣ которой, не ранѣе однако-же 1771 года, построена была формально церковь Рождества Христова. Изъ дѣла Кіевской губернской канцеляріи о Злынскомъ обывателѣ Савинѣ Памфиловѣ, устроившемъ въ 1767 г. на Малиновомъ островѣ при р. Ипути церковь *„не церковеннымъ образцомъ, но часовенную"*, видно, что у Памфилова „послѣ отца его духовнаго, жившаго въ описной слободѣ Зыбкой, Патрикія", былъ и антиминсъ, имѣвшій свою исторію. По разсказу Памфилова антиминсъ этотъ попалъ къ Патрикію „послѣ разоренія бывшей въ Волоской землѣ въ городѣ Гирлевѣ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, освященной по старопечатнымъ книгамъ прежняго содержанія, именуемаго раскольническаго [3])". Относительно времени построенія самой церкви въ показаніи Памфилова сказано, что „она тамъ была построена съ дозволенія Волоскаго господаря Георгія и свидѣтельствована Іерусалимскимъ патріархомъ Хрисанфомъ; а разорена въ 1740 г. во время имѣвшихся тамъ россійскихъ полковъ [4])". Вотъ какимъ священнымъ сокровищемъ, по словамъ Савина Памфилова, обладалъ попъ Патрикій!

---

[1]) Полн. ист. изв. ч. IV, стр. 15.

[2]) Ист. оч. поповщ. ч. I, стр. 158. На какихъ данныхъ основано это свѣдѣніе о переселеніи п. Патрикія въ Зыбкую именно въ 1739 г., здѣсь не указывается. Въ дѣлѣ о сыскѣ и взятіи въ слободѣ Зыбкой раскольничьяго попа Патрикія 1753 г. Зыбковскіе раскольники говорили между прочимъ, что Патрикій жилъ здѣсь еще до того времени, когда «полковникъ Стародубскій Радищевъ въ раскольничьихъ слободахъ поповъ пронскивалъ», т. е. приблизительно въ 1738—1739 годахъ. А. М. К. при Х. Ун. № 6673.

[3]) Вѣроятно искаженное названіе города *Хирлеу*, цынута Батошанскаго, гдѣ было значительное старообрядческое и богатое общество.

[4]) Кіев. центр. архивъ, св. дѣлъ религіозныхъ. См. дѣло Кіев. губ. канц. о церкви и монастырѣ въ раскольническихъ слободахъ

Понятно, что такая святыня, истинная или ложная—все равно, въ рукахъ хитраго и ловкаго раскольничьяго попа и въ глазахъ невѣжественной раскольничьей массы должна была имѣть огромное значеніе, не только какъ святыня сама по себѣ, но какъ средство привлеченія толпы и какъ свидѣтельство истинности „гонимаго благочестія". Понятно, что не даромъ про Патрикія ходила молва, что у него большой запасъ стараго причастья; не даромъ къ нему обращались за причастьемъ изъ довольно отдаленныхъ отъ Стародубья заграничныхъ расколь-

1767—68 г., по показанію Калужскаго купца Сергѣя Шмелева, на 46 листахъ, № 32. Церковь, устроенная Памфиловымъ, была освящена въ сентябрѣ 1767 г. вышедшимъ изъ Польши черезъ Вышковскій форпостъ для поселенія на Иргизѣ іеромонахомъ *Веніаминомъ*; въ ней отправлялась и литургія, «если случался священникъ». Въ коношеніи за № 1852-мъ, отъ 20 ноября 1767 г., по запросу Кіев. губ. канц., Волостная контора отвѣчала, что 9 ноября отъ Злынковскаго войта Ивана Говядина представлено въ контору о церкви небольшой Савина Памфилова, и что для освидѣтельствованія ея ѣздилъ бурмистръ и находящійся при конторѣ Кіевскаго батальона сержантъ съ данною имъ инструкціею, и что служба въ новоосвященной церкви совершается какъ и въ Климовской вывезенной изъ Вѣтки въ 1765 г., т. е. по старопечатнымъ книгамъ. Губернская канцелярія о той и другой церкви 28 февраля 1768 г. донесла св. Синоду, а последній Сенату. Сенатъ рѣшилъ поднести императрицѣ докладъ, что онъ согласенъ съ св. Синодомъ относительно уничтоженія двухъ вышеозначенныхъ слободскихъ церквей, чтобы отъ нихъ правовѣрнымъ смущенія и развращенія послѣдовать не могло. Журналы Сената 9 іюня 1769 г. Собраніе постановленій по части раскола, 1, 655, 660. Соловьевъ, С. М. Ист. Рос. т. 29, царств. им. Екатерины II, т. 5, стр. 129—130. Памфиловъ такъ мотивировалъ свое незаконное дѣло: «Для того онъ, Памфиловъ, къ навершенію христіанскаго закона, по своему намѣренію, самъ собою, ни съ чьего согласія, для только единаго своего пустынножительства, а не для приходящаго народа сдѣлалъ съ перегородкою въ серединѣ олтаря однимъ иконостасомъ означенную церковь и поставилъ въ ней съ показаннымъ антиминсомъ престолъ, чтобы, въ случаѣ набожности его, безъ чего христіанской должности обойтись невозможно, по прилучаю священнику отправить въ оной церкви божественную литургію и прочее священнослуженіе»... Онъ-же показалъ, что построилъ церковь безъ дозволенія по слабому своему разсужденію, а не по умыслу.

ничьихъ поселеній, какъ напр. жители главной побужской раскольничьей слободы Борской [1]).

Во время своей Зыбковской дѣятельности Патрикій пользовался уже громаднымъ вліяніемъ среди мѣстныхъ раскольниковъ-слобожанъ, главнымъ образомъ, конечно, діаконовскаго толка. Онъ былъ тогдашнею старообрядческою извѣстностью въ поповщинѣ, и не только на Вѣткѣ и по Стародубскимъ слободамъ, но и далеко за ихъ предѣлами. Благодаря Патрикію, слобода Зыбкая сдѣлалась въ это время какъ-бы метрополіей діаконовскаго толка, какъ впослѣдствіи, во второй половинѣ XVIII в., центромъ діаконовщины въ Стародубьѣ былъ извѣстный Малиноостровскій діаконовскій монастырь [2]). Въ извѣстныхъ своихъ посланіяхъ изъ этого времени, напечатанныхъ протоіереемъ Журавлевымъ въ его „Историческомъ извѣстіи о раскольникахъ" (ч. IV), Патрикій величалъ самъ себя не иначе какъ „благодатію Бога Спаса нашего І. Христа іерей обрѣтающейся въ Стародубскихъ слободахъ и по области Польскаго королевства церкви". Весьма характерно его посланіе въ главную побужскую слободу Борскую, въ которомъ онъ рекомендовалъ извѣстнаго самозванца Аѳиногена, перешедшаго въ расколъ съ такимъ именемъ, какъ пастыря, посылаемаго имъ на утѣшеніе духовныхъ печалей тамошнихъ слобожанъ. Въ немъ онъ такъ

[1]) Въ Подоліи по берегамъ рѣкъ Буга и Днѣстра были слѣд. слободы: Борская, Курникъ, Краснянка, Ефимовка, Перепеличье, Чернятинъ, Жуковцы, Петроши, Женишковцы, Людовско, Матвѣйковская, Пеньковка, Бушинка, Сорокодубье, Шуры (по Бугу), Ставучаны, Хребтовка или Хребтѣевка, Хилиноны, Кулишовка, Грубное, Вѣтрянка, Чобурчи (по Днѣстру).

[2]) О томъ, что во второй половинѣ XVIII в. Малиноостровскій монастырь былъ центромъ діаконовщины въ Стародубскихъ слободахъ, говоритъ извѣстный раскольничій писатель того времени Я. Ст. Бѣляевъ въ «предувѣдомленіи» къ своему сочиненію: «Путь истинный, пресвѣтлый и нелестный, ведущій любимца старинныхъ обрядовъ къ познанію единыя св. соборныя и апостольскія церкве»... Здѣсь-же онъ говоритъ, что «церковь діаконовская отдѣлилась отъ Вѣтковской за крестоводное кажденіе чрезъ діакона Александра еще на Вѣткѣ въ лѣто АХЧѲ-е, что она имѣетъ особливое собраніе діаконовыхъ «въ монастырѣ на Малиновомъ островѣ»... Рко. Хлуд. библ. № 292, по описанію А. Попова, л. 2 об. О томъ-же онъ говоритъ не разъ и въ своей Лѣтописи Вѣтковской церкви.

убѣждалъ Борскихъ старшинъ принять посылаемаго имъ самозваннаго пастыря, бывшаго до перехода въ расколъ только іеродіакономъ въ Воскресенскомъ монастырѣ или такъ называемомъ Новомъ Іерусалимѣ: „Господамъ моимъ, предавшимъ себѣ за свидѣтельство Ісусъ Христово, Пимену Ивановичу, Ивану Кондратьевичу и всѣмъ православнымъ христіяномъ слободы Борской благодать Божія и благословеніе да умножатся. Извѣстившеся чрезъ посланнаго отъ васъ, раба Божія Марка, съ писаніемъ на Вѣтку, яко зѣльнѣ народъ жаждетъ священника, на утѣшеніе духовныхъ вашихъ печалей, обрѣтше священноинока Аѳиногена, посылаемъ вамъ въ пастыря, котораго для нѣкоторыхъ нуждъ, понеже должно послати въ великую Россію, того ради какъ пріидетъ время, молю васъ самого дѣля Христа Господа, ему споспѣшествуйте. Самого-же его, яко мою утробу пріимите, повинующеся во страсѣ Божіи; несомнѣнно-бо уповаемъ, яко егда получите его, и дѣло православнаго ученія и послуженія со страхомъ Божіимъ будетъ въ васъ содѣлываемо"... Еще типичнѣе другое посланіе Патрикія, писанное имъ по тому же поводу и отправленное съ тѣмъ-же самозваннымъ пастыремъ Аѳиногеномъ въ разные разсыпанные за границею Діаконовскіе скиты и слободы. Въ этомъ послѣднемъ, обращаясь ко „всѣмъ православнымъ христіанамъ всякого чина, возраста и званія, терпящимъ изгнанія Бога ради и вѣры православно-каѳолическія, живущимъ-же по обоимъ странамъ Днѣпра рѣки", Патрикій просилъ принять рекомендуемаго имъ самозванца „во общее утѣшеніе... съ любовію и радостію; и аще пребудетъ во благочестіи, и здравомъ ученіи, и въ житіи незазрѣннѣмъ, во всемъ ему повиноватися, и послушаніе воздавати и ничѣмъ же не оскорбляти; но паче почитати, да сами почтени будете отъ Бога". Въ частности, обращаясь къ настоятелю Пахоміево-діаконовскаго монастыря (о немъ см. выше), черному попу Игнатію съ братіей, Патрикій выставлялъ Аѳиногена какъ посланнаго свыше „духовнаго пастыря". „Слышахомъ, писалъ онъ, васъ болѣзнующихъ лишеніемъ духовнаго пастыря и отца (вѣроятно Пахомія, основателя монастыря, только что передъ тѣмъ умершаго); болѣзнь вашу съ нашею соединяемъ и купно состраждемъ и зѣльнѣ соболѣзнуемъ... дотолѣ страдохомъ и рыдахомъ, доколѣ всеблагій промышленникъ не услыша насъ, и плача нашего не остави бездѣльно возвратитися въ нѣдра наша, и не посла въ общее утѣшеніе ваше и наше, *аки свыше*, свя-

щенноинока Аѳиногена. Того получивше, отрохомъ слезы наша, зане обрѣтохомъ и православно мудрствующа, и готова суща, рекше послушествовати къ вамъ, его же абіе и послахомъ". Въ заключеніе посланія стародубскій „патріархъ" обращался къ заграничнымъ слобожанамъ съ такимъ общаго характера словомъ назиданія: „Самимъ же вамъ, чадца, заповѣдаемъ жити православно, то есть евангельски, да имя Божіе вами не похулится во языцѣхъ: на молитву выну ходити, пастыря своего почитати, не упиватися, не лихоимствовати, чужихъ не желати, чистоту супружескую и дѣвственную соблюдати, и по преданію св. отецъ нашихъ, иже въ Россіи за благочестіе древнее пострадавшихъ, вѣровати". Вотъ какія посланія разсылалъ Патрикій изъ слободы Зыбкой въ 1750 г. Видно, что одаренный отъ природы даромъ краснорѣчія и умомъ, Патрикій въ извѣстномъ смыслѣ не лишенъ былъ и слова учительнаго, на сколько это было ему нужно, чтобы быть руководителемъ своихъ пасомыхъ.

Не повредила славѣ и вліянію Патрикія среди старообрядцевъ и соблазнительная исторія самозваннаго раскольничьяго епископа Аѳиногена, бывшаго іеродіакона Воскресенскаго монастыря Амвросія. Судьба свела его съ этимъ проходимцемъ въ 1749 г. въ Зыбкой, когда послѣдній задумалъ объявить себя епископомъ, и явился сюда, чтобы привлечь на свою сторону вліятельнаго Патрикія и сдѣлать его участникомъ свихъ замысловъ. Цѣль эта была скоро достигнута. Ловкій и сановитый монахъ, обладавшій извѣстною ученостью, краснорѣчіемъ и знаніемъ церковнаго устава, такъ понравился стародубскому „патріарху" за свой бойкій умъ и обширныя свѣдѣнія, а главнымъ образомъ за свою показную набожность и напускное подвижничество, что онъ полюбилъ его какъ сына и въ простотѣ душевной говорилъ, что „его самъ Богъ ровно съ небесъ послалъ къ намъ". Добродушный старикъ прочилъ Аѳиногена себѣ въ преемники. Немудрено, что при такихъ условіяхъ проходимецъ—пришлецъ скоро пріобрѣлъ большую извѣстность среди какъ стародубскихъ, такъ и заграничныхъ слобожанъ—раскольниковъ; рекомендація Патрикія сдѣлала то, что всѣ заграничные старообрядцы принимали его съ большимъ почетомъ. Поселившись въ Борской слободѣ и освятивъ тамъ построенную церковь на принесенномъ имъ же антиминсѣ, Аѳиногенъ привлекъ къ себѣ особенное вниманіе и уваженіе всѣхъ жителей побужскихъ слободъ, до сихъ поръ не имѣвшихъ церкви. Положеніе старообрядческаго свя-

щенноинока уже неудовлетворяло честолюбиваго монаха: онъ объявилъ себя самозваннымъ епископомъ Лукой, сочинивъ при этомъ легенду о хиротоніи отъ сибирскаго митрополита Антонія и о своемъ пребываніи „при нѣкоемъ великоважномъ темничникѣ" (Іоаннѣ Антоновичѣ). Скоро молва о новоявившемся епископѣ распространилась по всѣмъ зарубежнымъ старообрядческимъ общинамъ и среди раскольниковъ сосѣдней Молдавіи, куда скоро бѣжалъ и самозванный епископъ. Въ Яссахъ удалось ему убѣдить господаря и митрополита, что онъ дѣйствительно русскій епископъ; мало того, господарь для свободнаго проѣзда его въ польскія владѣнія и обратно въ Молдавію далъ ему особую грамоту. Аѳиногенъ сдѣлался героемъ дня среди зарубежныхъ старообрядцевъ—поповцевъ; изъ Волощины и Польши пріѣзжали къ нему для поставленія поповъ, испрошенія мура и антиминсовъ. Слава и богатство его росли не по днямъ, а по часамъ. Но скоро пошли изъ Стародубья другіе слухи, невыгодные для Аѳиногена, что онъ не Аѳиногенъ и не Лука, не епископъ, даже не попъ, а іеродіаконъ Амвросій, ех—ключарь новоіерусалимскаго монастыря, и при томъ еще проворовавшійся. Это было въ 1753 г. Положеніе авантюриста сдѣлалось критическимъ и весьма опаснымъ: прежніе покровители рѣшительно отшатнулись отъ лжеепископа, а ревностнѣйшіе хранители стараго обряда не двусмысленно высказывались въ томъ смыслѣ, что самозванца слѣдуетъ убить за произведенный соблазнъ среди ревнителей древляго благочестія, или же схватить и выдать русскому правительству. При такихъ условіяхъ Аѳиногенъ поступилъ рѣшительно: „услыша многое на него отъ раскольниковъ роптаніе, изъ Волощины въ польскій пограничный городъ Каменецъ-Подольскій бѣжалъ, и, оставя тамъ епископскій чинъ, принялъ католицкій расколъ и записался въ томъ городѣ въ гарнизонъ жолнеромъ, а нынѣ находится капитаномъ и посланъ оттуда въ Краковъ, гдѣ и до сего времени жительство имѣетъ съ женою и съ дѣтьми"... (Донош. коллегіи иностр. дѣлъ св. Ѳиноду, отъ 27 мая 1757 г.)[1]). Такова соблазнительная исторія втораго старообрядческаго епископа.

Еще въ бытность свою въ слободѣ Борской Аѳиногенъ познакомилъ Патрикія съ своими замыслами относительно мнима-

[1]) Подробности см. въ «Ист. изв. о раскольникахъ» Журавлева, ч. IV, стр. 23—46; Мельниковъ, Оч. попов. ч. 1, гл. V.

го епископства, убѣждалъ его пріѣхать въ Борскую и принять отъ него архіерейскую хиротонію, какъ и Зыбковскаго уставщика Григорія Яковлева и другихъ вліятельныхъ стародубскихъ ревнителей стараго обряда. Умный Патрикій, видавшій на своемъ вѣку многіе виды, не дался въ обманъ: онъ навелъ, гдѣ слѣдовало, справки о личности Аѳиногена и обличилъ самозванство новопоявившагося епископа. Въ письмѣ по этому поводу къ Аѳиногену Патрикій писалъ: „пречестному отцу Аѳиногену лицеземное поклоненіе. Вѣдомо ти буди, писаніе ваше чрезъ старца Митрофана и другое, нынѣ чрезъ посланнаго вашего человѣка, я получилъ, въ которыхъ о себѣ объявляешь и Бога свидѣтеля поставляешь, что сущая истина, и желаешь насъ прибыти къ вамъ; но обаче, пока не провѣдаемъ, не буду. А о чемъ прежде посланные наши, прибывшіе отъ васъ извѣстили намъ о вашей фамиліи, слыша о васъ и о чинѣ, чрезъ кого бы увѣдомитися, то изнарочно отъ насъ посыланъ былъ человѣкъ до Москвы и до Петербурга, и того всего не сыскалось... И потому люди наипаче пришли въ сомнѣніе, а больше мнятъ о имени Амвросіевѣ, и нынѣ еще намѣрены послать до васъ человѣка изнарочно, да явиши ему чрезъ кого-бъ именно, о чемъ сказуешь, въ Нѣжинѣ грековъ и старцовъ и бѣльцовъ увѣдомитись свидѣтельствомъ, чтобы что о тебѣ подлинно дознати и самую истинную правду показати могъ, понеже вещь сія немалая, и дѣло сіе суда правильна [1])“... Это обстоятельство еще болѣе усилило вліяніе и авторитетъ Патрикія и возвысило его въ глазахъ старообрядцевъ—поповцевъ; его считали спасителемъ отъ такого соблазна, котораго еще и не бывало въ старообрядствѣ. Когда Патрикій во всеуслышаніе объявилъ, что Аѳиногенъ—самозванецъ, не епископъ, даже не попъ, а только іеродіаконъ, многіе зарубежные старообрядцы, а прежде всего жители слободы Борской, тотчасъ же прогнали отъ себя Аѳиногеномъ посвященныхъ поповъ, и послѣдніе просили прощенія у Зыбковскаго попа Патрикія. Вотъ что они ему писали: „Благо-

[1]) Ист. исв. о раск. IV, стр. 37, 41—42. Указаніе на Нѣжинскихъ грековъ, какъ свидѣтелей архіерейства Аѳиногена, довольно неясно. Мельниковъ ставитъ это указаніе въ связь съ слухомъ о томъ, что Аѳиногенъ былъ посвященъ въ епископы не въ Россіи, а въ турецкомъ городѣ Рени, проживавшимъ тамъ православнымъ браиловскимъ митрополитомъ Даніиломъ. Оч. поп. ч. 1, стр. 175.

дарствуемъ государь батюшка за прелюбезное твое къ намъ писаніе... и за то весьма всѣ благодарны и непротивны, но во всемъ послушныи престахомъ священнодѣйствовати отъ святой недѣли вси рукоположенцы Аѳиногеновы; еже вашему благословенію угодно, то и намъ потребно... насъ же грѣшныхъ прощенія и разрѣшенія сподоби за дерзнутое дѣло..." Патрикій снова сдѣлался единственнымъ авторитетнымъ главою жившихъ на рубежѣ и за рубежомъ діаконовцевъ, къ которому обращались за новыми попами, какъ и съ жалобами на нихъ, за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній и грѣховъ и пр. [1]).

Если слава Патрикія среди мѣстныхъ и зарубежныхъ старообрядцевъ и не пострадала отъ Аѳиногеновской исторіи, за то эта послѣдняя невыгодно отозвалась на немъ съ другой стороны: она обратила на него серьезное вниманіе мѣстныхъ малороссійскихъ административныхъ властей, наловчившихся уже и въ то время смотрѣть на раскольниковъ какъ на хорошую доходную статью. Въ первой половинѣ 1753 года, когда разнеслась вѣсть о самозванствѣ Аѳиногена по всему раскольничьему Стародубью и возбудила живые толки среди поповцевъ и язвительныя насмѣшки среди безпоповцевъ, полковая стародубская канцелярія тотъ часъ-же и съ своей стороны ухватилась за то, что въ Зыбкой у попа Патрикія находилъ убѣжище такой важный преступникъ. Стародубскимъ полковникомъ въ то время былъ Ѳеодоръ Дмитріевичъ Максимовичъ, 1741—1756 г. Онъ командироиалъ „для сиску и взятя раскольничого попа Петракея" Топальскаго атамана Лемешевича, а 10-го мая онъ же представилъ въ генеральную войсковую канцелярію доношеніе о неудачномъ исполненіи послѣднимъ порученнаго ему дѣла. Раскольники Зыбковскіе не допустили взять своего излюбленнаго попа, и побили явившагося съ этою цѣлію Топальскаго атамана съ козаками: „оглобыли ихъ немилостиво дручемъ, булавами и другими орудіи", по собственному сознанію послѣднихъ. Въ своемъ доношеніи въ генеральную канцелярію полковникъ писалъ: „раскольничій де бурмистръ Карповъ зъ многими раскольщиками не допустили взять оного раскольничого попа; а его, Лемешевича, и бывшихъ съ нимъ козаковъ били нещадно, и, взявъ его, Лемешевича, держали въ тюрьмѣ, а козаковъ подъ карауломъ и забытыхъ въ колодки посылали подъ

[1]) Ibidem, стр. 45 46.

карауломъ къ стоящему у Тимошкина перевоза на форпостѣ поручтику Сергѣеву, и его де Лемешевича и козаковъ ограбили". Вмѣстѣ съ тѣмъ полковникъ представлялъ на усмотрѣніе генеральной канцеляріи, что онъ захватилъ подъ караулъ бурмистра Карпова и слободского выборнаго при волостномъ правленіи. Послѣдняя, одобряя дѣйствія полковника, повелѣвала, въ свою очередь, держать подъ карауломъ и далѣе слободскихъ властей, а „раскольничяго попа, если бурмистръ добровольно не велитъ видать, стараться престерегать и сыскавъ прислать въ Глуховъ". 11-го іюня гетманскимъ ордеромъ повелѣвалось бурмистра и выборнаго и всѣхъ виновныхъ, „за продерзость ихъ и побои нарочно посланныхъ и за починеннія ограбленія и другія обыди, во прекращеніе такихъ продерзостей и въ страхъ другимъ, при полковой стародубской канцеляріи, наказать плетьми, и приказать бурмистру ограбленное все отыскавъ и возвратить, да и раскольничого попа представить...".

Невидно изъ дѣла, чтобы гетманскій ордеръ по существу былъ приведенъ въ исполненіе. Скоро и все это дѣло приняло другой, совершенно неожиданный оборотъ. 12 августа того же года атаманъ Лемешевичъ и Топальскіе козаки, съ одной, бурмистръ Гаврило Карповъ съ обвиняемыми „въ продерзости" Зыбковскими раскольниками, съ другой стороны, подали въ Стародубскую полковую канцелярію „мировое доношеніе", въ которомъ писали, что они „по сему дѣлу, не хотя въ большій судовій процессъ вступать, поговоря между собою полюбовно, помирилися, а на чемъ—единъ другому дали росписки, и впредь по тому дѣлу изъ нихъ никто ни въ какомъ судѣ не истци и нечелобитчики". Въ октябрѣ это дѣло снова пересматривалось, по доношенію бурмистра Карпова и особому ордеру гетмана, причемъ бурмистръ и другіе Зыбковскіе раскольники на допросѣ показали, „что атаманъ Лемешевичъ пьянъ наѣздилъ ночю на слободу Зибкую съ козаки, и, напавъ на домъ раскольника Ларіона Михайлова, палили съ ружя и взяти были въ волостное правленіе и посиланы къ состоящему на форпостѣ у Тимошкина Перевоза офицеру... И въ протчемъ во всемъ потаилися и говорили, что попа Петракея не отбивали, и былъ ли онъ въ то время въ слободѣ Зыбкой—не вѣдають. А нѣкоторые изъ нихъ объявили, что показанній попъ раскольничій жилъ въ слободѣ Зыбкой до того времени, когда полковникъ стародубскій Радищевъ въ раскольническихъ слободахъ поповъ проискивалъ; а отъ того

времени былъ ли когда въ той слободѣ Зыбкой тотъ попъ—не вѣдаютъ, и въ томъ по распросамъ утвердился [1])". Такъ раскольники умѣли прикрывать своихъ поповъ и свои дѣйствія... По имѣющимся даннымъ, какъ мы и видѣли выше, попъ Патрикій и до 1753 г. и послѣ того до своей смерти проживалъ открыто въ слободѣ Зыбкой, „не укрывался ни отъ кого, безъ всякаго опасенія". Такъ разсказывалъ въ консисторіи епископіи Черниговской о попѣ Патрикіѣ, 16-го іюня 1757 г., извѣстный уже намъ раскольникъ Чоповъ, жившій нѣкоторое время и въ слободѣ Зыбкой. Между прочимъ онъ говорилъ, что „слыхалъ отъ Зыбковскихъ раскольниковъ,—отъ кого именно и когда, онъ, Ѳедоръ, упомнить не можетъ,—что—онъ, Петрикей, былъ и у управителя раскольничьихъ слободъ Морозова, и какъ де онъ, Морозовъ, сталъ просить у него, Петрикея, благословенія, то де онъ, Петрикей, показавъ ему, Морозову, нѣякуюсь книгу, сказалъ, что ему, Петрикею, его, Морозова, благословить по той книгѣ не можно..." Въ дополнительномъ предварительномъ показаніи. данномъ Чоповымъ 29 апрѣля 1757 г. въ Миргородскомъ духовномъ правленіи, онъ говорилъ, что „попъ Петрикей Петрикеевичъ отправлялъ въ Зыбкой вечерни, заутрени, а въ праздники и всенощніе, такожъ и часы", и отправлялъ въ „ризахъ".

Показаніе Чопова обратило вниманіе мѣстной духовной власти на попа Патрикія. Консисторія епископіи Черниговской, отъ 7 января 1758 г., промеморіею требовала „сиску и поимки отъ Стародубской полковой канцеляріи, удобо возможними образи, раскольничаго попа Петрикея Петрикеевича, по прописаннымъ объ немъ въ той промеморіи примѣтамъ, и буде бъ сисканъ—о присылки его и всего, что при немъ сыскалось бы къ расколу приличествующее", для отсылки въ контору Св. Синода. Поиски полковой канцеляріи, естественно, не удались, такъ какъ въ то время попа Патрикія уже не было въ живыхъ. Изъ промеморіи послѣдней однако видно, что попъ Патрикій былъ „прописанъ жительствомъ въ раскольничой слободѣ Зыбкой". Изъ доношенія въ консисторію по тому же дѣлу заводчика Никиты

---

[1]) А. М. К. при Х. Уп. № 6673.—Аѳанасій Прокофьевичъ *Радищевъ* былъ Стародубскимъ полковникомъ 7 лѣтъ, съ 1734 по 1741 г. Съ 1732 г. онъ состоялъ въ числѣ великорусскихъ членовъ генеральнаго суда. Арх. Сен. Баранова, II, № 5000; III, № 8609.

Коренева, отъ 20 февраля 1758 г., видно, что жившій въ Зыбкой „попъ Патрикей уже умре [1])“.

О времени смерти попа Патрикія сообщается въ особой припискѣ „Книжицы о каженіи“, написанной гораздо позже составленія самой „Книжицы“ и повидимому современной смерти попа Патрикія. Здѣсь сказано: „1757 году преставился отецъ Патрикій мѣсяца февраля, въ великій постъ, во вторую недѣлю, на память священномученника Поликарпа епископа Змирнскаго“, т. е. Смирнскаго.

Попъ Патрикій болѣе 30 лѣтъ стоялъ во главѣ діаконовскаго толка на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ и дѣятельно насаждалъ и укрѣплялъ здѣсь расколъ. Вліяніе его распространялось и гораздо дальше различныхъ вѣтковскихъ и стародубскихъ діаконовскихъ общинъ; оно распространялось, какъ мы и видѣли, на Побужье и Волощину, гдѣ въ то время существовали довольно значительныя старообрядческія колоніи; были у него почитатели въ Орлѣ, Болховѣ и другихъ тамошнихъ мѣстахъ, какъ показываютъ дѣла Чопова и Суслова. О послѣднемъ дѣлѣ рѣчь будетъ у насъ ниже. Послѣ смерти попа Патрикія въ Діаконовщинѣ не появлялось никого, кто бы могъ по вліянію и авторитету сравняться съ нимъ, и діаконовщина стала упадать. Это особенно замѣтно въ Стародубьѣ. Здѣсь діаконовское согласіе сильнѣе всего было представлено въ двухъ слободахъ: въ Зыбкой и Злынкѣ. Къ концу XVIII в. оно значительно ослабѣло, а усилилась безпоповщина, особенно въ Злынкѣ. Во время миссіонерской дѣятельности здѣсь протоіерея Журавлева въ этой слободѣ были 4 общественныя часовни на подобіе церквей съ колокольнями, изъ которыхъ только одна была согласія діаконовскаго, а три безпоповщинскія: Поморскаго, Ѳеодосѣевскаго и Новоженскаго согласій. На земляхъ той-же слободы стояли безпоповщинскіе два монастыря, мужскій и женскій.

Интересна судьба сына попа Патрикія, Михаила Патрикѣева, жестоко поплатившагося за широкую извѣстность среди раскольниковъ своего отца. Онъ жилъ также въ слободѣ Зыбкой и имѣлъ здѣсь „свой дворъ съ огородцемъ“. Когда изъ дѣла Чопова мѣстная духовная власть узнала о Зыбковскомъ

[1]) Арх. Черн. дух. Кон. № 1031. Дѣло по промеморіи кіевской митрополіи о Болховскомъ раскольникѣ Ѳедорѣ Семеновѣ Чоповѣ, 1757—1758 гг.

патріархѣ „Петрикеѣ Петриковичѣ" и обширномъ его вліяніи среди раскольниковъ, она постаралась захватить его въ свои руки и приняла всѣ нужныя для того мѣры. Судьба благопріятствовала попу Патрикію и въ данномъ случаѣ. Прежде даже чѣмъ мѣстныя власти начали свои „обыски и провѣдованіе", онъ умеръ спокойно въ Зыбкой, т.е. не доживъ до разразившейся было надъ нимъ бѣды не болѣе 5—6 мѣсяцевъ. Вмѣсто отца захваченъ былъ сынъ и препревожденъ тогдашнимъ управителемъ раскольническихъ слободъ Морозовымъ въ Кіевскую губернскую канцелярію; а отсюда онъ попалъ потомъ и въ Московскую контору канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Своеобразная противораскольническая дѣятельность канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ прошломъ вѣкѣ довольно извѣстна; попадавшіеся сюда раскольники нерѣдко обращались въ православіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Михаилъ Патрикѣевъ не только самъ обратился въ православіе, но рѣшился отвратить отъ раскола всю свою семью—жену, дѣтей и внуковъ, благодаря чему и былъ отосланъ изъ Конторы канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ контору Св. Синода, а изъ послѣдней къ Черниговскому архіерею. Оказалось, что жена, дѣти и внуки стояли крѣпче въ содержаніи древняго благочестія, чѣмъ сынъ извѣстнаго пропагандиста раскола попа Патрикія. Долго Михайлу Патрикѣеву пришлось жить „въ хлѣбнѣ" Черниговскаго Борисоглѣбскаго каѳедральнаго монастыря подъ надзоромъ какого-то „искусснаго старца"; его жена и дѣти не желали принять православіе, не смотря на убѣжденія ихъ черезъ письма самимъ Патрикѣевимъ и даже неоднократныя посѣщенія имъ самимъ своего семейства, подъ надзоромъ священника изъ Стародубскаго духовнаго правленія. Не помогла дѣлу, по предписанію консисторіи Стародубскому протопопу Григорію Подлузскому, и посылка въ слободу Зыбкую изъ-за „засѣдаючихъ въ духовномъ правленіи или изъ градскихъ вѣжливаго къ тому священника". Такимъ „вѣжливымъ" изъ Стародубскихъ священниковъ того времени оказался „новоникольскій священникъ Іоаннъ Тучабскій". Результатъ былъ тотъ-же.

Въ августѣ 1760 г. протопопъ Подлузскій доносилъ консисторіи, что жена и дѣти М. Патрикѣева „совратитися (sic) отъ раскола въ православіе отнюдь не желаютъ". Волостная контора въ своихъ доношеніяхъ Черниговской духовной консисторіи и преосвящ. Ираклію старалась доказать, что и „вольно ей будетъ остаться съ дѣтьми въ томъ раскольничествѣ". Вскорѣ

послѣ того Патрикѣевъ сталъ проситься „на жилье опредѣлить его въ Катошинскій монастырь", куда и опредѣлено было его отпустить, но съ тѣмъ, чтобы тамошній игуменъ „не отпускалъ его въ слободу Зыбкую ни на малое время", для избѣжанія обратнаго совращенія его въ расколъ или какого либо зла отъ раскольниковъ. Это опредѣленіе не могло быть приведено въ исполненіе за смертію М. Патрикѣева „въ хлѣбнѣ каѳедральнаго монастыря". Именно на указѣ игумену Катошинскаго монастыря іеромонаху Константину, по поводу отправленія въ монастырь М. Патрикѣева, сдѣлана такая отмѣтка: „не посылался за умертвіемъ въ катедрѣ Патрикіева". Умеръ онъ въ самомъ концѣ 1760 г. [1]).

---

[1]) Арх. Черн. дух. Консист. № 1135. Дѣло о присланномъ изъ синодской конторы бывшемъ раскольникѣ Михаилѣ Патрикѣевѣ.— При арестѣ Патрикѣева управителемъ Морозовымъ отобраны были письменныя и старопечатныя книги, именно: Толковое евангеліе и апостолъ, двая октая, да книга лицевая письменная «св. церквамъ и крестамъ и образамъ», въ которыхъ, по словамъ Патрикѣева, «никакова въ православной вѣрѣ развърату и сумнѣнія не состоитъ». Апостолъ и два октая, по распоряженію управителя Морозова, были отданы въ православную Ситобудлянскую церковь, по просьбѣ тамошняго священника, «за погорѣніемъ церкви и всѣхъ книгъ на время, пока могутъ ту церковь новыми книгами снабдить; а толковое евангеліе и лицевая письменная книга до конца 1759 г. хранилась въ Волостной Конторѣ, а потомъ препровождены были въ Консисторію. Послѣдняя, по разсмотрѣніи старопечатныхъ книгъ, по просьбѣ Патрикѣева, нашла даже возможнымъ возвратить ихъ ему, съ разрѣшенія Св. Синода, и свое соображеніе мотивировала такъ: «Евангеліе толковое Іоанна Златоустаго 7160 года, февраля 7 дня, октоихъ въ одной книгѣ четири первіе гласа, а въ другой четири жъ гласа 7157 генваря 6 дня, апостолъ 7156 года іюля 29 вынечатанніе, ни единоя церквѣ святой не суть противніе, но таковіе жъ оніе суть какъ и вездѣ по церквамъ православнымъ содержуются»... Иное мнѣніе было высказано о книгѣ лицевой письменной, а именно, что она «отъ ереси раскольнической списанная съ кривотолкомъ въ той о сложеніи перстовъ, о брадахъ, о поклонахъ и о книгахъ старыхъ». Подобные сборники были въ рукахъ чуть не у каждаго грамотнаго старообрядца въ прошломъ вѣкѣ; имѣются и теперь. Они весьма разнообразны по содержанію. Лицевыя изображенія представляютъ по большей части кресты въ разныхъ видахъ, особенно въ сборникахъ

Въ ближайшей связи съ Діаконовщиной въ Стародубьѣ стоитъ „Сусловщина“ или такъ называемое „Суслово мнѣніе“. Виновникомъ этого „мнѣнія“ былъ Орловскій выходецъ Ѳедоръ Григорьевъ Сусловъ, посадскій человѣкъ. Онъ вышелъ сперва въ Польшу въ 1738 г., а потомъ переселился въ Стародубскія слободы и жилъ сначала въ слободѣ Зыбкой, а въ 1749 г. перешелъ въ Злынку, вмѣстѣ съ другими выходцами изъ Орла, Болхова и Коломны, тоже посадскими людьми, какъ и онъ, вышедшими съ нимъ въ Польшу одновременно [1]). Это былъ ревностный блюститель стараго обряда, отличавшійся фанатической приверженностію къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ обширною начитанностію въ тоговременной старообрядческой литературѣ. Онъ и другіе вмѣстѣ съ нимъ выѣхавшіе изъ Орла и Коломны находились въ тѣсной связи съ знаменитымъ Зыбковскимъ попомъ Патрикіемъ, главнымъ образомъ повидимому по вопросу объ отысканіи старообрядческаго епископа, сознавая, какъ и всѣ болѣе или менѣе выдающіеся въ то время представители Вѣтковскаго и Діаконовскаго толковъ въ Стародубьѣ, что церковь не можетъ быть безъ епископа. Но Сусловъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ данныхъ, не былъ чистымъ діаконовцемъ, истиннымъ духовнымъ сыномъ попа Патрикія, какъ обыкновенно полагаютъ въ нашей литературѣ по исторіи раскола. Изъ дѣла Стародубской полковой канцеляріи „о бѣжавшемъ раскольникѣ, лжеучителѣ раскольническомъ Сусловѣ“ (1747—1757 г.), о каковомъ дѣлѣ впервые упоминаетъ г. Доброгаевъ въ своей статьѣ: „Состояніе Стародубскаго раскола въ 30 и 40—хъ годахъ XVIII столѣтія“ (Черн. Еп. Изв. 1887 г., №№ 17 и 18), видно, что Сусловъ, проживая въ слободѣ Зыбкой подъ именемъ Ѳедора Семенова (у Доброгаева—Степанова) сына Чопова, какъ

діаконовскаго происхожденія, посохи, наружные виды церквей, перстосложеніе и церковную утварь. См. подобные лицевые сборники Хлудовской библ. по опис. А. Попова, №№ 249—252, 356—357, 359.

[1]) Румянц. Оп. CXVI, подворная вѣдомость Злынскаго войта Димитрія Санникова. Здѣсь дворъ Суслова описанъ подъ № 25. Въ 1767 г. Ѳ. Г. Суслову было 54 года. О его торговой дѣятельности въ войтовской вѣдомости замѣчено, что «онъ бралъ у мыльниковъ мыло на вексель и отвозилъ до города Орла и продавалъ тамъ гуртомъ, а оттуда привозилъ хлѣбъ и продавалъ въ Злынкѣ въ розницу. Капиталу собственнаго имѣлъ 30 рублей».

фанатикъ, открыто ругался надъ православіемъ, четвероконечный крестъ называлъ „щепотничимъ" и православныхъ дѣтей училъ креститься „двомя перстами [1])". Это указаніе, если только ему придавать безусловную вѣру, прямо говоритъ, что Сусловъ не былъ чистымъ діаконовцемъ и настоящимъ духовнымъ сыномъ попа Патрикія, какъ полагаетъ г. Доброгаевъ, иначе онъ не ругалъ бы четвероконечный крестъ, признаваемый діаконовцами, какъ мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ, истиннымъ крестомъ Христовымъ. Къ сожалѣнію, повидимому г. Доброгаевъ не съумѣлъ оріентироваться въ указываемомъ имъ дѣлѣ о Сусловѣ Стародубской полковой канцеляріи, на сколько можно судить о томъ же дѣлѣ по другимъ уцѣлѣвшимъ архивнымъ даннымъ. Оказывается, что Доброгаевъ смѣшиваетъ Суслова съ Чоповымъ, и то, что относится къ послѣднему, приписываетъ первому, вполнѣ довѣрившись гадательному предположенію Кіевскихъ консисторскихъ канцеляристовъ, которое было принято потомъ уже какъ фактъ сначала Черниговскими консисторскими канцеляристами, а за тѣмъ повидимому и канцеляристами Стародубской полковой канцеляріи [2]).

Какъ бы то ни было, но Сусловъ за свой фанатизмъ привлеченъ былъ мѣстнымъ начальствомъ къ суду и при промеморіи отосланъ былъ въ Черниговскую Консисторію. Изъ послѣдней ему удалось однакоже бѣжать. Въ 1747 г. онъ былъ снова схваченъ въ Орлѣ и отправленъ въ бывшую тогда „Слѣдственную въ Москвѣ о раскольникахъ коммиссію"; 21 марта 1748 г.

---

[1]) Въ статьѣ г. Доброгаева сдѣланы нѣкоторыя извлеченія изъ этого дѣла, но къ сожалѣнію весьма необстоятельно. Жаль, что онъ не перепечаталъ его цѣликомъ, въ особенности указъ Св. Синода о раскольникѣ-лжеучителѣ Сусловѣ такъ какъ все это дѣло состояло изъ 12 листовъ. Тѣмъ болѣе жаль, что дѣла бывшей стародубской полковой канцеляріи потомъ были проданы съ пуда стародубской полиціей. Такъ гибнетъ мѣстный архивный матеріалъ, иногда весьма важный и единственный въ своемъ родѣ. Между прочимъ въ этомъ дѣлѣ, лл. 5 и 6, подъ 1747 г. попъ Патрикій описывался такъ: «Росту средняго, волосы на головѣ черные зъ сѣдинами, борода круглая черная жъ большая зъ сѣдиною жъ, лице смугловато, носа средняго, рѣчи пространной». Ср. портретъ Патрикія у Журавлева, Мельникова и Верховскаго.

[2]) Арх. Черн. дух. Консис. № 1031.

Сусловъ и отсюда бѣжалъ „изъ подъ караула, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ.

Изъ указаннаго г. Доброгаевымъ дѣла о Сусловѣ Стародубской полковой канцеляріи не видно, по какому поводу онъ попалъ въ слѣдственную о раскольникахъ комиссію въ 1747 г. Въ дѣлахъ указанной Комиссіи 1745—1757 гг., хранящихся теперь въ Архивѣ Министерства Юстиціи, имѣется между прочимъ дѣло о сыскѣ Орловскаго купца Сидора Лазарева и о взятыхъ въ его домѣ купцѣ Ѳедорѣ Сусловѣ, кр. Ѳедотѣ Ивановѣ, Маринѣ Никитиной, Акулинѣ Ивановой и пр., на 132 л. Послѣднія показали въ Комиссіи, что у проживавшаго тайно въ домѣ Лазарева Ѳедора Суслова бывали по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сборища, на которыя прихаживали сестры Квасниковы, Анисья и Аксинья, братъ Суслова Сергѣй Ивановъ, купеческая дочь Афимія Матвѣева; на сборищахъ этихъ пѣвали стихи, Сусловъ читалъ въ книгѣ и, вскакивая съ лавки, вертѣлся кругомъ (2, лл. 3—4). Сысканныя 27 іюля 1747 г. сестры Квасниковы распросами (2, лл. 5—12) и съ очныхъ ставокъ (2, лл. 21—25) не винились и сказали, что на собраніяхъ у Суслова было только чтеніе и пѣніе стиховъ; купецъ Сергѣй Сусловъ показалъ тоже, что Квасниковы (3, л. 11). Ѳедотъ Ивановъ, Марина и Акулина отмѣнили свои прежнія показанія, объяснивъ, что дали ихъ въ безпамятствѣ, „понеже спрашиваны были съ пристрастіемъ", въ чемъ утвердились и въ распросѣ подъ плетьми (3, лл. 11—13); Ѳедоръ Сусловъ, присланный изъ синодальной конторы, изъ Комиссіи бѣжалъ (ibid). Въ іюлѣ 1749 г. сестры Квасниковы, Сергѣй Сусловъ, Ѳедотъ Ивановъ и Акулина Иванова были освобождены изъ коммиссіи и отданы на прежнія жилища. На подъячаго Селехова подканцеляристъ Подковыровъ показалъ, что онъ предлагалъ ему, Подковырову, взятку за освобожденіе Ѳедора Суслова, сысканнаго имъ; въ комиссіи противъ этого показанія Сусловъ разспросомъ и съ очныхъ ставокъ не винился[1]). Изъ этого дѣла, такимъ

---

[1]) Опис. докум. и бумагъ, хран. въ М. А. М. Юст. кн. 6. М. 1889. Ст. В. В. Нечаева: «Дѣла слѣдств. о раскольникахъ коммиссіи въ XVIII в.», стр. 153—154. См. также указъ Св. Син., отъ 6-го іюня 1748 г. Черниг. епископу о сыскѣ бѣжавшаго изъ подъ караула содержавшагося при слѣдственной въ Москвѣ коммиссіи колодника, имѣющаго расколъ, г. Орла купца Ѳ. Г. Суслова, по изображеннымъ

образомъ, оказывается, что Сусловъ принадлежалъ не только къ такъ называемому старообрядству, но и къ сектѣ хлыстовъ, возникшей въ то переходное время культурной жизни русскаго общества, которое началось еще подъ вліяніемъ церковныхъ и общественныхъ реформъ Петра Великаго, продолжалось при господствѣ нѣмецкихъ правителей въ царствованіе Анны Ивановны и ея преемника, когда и въ высшихъ сферахъ Русской церкви не обошлось безъ борьбы и внутренней смуты, и оставило свои слѣды даже на дальнѣйшихъ десятилѣтіяхъ.

Въ 1750—1753 гг. мы видимъ Суслова фигурирующимъ, по письмамъ Патрикія и Аѳиногена, то въ Зыбкой, то въ зарубежныхъ побужскихъ раскольничьихъ слободахъ. Въ Зыбкой онъ жилъ подъ прикрытіемъ попа Патрикія, который пользовался имъ для сношеній съ Аѳиногеномъ, жившимъ въ то время въ Борской слободѣ и открывавшимъ „тайну всему благочестію необходимо нужную", какъ писалъ онъ Патрикію въ письмѣ, посланномъ съ Сусловымъ. Въ немъ онъ называлъ послѣдняго „Божіимъ угодникомъ", которому, какъ таковому, за великую тайну открылъ, что онъ, Аѳиногенъ, будучи кореннымъ Великоруссомъ по происхожденію, будучи крещенъ въ три погруженія, имѣетъ санъ епископа, разсказавъ при этомъ и придуманную имъ сказку о своемъ пребываніи при низложенномъ малюткѣ—императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ. Когда въ 1753 г. соблазнительная Аѳиногеновская исторія вскрылась, когда на поповщину посыпались укоры и насмѣшки, Сусловъ, дотолѣ приверженецъ Аѳиногена, теперь сталъ проклинать самозванца—епископа и требовать по отношенію къ епископамъ строгой разборчивости и разслѣдованія, точно также какъ и къ бѣглымъ попамъ, чтобы не принять священниковъ, крещенныхъ черезъ обливаніе, или рукоположенныхъ епископомъ — обливанцемъ, или, наконецъ, такимъ епископомъ, который самъ получилъ хиротонію отъ епископовъ, крещенныхъ обливательно. Въ обливательствѣ подозрѣвались поголовно всѣ архіереи—Малороссіяне, которыхъ въ XVIII в. не мало было и въ Великороссіи. Отсюда и то положеніе Суслова, что правильные попы и архіереи должны быть непремѣнно Великороссіяне, и при томъ такіе, на которыхъ почиваетъ благодать древле-православнаго священ-

---

въ томъ примѣтамъ. Петровъ, Н. И. Опис. рук. ц. арх. Муз. при К. Д. Ак. В. 1, стр. 150.

ства, переходя преемственно отъ временъ патріарха Іосифа, „безъ примѣшанія къ тому съ Малороссійской стороны [1])". Онъ же высказывался, что расколу можно продолжать свое существованіе и безъ епископа, при томъ условіи, если у раскольниковъ будутъ попы, на которыхъ почиваетъ эта древняя благодать, сохраняющаяся преемственно въ никоніанствѣ; стоитъ только раскольникамъ завести такихъ поповъ, и древняя благодать священства у нихъ не прекратится. Естественно, что такая разборчивость могла только затруднять пріобрѣтеніе священниковъ и была только дѣломъ согласниковъ Суслова; съ такимъ разборомъ не принимали поповъ ни Вѣтковцы, ни діаконовцы съ попомъ Патрикіемъ во главѣ. Такъ образовался новый толкъ, извѣстный въ исторіи раскола подъ именемъ „Суслова мнѣнія" или просто „Сусловщины". Въ концѣ XVIII в. или даже началѣ XIX в. это согласіе само собою прекратило существованіе, по мѣрѣ того какъ у старообрядцевъ болѣе и болѣе складывалось убѣжденіе, что въ русской православной

---

[1]) Къ Малороссійскому духовенству, получившему во второй половинѣ XVII в. вліятельное положеніе въ Москвѣ, раскольники очень рано стали относиться весьма рѣзко. Въ 1-мъ извѣстномъ противъ раскольниковъ Донскомъ письмѣ (Доп. къ А. И., т. XII, № 17, стр. 149) сообщается про Успенскій соборъ, со словъ атамана Корнѣя Матвѣева, злостнаго раскольника, слѣдующій разсказъ отъ 1685 года: «какъ де я былъ въ соборной церкви на Москвѣ во время службы Божіи и прислано де къ нашему патріарху изъ Новгорода Литовскаго отъ Барановича шаламайки тоненькія и басы, и какъ де заиграли въ церкви, и я де стоя удивлялся, и стали меня спрашивать бояре: что де ты за человѣкъ? и я сказалъ; и они, на меня смотря, всѣ слезами обливались и сказали мнѣ: видишь де, козакъ, заставилъ насъ патріархъ всѣхъ шаломаекъ слушать въ церкви». Во второмъ извѣстномъ письмѣ (№ 17, стр. 151) нѣкоему Петрушкѣ Рыковскому приписываются такія слова: «А *Хохлачей* всѣхъ вырубить, потому что и съ ними не доведется ни пить, ни ѣсть», въ томъ случаѣ, если гонители раскольниковъ попадутся въ ихъ руки. У стародубскихъ раскольниковъ въ частности могло поддерживаться нерасположеніе къ Малороссійскому духовенству и потому, что еще въ XVIII в. въ Малороссіи «многіе непорядки и мнѣніе римское въ священнослуженіи содержалось», какъ сказано въ указѣ кіев. архіеп. Рафаила Заборовскаго, отъ 1-го сент. 1735 г. См. наше „Оп. ркп. Черн. сем. биб." Спб. 1880, стр 100—101. Такія явленія легко замѣчались грамотными и начитанными раскольниками.

церкви крещеніе совершается не обливательно, а погружительно. Въ свое время толкъ этотъ произвелъ не малые раздоры въ поповщинскихъ общинахъ, какъ въ Стародубскихъ слободахъ, такъ и у зарубежныхъ въ то время раскольниковъ, напр. побужскихъ [1]).

О дальнѣйшей судьбѣ Суслова извѣстно слѣдующее. Изъ указаннаго выше дѣла Стародубской полковой канцеляріи „о лжеучителѣ раскольническомъ Сусловѣ“ и вышеупомянутаго дѣла Ѳедора Семенова Чопова, находящагося въ архивѣ Черниговской духовной Консисторіи, видно, что въ 1757 г. дѣло о Сусловѣ снова поднялось. Въ это время, по всей вѣроятности по иниціативѣ „повѣреннаго отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ нѣкоторыхъ секретныхъ дѣлахъ“, слободскаго заводчика Никиты Коренева, открылось, что „раскольнической лжеучитель и въ мерзкой ереси участникъ Сусловъ“ живетъ въ Стародубскомъ полку, въ раскольнической слободѣ Злынкѣ, и изъ Конторы св. Синода присланъ былъ указъ въ Стародубскую полковую канцелярію—взять Ѳедора Григорьева Суслова „подъ наикрѣпчайшій караулъ, а если у него, Суслова, въ дому другіе раскольники найдутся, то и ихъ, арестовавъ, содержать подъ карауломъ“. Въ указѣ сообщались и примѣты Суслова: „примѣтами де оной Сусловъ такой: ростомъ высокъ, лицемъ долголицъ..., глаза сѣрые, носъ толстоватъ, волосы русые, рѣдкіе, немного сутуловатъ“. Полковая канцелярія послала „въ ту слободу Злынку“ нарочнаго, чтобы взять Суслова; но послѣдній, по возвращеніи, заявилъ, „что, по объявленію тамошняго войта, у онаго Ѳедора Григорьевича двора не имѣется, а по осмотру въ другихъ дворахъ внутрь хоромъ и иныхъ пожитковъ и протчего никого не нашли“. Такъ и донесено было Конторѣ Св. Синода [2]). Изъ дѣла о пойманныхъ въ стародубскихъ слободахъ попѣ Иванѣ Поповѣ, іеромонахѣ Іоанникіѣ Вербицкомъ и дѣвкѣ Евѳиміи Леонтьевой видно, что у Попова оказались иконы, книги церковныя, утварь и нѣкоторая рухлядь раскольничьяго лже-

---

[1]) Историч. изв. о раск. IV, стр. 34, 84 и 85. Во время миссіонерской дѣятельности протоіерея Журавлева толкъ этотъ въ Стародубьѣ имѣлъ еще силу: «секта сія, хотя и не такъ многочисленна какъ другія, говоритъ Журавлевъ, но силу свою не теряетъ и по нынѣ».

[2]) Арх. Старод. полк. канц., дѣло о Сусловѣ, л. 7. Черн. епарх. изв. 1887 г., № 18, стр. 416.—Арх. Черн. духовн. Консист. № 1031.

учителя Θедора Суслова, которыя и были присланы при доношеніи Стародубской полковой канцеляріей отъ 14 іюня 1757 г., въ силу синодскаго указа о лжеучителѣ Θедорѣ Сусловѣ, въ Кіевскую губернскую канцелярію [1]). Въ эпоху Румянцовской описи Малороссіи Сусловъ жилъ въ Злынкѣ совершенно открыто, не боясь никакихъ преслѣдованій. Въ то же время Черниговскій епископъ Кириллъ на просьбу вышеупомянутаго калужскаго купца Шмелева, ограбленнаго монахами и бѣльцами вновь возникшаго въ то время Малиноостровскаго раскольничьяго монастыря, жаловался, что „ему до раскольничьяго монастыря власти нѣтъ никакой [2])“. Такъ измѣнилось положеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ всего за 10 лѣтъ.

Если мы теперь обратимся къ внутренней жизни діаконовскихъ общинъ, то она, какъ и другихъ поповщинскихъ мѣстныхъ общинъ, была весьма печальна, особенно по своей религіозно-нравственной сторонѣ. Не видно, чтобы діаконовскіе духовные вожди, какъ и самъ знаменитый Патрикій, исполняли надлежаще обязанности своего званія, напр. учили своихъ пасомыхъ или старались разсѣевать среди нихъ заблужденія и суевѣрія. Случалось и на глазахъ Патрикія, что „старикъ, старица или дѣвка исповѣдывали болящихъ и всякъ своимъ таинствомъ причащалъ умирающихъ“, а Патрикій „таковыхъ мертвецовъ погребалъ по обычаю церковному безпрекословно“. Были и другія некрасивыя вещи. Такъ, напримѣръ, больная старуха, когда предлагали ей причаститься, отвергала преподносимые ей дары, какъ нехорошее причастье, и говорила при этомъ, что у такой-то матери есть хорошее причастье; оно-де еще отъ дѣда и пра-

[1]) См. дѣло о нихъ въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Іеромонахъ Іоаникій Вербицкій показалъ въ полковой канцеляріи, что онъ въ 1745 г. постриженъ въ монашество въ Волоскомъ Михайловскомъ монастырѣ, а въ 1752 г. въ Букарештѣ архіеп. Θеоф. произведенъ въ іеромонахи, что съ марта по 13 іюня 1757 г. жилъ въ разныхъ раскольничьихъ слободахъ. Дѣло это возникло по доношенію слободскаго заводчика «скипитарнаго дѣла», Никиты Коренева, бывшаго въ то же время *«повѣреннымъ отъ Свят. Правит. Синода въ нѣкоторыхъ секретныхъ дѣлахъ»*.

[2]) Показаніе Шмелева на Добрянскомъ форпостѣ, отъ 29 ноября 1767 г. Шмелевъ былъ присланъ въ Черниговъ съ жалобой къ епископу на Малиноостровскихъ монаховъ Стародубскимъ протопопомъ Григоріемъ Подлузкимъ, у котораго онъ прежде всего просилъ защищенія. Связки дѣлъ религіозныхъ въ Кіев. центр. архивѣ.

дѣда досталось ей, такъ пусть она меня причаститъ, а другого причастья никакъ не хочу. А вотъ и другой случай еще болѣе некрасивый, по разсказу о. Журавлева. Когда у одной старухи старинное причастье вышло, то она, чтобы „не лишиться прибытка своего, развела въ квашнѣ новый растворъ, и остатокъ старинки своей, истолкши въ мелкой порошокъ, всыпала въ квашню“ и размѣшала съ тѣстомъ; потомъ, взявъ нѣсколько аршинъ тонкаго холста, намазала послѣдній своимъ растворомъ, высушила бережно на солнцѣ,—„ибо на огнѣ сушить почитала за грѣхъ“, по словамъ протоіерея Журавлева,—и стала потомъ такимъ причастьемъ „продовольствовать“ народъ, отрѣзывая маленькіе кусочки отъ намазаннаго растворомъ холста. „Другія старухи, замѣчаетъ при этомъ тотъ же авторъ, „смотря на нее, такіе же хлѣбы пекли и тѣмъ народъ довольствовали“. И про самаго Патрикія по смерти ходила молва, что и онъ какими-то старинными крохами вмѣсто причастья довольствовалъ народъ, по примѣру Зыбковскихъ старухъ. Когда преемникъ Патрикія, черный попъ Іосифъ, желая прекратить въ Зыбкой куплю и продажу причастья, при содѣйствіи нѣкоторыхъ благомыслящихъ людей, устроилъ въ одномъ домѣ церковь и сталъ совершать въ ней безкровную жертву, зыбковцы возстали противъ такого новшества и прогнали попа. „Узнавъ, что попъ за обѣдней дѣлаетъ причастіе, закрамолили, вознегодовали и возопили: какой это попъ? куда онъ годится? Ужъ самъ причастіе дѣлаетъ, самъ причащается и людей! Нѣтъ, не хотимъ такого попа, у насъ батюшка отецъ Патрикій всегда бывало стариннымъ причащалъ [1])“.

Такъ обрисовываетъ религіозно-нравственное состояніе діаконовскихъ общинъ о. Журавлевъ. Въ старообрядческой литературѣ давно уже заподозрѣна безпристрастность его приговоровъ о раскольникахъ и въ частности о Діаконовцахъ, какъ напр. въ „Обличенія на протопопа Андрея Большія Охты...“ (рук. Хлуд. библ. № 302), гдѣ прямо отвергается какъ намѣренная ложь, чтобы у діаконовцевъ старики и дѣвки причащали, чтобы старое причастье въ квашнѣ растворяли и потомъ на солнцѣ сушили и пр. (лл. 303—304) [2]) Возможно, конечно, тенденціозное

[1]) Ист. изв. о раск. IV, 16—17.

[2]) «Обличеніе» это—весьма ругательное раскольническое произведеніе. О сочинителѣ «Истор. изв.» здѣсь говорится: «Самъ сей сочинитель исторіи сынъ весьма законопреступный и вѣры христіанскія вседерзый отступникъ, новшествомъ же Никоновымъ всеобра-

преувеличеніе со стороны православнаго историка прошлаго вѣка, особенно въ видахъ полемическихъ. Но вотъ что писалъ въ 1745 году одинъ Стародубскій слобожанинъ діаконовскаго толка, хорошо понимавшій современные нравственно-религіозные недостатки своего общества. „Кто воздвигнетъ насъ", писалъ онъ къ одному попу Тихону, „долу лежащихъ или утѣшитъ во тьмѣ сидящихъ? Нѣсть воздвизающаго, нѣсть утѣшающаго, нѣсть руководящаго, нѣсть въ насъ о общей пользѣ пекущагося, точію выницаетъ болѣзнь къ болѣзни прилагающи, уязвленное тѣло еще уязвляющи, сокрушенное сердце еще сокрушающи. Но кто бы таковъ возсіялъ, кто-бы изобрѣлъ сокровище девятьдесятилѣтнимъ пепломъ загребенное? И ктобы собралъ во едино стадо расточенное, многоразличными язвами обложенное, междоусобными браньми изнуренное? Гдѣ зайде отъ очей нашихъ красота матери нашей? Гдѣ витаеши родшая насъ? Гдѣ пребываетъ питавшая ны? Не плодствуетъ наша страна, о отче! Источникъ священства едва не всѣми пренебрегаемъ; приношеніе безкровное ни отъ кого же взыскуемо; священникъ бо и левитъ мимо идоша... Не отъ внѣшнихъ, но отъ внутреннихъ волнъ уже карабль разбивашеся; отъ неистовыхъ правителей въ пучину погружашеся; разгласіе бо сихъ яко Еллина другъ друга вмѣняше, въ молитвѣ не сообщахуся, въ ядѣніи раздѣляхуся. Священникомъ присутствующимъ простцы крещаху, и жены сіе творяху, другіе по первомъ крещеніи уже паки крещахуся, и непріемлющимъ священство, браку не сущу, блудъ воцарися, и отъ того дѣтогубленіе учинися. О скорби, о бѣдствія!... Не разумѣша цѣнити народъ нашъ седмь таинствъ и святительство паче торговъ и земледѣльства; неразумѣша цѣнити духовнаго паче тѣлеснаго, и Божія паче человѣча[1])".

но помазанный защитникъ и прелукавъ лжепророкъ и предотеча антихриста лютый» (л. 1 об.). Въ другомъ мѣстѣ, что онъ «змій Агай или Муздій, сирѣчь мечтатель или сатанинный огненной колесницы возатай» (л. 97). О самомъ «Историческомъ извѣстіи» говорится, что оно снабжено «непристойными и гнусными хулами и неправыми укоризнами на старообрядцевъ благовѣрное ученіе»; чуть не на каждой страницѣ говорится здѣсь «о лживыхъ словесахъ Муздіевыхъ», «о Агаевой незаконной исторіи» и пр. Опис. рки. библіот. А. И. Хлудова, сост. А. Поповымъ, стр. 581—582.

[1]) Ист. изв. IV, стр. 18—23.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Очеркъ исторіи управленія и правительственныхъ мѣропріятій относительно Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II.

Въ исторіи управленія Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольническихъ слободъ до временъ Екатерины II рѣзко различаются два періода: первый, со времени поселенія раскольниковъ на ранговыхъ, казацкихъ, державскихъ и монастырскихъ земляхъ до устройства описныхъ государевыхъ слободъ, т. е. до 1715—1716 г.г., и второй, со времени устройства этихъ описныхъ слободъ, когда главнымъ органомъ мѣстнаго управленія надъ раскольническими слободами сдѣлано было Волостное правленіе описныхъ государевыхъ малороссійскихъ раскольническихъ слободъ, подчиненное на первыхъ порахъ чрезъ посредство Стародубскаго коменданта Кіевской губернской канцеляріи. Въ первомъ періодѣ слободскіе раскольники непосредственно были подчинены мѣстной малороссійской власти, находились въ полной зависимости отъ малороссійскихъ владѣльцевъ или державцевъ, на земляхъ которыхъ жили, платили имъ извѣстныя подати, отдавали „належитое послушенство", подлежали суду державцевъ и мѣстныхъ урядовъ. Словомъ, какъ жители Малороссіи, они входили въ составъ гетманскаго и полковаго управленія и всѣхъ тѣхъ условій жизни и быта, въ которыхъ стояли, такъ называемые, посполитые, т. е. мѣщане и крестьяне разныхъ наименованій, а не казаки. Не таково было положеніе малороссійскихъ слободскихъ раскольниковъ во второмъ періодѣ. Съ 1716 г. они были выдѣлены изъ состава общаго малороссійскаго управленія, поставлены въ независимое положеніе отъ гетмановъ и полковниковъ и освобождены отъ обязательныхъ посполитыхъ отно-

шеній къ мѣстнымъ державцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и земли, на которыхъ они первоначально поселились и которыми владѣли въ качествѣ „подданныхъ" тѣхъ или другихъ державцевъ, были изъяты правительствомъ изъ владѣнія послѣднихъ и отданы слобожанамъ. Благодаря новому своему положенію, слобожане—раскольники составили въ Малороссіи особую общественную группу, подчиненную вмѣсто общаго малороссійскаго управленія Кіевской губернской канцеляріи, и именовались уже „не крестьянами, но описныхъ раскольническихъ слободъ обывательми". Кіевская губернская канцелярія вѣдала ихъ на первыхъ порахъ черезъ посредство Стародубскаго коменданта и слободское волостное правленіе, во главѣ котораго сначала долгое время стояли только одни бурмистры, выбираемые изъ болѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ слобожанъ, а потомъ съ 1754 г. и особые управители, назначаемые Сенатомъ. Съ того же 1754 г. Волостное правленіе раскольническихъ слободъ получило названіе Волостной Конторы.

О первомъ періодѣ, когда слободскіе раскольники, какъ жители Малороссіи, находились подъ непосредственнымъ малороссійскимъ режимомъ, не приходится много распространяться, въ виду недостатка данныхъ и однохарактерности залагавшихся тогда отношеній, а потому мы и ограничимся немногими замѣчаніями.

Изъ сохранившихся „осадныхъ писемъ" или „листовъ" мы видѣли, что раскольники селились слободами на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ селились и всѣ вообще крестьяне въ Малороссіи, съ извѣстнымъ числомъ льготныхъ годовъ, по прошествіи которыхъ они обѣщались быть „вѣрными и вѣчными подданными" поселившихъ ихъ владѣльцевъ. Стало быть, новымъ малороссійскимъ насельникамъ, великорусскимъ раскольникамъ—слобожанамъ, предстояло въ дальнѣйшей ихъ судьбѣ, наравнѣ со всѣмъ остальнымъ малороссійскимъ крестьянствомъ, слиться съ послѣднимъ въ одну общественную группу, стать въ зависимое отношеніе къ своимъ державцамъ, отбывать повинности и исполнять „державское послушенство", съ перспективой въ будущемъ полнаго закрѣпощенія. А такъ какъ они селились на земляхъ разныхъ малороссійскихъ владѣльцевъ, различавшихся по своему общественному положенію, а именно, на земляхъ ранговыхъ, державскихъ, монастырскихъ и магистратскихъ, то и первоначальное управленіе слободскихъ раскольниковъ устроя-

лось въ связи съ этими условіями ихъ первоначальнаго поселенія. На первыхъ порахъ ближайшимъ начальствомъ „великороссійской породы раскольщиковъ“ былъ „осадчій“ той слободы, гдѣ они поселялись. Осадчіе были въ каждой вновь поселяемой слободѣ, и завѣдывали не только всѣмъ дѣломъ первоначальнаго устроенія и заселенія слободъ, но и были прямыми посредниками со стороны слобожанъ для сношеній съ мѣстными властями и державцами, на земляхъ которыхъ они поселялись, или, по выраженію того времени, они ставились „для чиненія вшелякаго порядка и для осажованія людей новоприхожихъ“. Тамъ, гдѣ „великороссійской породы раскольщики“ жили совмѣстно съ коренными жителями Малороссіи, они управлялись наравнѣ съ мѣстнымъ „посполыствомъ“, „волощанами“ или „волоскимъ посполыствомъ“ (было и „градское посполыство“—мѣщане), у котораго ближайшимъ начальствомъ былъ сельскій „войтъ“. Войтъ, при совмѣстномъ сожительствѣ раскольниковъ съ кореннымъ населеніемъ, избирался одинаково какъ изъ коренныхъ жителей, такъ и изъ раскольниковъ, обыкновенно называемыхъ въ актахъ конца XVII в. еще просто „москалями“. Такъ было въ с. Понуровкѣ, какъ видно изъ актовъ Стародубскаго „Протокула“ 1683 г. Впослѣдствіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще въ концѣ XVII в., наприм., въ Деменкѣ, войтовское управленіе было распространено и на другихъ слобожанъ—раскольниковъ и замѣнило собою первоначальную власть у нихъ осадчихъ [1]). Болѣе отдаленнымъ начальствомъ, какъ и у мѣстныхъ жителей, кромѣ державцевъ, у нихъ были: урядъ и полковникъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ раскольники обращались по своимъ дѣламъ и въ высшія инстанціи мѣстнаго малороссійскаго управленія и суда—въ генеральную канцелярію и генеральный судъ, какъ и къ самому гетману. Были случаи, хотя и рѣдкіе, что слободскіе раскольники, по старинному обычаю, подавали свои челобитныя прямо царю, какъ видно изъ весьма любопытныхъ процессовъ XVII—XVIII в. Деменскаго раскольника Никиты Михайлова Шелковникова, по происхожденію мос-

[1]) Проток. Стародуб. магист. 1683 г. Черн. Губ. Вѣд. 1857 г., № 22. — Въ показаніи Деменскихъ слобожанъ о «пожитіи» Н. М. Шелковникова на Вѣткѣ и въ Деменкѣ, данномъ 21 октября 1700 г., въ числѣ другихъ Деменскихъ жителей подписался и «бывшій войтъ Деменскій Стефанъ Володиміровъ.» М. А. М. И. Д. См. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 10, стр. 87.

кевича, напр., по дѣлу о захватѣ его имущества козакомъ Аѳанасомъ Зѣнченкомъ и др.

Мѣстному уряду подлежали только тѣ раскольники—слобожане, которые жили на магистратскихъ земляхъ и управлялись Стародубскимъ магистратомъ. Послѣднему принадлежала какъ судебная, такъ и административно-хозяйственная власть во всѣхъ такъ называемыхъ „магистратскихъ" селахъ и слободахъ, въ томъ числѣ и раскольничьихъ. Въ первое время по поселеніи раскольниковъ въ Стародубьѣ, какъ мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ, въ вѣдѣніи Стародубскаго магистрата и его уряда находились Понуровскіе раскольники. О нихъ имѣются и письменныя свидѣтельства—записи Стародубскаго „Протокула" 1683 г., весьма интересныя въ бытовомъ отношеніи. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ наиболѣе характеристичныя. „Марта 1 дня, предъ нами, урядомъ мѣстнымъ, ставши лично Ѳедоръ Ивановъ изъ слободы Понуры объявилъ: войтъ той слободы Иванъ Ѳедоровъ судилъ Ѳедора Антонова и взялъ 60 копъ; съ вѣдома ли это уряда? Дѣвку отдали съ слободы въ слободу Халецкую, за границу, и за эту дѣвку взяли куфу горѣлки, неизвѣстно, по чьему указу. У Максима хотѣли насильно отнять дѣвку Соломониду, и Ѳедота хотѣли женить насильно, при чемъ взяли пудъ меду. Ѳедоръ прибавлялъ просьбу, чтобы не платить всему селу за то. У него самого хотѣли взять рублей двадцать, какъ будто присланные съ Москвы: онъ отвѣчалъ, что по милости Божіей и панской не подлежу суду вашему, а есть на то урядъ въ городѣ. Но за то, что сослался на урядъ, его, Ѳедора, били безъ всякой вины. Приказано записать до расправы". Послѣдствія неизвѣстны.

„Марта 14, Иванъ Ларіоновъ, слободской войтъ, сталъ для расправы съ Ѳедоромъ Антоновымъ, у котораго не по праву взято 30 копъ, и съ Иваномъ Семеновымъ. Имъ объявлено: вамъ урядъ посылалъ бумагу, чтобы у виновныхъ взяли трехъ лошадей и чтобы доставили и ту жену, которая ушла отъ мужа. Иванъ Ларіоновъ отвѣчалъ, что панъ бурмистръ приказалъ ходоку взять лошадей; а жены той до прибытія мужа не выдалъ. Приказано записать [1])".

---

[1]) Протокулъ Старод. 1683 г. Черн. Губ. Вѣд. 1857 г. № 22. Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, 81—82.

Раскольники, жившіе на ранговыхъ, державскихъ и монастырскихъ земляхъ, подлежали общему управленію и суду своихъ державцевъ по принадлежности, или ихъ „дозорцевъ“, „господарей“. Раскольники, жившіе на монастырскихъ земляхъ, управлялись и судились, такъ называемыми, „городничими“ изъ монаховъ, которые пользовались огромною и почти безконтрольною властію надъ своими монастырскими „подданными [1])“. Были случаи, что раскольники уже на первыхъ порахъ по своемъ поселеніи старались выдѣлить себя изъ общаго „послушенства“ посполитыхъ подданныхъ, поставить себя какъ отдѣльное общество, которое бы не подлежало непосредственному надзору и власти державскихъ „дозорцевъ“. Такъ поступили Климовцы и добились у Скоропадскаго формальнаго признанія этого права, выраженнаго въ гетманскомъ универсалѣ отъ 17-го января 1710 г., въ которомъ онъ писалъ, чтобы „до осадчого слободского Клима Ермолаевича никто зъ дозорцевъ нашихъ не мѣлъ дѣла и подъ свое послушенство не потегать, лечъ маетъ онъ самъ отъ себе зъ жительми слободскими до двору нашего всякія отдавати повинности [2])“. Инымъ образомъ относились къ раскольникамъ—слобожанамъ другіе державцы, какъ напр. предшественникъ Скоропадскаго по Стародубскому полковничеству М. А. Миклашевскій. Изъ показаній Деменскихъ слобожанъ 1700 г. по дѣлу Шелковникова съ Зѣнченкомъ выяснилось, что онъ Деменцевъ, какъ своихъ „подданныхъ“, наказывалъ за проступки и воровства „туремнимъ вязенемъ и боемъ“, у неисправныхъ крестьянъ отнималъ дворы и пр. Въ 1713 г. Шелковниковъ въ своей жалобѣ Петру I писалъ, что въ 1700 г. онъ выдалъ „квитовое письмо“ козаку Аѳанасію Зѣнченку, захватившему его имущество, потому что былъ вынужденъ къ тому полковникомъ Миклашевскимъ, который „билъ, морилъ“ его голодомъ и въ заключеніе „вымучилъ на немъ письмо на товарища войскового Зѣнченка квитовое [3])“. Державцы же въ дѣлахъ „криминальныхъ“, какъ по отношенію ко всѣмъ своимъ „подданымъ“, такъ и къ слободскимъ раскольникамъ, исполняли по требованію властей судебно-полицейскія обязанности, какъ

[1]) Нѣкоторыя интересныя подробности о монахахъ—«городничихъ» можно найти въ книгѣ Лазаревскаго: Опис. ст. Малор. I, 388—389, а равно и въ другой его книгѣ: «Малорос. посполитые»...

[2]) А. М. К. при X ун. № 3125.

[3]) М. А. М. И. Д. См. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 5, стр. 53, 66, 67.

показываетъ дѣло о разграбленіи въ Москвѣ, за Смоленскими воротами, бывшими Московскими стрѣльцами, жившими въ Стародубскомъ полку, бывшаго „пятисотнаго" въ Чубаровскомъ полку Родіона Боровкова [1]).

Изъ правительственныхъ мѣропріятій этого періода, относительно новопоселившихся въ Стародубьѣ раскольниковъ, можно отмѣтить только тотъ указъ царевны Софьи Алексѣевны, о которомъ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, когда наступили невзгоды и для Стародубскихъ раскольниковъ и когда многіе изъ нихъ вынуждены были оставить Стародубье, а оставшіеся на мѣстѣ, можетъ быть и притворно, принять православіе. Иванъ Алексѣевъ, какъ мы и указывали въ своемъ мѣстѣ, ясно различаетъ два гоненія, близкія между собою по времени. Именно, онъ говоритъ, что когда разгласился указъ царевны Софьи Алексѣевны къ Черниговскому архіерею и Стародубскому полковнику, и когда стали „забѣглые народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ" приводить, тогда Стародубскіе „ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разсѣяшался. Слабѣйшіи же, не хотяще стяжанія и домовъ лишиться, къ новодогматствованію приступиша". Это было гоненіе по царскому указу, когда особенно повидимому досталось Понуровкѣ, гдѣ жилъ уважаемый въ то время старообрядцами и чтимый за „святителя" московскій попъ Кузьма. Вскорѣ настало и другое гоненіе, но уже не по указу царскому, а „по явственной волѣ и указу" гетмана Самойловича, когда раскольники, встревоженные первымъ гоненіемъ, начали уходить изъ Стародубья въ польскую сторону, какъ указываетъ извѣстное уже намъ письмо Стародубскаго полковника С. И. Самойловича къ отцу—гетману, отъ 2-го сентября 1684 г. На это второе гоненіе указываетъ и Иванъ Алексѣевъ. По его словамъ, когда утишилась цѣльность перваго гоненія, „паки собрашася гонимія; но паки отъ того же Симеона гоненіе наста", которое повлекло за собою дальнѣйшее передвиженіе раскольниковъ изъ Стародубья въ Ляцкую сторону, на Вѣтку.

О томъ, чѣмъ вызваны были эти гоненія Стародубскихъ раскольниковъ въ правленіе Софьи Алексѣевны, а равно и о времени этихъ гоненій мы высказали свои соображенія въ третьей главѣ, къ которой въ данномъ случаѣ и отсылаемъ.

[1]) См. тамъ-же, № 11, стр. 94—104.

Одно здѣсь можно замѣтить, что гоненія эти имѣли самое маловажное значеніе въ смыслѣ отвлеченія великороссійскихъ раскольниковъ отъ поселенія въ Стародубьѣ, и вскорѣ были забыты какъ раскольниками, такъ и малороссійскими властями и державцами. Дѣло въ томъ, что преслѣдованіе раскольниковъ со стороны центральнаго правительства въ данномъ случаѣ рѣзко расходилось съ матеріальными интересами малороссійскихъ властей и державцевъ, для которыхъ было выгодно поселеніе раскольниковъ на ихъ пустопорожнихъ земляхъ. Мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ, что почти одновременно съ указанными гоненіями малороссійскіе державцы дозволяли имъ селиться на своихъ земляхъ. Такъ въ 1684 г., т. е. почти въ самый разгаръ преслѣдованія раскольниковъ полковникомъ Самойловичемъ, основана и заселена была исключительно раскольниками новая слобода Еленка въ дачахъ бунчуковаго товарища Михаила Иванова Рубца. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XVII в. и первомъ XVIII в. появилось, или, по выраженію актовъ того времени, „осѣло" болѣе десятка такихъ новыхъ раскольническихъ поселеній. Всѣ эти факты говорятъ одно, что малороссійскія власти и державцы, въ томъ числѣ и духовные, вовсе не входили въ интересы государства, отказывавшаго послѣдователямъ стараго обряда въ признаніи ихъ гражданскаго существованія и стремившагося къ искорененію ихъ. Совсѣмъ иначе взглянули тѣ же малорусскія власти и державцы на раскольниковъ, когда послѣдніе въ 1716 г. были изъяты изъ подчиненія малорусскому начальству и освобождены отъ обязательныхъ посполитыхъ отношеній къ державцамъ, лишившимся при этомъ и тѣхъ земель, на которыхъ раньше такъ заботливо и старательно они насаждали расколъ.

Второй періодъ въ исторіи управленія малороссійскихъ раскольниковъ начинается со времени выдѣленія ихъ изъ состава общаго малороссійскаго управленія и освобожденія отъ власти малороссійскихъ державцевъ, подчиненія Кіевской губернской канцеляріи и учрежденія „волостнаго правленія описныхъ малороссійскихъ государевыхъ раскольническихъ слободъ". Этотъ новый порядокъ управленія послѣдними подвергался въ литературѣ разнообразнымъ предвзятымъ авторскимъ толкованіямъ, основывавшимся по большей части на недоразумѣніяхъ разнаго рода и неточномъ знаніи относящихся сюда фактовъ. Такъ въ прошломъ вѣкѣ авторомъ извѣстной „Исторіи Руссовъ" высказано было мнѣніе, что этотъ порядокъ былъ устроенъ изъ мести

и злобы князя Меньшикова на гетмана Скоропадскаго и представителей малороссійской старшины, жаловавшихся Петру I на его огромные земельные захваты въ Почепщинѣ. Самый фактъ устройства новаго порядка управленія малороссійскими раскольническими слободами представлялся ему въ такомъ видѣ. „Владѣльцы малороссійскіе или знатные помѣщики тамошніе воспріяли участокъ мщенія Меньшикова отборомъ многихъ у нихъ деревень и другихъ недвижимыхъ имѣній; предлогомъ тому было жительство въ ихъ деревняхъ и на ихъ земляхъ великороссійскихъ бѣглыхъ крестьянъ, помѣщичьихъ и коронныхъ, которые переселились еще за польское владѣніе въ Малороссію, а бѣгали они съ прежнихъ жительствъ, якобы по причинѣ на нихъ гоненія за вѣру нѣкую старую христіанскую, о которой въ Малороссіи и слуху не было... Отобранныя у помѣщиковъ деревни названы *описными Государевыми слободами* и изъяты отъ подчиненности малороссійскимъ правительствамъ; а подчинены особенной Волостной Конторѣ, учрежденной въ слободѣ Климовой, подъ начальствомъ отставныхъ офицеровъ, и называлась она Конторою описныхъ малороссійскихъ раскольничьихъ слободъ. Названіе раскольниковъ было приписываемо всему крестьянству, въ вѣдомствѣ той конторы бышему“. Любопытны и характерны соображенія того-же автора и о сущности великороссійскаго раскола, за послѣдователей котораго въ Малороссіи пришлось поплатиться малороссійскимъ помѣщикамъ. „А названы они раскольниками“,—читаемъ у него далѣе,—„потому что многочисленные акты ихъ или разнообразные толки не подходятъ ни къ какой сектѣ христіанской и ниже къ деистической (sic!), а суть они бредъ мужичій, взятый изъ самаго глубокаго язычества и умноженный безумнымъ суевѣріемъ. Онъ состоитъ въ выборѣ ручныхъ перстовъ, которыми бъ сильнѣе креститься, и въ разборѣ образовъ Угодничьихъ и крестовъ Христовыхъ. И который образъ отъ другихъ богатѣе, старѣе и безобразнѣе, тотъ у нихъ и достойнѣе къ почитанію; а крестъ, имѣющій больше концовъ, есть предпочтительнѣй того, который о четырехъ концахъ; а изъ сихъ иные считаютъ печатью Антихристовою; равно и о книгахъ христіанскихъ тоже бредятъ, что которая изъ нихъ старѣе, та и священнѣе. И въ такихъ разборахъ весь ихъ догматъ состоитъ; о существѣ жъ самой религіи и законѣ христіанскомъ и понятія они не имѣютъ; а готовы спорить за все съ наилучшими богословами до бѣшенства, и скорѣй пойдутъ на всѣ мученія,

чѣмъ признаться въ томъ, что ничего не понимаютъ. Раскольники сіи размножались въ Россіи и разбѣгались изъ нея по мѣрѣ ихъ преслѣдованія. Они наполняли Польшу, Пруссію, Молдавію и Бессарабію; но пострадали за нихъ одни помѣщики малороссійскіе, да и то мірскіе. А монастыри, ублажившіе Меньшикова, удержали ихъ навсегда въ своемъ крестьянствѣ, и лишились ихъ уже при общей своей руинѣ". Такъ объяснялъ авторъ „Исторіи Руссовъ", „горячій украинскій патріотъ", фактъ новаго порядка управленія малороссійскими раскольническими слободами и учрежденія Волостнаго Правленія, или по его словамъ, Волостной Конторы[1]).

О приведенномъ мнѣніи автора „Исторіи Руссовъ", повторяемомъ потомъ и другими малороссійскими писателями, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что оно крайне тенденціозно и обставлено совершенно невѣрными и ложными историческими соображеніями. Высказанное, очевидно, съ цѣлью защитить права малороссійскихъ помѣщиковъ на поселившихся на ихъ земляхъ раскольниковъ, и, по всей вѣроятности, малороссійскимъ помѣщикомъ, не благосклонно и завистливо относившимся къ малороссійскимъ же православнымъ монастырямъ, оно не имѣетъ за себя никакихъ серьезныхъ историческихъ основаній. Главнымъ мотивомъ отобранія слободскихъ раскольниковъ отъ малороссійскихъ владѣльцевъ выставляется здѣсь злоба и месть князя Меньшикова на послѣднихъ за то, что они жаловались съ гетманомъ Скоропадскимъ Петру I на огромные земельные захваты Ижорскаго князя въ Почепщинѣ. Но эти факты нельзя ставить въ связь между собою по той простой причинѣ, что фактъ отобранія раскольниковъ отъ малороссійскихъ владѣльцевъ имѣлъ мѣсто значительно ранѣе, чѣмъ явился поводъ у Меньшикова быть недовольнымъ гетманомъ Скоропадскимъ и стародубскими полчанами. Дѣло о почепскомъ межеваніи, произведенномъ въ пользу Меньшикова дьякомъ Иваномъ Лосевымъ „зъ принужденіемъ старожиловъ и понятыхъ мглинскихъ, бакланскихъ и стародубскихъ", возникло не раньше 1720 г., а раскольничьи слободы, „по именному Царскаго Величества указу", изъяты были

[1]) Исторія Руссовъ или Малой Россіи. М. 1846. Стр. 222—225. Маркевичъ, Н.: Ист. Малорос. II, стр. 553—555. Соображенія объ авторѣ Ист. Рус. см. въ брошюрѣ А. М. Лазаревскаго: «Очерки, замѣтки и документы по ист. Малорос. Кіевъ. 1892 г. стр. 45—54».

кіевскимъ губернаторомъ Д. М. Голицынымъ изъ вѣдѣнія малороссійскихъ владѣльцевъ указомъ отъ 28-го февраля 1716 г. Съ другой стороны, для Меньшикова, какъ и для мѣстныхъ малороссійскихъ державцевъ, было одинаково невыгодно изъятіе великороссійскихъ раскольниковъ, поселившихся на владѣльческихъ земляхъ, изъ подъ власти владѣльческой, и шло въ разрѣзъ съ его владѣльческими интересами, о поддержаніи которыхъ онъ такъ заботился въ своемъ широко раздвинувшемся почепскомъ княжествѣ, имѣвшемъ въ своихъ предѣлахъ и раскольничью слободу Млинку или Княжую [1]. Невѣрно и то, что будто бы русское правительство вмѣстѣ съ раскольниками отобрало всѣхъ вообще великороссійскихъ крестьянъ, поселившихся въ Малороссіи еще за польское владѣніе, выставивъ ихъ раскольниками, а монастыри удержали ихъ въ своемъ крестьянствѣ, ублаживъ князя Меньшикова. Ничего подобнаго не было, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Извѣстный историкъ раскола протоіерей Журавлевъ въ прошломъ же вѣкѣ высказался въ иномъ смыслѣ, чѣмъ авторъ „Исторіи Руссовъ", объ основаніи описныхъ малороссійскихъ раскольничьихъ слободъ и учрежденія при нихъ Волостнаго Правленія. По его словамъ, Стародубскіе „слобожане при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, до войны со шведами бывшей, правительству почти не были извѣстны. А въ то самое время, когда Мазепа измѣнникъ пустилъ непріятеля въ Россійскую границу, а Шведы по Украинѣ и Малороссіи продолжая путь безъ всякаго себѣ сопротивленія, до самыхъ Стародубскихъ предѣловъ достигли, въ то, говорю, время, слобожане сіи сами собою собравшись, первый опытъ вѣрности ко отечеству пока-

---

[1]) Млинскіе раскольники такъ хорошо устроились подъ покровительствомъ князя Меньшикова, что и не пытались освободиться отъ подданической зависимости. Есть даже извѣстіе, что они довольно энергично защищали княжескіе интересы и нападали на противниковъ князя. Въ 1721 г., вмѣстѣ съ почеповскими козаками, сторонниками Ижорскаго князя, «съ вѣдома и посылки Гудовича, коменданта почеповскаго», подъ предводительствомъ козака Илейки, они нападали «на градъ, хотячи схватить сотника Бакланскаго Василя Варавскаго и писаря е о», противниковъ земельныхъ захватовъ Меньшикова. Такъ писали стародубскіе полчане въ жалобѣ государю въ концѣ 1721 г., по поводу почеповскаго межеванія. Опис. ст. Малорос. т. 1, стр. 286.

зали. Безоружные мужики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непріятеля атаковали, нѣсколько сотенъ побили, и живыхъ захвать въ Стародубъ къ самому Государю, тогда бывшему тамо, плѣнниками привели. Не было ничего для Государя пріятнѣе, какъ видѣть, что непріятель въ маломъ числѣ Россійскихъ крестьянъ побѣдителей себѣ нашелъ. Почему государь тогда же повелѣлъ раскольничьи слободы полковнику Ергольскому переписать, и имянною грамотою, данною тогда Кіевской губерніи, собственно за собою утвердить съ тѣмъ, чтобъ впредь оными никто не могъ владѣть. Сія первая перепись тѣмъ счастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами, и нынѣ въ купеческомъ состояніи безпрепятственно пользуются. Тогда бѣглецы, какова званія ни были, Всемилостивѣйше прощены, и какъ помѣщикамъ, такъ и всякому гражданству въ рекруты зачтены; а земли, на которыхъ они безъ позволенія (т. е. съ позволенія) пановъ поселились, вѣчно и потомственно во владѣніе слобожанамъ отведены и утверждены". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что слободы эти находились „въ вѣдомствѣ Кіевской губерніи, отъ которой учреждена была въ нихъ Волостная Контора, которая и называлась Волостною описныхъ раскольничьихъ слободъ Конторою, гдѣ къ нимъ изъ Правительствующаго Сената опредѣляемъ бывалъ управитель"..[1]). Такимъ образомъ, по словамъ о. Журавлева, описныя малороссійскія раскольничьи слободы и Волостное при нихъ Правленіе явились какъ слѣдствіе патріотическихъ подвиговъ Стародубскихъ раскольниковъ во время шведской войны, когда раскольники, какъ и всѣ почти жители сѣверной Малороссіи, за исключеніемъ нѣкоторой части полковой и генеральной старшины, явились врагами шведовъ, истребляли небольшіе шведскіе отряды, посылаемые для реквизицій, или приводили плѣнныхъ шведовъ къ русскимъ военачальникамъ. При этомъ о. Журавлевъ категорически утверждаетъ, что на эти патріотическіе подвиги Стародубскихъ раскольниковъ обращено было вниманіе верховнаго вождя русской арміи и народа, который потомъ и отблагодарилъ ихъ патріотизмъ яко бы тѣмъ, что изъялъ ихъ изъ подъ юрисдикціи мѣстныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ, отписавъ ихъ на свое государево имя и создавъ для нихъ особое положеніе и управленіе.

[1]) Полн. истор. изв. о раск. Изд. 2. Спб. 1795 г. ч. III, стр. 20—21; ч. IV, стр. 91—92.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго по существу въ разсказѣ о. Журавлева о патріотическихъ подвигахъ Стародубскихъ раскольниковъ въ шведскую войну; но ни онъ самъ, ни другіе, повторявшіе съ его словъ разсказъ о патріотизмѣ раскольниковъ, не приводятъ никакихъ свидѣтельскихъ указаній и документальныхъ подтвержденій въ пользу этого обстоятельства. Извѣстно, что, не смотря на разныя шведскія „прелестныя письма", народъ не вѣрилъ шведамъ. Вмѣстѣ съ появленіемъ шведовъ въ Малороссіи и измѣной Мазепы, въ народѣ пронесся слухъ, что Мазепа вмѣстѣ съ Карломъ XII ругается надъ православными образами, вмѣстѣ съ шведами топчетъ чудотворный образъ Богородицы въ селѣ Дегтяровкѣ, что этотъ образъ испускаетъ жалобный стонъ, а онъ, стоя на немъ, отрекается отъ православія и присягаетъ на вѣру шведскую. Иные впрочемъ говорили, что случилось это съ иконою Каплуновскою, другіе, что съ Балыкинскою, никто не спорилъ только о томъ, было-ли это или не было; но шведы стали исчезать. Устрашенный католичествомъ поляковъ и бусурманствомъ шведовъ, народъ сталъ ихъ истреблять вездѣ, гдѣ могъ, и представлялъ военачальникамъ шведскихъ плѣнниковъ, сперва за рубли, потомъ за чарку водки и просто за привѣтъ: „спасибо хахленокъ"! По всей вѣроятности не отставали въ этомъ случаѣ отъ Бѣлоруссовъ и Малороссовъ и недавно поселившіеся среди ихъ великороссійскіе раскольники, какъ русскіе люди, не желавшіе промѣнять свое „древнеправославное христіанство" на бусурманство шведовъ; но на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ указаній въ современныхъ письмахъ, реляціяхъ и другихъ источникахъ. О патріотическихъ подвигахъ Бѣлоруссовъ и Малороссовъ засвидѣтельствовалъ самъ Петръ Великій и его военачальники. Въ одномъ изъ октябрьскихъ писемъ 1708 г. къ Апраксину изъ с. Краснова государь писалъ, что король Шведскій стоитъ еще на границѣ и разсѣеваетъ прелестныя для народа письма: „но сей народъ, за помощію Божіею, зѣло твердо стоитъ, и письма тѣ приноситъ, а сами бѣгутъ въ города и лѣса, а деревни свои жгутъ"... Въ царскомъ указѣ о поносныхъ Гданскихъ пасквиляхъ, отъ 15 января 1709 г., государь объявлялъ, что „самые малороссійскіе мужики толико возненавидѣли короля Шведовъ и Мазепу, что повсюду разосланныхъ отъ нихъ для прельщенія ловили и приводили и разсѣянныя отъ нихъ возмутительныя письма изъ всѣхъ мѣстъ привозили къ Кіевскому губернатору и къ дру-

гимъ начальникамъ, гдѣ кому ближе". Изъ Брянска нѣсколько раньше государь писалъ Апраксину, что непріятель былъ у Стародуба и всячески трудился прельстить чрезъ письма малороссійскій народъ; „но малороссійскій народъ такъ твердо съ помощію Божіею стоитъ, что больше не можно отъ нихъ и требовать, и офицера, который пріѣзжалъ въ Стародубъ, такъ и въ иныя мѣста, всѣхъ оковавъ и съ письмами присылаютъ"[1]). Возможно, что среди этихъ ожесточенныхъ противъ Шведовъ „малороссійскихъ мужиковъ" были и великороссійскіе раскольники, общее число которыхъ въ то время не достигало 2—3 т. обоего пола душъ во всей Стародубщинѣ, какъ можно судить по переписи Ергольскаго.

Одно можно сказать въ косвенное подтвержденіе преданія о патріотическихъ подвигахъ Стародубскихъ раскольниковъ въ шведскую войну, что долго у нихъ потомъ въ XVIII в. ходили толки и разсказы объ этой войнѣ. Особенно долго ходили среди нихъ разсказы о шведскихъ денежныхъ кладахъ, зарытыхъ въ Малороссіи; разсказы эти интриговали многихъ и въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Въ 1755 г. трое слобожанъ—Ѳедоръ Поповъ изъ Клинцовъ, Аѳанасій Григорьевъ изъ Еленки и Ермолай Чистяковъ изъ слободы Шеламовъ—подали даже прошеніе гетману Разумовскому о томъ, чтобы имъ дано было право на розысканіе „положенныхъ во время бывшей шведской войны отъ шведскихъ войскъ въ полкахъ Полтавскомъ, Стародубскомъ и Переяславскомъ въ разныхъ мѣстахъ денежныхъ клажъ". Такіе клады ими были указаны: 1) въ Мглинской сотнѣ при с. Ляличахъ въ козацкихъ грунтахъ; 2) въ Бакланской сотнѣ подъ селомъ Юдиновымъ въ грунтѣ пани Гамалѣевой; 3) вблизи Полтавы подъ с. Пушкаревкою и Рибцами и пр.; 4) въ Переяславскомъ полку въ грунтахъ м. Золотоноши. Кладоискательство раскольникамъ не было дозволено и признано было за дѣло „неосновательное" и невозможное, „чтобъ въ какихъ малороссійскихъ мѣстахъ сохраненніе отъ шведскихъ войскъ денежніе клади доселѣ находиться могли"; гетманъ тутъ подозрѣвалъ и

---

[1]) «Дѣянія Петра Великаго», собр. Голиковымъ, ч. III, М. 1788 г., стр. 24, 27, 42, 51—52 и др. Ср. Письма гр. Шереметева, ч. II, стр. 141 и 145. *Маркевичъ*, Н. Ист. Малороссіи, ч. II, стр. 476. *Бантышъ-Каменскій*, Источ. Малорос. Ист. ч. II. Маниф. Петра I малорос. народу, отъ 9 ноября 1708 г. стр 193.

возможность какого-то „другаго умышленія" со стороны раскольниковъ, кромѣ того, что они, „имѣя дозволеніе искать скарбовъ, могли бъ владѣльческія и обывательскія земли, напрасно разрывая, негодными сдѣлать" [1]).

О. Журавлевъ въ своемъ разсказѣ о патріотическихъ подвигахъ стародубскихъ раскольниковъ между прочимъ говоритъ, что Петръ I тогда же, т. е. въ 1708—1709 г., „повелѣлъ раскольничьи слободы полковнику Ергольскому переписать, и именною грамотою, данною Кіевской губерніи, собственно за собою утвердить..." Документальныя данныя не подтверждаютъ этого послѣдняго обстоятельства; по нимъ нѣтъ непосредственной связи между патріотическими подвигами раскольниковъ, переписью Ергольскаго и царскою грамотою, упоминаемой о. Журавлевымъ, о выдѣленіи ихъ изъ состава общаго малороссійскаго управленія и изъятіи „изъ подданства" малороссійскихъ помѣщиковъ или державцевъ. По документальнымъ даннымъ, вполнѣ несомнѣннымъ, дѣло съ устройствомъ новаго положенія слободскихъ раскольниковъ представляется гораздо проще, чѣмъ указанныя выше и неоправдываемыя фактами объясненія новаго ихъ положенія. Русское правительство, преслѣдуя издавна въ государственныхъ интересахъ побѣги „всякаго чина людей великороссійскаго народа", обратило усиленное вниманіе при Петрѣ Великомъ наконецъ и на Малороссію, издавна также наполнявшуюся разными великороссійскими выходцами, и, между прочимъ, натолкнулось здѣсь на фактъ давняго поселенія раскольниковъ на земляхъ разныхъ малороссійскихъ владѣльцевъ. Встрѣчалось оно съ этимъ фактомъ и раньше, напр. въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ; встрѣчалось и позже времени правленія царевны Софьи и не разъ вело съ малороссійскими властями переписку по разнымъ дѣламъ слободскихъ раскольниковъ, напр., по дѣлу 1700—1701 г. о разграбленіи въ Москвѣ „пятисотнаго" въ Чюбаровскомъ полку Родіона Боровкова, въ которомъ принимали довольно видное участіе и Стародубскіе раскольники, бывшіе Московскіе стрѣльцы и подмосковные крестьяне, а также по дѣлу о наслѣдствѣ Шелковникова и другихъ соприкосновенныхъ съ нимъ дѣлахъ и пр., о чемъ уже намъ приходилось упоминать. По поводу царскаго

[1]) Ист. Арх. при Х. Ун. № 12898. См. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Старод. № 41, стр. 193—196.

указа, даннаго на имя кіевскаго губернатора, извѣстнаго князя Д. М. Голицына (1708—1719 гг.), отъ 14 марта 1714 г., которымъ повелѣвалось ловить „чрезъ нарочныхъ коммиссаровъ“ бѣглыхъ людей великороссійскаго народа, скрывавшихся по городамъ и селамъ гетманщины и слободской Украйны, и выдавать ихъ начальству великороссійскихъ городовъ, князь Голицынъ чрезъ назначенныхъ имъ коммиссаровъ собралъ подробныя свѣдѣнія о великороссійскихъ насельникахъ Малороссіи и о результатахъ предварительнаго разслѣдованія представилъ на усмотрѣніе Государя. „Для сыску и выводу бѣглыхъ драгунъ и солдатъ и прочихъ великороссійскаго народу людей на прежнія жилища“ въ томъ же 1714 г. были назначены „нарочные коммиссары“ какъ со стороны Кіевскаго губернатора, такъ и со стороны гетмана Скоропадскаго. Со стороны перваго были назначены: полковникъ Кіевскаго гарнизона Григорій Ергольскій, маіоръ Протасовъ и дворянинъ Кузьма Безобразовъ; со стороны второго—паны Корецкій и Покорскій [1]). Оказалось, что въ предѣлахъ Стародубскаго и Черниговскаго полковъ на земляхъ гетмана Скоропадскаго и другихъ малороссійскихъ державцевъ, а равно на монастырскихъ и магистратскихъ земляхъ разселилось значительное количество великороссійскихъ людей, въ томъ числѣ 16 раскольничьихъ слободъ, всего 377 дворовъ.

Въ началѣ слѣдующаго 1715 г. князь Голицинъ представилъ на усмотрѣніе Государя разрѣшеніе слѣдующихъ двухъ вопросовъ:

„Велѣно бѣглыхъ великороссійскихъ всякаго народа людей изъ малороссійскихъ городовъ вывозить въ великороссійскіе города; а которые въ малороссійскихъ городахъ въ бѣгахъ поженились на черкасскихъ дѣвкахъ и вдовахъ, и прижили дѣтей, и оные и съ дѣтьми служатъ въ козакахъ или въ подданствѣ, и такихъ изъ малороссійскихъ городовъ отдавать-ли?“

„Въ Стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники, и коммиссаръ пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасенъ, дабы не разбѣжались за границу“.

---

[1]) Переписка съ княземъ Голицынымъ и гетманомъ Скоропадскимъ о великороссійскихъ бѣглыхъ людяхъ въ Малороссіи находится въ М. А. М. И. Д. Д. М. (по 2 реестру М. Д.): Св. 34, №№ 11—12 и 18; св. 36, № 27; св. 37, № 23; св. 41, № 15. О «нароч-

Относительно послѣдняго вопроса о раскольникахъ государь повелѣлъ: не настаивать на возвращеніи ихъ на прежнее жительство, а указалъ лишь положить ихъ въ окладъ. Эта царская резолюція состоялась 28-го февраля 1715. Указомъ кіевской губернской канцеляріи, отъ 29-го сентября, даннымъ на имя комиссаровъ, „велѣно ихъ, раскольниковъ, переписавъ, обложить годовымъ настоящимъ окладомъ съ добрымъ свидѣтельствомъ, что кому платить возможно, а что положено будетъ, о томъ писать и окладные книги прислать въ Кіевъ, а имъ, раскольщикамъ, объявить Его Величества указомъ, дабы они тотъ положенный на нихъ окладъ собравъ на 1715 годъ заплатили въ казну сполна, такожъ и на предбудущіе годы платили безъ доимки. А для сбору бы оныхъ окладныхъ денегъ выбрали они, раскольщики, между собою, кого похотятъ, общимъ приговоромъ, и жили бъ на прежнихъ своихъ осадьбахъ и земляхъ и всякими угодіями владѣли, которые даны имъ отъ владѣльцевъ прежъ сего [1])".

28-го февраля слѣдующаго 1716 г. князь Голицынъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе о малороссійскихъ раскольникахъ, на долго опредѣлившее ихъ судьбу: „по именному царскаго Величества указу велѣно великороссійскаго народа всякаго чина людей, которые живутъ въ малороссійскихъ городѣхъ и въ слободскихъ полкахъ, сыскивая выдавать въ великороссійскіе города, гдѣ кого надлежитъ. А гдѣ явятся великороссійскаго жъ народу раскольщики, и оныхъ велѣно переписать всѣхъ на лицо подворно и кто на какихъ грунтахъ и за кѣмъ живутъ въ подданствѣ, и велѣно имъ жить на тѣхъ же грунтахъ, на которыхъ они поселились, и владѣльцамъ ими раскольщиками отнюдь не владѣть, и подати съ нихъ не имать, и никакими дѣлами не вѣдать, и обидъ имъ не чинить... И того ради объяв-

---

ныхъ коммиссарахъ» см. Опис. акт. арх. Маркевича, относ. къ исторіи стародуб. скитовъ, стр. 2 и 4. Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1884 г., кн. 2. Истор. Арх. при Х. ун. № 1674.

[1]) П. С. З. №№ 2889 и 8365. Указъ Кіевск. губ. канц. отъ 29 сент. 1715 г. упоминается въ выпискахъ канцеляріи, посылаемыхъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Эти выписки сохранились въ приложеніи къ письму отъ 21 декабря 1731 г. Наумова къ гетману Д. Апостолу, а потомъ въ 1752 г. были воспроизведены для гетмана Разумовскаго. Х. И. А. Д. М. № 1764. См. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 22, стр. 121—124.

лено Его Величества указомъ, дабы онымъ раскольщикамъ нихто обидъ не чинилъ и никакими дѣлами ихъ не вѣдалъ, и во владѣніи грунтовъ ихъ, которыми они владѣли, нихто не интересовался, подъ опасеніемъ штрафа. А жить имъ, раскольщикамъ, на тѣхъ грунтахъ, на которыхъ они жили, и землями и всякими угодьи владѣть тѣми, которыми владѣли до состоянія вышеупомянутаго Его Величества указу, а во излишнія угодья не интересовались, и пришлыхъ великороссійскаго народа людей никого къ себѣ не принимали, подъ опасеніемъ жестокаго истязанія". Такимъ образомъ Стародубскіе и Черниговскіе раскольники сдѣлались совершенно независимыми отъ малороссійскихъ державцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, были выдѣлены и изъ состава общаго малороссійскаго управленія и причислены къ вѣдомству Кіевской губернской канцеляріи. Въ то же время главнымъ органомъ мѣстнаго слободскаго управленія сдѣлано было Волостное правленіе съ бурмистромъ во главѣ; посредствующимъ звеномъ между губернской канцеляріей и волостнымъ правленіемъ былъ на первыхъ порахъ стародубскій комендантъ изъ великороссійскихъ чиновъ [1]).

Объ организаціи слободскаго Волостнаго Правленія, какимъ оно было до 1754 г., т. е. до назначенія Сенатомъ въ раскольничьи слободы особыхъ управителей изъ штабъ офицеровъ, сообщаетъ нѣкоторыя подробности первый слободской управитель Морозовъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ Кіевской губернской канцеляріи 1758 г., въ которомъ онъ оправдывался въ замѣченной канцеляріей неисправности составленныхъ имъ вѣдомостей о всѣхъ живущихъ въ Малой Россіи раскольникахъ. Онъ именно писалъ: „когда я въ 1754 г. къ тому званію (управительству) опредѣленъ и въ тѣ малороссійскія раскольническія слободы прибылъ, то въ тѣхъ слободахъ Волостной конторы до прибытія моего учреждено не было; а находилось волостное правленіе, въ которомъ отправляли всякія касающіяся дѣла выбираемые повсягодно бурмистры и выборные два человѣка изъ тѣхъ же слободъ жители, и при нихъ имѣлись погодно жъ волостные писари, и кто въ которой слободѣ выбранъ на годъ

---

[1]) Ист. Арх. при Х. ун. № 3125. См. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 16, стр. 109. Бантышъ—Каменскій: Ист. Малорос. М. 1854 г. 1, 288—290. Опис. акт. арх. Маркевича, стр. 3. Чт. въ об. ист. и др. Росс. 1884 г. кн. 2.

бывалъ бурмистромъ, въ той слободѣ и оное волостное правленіе, перенося изъ слободы въ слободу, содержалось, а не такъ какъ порядочно учрежденныя судебныя конторы въ одномъ мѣстѣ, и какъ усматривается через то многія дѣла перемѣшаны и едва съ трудностію отыскивать, что потребно, можно, и потому порядочныхъ книгъ и вѣдомостей не было [1])..." Въ раскольническихъ дѣлахъ первой половины прошлаго вѣка упоминается и „наказные бурмистры", напр. Сухаревъ и Хрущовъ въ дѣлѣ о Воронковской лжехристовщикѣ 1747 г., временно исполнявшіе за отсутствіемъ или по болѣзни настоящихъ бурмистровъ ихъ обязанности. Бурмистры и выборные ежегодно утверждались въ своихъ должностяхъ Кіевской губернской канцеляріей, а съ 1728 г. по 1750 г. Глуховской канцеляріей министерскаго правленія. Низшими органами слободскаго управленія были войты, десятники, впослѣдствіи—пятисотники и тысяцкіе, избираемые каждой слободой отдѣльно. Общія слободскія дѣла рѣшались собраніемъ всѣхъ войтовъ и первостатейныхъ обывателей или волостными съѣздами, и приводились въ исполненіе волостнымъ правленіемъ и бурмистромъ. Главнымъ предметомъ обсужденій на волостныхъ съѣздахъ были по преимуществу дѣла финансоваго свойства, взиманіе и раскладки подушныхъ денегъ и пр., а также и церковно-религіозныя дѣла слобожанъ.

По вопросу о томъ, кому больше всего обязаны были малороссійскіе слободскіе раскольники устройствомъ своего новаго положенія и освобожденіемъ отъ „обыкновеннаго подданства" малороссійскимъ державцамъ, недавно было высказано предположеніе однимъ изъ авторитетныхъ знатоковъ исторіи мѣстнаго края, именно А. М. Лазаревскимъ, что будто бы въ данномъ случаѣ не безкорыстную услугу оказалъ имъ главнымъ образомъ назначенный княземъ Голицынымъ комиссаръ Ергольскій. Свое соображеніе почтенный историкъ основываетъ единственно на прошеніи поданномъ въ 1721 году Кіевопечерскимъ архимандритомъ Іоаникіемъ Сенютовичемъ, сдѣлавшимъ попытку если не возвратить „вѣрныхъ и вѣчныхъ подданныхъ", которыми обѣщали быть поселившіеся на лаврскихъ земляхъ раскольники, то, по крайней мѣрѣ, возвратить тѣ земли, которыя были заняты ими. Въ своемъ прошеніи Кіевопечерскій архимандр-

[1]) Х. И. А. Д. М. № 3125: Рапортъ Морозова отъ 1 іюля 1758 г.

ритъ писалъ: „и жили они на нашихъ монастырскихъ грунтахъ въ обыкновенномъ подданствѣ. А въ прошломъ 1714 г. Кіевскаго гарнизона полковникъ Григорій Ергольскій, будучи въ малороссійскихъ городахъ для сыску и выводу бѣглыхъ драгунъ и солдатъ и прочихъ великороссійскаго народу людей на прежнія жилища, взявъ съ нихъ, раскольщиковъ, великія взятки и укрывая ихъ отъ выводу, написалъ ихъ только раскольщиками и якобы оные жилища имѣютъ въ пустыхъ мѣстахъ и дикихъ лѣсахъ, утая наши монастырскіе грунта"... Сопоставляя это прошеніе Іоаникія Сенютовича съ вышеприведеннымъ распоряженіемъ князя Голицына отъ 28-го февраля 1716 г., сдѣланнымъ „по именному царскаго Величества указу", нельзя не видѣть, что фактъ „подданства" никѣмъ не былъ прикрываемъ, когда повелѣвалось прямо владѣльцамъ раскольниками не владѣть и податей съ нихъ не имать и проч. Интересно, что г. Лазаревскій, вслѣдъ за высказаннымъ имъ предположеніемъ объ укрывательствѣ раскольниковъ „отъ выводу" со стороны комиссара Ергольскаго, написавшаго ихъ только якобы раскольниками и жительство имѣвшими „въ пустыхъ мѣстахъ и дикихъ лѣсахъ", а не на владѣльческихъ земляхъ, приводитъ именно распоряженіе князя Голицына отъ 28-го февраля 1716 г., такъ рѣзко расходящееся съ высказаннымъ имъ предположеніемъ [1].

---

[1]) Опис. ст. Малорос. 1, 458. Арх. Черн. каз. пал., дѣло хозяйств. отд., № 15.—Почти всѣ малороссійскіе владѣльцы, задѣтые въ своихъ интересахъ отобраніемъ раскольниковъ какъ «подданыхъ» и тѣхъ земель, которыми они владѣли съ ихъ дозволенія, старались, при своихъ попыткахъ о возвращеніи послѣднихъ, такъ или иначе мотивировать свои ходатайства на этотъ счетъ и допускали въ данномъ случаѣ крупныя передержки противъ правды и ими же самими выданныхъ «осадныхъ листовъ» и другихъ актовъ, какъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ и Кіевопечерскій архимандритъ. Въ 1725 г. представитель Черниговскаго Троицко-ильинскаго монастыря въ своемъ прошеніи св. Синоду представлялъ дѣло такъ, что Добрянскіе раскольники «насильно» поселились на монастырскихъ земляхъ, хотя и выдано было «осадное письмо», приведенное нами въ своемъ мѣстѣ, на поселеніе раскольничьей слободы Добрянки. Не отставали отъ духовныхъ державцевъ и свѣтскіе въ данномъ случаѣ какъ въ петровское время, такъ и послѣ. Такъ позднѣйшій претендентъ на слободу Радуль, Черниговскій полковникъ и бригадиръ Милорадовичъ, женатый на Софьѣ Семен. Полубтко, доказывалъ, что

Но и допуская даже, что Ергольскій бралъ съ раскольниковъ „великія взятки“, что въ то время было дѣломъ обыкновеннымъ и не относительно только раскольниковъ, нѣтъ еще основанія и предположительно говорить, что именно по его донесенію или по его иниціативѣ послѣдовалъ царскій указъ о запискѣ раскольниковъ въ окладъ и дальнѣйшее распоряженіе князя Голицына о введеніи новаго положенія для нихъ, о выдѣленіи ихъ изъ состава малороссійскаго управленія и освобожденіи „отъ обыкновеннаго подданства“ мѣстнымъ малороссійскимъ державцамъ, какъ представляетъ дѣло г. Лазаревскій.

Очевидно, въ порядкѣ служебной подчиненности дѣло шло такимъ образомъ, что полковникъ Ергольскій, проживщій въ слободахъ около двухъ лѣтъ (1714—1715 гг.), донесъ о положеніи малороссійскихъ раскольниковъ князю Голицыну, какъ Кіевскому генералъ-губернатору, а послѣдній, на основаніи добытыхъ имъ данныхъ, представилъ все дѣло о нихъ съ своимъ заключеніемъ на усмотрѣніе государя. По поводу послѣдняго представленія и послѣдовалъ именной царскій указъ, къ сожалѣнію еще не найденный, на имя князя Голицына, на основаніи котораго и сдѣлано было послѣднимъ вышеприведенное распоряженіе отъ 28-го февраля 1716 г. о слободскихъ раскольникахъ, надолго опредѣлившее собою ихъ дальнѣйшую судьбу въ Малороссіи. А если такъ, то, очевидно, не полковнику Ергольскому, а князю Д. М. Голицыну обязаны малороссійскіе слобожане-раскольники своимъ новымъ положеніемъ. Такъ по всей вѣроятности и было дѣло.

Высказанному нами соображенію не противорѣчитъ и личный характеръ князя Дмитрія Михайловича Голицына, и его политическія и религіозныя симпатіи. Это, во всякомъ случаѣ, крупная историческая личность XVIII вѣка. Онъ, по справедливому замѣчанію профессора Д. А. Корсакова, представляетъ собою счастливое сочетаніе старипнаго московскаго боярства съ европеизмомъ, являясь выразителемъ лучшихъ сторонъ этого боярства. Это былъ, по словамъ того же почтеннаго профессора, двулицый Янусъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ нашей

Радульцы самовольно захватили владѣльческія земли, что имъ при поселеніи указано бывшимъ Черн. полковникомъ П. Л. Полуботко владѣть «одними только жиллими двориками» Х. И. А. Д. М. № 2414 л.л. 574—577 и 588.

цивилизаціи — московской и европейской, врагъ скороспѣлыхъ нововведеній, безъ особенной надобности заносимыхъ къ намъ изъ-за моря. Поэтому онъ не могъ раздѣлять всѣхъ принциповъ преобразовательной программы Петра Великаго. Въ реформѣ послѣдняго Голицыну болѣе всего были антипатичны стремленія царя измѣнить нравы и благочестивые обычаи старины. Но онъ не былъ фанатикомъ-пустосвятомъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно семейное преданіе, сохраненное однимъ изъ потомковъ князя Д. М. Голицына, княземъ Н. С. Голицынымъ. „Петръ Великій, — говоритъ преданіе, — любилъ часто захаживать по утрамъ къ князю Дмитрію Михайловичу, чтобы сообщить ему свои новыя предпріятія, или выслушать его мнѣнія. Князь Д. М. имѣлъ обыкновеніе никого не принимать къ себѣ, не кончивъ утренней молитвы; нерѣдко случалось, что прибытіе высокаго посѣтителя было ранѣе срочнаго часа, но, не любя нарушать заведеннаго порядка, Петръ Великій не прерывалъ благочестиваго уединенія князя. „Узнай, Николушка, когда старикъ кончитъ свои дѣла“? говорилъ государь родственнику князя Дмитрія Михайловича, мальчику князю Голицыну, жившему у него въ домѣ, и терпѣливо ждалъ выхода стараго князя“ [1]). По всей вѣроятности и въ раскольникахъ князь Голицынъ цѣнилъ ихъ традиціонную связь съ нравами и благочестивыми обычаями родной старины, не одобряя однакоже ихъ фанатическаго пустосвятства, ихъ бездушнаго и безсмысленнаго преклоненія предъ буквой. Въ частности, относительно малороссійскихъ слободскихъ раскольниковъ, расположеніе князя къ чтителямъ старины могло имѣть и другой характеръ: онъ могъ преслѣдовать при этомъ и чисто государственный интересъ, считая полезнымъ усиленіе въ Малороссіи великорусскаго элемента въ политическомъ отношеніи, особенно послѣ измѣны Мазепы.

Что князь Д. М. Голицынъ былъ расположенъ къ чтителямъ старины и видимо оказывалъ покровительство слободскимъ

---

[1]) Корсаковъ, Д. А. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань. 1880. Стр. 34—37. Записки о родѣ князей Голицыныхъ, изд. Е. Серчевскимъ, с. 61 и слѣд. Въ «Запискѣ англійскаго резидента Рондо о нѣкоторыхъ вельможахъ русскаго двора въ 1730 г.» о князѣ Д. М. Голицынѣ сказано: «Духовенство и простой народъ питаютъ къ нему величайшее уваженіе, но низшее дворянство скорѣе его боится, чѣмъ любитъ»... «Зап. иностранцевъ о Россіи въ XVIII ст.» Спб. 1874 г., т. I, стр. 222.

раскольникамъ, подчиненнымъ ему, это доказывается не только созданнымъ по его инициативѣ новымъ ихъ положеніемъ 1716 г. въ гетманской Малороссіи, но и его дальнѣйшимъ отношеніемъ къ слобожанамъ за все послѣдующее время его кіевскаго генералъ-губернаторства. Въ самомъ дѣлѣ, за все послѣдующее время кіевскаго правленія князя Д. М. Голицына (до 1720 г.) мы не видимъ, чтобы къ слободскимъ раскольникамъ прилагались общія стѣснительныя мѣры относительно раскольниковъ, издававшіяся въ то время гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ. Бѣглые попы въ слободахъ не преслѣдовались и открыто совершали богослуженіе, какъ мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ; раскольники—слобожане съ ихъ „врагопостриженными черноризцами", по выраженію полковника Лукьяна Жоравки въ донесеніи гетману отъ 21-го ноября 1717 г., свободно и открыто строили свои „монастырьцы" и часовни [1]). Не прилагались къ нимъ и мѣры гражданскаго правительства. Не смотря на законъ 2-го марта 1718 г., которымъ повелѣвалось въ „бурмистры, и войты и во всякія службы избирать такихъ людей, которые по вся годы исповѣдываются..., а которые не исповѣдываются, такихъ отнюдь ни въ какія службы не выбирать", въ Стародубскихъ и Черниговскихъ слободахъ раскольники занимали „службы" и бурмистровъ и войтовъ [2]). Точно также мало обращало вниманія кіевское начальство на соблюденіе слободскими раскольниками и другихъ правительственныхъ мѣропріятій. Напр. указъ 1715 г., которымъ „великороссійскихъ городовъ раскольщиковъ на житье принимать къ себѣ болѣе запрещено", также повидимому мало здѣсь примѣнялся: раскольники продолжали приходить сюда и селились здѣсь среди своихъ собратій, особенно въ то время усилился притокъ ихъ изъ Нижегородскаго поволжья отъ миссіонерскихъ преслѣдованій Питирима [3]). За одно повидимому преслѣдовалъ слободскихъ

[1]) Подробности о бѣглыхъ попахъ и часовняхъ въ Стародубьѣ во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XVIII в. см. въ IV гл.—Опис. акт. арх. Маркевича стр. 2. Чт. въ общ. ист. и др, Рос. 1884 г. кн. II.

[2]) И. с. и. и р. по в. пр. исп. IV, 156, 164. Ср. П. С. З. VII, № 4526; VI, № 4009.

[3]) Чт. въ общ. ист. и др. Рос. 1859 г., т. I, стр. 281—822 (Источ. Малор. ист. Бантышъ-Каменскаго). И. с. и. и р. по в. пр. ист. IV, 160—164.

раскольниковъ князь Голицынъ, какъ и его преемники по кіевскому генералъ-губернаторству, это—за захватъ чужихъ земель, какъ видно изъ дѣла 1720 г. слобожанъ раскольничьей слободы Воронка, захватившихъ грунтъ Андрея Миклашевскаго „Товкачи", съ давнихъ поръ принадлежавшій къ его с. Понуровкѣ. По распоряженію князя П. А. Голицына былъ посланъ на мѣсто плацъ-маіоръ Илья Васильевичъ Сбруевъ, который раскольникамъ отказалъ вовсе отъ того грунта, „и що оные раскольники насилно засѣвы селянъ Понуровскихъ пожали, а сѣножати покосили, онъ, плацъ-маіоръ, велѣлъ селянамъ, яко свое властное, побрати [1])".

Есть и прямыя указанія на покровительственное и благоволительное отношеніе князя Д. М. Голицына къ малороссійскимъ слободскимъ раскольникамъ, относящіяся даже къ тому времени, когда онъ уже не состоялъ Кіевскимъ губернаторомъ. Въ 1723 г. Стародубскій протопопъ Ѳедоръ Подгурскій, главный помощникъ въ Стародубьѣ противораскольническаго миссіонера іеромонаха Іосифа Рѣшилова, доносилъ черниговскому епископу Иродіону Жураковскому слѣдующее: „за пріятное разглагольствіе сказывалъ панъ Степанъ Ширай, когда возвратившеся съ Москвы, былъ въ дому его, Шираевѣ, раскольничій бурмистръ Ерема и хвалился листомъ князя Дмитрея Голицына, да Кіевскаго губернатора господина Трубецкаго, въ той силѣ писанномъ, дабы по прежнему въ зловѣріи своемъ невредимы пребыли; онъ же де князь Голицынъ будто говорилъ Еремѣ на словахъ: во Великой де Россіи таковаго слѣдованія, каковое вамъ въ Малой Россіи дѣется (отъ Рѣшилова) нѣтъ, и присылалъ по него Ерему Ергольской слугу своего, прозваніемъ Волка, чтобъ онъ ѣхалъ въ Москву къ князю Голицыну [2])". Нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять этому разсказу, освѣщающему въ извѣстной мѣрѣ отношеніе князя Голицына къ слободскимъ раскольникамъ.

Покровительственное отношеніе къ стародубскимъ слободскимъ раскольникамъ, со стороны кіевскаго губернскаго начальства, продолжалось и при ближайшихъ преемникахъ князя

---

[1]) Опис. акт. арх. Маркевича, стр. 2—3. Съ 1720 по 1722 г. Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Петръ Алексѣевичъ Голицынъ. Закревскій, Н. Опис. Кіева, II, 895. Ср. Опис. акт. арх. Маркевича, стр. 2.

[2]) П. с. п. и р. по в. прав. исп. т. IV, № 1323, стр. 166.

Д. М. Голицына, Петрѣ Алексѣевичѣ Голицынѣ (1720—1722 г.) и особенно князѣ Иванѣ Юрьевичѣ Трубецкомъ (1722—1732 гг.). Оно особенно выразилось во время миссіонерской дѣятельности іеромонаха Іосифа Рѣшилова, когда послѣдній, кромѣ увѣщаній и разговоровъ о вѣрѣ съ раскольниками, сталъ энергически настаивать на платежѣ за расколъ двойнаго оклада, ношеній „образцоваго стараго платья, которое велѣнно носить раскольникамъ и бородачамъ", а равно и на новой переписи раскольниковъ, живущихъ на польскомъ рубежѣ. Двойное обложеніе раскольниковъ было установлено указомъ 8 февраля 1716 г., которымъ было предписано губернаторамъ переписать всѣхъ раскольниковъ, *кромѣ живущихъ близъ рубежей*, и „положить ихъ въ окладъ противъ настоящаго нынѣшняго платежа, почему купечество въ посады, а крестьяне въ тяглыхъ своихъ жеребьяхъ платятъ вдвое; а которые по описи явятся, а прежде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ обложить, примѣняясь къ тому жъ; а съ женска пола со вдовъ и съ дѣвокъ противъ онаго вполы". Относительно размѣра раскольническаго сбора изъ синодскаго указа, отъ 30 сентября 1724 г., узнаемъ, что до 1724 г. онъ не былъ нормированъ согласно государственному окладу и что со всѣхъ вообще „мужскихъ персонъ, за неполученіемъ о тяглѣ ихъ извѣстія, сбирано было персонально по рублю", при чемъ подъ этимъ окладомъ, какъ видно изъ приводимаго въ указѣ синодскаго опредѣленія отъ 2 іюня 1724 г., числялась кромѣ самаго плательщика и семья его (при одномъ крестьянинѣ жена, невѣстка и дочь), а съ женщинъ, не числившихся въ семьяхъ, сродницъ, подсосѣдницъ и келейныхъ жительницъ—по полтинѣ. Упомянутымъ же указомъ былъ установленъ, „понеже окладъ государственныхъ податей сталъ явственъ", сборъ: съ мужскихъ персонъ—съ крестьянъ по восьми гривенъ, съ купцовъ и разночинцевъ по 1 руб. 20 к., съ женщинъ, какъ въ семьяхъ, такъ и внѣ семей,—вполы, т. е. по 40 и 60 к. Изъ раскольническаго сбора были изъяты раскольники, живущіе близъ рубежей, которыхъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ въ 16 слободахъ числилось въ 1718 г. 1712 чел., кромѣ женской половины слободскаго населенія, а того и другого пола 3112 чел.[1]). На вопросѣ о двойномъ обложеніи и соприкосно-

[1]) П. С. З. т. V № 2991. Т. VII, № 4575. П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. т. IV, № 1378. См. въ М. А. М. Ю. дѣла Раск. Конт. в.

венномъ съ нимъ вопросѣ о новой переписи слободскихъ раскольниковъ прежде всего и столкнулся миссіонеръ Рѣшиловъ съ кіевскимъ губернскимъ начальствомъ. Князь Трубецкой, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ, на доношеніе бурмистра описныхъ раскольническихъ слободъ Еремы Карпова о томъ, что Рѣшиловъ „хощетъ въ слободахъ людей и всякіе пожитки переписывать и съ 1716 году двойной окладъ имать" на основаніи „двухъ указовъ, присланныхъ изъ Синода къ Черниговскому епископу о раскольникахъ обрѣтающихся въ гражданствѣ и купечествѣ", отвѣчалъ бурмистру такъ: „ежели-де оный Рѣшиловъ имянно объ нихъ изъ Синода указъ имѣетъ, то и спорить не надлежитъ; а ежели онъ такого указу, кромѣ помянутыхъ, не имѣетъ, то объявить ему, что по тѣмъ указамъ до васъ не касается, понеже-де вы Его Императорскаго Величества указами обложены денежнымъ окладомъ съ 1716 году, а по указамъ-де, присланнымъ въ кіевскую губернію изъ правительствующаго сената, изображено о раскольникахъ кромѣ тѣхъ, которые при границахъ обрѣтаются, и о семъ-де надлежитъ вамъ объявить, гдѣ надлежитъ [1]). По челобитью описныхъ слободъ жителей „о храненіи ихъ отъ находящихъ имъ обидъ и не допущеніи ихъ до разореней и никакова убытка и турбацей", возбужденныхъ миссіей Рѣшилова, и потребованію о томъ указа со стороны стародубскаго коменданта подполковника Пашкова, князь Трубецкой письмомъ отъ 22 іюня 1723 г. предлагалъ послѣднему: „описныхъ слободъ обывателей отъ находящихъ обидъ охранять и до разоренія и ни до какова убытка и налогъ не допускать и бурмистра Ерему Карпова съ товарищи къ помянутому Рѣшилову не отсылать и объявить ему, дабы онъ, Рѣшиловъ, до тѣхъ отписныхъ слободъ ни въ чемъ не интересовался, ибо оныя слободы имяннымъ Его Императорскаго Величества указомъ отписныя и въ диспозиціи нашей зостаютъ... А ежели помянутой Рѣшила въ тѣ слободы болѣе станетъ вступать, то оного прикажемъ нечестью оттоль выслать вонъ, ибо тѣ слободы къ великороссійскимъ не приличествуютъ [2])". Такъ

49, д. 18, лл. 86 и 12 об. Нечаевъ, В. В.: Раскольническая Контора 1725—1764 г., стр. 4 и 7. Опис. докум. и бум., хран. въ Моск. арх. Мин. Юст. кн. VII. М. 1890.

[1]) П. с. п. и р. вѣд. прав. исп. т. IV № 1323, ст. 155

[2]) Ibidem, № 1386, ст. 241. Въ доношеніи Св. Синоду, отъ 14 января 1725 г., князь Трубецкой поставилъ два вопроса: долженъ ли онъ, по силѣ именного Его Величества указа 12 августа 1724 г. (П. С. З. т. VII,

обострились отношенія между миссіонеромъ Рѣшиловымъ и кіевскимъ губернскимъ начальствомъ. Дѣло дошло и до того, что іеромонахъ Рѣшиловъ съ своимъ помощникомъ священникомъ Игнатіемъ были преданы правительствующимъ сенатомъ суду Малороссійской коллегіи, по донесенію кіевскаго губернатора отъ 23 іюля 1724 г., за то, что чинили стародубскихъ слободъ обывателямъ обиды и разореніе и въ мѣстечкахъ того стародубовскаго, также и черниговскаго полковъ по торжкамъ и по дорогамъ тѣхъ обывателей грабили [1])".

Покровительство сильныхъ и вліятельныхъ кіевскихъ губернаторовъ, каковыми были князь Д. М. Голицынъ и князь Трубецкой, было, конечно, выгодно во всѣхъ отношеніяхъ для малороссійскихъ слободскихъ раскольниковъ. То положеніе, въ которое они были поставлены по иниціативѣ перваго, было такъ прочно и устойчиво, что не имѣли успѣха всѣ ходатайства, заявленныя въ XVIII в., о возвращеніи раскольниковъ въ „подданство" или освобожденіи занятыхъ ими земель, за исключеніемъ ходатайства Кіевопечерской лавры. Оно же въ извѣстной мѣрѣ условливало собою и дальнѣйшій ходъ правительственныхъ мѣропріятій XVIII в. относительно этихъ раскольниковъ. Однако-же и въ первой половинѣ XVIII в. на долю ихъ выпало не мало невзгодъ и „затрудненій", какъ писали они о томъ времени Нижегородскимъ раскольникимъ [2]). Главною причиною этихъ затрудненій было далеко не одно появленіе въ Стародубьѣ іеромонаха Іосифа Рѣшилова, присланнаго св. Синодомъ „для разглагольствованій" съ раскольниками и обращенія ихъ

№ 4553), вновь переписывать раскольниковъ, живущихъ на польскомъ рубежѣ, и слѣдуетъ ли ихъ въ платежѣ, за содержаніе раскола, денегъ подчинить опредѣленію Св. Синода 30 сентября того же года? Въ разрѣшеніе перваго изъ возбужденныхъ княземъ Трубецкимъ вопросовъ Св. Синодъ велѣлъ ему вѣдомость съ прежней 1718 г. переписи отослать въ Розыскную раскольническихъ дѣлъ канцелярію, а о второмъ постановилъ доложить Ея Императорскому Величеству. Но было ли послѣднее исполнено—изъ дѣла не видно. Синодское опредѣленіе состоялось 11-го октября 1725 г. Опис. докум. и дѣлъ, хр. въ Св. Син. IV, № $\frac{132}{283}$, ст. 131 П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. V, №№ 1669—1670.

[1]) Ibidem, № 1454, ст. 311—315. П. с. п. и р. по в. пр. исп. IV, № $\frac{444}{214}$, ст. 456—57.

[2]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, ст. 160.

путемъ проповѣди въ лоно православной церкви. Серьезная опасность грозила имъ и отъ обиженныхъ новымъ ихъ положеніемъ 1716 г. малороссійскихъ державцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и отъ мѣстнаго малороссійскаго управленія и казацкой старшины, которой трудно было мириться съ фактомъ поселенія въ гетманщинѣ болѣе или менѣе значительнаго населенія, свободнаго отъ всякаго ея вліянія. Что касается державцевъ, то имъ естественно было жаль лишиться „вѣрныхъ и вѣчныхъ подданыхъ“, какими при первоначальномъ поселеніи обѣщали быть раскольники, и еще больнѣе—потерять тѣ земли, которыя ими были заняты; съ этими фактами не хотѣли мириться ни духовные, ни свѣтскіе державцы. Но болѣе всего усиливало и обостряло недовольство ихъ то обстоятельство, что раскольники, пользуясь покровительствомъ кіевскаго губернскаго начальства, при притокѣ новыхъ поселенцевъ въ концѣ царствованія Петра Великаго, не стѣснялись захватывать у сосѣдей новыя земли, и въ данномъ случаѣ не обходили ничьихъ земельныхъ владѣній, не исключая владѣній стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки и даже самаго гетмана Скоропадскаго. Въ своей жалобѣ гетману, отъ 30-го августа 1717 г., полковникъ Жоравка писалъ, что „если раскольщикамъ, яко теперь разширятися въ полку нашемъ допущено будетъ, много зъ полчанъ отъ утиску ихъ чуратися жилищъ своихъ мусятъ, поневажъ они самоволне, що хотятъ, чинятъ, а справедливости нихто на ихъ поискати не можетъ, чого самъ дознавалемъ и дознаю“. Еще сильнѣе высказывается тотъ же полковникъ въ другомъ своемъ донесеніи гетману, отъ 21-го ноября того же года, а именно, что раскольники „такъ крипко предстателемъ своимъ дьяволомъ укореняются, же всѣ угодья лѣсовія и дуброви окольничихъ селъ заобладати тщатся: зачимъ, дабы подселившоюся ихъ вражою прелестію въ конецъ полкъ мой не узналъ гищенія, прошу дать намъ руку помощи [1])“...

---

[1]) Чт. въ общ. ист. и др. Росс. 1884 г., кн. 11. Опис. акт. арх. Маркевича. Стр. 2—3. Въ 1723 г. Андрей Миклашевскій жаловался генеральной старшинѣ на Воронковскихъ раскольниковъ, завладѣвшихъ грунтомъ Товкачи, съ давнихъ поръ принадлежавшимъ къ его с. Понуровкѣ, и просилъ генеральную канцелярію отнестись въ Малороссійскую коллегію, чтобы она выдала указъ до Стародубскаго коменданта «о повстягненю отъ таковаго самовольства расколь-

Особенную настойчивость въ попыткахъ возвратить не только земли, занятыя раскольниками, но и самихъ слобожанъ, какъ „подданныхъ", обнаружили монастыри—Кіевопечерская лавра и Черниговскій Троицко-Ильинскій монастырь. Первую неудачную попытку къ возвращенію занятыхъ раскольниками лаврскихъ земель въ Стародубскомъ полку сдѣлалъ Іоаникій Сенютовичъ, лаврскій архимандритъ. Попытка эта, какъ мы уже при случаѣ и упоминали, выразилась въ прошенія его, поданномъ въ 1721 г. Петру Великому, въ которомъ Кіевопечерскій архимандритъ просилъ „свесть раскольниковъ съ монастырскихъ грунтовъ", и мотивомъ своей просьбы выставлялъ то, что будто бы раскольники „своими вольностями и свободнымъ житіемъ малороссійскій народъ прельстивъ, къ своимъ богопротивнымъ ересямъ обратили и по своему крестили, и тѣмъ не малой соблазнъ въ простомъ народѣ ввели [1]"... Въ 1728 г. просьба о возвращеніи лаврскихъ земель была повторена. Въ такъ называемыхъ „пунктахъ просительныхъ" (всѣхъ пунктовъ 13) ,въ которыхъ Кіевопечерская лавра ходатайствовала о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ, о землѣ, взятой подъ крѣпость, типографіи и пр., 7-й пунктъ относился „къ раскольщикамъ", жившимъ на лаврскихъ земляхъ въ Стародубскомъ полку. Въ немъ было сказано: „Въ полку Стародубовскомъ которые раскольщики на земляхъ монастырскихъ живутъ, чтобъ оные были съ тѣхъ земель сведены, понеже крестьяне монастырскіе понежные великіе отъ нихъ налоги и убытки и разоренія непрестанныя терпятъ". И на этотъ разъ послѣдовала неблагопріятная для лавры резолюція: „О раскольщикахъ состоитъ въ милости [2]". Повторяла лавра свои ходатайства о томъ же предметѣ и въ послѣдующее время, пока, наконецъ, настойчивость ея не увѣн-

---

никовъ, и впредъ бы имъ, яко никогда не имѣвшимъ въ этотъ грунтъ жадного уступу и дѣла, не вторгати и не интересоватись». Jbidem. Ср. Опис. ст. Мал. Лазаревскаго, т. 1, стр. 443. О позднѣйшихъ земельныхъ спорахъ раскольниковъ съ малороссійскими державцами см. Х. И. Арх. Д. М. №№ 2285, 2414, 2478, 6661, 9852, 12972, 19787, 21615 и др. Есть не мало дѣлъ этого рода также и въ связкахъ Кіев. цент. архива. См. св. дѣлъ о землевладѣніи.

[1]) Арх. Черн. каз. пал., дѣла хозяйств., № 15. Опис. ст. Мал. т. 1, стр. 458.

[2]) М. А. М. И. Д. Д. М. Св. 65, № 31. См. по 2 реестру М. Д. съ 1700 г.

чалась успѣхомъ въ 1741 г. Дѣло было такъ. Въ 1737 г. архимандритъ лавры Иларіонъ съ братіею подалъ челобитную о чинимыхъ раскольниками монастырскимъ подданымъ обидахъ и разореніяхъ, выражавшихся главнымъ образомъ въ земельныхъ захватахъ. По жалобѣ лавры Высочайше повелѣно было князю Барятинскому произвести слѣдствіе и обозначить межи Ардонской слободы, наиболѣе захватившей лаврскихъ земель. По указу канцеляріи министерскаго правленія слѣдствіе это производилъ маіоръ Глуховскаго гарнизона Хрипуновъ, котораго впослѣдствіи архимандритъ лавры Тимоѳей Щербацкій обвинялъ въ томъ, что онъ „слѣдствіе производилъ съ понoровкою тѣмъ раскольщикамъ, почему оные подданымъ монастырскимъ... не только обиды, но и убивства чинить стали, отъ чего тѣ подданные пришли въ крайнюю нищету и убожество“. По поводу этой „понoровки“ Хрипунова и новыхъ обидъ и даже „убивствъ“ со стороны раскольниковъ, въ концѣ 1740 г. архимандритъ лавры Тимоѳей Щербацкій и обратился съ новой челобитной и просилъ: „для прекращенія происходящихъ отъ раскольщиковъ обидъ и пресѣченія ихъ худыхъ слѣдствъ и прелести“, выслать ихъ изъ трехъ лаврскихъ слободъ—Свяцкой, Ардони и Тимошкина Перевоза, или приписать къ Кіевопечерской лаврѣ. При этомъ лавра обязывалась положенный съ раскольниковъ окладъ употреблять на постройку въ тѣхъ слободахъ православныхъ церквей и на содержаніе „достойныхъ и учительныхъ священниковъ съ причетники“; обязывалась также и заботиться о приведенія „отъ заблужденія ихъ къ единогласному православному исповѣданію“. Въ особомъ прошеніи въ Сенатъ тотъ же архимандритъ представлялъ, что если раскольниковъ къ лаврѣ „приписать будетъ невозможно“, то чтобъ ихъ разослать на прежнія жилища, а положенный на нихъ окладъ сама лавра будетъ вносить, куда слѣдуетъ, „повсягодно бездоимочно“. Просьба лавры на этотъ разъ совершенно неожиданно была удовлетворена; въ Сенатскомъ рѣшеніи 27-го апрѣля 1741 г. говорилось: „поселившимся на жалованныхъ кіевопечерской лаврѣ земляхъ раскольщикамъ, по силѣ универсаловъ прежняго архимандрита Миславскаго, быть въ подданствѣ той кіевопечерской лавры, для того, хотя оные именнымъ 1715 г. указомъ по переписи въ окладъ положены на тѣхъ земляхъ, токмо тѣхъ земель изъ владѣнія той лавры выключать не велѣно, и они, раскольщики, какъ изъ объявленныхъ отъ нихъ универсаловъ, дан-

ныхъ отъ архимандрита Миславскаго, видно, сами въ подданство пришли и оное приняли"... Тѣмъ же Сенатскимъ рѣшеніемъ, признавшимъ власть лавры надъ раскольниками, поселившимися на ея земляхъ, поставлено было условіемъ, чтобы лавра заботилась о присоединеніи ихъ къ истинной церкви, не дозволяла, подъ страхомъ смертной казни, привращать православныхъ къ расколу, не дозволяла принимать въ слободы бѣглыхъ великороссіянъ и малороссіянъ, платила положенный на раскольниковъ окладъ „съ жила и съ пуста повсягодно" въ Глуховскую министерскую канцелярію, и, наконецъ, запрещала способствовать чьему бы то ни было переходу за границу. Сенатскимъ рѣшеніемъ опредѣлялось также, чтобы всѣхъ „сверхъ прежде положенныхъ въ окладъ", хотя бы и платившихъ его, переписавъ, по силѣ указа 4-го сентября 1735 г., „со всѣми пожитками разослать на прежнія ихъ жилища". Однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ Сенатскаго рѣшенія, благопріятнаго для лавры, было и то соображеніе, что раскольники, „будучи съ прочимя монастырскими подданными въ единомъ вѣдомствѣ, всѣ ссоры между собою прекратятъ и впредь никакихъ обидъ одинъ другому чинить не будутъ и каждый землею пользоваться имѣетъ по отводу властей". Сенатское рѣшеніе было утверждено Высочайшей резолюцiей. Это было въ правленіе принцессы Анны Браунштейгъ—Люнебургской [1]).

---

[1]) П. С. З. XI, №№ 8365 и 8466.—Интересныя подробности о пріемѣ лаврою трехъ возвращенныхъ ей раскольничьихъ слободъ передаетъ А. М. Лазаревскій, на основаніи архивныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ дѣлъ арх. Черн. каз. палаты. Для пріема слободъ назначенъ былъ лаврою монахъ, которому дана особая инструкція, которою повелѣвалось ему «особливо крѣпко того оберегаться, чтобъ какъ въ Глуховѣ, такъ и въ комиссіи, въ противность грамоты, данной нашей обители и указамъ, не проговориться; но токмо того берегти, дабы были намъ въ подданствѣ раскольники по силѣ грамоты жалованной, да того просить не оставить: которіе раскольники съ нашихъ слободъ высланы будутъ, чтобы отъ тѣхъ награждено. Съ нашими же, оставшимися за силу грамоты, раскольниками, повремени, яко съ подданными, мощно будетъ не вдругъ, потихенку справиться»... Приняты были и другія мѣры, по обычаю вѣка, для того, чтобы передача слободъ шла желаннымъ образомъ. Монахъ Савицкій, посланный въ Глуховъ, для знакомства съ членами комиссіи, передававшей лаврѣ слободы, писалъ архимандриту: «не безпо-

Съ 1720 г. начались хлопоты со стороны Черниговскаго Троицко-Ильинскаго монастыря о возвращеніи монастырскихъ земель, занятыхъ Добрянскими раскольниками. Въ 1725 г. черниговскій епископъ Иродіонъ Жураковскій доносилъ св. Синоду по этому поводу слѣдующее: 1) „Епархіи его Черниговской, Троицкаго Ильинскаго монастыря, приходя въ давныхъ годѣхъ раскольщики, селились онаго монастыря на грунтахъ многіе

требно бъ Тютчеву и Львову изъ денегъ по сту рублевъ и по куфѣ (бочкѣ) горѣлки дать, для того, что, первый енеральной войсковой канцеляріи членъ и въ прочемъ годится, а другой въ особливой у Леонтьева (тогдашій правитель Малороссіи) милости находится»... Интересны и сообщаемыя имъ же свѣдѣнія о установившихся подданическихъ къ лаврѣ отношеніяхъ раскольниковъ. Уже въ концѣ 1741 г. раскольники обратились къ лаврѣ съ просьбою замѣнить для нихъ «подданическія работы» денежнымъ годовымъ оброкомъ, такъ какъ, писали они, «за купеческимъ промысломъ, обыкновенной подданической должности, работою производимой, отправлять всячески невозможно». Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ договоръ былъ подписанъ архимандритомъ лавры только лѣтомъ 1743 г., по которому годовой оброкъ былъ опредѣленъ въ 500 руб., «кромѣ заводовъ внутрь тѣхъ слободъ и внѣ имѣющихся, которіе особливому оброку подлежатъ». При этомъ слобожане не освобождались, въ случаѣ надобности, чинить вспомоществованіе обществомъ «въ гаченю гребель», и обязывались пахотною землею, сѣнокосомъ и лѣсомъ владѣть по отводу монастырскому и не интересоваться тѣми землями и угодьями, за которыя былъ многолѣтній споръ. «Аще же», говорится въ заключеніе договора, «кои съ нихъ раскольниковъ подданныхъ нашихъ монастырскихъ, богопротивное свое раскольническое заблужденіе оставя, православнаго греческаго исповѣданія вѣру утвержденно воспріимутъ, таковымъ отъ св. обители особливая милость и въ платежѣ полегченіе обѣщается»... Опис. ст. Мал. 1, 459—461. О монахѣ Савицкомъ, какъ повѣренномъ со стороны лавры при пріемѣ трехъ раскольничьихъ слободъ, упоминаетъ въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ» Яковъ Марковичъ: Ч. II, стр. 142, ср. и стр. 13. Въ тяжебномъ дѣлѣ лавры съ Ардонцами, повѣренный лаврскій (монахъ) оспаривалъ представленное Ардонцами осадное письмо архим. Миславскаго и находилъ, «что тотъ универсалъ змышленъ, для того, что каковъ де на слободу Свяцкую помимо данъ универсалъ, таковъ у свяцкихъ жителей и въ обители ихъ имѣется, а другого на Ардонъ не имѣется». Изъ справокъ при Сенатскомъ рѣшеніи 1741 г. видно, что Сенатомъ были признаны оба универсала, Свяцкій и Ардонскій, дѣйствительными, по представленію раскольниковъ. Ср. въ Оп. ст. Мал. стр. 457—458.

люди *насильно*, на которыхъ и понынѣ живутъ. 2) А съ тѣхъ онаго монастыря грунтовъ, живучи оные раскольщики насильно, въ монастырь оброку съ тѣхъ годовъ и по нынѣ ничего не платятъ. 3) А оные грунты подлинно того монастыря Троицкаго, о чемъ и крѣпости данныя на то явствуютъ, и чтобъ о томъ рѣшеніе учинить". 11-го августа того же года, по доношенію черниговскаго епископа, въ св. Синодѣ состоялось такое опредѣленіе: „освидѣтельствовавъ надлежащія на оныя земли, гдѣ вышеозначенные раскольники поселившися живутъ, крѣпости, изслѣдовать достовѣрно, и буде совершенно явится, что тѣ земли монастырскія, а отъ нихъ раскольниковъ оброку въ монастырь за тѣ земли не плачено, то, взявъ съ нихъ надлежащую за всѣ прешедшіе тутошняго ихъ жительства годы цѣну, отдать во оной монастырь, и впредь велѣть тотъ оброкъ, доколѣ они тутъ жить будутъ, платить неотложно". Опредѣленіе это не имѣло никакой дѣйствительной силы въ разрѣшеніи даннаго вопроса, не смотря на то, что св. Синодомъ былъ посланъ указъ въ Малороссійскую Коллегію [1]). Попытки къ возвращенію Добрянскихъ монастырскихъ земель дѣлались и позже, но также не сопровождались успѣхомъ, какъ видно изъ тяжебнаго дѣла монастыря съ Добрянцами 1776 года. Земельные споры раскольниковъ съ монастырскими управителями обострялись иногда до того, что чинились при этомъ „гвалтовныя нападенія" съ той и другой стороны; особенно отношенія обострились въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка, когда Яриловицкимъ монастырскимъ управителемъ назначенъ былъ іеромонахъ Никандръ [2]).

Еще большая опасность грозила раскольникамъ со стороны мѣстнаго малороссійскаго управленія и козацкой старшины Стародубскаго полка. Послѣдняя начала хлопоты объ удаленіи раскольниковъ изъ Малороссіи, въ видахъ освобожденія занятыхъ ими земель, почти одновременно съ Кіевопечерской лаврой, жалуясь главнымъ образомъ на то, что „грунтовъ себѣ отъ часу раскольщики привлащаютъ и насиліемъ, а жолнѣровъ пресвѣтлаго монарха ни мало не хотятъ контентовати". Въ прошеніи о томъ Петру Великому стародубскіе полчане пи-

---

[1]) М. А. М. И. Д. Д. М. Св. 57, № 7 (по 2 реестру М. Д).— П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. т. V, № 1635.

[2]) Ист. Арх. при Х. Ун. № 2969.

сали, что „ругатели креста Господня, раскольники, когда подъ державу Царскаго Величества подписани зостали, грунта тяглie, зъ которыхъ люди наши твоихъ драгуновъ довольствовали, насилно себѣ позабирали и забираютъ, различнымъ видомъ утиски и грабительства граду, деревнямъ и селамъ дѣлаютъ, начали небоязненно, самовольствiемъ, прельщенiемъ и превращенiемъ правовѣрныхъ на свое злочестiе наклоняютъ, и сего ради яко свободнiи драгуновъ не провiантуютъ и никакихъ нуждъ и подводъ въ интересахъ государственныхъ не отбуваютъ. Таковой свободи извѣстни будучи зъ нашихъ странъ, и нашей малороссiйской породы зъ самого города, изъ селъ приходятъ до нихъ, жительствуютъ на городскихъ и сельскихъ грунтахъ". По требованiю стародубскихъ полчанъ, и самъ гетманъ Скоропадскiй не разъ обращался къ высшему правительству съ просьбой вывесть раскольниковъ въ Великороссiю, и наконецъ включилъ ходатайство о выводѣ ихъ изъ полковъ Стародубскаго и Черниговскаго въ извѣстные „пункты", поданные имъ Петру Великому въ Москвѣ 29 апрѣля 1722 года. Въ доношенiи 1718 г., поданномъ въ коллегiю иностранныхъ дѣлъ, гетманъ просилъ, чтобы „раскольщикамъ въ Малой Россiи не быть", такъ какъ они, будучи положены въ окладъ, не несутъ тягостей полковой службы, а умножаясь въ числѣ, „много пакости людемъ дѣлаютъ: грунты отнимаютъ, явно еретическiе соборы собираютъ, монастыри строятъ, прельщаютъ благочестивыхъ въ зловѣрiе свое". На это доношенiе отвѣчали справкою, что раскольники, поселенные въ 16 слободахъ въ числѣ 493 дворовъ и записанные за гетманомъ и другими малороссiйскими владѣльцами, положены въ окладъ по 1519 руб. въ годъ, и что болѣе принимать такихъ раскольниковъ изъ великороссiйскихъ городовъ запрещено, а изъ за границы перезывать и принимать велѣно. О томъ же гетманъ Скоропадскiй писалъ и въ другомъ позднѣйшемъ доношенiи въ коллегiю иностранныхъ дѣлъ, именно въ 1721 г., причемъ доносилъ, что раскольники слободъ Климовой и Митьковки, „переступивъ давнiя границы и переправивъ слова въ универсалѣ", выданномъ имъ самимъ гетманомъ при первоначальномъ поселенiи, успѣли много отнять земель у сосѣднихъ козаковъ. Всѣ эти просьбы и доношенiя не имѣли успѣха въ царствованiе Петра Великаго [1])

[1]) Арх. Маркевича въ Моск. Рум. Музеѣ, № 294. Чт. въ общ. ист. и др. Росс. 1884 г., кн. II, стр. 1—2. Мат. для ист. раск. на В.

Противъ 6 статьи „Пунктовъ" 1722 г. о выводѣ раскольщиковъ изъ полковъ Стародубскаго и Черниговскаго Государь положилъ резолюцію: „учинить рѣшеніе въ сенатѣ"; но было-ли учинено какое рѣшеніе въ сенатѣ по этой статьѣ—неизвѣстно: только просьба гетмана не была удовлетворена.

Предпринимались, со стороны малороссійскаго управленія, противъ слободскихъ раскольниковъ и новыхъ выходцевъ изъ великороссійскихъ городовъ и разныя стѣснительныя мѣры, направленныя главнымъ образомъ на то, чтобы всѣ раскольничьи „гандлю искоренити" въ Стародубщинѣ. Первая попытка въ этомъ отношеніи была сдѣлана еще въ 1715 г. Универсаломъ, отъ 19-го іюня 1715 г., выданнымъ „по указу рейментарскому", стародубскій полковникъ Лукьянъ Жоравка предписывалъ полчанамъ, чтобъ „всякъ зъ жителей селскихъ, товарищъ войсковій и посполитый, отнюдь не важился по селахъ издячимъ великороссійскимъ торговымъ людямъ продовати пенки, воску и иншаго товару, але въ торгъ для продажи оного привозилъ-бы до города въ Стародубовъ", и неисполнителямъ гетманскаго распоряженія грозилъ лишеніемъ товаровъ и „войсковою карностію".

Гетманскимъ универсаломъ, отъ 28-го ноября 1716 года, выданнымъ на имя того же стародубскаго полковника, строго запрещалось „мѣщанамъ стародубовскимъ коморъ пришедшимъ москалямъ наймовати", а нанятыя уже коморы предписывалось „назадъ поодбирати" и недопускать „болшъ жадною мѣрою наименшихъ имъ раскольщикамъ гендліовъ одправляти, не смотрячисъ полковника Ергольскаго, которому теперь и дѣла жадного до сего нѣтъ". Тоже распоряженіе съ большею настойчивостію было повторено и въ гетманскомъ универсалѣ отъ 5-го февраля 1719 года. Указывая на предшествующій универсалъ, гетманъ писалъ, чтобы „раскольники и инщіе великороссійскіе торговіе люде жадною мѣрою не важились дворовъ и коморъ въ Стародубѣ наймати и промисловъ торговихъ заводити и кромѣ ярмарковъ оными гендліовати, такожъ по селахъ лою, пенки, воску и меду скоповувати", и находилъ, вопреки прежнимъ своимъ

и въ Старод. № 18, стр. 111—112. Источн. Малорос. ист., собр. Бантышъ-Каменскимъ. Чт. въ общ. ист. и др. Росс. 1859 г. I, стр. 281—282. Ист. Малороссіи Маркевича, т. III, стр. 342. Ист. ст. опис. Черн. еп. I, 127—128. Дневникъ Н. Ханенка, стр. 45, 46, 63.

универсаламъ, что раскольщики отъ своихъ промысловъ „и по сей часъ не поскротились", а расширяли ихъ. Видя въ томъ „явную купцамъ стародубовскимъ поносячуюся перешкоду, а послѣдовательно крайнее разореніе", и опасаясь, что они даже „не здолѣютъ кормити великороссійскихъ жолнѣровъ и до ратуши отбувати податей", гетманъ приказывалъ полковнику со старшиной и войту „съ майстратомъ", чтобы они „вышепомянутымъ раскольщикамъ и иншимъ великороссійскимъ людямъ всеконечно запретили и недопустили болшъ въ Стародубѣ отправляти гендліовъ жадиихъ (кромѣ ярмарковъ) зъ дворовъ и изъ коморъ, пречъ вибиратися велѣли и впредь оныхъ наймати заборонили... А если кто сіе наше повелѣніе преслушаетъ", грозилъ въ заключеніе своего универсала гетманъ, „такового позволяемъ пану полковнику туремнимъ и кіевимъ наказовати каранемъ [1])".

Не щадили раскольниковъ и малороссійскіе державцы, свѣтскіе и духовные. Въ этомъ отношеніи весьма характеристично донесеніе стародубскаго полковника Пашкова въ Кіевскую губернскую канцелярію: „сего 1724 г., въ великій постъ, ѣхали описной стародубовской слободы свяцковскіе обыватели (названо четверо по именамъ) чрезъ Старые Бобовичи, и въ оныхъ Бобовичахъ поймалъ ихъ войтъ бобовицкій и привелъ оныхъ обывателей кіевопечерскаго монастыря къ чернцу Бобовицкому, и оный чернецъ бивъ ихъ смертнымъ боемъ и держалъ ихъ на ледовнѣ связанныхъ дней зъ десять и болши; а лошадей ихъ, ѣздя за всякою монастырскою потребою, морилъ голодомъ, а что при нихъ было, то оный чернецъ пограбилъ все безъ остатку [2])"... Таковы были отношенія къ раскольникамъ, со стороны державцевъ, послѣ записки ихъ въ окладъ Ергольскимъ и освобожденія ихъ „отъ подданства" малороссійскимъ владѣльцамъ.

По возстановленіи гетманства при Петрѣ II въ 1728 году положеніе малороссійскихъ раскольниковъ значительно измѣнилось къ худшему. Новоизбранный гетманъ Даніилъ Апостолъ

---

[1]) Ист. Арх. при Х. Ун. № 1635. См. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. №№ 15, 17, 19. стр. 108, 110—114.

[2]) Опис. ст. Малоросс. А. М. Лазаревскаго, т. I, стр. 462. Арх. Черн. каз. пал. Документы кіево-печ. лавры, дѣло хозяйств. отдѣл., № 15.

повторилъ ходатайство своего предшественника о высылкѣ ихъ изъ Малороссіи, заявляя, что раскольники „ересей своихъ сѣютъ плевелы и прельщаютъ народъ малороссійскій, гдѣ между сущимъ православіемъ таковаго суевѣрія передъ тимъ ни бывало, и несносныя тамошнимъ малороссійскимъ околичнимъ обывателямъ чинятъ злости и утѣсненія, грунта вновь скуповуютъ, а оные гвалтовне отнимаютъ, и въ дѣючихся отъ нихъ пакостей и обидахъ суду зыскивать негдѣ, понеже суду малороссійскому не подлежатъ"... Не уважено было ходатайство гетмана въ главномъ пунктѣ и на этотъ разъ, именно въ вопросѣ о высылкѣ раскольниковъ изъ Малороссіи. Въ рѣшеніи, учиненномъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ на поданное гетманомъ прошеніе о подтвержденіи „малороссійскихъ правъ, порядковъ и вольностей войсковыхъ", въ 16 п. было написано: „Раскольщиковъ, которые въ Малороссіи въ стародубовскомъ и черниговскомъ полкахъ поселились изъ великороссійскаго народа, и по указу изъ сената переписаны и обложены въ окладъ, и тотъ окладъ платятъ погодно въ кіевогуберинскую канцелярію, зъ тѣхъ мѣстъ *выслать по важнымъ резонамъ невозможно*, а вѣдать ихъ тому, кто при гетманѣ будетъ, и послать добраго офицера освидѣтельствовать, и буде ихъ сверхъ прежней переписи прибавилось, то и окладу на нихъ прибавить по разсмотрѣнію, и деньги собирая въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. А кому изъ малороссіянъ тѣ раскольщики чинить будутъ обиды, тѣхъ судить и по сыску указъ чинить гетману обще съ тѣмъ, кто при немъ отъ Его Императорскаго Величества будетъ. А что они, раскольщики, другихъ къ своей ереси привращаютъ и прельщаютъ, о томъ имъ, раскольщикамъ, претить смертною казнію и велѣть по возможности и ихъ самыхъ отъ той ереси отводить, какъ здѣсь то чинится, и нѣкоторые обращаются [1]). Но это рѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта повлекло за собою то, что слободскіе раскольники изъяты были изъ вѣдѣнія сената и кіевской губернской канцеляріи и подчинены вновь образовавшейся при гетманѣ канцеляріи министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ и высшей ея инстанціи—коллегіи иностранныхъ

---

[1]) П. С. З. VIII, № 5324. Статьи гетмана Апостола напечатаны въ III т. Ист. Малороссіи Н. Маркевича, какъ и рѣшеніе по нимъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Стр. 344—406. Ср. ibidem II, стр. 598—604. Соловьевъ, Ист. Рос. XIX, 200.

дѣлъ, въ которой вѣдались дѣла малороссійскія при гетманскомъ управленіи послѣдняго періода. Къ гетману и состоявшему при немъ министерскому правленію перешли теперь управленіе и судъ надъ слободскими раскольниками, а посредствующимъ звеномъ между канцеляріей министерскаго правленія и раскольническимъ волостнымъ правленіемъ сдѣлались теперь стародубская и черниговская полковыя канцеляріи съ подчиненными имъ сотенными правленіями. Такой порядокъ управленія раскольничьими слободами съ нѣкоторыми не существенными измѣненіями существовалъ до 1750 г. [1]).

Эта новая перемѣна въ управленіи слободскихъ раскольниковъ снова включила ихъ въ составъ общаго малороссійскаго управленія и суда. Раскольники скоро почувствовали гнетъ новаго режима. Прежде всего они, наравнѣ съ прочими малороссійскими обывателями, были привлечены ко всѣмъ малороссійскимъ повинностямъ „какъ на консистентовъ, такъ и на чиновниковъ и на канцелярскіе расходы, на содержаніе почтъ по кіевскому тракту“ и по всѣмъ другимъ указнымъ и неуказнымъ „дачамъ“, въ томъ числѣ къ починкѣ крѣпостей въ Стародубѣ и Черниговѣ. До 1715 года слобожане, защищаемые своими державцами, не несли почти никакихъ „общенародныхъ повинностей“, кромѣ державскихъ, а потомъ, по освобожденіи отъ державскаго „подданства“, они платили только рублевый сборъ за земли, на которыхъ жили, въ Малороссійскую Войсковую Канцелярію [2]). Вопросъ о привлеченіи слобожанъ къ отбыванію „общенародныхъ повинностей“ былъ поднятъ впервые въ началѣ 1720 г. гетманомъ Скоропадскимъ и генеральной старшиной. Въ то время князю Меньшикову были поданы извѣстные „Пункты отъ цѣлой Украины о нѣкоторыхъ нуждахъ малороссійскихъ“; одинъ изъ этихъ пунктовъ, именно 6, относится и къ данному вопросу. Въ немъ было сказано: „здѣ же припоминаю Е. К. С., что въ Малороссіи есть таковыя мѣстности, въ якихъ до сихъ часъ стація драгунская не бывала, барзѣй раскольщики отписныхъ слободъ, въ полку стародубовскомъ обрѣтаючіеся, оной не отбуваютъ, а живутъ они на малороссійской землѣ пространно и всякіе себѣ на оной имѣютъ угодія и промыслы, общена-

---

[1]) П. С. З. VIII, №№ 6539, 6540, 6542 и 6589; IX, № 7130; XI, № 8645.

[2]) Черниг. губерн. Вѣд. 1874 г. № 4, стр. 7.

родныхъ засъ повинностей въ подводахъ, почтахъ и другихъ нужныхъ потребахъ, до интересовъ Монаршихъ, албо войсковыхъ стягаючихся, никогда не знаютъ и жадной малороссійскимъ обывателямъ не чинятъ помощи. Того ради изволилъ Е. К. С. декляровати, что армейскихъ консистентовъ вездѣ по всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, въ Малой Россіи обрѣтающихся, въ якихъ стаціи драгунъ не было, ни чіихъ не минаючи повелитъ на квартиры определити; такъ бы благоволилъ, подлугъ своей деклярацiи, вездѣ на такихъ мѣстностяхъ, въ Малой Россіи найдующихся, стаціи драгунской не имѣвшихъ, армейскихъ консистентовъ на квартирахъ расположити, а также и на помянутыхъ отписныхъ слободъ раскольщиковъ тая жъ бы драгунъ стація была наложена, и равно бъ съ обывательми малороссійскими мѣненные раскольщики оную отбували". Свѣтлѣйшій Ижорскій князь на этотъ пунктъ положилъ такое рѣшеніе: „когда опись отъ вашихъ и нашихъ, приданыхъ, имъ коммиссарамъ, всему учиниться, тогда какъ на раскольничьихъ, такъ и на прочихъ на всѣхъ, на кого необходимо, будутъ разставлены на квартиры [1])". Повторялись ходатайства въ этомъ смыслѣ и въ послѣдующее время, но также безуспѣшно, какъ и при Скоропадскомъ; и только во время гетманства Апостола, когда слободскіе раскольники снова включены были въ составъ общаго малороссійскаго управленія, вопросъ о привлеченіи ихъ къ отбыванію «общенародныхъ повинностей" былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Раскольники были привлечены потомъ чинить „помоществованіе" и къ строенію линіи отъ Днѣпра до Донца [2]).

Скоро новый порядокъ управленія слободскими раскольниками сказался невыгодными послѣдствіями для нихъ и съ другой стороны. Болѣе близкія къ слобожанамъ полковыя и сотенныя власти, имѣя большую возможность слѣдить за ними и законное основаніе вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю жизнь, начали теперь строже исполнять всѣ предписанія центральнаго правительства относительно раскольниковъ, чѣмъ это дѣлали болѣе отдаленныя отъ нихъ кіево-губернскія власти, покровительствовавшія имъ и позволявшія даже строить монастыри и

---

[1]) Приложенія къ 1 ч. «Дневн. Зап.» Як. Марковича, стр. 467—468, 480 и 487.

[2]) «Дневн. Зап.» Як. Марковича, ч. 1, стр. 369 и 390.

часовни, открыто отправлять богослуженіе и имѣть своихъ бѣглыхъ поповъ. Теперь явились преслѣдованія и съ этой стороны, особенно послѣ первой Вѣтковской выгонки 1735 г., когда на слободскихъ раскольниковъ распространены были всѣ тѣ стѣсненія, которымъ, какъ мы и видѣли въ своемъ мѣстѣ, подверглись выведенные съ Вѣтки раскольники, согласно сенатскому указу отъ 4-го сентября 1735 г. Между прочимъ этимъ указомъ повелѣвалось, въ видахъ пресѣченія распространенія раскола и пріобрѣтенія имъ новыхъ послѣдователей, „всякими удобными способами развѣдывать" о раскольническихъ учителяхъ и наставникахъ и по развѣданіи „тѣхъ наставниковъ и учителей всѣхъ брать подъ крѣпкій караулъ", а мірскихъ раскольщиковъ „всякими способами увѣщевать къ обращенію, обнадеживая ихъ облегченіемъ податей". На нихъ же было распространено и дѣйствіе сенатскаго указа отъ 21 марта 1736 г., который грозилъ наказаніемъ раскольникамъ за подговоръ къ переходу изъ православной вѣры въ расколъ и распространеніе раскола, и обязывалъ раскольниковъ не крестить дѣтей по старому обряду и не учить ихъ расколу, а вѣнчающихся не содержать раскола [1]). Въ Стародубьѣ эти мѣры противъ раскольниковъ высшаго правительства при Аннѣ Іоанновнѣ повели къ тому, что „весь духовный чинъ" слободскихъ раскольниковъ, попы, учители и наставники, черницы и черницы изъ описныхъ слободъ были, по раскольничьимъ показаніямъ, „безъ остатку всѣ разобраны и разосланы по разнымъ монастырямъ и скитамъ, а иныхъ многихъ растригали и въ службы опредѣляли"... Особенно дѣятельное участіе въ этихъ преслѣдованіяхъ раскольническихъ поповъ, чернцевъ и черницъ, безпоповщинскихъ наставниковъ и учителей, принималъ тогдашній стародубскій полковникъ Аѳанасій Прокофьевичъ Радищевъ (1734—1741 гг.). Долго потомъ слобожанамъ, поповцамъ и безпоповцамъ, были памятны его преслѣдованія, какъ время, когда у нихъ явилась „великая нужда въ духовности", т. е. попахъ, наставникахъ и учителяхъ; обыкновенно слобожане послѣдующаго времени, даже до 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, при воспоминаніяхъ ли о событіяхъ своей личной жизни, или о тѣхъ или другихъ явленіяхъ изъ отдаленнаго прошлаго, говорили, что это было „до иска" или „выводу раскольничьихъ поповъ изъ слободъ", или въ то время, какъ „пол-

---

[1]) П. С. З. IX, №№ 6802, 6928.

ковникъ Стародубскій Радищевъ въ раскольничьихъ слободахъ поповъ прискивалъ". Самый фактъ этого „прискиванія поповъ" имѣлъ мѣсто въ 1738—1739 гг. [1]). Не менѣе энергично и ретиво преслѣдовалъ слобожанъ въ томъ же направленіи и преемникъ Радищева по стародубскому полковничеству Ѳедоръ Дмитріевичъ Максимовичъ (1741—1755 гг.), поручикъ гвардіи, сынъ извѣстнаго мазепица, генеральнаго эсаула при Мазепѣ, и племянникъ черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича. Въ его время слободскіе раскольническіе попы должны были скрываться, тайкомъ крестить дѣтей, тайкомъ совершать богослуженіе и браки; были и такіе нерѣдкіе случаи, что слобожане по ночамъ украдкой отправлялись къ своимъ попамъ, чтобы только окрестить своихъ дѣтей и не выдать тщательно скрывавшихъ мѣстожительство своихъ духовныхъ руководителей. Въ то же время отбирались у слободскихъ раскольниковъ не только разныя раскольническія „тетратки", „книжки или печатныя или писанныя письма", но и захватывались при обыскахъ полковыми и сотенными властями мѣдныя иконы и другія уважаемыя раскольниками старинныя вещи, напр., даже „сребныя копѣйки, коимъ въ народѣ ходить указомъ запрещено" и пр. Изъ доношеній Максимовича въ канцелярію министерскаго правленія видно, что онъ былъ хорошо ознакомленъ съ положеніемъ раскола не только въ описныхъ стародубскихъ слободахъ, но и сосѣднихъ заграничныхъ въ Польшѣ. Главнымъ агентомъ его въ этомъ случаѣ былъ слободской заводчикъ Никита Кореневъ, бывшій раскольникъ безпоповщинскаго толка. Такъ напр. въ доношеніяхъ Максимовича 1747 г. говорится: „о поставленной въ Польшѣ близъ рубежа въ Гомельской слободкѣ Спасовой раскольниками церкви, о припровожденіи въ слободы поповъ тайно и творящихъ по раскольнически исправленія церковныя, о прибавленіи еще вновь церквей раскольниками, описныхъ Стародубскихъ слободъ жители, о сысканныхъ атиминсахъ и постановленіи себѣ епископа, публичныхъ часовняхъ и при нихъ колоколахъ, отправленіи вечерней, утреней и часовъ, пог-

---

[1]) Документальныя указанія о преслѣдованіяхъ Радищева см. въ главѣ о первой Вѣтковской выгонкѣ и ея послѣдствіяхъ. Интересны донесенія Радищева князю Шаховскому 1734 и 1735 гг. о взаимныхъ отношеніяхъ между раскольниками и козаками, убійствахъ и грабежахъ. Х. И. А. Д. М. № 17080.

ребеніи мертвымъ, о живущихъ въ слободахъ прикровенно попахъ, и о другихъ въ тѣхъ слободахъ живущихъ раскольникахъ, кои де желаютъ себѣ православныхъ іереевъ изъ Россіи съ нѣкакими резонами взять, и хотящихъ соединитися святой церкви [1])".

Новая перемѣна въ управленіи раскольническими слободами въ свою очередь оживила также надежды малороссійскихъ державцевъ на возвращеніе имъ слободскихъ раскольниковъ, какъ ихъ „подданныхъ", или, по крайней мѣрѣ, на возвращеніе занятыхъ ими земель. Въ этомъ смыслѣ прежде всего заявлено было ходатайство предъ высшимъ правительствомъ Кіево-печерскою лаврою въ упомянутыхъ нами выше „Просительныхъ пунктахъ" 1728 г. Въ томъ же смыслѣ въ слѣдующемъ 1729 г. подано было прошеніе гетману Даніилу Апостолу отъ бывшихъ владѣльцевъ земель, занятыхъ раскольническими слободами—Лужкомъ, Воронкомъ и Еленкою, братьевъ Рубцовъ, просившихъ гетмана „вышепомененними слободами по прежнему приказать владѣть или наши грунти очистить [2])". Но эти надежды не могли осуществиться и на этотъ разъ, при вышеупомянутомъ взглядѣ членовъ Верховнаго тайнаго совѣта на этотъ вопросъ, не смотря на то, что правительство Петра II болѣе благосклонно относилось къ Малороссіи, чѣмъ это было при Петрѣ Великомъ.

Инымъ образомъ взглянуло на положеніе раскольниковъ среди малороссійскаго населенія правительство Анны Іоанновны, къ которой раскольники вообще не благоволили. Извѣстно ихъ не сбывшееся пророчество, что въ 1733 г. на Благовѣщеньевъ день будетъ страхъ великъ и гнѣвъ Божій, и сама Анна будетъ взята въ Москву; она изъ Москвы поѣхала, какъ бы ей отъ того отбыть [3]). Тѣмъ же указомъ отъ 4-го сентября 1735 г., о которомъ мы упоминали выше, повелѣно было всѣхъ раскольниковъ „мірскаго чина", вышедшихъ въ Украйну „изъ-за поль-

---

[1]) Х. И. А. Д. М. № 21299. Арх. Черн. дух. Конс. №№ 380, 383 и 484. Въ послѣднемъ дѣлѣ, № 484, см. показаніе по дѣлу Зыбкина войта слоб. Ардони (с. Богородицкое) безпоповца Василія Тишкина, лл. 21—22. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 32, стр. 166—171. Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, 227—231.

[2]) См. Опис. ст. Малорос. I, 444, 446.

[3]) Соловьевъ, С. М. Ист. Рос. XX, 415.

ской границы“ и получившихъ уже земли, согласно прежнимъ распоряженіямъ правительства, разослать по ихъ прежнимъ мѣстожительствамъ подъ конвоемъ, и, оселивши ихъ тамъ, наблюдать, чтобы они не распространяли раскола, и побуждать и ихъ самихъ облегченіемъ податей къ переходу въ лоно истинной церкви; въ случаѣ же, если бы кто не хотѣлъ указать своей родины, то такихъ высылать въ Петербургъ для поселенія въ Ингерманландіи по нѣскольку человѣкъ [1]). Впрочемъ уже въ слѣдующемъ 1736 г., вслѣдствіе представленія князя Шаховскаго, тогдашняго правителя Малороссіи, наступило измѣненіе въ положеніи слободскихъ раскольниковъ: ихъ оставили на прежнихъ мѣстахъ, сдѣлавши имъ новую перепись и обложивши податью вновь тѣхъ, которые до того не платили, такъ что сумма оклада слобожанъ по переписи 1736 г. маіора Павлова достигла теперь 1839 руб. 76 коп. Въ томъ же 1736 г. приравнены были платежемъ оклада съ прочими раскольниками и слободскіе малороссійскіе раскольники, какъ и поселившіеся въ слободскихъ полкахъ [2]). Указомъ отъ 4-го іюля 1740 г., по

---

[1]) Указъ этотъ интересенъ и въ томъ отношеніи, что въ немъ высказывается тотъ же взглядъ на раскольниковъ, какъ на враговъ государства, котораго держалось правительство и при Петрѣ Великомъ: «На Украйнѣ при украинской линіи тѣхъ (вышедшихъ изъ Польши) раскольниковъ селить не разсуждается для того... 2) Украинская линія и ландмилицкіе полки селятся на оной для защищенія и обороны государственной отъ непріятеля, а отъ нихъ, раскольниковъ, не только обороны, но паче всякой противности опасаться надлежитъ». По всей вѣроятности этотъ сенатскій указъ имѣетъ связь съ настояніями малороссійскаго управленія о возвращеніи раскольниковъ какъ «подданныхъ» державцамъ, или о возвращеніи занятыхъ ими земель. По крайней мѣрѣ въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, именно въ концѣ 1731 года, гетманъ Даніилъ Апостолъ собиралъ обстоятельныя справки о томъ, на какихъ основаніяхъ селились въ Малороссіи раскольники и какой «фундаментъ къ осѣдлости» они имѣли. Х. И. А. Д. М. № 1674. См. въ Мат. для ист. раск. на В. и въ Статод. № 22 стр. 120—124. Тѣмъ же вопросомъ была занята въ то время и коллегія иностранныхъ, какъ видно изъ указа ея отъ 21-го іюля 1731 г. Кіевскому вице-губернатору Штоку о учиненіи справки, когда и по какимъ указамъ п. Ерголъскій переписывалъ поселившихся въ Стародубскомъ полку раскольниковъ. М. А. М. И. Д. Св. 67, № 61.

[2]) П. С. З. IX, № 7100.

представленію генералъ-маіора Шипова, слободскихъ малороссійскихъ раскольниковъ однако дозволено было отпускать за границу для промысловъ, „отъ чего они пропитаніе имѣютъ", со срочными паспортами и съ надлежащими за нихъ поручительствами [1]).

Благопріятнѣе было для малороссійскихъ раскольниковъ царствованіе Елизаветы Петровны (1741—1761 г.г.). Не смотря на то, что и въ это царствованіе идея религіозной терпимости еще не пользовалась почетомъ въ правящихъ сферахъ, свѣтскихъ и духовныхъ, отношеніе правительства къ малороссійскимъ раскольникамъ, „ради прирубежнаго ихъ жительства", какъ и при Петрѣ Великомъ, было все таки довольно сравнительно терпимое и мягкое. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить эту особенность отношенія правительства къ малороссійскимъ слобожанамъ, что въ оффиціальныхъ актахъ того времени высказывалось крайне враждебное и нетерпимое отношеніе къ раскольникамъ вообще, и эта враждебность высказывалась вполнѣ открыто; особенно ею были проникнуты синодскіе указы, въ которыхъ обыкновенно говорилось о раскольникахъ въ весьма рѣзкомъ тонѣ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны сдѣлана была правительствомъ попытка распространить и на малороссійскихъ раскольниковъ тѣ общія стѣснительныя мѣры, которыя практиковались при Петрѣ Великомъ и въ послѣдующее затѣмъ время относительно раскольниковъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній, напр. указъ о хожденіи раскольникамъ въ указномъ для нихъ одѣяніи, о распространеніи на нихъ двойнаго оклада и пр. Въ такомъ именно смыслѣ состоялся сенатскій указъ 19-го февраля 1743 г., въ которомъ особенное вниманіе сенатъ обращалъ именно на *малороссійскихъ слободскихъ раскольниковъ*, имѣющихъ не малые торги, хотя и изъ крестьянъ. Этимъ указомъ предписывалось, безъ всякаго опущенія, по силѣ Петровскаго указа 6-го апрѣля 1722 г., налагать на нихъ наложенные штрафы, если бы они явились „въ Войсковую Канцелярію или гдѣ подчинены, за какимъ необходимымъ и торговымъ промысломъ, не въ указномъ раскольническомъ платьѣ и съ бородою [2])". Указъ былъ опубликованъ въ слободахъ черезъ посредство Стародуб-

---

[1]) Ibidem, IX, № 8158.
[2]) П. С. З. XI, № 8707.

ской полковой канцеляріи, и вызвалъ, какъ и естественно, ропотъ, недовольство и разныя недоразумѣнія. Оказалось, что какъ полковыя власти, такъ и сами раскольники поставлены были въ немалое затрудненіе при приведеніи указа въ исполненіе, потому что не имѣли надлежащаго представленія о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ указнымъ раскольническимъ платьемъ. Призванные въ полковую канцелярію „знатнѣйшіе" Стародубскіе раскольники, Василій Крупенниковъ и Ѳеодосій Терентьевъ, не могли дать требуемаго отъ нихъ отвѣта относительно этого указнаго платья: „и сами-де онаго не нашивали и у другихъ, братіи своей, ни у кого не видали". Однако изъ доношенія стародубскаго полковника Федора Максимовича къ правителю Малороссіи, генералъ-лейтенанту И. И. Бибикову, видно, что по публикаціи указа нѣкоторые въ Стародубѣ „начали ходить зъ знаками, а именно ковнѣри зеленаго сукна пришиваютъ, а инніе только пристегиваютъ къ прежнему ихъ платью, въ которомъ они доселѣ хаживали"... Недоумѣнный для полковой канцеляріи вопросъ былъ разрѣшенъ сенатскимъ указомъ отъ 19-го мая того же года, которымъ предписывалась „малороссійскихъ описныхъ слободъ раскольниковъ къ ношенію русскаго платья и бритью бородъ и усовъ противъ живущихъ въ великороссійскихъ городѣхъ до предбудущаго о нихъ разсмотрѣнія не принуждать, дабы они отъ того за границу побѣгу не чинили [1])"... Не смотря на видимую категоричность послѣдняго сенатскаго распоряженія, въ глуховской министерской канцеляріи даже въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ производилось нѣсколько дѣлъ о бородачахъ; властные люди ловили ихъ и представляли въ канцелярію; послѣдняя хотя „положенныхъ на нихъ штрафовъ" и не брала, но за то брала подписки, чтобъ впредь въ бородахъ не ходили [2]). Во всякомъ случаѣ сенат-

[1]) А. М. К. при Х. Ун. №№ 309 и 4219. Доношенія Стародуб. полковника Максимовича отъ 20 апрѣля и 18 мая 1743 г. См. въ Мат. для ист. раск. на В. и въ Стар. № 24 стр. 127—130. Бибиковъ былъ вторымъ правителемъ Малороссіи при Елизаветѣ Петровнѣ; первымъ былъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, бывшій любимецъ Императрицы.

[2]) А. М. К. при Х. Ун. № 1733. Возникали дѣла о бородачахъ и въ 50-хъ годахъ. Такъ въ 1751 г. Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольническихъ слободъ бурмистръ Тимоѳей Смирновъ съ выборнымъ Васильемъ Масленниковымъ доносили въ кіев. губ. канцеля-

скій указъ 19 мая былъ первымъ ограниченіемъ дѣйствія Петровскихъ указовъ о брадобритіи и раскольническомъ платьѣ, которымъ разрѣшалось малороссійскимъ раскольникамъ ношеніе бороды и стараго платья въ видахъ предупрежденія побѣговъ ихъ въ Польшу.

Не былъ распространенъ на малороссійскихъ слободскихъ раскольниковъ въ это царствованіе и двойной окладъ. Хотя въ 1736 г., какъ мы и упоминали въ своемъ мѣстѣ, они и были сравнены въ платежѣ оклада съ прочими раскольниками; но фактическое введеніе раскольническаго сбора въ Малороссіи не состоялось. До ревизіи 1744 г. они платили только окладъ, положенный на нихъ Ергольскимъ, „по дворовому числу и по препорціи пожитковъ ихъ", 1519 руб. на годъ, и добавочный окладъ съ новоприбыльныхъ дворовъ, измѣнявшійся въ суммѣ съ увеличеніемъ послѣднихъ; а „двойнаго за расколъ окладу съ нихъ, раскольниковъ, для порубежнаго ихъ жительства, не имано, дабы они оттого за границу не разбѣжались." Такъ свидѣтельствовала Раскольническая Контора въ 1746 г. Ревизія 1744 года не коснулась жителей раскольническихъ малороссійскихъ слободъ: въ 1746 г. кіевская губернская канцелярія сообщила Раскольнической Конторѣ, что въ кіевской губерніи „какъ раскольниковъ, такъ и канцеляріи ревизіи не имѣется"; она и дѣйствительно въ то время ихъ не имѣла и не вѣдала; а вѣдавшую слободскихъ въ Малороссіи раскольниковъ Глуховскую канцелярію министерскаго правленія о нихъ не спрашивали. Такъ они и остались внѣ ревизіи [1]).

ріи, что по указу сената не велѣно описныхъ слободъ жителей принуждать носить указное раскольническое платье и брить бороды и усы. Кіев. Центр. Арх. Дѣла административныя: № 62 (на самомъ дѣлѣ), на 4 л. Въ 50-хъ годахъ управители раскольничьихъ слободъ между прочимъ въ паспортахъ, выдаваемыхъ изъ Волостной Конторы слобожанамъ «въ великороссійскіе и малороссійскіе городы и мѣста для торговаго промысла», писали, что предъявителей ихъ, «по указу Е. И. В. прошлаго 1745 г. октября 15 дня, къ ношенію раскольническаго платья и бритію бородъ и усовъ противъ живущихъ въ великороссійскихъ городѣхъ раскольниковъ принуждать не велѣно». Кіев. центр. архивъ: Дѣла административныя.

[1]) П. С. З. т. IX, № 7100. Д. Р. К. В. 49, д. 18, л. 86. В. В. Нечаевъ: Раскольнич. Контора (1725—1764). Стр. 20. Опис. док. и бум., хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст. Кн. VII. М. 1890 г.

Былъ и другой мотивъ, кромѣ прирубежнаго жительства и возможности бѣгства въ Польшу со стороны мѣстныхъ раскольниковъ, по которому правительство болѣе мягко и терпимо относилось къ малороссійскимъ слободскимъ раскольникамъ: это—привлеченіе заграничныхъ русскихъ раскольниковъ обратно въ предѣлы Россіи. Къ такой политикѣ по отношенію къ раскольникамъ и вообще бѣглымъ заграничнымъ русскимъ людямъ, крестьянамъ и разныхъ чиновъ людямъ, правительство пришло такъ сказать самою силою сложившихся обстоятельствъ, даже, быть можетъ, вопреки его общимъ воззрѣніямъ на раскольниковъ и бѣглыхъ русскихъ людей. Извѣстно, какъ многочислены были побѣги за польско-литовскій рубежъ русскихъ крестьянъ и раскольниковъ въ прошломъ вѣкѣ, начиная съ царствованія Петра Великаго, и при томъ все прогрессивно усиливавшіеся. При Елизаветѣ Петровнѣ число такихъ бѣглецовъ въ одной польско-литовской державѣ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ доходило до милліона людей. Дипломатическіе переговоры и требованія, чтобы Польша не принимала русскихъ бѣглецовъ и выдавала ихъ русскому правительству, обыкновенно не приводили къ желаемымъ результатамъ. Интересно, что въ то время сами польскіе дипломаты указывали русскому правительству, что дѣлу можетъ помочь, наприм., относительно раскольниковъ, только монаршій манифестъ съ разнаго рода льготами для нихъ. Съ другой стороны и сами русскіе бѣглецы обращались къ императрицѣ съ прошеніями о прощеніи за побѣги и позволеніи возвратиться и жить въ предѣлахъ Россіи. Такъ въ 1749 г. явился повѣреннымъ отъ живущихъ въ Польшѣ и Молдавіи русскихъ людей нѣкто Сидоръ Тарасовъ Заграбскій. Онъ просилъ императрицу о прощеніи за побѣги и позволеніи возвратиться и жить въ Миргородскомъ полку, на пустыхъ мѣстахъ, съ обязательствами служить береговую и пограничную службу, какъ служатъ Донскіе казаки, или платить 40-алтынный окладъ, при чемъ Заграбскій объявилъ, что такихъ бѣглецовъ будетъ больше 25 тысячъ. Императрица согласилась на ихъ просьбу, но съ тѣмъ, чтобы они поселились не въ Миргородскомъ полку, потому что тамошніе земли принадлежатъ Малороссіи, а отведутся имъ свободныя земли въ Великороссіи, въ Бѣлогородской или Воронежской губерніи; которые изъ нихъ захотятъ быть въ купечествѣ, тѣ будутъ положены въ 40-алтынный окладъ, а кто захочетъ быть въ казацкой или другой

какой службѣ, довольствуясь отведенными имъ землями и угодіями, тѣ будутъ опредѣлены по желанію. Въ тоже время кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтьевъ доносилъ сенату о желаніи другихъ, находившихся въ Польшѣ русскихъ людей, перейти въ малороссійскія Быковскія и раскольническія слободы. И относительно ихъ послѣдовало тоже рѣшеніе. Тѣже желанія заявлялись неоднократно и потомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; но не сопровождались значительнымъ обратнымъ приливомъ русскихъ людей изъ-за рубежа [1]). Этому препятствовали, главнымъ образомъ относительно раскольниковъ, тѣ притѣсненія и насилія, которымъ подвергались они со стороны представителей гражданской власти и духовенства. Само собою понятно, что установившаяся со времени Петра Великаго система отношеній къ раскольникамъ, благодаря которой и вызывались ихъ побѣги за рубежъ, могла только отклонять ихъ отъ возвращенія въ предѣлы Россіи, а не привлекать. Для достиженія послѣдней цѣли правительство должно было избрать другой путь и волею—неволею пойти на уступки въ преслѣдованіи раскольниковъ, тѣмъ болѣе, что „смуты, вызываемыя преслѣдованіемъ раскольниковъ,“ по словамъ одного изслѣдователя, „оказывали чрезвычайно вредное вліяніе на народное хозяйство и отбываніе государственныхъ повинностей: крестьянскіе дворы пустѣли, оставляемые разбѣжавшимся населеніемъ, останавливались казенныя работы, прекращалось поступленіе всякаго рода сборовъ; эти послѣдствія смутъ особенно подчеркивались въ донощеніяхъ провинціальныхъ властей. Сенатъ, всегда стоявшій на стражѣ казеннаго интереса, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ явнымъ нарушеніямъ его; мотивы практическаго характера всегда имѣли вѣсъ въ глазахъ русскаго правительства, несомнѣнно гораздо большій, чѣмъ всякія идеальныя побужде-

---

[1]) О прошеніяхъ заграничныхъ русскихъ бѣглыхъ людей и раскольниковъ о возвращеніи въ Россію при Елизаветѣ Петровнѣ см. у Соловьева въ Ист. Рос. XXIII, 15—16 ст. Тамъ-же и о дипломатическихъ переговорахъ съ Польшей о раскольникахъ, стр. 271 и д. Журн. и прот. Сената 19-го марта 1750 г. Ср. Ист. Рос. XXII, 92. Переписка 1751 г. о высылкѣ русскихъ бѣглыхъ людей съ Вѣтки и другихъ слободъ вдовы Халецкой на польскомъ и русскомъ языкахъ въ связкахъ Кіев. Центр. Архива (Администрація и судъ). Тамъ же письма о томъ же предметѣ къ Виленскому воеводѣ и. в. к. Литов гетману кн. Радзивилу и пр.

нія. Этимъ объясняется то, что первые шаги по пути ограждения раскольниковъ отъ притѣсненій были сдѣланы въ царствованіе Елизаветы Петровны [1]"...

Новый поворотъ въ отношеніяхъ правительства къ расколу коснулся прежде всего прирубежныхъ малороссійскихъ раскольниковъ. Въ 50-хъ годахъ правительствомъ Елизаветы Петровны дѣлались не разъ прямыя внушенія пограничнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ, чтобы онѣ болѣе снисходительно относились къ мѣстнымъ раскольникамъ и не стѣсняли выходящихъ изъ-за польско-литовскаго рубежа раскольническихъ чернецовъ и черницъ и всякаго званія людей. Кіевская губернская канцелярія, начавшая опять вѣдать слободскихъ раскольниковъ съ 1750 г., въ силу указовъ правительствующаго сената и коллегіи иностранныхъ дѣлъ, указомъ 26-го августа 1756 года предписывала Волостной малороссійскихъ раскольническихъ слободъ конторѣ: „живущихъ въ разныхъ польскихъ и литовскихъ мѣстахъ въ бѣгахъ природныхъ россійскихъ подданныхъ, которые оттуду желаютъ выходить въ Россію по прежнему, въ томъ числѣ чернецовъ и черницъ и всякаго званія людей, по Высочайшимъ всемилостивѣйшимъ простительнымъ бѣглецамъ указамъ обнадеживать и велѣть имъ выходить безъ всякаго страха и опасенія, кому на который форпостъ по близости способнѣе; ибо де того высочайшій интересъ требуетъ, а пожелаютъ жить въ раскольническихъ слободахъ, то имъ дозволить". Въ силу указанныхъ свыше распоряженій, мѣстная Черниговская духовная власть во второй половинѣ 50-хъ годовъ стала гораздо терпимѣе, чѣмъ прежде, относиться къ раскольническимъ монахамъ, выходившимъ изъ-за границы, которые обыкновенно разносили по слободамъ причастье изъ заграничныхъ раскольничьихъ монастырей и церквей, совершали требы и пр., и попадавшихся въ ея руки по разнымъ поводамъ по большей части прямо отдавала безъ разслѣдоавнія въ распоряженіе Волостной конторы, и только иногда, въ случаѣ особенной важности самаго дѣла, доносила св. Синоду. Въ концѣ 1759 г. былъ арестованъ полковыми властями въ Стародубѣ бродячій раскольническій чернецъ Мануйло, незадолго передъ тѣмъ вышедшій съ Вѣтки, вмѣстѣ съ другими такими же мо-

---

[1]) Нечаевъ, В. В Раскольн. Контора. Опис. док. и бум., хран. въ Моск. Арх. М. Ю. кн. VII. М. 1890. Стр. 43.

нахами „человѣкъ до сорока“, въ слободу Климову, и потомъ препровожденъ какъ монахъ генеральною войсковою канцеляріею въ Черниговскую духовную консисторію. Управители раскольническихъ слободъ, Морозовъ и Бороздна, письмомъ къ Черниговскому епископу Ираклію Комаровскому, отъ 3-го апрѣля 1760 г., писали и просили епископа „приказать того чернеца отпустить во описныя раскольническія слободы по прежнему, дабы протчіе таковые жъ раскольники, здѣсь находящіеся чернецы, побѣгу не учинили, такожъ и выходъ бы таковыхъ изъ-за границы изъ польской области (увѣдавъ они о ономъ, что берутся и содержатся подъ карауломъ) не пресѣченъ былъ“... Требованіе управителей было удовлетворено. Заслуживаетъ особаго вниманія въ данномъ случаѣ по своей характерности дѣло 1761 г. Радульскаго слобожанина Захара Григорьева, также повидимому придерживавшагося раскольническаго черничества, вышедшаго изъ-за границы въ 1757 г. Въ 1761 г. онъ былъ арестованъ агентами стародубской полковой канцеляріи и препровожденъ въ Черниговскую духовную консисторію съ „раскольничими тайнами“ или „причастительными раскольничими частицами, нѣякимъ бы пескомъ и прочими вещьми [1])“... Послѣдняя, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и имѣя въ виду вышеупомянутый указъ Кіевской губернской канцеляріи отъ 26-го августа 1756 г., какъ и указываемые въ немъ „Высочайшіе всемилостивѣйшіе простительные бѣглецамъ указы“, сдѣлала слѣдующее оригинальное постановленіе относительно раскольническаго причастья: „что касается до найденнаго у него, Захара, раскольническаго причастія, то хотя указомъ... въ резолюціи на доношеніе Черниговскаго епископа Иродіона... 1724 года, іюля 14 дня, и повелѣно прескверное раскольническое причастіе епископу зжечь, однако жъ онъ, раскольникъ Захаръ, по допросу своему въ консисторіи пока-

[1]) Въ числѣ «прочихъ вещей» было «въ слойку скляномъ малое число нѣкоторой якобы масти отъ болѣзни зубовъ, которую-де дѣлалъ за границею въ Польши въ раскольничей слободкѣ Спасовой раскольникъ Аврамъ Шарой»... О пескѣ Захаръ Григорьевъ показалъ въ полковой канцеляріи: «песокъ де красній съ искрою, тертій съ камня называемого земляного сердца, употребляемій отъ болѣзни живота»... Онъ же показалъ, что названные народные медицинскіе матеріалы продавались въ лавкахъ, и онъ ихъ купилъ въ м. Любечѣ.

залъ, что въ толку поповщина, коего онъ, Захаръ, состоитъ послѣдователь, отправляется литургія и тайны освящаются противъ православной церкви, якое причастіе въ него раскольника обисканное жечь и не безъ опасности; для того, въ консисторіи епископіи Черниговской разсуждено и его преосвященства .. аппробаціею велѣно: присланное съ показаннимъ раскольникомъ раскольничое причастіе, песокъ съ камня тертій... отправить на благоусмотрѣніе и къ надлежащему зъ ними поступленію въ Контору св. правительствующаго синода [1])"... Подъ перомъ Черниговскихъ „консисторовъ" „пресквернoе раскольническое причастіе" сдѣлалось такимъ, что жечь его было „и не безъ опасности"...

Болѣе терпимое и мягкое отношеніе къ малороссійскимъ слободскимъ раскольникамъ усматривается и изъ другихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ царствованіе Елизаветы Петровны относительно этихъ раскольниковъ. Сюда прежде всего нужно отнести то, что въ 1750 г. малороссійскіе раскольники снова были переданы въ вѣдѣніе кіевской губернской канцеляріи по слѣдующему поводу. 5-го іюня 1750 г. императрицею былъ подписанъ указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, которымъ утверждалось избраніе гетманомъ Малороссіи графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго и повелѣвалось великороссійскимъ чинамъ болѣе не присутствовать въ генеральной канцеляріи, генеральномъ судѣ, въ комиссіи экономіи, въ счетной и въ комиссіи объ обидахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалась и малороссійская министерская канцелярія въ Глуховѣ, которой были подчинены раскольничьи слободы по указу Верховнаго Тайнаго совѣта 1728 года. Въ тоже время, а именно 3-го іюня, сенатомъ былъ поданъ докладъ императрицѣ о малороссійскихъ раскольщикахъ въ такомъ смыслѣ, „чтобъ ихъ, для предъявленныхъ въ томъ докладѣ резоновъ, отдать тѣмъ владѣльцамъ, на чьихъ земляхъ они живутъ". По всей вѣроятности этотъ сенат-

[1]) «Высочайшіе всемилостивѣйшіе простительные бѣглецамъ указы» въ св. о переселеніи Кіев. центр. арх., какъ и указъ Кіев. губ. канц. отъ 26 авг. 1756 г. Арх. Черн. дух. конс.: № 1343, дѣло раскольничьяго монаха Мануйло; № 1419, «дѣло по промеморіи полковой Стародуб. канцеляріи о раскольникѣ слоб. Радули (Зах. Гр.), пойманномъ съ раскольничьимъ причастіемъ и протчими въ него имѣвшимися нѣкоторыми вещми, вшедшое 1762 г. марта 20».

скій докладъ нужно поставить въ связь съ извѣстными „меморіалами“, подаваемыми графу А. Г. Разумовскому и другимъ вліятельнымъ лицамъ объ общихъ малороссійскихъ дѣлахъ въ продолженіе четырехъ слишкомъ лѣтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, начиная съ іюля 1745 г., малороссійскими депутатами: генеральнымъ обознымъ Лизогубомъ, генеральнымъ хорунжимъ Н. Д. Ханенко и бунчуковымъ товарищемъ Василіемъ Андреевичемъ Гудовичемъ. Эти депутаты, какъ извѣстно, были избраны малороссійскимъ народомъ ближайшимъ образомъ для присутствія при бракосочетаніи наслѣдника престола, а главнымъ образомъ для дальнѣйшихъ ходатайствъ по возстановленію въ Малороссіи гетманскаго управленія, предрѣшеннаго уже въ 1744 г. во время пребыванія государыни въ Малороссіи. Въ одномъ изъ указанныхъ „меморіаловъ“, поданномъ графу Алексѣю Григорьевичу въ Москвѣ въ 1749 г., по словамъ Н. Д. Ханенка, автора извѣстнаго „Дневника“, дѣло шло: „о гетманѣ, выводѣ грузинъ, о классахъ, о резиденціи въ Батуринѣ, о деревняхъ, до артиллеріи подлежащихъ, *о раскольщикахъ*“... И „о томъ всемъ довольно съ графомъ разговоръ вели“ заключаетъ свое изложеніе въ данномъ случаѣ авторъ „Дневника“. Изъ письма бунчуковаго товарища Василія Гудовича къ генеральному писарю Безбородкѣ, отъ 26-го іюля 1753 г., узнаемъ положительно, что малороссійскіе депутаты подавали особое прошеніе въ сенатъ, по которому и состоялся вышеупомянутый докладъ сената о раскольщикахъ: они просили, чтобы слободскіе раскольники „въ равной силѣ“ отданы были малороссійскимъ владѣльцамъ, какъ Кіево-печерской лаврѣ „отдача учинена“. При своемъ отпускѣ въ Малороссію изъ Москвы „для избранія гетмана“ въ 1749 г. когда уже всѣ малороссійскія дѣла изъ правительственнаго сената въ коллегію иностранныхъ дѣлъ перенесены, тѣже депутаты подавали тамъ же особое доношеніе и канцлеру, графу А. П. Бестужеву—Рюмину [1]). Высочайшей резолюціи на сенатскій докладъ однако не послѣдовало ни тогда, ни послѣ. Но, въ виду уничтоженія малороссійской министерской канцеляріи, черезъ которую вѣдала слободскихъ раскольниковъ коллегія иностранныхъ дѣлъ, послѣдняя вошла въ сенатъ съ представленіемъ, чтобы малороссійскихъ раскольниковъ, „до воспослѣ-

---

[1]) Дневникъ Н. Д. Ханенка. Изд. ред. «Кіев. Стар.» Стр. 408 Ср. 454—445, 457, 459.

дованія на означенный докладъ (сената) резолюціи, опредѣлить въ вѣдомство кіевской губернской канцеляріи“ и туда же направлять собираемый съ нихъ денежный окладъ. Сенатъ, соглашаясь съ представленіемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 2-го іюля 1750 г. опредѣлилъ: быть „находящимся въ Малороссіи раскольникамъ въ вѣдомствѣ кіевской губернской канцеляріи“, и предписывалъ нормальный окладъ Ергольскаго по 1519 руб. по прежнему расходовать „на дачи рейтарамъ, переводчикамъ, толмачамъ и ружникамъ“, въ томъ числѣ на вклады разнымъ монастырямъ и на содержаніе ректора кіевской академіи, а добавочный окладъ съ вновприбылыхъ въ слободахъ дворовъ съ 1718 г. по 891 руб. 10 коп. отсылать въ Штатсъ-Контору. Послѣдняя добавочная окладная сумма показываетъ, что за 32 г., съ 1718 г. по 1750 г., въ раскольничьихъ малороссійскихъ слободахъ прибыло всего 312 дворовъ [1]). Передача описныхъ раскольничьихъ слободъ обывателей изъ вѣдѣнія упраздненной министерской канцеляріи поручена была камергеру великой княгини Екатерины Алексѣевны, генералъ—маіору графу Ивану Симоновичу Гендрикову, находившемуся въ то время еще въ Малороссіи въ качествѣ посланца царицы и заканчивавшему тамъ дѣла по избранію новаго гетмана. Указомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 5-го іюля 1750 г., ему предписывалось: „находящіяся въ министерской канцеляріи объ оныхъ раскольщикахъ дѣла и всякія извѣстія, собравъ сколько ихъ есть всѣ съ реестрами, отослать въ кіевскую губернскую канцелярію съ нарочнымъ, а онымъ раскольщикамъ о томъ вѣдомствѣ ихъ.. и чтобъ они надлежащія съ нихъ деньги отвозили туда—дать знать [2]). Такимъ образомъ въ то время, когда дѣла малороссійскія съ избраніемъ новаго гетмана передавались изъ сената въ

---

[1]) У А. А. Васильчикова, автора извѣстной монографіи: «Семейство Разумовскихъ» (Спб. 1880), т. I, стр. 114, который привелъ данное мѣсто изъ Дневника Ханенка, является странное недоразумѣніе: вмѣсто *«о раскольщикахъ»* онъ прочелъ въ рукописномъ Дневникѣ: *о располщикахъ*, и поставилъ въ недоумѣніи знакъ вопроса. Понятно недоумѣніе почтеннаго автора... А. М. К. при Х. У. № 21163. См. въ Мат. для ист. раск. на В. и въ Стар. № 30, стр. 164—165.

[2]) П. С. З. XIII, № 9773. Ист. Мал. Маркевича, т. IV, 439—440. Васильчиковъ, А. А. Сем. Разумовскихъ, т. I, стр. 53, 67—69, 97, 115.

коллегію иностранныхъ дѣлъ, раскольничьи слободы въ Малороссіи, какъ было и при Петрѣ Великомъ, были снова переданы въ вѣдѣніе сената и Кіевской губернской канцеляріи [1]).

Въ Глуховѣ, очевидно, были недовольны исходомъ ходатайства о возвращеніи малороссійскихъ раскольниковъ прежнимъ владѣльцамъ; передача ихъ снова въ вѣдѣніе кіевской губернской канцеляріи шла въ разрѣзъ съ давнимъ стараніемъ генеральной и полковой старшины, желавшей возвратить ихъ въ прежнее „подданство“ и подчинить ихъ общему малороссійскому управленію и суду. При возвращеніи къ старому Петровскому порядку мѣстное малороссійское управленіе лишалось и той доли власти надъ слободскими раскольниками, которой оно пользовалось черезъ посредство Глуховской министерской канцеляріи, вѣдавшей раскольниковъ на мѣстахъ ихъ жительствъ при помощи полковыхъ и сотенныхъ малороссійскихъ чиновъ. Въ виду этого были пущены въ ходъ новыя ходатайства и меморіалы, исходившіе на этотъ разъ уже отъ новоизбраннаго гетмана, но по инициативѣ Глуховской генеральной старшины. Первое доношеніе генеральной канцеляріи въ этомъ смыслѣ было подано гетману еще въ Петербургѣ 8-го декабря 1750 г., по поводу боя подданныхъ Миклашевскаго съ раскольниками, и датировано 23-го ноября [2]). 15-го апрѣля 1751 года, также еще въ бытность въ С.-Петербургѣ, гетманъ К. Г. Разумовскій обратился къ императрицѣ съ прошеніемъ „о высылкѣ раскольниковъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ на малороссійскихъ владѣльческихъ земляхъ слободами населившихся на прежнія ихъ жилища въ Великороссію...; а пока высланы будутъ, о бытіи имъ во владѣніи тѣхъ малороссійскихъ владѣльцевъ, на чьихъ они земляхъ живутъ, и чтобъ они, раскольщики, были во всемъ вѣдомы по судамъ малороссійскимъ [3])“. Въ маѣ того же года были предприняты и другія мѣры для достиженія той же цѣли, какъ видно изъ инструкціи войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ

---

[1]) Х. И. А. Д. М. № 6608. Мат. для ист. раск. на В. и въ Стар. № 26, стр. 148—149. Объ отъѣздѣ графа Гендрикова изъ Малороссіи см. Дневн. Зап. Марковича, II, 287.

[2]) Х. И. А. Д. М. № 10097.

[3]) Ibidem, № 3571. Мат. для ист. раск. на В. и въ Стар. № 33, стр. 172 и д.

С.-Петербургъ за дѣлами малороссійскими, когда гетманъ находился еще въ Москвѣ съ своей походной канцеляріей и ожидалъ жалованной грамоты предъ своимъ первымъ отъѣздомъ въ Малороссію. Инструкція была дана 8-го мая. Во 2-мъ пунктѣ этой инструкціи дѣло идетъ о раскольщикахъ, о возвращеніи ихъ въ подданство владѣльцевъ и „подъ вѣдомство его ясневельможности". Меморіалъ о нихъ, какъ и о бытіи г. Кіеву и тамошнему магистрату подъ вѣдомствомъ гетманскимъ по прежнему и о другихъ дѣлахъ, повелѣвалось Губчицу подать г. Сабанину и надворному совѣтнику г. Новоторжцеву, тогдашнимъ Петербургскимъ канцелярскимъ дѣльцамъ, къ которымъ нерѣдко въ то время обращались знатные малороссіане по разнымъ дѣламъ [1]). Гетманскимъ ордеромъ отъ 15-го мая 1752 г. изъ Батурина, т. е. во время перваго гетманскаго осмотра Малороссіи, повелѣвалось генеральной войсковой канцеляріи и генеральному войсковому суду „учинить вѣрную и акуратную справку" относительно „описи поселившихся въ Малой Россіи раскольниковъ и о положеніи ихъ въ окладъ" при Петрѣ Великомъ, а также и о распоряженіи князя Д. М. Голицына 1716 г. и прочихъ указахъ и дѣлахъ относительно ихъ. Дѣло было видимо очень спѣшное, такъ какъ гетманскимъ ордеромъ требовалось, чтобы указанныя справки были представлены не позже 21-го мая „съ нарочнымъ". Такимъ образомъ и въ торжественномъ путешествіи по Малороссіи съ значительной ассистенціей гетмана занимали раскольники. По всей вѣроятности требуемыя гетманомъ справки нужны были для бунчуковаго товарища Ильи Васильевича Журмана, отправленнаго въ Петербургъ „депутатомъ по дѣламъ національнымъ", какъ видно изъ письма гетмана къ послѣднему отъ 24 мая 1752 г. изъ Борзны [2]). Въ слѣдующемъ 1753 г. гетманомъ было сдѣлано новое предста-

[1]) Ibidem, № 19860. Инструкція Губчицу, отъ 8 мая 1751 г., напечатана г. А. Твердохлѣбовымъ въ Кіев. Стар. за 1888 г., ноябрь, стр. 82—84. Она между прочимъ обязывала его «всякаго дня являться его рейсъ-графскому сіятельству А. Г. Разумовскому, дражайшему е. я. брату, также и государственному канцлеру, е. с. А. П. Бестужеву-Рюмину и вице-канцлеру е. с. графу М. Г. Воронцову»...

[2]) Ibidem, № 13319. См. въ Мат. для ист. раск. на В. и въ Стар. № 29 стр. 160—163. № 1674: Письмо гетмана къ Журману. Ср. Опис. ст. Малорос. 1, 67.

вленіе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ „съ прошеніемъ Высочайшаго Императорскаго Величества указу, чтобы оные *раскольничія слободы*, на учиненный отъ правительствующаго сената докладъ (т. е. 1750 г.) о выводѣ ихъ изъ Малой Россіи на прежнія жилища..., или объ отдачѣ ихъ владѣльцамъ тѣмъ, на чьихъ они земляхъ поселились, по примѣру тому, какъ Кіевопечерской лаврѣ нѣкоторыя слободы отданы, *вѣдомы были во всемъ въ генеральной войсковой канцеляріи*", и „чтобъ они, раскольщики, были во всемъ вѣдомы по судамъ малороссійскимъ". Послѣдняя мысль въ гетманскомъ представленіи мотивируется такъ: „многія имѣются дѣла въ малороссійскихъ судахъ касающіяся до ихъ раскольниковъ, по коимъ оговоруемыхъ ворами и бѣглецами раскольниковъ подлежитъ сыскивать къ допросамъ, очнимъ ставкамъ, распросамъ и розыскамъ; къ тому жъ, что оніе раскольники живутъ на малороссійскихъ земляхъ, то за смежнія земли зъ владѣльцами, козаками и обывательми разнія происходятъ ссори, и о томъ должни быть судніе процессы. А Кіевская губернская канцелярія ихъ отъ малороссійскихъ судовъ защищаетъ, по причинѣ посланнаго въ ту канцелярію изъ правит. сената указа, коимъ велѣно онимъ раскольничимъ слободамъ собираніемъ съ нихъ денежного збору вѣдомымъ быть въ той губернской канцеляріи, и въ полковую Стародубскую канцелярію предлагала до оннхъ раскольниковъ ничемъ не касаться; а ежели де до нихъ надобность будетъ, то представлять бы въ ту кіево-губернскую канцелярію. Буди же по касающимся до нихъ раскольниковъ дѣламъ писать всегда въ ту Кіевогубернскую канцелярію, то за далекимъ разстояніемъ ни съ нихъ надлежащей справедливости обидимимъ, паче убогимъ людемъ, ниже по криминальнымъ дѣламъ потребнихъ къ слѣдствіямъ и розыскамъ сискать невозможно; да и пока отъ кіевогуберской канцеляріи послѣдовала бъ резолюція, виновніе могутъ сискать случай къ побѣгу и сохраненію себе отъ подлежащего наказанія и штрафа. Паче же то и въ отмѣнность было бъ Высочайшимъ В. И. В. указамъ и малороссійскимъ правамъ; ибо по указамъ и малороссійскимъ правамъ, утвержденнымъ Высочайшими В. И. В. грамотами, за собственноручнымъ В. И. В. подписаніемъ на избраніе гетмана и на утвержденіе чина гетманскаго состоявшимися, надлежитъ всѣмъ въ Малой Россіи жительствующимъ и земли свои имѣючимъ судомъ и расправою вѣдомымъ быть въ малороссійскихъ судахъ и общенародніе по-

винности несть равно зъ протчими малороссійскими жительми". Гетманъ далѣе указывалъ, что Кіевская губернская канцелярія въ касающіяся до слободскихъ раскольниковъ „нѣкоторыя расправки вступаетъ не надлежаще", и что вслѣдствіе того „частыя продолжаются переписки, и отъ того въ настоящемъ произвожденіи таковыхъ расправъ бываетъ не безъ остановки", и что такой порядокъ убыточенъ „какъ челобитчикамъ, такъ и имъ раскольникамъ". Въ заключеніе своего представленія, согласно съ желаніемъ и самихъ раскольниковъ, представившихъ ему о томъ чрезъ бурмистра своего Карпова особое доношеніе, гетманъ просилъ „Высочайше указать онымъ раскольничимъ слободамъ вѣдомымъ быть во всемъ въ генеральной войсковой канцеляріи, и что принадлежитъ до взысканія съ нихъ денежнаго окладу, то генеральная войсковая канцелярія оный взыскивать съ нихъ имѣетъ и отсылать погодно въ кіево-губернскую канцелярію [1]).

И на послѣднее гетманское представленіе не послѣдовало „Высочайшей резолюціи", какъ и на всѣ предшествующія его ходатайства относительно раскольниковъ. Графа—гетмана, зажившаго въ Глуховѣ царькомъ и въ своихъ универсалахъ употреблявшаго старинную формулу: „мы, нашимъ, намъ, того ради приказуемъ; данъ въ Глуховѣ" и т. п., не смущало повидимому это игнорированіе со стороны высшаго правительства его ходатайствъ. Не дожидаясь „Высочайшей резолюціи" на послѣднее свое представленіе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, графъ—гетманъ 17-го сентября того же 1753 г. ордеромъ изъ Москвы предложилъ генеральной канцеляріи принять раскольничьи слободы въ единственное свое вѣдѣніе, и чтобы полко-

---

[1]) Ibidem, № 3571. Въ дѣлахъ генеральной канцеляріи нѣтъ самого доношенія раскольниковъ, въ которомъ они просили вѣдать ихъ въ генеральной канцеляріи, какъ они вѣдались въ бывшей министерской канцеляріи; не приложено оно и къ представленію гетмана въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. См. также № 2478, докладъ генеральной канцеляріи, по поводу сенатскаго указа отъ 6 ноября 1760 г., гдѣ прямо сказано, что вышеприведенное представленіе гетмана въ коллегію иностранныхъ дѣлъ сдѣлано 7 сентября 1753 г. Здѣсь же говорится, что доношеніе гетману бурмистра Гаврилы Карпова и выборного Хрущова—«о бытіи имъ по всякимъ дѣламъ судомъ и расправою быть въ одной генеральной канцеляріи»—подано 1 сентября того же года.

выя и сотенныя правленія „до раскольничьихъ слободъ, кромѣ татейныхъ, разбойныхъ и секретныхъ дѣлъ и что принадлежитъ до взысканія на консистентовъ и другихъ вистатченій... ни чѣмъ не интересовались“, развѣ съ дозволенія генеральной канцеляріи, и то при повѣренномъ со стороны раскольничьяго волостнаго правленія. Тѣмъ же ордеромъ предписывалось, чтобы раскольники, ѣдущіе по своимъ торговымъ нуждамъ за предѣлы Малороссіи, брали пашпорты въ генеральной канцеляріи, съ подачей письменныхъ свидѣтельствъ о личности изъ волостнаго правленія, а ѣдущіе внутрь малороссійскихъ полковъ брали пашпорты въ волостномъ правленіи. Распоряженіе это вызвало протестъ со стороны бурмистра раскольничьихъ слободъ Гаврилы Карпова, находившаго неудобнымъ „за дальностію и крайнимъ убожествомъ“ слобожанъ ѣздить за пашпортами въ Глуховъ. Гетманскимъ ордеромъ отъ 7-го декабря было разрѣшено брать раскольникамъ пашпорты „въ полковыхъ Стародубской и Черниговской канцеляріяхъ, гдѣ кому будетъ заспособнѣ“. Въ послѣднемъ ордерѣ указано и основаніе, по которому гетманъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, чтобы раскольники, ѣдущіе за предѣлы Малороссіи, брали пашпорты въ генеральной или полковыхъ канцеляріяхъ. Этимъ основаніемъ служилъ для него указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 11-го октября 1751 г., въ которомъ было сказано: „Въ Малой Россіи публиковать, чтобъ кто пожелаетъ изъ Малой Россіи за какими либо нуждами ѣхать въ великороссійскіе города и мѣста, то бъ брали пашпорты въ Глуховѣ изъ генеральной войсковой канцеляріи“. Но это основаніе было въ сущности весьма неосновательное. Указъ очевидно относился только къ малороссіянамъ, а не къ раскольникамъ, такъ какъ они въ то время находились подъ верховнымъ вѣдѣніемъ сената, а не коллегіи иностранныхъ дѣлъ. До второй половины 50-хъ годовъ пашпорты для поѣздки раскольниковъ въ малороссійскіе и великороссійскіе города выдавались годовые и полугодовые, сначала Стародубскими комендантами, съ 1728 г. бурмистрами изъ волостнаго правленія, а потомъ съ 1751 г. управителями изъ Волостной конторы. Этотъ послѣдній порядокъ практиковался и потомъ во все время гетманства Разумовскаго [1]).

[1]) Ibidem, №№ 3571 и 21299. Кіев. центр. арх. Дѣла административныя. См. именно дѣла о выдачѣ пашпортовъ раскольникамъ; приложены тамъ и образцы ихъ.

Само собою понятно, что всѣ вышеуказанныя гетманскія ходатайства и принятыя имъ относительно раскольниковъ мѣры шли въ разрѣзъ съ указомъ сената отъ 2-го іюля 1750 г., передавшимъ ихъ въ вѣдѣніе Кіевской губернской канцеляріи, и вызывали естественный протестъ со стороны послѣдней. Недовольны были своимъ положеніемъ среди двухъ властей и сами раскольники, и обращались съ постоянными жалобами то въ генеральную канцелярію, то еще больше въ Кіевскую губернскую канцелярію, какъ видно изъ „Экстракта разныхъ дѣлъ генеральной канцеляріи о непослушаніяхъ раскольничьихъ слободъ жителей и ихъ управителей малороссійскимъ властямъ". Этотъ „Экстрактъ" былъ составленъ по требованію генеральнаго писаря Андрея Безбородки въ концѣ апрѣля 1754 г. Изъ него видно, что раскольникамъ въ одно и то же время приходилось подчиняться и распоряженіямъ Кіевской губернской канцеляріи, и распоряженіямъ малороссійскихъ властей и судовъ. Первымъ дѣломъ, на которомъ столкнулись между собою кіевскія и малороссійскія власти, было дѣло Клинцовскихъ слобожанъ съ бунчуковымъ товарищемъ Иваномъ Бороздной, начавшееся еще въ 1750 г. при существованіи министерской канцеляріи, „о самовольномъ ими завладѣніи грунтами и о пустошеніи пущи вывознаго разнаго, такожъ и о порубки бортного залазного дерева". По указу генеральнаго суда дѣло должно было разсматриваться въ Стародубской полковой канцеляріи; раскольники на „позовніе указы" послѣдней не явились, пропустили „правніе сроки", и были, „за силу правъ малороссійскихъ, обвинены", съ доправкою „за вину нестанную пяти правнихъ копъ"; но привести въ исполненіе приговоръ полковой канцеляріи не допустили. Въ поданномъ въ полковую канцелярію челобитьи они представляли, „что по тому дѣлу неявка ихъ къ суду послѣдовала не чрезъ ихъ какое упрямство или ослушаніе; но токмо по силѣ указу въ полковую Стародубскую канцелярію изъ Кіево-губернской канцеляріи присланного, коимъ де повелѣно въ судъ по Бороздинскому прошенію имъ самимъ впредь до указу не вступать". Послѣдняя, по представленію волостнаго правленія, указомъ предписывала полковой канцеляріи: „покуда на представленіе оной Кіевогубернаменской канцеляріи, гдѣ онымъ раскольщикамъ по всѣмъ касаючимся до нихъ дѣламъ точно вѣдомымъ и судимымъ быть, изъ Правительствующаго Сената воспослѣдуетъ резолюція, какъ Клинцов-

скаго и Воронковскаго войтовъ съ обывательми, такъ и другихъ никого и ни по какимъ дѣламъ оныхъ раскольщиковъ собою той полковой Стародубской канцеляріи не сыскивать и не требовать, и безъ точнаго Правит. Сената повелѣнія ничѣмъ до нихъ, раскольщиковъ, не интересоваться; буде же де какая либо до нихъ, раскольщиковъ, касаться будетъ надобность, о томъ съ показаніемъ той надобности изъ той полковой Стародубской канцеляріи представлять въ Кіевогубернаменскую канцелярію".

Не смотря на категоричность указа Кіевской губернской канцеляріи, подписаннаго генералъ-губернаторомъ Леонтьевымъ, гетманъ, по представленію генеральной канцеляріи, ордеромъ, отъ 14-го сентября 1751 г., приказалъ генеральному суду по вышеизложенному дѣлу „рѣшеніе учинить въ силѣ малороссійскихъ правъ въ самой скорости". Точно также дѣйствовали малороссійскія власти и относительно другихъ дѣлъ, напр., по дѣлу бунчуковаго товарища Ивана Жоравки о порубкѣ пущи съ Злынковскими, Деменкскими и Зыбковскими раскольниками, по дѣлу значковыхъ товарищей Зѣнченковъ и Бетулинскаго съ Шоломовцами изъ-за грунтовъ и пр. По поводу этихъ послѣднихъ дѣлъ гетманъ вошелъ въ личную переписку съ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Леонтьевымъ. Въ письмѣ отъ 7-го декабря 1751 г. онъ доказывалъ послѣднему, что „жительствующіе въ Малой Россіи раскольники Кіевогубернаторской канцеляріи вѣдомы єдним только положеннымъ на нихъ окладомъ, а что принадлежитъ по касаючимся къ раскольщикамъ криминальнымъ и другимъ росправнымъ дѣламъ, то они, яко на малороссійской землѣ живущіе, по силѣ указовъ и малороссійскихъ правъ, должны во всемъ вѣдомы и судимы быть равно такъ, какъ малороссіяне и прочіе разночинцы въ Малой Россіи поселившіеся, въ малороссійскихъ полковыхъ и сотенныхъ судахъ". Въ заключеніе своего письма онъ требовалъ отъ генерала-губернатора, чтобы имъ было сдѣлано „въ раскольничое правленіе" такое предложеніе, „чтобъ впредь всѣ раскольщики, жительствующіе въ Малой Россіи, по всѣмъ дѣламъ, какъ по криминальнымъ, такъ и по другимъ росправнымъ, полковымъ и сотеннымъ судамъ были послушны, и предложенія полковой Стародубовской канцеляріи въ разныхъ бываемыхъ указныхъ витатченіяхъ безотговорочно исполнять"... Отвѣта на письмо гетмана не послѣдовало, замѣчено въ указанномъ „Экстрактѣ"

1754 г. Очевидно, въ Кіевѣ были недовольны вмѣшательствомъ малороссійскаго управленія въ дѣла слободскихъ раскольниковъ [1]).

Явились и другіе поводы къ жалобамъ со стороны раскольниковъ и недовольству Кіевскихъ властей на малороссійское управленіе. Въ 1753 г. бурмистръ раскольничьихъ слободъ Гаврило Карповъ жаловался генеральной канцеляріи, что „когда оныхъ раскольничьихъ слободъ жителемъ прилучается быть въ г. Стародубѣ и въ другихъ мѣстечкахъ на торги пріѣзжать и по востребованію нужды для препитанія своего покупать хлѣбные припасы—жито, ячмень, овесъ и коноплі и прочее, чего покупать мѣщане и другого званія люди не допускають, и тѣмъ приключають описныхъ раскольничьихъ слободъ жителемъ напрасную обиду и изнуреніе“ [2]). Дѣло дошло и до открытаго сопротивленія раскольниковъ малороссійскимъ властямъ. Въ томъ же 1753 г. топальскій атаманъ Лемешевичъ, посланный полковой канцеляріей въ слободу Зыбкую „для сиску и взятя раскольничого попа Петрикея“, доносилъ, что „раскольничій бурмистръ Карповъ зъ многими раскольщиками не допустилъ взять оного раскольничого попа, а его, Лемешевича, и бывшихъ съ нимъ козаковъ раскольщики били нещадно, и взявъ его, Лемешевича, держали въ тюрьмѣ, а козаковъ подъ карауломъ, и забитыхъ въ колодки посылали подъ карауломъ къ стоящему у

---

[1]) Ист. Арх. при Х. ун. № 6673. Ср. и № 2414. См. въ Мат. для Ист. раск. на В. и въ Старод. № 39, стр. 186—190.

[2]) Ibidem. № 11690. Донош. въ генеральную канцелярію бурмистра Карпова отъ 8-го ноября 1753 г. См. въ Мат. для Ист. раск. на В. и въ Стар. № 34, стр. 180—181. Для иллюстраціи отношеній разныхъ малороссійскихъ чиновъ къ раскольникамъ-слобожанамъ интересны и слѣд. дѣла Ист. Арх. при Х. ун., напр., дѣло «о неналежномъ взятіи въ скарбъ денегъ» 1751 г. «сотенными топольскими зборщиками съ продажи дегтю 15 куфъ: отъ куфы по 10 к., да 6 возовъ дощекъ, съ воза по 2 к., а особливо того запискою 19 к. Когда же тотъ деготь и доски сюда въ Глуховъ привезено и продано, то сотенніе Глуховскіе зборщики паки съ того жъ дегтю и дощекъ взяли платежъ»... Слобожане эти были Шоломовцы. № 18902. Интересно и дѣло о нарядѣ 300 подводъ съ раскольничьихъ слободъ въ 1752 г. для возки лѣсныхъ матеріаловъ отъ Пироговской пристани въ Глуховъ въ дворъ гетмана Разумовскаго, № 13324. Ср. и №№ 18876, 12714 и 12834—о сборѣ индуктовомъ и др. О торговыхъ стѣсненіяхъ раскольниковъ въ городахъ малороссійскихъ см. также №№ 16031 и 15901.

Тимошкина Перевоза на форпостѣ поручику Сирикову, и его де Лемешевича и козаковъ ограбили [1])"...

Всѣ эти жалобы раскольниковъ и недоразумѣнія между кіевскими и малороссійскими властями относительно ихъ суммированы въ представленіи кіевской губернской канцеляріи сенату, которое было сдѣлано въ началѣ 1754 г. Изъ него оказывается, что раскольничій бурмистръ Карповъ и слободской выборный Алексѣй Хрущовъ неоднократно обращались въ губернскую канцелярію съ жалобами на притѣсненія и обиды раскольникамъ отъ малороссійскихъ властей и тамошней малороссійской старшины, и что „сами они, бурмистръ и выборный, какъ главные тамошніе управители, въ прошломъ 1753 г. взяты и въ той малороссійской стародубской полковой канцеляріи подъ карауломъ содержаны были" (по дѣлу попа Патрикія). Изъ него же оказывается, что бурмистръ и выборный, „для охраненія обывателей отъ обидъ", ходатайствовали предъ губернской канцеляріей объ установленіи правительственнаго патроната, по примѣру стараго закладничества, бывшаго частнымъ патронатомъ, и просили въ раскольничьи слободы опредѣлить одного штабъ-офицера. Въ виду того губернская канцелярія ходатайствовала предъ сенатомъ, чтобы, для охраненія описныхъ раскольническихъ обывателей, былъ опредѣленъ изъ отставныхъ или изъ кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ одинъ штабъ-офицеръ „съ перемѣною, дабы оные обыватели, не стерпя обидъ, за границу побѣговъ чинить не могли и оттого въ интересѣ Е. И. В. ущербу приключиться не могло". Были приведены и другіе мотивы, и прежде всего тотъ, что „егда тамо безобидной порядокъ учредится, то и жительствующіе нынѣ за границею въ разныхъ польскихъ мѣстахъ бѣглые великороссійскаго народа люди, которые тамо многочисленно слободами въ жительствѣ находятся, извѣстясь о таковомъ добропорядочномъ учрежденіи и охраненіи, охотнѣе изъ-за границы въ Россію во оныя описныя раскольническія слободы на поселеніе будутъ выходить, и оттого въ Высочайшемъ Е. И. В. интересѣ польза быть имѣетъ". Въ пользу назначенія, въ качествѣ управителя надъ раскольничьими слободами, особаго штабъ-офицера было высказано и то соображеніе, что онъ, будучи въ раскольничьихъ слободахъ, „приходящихъ туда бѣглыхъ изъ разныхъ россійскихъ мѣстъ драгунъ, солдатъ и прочихъ

[1]) Ibidem, № 6673. См. Мат. для ист. раск. № 39, стр. 191—192.

чиновъ, таможъ и помѣщичьихъ крестьянъ предостерегая, ловить будетъ, и тѣмъ къ уходу прочимъ таковымъ же своевольнымъ людемъ поводъ пресѣчь можетъ". Сенатъ согласился съ резонами губернской канцеляріи и постановленіемъ своимъ отъ 7-го марта 1754 г. опредѣлилъ быть управителемъ малороссійскихъ слободъ, подъ вѣдомствомъ кіевской губернской канцеляріи, секретарю Василью Морозову, бывшему раньше при дѣлахъ въ Малой Россіи въ комиссіи экономіи [1]).

На назначеніе особаго управителя надъ раскольничьими слободами нужно также смотрѣть какъ на важную правительственную мѣру, которою выражалось болѣе терпимое отношеніе къ малороссійскимъ раскольникамъ при Елизаветѣ Петровнѣ. Побужденія, заставившія сенатъ въ данномъ случаѣ вступиться за раскольниковъ, выясняются изъ самаго представленія кіевской губернской канцеляріи: они сводились къ необходимости охраненія покоя и тишины въ отдаленномъ и пограничномъ краѣ и успокоенія вызываемыхъ изъ Польши бѣглыхъ раскольниковъ, которымъ малороссійскіе порядки обращенія съ ними могли внушать самое невыгодное понятіе о льготахъ, обѣщанныхъ имъ въ отечествѣ.

Новая правительственная мѣра относительно слободскихъ раскольниковъ вызвала сильное неудовольство со стороны мѣстнаго малороссійскаго управленія; явились даже попытки затормозить дѣло въ самомъ его началѣ. Генеральный обозный С. В. Кочубей, родственникъ гетмана, по полученіи первыхъ слуховъ въ Глуховѣ въ мартѣ того же 1754 г. о новой мѣрѣ, писалъ въ Москву генеральному писарю Безбородко: „посторонно извѣстно здѣсь, что секретарь Морозовъ, которій былъ въ Малой Россіи при комисіи экономіи, нынѣ ищетъ (и будто обнадеженъ) быть управителемъ надъ имѣющимися въ Малой Россіи раскольничими слободами, и чтобы ихъ исключить зъ вѣдомства кіево-губернской канцеляріи и подчинить самому ему, ему жъ бы быть въ единственномъ видѣніи правит. сената. А понеже имѣется по канцеляріи здѣшней тотъ видъ, что о раскольникахъ поднесенъ отъ сената докладъ, и отъ милостиваго нашего гетмана и кавалера подано прошеніе о виводѣ отсель ихъ, раскольниковъ, или объ отдачѣ ихъ владѣльцамъ...: того ради я предварительно даю знать объ ономъ вашему высокородію, и вы

[1]) Ист. Арх. при Х. ун. №№ 11622, 18991.

можете предпринять пристойныя мѣры къ пресѣченію оныхъ слѣдствъ". Безбородко отвѣчалъ, что „къ пресѣченію того возможныя прилагано старательства" [1])... Какъ относился къ этимъ „старательствамъ" самъ гетманъ — показываетъ его доношеніе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 9-го іюля 1754 г., въ которомъ онъ доказывалъ, что раскольникамъ, въ Малой Россіи живущимъ, судомъ и расправою надлежитъ быть вѣдомымъ, по силѣ прежнихъ указовъ и малороссійскихъ правъ, въ малороссійскихъ же по порядку судахъ, чрезъ что бъ въ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ, касаючихся до оныхъ раскольниковъ, никакихъ излишнихъ переписокъ и затрудненій происходить не могло". 18-го октября того же года кіевскому вицегубернатору гетманъ писалъ „съ показаніемъ многихъ резоновъ, для чего оныхъ раскольничьихъ слободъ жителей изъ подъ вѣдомства полковой стародубовской канцеляріи такъ въ судныхъ дѣлахъ, яко и въ командированіяхъ и расположеніяхъ консистентскихъ дачъ и прочихъ общенародныхъ податей и повинностей исключить невозможно, и требовано, чтобъ онъ, вицегубернаторъ, управителю раскольничихъ слободъ приказалъ посылаемые отъ стародубской полковой канцеляріи ордеры принимать и по онымъ дѣйствовать безотговорочно; а для избѣжанія затрудненій и чтобъ касаючіяся до раскольниковъ дѣла рѣшены были такими старшинами, на коихъ правильныхъ пороковъ показано не будетъ, не продолжительно, былъ бы и оной управитель въ адвокатахъ". Въ такомъ смыслѣ сдѣлано было представленіе гетманомъ и въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію [2]). Однако это было самое неблагопріятное время для какихъ бы то ни было малороссійскихъ притязаній на расширеніе гетманской компетенціи. Первыя черезъ-чуръ самостоятельныя дѣйствія графа—гетмана въ Малороссіи, какъ извѣстно, возбудили сильное подозрѣніе въ С.-Петербургѣ; въ высшихъ правительственныхъ сферахъ на первыхъ же почти порахъ явилась мысль о возможномъ ограниченіи гетманской власти. Не смотря на сильныя придворныя и правительственныя связи гетмана, хотя нѣсколько и поколебленныя измѣнившимися личными отношеніями

---

[1]) Харьк. Ист. Арх. № 11006. Мат. для ист. раск. № 36—37, стр. 184—185.

[2]) Х. И. А. Д. М. № 2478. См. докладъ, сдѣланный въ генеральной канцеляріи 27 ноября 1760 г.

Государыни къ старшему Разумовскому, рейхсъ-графскому сіятельству Алексѣю Григорьевичу, 16-го марта 1754 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ было запрещено гетману „собою безъ указу производить малороссійскихъ полковниковъ", а „для лучшаго смотрѣнія и пресѣченія" разныхъ малороссійскихъ „непорядковъ" повелѣно было назначить при гетманѣ министра изъ генералитета, какъ было при Петрѣ Великомъ и гетманѣ Скоропадскомъ. „Малороссійскіе непорядки" выражались главнымъ образомъ въ раздачѣ гетманомъ безъ указа цѣлыхъ городовъ и деревень въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ отнятіи грунтовъ у служилыхъ козаковъ, въ крайнемъ притѣсненіи обывателей сборомъ разныхъ пошлинъ, вслѣдствіе чего нѣсколько малороссійскихъ обывателей перешли на житье въ Польшу и пр. При такихъ условіяхъ по меньшей мѣрѣ было неосторожно—рѣшительно настаивить на подчиненіи раскольниковъ гетманской власти, вопреки указу сената, первой въ государствѣ инстанціи, куда указомъ отъ 17-го января 1756 г., по прошенію самаго гетмана, перенесены были изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и всѣ малороссійскія дѣла [1]). Тѣмъ не менѣе долго и послѣ того еще происходили споры между кіевскими и малороссійскими властями о томъ, „гдѣ тѣмъ раскольническимъ слободамъ впредь по всякимъ криминальнымъ и по исцовымъ дѣламъ судомъ и росправою въ вѣдомствѣ быть". Вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ сенатскимъ указомъ отъ 7-го марта 1754 г., и только инструкціей кіевской губернской канцеляріи, составленной послѣдней для управленія раскольническими слободами на основаніи того же сенатскаго указа, „раскольничьи слободы поручены были судомъ и росправою" вѣдомству слободскаго управителя. На основаніи того же сенатскаго указа кіевскій вицегубернаторъ писалъ въ генеральную канцелярію, „чтобъ отъ того впредь малороссійскаго черниговскаго и стародубскаго полку полковыя канцеляріи безъ указовъ прав.

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, VII, 338—339, 344—345. Ист. Рос. Соловьева, XXIII, 247. Зап. Марковича, II, 335. Гетманъ поставлялъ себѣ въ обиду, что кіевскій генералъ-губернаторъ имѣетъ заграничную корреспонденцію, а ему, гетману, на то не позволяется. Въ 1755 г. этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. О измѣненіи личныхъ отношеній къ старшему Разумовскому см. у Васильчикова: Сем. Разумовскихъ, I, 136—137.

сената и государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи въ судныя дѣла, до оныхъ раскольниковъ касаючіяся, не интересовались, а всякъ искалъ бы по своей претензіи на раскольниковъ у управителя Морозова [1])". Съ сущностью начавшихся споровъ между кіевскою губернскою канцеляріею и малороссійскимъ управленіемъ мы знакомися изъ письма кіевскаго вицегубернатора И. И. Костюрина къ членамъ генеральной канцеляріи и изъ отвѣтнаго письма послѣднихъ къ нему. Въ письмѣ отъ 26-го іюня 1756 г. Костюринъ высказывается въ томъ смыслѣ, что раскольниковъ „въ малороссійской стародубской полковой канцеляріи судить не слѣдуетъ", по причинѣ „подозрѣнія на бывшаго полковника Максимовича и на протчую малороссійскаго стародубскаго полка полковую старшину, о чемъ неоднократно и напередъ сего отъ меня писано; но ежели до нихъ, раскольниковъ, имѣется отъ кого искъ, тѣмъ должно являться и суда искать въ реченной указной раскольнической волостной конторѣ или въ кіевской губернской канцеляріи". Изъ того же письма оказывается далѣе, что послѣдняя не разъ, какъ и въ данномъ случаѣ, предлагала „для единственнаго разобранія происшедшихъ съ обѣихъ сторонъ обидныхъ спорныхъ дѣлъ и о смертоубійствахъ учредить особливую коммиссію, мимо той стародубской полковой канцеляріи, или предать къ разобранію и успокоенію малороссійской черниговской полковой канцеляріи, при опредѣленномъ отъ кіевской губернской канцеляріи депутатѣ, а той стародубской полковой канцеляріи и того жъ полку сотенному Топальскому правленію за посягательнымъ подозрѣніемъ и за законными причинами ни чѣмъ до описныхъ раскольническихъ слободъ жителей интересоваться не велѣть". Отсюда же мы узнаемъ, что гетманомъ въ 1755 г. сдѣлано было распоряженіе, по которому „велѣно по такимъ дѣламъ, по коимъ отъ раскольниковъ на стародубскаго полковника и на кого изъ старшинъ полковыхъ показаны будутъ правильные пороки и въ томъ они изобличатся, то имъ, полковнику и старшинѣ, не присутствовать: но оныя дѣла разсматривать и рѣшеніе въ силѣ указовъ и правъ чинить другимъ не подозрительнымъ старшинамъ или сотникамъ въ той же стародубской канцеляріи, въ присутствіи коллежскаго ассессора и управителя Морозова". Въ смыслѣ гетманскаго ордера было сдѣлано соотвѣтствующее распо-

[1]) Х. И. А. Д. М. №№ 2478 и 18991.

ряженіе и кіевскою губернскою канцеляріею, по которому Морозову „велѣно по всѣмъ обидимымъ и спорнымъ о земляхъ, тако жъ и смертоубивственнымъ дѣламъ... въ полковой стародубской канцеляріи присутствовать и крайнѣйше наблюдать и смотрѣніе имѣть, дабы оныя всѣ дѣла произведены, разсмотрѣны и рѣшены были въ силѣ Е. И. В. указовъ и малороссійскихъ дѣлъ, безъ всякой ни на которую стороны понаровки и посягательства"... Въ 1756 г. полковая и генеральная канцеляріи начали толковать гетманскій ордеръ такъ, „чтобъ быть Морозову при тѣхъ дѣлахъ яко адвокату или депутату", съ каковымъ толкованіемъ не соглашалась губернская канцелярія; „ибо ежели ему, управителю, при такихъ слѣдствіяхъ быть только адвокатомъ, а рѣшеніемъ не подписываться, то присутствіе имѣетъ быть только съ одной малороссійскихъ владѣльцевъ стороны". Кромѣ того, губернская канцелярія въ лицѣ своего представителя совершенно справедливо находила, что „раскольнической слободы жителей подъ судъ той стародубской полковой канцеляріи подвергнуть безъ особливаго изъ правительствующаго сената указа она не можетъ", и грозила, что если „и за симъ со стороны малороссійской инако поступлено будетъ, то уже принуждено будетъ дальнѣйше о томъ представить, куда надлежитъ". Генеральная канцелярія въ іюлѣ отвѣчала Костюрину, что „для многихъ указныхъ резоновъ къ разобранію земельныхъ споровъ особыхъ коммиссій учреждать невозможно и не слѣдуетъ; ибо въ Малой Россіи учреждены суть въ силѣ Высочайшихъ Е. И. В. указовъ суды для такихъ росправъ, по силѣ малороссійскихъ правъ, коимъ и они (раскольщики) въ такихъ земскихъ дѣлахъ подлежать въ силу указовъ же должни. Да и для такихъ обстоятельствъ, мимо полковой стародубской канцеляріи, оныя раскольничьи всѣ дѣла въ полковую черниговскую канцелярію переносить не слѣдуетъ". Изъ того же отвѣтнаго письма видно, что по тому же вопросу происходила переписка между гетманомъ и кіевскимъ вице-губернаторомъ еще въ октябрѣ 1754 г. Въ 1756 — 1757 гг., по указу правительствующаго сената, назначена была кіевской губернской канцеляріей слѣдственная комиссія о воровствахъ и земельныхъ спорахъ раскольниковъ съ малороссійскими владѣльцами и козаками, главнымъ образомъ для преслѣдованія нападеній климовскихъ и митьковскихъ раскольниковъ на мѣстности Ропской волости гетмана Разумовскаго. Изъ Кіева былъ отправленъ кіевскаго гар-

низона секундъ-маіоръ Ефремовъ, а со стороны гетмана, какъ малороссійскаго владѣльца, повѣреннымъ въ комиссію былъ назначенъ Антонъ Титовъ [1]). Стало быть, спорный вопросъ между кіевскими и малороссійскими властями былъ разрѣшенъ сенатомъ въ томъ смыслѣ, какъ того желала кіевская губернская канцелярія. Это сенатское распоряженіе не понравилось гетману, и онъ вошелъ съ особымъ представленіемъ въ сенатъ, въ которомъ проводилась та мысль, что спорныя за земли дѣла, какъ земскія, должны подлежать указному суду въ учрежденныхъ въ Малороссіи судебныхъ мѣстахъ и по малороссійскимъ правамъ. „А ежели де вышеозначенныя дѣла поручить одному слѣдствію чрезъ нарочныхъ, то де изъ того можетъ послѣдовать не малое обиженнымъ обывателямъ и владѣльцамъ въ полученіи сатисфакціи продолженіе, волокита и убытки", а главное — это будетъ противно утвержденнымъ Высочайшими грамотами малороссійскимъ правамъ, и просилъ „нарочное слѣдованіе отставить, а быть онымъ раскольникамъ судимымъ въ малороссійскихъ судахъ" съ правомъ „взношенія куда надлежитъ аппеляціи". Сенатъ не удовлетворилъ желаніе гетмана и указомъ отъ 26 октября 1760 г. снова подтвердилъ прежнее распоряженіе: обидныя, спорныя и смертоубійственныя дѣла, по челобитью на нихъ раскольниковъ, производя, какъ по указамъ надлежитъ, разсматривать и рѣшать въ кіевской губернской канцеляріи, а слѣдствія по такимъ дѣламъ производить при депутатѣ съ малороссійской стороны, по силѣ преждепосланной къ гетману грамоты изъ сената. Гетманъ и на этотъ разъ не подчинился распоряженію сената. 31 марта 1761 г. онъ вошелъ съ новымъ представленіемъ въ сенатъ, и опять просилъ, чтобы раскольничьи съ малороссіянами обидныя, спорныя и смертоубійственныя дѣла производить, разсматривать и рѣшать въ малороссійскихъ судахъ, съ депутатомъ съ раскольничьей стороны изъ офицеровъ или управителей, а не въ кіевской губернской канцеляріи [1]). Спорный вопросъ былъ разрѣшенъ только въ царствованіе Екатерины II.

---

[1]) Ист. Арх. при Х. ун. № 15323. Кіев. центр. арх. Дѣла административныя.

[1]) П. С. З. XV, № 11132.—Х. И. А. Д. М. № 2478. Мат. для ист. раск. № 46, стр. 216—220.

Кромѣ того нужно отмѣтить здѣсь еще одну попытку гетмана относительно раскольниковъ. Въ 1760 г. гетманъ задумалъ заселить пустопорожнія земли въ Малороссіи, а между прочимъ и свои маетности раскольниками, бѣжавшими въ Польшу, съ каковою цѣлью и обратился къ императрицѣ съ прошеніемъ отъ 31-го августа 1760 г., о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть въ концѣ VI главы. Это прошеніе было вызвано доношеніемъ гетману нѣкоторыхъ заграничныхъ выходцевъ-раскольниковъ, монаховъ и мірскихъ людей, въ которомъ они просили, чтобы имъ Высочайшимъ указомъ „повелѣно было выходить въ Малую Россію въ стародубовскій полкъ, или гдѣ кто пожелаетъ“, и „жить имъ на таковомъ основаніи, какъ наши издревле родители и прародители наши живали, и преданную отъ св. отецъ православную греческую христіанскую вѣру по старопечатнымъ книгамъ содержали“... При прошеніи была приложена и сказка заграничныхъ раскольническихъ монаховъ, Ѳеодосія и Филарета, о зарубежныхъ раскольничьихъ поселеніяхъ, взятая гетманомъ „для любопытства, сколь великое число народа великороссійскаго раскольниковъ въ Польшѣ и другихъ мѣстахъ населено слободами“. Гетманъ находилъ возможнымъ удовлетворить желаніе раскольниковъ „къ выходу изъ Польши на поселеніе въ Малой Россіи“ и „для высочайшихъ интересовъ полезнымъ“, даже съ правомъ „содержать имъ у себя своихъ священниковъ и церкви“. Раскольники между прочимъ просили, чтобы для поселенія ихъ было отведено мѣсто между рѣками Цатою и Вагою на устьѣ, близъ польской границы, неподалеку отъ грунтовъ описной слободы старыхъ Чуровичъ,—мѣсто, отошедшее при происходившемъ въ то время разграниченіи съ Польшей къ Малороссіи и находившееся еще „безъ всякого поселенія“. Полагая, что на указанной ими землѣ, „по малому ея пространству, немного людей поселеніемъ вмѣститься можетъ“, гетманъ „всеподданѣйше“ просилъ императрицу разрѣшить ему селить выходящихъ изъ Польши раскольниковъ въ Почепской и Батуринской волостяхъ, лично принадлежавшихъ гетману, какъ и на отобранной изъ владѣнія польскаго землѣ, „на томъ основаніи, какъ они просятъ“. При этомъ гетманъ за поселившихся въ его владѣніяхъ раскольниковъ предлагалъ платить въ казну двойной окладъ, съ тѣмъ, чтобы они, раскольники, „при вышеупомянутыхъ государственныхъ оброкахъ, обыкновенную крестьянскую повинность отправляли ему“, какъ вла-

дѣльцу, и находилъ, что и „малороссійскимъ жителямъ чрезъ умноженіе въ Малой Россіи народа въ указноположенныхъ вистатченіяхъ облегченіе быть слѣдуетъ"... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязывался „отнюдь ни подъ какимъ образомъ вновь бѣгающихъ великороссійскихъ помѣщичьихъ, купецкихъ и изъ военныхъ людей къ тому поселенію не принимать, кромѣ однихъ суще выходящихъ изъ Польши, да и что принадлежитъ до раскольничьей ереси, то не токмо до наималѣйшаго распространенія не допускать, но сколько возможно самихъ ихъ отъ того заблужденія увѣщевать и исправлять прилежное стараніе употребляемо будетъ".

Въ данномъ случаѣ гетманъ преслѣдовалъ не столько, конечно, общегосударственные интересы, сколько свои личные, владѣльческіе. За годъ съ небольшимъ передъ тѣмъ онъ также обращался къ императрицѣ съ прошеніемъ, въ которомъ, указывая на многочисленность своего семейства (5 сыновей и 5 дочерей) и недостатокъ собственнаго личнаго недвижимаго имущества, кромѣ тѣхъ имѣній, которыми онъ владѣлъ временно какъ гетманъ, просилъ ему и его потомкамъ дать хоть часть тѣхъ деревень, которыя были въ вѣчномъ владѣніи князя Меньшикова и потомъ даны ему временно по одному только гетманству. Въ особой запискѣ, приложенной къ прошенію, гетманъ и болѣе конкретно выразилъ свои земельно-владѣльческія вожделенія; онъ просилъ, во первыхъ, дать ему волость Почеповскую со всѣми деревнями, какъ она состояла во владѣніи за княземъ Меньшиковымъ; во вторыхъ, волость Батуринскую, и, въ третьихъ, волости Шептаковскую и Бакланскую. Въ маѣ 1759 года просьба гетмана Разумовскаго была исполнена: ему подарены города Почепъ и Батуринъ съ уѣздами, а также волости Шептаковская и Бакланская. Пустопорожнія земли въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей и разсчитывалъ теперь заселить гетманъ раскольниками, выходящими изъ Польши. Для привлеченія ихъ были приняты съ его стороны даже и нѣкоторыя мѣры, какъ показываетъ пашпортъ, выданный гетманомъ вѣтковскому монаху Ѳеодосію [1]).

---

[1]) Х. И. А. Д. М. № 6673. Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 45 стр. 205—216. Васильчиковъ, А. А.: Сем. Разумовскихъ, т. I, стр. 253—254, 265—268.

Кратковременное царствованіе Петра III отразилось на малороссійскихъ слободскихъ раскольникахъ одною, крайне неблагопріятною для нихъ, правительственною мѣрою, хотя и не имѣвшею практическихъ послѣдствій, какъ увидимъ ниже. Именнымъ указомъ, даннымъ сенату 11-го марта 1762 г., Петръ III пожаловалъ своему любимцу, бригадиру, камергеру и генералъ-адъютанту, Андрею Гудовичу, „за вѣрныя и усердныя его службы“, 6 раскольничьихъ слободъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ: Добрянку, Радуль, Еленку, Климову, Зыбкую и Клинцы, и, кромѣ того, малороссійскую деревню Чертовичи, съ имѣющимися въ нихъ великороссійскими крестьянами и жителями въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ пашенными и непашенными землями и пр. Въ такомъ смыслѣ дана была Высочайшая грамота изъ сената и гетману Разумовскому, отъ 23 мая 1762 г., въ которой повелѣвалось ему опредѣлить депутата съ малороссійской стороны при передачѣ означенныхъ слободъ и малороссійской деревни Гудовичу. Въ то же время для передачи 6 раскольничьихъ слободъ былъ назначенъ сенатомъ главный управитель слободъ Григорій Титовъ и находившійся тогда „не у дѣлъ“ бывшій управитель Морозовъ, а со стороны гетмана опредѣленъ былъ депутатомъ стародубскій хоружій Григорій Гаевскій. 20-го мая былъ полученъ о томъ сенатскій указъ и кіевской губернской канцеляріей. Послѣдняя, въ виду происшедшаго вскорѣ за тѣмъ переворота въ пользу Екатерины II, вошла съ особымъ представленіемъ въ сенатъ, въ которомъ заявляла, что такъ какъ вышеозначенныя слободы отданы Гудовичу „въ бывшее правленіе“, то слѣдуетъ или не слѣдуетъ передавать ихъ ему, предписавъ въ то же время управителю Титову—удержаться передачей до сенатской резолюціи. Вопросъ былъ разрѣшенъ не въ пользу Гудовича [1]).

Намъ остается, для полноты сдѣланнаго очерка, представить еще нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній о новомъ по-

---

[1]) Х. И. А. Д. М. № 20741: Высоч. грамота гетману Разумовскому изъ сената, отъ 23-го мая 1762 г. о пожалованіи 6 раскольничьихъ слободъ Гудовичу и о назначеніи для передачи ихъ депутата съ малороссійской стороны; ордеръ гетмана по содержанію Высоч. грамоты, отъ 25-го мая, изъ Петербурга.—Барановъ, Арх. Сен. 111, 12043.—Арх. Черн. дух. консист. № 1408. Дѣло объ устроеніи въ слободѣ Климовой православной церкви, затормозившееся отчасти указомъ о передачѣ раскольничьихъ слободъ Гудовичу.

рядкѣ управленія слободскими раскольниками съ 1754 г. и отношеніи къ нимъ кіевской губернской канцеляріи.

Первымъ слободскимъ управителемъ былъ коллежскій ассесоръ Василій Морозовъ, служившій до 1750 г. въ Малороссіи въ коллегіи экономіи и потому хорошо знавшій малороссійскія дѣла, порядки и отношенія. Согласно инструкціи, выданной ему по предписанію сената изъ кіевской губернской канцеляріи, въ его рукахъ были сосредоточены нѣкоторыя функціи уѣздной администраціи—веденіе списковъ слободскому населенію, постоянному и новоприбылому изъ-за польскаго рубежа, взысканіе указноположенныхъ сборовъ, разборъ споровъ и обидъ какъ между самими слобожанами, такъ и между слобожанами и сосѣдними малороссіянами, а также на него возложена была и обязанность слѣдить и ловить приходящихъ изъ разныхъ россійскихъ мѣстъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ, чтобы „тѣмъ пресѣчь поводъ къ уходу прочимъ таковымъ же своевольнымъ людемъ". Но главною его обязанностью было охраненіе и защищеніе описныхъ слободскихъ обывателей отъ притѣсненій и обидъ малороссійскихъ властей и мѣстныхъ державцевъ. Соотвѣтствовали ли личныя качества Морозова порученной ему должности,—судить трудно за недостаткомъ относящихся сюда данныхъ; тѣмъ не менѣе онъ повидимому справлялся съ своимъ нелегкимъ положеніемъ и по возможности защищалъ слобожанъ отъ притѣсненій мѣстныхъ властей. Долго эти послѣднія, стародубскія и глуховскія, какъ мы и видѣли выше, игнорировали власть слободскаго управителя, привлекали слобожанъ къ своему суду, ловили слободскихъ раскольническихъ поповъ и черницевъ и прямо отъ себя передавали ихъ подъ конвоемъ мѣстной духовной консисторіи. Мы уже имѣли случай указать на сношенія Морозова по этому поводу съ черниговскимъ епископомъ и на результаты этихъ сношеній. Точно также дѣйствовалъ Морозовъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ въ 1757 г. онъ вступился за раскольниковъ Безчастновыхъ, жившихъ издавна въ с. Понуровкѣ и владѣвшихъ тамъ купленными ими грунтами, которыми старался завладѣть бунчуковый товарищъ Миклашевскій. Мало того, что этотъ Миклашевскій отбиралъ у нихъ огороды, сѣно, лошадей; по его наказу войтъ понуровскій и вовсе выгонялъ ихъ изъ села. О насиліяхъ Миклашевскаго донесено было кіевской губернской канцеляріи, а послѣдняя донесла о нихъ гетману [1]).

[1]) Опис. арх. Маркевича, стр. 11.

Изъ вышеупомянутаго нами рапорта Морозова, отъ 1-го іюля 1758 г., въ которомъ Морозовъ оправдывался предъ губернской канцеляріей въ замѣченной послѣдней неисправности составленныхъ имъ списковъ или вѣдомостей слободскаго населенія, видно, что онъ былъ крайне стѣсненъ какъ разнообразіемъ возлагавшихся на него обязанностей по управленію раскольническими слободами, такъ и исполненіемъ случайныхъ порученій разнаго рода, не относящихся къ компетенціи слободскаго управителя. Оказывается, что въ томъ же 1754 г., въ которомъ онъ былъ назначенъ слободскимъ управителемъ, онъ былъ „по указу взятъ въ С.-Петербургъ въ комиссію портовыхъ и внутреннихъ пошлинъ и находился тамъ по іюнь 1755 г.; потомъ, по возвращеніи изъ Петербурга, ему пришлось исправлять разныя порученія по передвиженію русскихъ войскъ къ границамъ Пруссіи. „Въ то время“, писалъ онъ, „во всѣхъ слободахъ было движеніе опредѣленныхъ въ походъ драгунскихъ полковъ и прохожденіе донскихъ и слободскихъ полковъ и калмыкъ команды; а генералитеты, которые меня, а паче г. генералъ-лейтенантъ Зыбинъ, требовали по разнымъ надобностямъ и по секрету, куда я, оставя всѣ дѣла, отлучался, також и для заготовленія покупкою въ польскихъ областяхъ провіанта и фуража и провожанія генералитету и командамъ сыскиваны по разнымъ слободамъ и даваны знающія достовѣрно путь въ Польшѣ нѣсколько человѣкъ до самой Пруссіи [1])“...

По всей вѣроятности, въ виду многосложности управительскихъ обязанностей и трудности ихъ достодолжнаго выполненія при одномъ управителѣ, кіевской губернской канцеляріей во второй половинѣ 1758 г. сдѣлано было представленіе въ сенатъ объ усиленіи управительскаго персонала въ раскольническихъ слободахъ. Въ силу этого представленія въ томъ же еще 1758 г. сенатомъ были назначены въ слободы еще три управителя: поручикъ Иванъ Халкидонскій, титулярный совѣтникъ Гуленко и поручикъ Григорій Бороздна, съ подчиненіемъ ихъ Морозову, какъ главному управителю [2]). Это усиленіе управительскаго пер-

---

[1]) Х. И. А. № 3125.

[2]) О поручикѣ Бороздѣ въ послужномъ спискѣ 1774 г. сказано: «вступилъ въ службу въ 1749 г., по именному указу къ высочайшему двору, въ предпочивальню лакеемъ, въ 1756 г. въ камеръ-лакеи; въ 1758 г. въ поручики пожалованъ и опредѣленъ управителемъ въ

сонала вызвало недовольство слобожанъ, которые подали въ сенатъ прошеніе о убавкѣ ихъ управителей, въ виду „крайней тягости въ содержаніи ихъ", и чтобъ по прежнему быть у нихъ одному управителю. Желаніе слобожанъ было удовлетворено въ извѣстной мѣрѣ, и сенатскимъ постановленіемъ отъ 23-го мая 1760 г. „велѣно въ тѣхъ раскольничьихъ слободахъ управителями быть изъ опредѣленныхъ правит. сенатомъ четырехъ двумъ человѣкамъ, по разсмотрѣнію кіевской губернской канцеляріи, коихъ оная разсудитъ оставить, съ жалованьемъ, по рангамъ тѣхъ, кои останутся, собирая оное съ нихъ раскольниковъ, сверхъ другихъ собирающихся съ нихъ же оброчныхъ денегъ... По желанію раскольниковъ, управителями были оставлены Морозовъ и Борозднa, а Гуленко и Халкидонскій отрѣшены. Двоевластіе въ управленіи раскольничьими слободами существовало однако очень недолго. Одинъ изъ бывшихъ управителей, именно Халкидонскій, управлявшій раскольническими слободами въ черниговскомъ полку, Добрянкой и Радулью, тотчасъ же по своемъ отрѣшеніи отъ управительства подалъ весьма интересный доносъ въ сенатъ на слободскихъ раскольниковъ и главнаго ихъ управителя Морозова, вслѣдствіе котораго сенатскимъ указомъ отъ 15-го февраля 1761 г. снова было возстановлено четверовластное управленіе въ слободахъ, подъ главенствомъ вновь опредѣленнаго управителемъ надворнаго совѣтника Григорія Титова. Морозовъ былъ отрѣшенъ, а Халкидонскій по прежнему вновь опредѣленъ въ раскольническія слободы черниговскаго полка. Въ своемъ доносѣ онъ такъ характеризуетъ слободскихъ раскольниковъ и ихъ слободское управленіе: 1) „живущіе тамъ раскольники, яко при самой польской границѣ, не имѣя, за отдаленіемъ волостнаго правленія, никакого страха, россійскихъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и другихъ всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми семьями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу, и живши тамъ малое время, возвращаются къ границѣ, по милостивымъ указамъ для опредѣленія въ раскольническія слободы, называясь раскольниками, которыми никогда не бывали... 2) Въ оныхъ же слободахъ живущіе, прежде

раскольническія описныя государевы слободы; а въ 1765 г. по прошенію уволенъ». Лазаревскій, А. М.: Люди старой Малороссіи. 15. Бороздны. Кіев. Стар. 1887 г., іюль. Есть и отдѣльный оттискъ: стр. 2.

вышедшие изъ Польши многіе раскольники, тамо въ Польшѣ, подъ Поляками, домы своя имѣютъ, и оброчныя деньги Полякамъ платятъ, и всякія шпіонства изъ Россіи въ Польшу произносятъ, яко де и издревле оные раскольники враги Россійскому государству... 3) Оные раскольники тамо (въ стародубскомъ полку) живутъ въ 14 слободахъ, и тѣ слободы разселены, какъ превеликіе города, гдѣ премногое число изъ разныхъ городовъ бѣглые богатые купцы, называя себя раскольниками жъ, укрываются отъ положенныхъ на нихъ податей и рекрутскихъ наборовъ, а подушныхъ денегъ платятъ они только по 72 коп. съ души, а болѣе никакихъ поборовъ съ нихъ нѣтъ и противъ великороссійскихъ раскольниковъ двойнаго оклада они не платятъ. 4) Въ бытность его, Халкидонскаго, въ оныхъ двухъ слободахъ управителемъ, явившіеся изъ тѣхъ раскольниковъ въ подговорѣ и проводѣ изъ Россіи многихъ людей въ Польшу публично были наказаны кнутомъ, какого де наказанія у нихъ никогда не бывало и за то онъ, Халкидонскій, имъ, раскольникамъ, учинился весьма противнымъ. 5) Когда де онъ, Халкидонскій, да титулярный совѣтникъ Гуленко и поручикъ Борозднa въ тѣ раскольничьи слободы опредѣлены, то находящійся тамъ уже 8 лѣтъ, прежде опредѣленный управителемъ ассессоръ Морозовъ, почтя себѣ оное опредѣленіе ихъ Халкидонскаго съ товарищи за обиду, всякими мѣрами склонялъ тѣхъ раскольниковъ просить въ правит. сенатѣ о убавкѣ ихъ управителей... 6) Оной де Морозовъ, при сочиненіи въ 1758 г., по указу изъ правительствующаго сената, въ раскольничьихъ слободахъ ревизій многое множество ихъ раскольниковъ въ оную ревизію, такожъ и прежде того еще, до бытности его, Халкидонскаго, тамъ управителемъ, въ слободѣ Радулѣ 15 душъ мужска пола, старожилыхъ раскольниковъ, уповательно для его Морозова собственнаго прибытка, въ ревизіи жъ не написалъ [1])"... Таковы были слободскіе раскольники и ихъ управители...

Къ сказанному нами въ своемъ мѣстѣ объ отношеніи кіевской губернской канцеляріи къ слободскимъ раскольникамъ остается прибавить немногое. Выше мы уже видѣли, какія мѣры принимались губернской канцеляріей для защищенія и охраненія раскольниковъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны мѣстныхъ малороссійскихъ властей и державцевъ. Она же проекти-

---

[1]) П. С. З. XV, № 11205.

ровала и рядъ мѣръ для сносныхъ условій ихъ экономическаго быта и жизни въ Малороссіи. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія „Пункты о стародубскихъ и черниговскихъ раскольникахъ 1754 г.", представленные въ сенатъ кіевскимъ вице-губернаторомъ Ив. Ив. Костюринымъ. Пункты эти были составлены для елизаветинской законодательной комиссіи, по требованію сената отъ 24 августа 1754 г. [1]). Изъ нихъ видно, какіе недостатки усматривала русская правительственная власть въ тогдашнемъ положеніи раскольниковъ въ Малороссіи. Пункты эти извлечены проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ изъ полуистлѣвшей рукописи, а потому и сохранились нѣсколько не въ цѣломъ видѣ. Вотъ эти замѣчательные для того времени „Пункты".

1) „По указу блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго въ 1715 г. повелѣно въ Малой Россіи раскольниковъ переписать и положить въ окладъ, чего ради и опредѣленъ былъ полковникъ Ергольскій съ товарищи, который опись учинилъ неосновательно, ибо описалъ токмо сколько въ Малой Россіи слободъ и въ нихъ жи-

---

[1]) Въ тоже время, по требованію сената, кіевскимъ вице-губернаторомъ Ив. Ив. Костюринымъ составленъ былъ общій проектъ реформъ и новыхъ учрежденій, которыя «по мнѣнію мѣстнаго начальчальства необходимо принять во вниманіе при сочиненіи новаго уложенія». Изъ него видно, что вниманіе кіевскаго начальства наиболѣе было устремлено на недостатки экономическаго быта и на условія жизни въ Малороссіи великороссійскихъ людей. Два пункта изъ этихъ проектовъ были осуществлены, хотя и на короткое время, а именно: 1) «Малороссійскимъ и великороссійскимъ купцамъ о долговыхъ деньгахъ имѣть судъ *по вексельному уставу*...; 2) Въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Стародубѣ и на ярмаркахъ въ малороссійскихъ городахъ: Кролевцѣ, въ Ромнахъ, въ Борзнѣ, Переяславлѣ, *для словеснаго между купцами суда*, въ силу указу, избрать купцовъ, да и въ случаѣ великороссійскимъ съ малороссійскимъ и греческимъ братствомъ судъ производить имъ же». Главный магистратъ опредѣлилъ для словеснаго суда между купцами по 2 человѣка изъ великороссійскихъ купцовъ и для протеста векселей въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Ромнахъ и Борзнѣ назначенъ былъ публичный нотаріусъ. Гетманъ еще въ 1754 г. протестовалъ противъ новаго учрежденія, но безуспѣшно. Въ 1757 г. ходатайство Разумовскаго имѣло успѣхъ: нотаріусъ и купцы были обратно вызваны въ Россію. Кіев. Стар. 1888 г. май. стр. 38, Сем. Разумовскихъ, А. А. Васильчиковъ, т. I, 211.

телей имѣется, а сколько въ которой слободѣ земли и поза тѣ урочища, того ничего не показано. А малороссійскіе владѣльцы, которые безъ указовъ тѣхъ великороссійскихъ людей на тѣхъ своихъ земляхъ селить допущали, послѣ той Ергольской описи, стали оныхъ раскольниковъ къ тому ихъ земляному владѣнію всячески не допущать, за что непрестанныя тѣхъ слободъ у жителей съ малороссіянами въ земляхъ ни токмо великія ссоры, но и смертныя убивства и челобитія въ малороссійскихъ канцеляріяхъ происходять". Далѣе повидимому проектируется общее *размежеваніе* земель раскольничьихъ слободъ.

2. Малороссійскіе правители берутъ съ раскольниковъ консистенскія дачи, между тѣмъ на раскольниковъ положенъ большой окладъ на военныя издержки. „Ежели такой окладъ на нихъ положится, то уже тѣ всѣ малороссійскіе сборы отставить, потому что *великороссійскій народъ* кажется ни почему *не имѣетъ платить податей малороссіянамъ* въ поможенье, и ежели по сему тѣ раскольники переписаны и въ одинъ окладъ положены будутъ, то увѣдавъ за границею живущіе великороссійскаго и малороссійскаго народа въ Россійскую имперію охотно на житье въ тѣ слободы переходить пожелаютъ".

3. „Въ тѣхъ слободахъ, какъ о томъ не безъизвѣстно, земли весьма недостаточно; а по смежности тѣхъ слободъ имѣются не малое число ранговыхъ и владѣльческихъ земель, которыя состоятъ впустѣ. Кажется незапотребно повелѣть имъ добровольною цѣною *покупать земли въ Малой Россіи къ слободамъ*, а не къ одному крестьянскому дому, и тѣ купчія писать у крѣпостныхъ дѣлъ въ Кіевѣ и записывать въ книги; а для отказу посылать великороссійскихъ служивыхъ людей".

4. Въ четвертомъ пунктѣ дѣло идетъ о правѣ раскольниковъ держать своихъ поповъ. Пунктъ заключается такъ: „Изъ Польши вѣтковскіе жители особливо просятъ *устроить два монастыря, одинъ мужескій, а другой женскій* и отправлять имъ (богослуженіе); ежели церкви построить не можно, то хотя часовни, и какъ такое позволеніе они получать, то совершенно могутъ нѣсколько тысячъ великороссійскаго народа людей выйти въ Россію безъ всякихъ затрудненій.

5. „А ежели кто изъ тѣхъ слободъ жителей будутъ по купечеству, или другимъ какимъ дѣламъ имѣть претензію на малороссіянъ, о томъ имъ *искать суда* и просить по порядку въ *великороссійскихъ судахъ*, гдѣ кто вѣдомъ; также ежели мало-

россіяне будутъ о чемъ имѣть претензію тѣхъ слободъ на обывателей,—искать и просить суда у управителей тѣхъ раскольническихъ слободъ въ волостной конторѣ, по которымъ прошеніямъ оному управителю безволокитно по самой справедливости чинить рѣшеніе въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ. Ежели же кто его судомъ не будетъ доволенъ, искать въ кіевской губернской канцеляріи [1])".

Малороссійскія власти видимо неравнодушно относились къ новымъ проектамъ кіевскаго губернскаго великороссійскаго начальства. По крайней мѣрѣ въ малороссійскихъ дѣлахъ харьковскаго историческаго архива сохранился запросъ экономической канцеляріи въ генеральную о томъ, „живущимъ въ Малой Россіи слободами раскольникамъ дозволено ли, кромѣ отведенныхъ имъ на поселеніе земель, покупать у малороссійскихъ обывателей недвижимыя имѣнія [2])"... Этотъ запросъ очевидно нужно поставить въ прямую связь съ „Пунктами о стародубскихъ и черниговскихъ раскольникахъ 1754", представленными въ сенатъ для елизаветинской законодательной комиссіи, именно съ 111 п.

Въ 1767 г. „Пункты 1754 г." представлены были кіевской губернской канцеляріей безъ измѣненія и въ знаменитую Екатерининскую комиссію для сочиненія новаго Уложенія [3]).

---

[1]) Кіев. Стар. 1888 г., май. Отд. Докум., изв. и замѣтки. Стр. 42—43.

[2]) Х. И. А. Д. М., № 15842. Мат. для ист. раск., № 40, стр. 193.

[3]) Кіев. Стар. 1888 г., май, стр. 37—38.

УКАЗАТЕЛЬ

личный, предметный и географическій.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

Ѳ.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Стран.	*Стр. сверху.*	*Напечатано.*	*Читать.*
9	17	Относятся	Относится.
18	42	хрон.	хран.
33	30	ревизоромъ	ревизорамъ.
35	31	Розумовского	Разумовскаго.
36	26	городдмъ	городамъ.
40	39	Красклика	Красилина.
46	1	чилинить	чинить
50	26	1694	1684
56	2	до	да
64	20	власти	волости
78	23	Стародубѣ	Стародубьѣ
81	20	возратись	возвратясь
—	27	колонизаторомъ	колонизаторамъ
108	31	,	.
110	29	черизъ	черезъ
116	2	Филаповца	Филиповца
128	9	иоселенія	населенія
150	40	Алекѣевъ	Алексѣевъ
153	20	расколпичьничьимъ	раскольничьимъ
154	30	книгахъ	Рѣчахъ
174	29	Рапсонъ	Распонъ.
230	32	людеи	людей
272	7	они	онъ
291	9	ж,	ж.
300	15	;	.
303	36	1835	1735
304	17	примѣрѣ	примѣру
316	67	Скорановъ	Скорняковъ
320	36	кельихъ	кельяхъ
343	30	Никольскаго	Нильскаго
350	11	воіемлющимъ	пріемлющимъ
355	25	духовныхъ	духовнымъ
361	8	Стародубѣ	Стародубьѣ
378	40	въ Гомелѣ	въ Гомелѣ;
389	26	Зеркала	Зерцала
392	20	Кимономъ	Нименомъ
396	27	рязчетъ	разчетъ
399	27	оотъ	отъ
408	24	Діаковщинѣ	Діаконовщинѣ
426	7	старообрадческимъ	старообрядческимъ
446	2	утвердився	утвердился.
455	1	погружительно	погружательно
458	3	одинимъ	одинъ
489	10	особловой	особливой